

ВЫЛОЕ

ЖУРНАЛЪ ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСТОРИИ

ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

ГОДЪ ВТОРОЙ

№ 10¹⁰/22. ОКТЯБРЬ 1907

ПЕТЕРБУРГЪ

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Лиговская ул., 44, кв. 22.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа** **каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіеся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятая статья подвергается сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятая рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ранѣе какъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР
1. Россія подь охраной. (Историческій очеркъ) Н. И. Фалѣва	1
2. Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ. А. И. Иван-чина-Писарева	44
3. Изъ архива Г. И. Успенскаго	59
4. Письма Герцена къ Марко-Вовчку	63
5. Изъ записокъ императора Николая I.	76
6. Изъ прошлаго партіи социалистовъ-революціонеровъ. А. Аргунова	94
7. „Бунтъ“ пересыльныхъ политическихъ въ красноярской тюрьмѣ. (Изъ воспоминаній). Як. Заполярнаго.	115
8. „Священная Дружина“ и „Народная Воля“. Записка К. А. Бороздина съ примѣчаніями Н. Я. Николадзе	123
9. Процессъ пятидесяти. (Всероссійская Соціально-Революціонная Организациія. 1874—77. (Окончаніе). И. С. Джабадари	168
10. Изъ пережитого. В. А. Данилова.	198
11. Изъ дальнихъ лѣтъ. (Отрывки изъ воспоминаній 1869—1872 гг.). С. Л. Чудновскаго	218
12. Отголосокъ давнихъ дней. (По поводу ст. М. Р. Шопова). Н. А. Морозова.	241
13. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы. (Продолженіе). И. П. Бѣлоконскаго	246
14. Дѣло о покушеніи 16 лицъ на жизнь генерала Трепова въ 1905 году	271

15. Историческая библиографія: I. Декабристы. Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ. Изд. В. М. Саблина.—**Н. С. Р—ва**. II. Исторія Россіи въ XIX в. Изд. Гранатъ и К^о.—**С. III. С. А. Венеровъ**. Очерки по исторіи русской литературы. IV. **А. И. Герцень**.— О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Изданія Павленкова и Саблина.—**Д. П. Сильчевского**. *Николай Тургеневъ*.— Россія и русскіе. — Библіотека декабристовъ.—**Н. Катина**. 308
16. Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію 321
17. **Матеріалы, документы и мелкія замѣтки**. (Къ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Сообщ. **Н. Ю. Д.**—73. Къ біографіи Н. И. Костомарова. Сообщ. **В. П. Батуричскій**—89. Къ біографіи Петра Алексѣева—113).
18. Письма въ редакцію: I—**Н. Сентянина**, II—**Б. Кадера**. 324
19. Объявленія. 326

Къ этой книгѣ приложены портреты Г. И. Успенскаго (не бывшій въ печати), декабриста кн. С. П. Трубецкаго (въ молодости) и рабочаго П. А. Алексѣева.

Сентябрьская книга журнала „Былое“ конфискована по постановленію Спб. комитета по дѣламъ печати и по этой причинѣ не могла быть разослана иногороднимъ подписчикамъ.

Digitized by the Internet Archive
in 2023

ГЛЕБЪ УСПЕНСКІЙ.

Россія подъ охраной.

(Историческій очеркъ).

I.

Теоретики-конституціоналисты утверждаютъ, что государство, какъ и отдѣльное лицо, должно обладать правомъ «необходимой обороны», и въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлостности государства или установленному правопорядку грозитъ опасность, оно можетъ дѣйствовать въ качествѣ физическаго лица и отражать нападеніе нападеніемъ.

Колоритное выраженіе этого права можно видѣть въ существованіи исключительныхъ законовъ, которыми государство борется противъ нападений. Такіе законы существуютъ вездѣ, гдѣ есть государство, а у насъ они получили такое богатое развитіе, что никакія аналогіи съ другими государствами положительно недопустимы.

Россія за періодъ около сорока лѣтъ пережила и переиспытала самыя пестрыя и разнообразныя формы правительственной необходимой обороны. Исключительные порядки управленія господствовали въ самыхъ причудливыхъ формахъ: даже болѣе — въ Россіи неизвѣстенъ совершенно тотъ порядокъ управленія, который обыкновенно называется нормальнымъ, и нигдѣ въ законѣ нѣтъ указаній на структуру этого нормальнаго правового состоянія.

И несмотря на длительный процессъ существованія исключительныхъ охранъ, подъ которыми выросло все современное населеніе Россіи, въ обществѣ существуютъ самыя неясныя представленія объ этихъ охранахъ. Исключительный порядокъ за давностью сдѣлался нормальнымъ. Онъ близко стоитъ передъ глазами, настолько близко, что мы съ трудомъ различаемъ его. А между тѣмъ именно теперь онъ достигъ своего апогея и всякое дальнѣйшее его развитіе стало совершенно невозможнымъ и фактически, и юридически.

Въ настоящій моментъ важно не столько уяснить сущность исключительныхъ положеній, сколько исторію ихъ развитія. Сущность ихъ воспринята частью теоретически, частью на практикѣ послѣднихъ лѣтъ. Но поразительное вліяніе охранъ на всю политическую, культурную и частную жизнь страны вовсе не обследовано. Съ 1881 года охраны развивались неудержимо, захватывая огромныя территоріи и

милліоны населенія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ единственнымъ во всемирной исторіи случаемъ непрерывающейся необходимой обороны на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Здѣсь наблюдается съ одной стороны постепенное и твердое расширеніе власти администраціи, предоставленіе ей огромныхъ полномочій, а съ другой — самое открытое и неограниченное стѣсненіе правъ населенія. И чтобы уяснить значеніе этой борьбы, — приходится устанавливать номенклатуру охранныхъ мѣръ.

Низшею ступеню охраны является принятіе отдѣльныхъ охранныхъ мѣръ въ той или другой области Россіи. Обыкновенно въ данномъ случаѣ дѣло ограничивается предоставленіемъ администраціи нѣкоторыхъ полномочій по изданію обязательныхъ постановленій и правъ по производству обысковъ и высылкѣ неблагонадежныхъ лицъ изъ предѣловъ охраняемой мѣстности.

Затѣмъ слѣдуетъ *усиленная охрана* — наиболѣе распространенный способъ расширенія правъ администраціи. Примѣненіе охраны связано съ осуществленіемъ всѣхъ исключительныхъ полномочій въ полной мѣрѣ.

Чрезвычайная охрана предполагаетъ наличность большей опасности для государственнаго порядка и совмѣщаетъ въ себѣ большее расширеніе полномочій администраціи.

Вышею ступеню охраны является объявленіе данной мѣстности на *военномъ положеніи*, при которомъ всѣ права администраціи переходятъ къ представителямъ военной власти. Гражданскія власти несутъ уже ограниченныя обязанности и имѣютъ субсидіарное значеніе въ управленіи.

При недостаткѣ средствъ военнаго положенія, можетъ быть объявляемо *осадное положеніе*, при которомъ вступаютъ въ силу нормы, установленныя для мѣстностей, осаждаемыхъ непріателемъ во время войны.

Положенія объ усиленной и чрезвычайной охранѣ были созданы въ эпоху самой тяжелой реакціи — въ 1881 году, вскорѣ послѣ событія 1-го марта. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что до этого времени въ Россіи вовсе не было исключительныхъ охранъ; какъ увидимъ ниже, исключительныя полномочія администраціи существовали и ранѣе, и только окончательную формулировку получили въ 1881 году.

Самымъ старѣйшимъ положеніемъ является положеніе военное, начало котораго относится къ эпохѣ Отечественной войны; въ разное время оно пересматривалось и передѣлывалось, пока, наконецъ, недостатки его не были обнаружены на практикѣ въ войну 1877 — 78 гг. Послѣдніе законы о военномъ положеніи были изданы въ 1876 году, современное военное положеніе регламентируется закономъ 26 февраля 1890 года.

Точно также и положеніе осадное выработано въ сравнительно недавнее время. Это объясняется тѣмъ, что прежде считали возможнымъ ограничиваться военнымъ положеніемъ, какъ высшей степенью охраны. Но къ 1903 году выяснилась необходимость усилить охранные средства мѣрами болѣе рѣшительнаго свойства, и 13 сентября того же года было опубликовано новое положеніе объ управленіи

крѣпостями. Оно вошло въ специальное военное законодательство и, хотя и затрагиваетъ всю внутреннюю жизнь страны, тѣмъ не менѣе, стоитъ внѣ всякаго воздѣйствія общей законодательной власти и вѣдѣнія гражданскихъ агентовъ исполнительныя власти.

Приведенный нами перечень представляется исчерпывающимъ.

Самое характерное для всѣхъ видовъ охраны — это отсутствіе яснаго и точнаго разграниченія охранныхъ средствъ. Никакая власть не можетъ установить критерій, положенія перепутываются и смѣшиваются, и только одно стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и смѣшенія — ограниченіе права населенія. Эту характерную черту выдвигали всѣ бюрократическія комиссіи, пересматривавшія охранные законы.

На протяженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ у насъ господствовало положеніе усиленной и чрезвычайной охраны. Только онѣ имѣютъ право на историческое изученіе. Военное и осадное положенія занимаютъ скромное мѣсто въ циклѣ охранъ; ихъ существованіе очень недавно, и къ нимъ приходится относиться какъ къ существующему факту.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы совершенно отрѣшаемся отъ юридическихъ констукцій и ограничиваемся общественно-историческимъ изложеніемъ.

II.

Романтическая эпоха великихъ реформъ подходила къ концу. На смѣну ей выступали мѣры полицейскаго предупрежденія и пресѣченія.

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Россіи совершенно неожиданно обнаружился рабочій вопросъ. Въ немъ не было современной остроты, промышленность развивалась спокойно и тихо, упорядоченіе рабочаго дня и заработной платы производилось исподволь и зачастую путемъ добровольныхъ соглашеній. И все-таки отношенія между предпринимателями и рабочими вполнѣ уже опредѣлились къ тому времени. Правительство, въ его полицейской дѣятельности, не могло не замѣчать, что рано или поздно отношенія эти должны обостриться, что между двумя сторонами „свободнаго рабочаго договора“ сама собою возникаетъ и длится безпрестанная капиталистическая борьба.

Въ свою очередь и сильные промышленники понимали, во что можетъ вылиться эта борьба съ развитіемъ фабричнаго производства. И правительству, въ лицѣ его полицейскихъ агентовъ, и капиталистамъ приходилось, быть можетъ, впервые задумываться о самозащитѣ и измышлять тѣ приемы, которыми можно было бы обезпечивать себѣ болѣе или менѣе спокойное существованіе. Надо было изобрѣсти мѣры, посредствомъ которыхъ можно было бы вести промышленныя предпріятія съ наименьшимъ рискомъ.

И какъ это ни странно, но изъ этого источника проистекаютъ первыя законодательныя нормы, которыя потомъ легли въ основу охранной дѣятельности государства, поскольку она проявилась потомъ въ законѣ 1881 года.

Въ 1870 году 6 іюля министръ внутреннихъ дѣлъ дѣлаетъ до-

кладъ о необходимости принятія мѣръ противъ стачекъ рабочихъ. Этотъ докладъ утверждается, разсылается мѣстнымъ начальствамъ, но опубликованію не подвергается, «дабы не возбуждать умовъ», — и становится не опубликованнымъ, но обязательнымъ къ исполненію закономъ. Да въ иной постановкѣ въ то время надобности и не встрѣчалось: достаточно было, если органы власти, которые призывались стоять на стражѣ закона, знали этотъ законъ, а всѣ обязанные къ исполненію этого закона, должны были играть пассивную роль въ правительственныхъ экспериментахъ.

Несомнѣнно, неопубликованный законъ исполнялся не вездѣ одинаково. Сами мѣстные власти, по неопытности, по отсутствію практики въ рабочихъ вопросахъ, иногда добросовѣстно заблуждались и просили у центральныхъ учреждений разъясненія. Правительству ничего не оставалось, какъ издать по тому же самому поводу новый законъ, точно также не опубликовать его и направить къ дѣйствию. Этотъ новый законъ по вопросу о стачкахъ былъ изданъ въ сентябрѣ 1871 года, даже безъ точной даты дня утвержденія, и долженъ былъ служить разъясняющимъ предыдущій законъ.

Но это было только началомъ. Стала развиваться печать. Въ обществѣ появились дѣятели и дѣлатели. Земскія и городскія учрежденія насчитывали въ своихъ рядахъ выдающихся людей. Молодежь говорила вслухъ о несовершенствахъ строя. Возникали отдѣльныя группы, ставившія себѣ задачею переустройство всего общественнаго уклада. Началось хожденіе въ народъ. Передъ полицейскими зрачками страны стали выростать новыя явленія, грозящія или могущія грозить государственной привычкѣ къ извѣстному укладу.

Власти принимали мѣры по своему усмотрѣнію, дѣйствовали на собственный страхъ и рискъ, не имѣя ничего другого, кромѣ общихъ законовъ; а ими трудно было бороться съ новыми явленіями. Третье отдѣленіе завалено большими сложными вопросами. Отовсюду приходятъ угрожающіе симптомы. Молодые общественныя силы говорятъ слишкомъ громко и властно, призракъ опасности растетъ.

Бороться съ рабочимъ вопросомъ путемъ предупрежденія стачекъ оказывается недостаточнымъ, и 26 августа 1878 г. объявляется законъ, который предоставляетъ чинамъ общей и жандармской полиціи—«свободный доступъ на всѣ фабрики и заводы во всякое время съ тѣмъ, чтобы обыски на нихъ или аресты были производимы въ присутствіи завѣдывающаго фабрикою или заводомъ».

Но въ то же самое время броидильные ферменты разошлись уже по всей территоріи страны. То тамъ, то тутъ губернскія власти соприкасались съ общественными дѣятелями, которые вліяли на общество и присутствіе которыхъ въ губерніи могло оказаться не безопаснымъ для общественнаго порядка. Третье отдѣленіе понимаетъ начавшееся броженіе и принимаетъ полицейскія мѣры; но такъ какъ эти явно реакціонныя мѣры могутъ въ свою очередь вызвать нежелательныя осложненія въ общественной жизни, то приходится маскировать ихъ и въ то же время развязывать стѣсненныя руки администраціи. Въ томъ же 1878 году 24 мая третье отдѣленіе ходатайствуетъ объ утвержденіи правилъ объ административной высылкѣ не-

благонадежныхъ элементовъ общества. Законъ этотъ, какъ и всякій рискованный законъ того времени, издается, но не публикуется.

Весь 1878 годъ можегъ быть признанъ критическимъ годомъ въ исторіи нашихъ охранъ. Все, что свершалось до этого времени и что такъ или иначе отражалось на общемъ укладѣ, было извѣстно обществу въ формѣ слуховъ. Печать была нѣма, а событія—иногда мелкія и незамѣтныя, иногда очень крупныя—совершались и колебали общественное спокойствіе. Революціонная пропаганда къ этому времени стала уже достаточно замѣтной. Скрывать начавшееся броженіе было бы едва ли цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что повсемѣстно происходили столкновенія властей и населенія, было даже нѣсколько террористическихъ актовъ. Въ такую минуту правительство видитъ себя вынужденнымъ выступить съ деклараціей и открыть свои карты.

Въ именномъ указѣ 9 августа на первое мѣсто выдвигается реальная угроза. «Повторяющіеся въ послѣднее время,—говоритъ указъ, случаи государственныхъ преступленій, явнаго неповиновенія и сопротивленія властямъ, отъ правительства установленнымъ, и цѣлый рядъ злодѣяній, направленныхъ противъ должностныхъ лицъ, при обстоятельномъ разслѣдованіи сихъ преступленій, несомнѣнно свидѣлствуютъ о существованіи круга тайныхъ злоумышленниковъ, которые, подъ вліяніемъ социально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію всего государственнаго строя».

«Отвергая необходимость всякаго общественнаго порядка,—говорится далѣе,—неприкосновенность собственности, святость семейнаго союза и даже самую вѣру въ Бога, злодѣи эти, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, не останавливаются ни предъ какими средствами, сколь бы гнусны и безнравственны они ни были, и дерзкимъ совершеніемъ самыхъ коварныхъ злодѣяній возмущаютъ общественное спокойствіе и угрожаютъ безопасности властей, правительствомъ установленныхъ, на которыхъ лежитъ священный долгъ охраны общества и противодѣйствія этимъ разрушительнымъ преступнымъ стремленіямъ. Послѣдовательное проявленіе этихъ необычайныхъ злодѣяній вызываетъ необходимость неотложнаго принятія такихъ временныхъ исключительныхъ мѣръ, которыя обезпечивали бы наиболѣе быструю и строгость наказуемости оныхъ».

Послѣ такой деклараціи предписывается «подчинить, временно, дѣла о таковыхъ преступленіяхъ вѣдѣнію военныхъ судовъ, съ примѣненіемъ ими наказаній, установленныхъ военно-уголовными законами для военнаго времени».

Этотъ указъ является краеугольнымъ камнемъ въ дальнѣйшей охранной дѣятельности правительства. Здѣсь впервые получили названіе охранныя мѣры, отсюда истекаетъ особая дѣятельность военныхъ судовъ, которая не уменьшаясь продолжается и въ наше время; но самымъ характернымъ является ссылка на «временность» этихъ мѣръ.

Однако, необходимо оговориться, что указъ этотъ явился не самостоятельнымъ: за день до его появленія было издано негласное высочайшее повелѣніе «объ исключительныхъ мѣрахъ къ охраненію общественнаго порядка». Это распоряженіе продолжаетъ оставаться

секретнымъ до настоящаго времени, но содержаніе его разсказывается во всѣхъ послѣдующихъ законахъ. Въ немъ было кодифицировано все, чѣмъ дѣйствовала до того времени полицейская власть, излагались подробно полномочія администраціи по высылкѣ и арестамъ неблагонадежныхъ лицъ, по производству обысковъ, по организаціи сыска, по наблюденію за обществомъ, по мѣрамъ противъ печати, по надзору за агентами власти и общественныхъ организацій и т. п.

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ, именно 1 сентября того же года, — понадобилось новое высочайшее повелѣніе, которое дополнило и развило нѣкоторыя положенія указа 8 августа, и въ теченіе всего года въ разное время издавались отдѣльныя распоряженія по примѣненію военного процесса и смертной казни за нападенія на должностныхъ лицъ.

Однако, несмотря на всѣ принятыя мѣры, положеніе продолжало обостряться. Жизнь словно издѣвалась надъ принимаемыми мѣрами. Представители полицейской власти вполнѣ искренно полагали, что обостреніе — случайно и преходяще, что «увлеченія» общества легко разсѣять мѣрами репрессій, что всѣ эксцессы исчезнутъ, разъ только въ дѣятеляхъ не останется сомнѣній въ твердой рѣшимости преслѣдовать и наказывать выдающимися мѣрами всѣ посягательства. Въ такомъ именно духѣ и производились доклады и министромъ внутреннихъ дѣлъ, и министромъ юстиціи, и начальникомъ третьяго отдѣленія; въ такихъ именно цѣляхъ и устанавливались временныя охраны. Но все, съ чѣмъ боролись и противъ чего изобрѣтали средства, — расширялось качественно и количественно. И чѣмъ строже были мѣры воздѣйствія, тѣмъ больше рѣшимости проявлялось въ странѣ. Печать по-прежнему молчала, кромѣ органовъ явно-реакціонныхъ; эти послѣдніе пользовались всякимъ случаемъ, чтобы лишній разъ подтвердить необходимость «рѣшительныхъ и крайнихъ мѣръ».

Создавалось представленіе о недостаточности принятыхъ мѣръ. Съ мѣсто приходили категорическія заявленія о невозможности охранять порядокъ, о полезности болѣе точной регламентаціи репрессій, о предоставленіи власти большихъ полномочій. Въ центрѣ прислушивались къ этому, а въ средствахъ не хотѣли видѣть недостатка.

Въ такой обстановкѣ и въ явную противность указаніямъ жизни и дѣйствительности обнародывается 5 апрѣля 1879 года знаменательный указъ сенату, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе отношеніе правительства къ совершающемуся:

«Событія послѣдняго времени, — говорится тамъ, — съ очевидно-стью указываютъ на существованіе въ Россіи если не многочисленной, то упорной въ преступныхъ заблужденіяхъ своихъ шайки злоумышленниковъ, стремящейся подорвать всѣ основы государственнаго и общественнаго быта. Не ограничиваясь распространеніемъ путемъ печати въ разсылаемыхъ тайно прокламаціяхъ самыхъ возмутительныхъ ученій, клонящихся къ ниспроверженію догматовъ религіи, союза семейственнаго и правъ собственности, злодѣи эти неоднократно покушались на жизни высшихъ сановниковъ Имперіи и другихъ лицъ, облеченныхъ правительственною властью. Наконецъ рядъ злодѣйствъ завершился преступнымъ покушеніемъ на цареубійство.

«Такія злодѣянія и отсутствіе всякаго раскаянія въ тѣхъ изъ злоумышленниковъ, которые до настоящаго времени были обнаружены, обратили вниманіе Наше на необходимость прибѣгнуть къ исключительнымъ временнымъ мѣрамъ, какъ для примѣрнаго наказанія виновныхъ, такъ и для предоставленія лицамъ, облеченнымъ правительственною властью, особыхъ правъ, въ видахъ охраненія общественнаго порядка».

Собственно говоря, указъ 5 апрѣля не больше не меньше, какъ вводилъ на огромномъ пространствѣ Имперіи военное положеніе. Уже не было рѣчи о палліативахъ. Прибѣгали къ послѣднему, что было въ распоряженіи власти—къ содѣйствію военной силы.

По этому указу были назначены три временныхъ генераль-губернатора: въ Петербургѣ—генераль Гурко, въ Харьковѣ—гр. Лорисъ-Меликовъ, въ Одессѣ—инженеръ-генераль Тотлебенъ.

Имъ, какъ и генераль-губернаторамъ Москвы, Кіева и Варшавы, были предоставлены временныя исключительныя полномочія. Прежде всего были только отчасти опредѣлены тѣ мѣстности, которыя входятъ въ районъ исключительныхъ положеній. Генераль-губернаторамъ этимъ были подчинены всѣ гражданскія власти въ размѣрѣ, установленномъ для военнаго времени положеніемъ о полевомъ управленіи войскъ. Всѣ учебныя заведенія, всѣ частныя учрежденія были поставлены въ зависимость отъ военной власти. Эта власть получила право преданія военнымъ судамъ гражданскихъ лицъ за всякія преступленія, хотя бы не выходящія изъ рамокъ обыденныхъ; законъ этотъ получалъ обратную силу даже въ отношеніи тѣхъ дѣлъ, которыя были совершены ранѣе обнародованія закона. Наконецъ, генераль-губернаторамъ было предоставлено право высылать административнымъ порядкомъ всѣхъ тѣхъ лицъ, пребываніе которыхъ въ мѣстности признается вреднымъ, право подвергать личному задержанію и по непосредственному своему усмотрѣнію всѣхъ лицъ, «не смотря на званіе и состояніе», право пріостанавливать и вовсе воспрещать изданіе журналовъ и газетъ и, наконецъ, право дискреціонной власти—«вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они признаютъ необходимыми для охраненія спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ».

Такія полномочія совершенно развязывали и безъ того свободныя административныя руки. Теперь уже для мѣстныхъ начальниковъ не оставалось сомнѣній о предѣлахъ дозволеннаго и законнаго, ибо они сами творили законъ и принимали любыя мѣры, какія имъ заблагоразсудится. Съ полнымъ основаніемъ тогда говорили въ обществѣ, что страна превратилась въ непріятельскій лагерь, гдѣ бродили вооруженные люди, опасаясь и за порядокъ, и за себя лично. Никто не зналъ что и какъ можетъ быть наказано. Промышленность должна была неминуемо пасть. Въ учебныхъ заведеніяхъ воцарились порядки, совершенно чуждые образованію. Въ обществѣ господствовало настроеніе придавленности. Паника была всеобщей. Газеты—и безъ того безцвѣтныя—обесцвѣтились еще болѣе. И въ тайникахъ общества справедливо высказывалось сомнѣніе въ правдивости правительственнаго сообщенія: если «шайка злоумышленниковъ—не велика», то для чего

дѣлать Россію, всю огромную Россію на военные участки и вводить полевое положеніе? А если эта «шайка» велика, то могутъ ли временныя мѣры достичь цѣлей, ради которыхъ онѣ приняты?

Ни въ какое другое время—ни прежде, ни потомъ—не создавалось такого невозможнаго гражданскаго состоянія. Дискреціонныя полномочія были непосильны не только для населенія,—сами власти были ими чрезмѣрно перегружены. Зачастую не знали, что предпринять въ томъ или другомъ случаѣ. Нерѣдко сомнѣвались даже въ границахъ предоставленныхъ полномочій, и вслѣдъ за этимъ начинается длинная и малодѣйствительная работа различныхъ министерствъ по разъясненіямъ: разъясняютъ каждый пунктъ новаго указа, комментируютъ всякое положеніе, создаютъ казуистическія, неточныя опредѣленія, справляться съ которыми представляется затруднительнымъ. Изъ массы разъясненій отмѣтимъ указы 8 апрѣля, 11-го и 20-го апрѣля, 20 іюня, 13 іюля и другіе—всѣ относящіеся къ тому же 1879 году.

Общее впечатлѣніе отъ всей этой массы экстренной законодательной дѣятельности—крайне невыгодно для правительства того времени. Чувствуется за грозными строками и параграфами растерянность власти, которая кидается изъ стороны въ сторону, отыскивая корни нестроений, бродя впотьмахъ, натываясь неожиданно на невѣдомыя явленія и стараясь парализовать ихъ мѣрами, которыя ближе находятся подъ руками въ данную минуту.

Очень характерно для того времени слѣдующее обстоятельство.

Послѣ изданія указа 5 апрѣля въ министерствѣ юстиціи тотчасъ же возникло сомнѣніе относительно пригодности военнаго суда для сужденія всякихъ общихъ преступныхъ дѣяній. Примѣненіе упрощенной юстиціи съ упрощеннымъ процессомъ военнаго времени,—словомъ, самое рѣшительное уклоненіе отъ судебныхъ уставовъ 1864 г., отъ всѣхъ культурныхъ завоеваній царствованія, вдругъ показалось недостаточнымъ. Казалось—мало передать дѣло военному трибуналу. Здѣсь еще недостаточно охраняется быстрота процесса и наказанія. И вотъ спѣшно изготовляется министромъ юстиціи докладъ и черезъ три дня, т. е. 8 апрѣля, преподносится къ Высочайшему подписанію.

Докладъ предлагалъ, въ видахъ достиженія наибольшей скорости и быстроты въ движеніи и «разрѣшеніи дѣлъ», отказаться отъ процессуальныхъ сроковъ военнаго времени и довести ихъ до возможнаго минимума. Предложеніе министра юстиціи предвосхищало идею военно-полевой юстиціи, которой суждено было возникнуть въ 1906 году,—съ одной стороны, и самыхъ послѣднихъ правилъ о сокращеніи сроковъ военнаго процесса—27 іюня 1907 года—съ другой.

Указъ былъ подписанъ и сообщенъ для исполненія. Съ тѣхъ поръ военная юстиція пошла ускореннымъ темпомъ, именно такимъ, какимъ она не шла даже во время военныхъ операцій на полѣ сраженія.

Рѣшили отказаться отъ производства предварительныхъ слѣдствій, которыя только затягивали срочность процесса, и довольствоваться исключительно данными, собранными при дознаніи. Самый процессъ упростили настолько, что дѣло могло оканчиваться въ теченіе

трехъ сутокъ. Самое судебное засѣданіе, какъ и въ наше время, могло происходить въ отсутствіе свидѣтелей, довольствуясь ихъ письменными показаніями при дознаніи. Генераль-губернаторы были облечены правомъ кассационныхъ инстанцій — они могли направлять дѣло на разсмотрѣніе главнаго военнаго суда, могли образовывать самостоятельное кассационное присутствіе, имѣли право вовсе не допускать кассационнаго производства и собственною властью подтверждать приговоръ и приводить его въ исполненіе.

Паническій страхъ передъ развивающеюся крамолой заставлялъ поступаться многимъ, что было сдѣлано въ эпоху великихъ реформъ. Въ жертву военной юстиціи были принесены принципы единства судебной власти. Недовѣріе къ общественнымъ дѣятелямъ и къ выборному элементу въ управленіи, боязнь неблагонадежныхъ и крамольниковъ на официальныхъ должностяхъ заставили отречься отъ самыхъ святыхъ догматовъ выборнаго управленія и суда.

Самымъ яркимъ выраженіемъ этого правительственнаго шага можетъ служить высочайше утвержденное 19 августа 1879 года положеніе комитета министровъ, которое предоставляло губернскому начальству особые права при замѣщеніи должностей по земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, что нерѣдко вело къ удивительно нелѣпымъ конфликтамъ выборныхъ и назначаемыхъ властей.

Сказаннаго достаточно, чтобы уяснить ту обстановку, въ которой приходилось жить освобожденной отъ крѣпостничества странѣ. словно отъ завѣтовъ 60 хъ годовъ ничего не осталось, а сами завѣты потеряли свое содержаніе. Полицейская регламентація и сыскъ проникли всюду. Не оставалось уже мѣста для общественной самостоятельности. Реакція шла неприкрытая, простоволосая...

Цѣлый рядъ мѣстностей объявлялся на военномъ положеніи, огромныя территоріи ставились въ исключительное положеніе по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Обыватели были напуганы. Слухи — самые вздорные и нелѣпые — зрѣли и росли, подогреваемые молчаніемъ печати.

Пестрота указовъ и распоряженій, объявленныхъ и не обнародованныхъ, дѣйствовала угнетающе. Никто, даже сами представители администраціи, не могли судить о количествѣ распоряженій этого рода. Самыя возмутительныя насилія совершались подъ охраной неопубликованныхъ законовъ. Протестантамъ указывали на угрозу закона, не указывая самаго закона.

Практика по такого рода дѣламъ отличалась значительнымъ разнообразіемъ. Принципъ дискреціонности власти неминуемо долженъ былъ создать пестроту и разнообразіе въ управленіи. Политика генераль-губернаторовъ, этихъ полновластныхъ начальствъ, опредѣлялась ихъ собственнымъ усмотрѣніемъ. Отсюда легко видѣть, что въ противорѣчій недостатка не было. Личный составъ мѣстной администраціи служилъ единственнымъ критеріемъ въ этомъ отношеніи. Что вызывало усиленныя репрессіи въ Петербургѣ, то проходило незамѣченнымъ гдѣ-нибудь въ Харьковѣ и влекло ничтожныя мѣры въ Москвѣ или Кіевѣ. Сами мѣстныя начальства, чтобы парализовать вредность неопубликованныхъ законовъ, издавали отдѣльныя обяза-

тельные къ исполненію распоряженія, но и эти послѣднія часто противорѣчили одно другому и увеличивали безъ того огромный багажъ правительственныхъ распоряженій. Получалась невозможная запутанность понятій.

Наконецъ, законъ 9 августа 1878 года, измѣнившій подсудность дѣлъ объ оскорбленіи должностныхъ лицъ и сопротивленіи властямъ, не могъ имѣть того значенія, какое на него возлагалось. Получилось странное положеніе: законъ имѣлъ въ виду преступленія, совершаемые по политическимъ побужденіямъ и направленные всецѣло противъ политическаго уклада того времени. Но на практикѣ, въ жизни, по этому закону стали отвѣчать не политическіе дѣятели, а крестьянскія массы, для которыхъ за малѣйшіе протесты противъ распоряженій мѣстныхъ полицейскихъ дѣятелей наступала исключительная подсудность.

Одно очень важное явленіе, переживаемое нами и въ настоящее время, получило свое начало въ эпоху зарожденія исключительныхъ мѣръ. Право издавать обязательныя постановленія не было введено въ границы. А потому не странно, что генераль-губернаторы присвоили себѣ право не только изыятія изъ общей подсудности цѣлаго ряда дѣлъ и подчиненія ихъ административному разсмотрѣнію, но и права увеличенія наказаній, установленныхъ закономъ, до максимальныхъ ступеней своей власти. Уголовный законъ, такимъ образомъ, былъ поставленъ подъ власть губернскаго начальства, а отсюда было уже недалеко до признанія, что власть губернатора превышаетъ всѣхъ властей,—а законодательной власти страны тѣмъ паче.

Что касается объема административной высылки, то въ этомъ отношеніи администрація не хотѣла знать никакихъ ограниченій. Законъ давалъ голое право высылки изъ губерніи неблагонадежнаго лица, а мѣстные законодатели устанавливали тѣ пункты, гдѣ административно-ссылаемый долженъ былъ находиться во время ссылки. Изъ мѣры полицейскаго предупрежденія получилась мѣра карательнаго воздѣйствія. А для того, чтобы эта новая карательная мѣра была сильнѣе и устрашительнѣе, нѣкоторые генераль-губернаторы избирали для ссылки не болѣе, не менѣе, какъ мѣста Восточной Сибири. Нѣкоторые изъ нихъ довольствовались близкими окраинами, но всѣ они дѣйствовали такъ, какъ того не требовали интересы охраны порядка.

Глухое недовольство росло съ каждымъ днемъ. Власти слѣпо и безнуждно поддерживали это раздраженіе и своими распоряженіями питали глубокое недовольство, переводя въ ряды недовольныхъ самые благонадежные элементы населенія.

Мы не можемъ удержаться, чтобы не привести одинъ яркій примѣръ изъ практики того времени. Дѣятели 60-хъ годовъ такъ привыкли гордиться культурными завоеваніями, администраторы изъ бывшихъ либераловъ такъ хотѣли казаться провомѣрными и хранителями культурныхъ задачъ эпохи. Они на словахъ уважали печать, лишая ее тѣни свободы, уважали судъ, ограничивая его самыми маловажными проступками, уважали мѣстное самоуправленіе. И въ то же самое время, пользуясь закономъ 19 августа 1879 года объ «аттестованіи» лицъ, избираемыхъ на разныя должности, господа губерна-

торы писали длинные секретные трактаты о неблагонадежности самых уважаемых и благонадежных лиц данной мѣстности. Вмѣшиваясь въ выборы, налагая свою тяжелую руку на общественный ростъ, правители иногда добивались полного отреченія отъ институтовъ 60-хъ годовъ. Благодаря этому, вятская губернія, напримѣръ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могла завести у себя выборнаго института мировыхъ судей, и край оставался безъ нихъ потому, что мѣстныя начальства никакъ не могли аттестовать избираемыхъ благонадежными хранителями порядка.

Все, что мы рассказываемъ, относится не къ 80-мъ годамъ, которые мы привыкли называть годами тяжелой реакціи. Нарисованное положеніе государственной жизни было въ концѣ 70-хъ годовъ, когда отъ всего предыдущаго оставались только романтическія либеральныя воспоминанія. А все, что совершалось потомъ и въ 80-хъ годахъ, то было только естественнымъ продолженіемъ предыдущаго.

Кажется, дальше идти было уже нельзя. Использовано было все, что можно было использовать. Угроза закона и мѣстнаго властителя висѣла надъ населеніемъ во всѣхъ случаяхъ его жизни.

И тѣмъ не менѣе «крамола» не стихала, она множилась, крѣпла, а въ 1881-мъ году завершилась событіемъ 1-го марта.

Для историка такіе факты являются самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ старой-престарой мысли о бесполезности репрессій. Но власти—центра и периферій—не хотѣли или не могли понимать такихъ важныхъ подтвержденій.

Чтобы окончательно характеризовать разсмотрѣнный періодъ, необходимо привести исчерпывающій перечень тѣхъ отдѣльныхъ законовъ, которые были изданы тогда и которые создали фундаментъ для современной охраны Россіи.

Вотъ этотъ небольшой списокъ: 1, Высочайшее повелѣніе 6 іюля 1870 г. по докладу министра внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ противъ стачекъ рабочихъ, 2, новое повелѣніе въ разъясненіе предыдущаго, изданное въ сентябрѣ 1871 г., 3, Высочайшее повелѣніе 24 мая 1878 г. по докладу главнаго начальника III отдѣленія объ административной высылкѣ, 4, законъ 8 августа того же года объ обыскахъ на фабрикахъ и заводахъ, 5, Высочайшее повелѣніе отъ 8 августа о мѣрахъ къ охраненію порядка, 6, именной указъ 9 августа о подсудности государственныхъ преступленій, 7, разъясненіе къ нему, 8, Высочайше утвержденныя правила 1 сентября объ особыхъ мѣрахъ къ огражденію спокойствія. 9, правила о пропискѣ видовъ на жительство и о надзорѣ за обывателями. 10, законъ 5 апрѣля 1879 г., 11—16—шесть законовъ въ разъясненіе предыдущихъ, 17—19, законы о порядкѣ замѣщенія должностныхъ лицъ по выборамъ,—19 августа и 26 сентября 1879 года.

III.

Мартъ и апрѣль 1881-го года—это эпоха огромнаго государственнаго перелома. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ русло государственной жизни рѣзко мѣняется и безповоротно идетъ по пути усиленія ре-

прессій. Все, что мало-мальски возвышалось надъ общимъ уровнемъ, уходитъ, чтобы уже больше никогда не возвращаться къ дѣятельности. Все, что могло заявить себя со стороны реакціи за время 1879—80 гг., выдвигается, чтобы надолго господствовать и вліять во всѣхъ сторонахъ общественнаго и государственнаго бытія.

Темныя силы изъ тайниковъ притаившейся жизни выползаютъ наружу повсемѣстно и путемъ клеветы, злословій, нелѣпыхъ слуховъ, самыхъ гнусныхъ инсинуацій добираются до самыхъ основъ общественнаго устройства. Реакціонная печать высоко поднимаетъ голову и протягиваетъ указующій перстъ въ сторону дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ виновниковъ событій того времени. Естественно, что всѣ принятыя ранѣ мѣры охраны объявляются недѣйствительными, непригодными; громко говорятъ о необходимости новыхъ мѣръ, болѣе сильныхъ и болѣе рѣшительныхъ. Но въ законодательномъ порядкѣ идти далѣе уже некуда. Использовано все. Кричатъ о слабости власти, о нахожденіи при власти скрытыхъ и потенціальныхъ революціонеровъ. Пускаютъ самые отвратительные слухи въ темную среду народа. Пользуются всякимъ случаемъ, чтобы вызвать народный гнѣвъ на тѣхъ, кто всегда и во всѣхъ нестроеніяхъ русской жизни предполагался виновнымъ—на евреевъ.

Террористическіе акты послѣдняго времени, взволнованная общественная мысль—все это приписывается евреямъ и ихъ проицамъ. Въ народъ пошли люди, но уже другого порядка. Началось хожденіе въ народъ особыхъ агитаторовъ, которые пользовались всякимъ представляющимся случаемъ, чтобы посѣять и разжечь вражду къ евреямъ.

И начинаются погромы. Громятъ въ Кіевѣ, громятъ въ Баку, въ Полтавской губерніи, въ Елисаветградѣ, въ многострадаальной Одессѣ. Въ другихъ мѣстахъ происходятъ столкновенія между православными и евреями. Громятъ неумѣло, нестройно, но откровенно и примѣшивая къ политическимъ мотивамъ мотивы корысти и самаго гнуснаго разбоя.

Новое массовое явленіе въ тѣ времена вызывало другое отношеніе къ себѣ, нежели теперь. Вотъ, напримѣръ, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ Дрентельнъ взывалъ къ обществу: онъ просилъ «всѣхъ православныхъ честныхъ людей помочь начальству прекратить безпорядки и разореніе. Много грѣха надѣлали себѣ безумные люди, нападая на евреевъ и думая, что совершаютъ доброе дѣло. Богъ велѣлъ не дѣлать зла никому, а Царь не допуститъ безнаказанно грабежа и разоренія. Чѣмъ дольше будетъ народъ буйствовать, тѣмъ хуже будетъ всѣмъ, за виновныхъ и невинныхъ поплатятся. Пусть же виновные вспомянутъ Бога, котораго они прогнѣвили, пусть подумаютъ о Царѣ, котораго огорчили, пусть пожалѣютъ о своихъ родныхъ, которые за нихъ будутъ лить слезы, пусть подумаютъ обо всемъ этомъ и покаются. Повинную голову мечъ не сѣчетъ, только убійцамъ и тѣмъ злодѣямъ, что сбили съ толку простыхъ людей, прощенья не будетъ».

Несмотря, однако, на принимаемыя мѣры, погромы не прекращались: они произошли въ Черниговской и Таврической губерніяхъ, въ Варшавѣ, въ Херсонской губерніи и въ Харьковской.

Полиція не всегда безучастно относилась къ погромной дѣятельности. Есть официальныя данныя, заставляющія предполагать съ несомнѣнностью ея участіе въ погромахъ или безучастное отношеніе къ громимымъ. Губернскія власти, тѣмъ не менѣе, принимали различныя мѣры, но и въ ихъ распоряженіяхъ сквозило какое-то недоумѣніе по отношенію къ совершающимся событіямъ, словно онѣ не рѣшались употребить всей полноты власти для прекращенія позорныхъ избиеній и грабежей. Такъ, распоряженіями генераль-губернаторовъ полиціи было предписано производить аресты только въ исключительныхъ случаяхъ, при чемъ вмѣнялось въ обязанность составлять по этому поводу подробные протоколы съ изложеніемъ всѣхъ основаній и причинъ, вызывавшихъ лишеніе свободы; за неправильность протоколовъ грозили тяжкими наказаніями. Но—что самое оригинальное и характерное для того времени—это предписаніе дѣлать повсемѣстныя объявленія погромщикамъ и приглашать ихъ къ добровольному возвращенію вещей, награбленныхъ у евреевъ. Лицо, представившее такія вещи, должно быть освобождено отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Укрыватели вещей передавались въ распоряженіе мировыхъ судей. Осѣдлыхъ лицъ города воспрещалось вообще арестовывать, хотя бы улики противъ нихъ были несомнѣнны и въ ихъ владѣніи обнаруживались вещи, отнятыя у евреевъ.

«Правительственный Вѣстникъ» время отъ времени дѣлалъ официальныя сообщенія о судьбѣ погромщиковъ. Такъ онъ извѣщалъ, что въ южныхъ губерніяхъ задержано было 3.375 человекъ погромщиковъ и привлечено къ отвѣтственности 2.359 человекъ. Въ Варшавѣ изъ 3.151 погромщика преданы были суду 2.302 человека.

Если, однако, сопоставить эти официальныя цифры съ неофициальными свѣдѣніями лондонской «Times», то оказывается, что въ районѣ кievскаго генераль-губернаторства захвачено до 1000 человекъ, но предано суду 105 и административно выслано 274. Въ Одессѣ число арестованныхъ достигало 801 чел., изъ которыхъ 543 подверглось взысканіямъ судебнымъ и административнымъ порядкомъ, а выслано 558 чел. Въ Таврической губерніи было захвачено всего 124 чел., изъ которыхъ 88 подвергнуты наказаніямъ, а остальные освобождены. Въ Елизаветградѣ и другихъ мѣстахъ Херсонской губерніи арестовано было 900 чел., въ Екатеринославской изъ 341 чел. 296 были преданы суду. Въ Черниговской и въ различныхъ частяхъ Полтавской губерніи арестовано было свыше 500 чел. Въ Харьковской губерніи были судимы 795 лицъ.

Но тогда избѣгали процессовъ-монстръ и, по старинкѣ, прибѣгали къ административному воздѣйствію въ видѣ тѣлесныхъ наказаній. Порка примѣнялась особенно часто тамъ, гдѣ въ погромахъ принимали участіе крестьяне. Но и въ большихъ городахъ, какъ, на примѣръ, въ Варшавѣ, тѣлесное наказаніе погромщиковъ происходило въ особо-культурномъ бюрократическомъ порядкѣ: тамъ драли по купонамъ. Каждому виновному администрація выдавала купонъ, въ которомъ указывалось количество ударовъ для полученія предьявителемъ отъ особыхъ экзекуторовъ. Самые купоны предусмотрительно заносились въ исходящій журналъ. Газеты того времени приписывали та-

кое удачное изобрѣтенію г. г. Самарину, Сипягину и Мусину-Пушкину.

Администрація, производившая разслѣдованіе еврейскихъ погромовъ и причинъ ихъ, пришла къ самымъ страннымъ выводамъ: виновниками беспорядковъ, главными инспираторами, являлись незнакомые люди, которые говорили, что евреи главные бунтовщики, изъ-за которыхъ всѣ несчастія обрушиваются на Россію. Въ другихъ мѣстахъ указывали, какъ причину погромовъ, нежеланіе евреевъ переселяться въ «египетскую губернію», специально для нихъ отведенную правительствомъ для расселенія, и погромъ долженъ былъ только побудить евреевъ къ переселенію въ египетское губернаторство.

Погромы питались не только мѣстными нелѣпостями и инсинуациями объ евреяхъ. Съ апрѣля 1881 года правительство публично констатируетъ существованіе въ Россіи крамолы, которую надлежитъ задавить.

Охрана и исключительныя полномочія администраціи—все это должно было служить одной задачѣ—задавленію крамолы. Отсюда легко уже было заключить объ участіи евреевъ въ крамолѣ и порадѣть правительству устройствомъ погромовъ.

«Крамola» заняла господствующее положеніе во всей внутренней политикѣ того времени. Съ изданія манифеста 29 апрѣля это слово приобретаетъ особое значеніе.

Въ заключеніи къ манифесту было указано слѣдующее:

«Посвящая себя великому Нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить Намъ и государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей землю Русскую, къ утверженію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіяхъ учреждений, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея».

Скоро вслѣдъ за изданіемъ манифеста на должность министра внутреннихъ дѣлъ назначается гр. Игнатьевъ, и уже одно это обстоятельство создаетъ рѣшительный поворотъ въ сторону репрессій. Новый министръ глубоко проникается идеей объ искорененіи крамолы и въ этомъ видитъ всю свою задачу. Тотчасъ же по вступленіи въ управленіе министерствомъ, гр. Игнатьевъ выпускаетъ циркуляръ, обращенный къ начальникамъ губерній, въ которомъ онъ, признавая тогдашнее время «труднымъ», поставляетъ мѣстныя власти въ извѣстность «о взглядѣ правительства на современное внутреннее положеніе».

«Шайка злоумышленниковъ,—говоритъ циркуляръ,—запятнавшая наше отечество рядомъ неслыханныхъ преступленій и завершившая ихъ величайшимъ въ исторіи злодѣяніемъ, посягая на драгоценную жизнь въ Божѣ почившаго Государя Императора, посягала вмѣстѣ съ тѣмъ на основное начало государственнаго нашего строя—на самодержавіе, въ которомъ весь русскій народъ съ незапамятныхъ временъ привыкъ видѣть оплотъ своей независимости, залогъ своего благоденствія и мирнаго развитія».

«Первою задачею—говорится далѣе—настоящей дѣятельности

правительства, при постоянномъ и живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны, поставлено искорененіе крамолы. Въ дѣлѣ этомъ не слѣдуетъ полагаться исключительно на усилія полиціи, собственнымъ начинаніемъ и энергичнымъ сопротивленіемъ всякому появленію мятежнаго духа общество должно оказать противодѣйствіе этому губельному направленію и тѣмъ лишить злоумышленниковъ всякой опоры».

Этотъ призывъ общества къ искорененію крамолы явился настолько неожиданнымъ, что многіе не могли ничѣмъ объяснить причины его появленія, тѣмъ болѣе, что въ общество уже давно проникли слухи о дарованіи конституціи сверху. И тѣмъ не менѣе циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ настаивалъ на повинности общества во всемъ, что произошло, ибо, въ недавнемъ еще прошломъ, только благодаря безучастному отношенію къ нимъ (злоумышленникамъ) общества, эти люди могли приготовить совершеніе своихъ злодѣяній».

Какъ бы то ни было, но правительство должно было выступить съ объясненіями по поводу происходившихъ еврейскихъ погромовъ и дать имъ толкованіе, достаточно успокоительное. Это было сдѣлано удивительно просто, въ томъ же самомъ циркулярѣ гр. Игнатѣва, вслѣдъ за упреками по адресу общества.

«Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволие и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долгъ правительства—охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства».

Мы не приводимъ дальнѣйшаго содержанія циркуляра. И сказаннаго достаточно, чтобы уяснить съ какими намѣреніями выступалъ гр. Игнатѣвъ въ «трудные дни» въ управленіе Россіей. Полицейскія средства и только они одни признавались неудовлетворительными. На помощь полиціи привлекалось само общество, которое, такимъ образомъ, само должно было становиться въ положеніе самообороны отъ «злоумышленниковъ». Говорятъ, что гр. Игнатѣвъ добросовѣстно предполагалъ на первое время, что общество возьметъ на себя предлагаемыя задачи. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и министру пришлось разочароваться въ способностяхъ общества стать на стражу самоохраны отъ крамолы.

Наивное отношеніе къ обществу и легкомысленное обращеніе къ нему, съ указаніемъ на безсиліе полицейскихъ силъ страны, не послужили на пользу новому министерству внутреннихъ дѣлъ. Тогда ждали привлеченія общества къ государственной работѣ, но только не въ сферѣ ея полицейской дѣятельности, а къ работѣ созидательной, творческой, и прокламація гр. Игнатѣва могла только возбудить насмѣшливое къ себѣ отношеніе. Въ то же время для общества сдѣлалось несомнѣннымъ, что все повертывается въ сторону реакціи и никакихъ реформъ въ ближайшемъ будущемъ не предстоитъ.

Борьба съ крамолой повелась различными путями. Всѣ министерства почли себя обязанными принять участіе въ подавленіи крамолы. Въ проектахъ недостатка не было. Но если правительство одобряло реальные проекты, оно не могло оставлять безъ вниманія проекты другой категоріи. Здѣсь рука-объ-руку съ гр. Игнатьевымъ пошелъ оберъ-прокуроръ синода—К. П. Побѣдоносцевъ.

По его совѣту вѣдомство православнаго вѣроисповѣданія сочло и себя вынужденнымъ принять активное участіе въ борьбѣ съ развивающейся крамолой. Было собрано нѣсколько засѣданій, на которыхъ было рѣшено воздѣйствовать на общество путемъ духовнымъ.

Мы не беремъ на себя оцѣнку пути, на который вступилъ Побѣдоносцевъ. Въ свое время тогда же смѣльчаками печати было высказано нѣсколько соображеній по этому поводу, но фактъ былъ фактомъ: въ синодѣ были выработаны особыя молитвы, сочиненныя спеціально для борьбы съ крамолой. Молитвы эти, при отношеніяхъ синода, были разосланы въ мѣстныя епархіи, и 17 мая 1881 года впервые съ церковныхъ амвоновъ раздались эти молитвы «по случаю крамолы».

Приводимъ дословный текстъ этихъ молитвословій, произносимыхъ во время литургіи.

Прошенія на великой эктениі:

«О, еже не помянути грѣховъ и беззаконій нашихъ и потребити отъ насъ всѣ неистовыя крамолы супостатовъ, Господу помолимся».

«О, еже утвердити въ земли нашей безмятежіе, миръ и благочестіе, Господу помолимся».

Молитва послѣ сугубой эктениі:

«Господи Боже нашъ, великій и многомилостивый. Во умиленіи сердець нашихъ отъ грознаго посѣщенія гнѣва Твоего, прибѣгаемъ къ Твоему неизреченному благоутробію; призири на моленіе насъ, недостойныхъ рабовъ Твоихъ, предъ тобою согрѣшающихъ, но и къ Тебѣ прибѣгающихъ и на Тя уповающихъ и не сотвори съ нами по грѣхамъ нашимъ. Разруши совѣтъ нечестивыхъ, сыновъ погибельныхъ, дерзновенно возстающихъ на поправленіе власти, Тобою установленныя, вразуми заблудшихъ, вложи въ сердца ихъ страхъ Твой божественный и направи ихъ на путь истины; утверди миръ и тишину на землѣ нашей, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Господи Вседержителю! Смиренно помолимся Тебѣ: сохрани подъ кровомъ Твоея благодати отъ всякаго злаго обстоянія Благочестивѣйшаго Государя Нашего Императора Александра Александровича, разруши вся, иже на Него козни вражія, огради его на всѣхъ путяхъ его святыми Твоими Ангелы, да ничто же успѣетъ врагъ на Него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его. Исполни Его долготу дней и крѣпостью силъ, да совершитъ вся во славу Твою и во благо народа своего. Мы же всеблагодару Твоему промысленію о немъ радуемся на всякъ день и часъ, благословимъ и прославимъ все-святое Имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!».

Печать того времени не столько изумлялась мѣрамъ борьбы съ крамолой, сколько бюрократическому способу опубликованія молитвы. Съ того времени до нашихъ дней молитвословія эти повторяются на литургіи.

IV.

Въ іюнѣ 1881-го года печать робко и нерѣшительно сообщила важный слухъ о томъ, что образована особая комиссія для организаціи чрезвычайныхъ мѣръ, что задачею этой комиссіи поставлено—общая сводка всѣхъ мѣръ, принимавшихся въ экстраординарныхъ случаяхъ и выработка одного законоположенія, которое будетъ примѣняться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда явится необходимость въ той или другой мѣстности усилить власть и размѣры легальныхъ правъ администраціи. Спустя нѣкоторое время появился новый слухъ объ образованіи при министерствѣ юстиціи особой комиссіи подъ предѣтельствомъ Э. В. Фриша для пересмотра правилъ о производствѣ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ.

Началась спѣшная бюрократическая работа. По общему признанію администраторовъ того времени, нельзя было медлить съ опубликованіемъ новыхъ законовъ объ охранѣ. Крамола росла на глазахъ и угрожала безопасности государства. Каждый день задержки или промедленія совершенно свободно могъ быть истолкованъ въ смыслѣ государственной измѣны. И несмотря на лѣтнее время, комиссіи работали съ необычайною быстротою.

Членъ государственнаго совѣта М. С. Кахановъ получаетъ новое назначеніе, при чемъ было опубликовано официально о возложеніи на него особыхъ задачъ, самыя же задачи не были оглашены, и это дало пищу самымъ невозможнымъ предположеніямъ, включительно до предположеній о разработкѣ русской конституціи за увольненіемъ Лорисъ-Меликова. Однако, черезъ нѣсколько дней послѣ назначенія Каханова, въ общество проникли достовѣрные слухи о задачахъ Каханова. Ему именно и было поручено составленіе общаго свода исключительныхъ мѣръ по охранѣ. Въ комиссію эту вошло все, что такъ или иначе зарекомендовало себя въ предшествующую эпоху. Со спеціальной эрудиціей въ составъ комиссіи вошелъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Черевнинъ, затѣмъ директоръ департамента полиціи В. К. Плеве, управляющій судебнымъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ Каземъ-Бекъ, достаточно популярный въ искорененіи крамолы петербургскій градоначальникъ Барановъ, генераль-адъютантъ Зуровъ и московскій оберъ-полиціймейстеръ Козловъ. Наибольшее значеніе придавалось въ комиссіи представителямъ юстиціи—общей и военной, почему и были приглашены выдающіеся дѣятели того времени, въ достаточной мѣрѣ специализовавшіеся въ охранныхъ процессахъ, это—Н. К. Муравьевъ, въ то время еще только прокуроръ петербургской судебной палаты, и генераль Стрѣльниковъ, прокуроръ кievскаго военно-окружнаго суда, о которомъ давно говорили, какъ о лицѣ военно-судебнаго вѣдомства, единственно пригодномъ для правительственныхъ экспериментовъ.

Комиссія Каханова быстро работала надъ пересмотромъ, тѣмъ болѣе, что приходилось дѣйствовать не только по готовымъ законодательнымъ образцамъ, но даже при непосредственномъ участіи практиковъ-администраторовъ, которые могли способствовать своими ука-

заніями и большимъ опытомъ въ регламентаціи охранной дѣятельности. Занятій для комиссіи было много. Сверху ее торопили постоянно, и несмотря на то, что она начала свои занятія въ началѣ іюня, ей было предписано закончить проектъ къ іюлю и въ теченіе этого мѣсяца внести свои предположенія въ комитетъ министровъ.

Все предначертанное было выполнено на этотъ разъ съ удивительною точностью. Комиссія пересмотрѣла всѣ отдѣльные законы, опубликованные и секретные, рассмотрѣла и изучила всю практику мѣстныхъ начальствъ и приступила къ составленію одного общаго положенія. Самымъ существеннымъ препятствіемъ для успѣшныхъ занятій комиссіи было отсутствіе охранной номенклатуры, и приходилось ее измышлять. Рѣшено было ограничить охранные тонусы двумя градаціями: усиленной и чрезвычайной охранами.

Печать знала о существованіи этой комиссіи, о ея задачахъ, понимала бесплодность мѣръ, разрабатывавшихся въ ней, и тѣмъ не менѣе, пришибленная и задавленная «свободная пресса» принуждена была молчать и ожидать тѣхъ постановленій, которыя создадутся при участіи такихъ видныхъ охранителей, какъ Плеве, Стрѣльниковъ, Муравьевъ...

Только «Голосъ» Краевского единственный разъ позволилъ себѣ раскрыть ротъ и смѣло заявить о желаніяхъ общества. Статья въ «Голосѣ» надѣлала большого шума. Газеты ее не рѣшались цитировать, но въ обществѣ она произвела самое благопріятное впечатлѣніе и открыла глаза на многое.

Мы не будемъ приводить дословно эту статью (см. «Голосъ» 1881 года отъ 20 іюня, за № 169). Отмѣтимъ лишь, что газета отмѣчала и пестроту генераль-губернаторскихъ распоряженій, и противорѣчіе законовъ какъ распоряженіямъ, такъ и самимъ себѣ, указывала на безцѣльность закона объ измѣненіи подсудности по государственнымъ преступленіямъ, въ спокойномъ и дѣловитомъ тонѣ задавала вопросы о томъ, должны ли генералъ губернаторы пользоваться только исполнительною, или также и законодательною властью, приводила данныя изъ практики административной ссылки въ Восточную Сибирь. И теперь еще, читая эту статью изъ «Голоса», чувствуется свѣжесть ея и становится понятнымъ то впечатлѣніе, которое произвела она въ обществѣ.

Но и въ бюрократическихъ кругахъ эта статья удостоилась вниманія, конечно не столько по существу возбужденныхъ ею вопросовъ, сколько по ея вліянію на «общественный порядокъ».

«Цѣль комиссіи—говорить «Голосъ» въ своей передовицѣ—сдѣлать общій сводъ мѣръ, принимавшихся въ экстренныхъ случаяхъ и выработать одно законоположеніе, которое будетъ примѣняться»... «Такимъ образомъ, комиссіи предстоитъ выработать нѣчто въ родѣ общаго закона объ осадномъ положеніи, который замѣнилъ бы всѣ частныя узаконенія о чрезвычайныхъ мѣрахъ. Дѣятельность комиссіи можетъ принести своего рода пользу, если принять въ разсчетъ великое количество чрезвычайныхъ законовъ и распоряженій, которые накопились у насъ по мѣрѣ развитія правительственной борьбы съ кралолюю. Мы не можемъ даже судить о количествѣ распоряженій

этого рода по той причинѣ, что многія изъ нихъ не были обнародованы и существованіе ихъ извѣстно обществу только по слухамъ».

И вотъ какъ умѣренно разсуждалъ «Голосъ» по своей должности представителя общественнаго мнѣнія. Онъ заявлялъ, что, хотя учрежденіе кахановской комиссіи—вещь полезная, но «въ настоящее время было бы полезнѣе учрежденіе другой комиссіи для изслѣдованія *причинъ* явленій, вызывающихъ чрезвычайныя мѣры».

И высказавъ такую крамольную мысль, «Голосъ» тотчасъ же какъ бы извиняется и категорически настаиваетъ:

«... Конечно, въ данную минуту организація мѣръ для борьбы съ политическими злоумышленіями представляется дѣломъ существеннымъ. Такія цѣли, какъ обезпеченіе безопасности монарха и огражденіе общественнаго спокойствія, должны быть достигнуты *непрелѣнно*. Но можно опасаться, что безъ надлежащаго изслѣдованія и устраненія причинъ, порождающихъ эти явленія, сводъ «чрезвычайныхъ мѣръ», выработанныхъ комиссіею, окажется недостаточнымъ и потребуются новыя чрезвычайныя мѣры, постепенное наслоеніе которыхъ вызоветъ необходимость въ новой комиссіи для составленія новаго свода и такъ далѣе...»

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи «Голосъ» оказался пророкомъ, и послѣдніе два-три года у насъ были заняты новымъ сведеніемъ старыхъ репрессій въ одинъ сводъ. Комиссія, о которой говорила газета, должна была изслѣдовать «причины гнетащаго зла». Въ составъ ея газета предлагала «правительственныхъ лицъ и выдающихся общественныхъ дѣятелей разныхъ направленій» въ качествѣ экспертовъ. «Облеченная правомъ полной свободы изслѣдованія и заключенія, которыя были бы представлены на усмотрѣніе верховной власти,—такая комиссія могла бы оказать неоцѣненную услугу Россіи»—заканчиваетъ газета и затѣмъ, вѣроятно, послѣ соотвѣтствующихъ напоминаній администраціи, избѣгаетъ уже говорить о комиссіяхъ съ экспертами изъ общественныхъ дѣятелей. Скоро затѣмъ «Голосъ» былъ временно приостановленъ.

V.

Тѣмъ временемъ Кахановская комиссія закончила пересмотръ, выработала одно общее Положеніе объ усиленной и чрезвычайной охранѣ и представила его въ комитетъ министровъ. Этотъ послѣдній разсматривалъ положеніе гораздо дольше, чѣмъ оно составлялось, внесъ въ него нѣкоторыя несущественныя поправки и затѣмъ представилъ на утвержденіе. Съ датою 4 сентября 1881 года положеніе это было опубликовано въ формѣ указа сенату.

Отсюда всѣ государствовѣды привыкли считать начало охранъ. Но, какъ уже указывалось нами выше, такое счисленіе далеко отъ истины, и изданіе новаго положенія ничего собою не знаменовало, кромѣ упроченія и утвержденія охранныхъ мѣръ.

Текста новаго положенія приводитъ нѣтъ смысла, такъ какъ оно, за незначительными измѣненіями, функціонируетъ и до настоя-

щаго времени. Съ точки зрѣнія общественной и политической гораздо важнѣе установить дальнѣйшую политику правительства въ отношеніи охранѣ. Здѣсь намъ предстоитъ уже имѣть дѣло съ декларациями правительства, которое, издавая новое положеніе, вполне добросовѣстно предполагало, что оно дѣлаетъ благодѣяніе для страны, поставленной въ невозможныя положенія военнаго и полицейскаго режима.

Знаменательныя слова и тезисы изъ указа 4 сентября заслуживаютъ самаго широкаго вниманія.

Новое положеніе издавалось въ видѣ временнаго закона, въ видѣ исключительной экстренной мѣры, и никому въ головунѣ не могло придти, что положенію суждены многіе десятки лѣтъ, и само оно изъ временнаго мѣропріятія превратится въ постоянный и прогрессирующий жизненно законъ.

Вотъ какъ излагалось значеніе новаго закона въ указѣ:

«Послѣдніе годы . . . были омрачены рядомъ преступныхъ посягательствъ на коренныя основы государственнаго и общественнаго строя нашего отечества.

«Исходя отъ горсти тайныхъ злоумышленниковъ, дерзновенныя посягательства эти наглядно доказали, что дѣйствія постоянныхъ законовъ, сообразованныхъ съ обычнымъ состояніемъ мирнаго общежитія, недостаточно для охраненія порядка и спокойствія, нарушаемыхъ прискорбными событіями чрезвычайнаго свойства. Посему, въ изыятіе изъ общаго закона, по отношенію къ предѣламъ вѣдомства и способамъ дѣятельности различныхъ правительственныхъ властей и учреждений, были въ разное время издаваемы отдѣльныя временныя законоположенія.

«Безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей исторіи злодѣяніе, пресѣкшее драгоцѣнную жизнь Возлюбленнаго Родителя Нашего, явственно предъ всѣми обнаружило непреложную необходимость представить властямъ, поставленнымъ на стражѣ общественнаго порядка, особыя полномочія, пространство коихъ было бы соразмѣрено съ отвѣтственностью, возлагасмоу на нихъ исключительными обстоятельствами настоящаго времени».

Однако, угроза исключительными законами сопровождалась и другими ссылками: на «незыблемость основныхъ началъ великихъ преобразованій минувшаго царствованія, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учреждений на твердыхъ основаніяхъ общихъ законовъ».

Въ правительственной деклараціи содержатся цѣнныя указанія на вѣщія условія существованія новаго закона, которыя потомъ были забыты и совершенно измѣнены практикою. «Мы не могли однако же не признать, что прискорбныя событія и смута въ Государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры переходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго Пре-

стола населенія, несомнѣнно искренне желающаго содѣйствовать сохраненію спокойствія и порядка».

Изъ этихъ немногихъ словъ уже является очевиднымъ то разочарованіе, которое наступило у правительства относительно общественныхъ силъ. Гр. Игнатьевъ непосредственно приглашалъ общество къ участію въ давленіи крамолы въ маѣ мѣсяцѣ, а въ сентябрѣ было уже несомнѣннымъ, что само общество не можетъ быть привлечено къ активному участію и что его значеніе въ государствѣ можетъ быть учитываемо только лишь, какъ разумное основаніе для принятія репрессивныхъ мѣръ. Общество—изъ активныхъ сотрудниковъ превращалось въ пассивнаго обывателя, жаждущаго исключительныхъ мѣръ для подавленія крамольныхъ теченій.

Что же касается существа полномочій администраціи по новому закону, то правительство нашло нужнымъ преподать новому положенію такое разъясненіе: «Усматривая, что въ изданныхъ разновременно узаконеніяхъ для облегченія борьбы съ крамолой, сущность и предѣлы полномочій административныхъ начальствъ указаны не съ достаточною въ семъ отношеніи опредѣлительностью, Мы сочли за благо повелѣть, подвергнувъ совокупному пересмотру всѣ временные законы, изданные въ послѣднее время, начертать взаимнѣ сихъ узаконеній особое положеніе, въ которомъ были бы указаны съ большею, чѣмъ нынѣ, точностью, съ одной стороны—предѣлы полномочій административныхъ начальствъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, а съ другой—сущность обязанностей, возлагаемыхъ на населеніе исключительными обстоятельствами государственной жизни.»

Указъ 4 сентября заканчивался широкимъ призывомъ, который потомъ послужилъ долговременной темой для газетныхъ статей и политическихъ гаданій въ задушенной и приниженной странѣ.

«Исторія Русскаго народа,—говорилъ въ заключеніи указъ,—свидѣтельствуеть о вѣрной его преданности Самодержавной Государственной Власти, направлявшей силы народныя на созиданіе славы и величія нашего отечества. Мы остаемся въ неизмѣнной увѣренности, что и въ переживаемые Отечествомъ нашимъ трудные дни, неразрывное единеніе всѣхъ сословій вѣрноподданнаго народа Русскаго съ Верховною Властью, въ утвержденіе правды, порядка и закона, пребудеть надежнѣйшимъ залогомъ народнаго блага»...

Опубликованіе указа состоялось 10 сентября.

Вслѣдъ за введеніемъ новаго положенія въ силу, указъ отмѣнялъ дѣйствіе двадцати одного закона и распоряженія, изданныхъ въ предыдущіе годы. Дѣйствіе положенія въ то же время было распространено на всю Россію безъ исключенія, а особыя права администраціи были переданы губернскимъ начальствамъ мѣстностей, въ которыхъ происходили недавно еврейскіе погромы, или эти мѣстности просто выдѣлялись въ какомъ-либо отношеніи. Усиленная охрана вводится въ губерніяхъ: петербургской, московской, харьковской, полтавской, черниговской, кievской, волынской, подольской, херсонской, бесарабской, въ уѣздахъ: симферопольскомъ, евпаторійскомъ, ялтинскомъ, феодосійскомъ, перекопскомъ, въ городахъ Бердянскѣ, Воро-

нежѣ съ уѣздомъ, Ростовѣ на Дону, Мариуполѣ, въ Одесскомъ и Таганрогскомъ градоначальствахъ и въ Керчь-Эникале.

На всѣ остальные мѣстности Имперіи были распространены правила 28—31 статей новаго положенія. Кромѣ того, совѣщательному присутствію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было поручено озаботиться назначеніемъ срока административной высылки тѣмъ лицамъ, которыя подверглись этой мѣрѣ до изданія новаго положенія.

Переводя всѣ эти многословныя ламентациі на простой языкъ, положеніе Россіи оказывалось далеко незавиднымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ перечисленныя мѣстности непосредственно подпали подъ дѣйствіе новыхъ правилъ объ усиленной охранѣ. Но и всѣ другія мѣстности, которыя и не подпали подъ условія усиленной охраны, въ сущности стали въ ненормальное положеніе. Исключительные законы были распространены и на нихъ. Въ любомъ пунктѣ государственной территоріи съ 4 сентября 1881 года мѣстнымъ начальникамъ полиціи и ихъ помощникамъ предоставляется безконтрольное право арестованія лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи государственныхъ преступленій и прикосновенныхъ къ нимъ, а также неограниченное право производства обысковъ и выемокъ. Всякія лица, подозрѣваемая въ принадлежности къ «противозаконнымъ сообществамъ», были поставлены точно въ такое же положеніе. Губернскому начальству вмѣстѣ съ тѣмъ присваивалось право контроля надъ лицами выборныхъ учреждений. Министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ юстиціи предоставлено въ этихъ мѣстностяхъ право изъятія изъ общей подсудности лицъ, обвиняемыхъ по 279 статьѣ воинскаго устава. Словомъ,—нормы усиленной охраны были сами по себѣ и касались строго опредѣленныхъ областей, а полномочія администраціи были распространены безъ всякой усиленной охраны на всю территорію Россіи.

Отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что положеніе 1881 года являлось не исключительнымъ закономъ для тѣхъ или другихъ мѣстностей, а общимъ закономъ для всего государства, каковой законъ непрерывно и примѣняется съ указаннаго времени. Въ этомъ собственно и коренится одно изъ наиболѣе важныхъ внѣшнихъ различій между положеніемъ Россіи до 1881 года и послѣ объявленія новаго закона: до закона исключительныя мѣры примѣнялись только въ строго опредѣленныхъ областяхъ, послѣ—на всѣхъ широтахъ и долготахъ, занимаемыхъ Россіей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ объявленія новаго закона въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» было опубликовано официальное сообщеніе, въ которомъ разъяснялись всѣ новшества закона и устанавливалась предстоящая политика власти. Правительство заявляло, что «въ видахъ возможно болѣе успѣшной борьбы съ крамолой, «Положеніе» ставить на стражѣ государства и общества правительственные органы во всеоружіи исключительной власти, примѣняемой въ такихъ случаяхъ, когда обыкновенный законъ является не достигающимъ своей цѣли».

Серьезно или въ интересахъ извѣстной тактики «обольщенія» и замазыванія правды, правительство рекомендовало себя и съ дру-

гой стороны: «Въ видахъ же возможно меньшаго стѣсненія преданнаго престолу и отечеству населенія, «Положеніе» устанавливаетъ: 1, органы власти, получающіе исключительныя полномочія, 2, размѣры этихъ полномочій, 3, мѣстности, подчиненныя ихъ дѣйствію и 4, срокъ этого дѣйствія съ условіями его прекращенія».

И угодная властямъ печать раболѣпно привѣтствовала новое положеніе, зачастую повторяя слова изъ оффиціального сообщенія и выхваляя законъ съ той же точки зрѣнія и чуть ли не тѣми же самыми словами. А правительство не ограничивалось этимъ и шло дальше по пути своего неисчерпаемаго милосердія, о чемъ велесловно и заявляло вездѣ и всюду:

«Построенная на такихъ основаніяхъ новая правительственная мѣра является, кромѣ того, временною въ строгомъ и опредѣленномъ смыслѣ этого понятія»—утверждало правительственное сообщеніе, ни единымъ словомъ не подтверждая своихъ заявленій. Какъ осуществилась эта мысль на практикѣ,—мы видимъ на опытѣ непрекращающагося охранныго состоянія при разнообразіи и измѣнчивости государственнаго порядка и его состоянія въ то или другое время.

Но выхваливаніе правительствомъ новаго закона шло не только этимъ путемъ: оно заявляло себя сторонникомъ истиннаго исправленія заблудшихъ.

«Озабочиваясь возможнымъ, при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, обезпеченіемъ законныхъ интересовъ благомыслящаго населенія, правительство обратило свое вниманіе и на заблудшихъ. Съ этою цѣлью оно установило рядъ мѣропріятій, которыя дадутъ этимъ заблудшимъ возможность, по надлежащемъ раскаяніи въ преступныхъ увлеченіяхъ, снова стать вѣрными слугами Престола и Отечества и полезными гражданами своей страны».

Коментировать эти заявленія не приходится. Но нельзя не отмѣтить того умышленнаго наивничанія съ обществомъ, которое допускалось правительствомъ. Подъ «заблудшими» оно разумѣло не больше, не меньше какъ тѣхъ лицъ, которыя подверглись административной высылкѣ за неблагонадежность. Новое положеніе отказывалось отъ практиковавшейся ранѣе системы безсрочной ссылки и установило время отъ одного года до пяти лѣтъ. И все «вниманіе правительства» къ этимъ заблудшимъ ограничилось тѣмъ, что въ силу самаго же закона оно должно было установить сроки административной ссылки. «Заблудшіе» ни на минуту не сомнѣвались въ цѣнности такого правительственного вниманія, а для общества правительство докладывало:

«Милостиво снисходя къ заблудшимъ, государь императоръ благоволилъ допустить относительно ихъ, въ данномъ случаѣ, обратное дѣйствіе правила, болѣе мягкаго, чѣмъ то, которое дѣйствовало до настоящаго времени». Мы должны съ своей стороны прибавить:—правила, которое никогда не было обнародовано и потому уже не могло считаться закономъ, тѣмъ болѣе что администраторы при ссылкѣ во все избѣгали точнаго опредѣленія срока. Отмѣтимъ также и другую характерную черту: отъ лицъ, не совершившихъ ничего наказуемаго и признаваемыхъ просто вредными и неблагонадежными, требовалось какое-то раскаяніе, какъ это требуется отъ преступниковъ, совер-

шившихъ опредѣленное дѣяніе и подвергнутыхъ исправительному воздѣйствію тюремнаго заключенія. И заносъ въ офиціальное сообщеніе требованіе раскаянія, само правительство, можетъ быть и невольно, выступило уже не въ качествѣ охранителя государственной безопасности, а въ роли карающаго за неквалифицируемое дѣяніе органа, мстящаго тяжелыми лишеніями за предполагаемую возможность потенциальной виновности.

Какъ указъ 4 сентября, такъ и правительственное сообщеніе проникнуто насквозь этой идеей всепрощенія и желанія во что бы то ни стало лишить общество вредныхъ увлеченій и направить ихъ по стезѣ добровольнаго содѣйствія уничтоженію крамолы.

Насколько можно судить по отрывочнымъ даннымъ того времени, бюрократическіе круги считали положеніе 1881 года несомнѣннымъ шагомъ впередъ. Полагали, что репрессіи поставятъ въ границы пробуждающееся общественное сознаніе, что эти репрессіи—вполнѣ дѣйствительны, и что потребуется сравнительно немного времени, чтобы ввести русскую революцію въ предѣлы охраны.

Съ этою цѣлью первоначально положеніе вводится, именно, какъ законъ временный, переходящій. Его дѣйствіе обуславливаютъ трехгодовымъ срокомъ, котораго, по мнѣнію тогдашнихъ представителей полиціи, было вполнѣ достаточно, чтобы отрезвить общество отъ несбыточныхъ мечтаній, въ которыя такъ неосторожно оно было повергнуто «предшествующими администраторами-мечтателями.»

Общее признаніе, которое господствовало въ тѣ времена даже въ средѣ интеллигентныхъ силъ страны, что правительство можетъ и должно бороться съ крамольными силами и что единственной задачей момента является успокоеніе общества и созданіе прочнаго правопорядка. А ради этого идеала не скупилась на мѣры, разъ только нельзя было доказать, что онѣ будутъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе.

А судить объ исторической роли новаго закона представлялось невозможнымъ: практически потому, что органы печати находились подъ тою же усиленной охраной, а по существу—все грядущее было неясно.

VI.

Въ массѣ русское общество отнеслось довольно индифферентно къ ограниченію своихъ правъ. Для него свершившееся было не болѣе, какъ кодификаціонный приѣмъ, весьма полезный, если не весьма нужный въ условіяхъ того времени.

Откровенная реакція сдѣлала свое дѣло: русское общество было поставлено въ невыносимыя условія существованія; подъемъ, который заявлялъ о себѣ въ эпоху, непосредственно соприкасающуюся съ годами послѣ войны, былъ непродолжительнымъ и скоро уступилъ мѣсто реакціоннымъ настроеніямъ. Сильная и не разсуждающая рука власти сумѣла крѣпко нажать на всѣ стороны общественнаго проявленія. Все затихло, примолкло, выплыли новыя силы—полицейскія и добровольно сыскныя, по всему фронту русской дѣйствительности начался

отбой, и позиціи, завоеванныя 60-ми годами, уступались легко и безъ упорнаго боя, ибо бороться со средствами полицейскими не было никакой возможности.

Все, что не могло подойти къ общему уровню, все мыслящее и искреннее, благородное и неспокойное, было задушено, выслано. Многие сознательно уходили за предѣлы русскихъ территорій, провидя долгіе годы мрачнаго государственнаго состоянія. У власти стали люди, для которыхъ въ словѣ «крамола» заключались высшія тайны государственнаго управленія. И съ усиліями, достойными полицейскаго режима, они искореняли все, что могло походить на крамолу.

Напрасно мы стали бы искать у печати того времени искреннихъ строкъ. Напрасно было бы ждать отъ тогдашнихъ легальныхъ выразителей стремленій общества правдивыхъ нотъ. Писалось и говорилось или то, что никому было не нужно, или то, что могли выносить бдящія власти, подстерегающія крамолу. Поэтому къ даннымъ печати слѣдуетъ относиться съ большимъ недоверіемъ. Нелегальная печать высказывала правду объ истинномъ положеніи вещей, но эта правда оставалась удѣломъ небольшой кучки интеллигентовъ, а въ громадной массѣ общества усиленно культивировались начала непротивленія полицейской регламентаціи.

На изданіе Положенія 1881 года реагировало большинство газетъ.

«Страна» такъ, на примѣръ, опредѣляла значеніе этого законодательнаго акта:

«Правительство желало упорядочить, согласовать всѣ эти мѣры съ болѣе точнымъ обозначеніемъ административныхъ инстанцій, отъ которыхъ онѣ могутъ исходить; желало устранить ненужное для самаго дѣла охраненія частныхъ лицъ порядка безсрочное дѣйствіе мѣръ по высылкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ признало нужнымъ придать новую силу полномочіямъ администраціи въ случаяхъ особенно важныхъ». Газета, такимъ образомъ, все значеніе акта видѣла «въ кодификаціи разновременно послѣдовавшихъ повелѣній о чрезвычайныхъ мѣрахъ».

И эти слова, если не были содержательны, были правдивы и только констатировали дѣйствительность.

Другіе органы печати, какъ, на примѣръ, «Порядокъ» ограничивалъ свои сужденія о новомъ законѣ полнымъ невѣдѣніемъ будущаго и съ полнымъ правомъ поэтому могъ писать:

«Нашъ законъ 4 сентября, какъ и всякій законъ вообще, ограничивается опредѣленіемъ новаго положенія усиленной охраны въ общихъ чертахъ... Было бы неосновательно дѣлать какія бы то ни было заключенія о степени и качествѣ наложенія усиленной охраны на нормальное теченіе умственной, экономической, торговой и промышленной жизни населенія». Однако, такое скромное заключеніе не помѣшало тому же «Порядку» черезъ нѣсколько дней, подъ влияніемъ неизвѣстныхъ причинъ признать, что новый законъ въ условіяхъ ареста и высылки имѣетъ преимущество передъ «нормальнымъ» положеніемъ, такъ что мѣстности, гдѣ не введено исключительное положеніе, могли бы «желать распространенія (на нихъ) ненормальнаго

положенія». Нѣкоторыя газеты возразили «Порядку». Началась полемика, въ которой между прочимъ тогдашнее «Новое Время» могло высказать нѣсколько справедливыхъ, хотя и не глубокихъ мыслей.

Особенно отличились послѣ объявленія закона 4 сентября «Новости». Какими побужденіями руководилась газета, сказать не трудно, но написанное ею стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія:

«Насталъ, наконецъ, писать газета, давно ожидаемый моментъ, когда Россія можетъ вздохнуть свободно. Волею Монарха сняты съ общества тѣ оковы, которыя мѣшали правильному отправленію государственной жизни и вселяли во всѣхъ неувѣренность въ настоящемъ и страхъ за будущее. Въ настоящее время мы переходимъ именно изъ состоянія полнѣйшей неопредѣленности къ возможности безбоязненнаго пользованія нашими правами и точнаго уразумѣнія нашихъ обязанностей».

Въ исторіи существованія «Новостей» были моменты, когда газета собственнымъ существованіемъ платилась за эти бредовыя строки. Но, кромѣ этого, тѣ же «Новости» впадали въ другую ошибку относительно дальнѣйшей политики правительства и роли общества въ ней. Газета заявляла, что «составители Положенія, принимаясь за исполненіе возложеннаго на нихъ Государемъ порученія изыскать мѣры къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, очевидно совершенно отрѣшились отъ идеи привлеченія общества къ содѣйствію искорененію крамолы въ томъ смыслѣ, въ какомъ это содѣйствіе понималось въ прежнихъ временныхъ постановленіяхъ... Нѣтъ никакого сомнѣнія, говорятъ «Новости», что въ настоящее время на общество возлагаются исключительно созидательныя задачи, а отнюдь не полицейскія. Это, конечно, самый крупный и важный шагъ, который мы съ должною осторожностью дѣлаемъ теперь на пути осуществленія намѣченныхъ правительствомъ реформъ».

Со всею нѣжностью и приторностью биржевого маклера, «Биржевыя Вѣдомости» выпренне хвалятъ дѣйствія правительства. «Всякій, говорятъ они, кому дорого счастье Россіи и мирное развитие, всякій, кто преслѣдуетъ не утопіи, а дѣйствительность, долженъ сознавать, что только твердая рѣшимость правительства, чуждая реакціонныхъ стремленій и направленная къ подавленію анархіи и водворенію порядка, можетъ служить залогомъ того, что мы не сойдемъ съ пути, начертаннаго всею дѣятельностью покойнаго Государя». Газета словно забывала создателей и насадителей анархіи того времени, анархіи въ худшемъ и вульгарномъ значеніи этого слова, генералъ-губернаторовъ, которые становились превыше всякихъ законовъ, и въ то же время умильно утверждала, что «каждая мѣра, направленная къ скорѣйшему устраненію исключительныхъ условій нашей жизни, должна неминуемо встрѣтить сочувствіе всѣхъ искренно преданныхъ Россіи къ обнародованному вчера Положенію. Очевидно, чѣмъ скорѣе будутъ уничтожены прискорбныя явленія... тѣмъ скорѣе вернемся мы на путь мирнаго развитія».

Услужливая газета пошла далѣе и, по своей спеціальности, сочла нужнымъ засвидѣтельствовать передъ міромъ, что явно реакціонный правительственный шагъ вызвалъ удовольствіе на европейскихъ бир-

жахъ. «Наши фонды—говорятъ «Биржевыя Вѣдомости» держались вчера и сегодня на всѣхъ континентальныхъ рынкахъ весьма крѣпко, а если вексельный курсъ былъ вновь нѣсколько слабѣе, то это объясняется не политическими соображеніями, а послѣдствіями прекратившейся искусственной поддержки его продажей наличнаго золота. Биржи Европы явно сочувствуютъ политикѣ русскаго правительства».

Намъ остается лишь привести послѣдній отзывъ вліятельнаго въ ту пору и достаточно умѣреннаго политически «Новаго Времени». Здѣсь прямо ставится вопросъ безъ всякихъ обиняковъ:

«Идемъ ли мы по пути реакціи, дѣлаемъ ли мы шагъ назадъ? Эти вопросы часто рѣшаются утвердительно. Мы этого не только не думаемъ, но даже убѣждены, что этого нѣтъ, что это невозможно и что это по меньшей мѣрѣ бесполезно».

Нѣтъ сомнѣній, что такой оригинальный тезисъ защищается не менѣе оригинально: оказывается, что мы потому не дѣлаемъ шага назадъ, что дѣлать то его назадъ именно некуда. «Мы такое молодое государство, утверждаетъ газета, такъ недавно стали жить, какъ народъ свободный, безъ клейма рабства, что намъ некогда, невозможно и некуда идти назадъ». Газета призываетъ затѣмъ къ «дѣлу», къ скучному, мелочному, но полезному дѣлу, хотя къ какому именно остается неизвѣстнымъ. «... Мы вѣримъ, что оно дѣлаться будетъ тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ скорѣе пройдетъ та опасность, та смута, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ же строкахъ Высочайшаго указа (?). Мы прибавимъ къ этому совершенно искренно, что намъ, интеллигенціи, быть можетъ, придется поумѣрить свои желанія, заставить поблѣднѣть свою фантазію».

Газета признаетъ условія тогдашней жизни тяжелыми, а исключительныя мѣры необходимыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается утверждать, что «однѣми исключительными мѣрами невозможно искоренить крамолу. Скажемъ болѣе: она, по нашему мнѣнію, будетъ вѣчно существовать, какъ существуютъ разные темпераменты, дикія страсти, необузданныя натуры. Все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать ее безсильною, не давать ей возможности проявляться, имѣть на лицо всѣ средства для обузданія ея и приниженія и имѣть вокругъ себя сплоченный и заинтересованный въ порядкѣ, правдѣ и законности народъ». По мнѣнію газеты, само правительство «смотреть на исключительныя мѣры не какъ на панацею отъ этого страшнаго зла. Мѣры эти только необходимый арсеналъ противъ фактическаго проявленія революціонной дѣятельности». Въ заключеніе газета утверждаетъ: «если бы мы спросили себя, облегчается ли настоящимъ правительственнымъ актомъ исключительное положеніе, въ которомъ уже нѣсколько лѣтъ находятся многія мѣстности Россіи, то отвѣтъ можетъ быть лишь утвердительный».

Мы умышленно цитируемъ мнѣнія печати. Конечно, нелѣпо было бы ожидать отъ нея героическихъ поступковъ, тѣмъ болѣе, что новымъ положеніемъ печатъ была поставлена подъ опеку администраціи. Но для правительства все это было какъ нельзя больше на руку. Общество, еще не привыкшее разбираться въ юридическихъ тонкостяхъ законовъ, читало дозволенныя правительствомъ утвержденія,

европейскія биржи симпатизировали, крамола должна была принизиться, чего же другого было желать въ такихъ обстоятельствахъ?

И потянулись долгіе годы безправія, узаконеннаго и свободнаго, сначала умѣреннаго и бюрократически консервативнаго, пока наконецъ страна не обжилаcь съ исключительностью своего состоянія и не заговорила другимъ языкомъ. Тогда временныя исключительныя мѣры оказались малосостоятельными, пришлось не только увѣковѣчивать ихъ дѣйствіе, но и прибѣгать къ наиболѣе тяжкимъ видамъ охраны: къ военному и осадному положенію.

VII.

Чтобы судить о количественной дѣятельности администраціи по вопросу объ административной ссылкѣ, слѣдуетъ познакомиться въ самыхъ общихъ чертахъ съ тѣми мѣрами, какія были приняты въ отношеніи «заблудшихъ». До изданія закона 1881 года точныя числовыя данныя были собраны въ верховной распорядительной комиссіи.

За небольшою промежутокъ времени 1879—1880 г.г. административными властями разныхъ мѣстъ было отдано подъ надзоръ полиціи 2837 человекъ. Къ этому числу относились какъ сосланные административнымъ порядкомъ, такъ и отданные непосредственно подъ надзоръ полиціи.

Всѣ эти поднадзорные были, распредѣлены такъ:

Въ С.-Петербургѣ къ августу 1880 г. такихъ лицъ было	243	чел.
» Москвѣ	»	» 66 »
» Петербургской губ.	»	» 30 »
» Московской	»	» 35 »
» Калужской	»	» 315 »
» Рязанской	»	» 255 »
» Тверской	»	» 198 »
» Костромской	»	» 165 »
» Архангельской	»	» 96 »
Въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи	1165	»

Особое совѣщаніе, образованное при верховной распорядительной комиссіи для пересмотра дѣлъ объ этихъ лицахъ, не торопилось, и за время четырехъ мѣсяцевъ (августъ 1880 г.—31 января 1881 г.) успѣло разсмотрѣть только 1.013 дѣлъ, изъ которыхъ было освобождено отъ надзора 174 лица, и общее число поднадзорныхъ было доведено до цифры въ 2663.

Официальное сообщеніе указывало, что «такъ какъ правительство было поставлено въ необходимость продолжать высылку, то эта цифра поднадзорныхъ нѣсколько увеличилась, хотя и не достигла прежней».

Съ опубликованія положенія объ охранахъ и за упраздненіемъ верховной распорядительной комиссіи, обязанности по возвращеніи заблудшихъ въ число благонадежныхъ гражданъ перешли къ совѣ-

щательному присутствію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. И правительство заявляло офиціально, что дѣла въ этомъ совѣщаніи будутъ обставлены формальностями, которыя способствовали бы обезпеченію «надлежащаго и правильнаго хода» этихъ дѣлъ.

Опубликованная цифра 2837 крамольниковъ произвела на общество потрясающее впечатлѣніе именно своею ничтожностью. Казалось прямо несоизмѣримымъ: тягость исключительныхъ законовъ и число крамольниковъ. По этому поводу «Порядокъ» справедливо отмѣчалъ, что «исключительное положеніе, въ которое въ теченіе многихъ лѣтъ ставилось все государство и которое болѣе или менѣе отражалось на умственной жизни, на экономической дѣятельности и даже на нравственномъ уровнѣ общества, возбуждало не мало страстей, раздраженія и недовольства и ослабляло чувство законности. Оно могло услѣдить только 2800 человекъ политически-неблагонадежныхъ, включая сюда и лицъ просто порочнаго поведенія. Сравнивая эту цифру со всею многомилліонною массою мирно трудящеюся на разныхъ поприщахъ жизни мы еще болѣе понимаемъ и цѣнимъ ту чрезвычайную заботу верховной власти и высшей администраціи...» Въ дальнѣйшемъ газета впадаетъ очевидно въ цензурный трансъ и говоритъ нѣсколько обычныхъ для того времени комплиментовъ власти. Но несомнѣнно вѣрнымъ было указаніе, что исключительныя мѣры ради двухъ тысячъ человекъ подготавливали почву для недовольства распоряженіями правительства всей массы населенія.

VIII.

Въ началѣ 1905 года, въ эпоху правительственнаго самобичеванія послѣ знаменитаго указа 12 декабря о реформахъ, нѣкоторыя изъ бюрократическихъ дѣятелей подводили итоги охранной дѣятельности государства. Мы не можемъ сказать, что самобичеваніе это было искреннимъ. Говорилось о недостаткахъ администраціи, но не все договаривалось. Отмѣчали административные дефекты, но не забывали и общество, на которое сыпалось достаточно нареканій. Тѣмъ не менѣе эта эпоха даетъ возможность нарисовать громадную картину административныхъ воздѣйствій на неблагонадежную Россію.

А такъ какъ, кромѣ того, самыя показанія исходятъ отъ носителей административной власти, мало того—отъ самихъ охранителей страны отъ крамолы, то показанія ихъ приобрѣтають особую цѣнность.

11-го января 1905 года состоялось засѣданіе комитета министровъ по поводу предположеній о пересмотрѣ исключительныхъ законовъ, въ которомъ центръ вниманія былъ обращенъ на заявленія П. Н. Дурново и С. Ю. Витте. Первый долго стоялъ у кормила охранной власти и лучше всѣхъ зналъ дѣйствительное положеніе вещей. Второй могъ свидѣтельствовать о либеральныхъ потугахъ правительства въ годы реакціоннаго воздѣйствія на всѣ стороны жизни.

П. Н. Дурново, какъ извѣстно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ занималъ должность главнаго искоренителя крамолы и стоялъ

во главѣ государственной охранной полиціи; но и покинувъ постъ директора департамента полиціи, онъ въ теченіе послѣдующаго времени, въ роли товарища министра внутреннихъ дѣлъ, такъ или иначе вліялъ на постановку дѣла охраны. Въ первой роли онъ имѣлъ возможность изучить вопросъ о способахъ примѣненія исключительныхъ законовъ на мѣстахъ, во второй—непосредственно руководить дѣятельностью центральныхъ административныхъ учрежденій по охранѣ.

По свидѣтельству П. Н. Дурново, мѣстные административныя начальства въ области охранъ предпочитали пользоваться, главнымъ образомъ, правомъ воспрещать отдѣльнымъ лицамъ пребываніе въ мѣстностяхъ и правомъ высылки неблагонадежныхъ элементовъ изъ предѣловъ губерніи.

Для мѣстной власти не было ничего проще и цѣлесообразнѣе, какъ избавиться отъ нежелательныхъ элементовъ простымъ предписаніемъ о воспрещеніи проживанія. И въ первые годы послѣ введенія положенія 1881 года, такія мѣры стояли исключительно въ зависимости отъ усмотрѣнія начальниковъ края. Это создавало соблазнъ среди начальствъ. Многіе изъ нихъ, чтобы пользоваться правомъ высылки, ходатайствовали передъ Петербургомъ о распространеніи на ихъ губерніи правилъ объ усиленной охранѣ и обыкновенно сопровождали эти ходатайства мотивировкой, быть можетъ, и очень далекой отъ истины, но вполне убѣдительною для Петербурга. Исхлопотать усиленную охрану было легко, а за ней тотчасъ же слѣдовали безконечныя ссылки неблагонадежныхъ во всѣ пункты Азіатской и Европейской Россіи.

Общія правила объ усиленной охранѣ давали широкій просторъ мѣстному усмотрѣнію. Изъ нихъ можно было сдѣлать невыносимое существованіе для населенія или просто сдѣлать охрану неощутимой. А отсюда естественно проистекала пестрота и многообразіе приемовъ и степени примѣненія усиленной охраны. Дурново говорилъ, что «въ одной и той же губерніи съ перемѣною губернатора нерѣдко измѣнялось и отношеніе администраціи къ разсматриваемому вопросу, между тѣмъ на общемъ положеніи губерніи измѣнчивая административная практика отнюдь не отражалась». Говоря проще, для губерніи въ охранномъ значеніи, было безразлично—высылаются ли неблагонадежные или нѣтъ, отъ этого сама мѣстность не страдала въ охранномъ отношеніи. И все-таки, несмотря на такое категорическое указаніе практики, высылка продолжалась и росла. Но эта мѣра сказалась и въ другомъ отношеніи, чего нельзя было вовсе и ожидать и что явилось совершенно непредвидѣнно: административная высылка, установленная въ цѣляхъ охраны страны, оказалась по самому существу своему наилучшей мѣрой для зараженія крамолою не зараженныхъ областей и городовъ.

Тотъ же П. Н. Дурново констатируетъ съ знаніемъ спеціалиста, что неблагонадежные въ политическомъ отношеніи обыватели не допускались къ водворенію на жительство ни въ одной изъ тѣхъ мѣстностей, которыя, подобно первоначальному мѣсту ихъ жительства, были объявлены въ положеніи усиленной охраны. Вслѣдствіе этого высланнымъ не оставалось другого исхода, какъ водворяться въ райо-

нахъ, которые не состояли въ исключительномъ положеніи. Въ поискахъ заработка они поселялись преимущественно въ губернскихъ городахъ и нерѣдко встрѣчались тамъ «со своими единомышленниками, понесшими одинаковую съ ними административную кару. Въ результатъ же оказывалось, что населеніе такихъ губернскихъ городовъ, въ средѣ обывателей которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчалось неблагонадежныхъ элементовъ, подвергалось тлетворному вліянію сказанныхъ лицъ, заносившихъ въ мѣста новаго водворенія противоправительственную пропаганду».

Съ каждымъ годомъ право высылки выросло и выросло, доходя до необыкновенныхъ размѣровъ. Какъ это бываетъ всегда, администрація начинала съ гомеопатическихъ дозъ и кончала поголовнымъ массовымъ удаленіемъ обывателей. Сначала выбирали изъ среды неблагонадежныхъ болѣе неблагонадежныхъ, затѣмъ выселяли всѣхъ неблагонадежныхъ, а тамъ привыкли къ мѣрѣ и стали распространять ее не только на неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, но на вообще всѣхъ непріятныхъ начальству лицъ, «поведеніе которыхъ, по мнѣнію начальства, нарушало спокойное теченіе общественной жизни».

Администрація зарвалась, и даже центральное правительство рѣшило нѣсколько поумѣрить охранныя стремленія губернскихъ властей. Это было въ 1895 году, когда губернскимъ властямъ было вмѣнено въ обязанность, чтобы каждое такое распоряженіе о высылкѣ направлялось въ Петербургъ, въ совѣщаніе при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, о которомъ мы говорили выше. Разумѣется, это заставило опомниться властей, но не могло окончательно и навсегда устранить эксцессы въ удаленіяхъ и высылкахъ. Начальство сначала, дѣйствительно, отнеслось къ центральному постановленію, какъ къ сдерживающему стимулу и не всегда рѣшалось вступать съ переписку съ Петербургомъ. Однако, и это скоро потеряло свое значеніе и вотъ именно почему.

Для чиновниковъ мѣстной администраціи высылка даннаго лица представлялась фактомъ желательнымъ, а разъ это было желательно, всегда представлялась возможность поставить въ зависимость высылку даннаго лица и государственный порядокъ въ губерніи. Губернское представленіе въ петербургское совѣщаніе сдѣлалось одной ненужной волокитной формой, и именно потому, что, какъ говорилъ П. Н. Дурново, «совѣщанію приходилось считаться съ мнѣніемъ представителей мѣстной администраціи, обыкновенно заявляющихъ, что они не ручаются за сохраненіе общественнаго спокойствія во ввѣренномъ имъ краѣ, если совѣщаніе не утвердитъ ихъ предположеній». Къ тому же, если бы когда-либо петербургское совѣщаніе и рѣшилось отказать мѣстной администраціи, доказательства колебанія общественнаго спокойствія можно было изобрѣсти и представить сколько угодно.

И никакими мѣрами нельзя было положить предѣлъ усмотрѣнію администраціи, которая дѣйствовала въ предѣлахъ узаконеннаго произвола и иногда явно, иногда скрыто, но всегда упорно стремилась къ использованію всѣхъ предоставленныхъ ей полномочій. Нерѣдко случалось, что удаленіе обывателя служило только поводомъ для примѣненія къ нему всѣхъ мѣръ репрессій. Безъ основаній заклю-

чали подѣ стражу, безъ основаній выпускали оттуда, не доводя дѣла до Петербурга.

Совѣщаніе «о заблудшихъ» было образовано при министрѣ внутреннихъ дѣлъ къ 30 сентября того же года. Въ составъ его вошли: въ качествѣ предсѣдателя товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ—генераль-маіоръ Черевинъ, членами были: оберъ-прокуроръ перваго департамента сената д. ст. сов. Евреиновъ и товарищъ оберъ-прокурора уголовного департамента д. ст. сов. Перфильевъ, состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ генераль Зуровъ и директоръ департамента полиціи В. Плеве. Таково было совѣщаніе, о которомъ правительство говорило, какъ о снисходительномъ трибуналѣ, обставленномъ процессуальными формальностями. Прямою и непосредственною задачею совѣщанія было поставлено: разсмотрѣніе дѣлъ о высылкѣ неблагонадежныхъ и опредѣленіе срока высылки лицамъ, подвергшимся высылкѣ до изданія закона 1881 года.

Русскихъ источниковъ о дѣятельности особаго совѣщанія въ первое время его образованія не имѣется. Зато имѣются точныя и подробныя данныя о предметѣ иностраннаго происхожденія. Такъ «Allgemeine Zeitung» передавало, что совѣщаніе разсматривало въ недѣлю не свыше 50 дѣлъ, что за все время 1881 г. оно признало подлежащими высылкѣ только семь человекъ, что о подвергшихся высылкѣ ранѣе было пересмотрѣно 650 дѣлъ. Изъ этого скромнаго числа 328 человекъ вовсе были освобождены отъ надзора и возвращены изъ ссылки, 180 лицъ были оставлены подѣ надзоромъ на два года, 130—на три года, остальные—на пять лѣтъ.

Таковы были результаты введенія въ дѣйствіе новаго положенія. Нечего говорить, что централизація дѣлъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не могла вести ни къ чему доброму. Въ распоряженіи совѣщанія были только одни данныя: сообщенія мѣстныхъ начальствъ. А если это начальство считало высланнаго безусловно вреднымъ, то совѣщанію не оставалось ничего другого, какъ подтвердить желаніе мѣстной администраціи, иначе вся отвѣтственность за поддержаніе порядка въ мѣстности всецѣло переходила на само совѣщаніе. А на это оно не могло идти, какъ истинно-бюрократическое учрежденіе.

Точно также и въ вопросахъ опредѣленія сроковъ ссылки совѣщаніе дѣйствовало ощупью и наугадъ. Установить въ Петербургѣ срокъ для превращенія неблагонадежнаго лица въ благонадежное было трудно. Приходилось или пользоваться гадательными данными, или тѣми же сообщеніями мѣстныхъ начальствъ. И щедро, безъ опредѣленнаго плана, раздавались сроки центральнымъ учрежденіемъ. А тѣ формы, которыя такъ выдвигало правительство и которыя должны были гарантировать правильность и цѣлесообразность примѣненія высылки, превратились въ пустой звукъ, такъ какъ въ сущности не было формъ, а была обычная канцелярская проволочка.

Изъ всѣхъ правъ, которыя получило совѣщаніе, самымъ грознымъ являлось право продолжать предварительный арестъ предназначаемымъ къ высылкѣ лицамъ до неопредѣленныхъ сроковъ. Этого правила было достаточно, чтобы превратить предварительный арестъ въ тяжкую мѣру, которой легко и безконтрольно можно было пользоваться, до-

водя заключенныхъ до состоянія крайнихъ мученій. Надо было мѣстной власти отдать распоряженіе о предварительномъ арестѣ и сослаться съ совѣщаніемъ, и сроки ареста увеличивались до безпредѣльности.

Зачастую случалось, что, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, лицо выходило на свободу. И ему предлагалось радоваться, что оно только просидѣло въ ожиданіи высылки, не подвергаясь самой высылкѣ.

Много жестокихъ и нечѣлесообразныхъ мѣръ практиковалось особенно въ первое время примѣненія закона 1881 года. Но острота ихъ еще до сихъ поръ остается неизгладимою изъ русской дѣйствительности.

Съ такимъ же значеніемъ выступала и другая мѣра усиленной охраны—административная высылка, соединенная съ подчиненіемъ подвергшихся высылкѣ гласному полицейскому надзору.

Здѣсь власти предоставлялся широкій просторъ, при томъ и сама мѣра отличалась гибкостью и эластичностью, о которой грезятъ всегда правовѣрные криминалисты, говоря о наказаніяхъ. Выселяли въ Европейскую Россію, гнали въ Сибирь—ближнюю и самую дальнюю, гнали въ невыносимыя условія жизни и борьбы за существованіе, гнали съ насиченныхъ мѣстъ людей, подчасъ совершенно непричастныхъ ни къ активной дѣятельности, ни къ политикѣ, ни даже къ либеральному образу мыслей. Гнали только потому, что гнать было можно и надо было свидѣтельствовать передъ Петербургомъ о своей преданности основнымъ уставамъ политической охраны.

Мы умышленно избѣгаемъ казуистики вопроса. Въ нашемъ распоряженіи безчисленное множество фактовъ, вопіющихъ своею откровенностью. Въ общей массѣ они производятъ правдивое впечатлѣніе, но административная ссылка—не только достояніе исторіи и далекаго прошлаго, это—условіе нашего существованія, и каждый изъ насъ можетъ разсказать не мало случаевъ, близко ему извѣстныхъ, вопіющихъ не менѣе тѣхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Для насъ важно отмѣтить воззрѣніе администраціи на ссылку. Въ ней видѣли по преимуществу не мѣру охраны, а карательное средство, которое принадлежало исключительно власти администраціи. Никакой судъ не могъ сравнивать свою компетенцію съ полномочіями администраціи, и никакой судебный приговоръ не могъ быть такъ просто, легко и скоро постановленъ, какъ приговоръ администраціи.

Въ засѣданіи комитета министровъ г. Дурново «не счелъ возможнымъ умолчать» о фактахъ «глетворнаго вліянія» ссыльныхъ на населеніе. Но онъ умолчалъ о тѣхъ лишеніяхъ, правовыхъ и фактическихъ, которыя при его содѣйствіи щедро разсыпались на обывателей.

А, дѣйствительно, вліяніе ссылаемыхъ въ культурномъ отношеніи было громадно. Многіе изъ медвѣжьихъ уголковъ Имперіи неожиданно превращались въ умственные центры, малообразованное общество вдругъ получало въ свои ряды наиболѣе культурныхъ дѣятелей, благодаря которымъ обновлялась сѣрая обывательская жизнь, заводились библіотеки, школы, газеты, искусства. Значеніе административной ссылки было необычайно, и это можетъ послужить неисчерпаемой темой для спеціальнаго изслѣдованія. Но вліяніе это съ полицейской точки зрѣ-

нія было неблагонадежнымъ. Г. Дурново не могъ умолчать объ этомъ вліяніи и даже въ періодъ самобичеванія въ засѣданіи комитета министровъ 11 января 1905 года высказался буквально такъ:

«Въ частности относительно выселенія въ Сибирь тайный совѣтникъ Дурново не считалъ возможнымъ умолчать, что подвергшіяся такой карѣ и водворяемыя въ уѣздныхъ городахъ и даже деревняхъ лица, отличаясь и по развитію, и по образованію, а иногда и по матеріальному достатку, отъ массы мѣстныхъ обывателей, держать этихъ послѣднихъ подъ своимъ вліяніемъ. Здѣсь, такимъ образомъ, еще въ болѣе сильной мѣрѣ примѣнимы тѣ соображенія, которыя были ранѣе высказаны относительно разселенія неблагонадежныхъ лицъ въ мѣстностяхъ, которыхъ еще не коснулась политическая пропаганда, и, по убѣжденію сенатора Дурново, въ общегосударственныхъ видахъ представлялось бы желательнымъ, если не совсѣмъ вычеркнуть высылку изъ списка карательныхъ мѣръ, налагаемыхъ административнымъ порядкомъ на политически неблагонадежныхъ лицъ, то по крайней мѣрѣ всемѣрно ограничить ея примѣненіе».

Значеніе совѣщанія при министрѣ внутреннихъ дѣлъ по вопросамъ объ административной ссылкѣ было ничтожнымъ, и здѣсь руководствовались тѣми же самыми началами, что и при удаленіи неблагонадежныхъ лицъ. Мало того—дальность Петербурга отъ мѣстной власти создавала зачастую ненужное ожиданіе въ тюрьмѣ предрѣшенной уже ссылки.

Но объ мѣры—высылка и ссылка—имѣли ничтожное примѣненіе съ другими средствами охраны, изъ которыхъ на первое мѣсто выдвигается право ареста. Правила объ усиленной охранѣ допускали примѣненіе лишенія свободы только въ случаяхъ, имѣющихъ связь съ преступленіями политическаго свойства. Но съ самаго введенія этихъ правилъ въ силу, заключеніе подъ стражу явилось въ арсеналѣ административныхъ полномочій наиболѣе частымъ и примѣнимымъ способомъ охраны общества отъ предполагаемыхъ виновниковъ мѣстной политической неблагонадежности. Сначала арестовывали только политически подозрѣваемыхъ въ опредѣленномъ дѣйствіи, затѣмъ просто неблагонадежныхъ, потомъ способныхъ быть неблагонадежными, а затѣмъ и просто обывателей безъ всякаго повода, основанія. Арестовывали на срокъ, безсрочно, пользуясь правилами охраны, очень растяжимыми въ отношеніи лишенія свободы.

Никакой гарантіи личной неприкосновенности не было. Достаточно было неоформленного *lettre de cacheés*, и кого угодно можно было арестовать не только по данному поводу, но и «на предметъ выясненія причинъ арестованія».

Въ практикѣ административныхъ начальствъ случалось, что арестовывали солидныхъ капиталистовъ, важныхъ бюрократовъ. Отъ административнаго права страдали иногда сами представители государства и бюрократіи. Въ разное время въ министерство внутреннихъ дѣлъ дѣлались неофициальныя и негласныя сообщенія авторитетныхъ для власти лицъ, которыя констатировали и легкость примѣненія ареста, и отсутствіе критерія для распознаванія неблагонадежныхъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ разо-

сало административнымъ и полицейскимъ начальствамъ циркуляръ, въ которомъ настаивало на точномъ примѣненіи правилъ закона и въ предѣлахъ закона. Въ циркулярѣ разъяснялась сущность полномочій администраціи по производству арестовъ и ставилось начальствамъ на видъ охранный порядокъ ареста и примѣненіе его только исключительно въ случаяхъ политическихъ основаній.

Но Петербургъ всегда мало значилъ для мѣстной администраціи. И аресты сыпались изъ административныхъ роговъ изобилія.

П. Н. Дурново въ комитетѣ министровъ рассказывалъ, что административныя и полицейскія власти на мѣстахъ пользуются этими полномочіями при условіяхъ, мало соотвѣтствующихъ указаніямъ, содержащимся по этому поводу въ правилахъ объ усиленной охранѣ, чѣмъ вызываютъ въ средѣ мѣстнаго общества глухое раздраженіе противъ исходящихъ отъ нихъ распоряженій. Такой образъ дѣйствій администраціи, при которомъ ни одинъ изъ мѣстныхъ обывателей не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ обезпеченъ отъ производства у него обыска или заключенія его подъ арестъ безъ видимой подачи съ его стороны какого-либо къ тому повода, не можетъ не поселять смуты въ умахъ».

Разумѣется, все, сказанное относительно права заключенія подъ стражу, одинаково относится и къ полномочіямъ по производству обысковъ. Всякое политическое значеніе этой мѣры было подорвано самими администраторами и полиціей. А при некультурности полицейскихъ властей и при общей неосвѣдомленности агентовъ охраны, въ тѣ времена обыски производили часто комическое впечатлѣніе на дѣйствительныхъ дѣятелей политической жизни. Напротивъ, въ средѣ обывателей неограниченное право обысковъ производило панику, а случавшіеся изрѣдка обыски у вполне благонадежныхъ людей, не давая никакого матеріала для охраны, поселяли всеобщее недовольство. Дурново говорилъ, что «обыски такого рода, при которыхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не удается обнаружить сколько-нибудь существенныхъ, съ точки зрѣнія полицейскаго розыска, данныхъ, искусственно поддерживаютъ въ обществѣ глухое раздраженіе противъ распоряженій правительственныхъ властей, столь вредно отзывающееся на общемъ настроеніи».

Точно также совершенно неожиданный характеръ получили объяснительныя постановленія мѣстныхъ начальствъ. Условія исключительныхъ охранъ давали имъ право издавать административныя постановленія по вопросамъ государственной опасности и общественнаго порядка. Самъ законъ, отказываясь отъ казуистическаго перечисленія всѣхъ возможныхъ случаевъ, ссылаясь лишь на необходимость соотвѣтствія обязательныхъ постановленій съ требованіями охраны государства.

Но пожеланіе закона такъ и осталось пожеланіемъ, и администрація низвела полномочія по охранѣ на степень полицейскихъ необходимостей. Въ самомъ дѣлѣ, какой государственной функции или учрежденію могла бы грозить слишкомъ быстрая ѣзда извозчиковъ? въ какомъ государствѣ и когда возможно было бы грязное содержаніе лавки относить на счетъ политической неблагонадежности? А

между тѣмъ эти факты не только изъ прошлаго, но изъ текущей дѣйствительной жизни.

По традиціи и усмотрѣнію обязательныя постановленія начальства не только потеряли свой политическій характеръ: они подчинили самыя обыкновенныя проступки, наказуемые уголовными законами, административному разсмотрѣнію. Всѣ нарушенія обязательныхъ постановленій облагались и облагаются штрафами въ административномъ порядкѣ, мало того—административныя полномочія имѣютъ въ законѣ большой максимумъ, настолько большой, что часто угроза закона за данный проступокъ является слабѣйшей, чѣмъ высшая мѣра административнаго штрафа или наказанія. И администраторы становились выше закона и самолично законодательствовали въ своихъ территоріяхъ: простые полицейскіе проступки, не облагаемые закономъ выше ничтожнаго штрафа или заключенія на нѣсколько дней облагались въ административномъ порядкѣ долгосрочнымъ заключеніемъ и тысячными денежными штрафами.

Центральное правительство попробовало было бороться съ такою оригинальною постановкою исполнительной власти, при которой законодательная власть получаетъ второстепенное значеніе. Но и изъ этой попытки ничего не вышло. Мы считаемъ необходимымъ болѣе подробно остановиться на этой попыткѣ, такъ какъ она очень ярко характеризуетъ взаимоотношенія центральныхъ и мѣстныхъ властей по охранѣ страны отъ политическихъ экспериментовъ снизу.

На протяженіи 80-хъ годовъ не разъ представители торговаго и промышленнаго міра приносили неофіціальныя жалобы на дѣйствія администраціи. Безъ всякихъ основаній закрывали фабрики и магазины, капиталисты несли большіе убытки, полиція ссылалась на свои неограниченныя полномочія по охранѣ государства. Администрація врывалась въ промышленную жизнь и торговыя отношенія, тормозила ихъ, налагала свою крѣпкую руку на самыя обыденныя и внѣполитическія отношенія и тѣмъ самымъ создавала опасность капиталамъ и рынкамъ.

Съ жалобами обращались, повторяю, неофіціально, а иногда и черезъ скромныя органы печати. Послѣ нѣсколькихъ явно нецѣлесообразныхъ и волюющихъ случаевъ, въ 1887 году собрался комитетъ министровъ, который и посвятилъ этому вопросу нѣсколько засѣданій. Выяснилось невозможное положеніе; установлено было, что полиція и администрація изъяли изъ судебного порядка цѣлый рядъ дѣлъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не могли быть отнесены къ дѣяніямъ политическимъ и требующимъ наказаній по исключительной охранѣ. Комитетъ министровъ составилъ постановленіе, въ которомъ указывалось, что дѣла, незатрагивающія непосредственно государственную опасность и не относящіяся къ предупрежденію и пресѣченію преступленій государственнаго характера, не могутъ быть подчинены административнымъ взысканіямъ, а должны отойти къ общей подсудности. Положеніе это было объявлено мѣстной администраціи и направлено къ исполненію. Это было въ 1887 году, а въ 1905 году сенаторъ Дурново въ томъ же самомъ комитетѣ министровъ констатировалъ полную невозможность для центра поставить мѣстную админи-

страцію на законное основаніе и принудить ее къ точному исполненію подтвержденнаго закона. «Но административныя власти,—говорилъ г. Дурново,—преимущественно въ столицахъ и другихъ крупныхъ центрахъ, находили, что самая процедура такого разбирательства, въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ она нынѣ дѣйствуетъ у насъ, является для подобныхъ случаевъ слишкомъ громоздкою и не обеспечиваетъ достаточно быстрого, непосредственно слѣдующаго за обнаруженіемъ даннаго правонарушенія наступленія репрессіи, которая, для дѣйствительности ея, не должна была бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, заставлятъ себя ждать».

Такимъ образомъ, приведенныя данныя убѣждаютъ насъ, что центральное распоряженіе, встрѣчаясь съ распоряженіемъ мѣстнымъ, невольно теряло свою силу, тѣмъ болѣе, что, какъ на примѣръ въ разсматриваемомъ случаѣ, закону противопоставлялись удобства и легкость административнаго воздѣйствія вмѣсто судебного. И—что оригинальнѣе всего—правительство, которое не разъ заявляло о своей законности, не рѣшилось послѣ 1887 года ни разу вмѣшаться въ дѣйствія мѣстныхъ властей и поставить ихъ на подобающее имъ мѣсто закона.

Приведемъ маленькій примѣръ для иллюстраціи административныхъ распоряженій въ самомъ началѣ дѣйствія охранъ. Случай этотъ раскрылъ глаза многимъ, а печать долго не понимала, что совершается вокругъ нея. А случай былъ необыкновенно простъ. Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ усмотрѣлъ, что портерная лавка на Охтѣ содержится «грязно и неопрятно, а также служить мѣстомъ сборища для проститутокъ и притономъ разврата». И вмѣсто поддержанія культурныхъ основъ предшествовавшаго царствованія и передачи дѣла въ общія мировыя учрежденія, оберъ-полицеймейстеръ призналъ содержаніе портерной «несогласнымъ съ требованіями общественнаго порядка» и на основаніи правилъ объ охранѣ закрылъ портерную, въ видѣ наказанія, на два мѣсяца. Печать того времени совершенно добросовѣстно спрашивала: «неужели дурное содержаніе портерной грозитъ государственной безопасности и неужели черезъ два мѣсяца эта портерная перестанетъ грозить государственной безопасности?».

Конечно, для молодой печати того времени и закрытіе портерной могло казаться событіемъ огромной государственной важности. Въ наше время о такихъ мелочахъ даже не говорятъ.

Г. Дурново, обрисовывая охранныя полномочія администраціи, не коснулся очень и очень многихъ другихъ полномочій, отражавшихся еще сильнѣе на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ. Мы имѣемъ въ виду права генералъ-губернаторовъ въ отношеніи судебномъ. Положеніе объ охранѣ предоставляло имъ права передавать на разсмотрѣніе военныхъ судовъ отдѣльныя преступленія, предусмотрѣнныя общими уголовными законами.

Несомнѣнно, и здѣсь законъ имѣлъ въ виду исключительность самаго преступнаго дѣянія и опасность его для государственнаго порядка. Но на практикѣ получилось нѣчто другое. Военные суды приглашались къ разсмотрѣнію дѣлъ о гражданскихъ лицахъ и по са-

мымъ обычнымъ дѣламъ въ случаяхъ, ничѣмъ не выдающихся. Передача дѣлъ совершалась зачастую не по необходимости, а по капризу генераль-губернаторовъ. Иногда такая передача въ военные суды совершалась по распоряженіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, исходящимъ отъ него лично; а иногда мѣстныя начальства непосредственно обращались къ министру съ просьбою объ измѣненіи общей подсудности на военную. Такія ходатайства очень часто удозлетворялись также безъ видимой необходимости. А передача дѣла въ военный судъ предполагала менѣе сложныя формы процесса, формальное отношеніе къ подсудному, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и обязательность примѣненія смертной казни и законовъ военного времени.

Напрасно думаютъ, что число такихъ случаевъ было невелико. За послѣднее время число это выросло до невѣроятныхъ размѣровъ, но и въ эпоху 80—90 годовъ къ военнымъ судамъ обращались довольно часто.

Собственно говоря, такимъ постановленіемъ новый законъ лишній разъ подтверждалъ свое рѣшительное уклоненіе отъ началъ процесса Александра II. По военно-судебному уставу, который, какъ и судебные уставы 1864 года, привыкли называть культурнымъ завоеваніемъ,—передача дѣлъ въ военные суды могла имѣть мѣсто только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, и за преступленія, особо означенныя въ распоряженіяхъ объ этихъ мѣстностяхъ. Но, какъ мы уже видѣли выше, Александръ II уклонился отъ нормъ; положеніе 1881 года пошло еще далѣе.

Но практика военныхъ судовъ расширила и безъ того широкій законъ. Онъ говорилъ о разсмотрѣннѣ дѣлъ по законамъ военного времени, и это давало право практическимъ дѣятелямъ толковать исключительный законъ ограниченно, т. е. примѣняя къ преступленіямъ процессуальные законы военного времени, или просто болѣе упрощенныя формы и болѣе краткіе сроки. Но, подъ вліяніемъ событій и внѣшнихъ указаній, главный военный судъ въ своемъ рѣшеніи 1887 года за № 117 рѣшительно сталъ на сторону реакціи и опредѣлилъ, что правило усиленной охраны по 17 статьѣ содержитъ въ себѣ и судопроизводственныя формы военного времени, и карательныя мѣры военного же времени, т. е. смертную казнь.

Съ этого года военный процессъ по политической охранѣ пріобрѣтаетъ выдающееся значеніе. Прежде всего, замѣчается полное отсутствіе данныхъ судебной практики и рѣшеній главнаго военного суда, а это служить доказательствомъ, что дѣла этого рода не доходили въ кассационномъ порядкѣ до разсмотрѣнія высшей инстанціи и заканчивались въ производствѣ генераль-губернаторовъ.

Но 1887 годъ знаменателенъ и въ другомъ отношеніи. Всѣ военные суды, при вступленіи въ должность, знакомились съ секретными распоряженіями по военно-судебной части, которыя хранились въ судахъ. Эти распоряженія были конфиденціальными въ строгомъ смыслѣ слова, и немногіе военно-судебные дѣатели знали о существованіи этихъ конфиденцій. Однако, военные суды обязывались примѣнять эти секретныя распоряженія.

Мнѣ было извѣстно два такихъ распоряженія. Первое изъ нихъ—

эпохи министерства П. С. Ванновскаго о томъ, чтобы давать аттестации на временныхъ членовъ военно-окружныхъ судовъ по дѣламъ, передаваемымъ военнымъ судамъ по усиленной охранѣ. Бывали случаи, что предъявленіемъ какому-нибудь временному судѣ такого секретнаго распоряженія совершенно измѣнялась сущность приговора, а это давало поводъ говорить, что нѣкоторые предсѣдатели военныхъ судовъ, желая отличиться передъ начальствомъ, легко могли воздѣйствовать на волю судьи въ желательномъ смыслѣ. Такое положеніе вещей, разумѣется, лишало и приговоры военныхъ судовъ одного изъ необходимѣйшихъ элементовъ—справедливости. Такое распоряженіе существовало нѣсколько лѣтъ, а въ архивѣ главнаго военно-суднаго управленія и теперь еще, вѣроятно, сохраняются циркуляры, не менѣе секретнаго характера, о кажушейся мягкости военныхъ судей по дѣламъ государственной безопасности. Многіе изъ начальствъ въ первое время особенно имѣли основанія быть недовольными дѣятельностью военныхъ судовъ. Военное министерство поэтому не разъ напоминало судьямъ о важности лежащихъ на нихъ обязанностей и о необходимости поддержанія основъ государственнаго порядка.

Другое распоряженіе, о которомъ неосторожно обмолвился помощникъ главнаго военнаго прокурора по дѣлу Персина въ 1906 г., имѣетъ еще болѣе серьезное значеніе и относится къ 11 августа 1887 г. Согласно этому распоряженію, военные судьи лишены права при наличности смягчающихъ обстоятельствъ переходить по собственной власти къ менѣе тяжкимъ наказаніямъ, напримѣръ, отъ смертной казни къ каторгѣ, а лишь могутъ составить соотвѣтствующее ходатайство и направить его къ военно-административной власти, которая вольна совершенно игнорировать это ходатайство и, такимъ образомъ, отказаться отъ смягченія наказанія въ явное противорѣчіе съ требованіями суда по дѣлу.

Отмѣтимъ въ заключеніе, что процессы по законамъ военного времени по самому существу своему являлись отрицаніемъ истины. И никакая власть не могла помѣшать административной власти въ приведеніи приговора въ исполненіе, и никакой судъ не могъ провѣрить, насколько приговоръ дѣйствительно соотвѣтствуетъ истинному положенію вещей и виновности даннаго лица. Лишеніе права обжалованія и устраненіе кассационнаго порядка—самыя тяжкія лишенія, какія только создавались при условіяхъ исключительныхъ положеній.

Чтобы покончить съ вопросомъ о значеніи въ культурной жизни страны усиленной охраны, намъ предстоитъ ознакомиться съ показаніями, данными С. Ю. Витте въ бытность его предсѣдателемъ комитета министровъ во время засѣданія комитета 11 января 1905 года.

Витте въ своей характеристикѣ исходилъ изъ совершенно другихъ соображеній, нежели его сотрудникъ—П. Н. Дурново. Расширеніе площади примѣненія правилъ объ усиленной охранѣ «лишь до известной степени объясняется личными взглядами того или другого начальника края на цѣлесообразность, въ видахъ охраненія въ данной мѣстности общественнаго спокойствія... На самомъ дѣлѣ истинная причина такихъ явленій коренится глубже. Правительство всегда смо

трѣло на введеніе въ данной мѣстности правилъ объ усиленной охранѣ, какъ на средство, имѣющее цѣлью удаленіе извѣстныхъ нездоровыхъ напикей, могущихъ возмутить ровную поверхность нормальной общественной жизни страны. При этомъ, однако, до нѣкоторой степени упускалось изъ виду, что наиболѣе прямымъ и соотвѣтствующимъ правильно понимаемымъ интересамъ государства путемъ къ достиженію означенной цѣли является не принятіе репрессивныхъ мѣръ противъ уже обнаруженнаго зла, но предупрежденіе самаго возникновенія такого зла посредствомъ своевременнаго удаленія основныхъ причинъ, обусловливающихъ его зарожденіе. У насъ же ходъ законодательства призваннаго регулировать важнѣйшія отправленія общественнаго организма, нерѣдко оказывался слишкомъ медленнымъ для своевременнаго удовлетворенія настойчиво заявляемыхъ поступательнымъ движеніемъ народной жизни запросовъ; въ другихъ же случаяхъ результаты законодательныхъ работъ, предварительно не соображенныхъ всесторонне съ насущными общественными нуждами, порождали немаловажныя затрудненія для правительства».

Эти положенія С. Ю. Витте пояснялъ примѣрами изъ области фабричнаго законодательства, гдѣ онъ выхвалялъ свои личныя начинанія, жизни учащейся молодежи и еврейскаго населенія Россіи.

Учащаяся молодежь, по мнѣнію Витте, являлась «другимъ безпорочнымъ элементомъ въ средѣ нашего общества, требующимъ особой бдительности со стороны государственныхъ органовъ, отвѣтственныхъ за охраненіе общественнаго спокойствія».

Волненія среди воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній въ началѣ 80-хъ годовъ, при введеніи Положенія объ усиленной охранѣ, являлись лишь единичными. Въ то время правительство пресѣкало безпорядки путемъ предоставленія назначеннымъ отъ правительства учебнымъ органамъ права ближайшаго наблюденія за ходомъ академической жизни. Тогда академическая администрація и полицейская власть были синонимами. Между профессорами и учащимися не было никакой внутренней связи. Профессора были поставлены въ положеніе преподавателей научныхъ системъ. Но такая постановка была признана неудовлетворительной самимъ правительствомъ, какъ утверждалъ Витте. И тѣмъ не менѣе молодежь нуждалась въ успокоеніи, но уже мѣрами не полицейскаго свойства.

Точно также и средняя школа разсматривалась съ точки зрѣнія полицейской. Правительство могло видѣть въ ней или расадникъ будущихъ дѣятелей крамолы, или наоборотъ—признательныхъ и убѣжденныхъ служителей режима. Поэтому были приняты всѣ мѣры, чтобы средняя школа была учрежденіемъ перваго типа, и съ этою цѣлью дѣлалось все, чтобы преподаваніе въ ней велось въ духѣ государственной безопасности. Усиленная охрана давала средства къ уничтоженію школы, какъ таковой, и явно содѣйствовала выработкѣ изъ школы полицейско-воспитательнаго заведенія.

Мы могли бы до безконечности останавливаться на всѣхъ сторонахъ общественной, политической и просто культурной жизни страны и въ каждой изъ нихъ указывать черты, вызванныя борьбою съ крамолою.

Собственно говоря, съ момента изданія положенія объ усиленной охранѣ, все законодательство направлено на борьбу съ крамолою. Отъ этого исходнаго пункта начинаютъ всякій законопроектъ, всякую реформу, всякій правительственный шагъ. Законы за время 88 и 90-хъ годовъ не болѣе, какъ выработка общаго полицейскаго государственнаго кодекса. Все предпринималось въ имя Положенія 1881 года, во имя охраны охранныхъ законовъ, во имя поддержанія того общественнаго порядка, который создавался исключительными мѣрами.

Эта эпоха по справедливости можетъ быть названа эпохой разработки и усовершенствованія положенія 1881 года, которое по самому существу своему было крайне абстрактнымъ, неполнымъ и неяснымъ. Для полицейскихъ дѣятелей нужны были болѣе казуистическія опредѣленія полномочій. И за всякимъ новымъ закономъ стояли интересы государственной полиціи.

Для характеристики отмѣтимъ нѣсколько такихъ явленій.

Просвѣтительная низшая школа допускается въ странѣ, но именно допускается и допускается постольку, поскольку она не противорѣчитъ идеѣ полиціи. Библіотеки, публичныя чтенія, народный театръ— все это средства для крамольной заразы. Прежде чѣмъ допустить ихъ, надо взвѣсить вліяніе ихъ на душу народа. И чѣмъ сильнѣе растетъ потребность въ просвѣтительныхъ начинаніяхъ, тѣмъ сильнѣе и строже полномочія администраціи. Низшая школа переживаетъ кризисъ, идетъ борьба между либеральнымъ земствомъ и церковнымъ приходомъ, между намеками на просвѣщеніе и охраной народныхъ суетврій, охраняющихъ бесплатно общественный и государственный порядокъ.

Въ тѣхъ же цѣляхъ охраны и во имя закона 1881 года, интеллигенція не допускается до народа даже въ моменты тяжелыхъ недо-родовъ и хроническихъ голодовокъ. И не допускается потому, что интеллигенція можетъ оказаться удобной для развитія въ народѣ неблагонадежныхъ элементовъ. А отсюда проистекаютъ самые возмущительные случаи охраны, какъ на примѣръ воспрещеніе кормить «го-лодныхъ, опрокидываніе столовъ съ пищею, приготовленною для «не-дородныхъ»».

Агрономическая помощь, врачебно-санитарный надзоръ, само земство—все это рассадники крамолы. Ихъ не только ограничиваютъ, ихъ прикрываютъ, ставятъ подъ правительственный надзоръ, какъ напр. тверское земство.

Не только область образованія и самоуправленія несли въ жертву государственной полиціи свои лучшія достоянія: вся экономическая жизнь страны стояла въ зависимости отъ средствъ охраны. Всякой свободной предприимчивости, всякому промыслу ставились препятствія, и тѣмъ сильнѣйшія, чѣмъ острѣе была охрана. Полное отсутствіе хозяйственной самостоятельности, полицейское обереганіе рынковъ, крѣпостное состояніе многихъ рынковъ, какъ на примѣръ крестьянскаго—должно было вести не только къ полному застою, но и къ обнищанію всего населенія.

Съ 1881 года государственный организмъ Россіи заболѣлъ болѣзью рака. Сначала незамѣтны были болѣзненные явленія, но когда мало-по-малу весь организмъ почувствовалъ себя во власти болѣзни,

въ немъ самомъ оказалось слишкомъ мало здоровыхъ кровей, чтобы излѣчиться.

Въ 1905 году русскую бюрократію бранили на каждомъ шагѣ и считали ее повинной во всѣхъ несчастяхъ Россіи. Но діагнозъ былъ поставленъ невѣрно, а отсюда—неправильность и самыхъ методовъ лѣченья. Болѣзнь «охраной»—это самое страшное, что когда-либо переживалось странами.

А охраной съ одинаковою любовью занимаются какъ бюрократы, такъ и народные представители, если охрана—цѣль жизни.

Чтобы покончить съ характеристикой усиленной охраны, намъ остается коснуться вопросовъ вѣроисповѣдныхъ и окраинныхъ.

Въ первомъ отношеніи наиболѣе рѣзко выступаетъ вопросъ о раскольникахъ. Въ отношеніи ихъ принимались зачастую мѣры, не столько вызываемыя господствомъ православной церкви, сколько распоряженіями мѣстныхъ дискреціонныхъ властей, осуществлявшихъ долгіе годы свои полномочія. Комитетъ министровъ въ 1905 году на первое мѣсто поставилъ немедленное устраненіе мѣропріятій, принятыхъ на основаніи правилъ объ охранѣ. А власти отдавали раскольниковъ подъ надзоръ полиціи, выселяли на Кавказъ, въ Сибирь, арестовывали ихъ, пока, наконецъ, въ самое недавнее время не было сдѣлано въ центрѣ распоряженія—«не допускать впредь... примѣненія къ дѣламъ религіознаго свойства положеній о государственной охранѣ и о полицейскомъ надзорѣ».

Но что достигнуто раскольниками, то—пока въ идеалѣ для другой жертвы религіознаго отличія—для евреевъ. С. Ю. Витте въ упомянутомъ выше засѣданіи комитета министровъ признавалъ евреевъ—третьимъ элементомъ, враждебно настроеннымъ къ правительству, наряду съ рабочими и учащимися вышнихъ учебныхъ заведеній. И правъ былъ Витте, когда говорилъ, что «органы полицейской власти на мѣстахъ будутъ принуждены съ тою же повышенной энергіею, которую они за послѣднее время не переставали проявлять, вести борьбу съ противоправительственною дѣятельностью евреевъ». Разумѣется, это справедливо до тѣхъ поръ, пока государство переживаетъ болѣзненный кризисъ и охрана государства является единственно цѣннымъ для страны благомъ.

Мы не будемъ останавливаться на окраинныхъ вопросахъ. Дѣйствительность еще слишкомъ близка и жива, чтобы забывать о ней. Но мы не можемъ не затронуть въ самыхъ частяхъ вопроса о Финляндіи.

Терпѣть рядомъ съ собой хотя и культурную страну, но живущую особой жизнью, гдѣ всѣ помыслы не вертятся около поддержанія порядка и полиціи, было почти невозможнымъ. Терпѣли долго, пока, наконецъ, въ Финляндіи не утвердились русскія начала. Генераль Бобриковъ, неожиданно встрѣтившись съ противодѣйствіемъ финновъ при проведеніи устава о воинской повинности,—устава, противорѣчившаго основнымъ законамъ страны, рѣшилъ пойти на все. И 2 апрѣля 1903 года исходатайствовалъ для себя новый законъ, подъ названіемъ «о мѣрахъ къ охраненію въ Финляндіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія».

Никакихъ разумныхъ основаній для введенія въ странѣ осаднаго положенія не было. Финляндія молчала, правовой строй ея отрицалъ всякую возможность зараженія болѣзною Россіи, нигдѣ никакихъ мятежныхъ дѣйствій не замѣчалось. Финны въ своей петиціи совершенно основательно указывали, что эти мѣры охраны представляютъ собою безпримѣрное противорѣчіе всему строю Финляндіи; что всѣ многочисленныя, направленные противъ безупречныхъ финляндскихъ гражданъ вторженія въ сферу личной свободы и благосостоянія являются самымъ откровеннымъ нарушеніемъ законовъ страны; что вслѣдъ за обнародованіемъ охраннаго закона послѣдовали ненужныя насильственныя выселенія изъ края, ссылки въ Россію, незаконныя заключенія подъ стражу и домашніе обыски.

Но русское правительство не удовлетворилось изданіемъ закона. Какъ и въ Россіи, на протяженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ охранный законъ дополнялся, выросталъ, множился. Дополнительные постановленія, развязывающія руки мѣстной администраціи, явились 13 (26) августа того же года, 27 ноября (10 декабря), 4 (17 декабря) и 21 декабря.

22 октября 1905 года всѣ эти охранныя мѣры были отмѣнены. Такимъ образомъ Финляндія не долго переживала самыя страшныя мѣры, которыя способна практиковать государственная власть.

IX.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ по отношенію охранный политики къ своимъ собственнымъ агентамъ.

Здѣсь было сдѣлано все, чтобы чины администраціи, полиціи и вообще охраны на первое мѣсто обязанностей ставили обязанности по охранѣ. Статья 22 закона 1881 года положительно требовала отъ агентовъ въ полной мѣрѣ дѣйствія власти. О превышеніи власти при охранѣ статья не обмолвливалась ни однимъ звукомъ, зато всю тяжесть кары она возлагала на тѣхъ, кто въ вопросахъ охраны допустить бездѣйствіе власти.

Въ этомъ же духѣ составлялись циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ и спеціальныя инструкціи мѣстныхъ властей. Въ нихъ выдвигалось это очевидное различіе, которое дѣлаетъ законъ между преступнымъ бездѣйствіемъ и превышеніемъ власти. А отсюда легко видѣть, какъ должны были поступать мѣстныя начальства по охранѣ и въ какомъ направленіи работать, поддерживая государственный порядокъ.

Иногда мѣры, принимавшіяся мѣстными властями, отмѣнялись центромъ. Но никогда центръ не позволялъ себѣ вносить разложеніе въ среду охранителей преданіемъ ихъ суду за превышеніе власти по охранѣ. Къ тому же и законъ 1881 года былъ настолько эластиченъ, что въ его предѣлахъ можно было двигаться совершенно свободно.

Н. И. Фалѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ годовъ.

I.

По цензурнымъ условіямъ 1902 г., въ «Матеріалахъ для біографіи Г. И. Успенскаго» Н. К. Михайловскій не могъ опредѣленно говорить объ отношеніяхъ Г. И. къ революціонерамъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, и читателю этихъ «Матеріаловъ» предоставлялось лишь догадываться, какую роль играли эти люди въ жизни Успенскаго, когда «онъ искалъ того равновѣсія, той гармоніи отношеній и пропорцій, гармоніи цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, разума и совѣсти, которой не находилъ въ себѣ и въ непосредственно окружающей его жизни» ¹⁾.

«Онъ находилъ гармонію цѣлей и средствъ, мысли и дѣла, разума и совѣсти... въ живыхъ людяхъ,—говоритъ Михайловскій,—вродѣ дѣвушки «строгаго, почти монашескаго типа», передъ которою онъ почти молитвенно преклонялся. Въ нѣкоторыхъ своихъ очеркахъ онъ самъ рассказывалъ, какъ «выпрямляли», счастливили его такія явленія жизни. Къ числу ихъ принадлежалъ и оригиналъ героя романа или повѣсти «Удалой добрый молодецъ».

Теперь можно расшифровать эти строки Н. К. Михайловскаго.

Гл. И. Успенскій, по своему характеру, не могъ быть активнымъ революціонеромъ, но его недовольство «существующимъ строемъ», глубокое пониманіе истинныхъ причинъ всякихъ «неурядицъ», искренность и прямота—всегда тянули его въ сторону представителей активного протеста. Въ нихъ онъ видѣлъ людей, беззавѣтно преданныхъ родинѣ, неспособныхъ ни на какія сдѣлки съ совѣстью, и даже завидовалъ имъ.

— Ну, что я?—говорилъ онъ, напримѣръ, про свою литературную дѣятельность.—Пишу ради лавочки! Иной разъ и хочется размахнуться, да вспомнишь прачку, мясника, шляпку съ перомъ для Алекс. Вас.,—и начнешь строчить: «Солнце склонялось къ западу... По небу катилось облако... точно бревно—къ плотамъ на Ветлугѣ...»

¹⁾ Последнія сочиненія Н. К. Михайловскаго. т. II, гл. VII и VIII; стр. 190—191.

Вонъ Бакунинъ или Лавровъ—тѣ пишутъ, не считаясь съ тѣмъ, будетъ-ли *légume* къ завтраку...

Или вотъ что писалъ онъ В. М. Соболевскому, редактору «Русскихъ Вѣдомостей», по поводу своихъ встрѣчъ съ болгарскими революціонерами: ¹⁾

«Да! надобно *дѣйствовать* и дѣйствовать *прямо!*» ты—писатель (думаютъ они), сочувствуешь и тому-то, и тому-то? Ну, такъ докажи. Бѣда тебѣ будетъ? Плохо? До этого намъ нѣтъ дѣла. Мы вѣдь не боимся разстрѣливать подлецовъ, и не боятся ваши, которые ненавидятъ подлецовъ,—умирать. Ты долженъ быть не зайцемъ, боящимся всего этого. Если вы, писатели, пишете то-то и то-то,—то и на дѣлѣ пожайлуйте!..» Это все вѣрно, правда сущая. Но я уже напуганъ. Вздохну, обдумаю, немного укрѣплюсь и, повѣрьте, сдѣлаю *такъ!* Если я не сдѣлаю *такъ*, то все—чепуха, вся жизнь—вздоръ, сочиненіе, пустяки, презрѣнные пустяки... Боже мой, какъ мнѣ опротивѣлъ *здѣсь* Толстой. Какой смрады!..»

Гл. Ив. дружилъ со многими революціонерами 70-хъ и 80-хъ годовъ, и для характеристики его отношеній къ нимъ прежде всего слѣдуетъ остановиться на двухъ лицахъ, упомянутыхъ Н. К. Михайловскимъ, но не названныхъ по имени. «Оригиналъ героя задуманной Г. И. повѣсти «Удалой, добрый молодецъ», это—Г. А. Лопатинъ. О немъ онъ писалъ Михайловскому:

«Повѣсть, которую пишу,—автобіографія, не моя личная, а нѣчто вродѣ Лопатина. Чего только онъ не видалъ на своемъ вѣку! Его метало изъ губернаторскихъ чиновниковъ въ острогъ на Кавказъ, съ Кавказа въ Италію, прямо къ битвѣ подъ Ментоной, къ Герцену, потомъ въ Сибирь на три года, потомъ на Ангари, по которой онъ плылъ тысячу верстъ, потомъ въ Шенкурскъ, въ Лондонъ, въ Цюрихъ, въ Парижъ. Онъ видѣлъ все и вся. Это—цѣлая поэма. Онъ знаетъ въ совершенствѣ три языка, умѣетъ говорить съ членомъ парламента, съ частнымъ приставомъ, съ мужикомъ, умѣетъ самъ притвориться и частнымъ приставомъ, и мужикомъ, и неучемъ, и въ то же время можетъ войти сейчасъ на кафедру и начать о чемъ угодно вполнѣ интересную лекцію. Это—изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголокъ я постараюсь взять въ свою власть» ¹⁾.

«Дѣвушка, строгаго, почти монашескаго типа, передъ которою онъ почти молитвенно преклонялся»—В. Н. Фигнеръ. За все время знакомства съ В. Н., Гл. Ив. восторгался ея умомъ, энергіей и въ особенности—отзывчивостію къ людскимъ страданіямъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда причины этихъ страданій могли казаться ничтожными съ ея личной точки зрѣнія.—Она понимаетъ всякое горе,—говорилъ о ней Гл. Ив.,—страдаетъ человѣкъ изъ-за пустяковъ, а ей все-таки жаль его, готова помочь... Великое сердце!

Глубокія симпатіи Гл. Ив. къ В. Н. Фигнеръ сказались даже въ его бредовыхъ видѣніяхъ въ психіатрической лѣчебницѣ доктора Фрея. Очевидно, образъ кристальной души В. Н. сохранился въ его боль-

¹⁾ Это письмо, не отправленное по назначенію, сохранилось въ бумагахъ Гл. Ив.

²⁾ Ibid., стр. 191.

ной памяти и, въ зависимости отъ его нѣсколько мистическаго на-
строения, сталъ воплощаться въ «монахиню Маргариту, приносящую
съ собой утѣшеніе и ободреніе» ¹⁾).

— Угрюмый, сидѣлъ я, склонивши голову, — рассказывалъ Гл. Ив.
про свое видѣніе. — Варугъ чувствую... именно чувствую, а не вижу,
что ко мнѣ медленно, тихо приближается женщина въ бѣлоснѣжной
одеждѣ... Сосредоточенная, строгая, она смотритъ на меня съ глубо-
кой тоской во взорѣ... Такою я видалъ В. Н., когда она бывала уду-
рена чѣмъ-нибудь... Да и видѣніе, какъ мнѣ казалось, походило на
нее... Были и другія знакомыя черты, но ея глаза, фигура... Она по-
дошла ко мнѣ и любовно положила на мое плечо свою руку... Я
очнулся, поднялъ глаза и увидѣлъ, что все небо, какъ яркими звѣз-
дами, усыпано человѣческими сердцами... все сердца, сердца... Весь
міръ она переполнила любовью... Съ этого момента я сталъ замѣ-
чать, что здоровье мое улучшается. Свѣтлые промежутки стали чаще.
А чуть, бывало, снова набѣжить мракъ, ненависть къ людямъ, жажда
смерти — мой ангель-хранитель, Маргарита, опять со мной... Повози-
лась она со мной достаточно! — шутиво заканчивалъ Гл. Ив. свой
трагическій рассказъ.

Кромѣ В. Н. Фигнеръ, Гл. Ив. былъ знакомъ, отчасти даже дру-
женъ со многими видными членами партіи «Народной Воли». Юрій
Богдановичъ, Желябовъ, Кибальничъ, А. П. Корба, Лангансъ, Перов-
ская, Саблинъ, Левъ Тихоміровъ и др. всегда находили у него ра-
душный пріемъ. Въ общеніи съ ними онъ почерпалъ бодрость духа и
всякій разъ впадалъ въ уныніе, когда случайно затягивался періодъ
неизвѣстности относительно судьбы того или другого. Всѣ платили
ему взаимностью. До какой степени доходила искренность и простота
отношеній съ обѣихъ сторонъ, можно заключить, напримѣръ, изъ
того, что Гл. Ив., точно предчувствуя грядущія событія, непременно
хотѣлъ, чтобы всѣ собрались у него для встрѣчи новаго 1881 года,
и, несмотря на рискованность этой затѣи для «нелегальныхъ» людей,
очень многіе были въ числѣ его новогоднихъ гостей, — можетъ быть,
даже съ увѣренностью, что въ послѣдній разъ жмутъ руку любимому
писателю и человѣку.

Для иллюстраціи отношеній Гл. Ив. къ политическимъ ссыль-
нымъ, бывшимъ на свободѣ его друзьями, и отчасти для характери-
стики его душевныхъ мыслей, не находившихъ выраженія въ пе-
чати, я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ
ко мнѣ, когда я жилъ въ 1885 г. въ г. Минусинскѣ и въ 1888 г. въ
Томскѣ.

28 декабря 1884 г. я послалъ Гл. Ив. рукопись крестьянина изъ
мелоканъ Минусинскаго уѣзда, Т. Н. Бондарева, подъ заглавіемъ «Трудо-
любіе или торжество земледѣльца». Деревенскій философъ объяснялъ
всѣ несовершенства жизни тѣмъ, что большинство людей забыло «перво-
родный» законъ: «въ потѣ лица снеси хлѣбъ свой», и для восстано-
вленія правды на землѣ рекомендовалъ «бѣлоручкамъ» земледѣльче-
скимъ трудомъ снискивать себѣ пропитаніе. Гл. Ив., въ интересахъ

¹⁾ Ibid., стр. 218.

«читателя, томящагося рѣшеніемъ вопроса: «какъ жить свято», воспользовался этой рукописью для своей статьи: «Трудами рукъ своихъ» ¹⁾. Появление его статьи въ «Русской Мысли» говорило мнѣ, что, если онъ получилъ рукопись Бондарева, то долженъ былъ получить и мое письмо, отправленное вмѣстѣ съ нею. Отвѣта долго не было. Наконецъ онъ пришелъ 17 апрѣля 1885 года.

«Дорогой мой А. И.! писалъ Успенскій. Тысячу миллионовъ разъ собирался и принимался писать Вамъ,—но такъ ужасно тяжело жить, такая бѣда безконечная тяготитъ надо мною всю жизнь, что едва-едва съ страшнымъ трудомъ и усиліями способенъ только строчить кое-что для хлѣба. Искренности во мнѣ давно, давно нѣтъ. Только нужда, и я ужъ ни о чемъ, ни о какихъ планахъ не мечтаю. Лишь бы что нибудь, какъ нибудь написать, и потомъ думать о слѣдующей работѣ. Ни знакомыхъ, ни отдыха никакого никогда. Въ прошломъ году доѣхалъ до Екатеринбурга и хотѣлъ ѣхать къ Вамъ и видѣть васъ всѣхъ,—нѣтъ! Такая тоска взяла меня въ Екатеринбургѣ, что я только промаялся тамъ три дня и уѣхалъ, никого, ничего не выдавши. Теперь мнѣ поздно ужъ толкаться между людьми, смотрѣть, какъ живутъ, и т. д. Надо сидѣть съ перомъ и писать, пока не издохнешь. Какъ вы счастливы, сколько вы (всѣ) всего видѣли, и будутъ у васъ хорошія, свѣтлыя времена (они, кажется, начинаются), а у меня ничего не будетъ,—только пиши и пиши. Тутъ никуда не хочется поѣхать, все равно надо будетъ истребить въ себѣ все, что привезешь. Лучше сидѣть...

Отчего вы не пишете мнѣ?.. Дмитрій Александровичъ? ²⁾ Марья Павловна? ³⁾. Это не посусѣдски...

Рукопись молоканина сокращена, вычеркнуто множество, и потомъ вѣдь пишешь положительно съ глубокимъ сознаниемъ, что «не такъ», и это ужъ нѣсколько лѣтъ подрядъ. Но она произвела большое впечатлѣніе, и массу писемъ я получилъ. Въ сочиненіи Л. Толстого, которое не напечатано, та же идея, и едвали не этотъ молоканинъ вывелъ его изъ той чепухи, въ которую попалъ Толстой съ своей теоріей благотворительности, которую практиковалъ на дѣлѣ. Теперь онъ все это поправилъ и говоритъ: «пахаты!» Я думаю, что и это не пристало къ барину. Зачѣмъ же тащить изъ мужицкой теоріи въ свою то, что для барина только извиненіе не вмѣшиваться въ политику? Вѣдь пахать то въ самомъ дѣлѣ не будетъ»...

Далѣе, въ письмѣ Гл. Ив. въ юмористическомъ тонѣ рассказываетъ нѣкоторые эпизоды изъ жизни общихъ друзей изъ литературнаго міра и, сохраняя тотъ же тонъ, продолжаетъ:

«Читалъ у г-жи Минаевой письмо Дмитрія Александровича — чистый академикъ! Съ сѣвера, говоритъ, мы граничимъ сѣверомъ, а съ юга горами Араратскими, а къ западу начинается то-то и то-то... И при томъ сказано: «письма не читаются». Не знаю... А хорошо, если бы вы и Д. А. писали о своемъ житіи бытіи подробно, все что

¹⁾ Соч. Глѣба Успенскаго, т. II. изд. 1889 г.

²⁾ Д. А. Клеменцъ.

³⁾ М. П. Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ.

угодно,—все важно и все по возможности надо бы проводить въ публику теперь...

Скоро къ вамъ поѣдетъ мать Фигнеръ, т. е. не къ вамъ, а къ дочерямъ въ Иркутскъ.

И такъ, милый мой А. И., и всѣ, милые мои,—пишите! Глубоко вамъ благодаренъ за рукопись».

Вопреки утѣренію Гл. Ив., что теперь ему «поздно ужъ толкаться между людьми», онъ все-таки заглянулъ въ Сибирь лѣтомъ 1888 г. Въ то время я жилъ въ Томскѣ и вмѣстѣ съ Ф. В. Волховскимъ, П. А. Голубевымъ и Г. Ф. Здановичемъ принималъ участіе въ «Сибирской Газетѣ». Гл. Ив. попалъ къ намъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы были заняты составленіемъ номера газеты, цѣликомъ посвященнаго открытію перваго университета въ Сибири 22 июля 1888 г. Онъ быстро вошелъ въ курсъ дѣла и, узнавъ, что въ номерѣ проектируется отдѣлъ: «Замѣчательные сибиряки», предложилъ намъ написать біографію историка А. П. Щапова ¹⁾).

Кромѣ насъ, сотрудниковъ «Сибирской Газеты», въ Томскѣ были еще ссыльные, и, между прочимъ, цѣлая колонія ихъ жила на дачномъ положеніи въ деревнѣ Басандайкѣ. Гл. Ив. хотѣлось видѣть всѣхъ «изгнанниковъ», и онъ собрался непременно заглянуть въ эту Басандайку, почему-то прозванную имъ Бахчисараемъ. Но вышло такъ, что въ приглашеніи одного изъ ссыльныхъ Ш. пріѣхать туда онъ заподозрилъ коварный умыселъ: видѣть его въ колоніи не простымъ гостемъ, а писателемъ, способнымъ освѣтить какіе-то вопросы спорнаго характера. Всегда далекій отъ мысли «поучать» кого-либо, онъ не поѣхалъ въ Басандайку и все время проводилъ въ нашемъ обществѣ, случайно увеличившемся пріѣздомъ въ Томскъ большой пріятельницы Гл. Ив., О. Н. Фигнеръ. Время его пребыванія съ нами летѣло незамѣтно, и день его отъѣзда сжималъ сердце предчувствіемъ, что безъ него опять начнутся скучные, сѣрые будни. Оторванные отъ Россіи, мы съ жадностью воспринимали его живыя, полная юмора характеристики разныхъ явленій жизни, общихъ друзей и знакомыхъ, и сознавали, что общеніе съ нимъ дополняетъ и расширяетъ сферу нашихъ представленій о русскихъ дѣлахъ, естественно сократившуюся, благодаря подневольной жизни на чужбинѣ. Между тѣмъ, самому Гл. Ив. все время казалось, что онъ не привезъ намъ ничего утѣшительнаго, а еще больше сгустилъ мракъ нашей неволи своей личной персоной, недовольной условіями своего существованія и неудачами, преслѣдующими его изъ года въ годъ.

28 июля Гл. Ив. уѣхалъ изъ Томска. Чтобы не возвращаться на пароходѣ по унылымъ сибирскимъ рѣкамъ, онъ предпочелъ проѣхать путь отъ Томска до Тюмени на лошадяхъ. Такой способъ передвиженія оказался рискованнымъ. Дорогой онъ чуть не сдѣлался жертвой быстрой сибирской ѣзды, или, какъ онъ писалъ, «едва не былъ убитъ, и рѣшительно не понимаю, какъ только не переломилъ ногу». Всѣ свои дорожныя приключенія онъ описалъ въ письмѣ ко мнѣ изъ Омска, 30 июля, и даже графически изобразилъ, какъ лошади тащили

¹⁾ № 55 „Сибирской Газеты“ 1888 г.

тарантасъ, опрокинувшійся на него, и гдѣ именно онъ получалъ наибольшіе удары. «Извозчикъ, весь избитый, стоялъ надо мной, когда я выползъ изъ подъ чемодана и сѣна, блѣдный отъ изумленія,— такъ кончается описаніе пережитыхъ имъ тревоженій.—У него кровь была на носу, и онъ понять не могъ, какъ я спасся, и говорилъ одно: «Богъ спасъ»! Да и я, признаться, въ небесахъ увидѣлъ Бога, когда меня стукнуло объ уголъ до того, что искры посыпались»...

«Дружки» и «почтовые недруги» показались Гл. Ив. такими ужасными, что онъ отказался ѣхать дальше на лошадахъ, и рѣшилъ ждать въ Омскѣ парохода.

«Я легъ спать, пишетъ Гл. Ив., и проспалъ 12 часовъ. Теперь 6 ч. утра. И все таки я чувствую себя хорошо. Я радъ, что видѣлъ васъ, Ольгу, Здановича, Петра Александровича, Волховскаго, но я не радъ, что привезъ себя къ вамъ въ такомъ гнусномъ видѣ. Скучнѣй вамъ, милый А. И., стало отъ моего визита, не ободрилъ я васъ ничѣмъ, ничѣмъ—вотъ что мнѣ горько. Я пріѣхалъ совершенно въ мочальномъ видѣ. Что дѣлать! Надо бы мнѣ пожить у васъ подольше, и я бы поправился, и мысли бы мои посвѣжѣли. Мнѣ и теперь во сто разъ лучше, чѣмъ тогда, когда я пріѣхалъ, и теперь я благодарю васъ до глубины души, говорю вамъ отъ чистаго сердца: спасибо вамъ, слава Богу, что вы живы и такіе славные люди. Я ужасно жалѣю, что не былъ въ Бахчисараѣ. Я долженъ былъ тамъ быть, а главное самъ *хотѣлъ* душевно. Довольно я нажилъ въ пустопорожнемъ обществѣ, мнѣ нужно Ваше и ихнее. Но Ш. какъ-то такъ глупо перевернулъ мое положеніе относительно ихъ, что оказалось невозможнымъ поѣхать просто, такъ, какъ мы ѣздили къ этимъ братьямъ охотникамъ ¹⁾. Нельзя было *просто* поѣхать, потому что Ш. такъ сдѣлалъ, что, неизвѣстно почему, сталъ приходить ко мнѣ, точно къ попу звать къ родильницѣ. Родильница помираетъ, а попъ не идетъ.

— Такъ мнѣ *можно* уѣхать въ Барнауль? Жена больна. Вотъ съ какими рѣчами онъ ко мнѣ приходилъ. Выходило такъ, что если я не поѣду въ Бахчисарай, то у него жена умретъ, и вообще я его задерживаю. Онъ въ чемъ-то тамъ *общался*, и не то я, не то они его «не пускаютъ» ѣхать изъ-за меня, пока *не привезетъ*. (Вотъ вѣдь какое недомысліе!). Зачѣмъ меня привозить «силомъ», когда я самъ хочу ихъ видѣть и быть у нихъ. Вѣроятно, онъ имъ общалъ, что я буду давать какіе-то отвѣты, какъ Іоаннъ Кронштадтскій; они будутъ спрашивать, а я прорицать. Вотъ отъ этого-то я и не поѣхалъ, такъ какъ просто хотѣлъ повидаться съ людьми хорошими, а къ допросу идти не пожелалъ.

— Извозчикъ готовъ сейчасъ!..

Чисто какъ къ попу.

— Батюшка! Помираетъ, родитъ!..

Ш. очень добрый парень, но самовольно произвелъ меня въ неподобающій чинъ: учителя и указателя путей—разъ; а другое: общалъ этого попа *привезти*: «Привезу!» Я ужасно жалѣю, просто скорблю, скорблю душевно. Вотъ дуралеюшка какой! Сдѣлалъ то,

¹⁾ Къ издателю „Сибирской Газеты“, Н. А. Толкачеву и его брату П. А.

что я не видалъ самаго для меня важнаго. Даже упорство «не ѣхать» возбудилъ во мнѣ, болванушко!..»

Письмо кончается довольно фантастическимъ совѣтомъ сократить срокъ моей ссылки постепеннымъ передвиженіемъ на востокъ «вплоть до Сахалина, а оттуда на пароходѣ добровольнаго флота, черезъ Америку, Парижъ и—въ Петербургъ», и сердечными признаніями: «Поцѣлуйте перваго—Здановича. Я его люблю, и П. А. люблю. Подлюбливаю и Волховскаго, Феликса Вадимовича, и если не вполнѣ, то потому, что онъ хочетъ жениться. Я противъ брака. Впрочемъ, не мое дѣло»...

II.

Конечно, сношенія Успенскаго съ революціонерами не проходили безслѣдно: были случаи, что онъ самъ принималъ участіе въ кое-какихъ дѣлахъ революціоннаго отѣнка и, за свои «предосудительныя» знакомства, числясь вообще «неблагонадежнымъ», два раза имѣлъ дѣло съ жандармами.

Въ Парижѣ въ 1875 г. Гл. Ив. живо интересовался всѣми вопросами, находившими отраженіе, съ одной стороны, въ газетѣ «Впередъ» Лаврова, съ ея проповѣдью «чистой пропаганды», и съ другой—въ органахъ боевого направленія, гдѣ рекомендовался путь «пропаганды дѣйствіемъ». Во «Впередѣ» онъ напечаталъ фельетонъ «Шила въ мѣшкѣ не утаишь», воспроизведенный съ нѣкоторыми сокращеніями въ апрѣльской книжкѣ журнала «Современность» за 1906 г.

Выступленіе въ революціонномъ органѣ, несомнѣнно, доставило Гл. Ив. удовольствіе, какъ первая попытка писать не «для лавочки», потому что, когда вскорѣ появилась въ газетѣ замѣтка присяжнаго повѣреннаго А. А. Ольхина о русскихъ судахъ, онъ послалъ ему вырѣзку этой статьи вмѣстѣ съ своимъ фельетономъ, чего не сдѣлалъ бы, при обычномъ недовольствѣ своими работами, и поощрялъ его на дальнѣйшее сотрудничество.

Въ письмѣ была, между прочимъ, фраза: «присылайте *намъ* еще», позволяющая допустить, что въ этотъ моментъ Гл. Ив. считалъ газету даже своимъ дѣломъ.

Эта неосторожная фраза оказалась чреватой послѣдствіями. Письмо къ А. А. Ольхину попало въ руки полиціи, и на Успенскаго было обращено вниманіе. Мало освѣдомленные агенты, когда имъ было поручено слѣдить за Гл. Ив., скоро пришли къ выводу, что онъ въ Парижѣ играетъ такую же роль, какую П. Л. Лавровъ— въ Лондонѣ. Этой нелѣпой аттестаціи соотвѣтствовалъ финалъ, получившій въ разсказѣ Гл. Ив. большой комическій отгѣнокъ. Въ 1876 г. Успенскій возвращался въ Россію.

— Передъ Вержболовымъ, какъ полагается, отобрали паспортъ,—разсказывалъ Гл. Ив.—Стою у своихъ вещей въ таможнѣ. Вдругъ откуда-то выплываетъ жандармскій офицеръ и прямо ко мнѣ: «Вы—г. Успенскій?.. Глѣбъ Ивановичъ?»—Да,—говорю. «Это ваши вещи?»—Мои. «Неси, приказалъ онъ артельщику,—и вы пожалуйста за мной!»... Очутился я въ присутствіи... Вмѣсто зеркала, бутылка крас-

наго вина, и еще какой-то синій мундиръ. «По приказанію III отдѣленія Е. И. В. канцеляріи, мы должны произвести у васъ обыскъ»,—говоритъ бравый ротмистръ.—Но у меня нѣтъ ничего запрещеннаго,—говорю. «А вотъ увидимъ-съ!»... При помощи унтера стали перебирать мои вещи... «Это—что? Книга?—Клади сюда!.. Письмо?—На столъ!». Былъ у меня номеръ «Отечественныхъ Записокъ» и листочки начатой рукописи. Перетрясли всѣ потроха... Насупился жандармъ и сталъ смотрѣть въ книгу, а въ ней—какъ разъ моя статья. «Вы изволите писать въ «Отечественныхъ Запискахъ»?—Какъ видите... «Гмъ!.. И эта рукопись тоже предназначена для журнала?»—Да. «Странно! въ предписаніи не сказано, что вы—писатель. Просто говорится: «учитель Глѣбъ Ивановъ Успенскій»... И въ паспортѣ тоже: «учитель».—Это я и есть,—говорю:—званіе мое—учитель, а занятіе—литература... Оба усталили на меня. «А позволѣте узнать въ какихъ же революціонныхъ дѣлахъ вы замѣшаны? Не будутъ же зря давать предписанія объ обыскѣ и, смотря по результатамъ его, объ арестѣ?»—Ужъ этого я не знаю,—говорю.—Какой же я революціонеръ!.. Такъ искренно я изумился... да и, въ самомъ дѣлѣ, какой же я революціонеръ?—что жандармы переглянулись, что-то пошептали другъ другу, и ротмистръ торжественно произнесъ: «Вы свободны... Въ Петербургѣ разберутъ»... Ну, а въ Петербургѣ меня ужъ не трогали...

Хотя Гл. Ив. и помѣстилъ фельетонъ въ газетѣ «Впередъ», но его симпатіи больше склонялись въ сторону представителей «пропаганды дѣйствіемъ», чѣмъ къ «лавристамъ». Между прочимъ, ему принадлежитъ послѣдній толчекъ, заставившій П. Л. Лаврова признать, что его «Впередъ» уже не отвѣчаетъ настроенію молодежи. Въ 1876 г. «чистые пропагандисты» насчитывались единицами; молодежь, настроенная болѣе революціонно, не прислушивалась больше къ голосу «Впередъ» и въ своей оцѣнкѣ этого органа доходила даже до насмѣшекъ надъ руководящими статьями редакціи. Для подтвержденія этого, достаточно привести эпиграмму, относящуюся къ тому времени:

Ех-профессоръ, ех-философъ—
Революціи оплотъ,
Овъ сидитъ верхомъ на ракъ,
И кричитъ: „впередъ! впередъ!“.

Чуткій Гл. Ив. тоже не раздѣлялъ запоздалыхъ взглядовъ Лаврова и сумѣлъ схватить отрицательное отношеніе къ нему въ своемъ разсказѣ «Неизлѣчимый». Какъ извѣстно, герой разсказа, дяконъ, ищетъ средствъ привести себя въ равновѣсіе отъ проснувшейся совѣсти и останавливается на чтеніи книгъ въ предположеніи, что оно можетъ «возстановить душу»; читать же книги хочетъ не «мимолетныя», не «Португалова», даже не «Шлоссера», а такія, что били бы «въ самую точку, въ корень». Послѣ предложенія разныхъ сочиненій, не удовлетворившихъ радикальныхъ запросовъ діакона, докторъ (другое дѣйствующее лицо разсказа) предлагаетъ ему, наконецъ:

— Не хотите ли вотъ «До человѣка»?

Діаконъ съ радостью ухватывается за эту статью П. Л. Лаврова, сталъ читать, но скоро пришелъ къ выводу: «Ужъ и трудно же на-

писано!»... Всѣ эти «хеліасты», почему «взрослое животное лучше новорожденного», «комбинація формъ»—цитаты изъ сочиненія П. Л., приобретающія юмористическій оттѣнокъ въ попыткахъ діакона разгадать ихъ смыслъ.

П. Л. познакомился съ этимъ разсказомъ Успенскаго какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ удрученъ привезенными ему извѣстіями изъ Россіи относительно отношеній молодежи къ его газетѣ.

— Да,—говорилъ П. Л.,—этотъ разсказъ Успенскаго—лучшее доказательство, что мои писанія не удовлетворяютъ. Я знаю Гл. Ив. Онъ—фотографическая пластинка, схватывающая лишь то, что имъ хорошо продумано. Онъ никогда не позволилъ бы себѣ ставить меня на одну доску съ болтуномъ Португаловымъ, если бы моя репутація въ глазахъ молодежи не пошатнулась...

III.

Далекій отъ мысли вести сознательно какую бы то ни было революціонную пропаганду, Гл. Ив., тѣмъ не менѣе, въ 1877 г. былъ привлеченъ въ Самарѣ къ дознанію о распространеніи «преступныхъ идей» среди семинаристовъ.

Успенскій жилъ въ то время въ Сколковѣ, имѣннѣи К. М. Сибирякова, гдѣ его жена была учительницей въ сельской школѣ, а самъ онъ, помимо литературы, занимался дѣлами ссудо-сберегательнаго товарищества вмѣстѣ съ бывшимъ семинаристомъ Александровскимъ. Этотъ развитой юноша пріѣхалъ на лѣто въ деревню отдохнуть отъ семинарской науки и незамѣтно для себя такъ втянулся во всѣ виды помощи крестьянамъ, что къ концу лѣта переживалъ уже душевную драму: стоитъ ли возвращаться въ городъ ради какой то герминефтики, философіи, когда здѣсь, въ деревнѣ, столько живого дѣла, когда чувствуешь и сознаешь, что приносишь пользу безпомощному, темному люду, и самъ съ жадностью набираешься знаній, чтобы еще больше расширить кругъ служенія народу? Бросить этихъ обиженныхъ, обойденныхъ людей, опять отдать ихъ въ лапы міроѣдовъ, кулаковъ и другихъ эксплоататоровъ, создающихъ свое благополучіе на ихъ заботѣ, бѣдности и невѣжествѣ—ради чего? Чтобы кончить курсъ въ семинаріи и надѣтъ поповскую рясу, эту длиннополую хламиду, точно нарочно придуманную для того, чтобы суевѣрный народъ запутывался въ ея складкахъ?.. Нѣтъ, никогда!.. И Александровскій остался въ деревнѣ. Успенскій изобразилъ этого юношу въ своемъ очеркѣ «Черная работа».

Гл. Ив. не расширялъ умышленно круга своихъ знакомыхъ въ деревнѣ, но и безъ его участія число знакомыхъ росло въ силу обаятельной его личности, да и тотъ фактъ, что онъ—писатель, придавалъ притягательную силу общенію съ нимъ. Въ числѣ посѣтителей его очутился, между прочимъ, одинъ пройдоха изъ зажиточныхъ крестьянъ сосѣдняго с. Богдановки. Грамотей, ловкій дѣлецъ во всѣхъ областяхъ личной наживы, онъ часто заглядывалъ къ Гл. И. не безъ задней мысли: дать ему матеріалъ для «обработки» кого-либо изъ

своихъ враговъ или обидчиковъ. То разскажетъ про мошенническую продѣлку барина, якобы «нагрѣвшаго» его при продажѣ пшеницы, то приведетъ гнуснѣйшій фактъ изъ сношеній съ молоканами, тоже будто бы причинившими ему непоправимое зло и т. п. Въ жизни Гл. Ив. довольно часто встрѣчались такіе поставщики матеріала съ задней мыслью и не только изъ среды, гдѣ неразборчивость въ средствахъ вполне естественна, а изъ круга людей культурныхъ, развитыхъ, считавшихъ себя прогрессистами, какими были разные земскіе и другіе общественные дѣятели. Сидитъ, бывало, какой-нибудь земецъ передъ Гл. Ив. и нанизываетъ фактъ за фактомъ для посрамленія въ печати ненавистныхъ ему представителей «Бѣлой Арапіи». Успенскій слушаетъ, пощипываетъ свою бородку, и потомъ—вдругъ статья, гдѣ о «Бѣлой Арапіи» ни слова, зато художественно нарисованъ портретъ «либерала», не замѣчающаго, что вся его дѣятельность—мыльный пузырь. Или желѣзнодорожникъ, недовольный порядкомъ въ мѣстѣ своего служенія, развиваетъ цѣлую систему нововведеній съ расчетомъ встрѣтить защиту ея подъ перомъ Успенскаго,—и вдругъ очеркъ съ цѣлымъ рядомъ желѣзнодорожныхъ преобразователей, воображающихъ, что они дѣло дѣлаютъ, когда на самомъ дѣлѣ лишь «толкуются у пустого мѣста». Такъ же ошибся въ значеніи своихъ разсказовъ для Гл. Ив. и богдановскій кулакъ. Получивъ, однажды, новую книжку «Отечественныхъ Записокъ» со статьей Успенскаго, онъ, къ ужасу своему, узналъ, что всѣ его разоблаченія разныхъ конкурентовъ, ненавистныхъ ему сосѣдей—помѣщиковъ и молоканъ послужили автору лишь канвой для характеристики кулаковъ, опутывающихъ деревню, при чемъ, одинъ, наиболѣе типичный, очень похожъ на него: «въ родѣ какъ портретъ»...

Вскипѣло негодованіемъ сердце богдановскаго кулака и онъ принялъ рядъ выслѣживаній полицейскаго сыска, чтобы передъ лицомъ власть имущихъ обнаружить въ Гл. Ив. «опаснаго» человѣка, подрывающаго всѣ основы русскаго государства. Онъ наводилъ справки и о лицахъ, пріѣзжающихъ изъ города навѣстить Успенскаго, и объ его отношеніяхъ къ подозрительному семинаристу Александровскому, непрошенному защитнику крестьянской бѣдноты, и особенно старался черезъ кухарку Гл. Ив. выяснить вопросъ, картинно изображенный Успенскимъ въ одномъ изъ фельетоновъ газеты «Русскій Курьеръ» за 1879 г.

— Такъ баринъ-то твой пишетъ, говоришь?

— Пишетъ.

— Ну, а писемъ много получаетъ?

— Какъ почта—такъ и везутъ: письма, газеты; книги бываютъ...

— Такъ вѣдь этакъ у него вороха бумагъ накапливаются. Неужто все бережетъ?

— Которые бережетъ, а что не надо—выбрасываетъ, либо въ печку...

— Въ пе—ечку?.. И на твоихъ глазахъ жегъ?

— Жегъ.

Молчаніе.

— Такъ жегъ, говоришь?

— Жегъ.

— Гмъ...

Но всѣ эти изслѣдованія не давали желательнаго результата: нельзя было состряпать внушительный доносъ. Но вотъ, однажды, Гл. Ив. поѣхалъ въ Самару вмѣстѣ съ Александровскимъ, и оба оставились въ номерѣ довольно невзрачной гостиницы, гдѣ жильцы отдѣлялись другъ отъ друга такими стѣнами, что «каждый могъ слышать дыханіе другого»... Въ такой-то прозрачный номеръ пришли къ Александровскому его товарищи—семинаристы, и скоро завязался общій разговоръ о значеніи духовенства для народа. Довольно часто слышался голосъ Успенскаго, и всякій разъ въ отвѣтъ раздавался раскатистый, здоровый смѣхъ семинаристовъ: Гл. Ив. приводилъ факты довольно позорные для служителей алтаря... Вдругъ дверь сосѣдняго номера распахнулась и на порогъ появились два жандарма въ сопровожденіи богдановскаго кулака... Оказалось, что кулакъ случайно очутился сосѣдомъ по номеру съ Гл. Ив., подслушалъ его разговоръ съ семинаристами и сбѣгалъ за жандармами, дабы они своими ушами убѣдились, какую преступную пропаганду ведетъ онъ среди молодежи. Жандармамъ удалось записать нѣсколько фразъ, произнесенныхъ Успенскимъ. Конечно, актъ—и началось дѣло.

Къ счастью для Гл. Ив., въ то время начальникомъ жандармскаго управленія въ Самарѣ былъ полковникъ Смальковъ, довольно образованный и толковый человѣкъ, не допускавшій арестовъ по пустякамъ, и Гл. Ив. могъ спокойно уѣхать въ свое Сколково.

Тѣмъ не менѣе, онъ былъ привлеченъ къ допросу.

На первыхъ же порахъ Смальковъ былъ пораженъ отвѣтомъ Успенскаго.

— Какъ же это вы, Гл. Ив., вели такіе неосторожные разговоры съ семинаристами?—спросилъ полковникъ.

— Это не я, а кн. Мещерскій, —отвѣтилъ Гл. Ив.

— Какъ Мещерскій?

— Да Мещерскій. У меня былъ въ рукахъ его «Дневникъ», и читалъ его отзывы о духовенствѣ... Жандармы кое-что уловили—все слова кн. Мещерскаго, а не мои...

— Смальковъ расхохотался,—разсказывалъ Успенскій, — а все-таки попросилъ меня дать показанія на бумагѣ... Я принялся писать. Такое, знаете, смѣшливое настроеніе охватило меня, что у меня вышелъ превеселенкій фельетончикъ... Я изобразилъ, какъ мы сидимъ въ номерѣ, а къ сосѣдней двери прилипло ухо кулака... За нимъ еще два... Каждое съ жадностью голоднаго сыщика ловить... слова Мещерскаго. Привель и преступныя цитаты... Никогда такъ живо и легко не писалось!

И можно представить, какой, дѣйствительно, богатый матеріалъ дала вся эта исторія остроумію Гл. Ив. Вѣроятно, этотъ веселенькій «фельетончикъ» хранится въ Архивѣ Казанской Судебной Палаты, откуда черезъ годъ или два Успенскій получилъ увѣдомленіе, что дѣло о его преступной пропагандѣ прекращено... по высочайшему повелѣнію.

— При чемъ же тутъ высочайшее повелѣніе?—съ недоумѣніемъ спрашивали Успенскаго.

— А, видите ли, труба вмѣшалась.

— Какая труба?

— Фаготъ... Есть у меня пріятель инженеръ Горбуновъ... играетъ на трубѣ. И наслѣдникъ престола ¹⁾ обожаетъ этотъ инструментъ. Сошлись на музыкальной почвѣ, Горбуновъ-то и Расскажи его высочеству про кн. Мещерскаго, какъ онъ попалъ въ преступники. Такимъ-то манеромъ, черезъ трубные звуки, и получилось высочайшее повелѣніе...

IV.

Зимою 1877 г., благодаря своему близкому знакомству съ докторомъ О. Э. Веймаромъ, Гл. Ив. узналъ, что замышляется устройство побѣга изъ Литовскаго замка одного изъ видныхъ «лавристовъ», Е. С. Симаковского, и захотѣлъ непременно «испытать ощущенія» въ качествѣ участника этого рискованнаго предпріятія.

— Буду хотъ вишни ѣсть!—смѣялся онъ, вспоминая одну изъ подробностей побѣга кн. П. А. Крапоткина.

Въ то время знаменитый «Варваръ» стоялъ на конюшнѣ Веймара и за оказанную услугу пользовался такой ревливой любовью доктора, что, когда «лавристы» обратились къ нему съ просьбой дать лошадь, онъ наотрѣзъ отказался отпустить ее въ «чужія руки» и предложилъ поручить ему организацію «выѣзда» къ Литовскому замку. Такимъ образомъ въ дѣло вмѣшались двѣ компаніи. Одна вела сношенія съ Симаковскимъ, а другая, по указанію первой, должна была явиться въ опредѣленный часъ къ тюрьмѣ съ лошадыю и съ нужнымъ штатомъ людей для внѣшнихъ операцій. Пробовали отговорить Гл. Ив. отъ задуманой имъ затѣи, главнымъ образомъ, изъ боязни подвергать риску любимаго писателя, отчасти и въ силу сомнѣнія, удастся-ли ему выполнить ту или другую функцію, какъ человѣку, не изловчившемуся ни въ какихъ конспираціяхъ. Но онъ такъ хотѣлъ, просилъ и такъ круто ставилъ вопросъ о довѣріи, что, въ концѣ концовъ, согласились предложить ему наименѣе рискованную операцію: «снять съ поста городского».

По условіямъ тюремной жизни, Симаковский могъ сдѣлать попытку къ побѣгу только въ шестомъ часу утра. Наканунъ назначеннаго дня была вечеринка въ квартирѣ присяжнаго повѣреннаго Серебрякова, куда былъ открытъ доступъ даже «нелегальнымъ» людямъ. Этой квартирой и рѣшили воспользоваться, какъ для предварительнаго собранія всѣхъ участниковъ въ устройствѣ побѣга, такъ и для превращенія одного изъ танцоровъ на вечеринкѣ въ выѣзднаго кучера, когда въ 4 часа ночи подѣдетъ къ воротамъ дома О. Э. Веймаръ на своемъ «Варварѣ». Гл. Ив. очень занимало это совпаденіе наружнаго веселья съ коварнымъ замысломъ.

— Настоящіе заговорщики!—говорилъ онъ.—Поютъ, танцуютъ, а на умѣ—Литовскій замокъ!.. Вы не очень увлекайтесь танцами,—оберегалъ онъ будущаго кучера:—вспотѣете—а потомъ на морозъ! Долго ли простудиться?..

¹⁾ Вслѣдствіи императоръ Александръ III.

Въ 5 часовъ утра всѣ «заговорщики» были у Литовскаго замка. Побѣгъ не состоялся, потому что, какъ оказалось въ послѣдствіи, Симановскому не удалось подпилить тюремную рѣшетку и выскочить изъ окна въ переулокъ, гдѣ стоялъ «Варваръ». Тѣмъ не менѣе, Гл. Ив. выполнилъ возложенное на него порученіе.

— Минута въ минуту, какъ было условлено,—разсказывалъ онъ—я подошелъ къ городовому, вынулъ папироску и говорю: «вы курите?»—Покуриваю, —говорить,—а вамъ не спичку-ли?—«Да». Онъ зажегъ спичку, и мы закурили. «Скажите, какъ пройти поближе на Садовую?» спросилъ я. Городовой сталъ объяснять. Я оказался такимъ непонятливымъ (вѣдь такъ полагается по программѣ?), что все переспрашивалъ: «сначала, говорите, направо? а потомъ налево?»... Всячески старался, да вотъ не вышло!

V.

Всего оригинальнѣе было выступленіе Гл. Ив. въ роли «самозванца». Какъ извѣстно, среди сторонниковъ разныхъ теченій революціонной мысли начала 70-хъ годовъ совершенно особую позицію занимали единичныя личности, мечтавшія организовать бунтъ на почвѣ слѣпой «вѣры въ царя». Судебная хроника отмѣтила активное участіе Я. В. Стефановича и Л. Дейча въ Чигиринскомъ дѣлѣ, гдѣ фигурировала «золотая грамота», приглашавшая отъ имени царя отбирать у пановъ землю и, въ случаѣ сопротивленія, расправляться съ ними «своими средствами». Задолго до этого дѣла, сторонникомъ еще болѣе замысловатаго плана былъ саратовскій уроженецъ, изъ дворянъ, Г. Если Стефановичъ строилъ свою попытку на недомыслии крестьянъ относительно Александра II, связавшаго свое имя съ уничтоженіемъ крѣпостного права, то Г. исходилъ изъ предположенія, что при крестьянскомъ невѣжествѣ достаточно имени миѣическаго «Константина», чтобы организовать бунтъ. Въ саратовскихъ кружкахъ молодежи этотъ взглядъ не встрѣчалъ сочувствія, и, при оцѣнкѣ Г., отмѣчался, какъ курьезъ въ его міросозерцаніи вообще оригинальнаго человѣка. Говорили о его рѣдкой способности къ пропагандѣ среди крестьянъ при умѣнны владѣть въ совершенствѣ простонароднымъ языкомъ; говорили о большой склонности къ литературѣ, вѣроятно, находившей приложеніе въ то время въ составленіи какихъ нибудь прокламацій ¹⁾: но никогда не упоминали, чтобы онъ пытался претворить въ дѣло свою идею. Несомнѣнно, и самъ онъ, вращаясь среди крестьянъ, не пускалъ въ ходъ своего «самозванца».

Но вотъ судьба сталкиваетъ Г. съ Успенскимъ. Какъ часто бывало въ сношеніяхъ этого большого писателя и человѣка съ людьми, искавшими общенія съ нимъ, послѣдніе до такой степени очаровывались его умомъ, проницательностью и обаятельными свойствами его характера, что чувствовали потребность не только говорить съ нимъ

¹⁾ Ставши въ послѣдствіи эмигрантомъ, Г. писалъ въ „Набатѣ“ П. Н. Ткачева и въ „Библиотекѣ русской и иностранной беллетристики“, короткое время выходившей подъ редакціей А. В. Каменскаго.

совершенно откровенно, но и провѣрять правильность своихъ взглядовъ освѣщеніемъ предмета съ точки зрѣнія любимаго писателя. Неудивительно поэтому, что и Г. договорился съ Гл. Ив. до своей теоріи о «Самозванцѣ».

Отсутствіе у Гл. Ив. предвзятыхъ взглядовъ на явленія русской жизни, гдѣ самому ему приходилось встрѣчать не мало «загадокъ» и несообразностей, всегда располагало его къ наблюденію, къ провѣркѣ. Надо еще замѣтить, что въ тѣ годы въ его характерѣ сказывался временами какой-то игривый задоръ, толкавшій его въ сторону поступковъ, казавшихся въ другое время немыслимыми въ связи съ его обычной сдержанностью... И вотъ въ головѣ Успенскаго мелькнула мысль: «а если попробовать «Константина»?

Передать разсказъ Гл. Ив. въ подробностяхъ, со всѣми оттѣнками его остроумія,—немыслимо. Его манера говорить образами, употреблять неожиданныя сравненія, полная юмора, не говоря уже о выразительной мимикѣ и жестахъ,—не поддаются воспроизведенію. Я могу дать лишь жалкій скелетъ его разсказа, представляя тѣмъ, кто помнитъ Успенскаго, представить, въ какую художественную форму отливался, въ его личной передачѣ, этотъ любопытный эпизодъ.

Дѣло происходило зимой, кажется, въ Тульской губерніи.

— Мы рѣшили попробовать.—разсказывалъ Гл. Ив.—Ну-ка, дайте, говорю, пустимъ въ ходъ Константина!.. Распредѣлили роли. «Константиномъ будете вы,—говоритъ Г.,—а я въ родѣ какъ его молочный братъ—мамкинъ сынъ»... Досталъ онъ мнѣ тулупъ, крытый чернымъ сукномъ, чтобы его высочество не замерзло въ дорогѣ въ своемъ пальтишкѣ на сторожковомъ мѣху, а себѣ—короткій полушубокъ по колѣно и треухъ на голову... Вы видали Г.?... Нѣтъ... Нельзя сказать про него: «одно изъ славныхъ русскихъ лицъ»... А въ этомъ костюмчикѣ съ своимъ кривымъ глазомъ вышелъ... истинный мамкинъ сынъ!.. Раздобыли лошаденку съ дровнями и поѣхали... Я лежу въ саняхъ, зкрывшись изъ скромности воротникомъ, а мамкинъ сынъ—на облучкѣ, въ валенкахъ...

Лошаденка дрянная, не царскаго завода... Былъ воскресный день... Вотъ приѣзжаемъ въ первую деревню, мой лейбъ-кучеръ приворотилъ къ кабаку. Я лежу, закрылся поплотнѣе, а мамкинъ сынъ пошелъ въ кабакъ... Что онъ тамъ говорилъ, что дѣлалъ—не знаю, только выходитъ изъ кабака въ сопровожденіи двухъ-трехъ мужиковъ и несетъ бутылку водки со стаканчикомъ... Снялъ шапку. «Отвѣдайте, говоритъ, ваше высочество!» Меня такъ и обдало жаромъ... Вѣдь не скоро привыкнешь къ такому титулу!.. Я взялъ стаканъ, стараясь по возможности скрыть свое царское обличье... А мамкинъ сынъ, вижу, подмигиваетъ мужикамъ; поднялъ руку и произнесъ загадочно: «Будетъ—что будетъ! Недолго ужъ ждать!..» Онъ почтительно взялъ у меня пустой стаканъ, ушелъ въ кабакъ; за нимъ—мужики... Прекверное, скажу вамъ, положеніе: быть высочествомъ и лежать въ дровняхъ въ ожиданіи своего кучера!.. Угостивши вѣрнопоподанныхъ остатками водки, мамкинъ сынъ вернулся наконецъ; вскочилъ на облучекъ, а на крыльцѣ кабака—уже съ пятокъ мужиковъ... «Помалкивай, ребята! Знай: будетъ ваша!»—крикнулъ онъ и съ этими

словами стегнулъ лошаденку... Такъ мы проѣхали еще двѣ-три деревни. Г. былъ великолѣпенъ! Какая выдержка! Какое умѣнье плести что-то несуразное, загадочное... Кажется, вотъ несусвѣтная чепуха, а суевѣрные умы что-то улавливають, въ простыхъ сердцахъ зарождается надежда... Меня охватила даже оторопь, взмолился: «Разжалуйте, говорю, въ простые смертные!...» Заночевали гдѣ-то ужъ попросту. На утро двинулись въ обратный путь...—Вотъ посмотрите, что сегодня выйдетъ!—сказалъ Г.—я предупредилъ, что поѣдемъ назадъ.—Въ этотъ разъ уже не заворачивали къ кабакамъ... И вдругъ, представьте, у одной околицы—цѣлая толпа!... встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью!... Я закутался поплотнѣе. Вижу: снимали шапки, опускаются на колѣни... Г. остановилъ лошадь—толпа хлынула къ санямъ. «Рано, православные,—говоритъ мамкинъ сынъ,—рано! Нельзя ему обозначиться!.. Молчокъ, ребята, молчокъ!» Я лежу, думаю: унеси, Владычица!... Вдругъ: «Ваше высочество, обнадежьте ихъ милостивыми словами!..» Что тутъ дѣлать? Пробормоталъ что-то не своимъ голосомъ... Ужъ и натерпѣлся я страху!—говорилъ Гл. Ив. и съ большой тоской въ голосѣ прибавлялъ:—А вѣдь мамкинъ-то сынъ правъ оказался!..

А. Иванчинъ-Писаревъ.

Изъ архива Г. И. Успенскаго.

Сынъ Г. И. Борисъ Глѣбовичъ передалъ намъ два найденныхъ имъ въ бумагахъ Г. И. наброска: набросокъ автобіографіи и набросокъ некролога Веймара. Въ первомъ томѣ сочиненій Г. И. Успенскаго (изд. Фукса, Кіевъ) напечатана маленькая его автобіографія. Въ нашемъ отрывкѣ событія первыхъ лѣтъ жизни разсказаны полнѣе и съ подробностями, опущенными въ напечатанной автобіографіи. Набросокъ некролога Веймара является иллюстраціей къ разсказу А. И. Иванчина-Писарева.

Ред.

1

Отрывокъ изъ автобіографіи Глѣба Успенскаго ¹⁾).

Глѣбъ Ивановичъ Успенскій. Родился въ Тулѣ, въ 43 году, 14 ноября. Семейство его состояло,—большая часть,—духовнаго званія; отецъ Иванъ Яковлевичъ, а мать моя была изъ семейства Глѣба Ѳомича Соколова—это семейство по тому времени было образованное. Глѣбъ Ѳомичъ происходилъ едва ли не изъ крестьянскаго сословія, видѣлъ на своемъ вѣку много, пережилъ также много, видѣлъ аракчеевскія времена, бунтъ въ Новгородской губерніи аракчеевскихъ крестьянъ. Первые воспоминанія о себѣ, 9 лѣтъ, относятся къ жизни у дѣда Г. Ѳомича, куда ²⁾ отецъ и мать отвезли меня гостить и учиться. Глѣбъ Ѳомичъ любилъ меня и хотѣлъ оторвать отъ семейства. Тамъ я учился въ школѣ у вдоваго дьякона. Въ Тулѣ семейство Соколовыхъ по переѣздѣ изъ Калуги поселилось въ собственномъ домѣ, такъ какъ Г. Ѳ. получилъ мѣсто управляющаго тульской палатой государственныхъ имуществъ.

былъ художникъ, артистъ Михаилъ Глѣбовичъ удивительный скрипачъ, Дмитрій Глѣбовичъ впослѣдствіи виолончелистъ, учился у Давыдова. Всѣ рѣшительно писали въ Современникъ, въ Искрѣ. Гр. Л. Н. Толстой сносился писменно съ Г. Ѳ. о разныхъ предметахъ касающихся крестьянскаго быта. Въ дѣтствѣ я много пережилъ и перевидалъ крестьянскихъ бѣдствій и взяточничество царило повсюду,

¹⁾ Точками обозначены неразобранныя слова.

²⁾ Т. е.—въ Калугу, гдѣ Гл. Ѳомичъ служилъ въ палатѣ гос. имуществъ.

рекрутскіе наборы, волостные старшины, писаря и вся тяжёлая волочита были мнѣ хорошо извѣстны. Въ гимназіи я учился съ 52 года до 56, когда моего отца перевели въ Черниговъ. Настало новое время. Меня кацапа приняли такъ, какъ слѣдовало—поляки, малоросы—вообще люди не застоявшіеся на одномъ мѣстѣ и имѣющіе историческую біографію. Первый годъ я сидѣлъ на послѣдней скамейкѣ, но лѣтомъ мнѣ предложилъ брать уроки учитель французскаго языка.... появились товарищи изъ лучшихъ учениковъ Ив. Ил. Петрункевичъ, М. И. Петр. и ихъ отецъ были мнѣ знакомы. Съ Ив. Ил. и М. И. и я впослѣдствіи жилъ въ Петербургѣ въ домѣ Штрауха (когда уже работалъ въ Русскомъ Словѣ) и потомъ постояннo имѣли знакомство. Тверь—Женева—я бывалъ тамъ въ эти времена. Въ Черниговской гимназіи я кончилъ курсъ въ 61 году ¹⁾. 19 февраля въ соборѣ, гдѣ мощи Феодосія, служили благодарственный молебенъ объ освобожденіи крестьянъ 19 февраля. Мои сестры учились въ пансіонѣ Кораческой (?). Одна изъ ея дочерей впослѣдствіи Меншикова, пѣвица. Изъ Чернигова я уѣхалъ въ Петербургъ. Произошли студенческіе безпорядки—начиналось новое время. Помню сцену въ залѣ Не... говоритъ рѣчь Срезневскій... Сосланъ въ Кронштадъ. (Эти времена можетъ до нѣкоторой степени описать Острогорскій, Коченовскій). Я выѣхалъ въ Москву и поступилъ на 2-ой курсъ. Здѣсь долго голодалъ. Отецъ мой разорился семья была большая, но я получалъ 25 руб. Лѣтомъ я поѣхалъ въ Черниговъ и тогда делижансъ ходилъ отъ Москвы, черезъ... до Чернигова. Ёхалъ я однако въ лѣтнемъ пальто, а рядомъ сидѣла дерев(енская) баба прислон(илась) и пригрѣла меня. Въ Черниговѣ отецъ мой чувствовалъ себя плохо и очень жалѣлъ, что я плохо учился и истратилъ и заложилъ золотыя часы, шубу. Онъ горько страдалъ. Въ делижансѣ я выѣхалъ осенью опять въ Москву и пріѣхалъ въ 62 году (осенью) и здѣсь тогда я сталъ писать въ раз. журналахъ, Зритель, служилъ въ типографіи Каткова (польское возстаніе. Типогр. и пріёмъ рукописей въ это время можно было видѣть сколько было враговъ у Польши. Печ. романъ Писемскаго Взбаломуч. Море

Затѣмъ я перешелъ въ типографію..., гдѣ печатался *День*. Жилъ я у одной М-те гдѣ были швеи. Одинъ изъ разсказовъ касается этого времени. Въ концѣ 63 года я выѣхалъ въ Петербургъ и пріѣхавъ туда остановился у Я. В. Успенскаго. Былъ со мной разсказъ «Старьевщикъ», который я отнесъ въ Б(ибліотеку) дл(я) (чтенія) издав(авшюся) Боборыкинымъ. Въ іюлѣ 64 года я получилъ извѣстіе о смерти отца. Въ то время жилъ у Н. В. и М. В. ²⁾.

У меня знакомый ректора Петерб. университета Рождественскій; одна изъ дочерей его была женой Андреевскаго. Черезъ него мнѣ удалось выхлопотать въ Мин. Государственныхъ И. на четыре года по 400 рублей пенсію матери на обученіе дѣтей. Получивъ бумагу

¹⁾ Въ 61 году я присутствовалъ на похоронахъ Н. А. Добролюбова. Рѣчи говорили Чернышевскій и Некрасовъ.

²⁾ Успенскихъ.

объ этомъ, я возвратился тогда опять въ Черниговъ, былъ на могилѣ отца. Семья жила въ томъ же домѣ и въ это время. Оставя деньги, я тогда опять возвратился въ Петербургъ, въ дилижансѣ, который шелъ черезъ Овручъ. Польское дѣло продолжалось и въ Овручѣ я долженъ былъ испрашивать особаго разрѣшенія у исправника. У яма стояли жандармы. Приѣхавъ въ Петербургъ поселился въ домѣ гдѣ жилъ съ во время студенческихъ безпорядковъ а въ 64 году помѣщалъ р. Благосвѣтлова. Остановясь у В. . . . а, я нѣсколько времени пробылъ у него и печатаясь у Благосвѣтлова переѣхалъ на Николаевскую гдѣ и писалъ въ Русскую Мысль (?) Писалъ цѣлый годъ. Лѣтомъ опять былъ въ Черниговѣ, взялъ мать привезъ ее въ Тулу, куда раньше переѣхали мои сестры Александра, Лизавета, Маня (?) — всѣхъ ихъ перевезъ приѣхавшій въ Черниговъ братъ моего отца Михаилъ Яковлевичъ. Изъ Тулы я проживъ нѣсколько дней писалъ въ Искрѣ и затѣмъ выѣхалъ опять въ Петербургъ: въ Русскомъ Словѣ (65)—прошелъ въ писаніи гдѣ придется у кого часто я работалъ, у Генкеля, въ Недѣлѣ въ Русскомъ базарѣ и друг. 65 году я отдалъ Некрасову. Дер. дневникъ — онъ разсердился; но съ позволилъ Растеряева улица и затѣмъ я я уѣхалъ въ Тулу жилъ на Большой улицѣ и писалъ здѣсь.—66. Покушеніе на Государя. Приѣхалъ въ Петербургъ засталъ А. Н. Некрасова въ редакціи, онъ собиралъ послѣднія бумаги, Современникъ запрещенъ. Съ этого года, съ мая мѣсяца гдѣ онъ живетъ! Лѣто все провелъ. 66 года, появилось *дѣло*, я тамъ написалъ одинъ разсказъ Н. В. У. и помѣстилъ и 3 ч. Растеряевой улицы. Въ томъ же году открылся Женскій Вѣстникъ.—Много тамъ чего наврано.

У кого узнать обо мнѣ:

Знаютъ обо мнѣ Ольга Николаевна Фигнеръ, А. И. Писаревъ, Н. К. Михайловскій.

Знакомство съ Гаршинымъ. Въ Чудовѣ. При поѣздкѣ въ Тихвинъ. Колмыковъ. Одна минута величайшаго счастья (на Петерб. Сторонѣ). Въ Чудовѣ знакомъ Бирюковъ.

Знакомство произошло. Зналъ я его когда онъ поселился въ домѣ гдѣ жилъ Генкель. Потомъ на томъ мѣстѣ гдѣ былъ кабакъ, холодъ, опорки, кухня и , самъ онъ въ тулупѣ читаетъ отчеты о толстовскихъ засѣданіяхъ. Зналъ что толстовки приходили мыть полы. Письмо отъ Бирюкова о Паровомъ цыпленкѣ.

Въ послѣдній разъ я его видѣлъ, когда онъ приходилъ получать карточку Макушину. Макушинъ веселый, шелъ къ С. Илеру смотр Балабуха,—«отличаемся».

Кривенко, когда онъ былъ въ Отечественныхъ Запискахъ. Потомъ онъ издавалъ Слово, Русское Богатство на Знаменской во дворѣ. Русановъ.

Круж жилъ съ горячо его любившей женщиной-врачемъ. Она имѣла громадный успѣхъ и видя что Кр какъ то сталъ терять къ ней любовь, она тогда застрѣлилась.

Литературное утро у Тургенева ¹⁾. Однажды я пришелъ къ нему

¹⁾ Въ Парижѣ 75—76 года.

и онъ сказалъ, что затѣвается литературное утро въ пользу библіотеки. Я передѣлалъ ему разсказъ *Ходокъ*. Каждый день Ив. С. присылалъ ко мнѣ письма, чтобы я аккуратнѣе. Одинъ разъ онъ заѣхалъ за мной, были мы въ, и повезъ съ собой въ каретѣ принималъ. Сидѣлъ тутъ же Жуковскій. Тургеневъ началъ читать свой разсказъ *Стучитъ*, удивительно. Потомъ началъ и мой; разбиралъ вставки..

II.

Орестъ Эдуардовичъ Веймаръ.

Некрологъ.

31 Октября 85 года. умеръ на Карѣ, отъ скоротечной чахотки врачъ О. Э. Веймаръ. 2-го Апрѣля 1879 г. онъ былъ арестованъ по дѣлу Соловьева, 14 Мая 1880 г. приговоренъ, военнымъ судомъ, къ 15-лѣтней каторгѣ въ рудникахъ, но 16-го мая, въ виду обильныхъ заслугъ, оказанныхъ О. Э. въ качествѣ военного врача во время войны 77 года,—срокъ каторги убавленъ съ 15 на 10-ти лѣтній и работы въ рудникахъ замѣнены работою въ крѣпостяхъ. Послѣ суда О. Э. содержался въ Петропавловской крѣпости до марта 81 г. когда заболѣлъ цынгою, невралгіею и плевритомъ, вслѣдствіе чего былъ переведенъ въ Д. предварительнаго заключенія, а 23 Августа того же года былъ отправленъ на Кару. Здѣсь, до Февраля 84-го года все время былъ закованъ въ кандалы, и только 12-го Марта 85-го года былъ выпущенъ въ вольныя команды.

Письма Герцена къ Марко-Вовчку.

28 іюля этого года скончалась извѣстная писательница¹⁾, литературное имя которой, Марко-Вовчокъ, яркою звѣздою засіяло въ концѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія. Шевченко ее благословилъ, какъ духовную свою дочь, на дѣло служенія народу; съ нею знакомились выдающіеся литераторы и общественные дѣятели той эпохи, восхищались задушевною прелестью ея расцвѣтающаго таланта, и многіе, не въ меньшей степени, ея правдивою, непосредственною, живою душею.

Оставшіяся письма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ огромномъ впечатлѣніи, которое она производила на окружающихъ, о томъ глубокомъ почтеніи, которое какъ-то само собою внушалось всѣмъ, вступавшимъ съ нею въ личное знакомство.

Какъ матеріалы для біографіи Марко Вовчка, письма Герцена далеко не самыя характерныя, но и онѣ вѣрно отражаютъ общее къ ней отношеніе лучшихъ русскихъ людей той эпохи, и, сами по себѣ, драгоцѣнны.

Знакомство Марко Вовчка съ Герценомъ началось въ 1859 г., тогда же лѣтомъ возникла переписка, длившаяся до весны 1860 г. Послѣ этого вскорѣ Герценъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Парижъ, гдѣ еще раньше поселилась М. А. Марковичъ, и переписка естественно прекратилась. Въ 1867 году М. А. Марковичъ переѣхала въ Петербургъ, но ѣздила иногда за границу и видѣлась съ Герценомъ, привозила ему статьи или порученія. Она и раньше доставляла для „Колокола“ статьи, — что, между прочимъ, видно изъ письма Герцена отъ 23 февраля 1860 г., а также сообщала въ „Колоколъ“ корреспонденціи и фактическій матеріалъ изъ писемъ къ ней разныхъ лицъ изъ Россіи.

¹⁾ Марія Александровна Виленская родилась въ 1835 году. Въ 1851 году она вышла замужъ за извѣстнаго украинскаго патріота и собирателя малорусскихъ пѣсенъ и сказаній Афанасія Васильевича Марковича, сосланнаго тогда въ Орелъ по такъ называемому Костомаровскому дѣлу. Въ 1868 г. А. В. Марковичъ умеръ, а въ срединѣ 70-хъ годовъ М. А. вторично вышла замужъ за М. Д. Лобача, на рукахъ котораго она скончалась 28 іюля 1907 г. въ вхъ маленькомъ хуторѣ, близъ Нальчика.

I.

7 Июля 10 *Alpla road.*

[S. John's Wood.

Наконецъ то отъ васъ письмо съ обозначеніемъ мѣста. А то я уже начиналъ дуться на васъ—во 1-хъ за то, что вы точно Маццини—никогда васъ не найдешь—то въ Палермо, то въ Бернѣ, то въ Мадритѣ, во 2-хъ какъ же вы мнѣ ни слова, ни строки о моей статьѣ—писанной только чтобъ воскресить вамъ фиміамъ лести. Зато посылаю ее еще разъ.

Вашъ червонный *тузъ* (больше чѣмъ король и козырный)—такая изящная прелесть, что я заочно поцѣловалъ вашу руку. А читали ли вы Тургеневскую „Первая Любовь“. По моему это гораздо лучше—„Наканунѣ“.

Читать я вамъ буду многое—но между четырехъ глазъ. Мнѣ очень рѣдко хочется кому нибудь читать—то что вамъ прочту. До 10 Августа вѣроятно мы здѣсь. Въ Isle of Wight или возлѣ я буду непременно къ приѣзду Таты ¹⁾.

Прощайте. Напишите пожалуйста, получили ли письмо.

Огаревъ кланяется и оба жмемъ руку.

А. Герценъ.

Тат. Петр. ²⁾ гдѣ?

II.

27 Июля 10 *Alpla road.*

Regent Park.

Я разъ писалъ къ вамъ въ Швальбахъ, Марія Александровна—и потомъ ждалъ, что вы въ первыхъ Августахъ какъ снѣгъ на голову. Анск. (Анненковъ) пишетъ, что его какъ вихрь забираетъ la Russie mobile (?) и плыветъ въ Англію. Тургеневъ ворочаетъ и медленно выступилъ изъ Constance. Въ Isle of Wight (на островѣ Уайтъ), будетъ, какъ я вамъ писалъ, толпа русскихъ—я буду возлѣ. Мнѣ очень хочется вамъ прочесть тѣ нѣсколько главъ, (которыя мнѣ стоили нѣсколько лѣтъ и которыми я былъ до нынѣшняго лѣта недоволенъ), да только мнѣ бы

¹⁾ Наталья Александровна—старшая дочь Герцена.

²⁾ Татьяна Петровна Пассекъ—кузина Герцена, авторъ извѣстныхъ о немъ воспоминаній.

это хотѣлось или въ комнатѣ у васъ читать сглазу на глазъ, или на полѣ. Я шагаль бы на берегу морскомъ, только это смѣшно, —но не-премѣнно сглазу на глазъ, такъ я не буду по обычаю дурачиться. могу быть грустенъ, если буду грустенъ —и вы не будете развлечены. Я жду вашего искренняго суда, честнаго —вы—какъ женщина—должны сказать, если что васъ шокируетъ. Я вѣрю въ ваше сердце. А для меня эти главы не шутка. Кромѣ Ог—хъ и С. (Огаревыхъ и?) я никому не читаль всего ¹⁾.

Видѣли ли вы Тату? Я ею очень, очень доволенъ... Наши ко-локольныя дѣла идутъ блестяще. Объ этомъ при свиданіи.

Дайте вашу руку

А. Герценъ.

Я для того взялъ большой листъ, чтобъ письмо показалось коротко. (Написано сбоку):

Если Тат. Петр. у васъ близко, скажите ей что я получилъ письмо отъ Зоненберга (!) и что Медвѣдева умерла (это Вятская дама Р. въ Былое и Думы). Татѣ въ Эмсѣ ѣхать я не позволю, это слиш-комъ долго.

III.

13 Augusta, 10 Alpha road.

S. John's Wood.

Тургеневъ вчера уѣхалъ на Isle of Wight —адресъ къ нему просто— Ventnor, post. rest., Isle of Wight.

Послѣднее время такъ много было народу у насъ —и все мѣня-ются лица, точно на смотру, идутъ, идутъ правильно, кричатъ: „здравіа желаемъ!“, и опять идутъ —такъ что я усталъ; на меня тоже нахо-дитъ иногда хандра —я знаю, что она мнѣ не къ лицу —а тутъ... сверлитъ съ тѣхъ поръ, пока снова начинаю шумѣть. Вы знаете сол-датскую пѣсню

Намъ ученье ничего,
Впрочемъ очень тяжело!

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ снну, (В. А. Марковичу), Марья Александровна объясняетъ, что это были за главы, не читанныя Герценомъ никому полностью, кромѣ Огаревыхъ и С. Рѣчь въ нихъ шла о семейной драмѣ, пережитой Герценомъ.

У Герцена былъ знакомый, —или даже пріятель, —политическій поэтъ Гервегъ, пользовавшійся въ свое время громкою репутаціею въ Германіи, какъ одинъ изъ не-многихъ современныхъ литераторовъ-радикаловъ. Онъ написалъ вѣщную „Исторію живущаго“ и былъ авторомъ одного письма къ королю прусскому, за что былъ высланъ изъ Пруссіи; наконецъ въ 1848 году онъ принялъ участіе въ баденскомъ возстаніи. Его голова была одѣлена въ нѣсколько тысячъ талеровъ, но Гервегу удалось бѣжать, и онъ, вмѣстѣ съ женою, укрывся у Герцена, у котораго долго заѣмъ прожилъ. Какъ извѣстно, онъ и былъ виновникомъ семейной драмы Герцена.

Меня многое сердить — даже еще раннее намѣреніе Саши жениться, его нѣмецкое состояніе *flagrant* жениха — невозможность покинуть Англію. До 23 я пробуду здѣсь, потомъ къ морю.

Говорятъ, что изъ Вауменmouth на Wight два шага (морскихъ).

Я буду къ вамъ ѣздить. Тургеневъ очарованъ вами.

Прощайте. Будьте здоровы.

А. Герценъ

IV.

24 Августа 1859

Park House

Fulham.

Огаревъ сообщилъ мнѣ въ Вентнорѣ, что вы будете въ понедѣльникъ и прислалъ мнѣ доброе, милое письмо ваше. Я тотчасъ отпирался въ Лондонъ — и жду васъ второй день. Гдѣ же вы? Здоровы вы? Когда будете напишите строчки двѣ. Да получили ли вы письмо Огарева?

Искренно, глубоко сочувствующій вамъ и уважающій васъ

Алек. Герценъ.

V.

7 Сент. 1859 Park House

Fulham.

Благодарю васъ за ваши строки. — благодарю за посѣщеніе и еще (даже?) за намѣреніе. Хотѣлось бы мнѣ прислать вамъ англійскихъ книгъ если вы не пріѣдете. Если вы знакомы съ книгопродавцемъ Классенымъ, я могу прислать черезъ него. Для этого надобно знать когда вы ѣдите.

Вчера я для пробы послалъ Колоколь прямо на ваше имя.

Читали ли въ Атенѣ отрывки изъ записокъ И. И. Пущина. Что за гиганты были эти люди 14 Декаб. и что за талантливыя натуры.

Можно думать, что это писалъ юноша, а онъ воспоминаетъ въ 1858 — о томъ что было между 1812 — 24.

Какой кладъ хранится еще подъ ключемъ, спрятаннымъ отъ полиціи.

Я говорилъ съ Девилемъ послѣ вашего отъѣзда, онъ говоритъ, что вся ваша болѣзнь—чисто нервная и потому больше безпокойная, чѣмъ опасная.

Очень будемъ мы рады—если вы еще пріѣдете и это искренно и дружески. Тат. Петр. Пассекъ передайте поклонъ, но писать мнѣ ей нечего. Вы можете читали въ „Былое и Думы“ о Корчевинной кузинѣ, это она и есть.

Нат. Ав. благодарить за предложеніе, она, кажется, имѣла на дняхъ случай писать.

Кланяйтесь вашему супругу и юному казачку¹⁾. Дѣти также просятъ написать поклонъ.

Будьте здоровы

А. Герценъ.

Огаревъ жметъ руку.

VI.

27 Сентября. London 10 Alpha road.

S. John's Wood.

И такъ вы не пріѣдете. Я нѣсколько сомнѣвался и прежде. Теперь я въ Лондонѣ, пріѣхалъ вчера вечеромъ—и тотчасъ посылаю вамъ письмо изъ Россіи. Надобно искать квартиры, учителей и пр.

Вы пишете—что разспрашивали обо мнѣ и все знаете о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Вамъ Тургеневъ и Ан. (Анненковъ) могли сказать что и я не отсталъ въ этомъ—хотя знать гдѣ вы было потруднѣе. Мѣсяцъ тому назадъ я получилъ изъ здѣшняго почтамта огромный пакетъ. По русской привычкѣ я большіе пакеты распечатываю съ сердечнымъ біеніемъ—все кажется въ III отдѣленіе зовутъ. Почта возвращаетъ мнѣ письмо to M-rs Markovitch ѣздившее по разнымъ poste restantes.

Прощайте—О. (Огаревъ) вамъ кланяется. Одна дама перевела на англійскій вашего Червошаго Короля.

А. Гер.

Скажите Тургеневу что я его сильно благодарю—но что уже нанять даму для Таты, а Ольга²⁾ ѣдетъ въ Парижъ.

¹⁾ Сыну ихъ, Богдану.

²⁾ Вторая дочь Герцена.

VII.

1 Октября 1859. *Bruxelles.*

Hôtel Belle Vue,—cha. № 16.

Мы остановились какъ видите въ Hôtel Belle Vue. Напишите когда вы ѣдите или просто прѣѣзжайте. Я можетъ поѣду въ среду вечеромъ.

Теперь, Марія Александровна, позвольте искренно поблагодарить васъ за вчерашній пріемъ, за то что вы обрадовались намъ—вы много знаете меня à livre ouvert, но не знаете à cœur ouvert. Я такъ глубоко благодаренъ и такъ долго помню хорошее, не потому что мало его испыталъ, а потому, между прочимъ, что жизнь съ иностранцами и особенно съ англичанами такъ необычайно подымаетъ всякое чувство человеческого благоволенія и симпатіи—холодно туманнымъ фондомъ своимъ, отталкивающихъ, безсердечныхъ. Жаль что вы ѣдите, я многого еще показалъ бы вамъ изъ рукописей—но оставимъ до будущаго года.

Писалъ сей часъ къ Мар. Касп. Я вамъ отдамъ какой-нибудь подарокъ ей, игрушку или такъ вздоръ.

Пожмите руку вашему супругу. Ему я страшно обязанъ за замѣчаніе о народномъ языкѣ. Я много думалъ объ этомъ. По дорогѣ—слушаю толпу на ярмаркѣ въ Брюсселѣ.

Прощайте. Будьте здоровы.

Дружески жму вамъ обоимъ руку.

А. Герценъ.

Саша кланяется.

VIII.

5 ноября. *Park House.*

Fulham.

Я никакъ не думалъ, Марія Александровна, что вы такъ долго заживетесь въ Дрезденѣ, мнѣ здавалось, что вы скоро будете на Руси. Тамъ интереснѣе, Ростовцевскія комесіи, особенно по хозяйственному отдѣленію идутъ богато. Если вы увидите Кошел. (Кошелева), то попросите чтобъ онъ намъ посылалъ записки (у насъ есть 50).

И такъ вы познакомились съ Т. П.¹⁾. Она еще ко мнѣ пишетъ:

¹⁾ Татьяна Петровна Пассекъ. Заочно онъ знакомъ былъ и раньше, черезъ А. В. Пассекъ, сына Татьяны Петровны.

„Милый Саша“, какъ въ 1824 году и поминаетъ въ своемъ письмѣ о давно-давно прошедшихъ людяхъ и событіяхъ. По ея письму я вижу что она жива. Она принадлежитъ къ тому выносливому и тягучему кряжу, который замѣнили николаевскими юродивыми, съ рожденія испуганными, нервными чудаками—оттого она и осталась не старою въ 53 года. Если вы еще не читали книгу Елагина „Искандеръ—Герценъ“ напечат. въ Берлинѣ—это поэма, мы съ Ог. (Огаревымъ) вечеръ цѣлый каталась со смѣха. Марія Каспаровна тоже должна ее прочесть. Въ слѣдующемъ „Колок.“ будетъ 3-ья статья о русскихъ Пѣмцахъ—потомъ еще двѣ, я ихъ рекомендую вамъ. Что за нихъ меня оборвутъ всѣ отъ Бабста до Станкевича, не говоря о недругахъ,—такая видно ужъ горемычная доля.

Я бы вамъ охотно высылалъ „Колоколь“ — да хорошо ли на ваше имя. Сегодня посылаю два экз. на имя Мар. Касп.—одинъ для васъ, одинъ для Тат. Пет. (Пассекъ).

Жму вашу руку.

А ты, Богданъ, что, помнишь свирѣпаго москаля, который все говорилъ не канючь, не хныкай? Поклонись же отъ него твоему папѣ.

IX.

28 Ноября. Orser House.

Vestbourne terrace.

Посылаю вамъ—вы думаете „Колоколь“—нѣтъ-съ — одна рѣчь не пословица, посылаю вамъ Ольгу ¹⁾ съ визитомъ и съ этимъ письмомъ. Что вы дѣлаете Марья Александровна — какое упорное молчаніе. Я серьезно рекомендую вамъ М-ме Meugenberg и пользуясь сей вѣрной оказіей жму вамъ руку.

Огаревъ кланяется.

Будьте здоровы.

(Безъ подписи).

X.

26 (14) Декабря 59 г. Park House.

Fulham.

Здраствуйте Марія Александровна—собираюсь васъ поздравить съ новымъ десятилѣтіемъ,—да еще въ какой день — 14 Декабря! Съ

¹⁾ Вторая дочь Герцена.

тринадцатилѣтняго возраста—я свѣтилъ этотъ день—нашего нравственнаго Рождества. 35 годъ наступаетъ съ тѣхъ поръ!...

Увлеченный календарями, я вмѣсто письма, начинаю археографическую статью, ее можно написать цифрами складами — Это несчастіе стариковъ—а съ будущаго года я по всѣмъ правамъ вступаю въ ихъ почтенную, беззубую, еѣдую среду.

Правильно ли вы получаете Колоколь? Я посылаю въ день выхода—притомъ скажите совершенно откровенно—о двухъ послѣднихъ статьяхъ о нѣмцахъ, я имъ придаю нѣкоторую цѣну.

— На этомъ словѣ явилось ваше письмо—за которое благодарю. Я въ переводѣ Библіи ни прямо, ни косвенно не участвую, это дѣло Тробизонъ „библейскаго общества“, одного, добраго, бѣднаго литератора, котораго я имъ рекомендовалъ.

Во всякомъ случаѣ я считаю этотъ трудъ—совершенно бесполезнымъ. Ну что намъ теперь—за плачь съ Іовомъ и за пророчества—здоровую пищу надобно для народа — а религіозныхъ кликушъ довольно было.

У насъ теперь предстонтъ новая борьба съ дворянствомъ — я имъ услужилъ первымъ блиномъ къ новому году.

И такъ милости просимъ ждемъ васъ въ Лондонъ ¹⁾

XI.

17 Янв. 1860. Park House.

Fulham.

Дѣйствительно вы меня, Марья Александровна, совсѣмъ съ толку сбили пароходомъ, все же вы пріѣдите—и я этому очень радъ. Пріѣзжайте-ка вмѣстѣ съ Тат. Пет. (Пассекъ) на островъ Вайтъ. Я конечно и самъ мечтаю куда-нибудь уѣхать изъ Лондона... т. е. хотѣлось бы перебраться въ Швейцарію — но врядъ это возможно ли, но только въ городъ, да еще лѣто не останусь.

„Все ревматизмы и головныя боли“.

Передайте. Т. П. (Пассекъ) письмо, скоро пришлю ей черезъ васъ книги, она упрекаетъ что я мало пишу, разучился—совершенно разучился писать письма.

Усердно кланяюсь вамъ

А. Герценъ.

¹⁾ Конца письма — вѣроятно, строки 2-3 — не достаетъ. Такъ какъ тутъ складка въ бумагѣ, то можно думать, что она протерлась, и конецъ листка потерялся. Б. М.—ъ.

XII.

26 Января 1860. Park House.

Fulham.

Какъ досадно и смѣшно было намъ, Марья Александровна, узнать нашу ошибку. Вы намъ прислали разные „слочные“ фрукты — а мы благодарили Тат. Петровну — а потому вы простите намъ и дайте вашу руку, чтобъ поблагодарить теперь.

Тихо, ужасно тихо идутъ дѣла на Руси, слабая рука Алекс. Ник. (Александра II) дрожить. Въ Ростовцевской комиссіи — единственный оплотъ освобожденія. Противъ нее интригуютъ и дѣлаютъ всякія мерзости. — Самаринъ (онъ толще меня лѣтъ пять) до того горячился — что un beau jour упалъ разбитый параличемъ. Теперь онъ поправился немного и снова явился на своемъ посту. Молодецъ!

Въ Февралѣ — такъ въ Февралѣ милости просимъ — но весной здѣсь лучше, февраль скверный мѣсяць — напротивъ, Мартъ и Апрѣль — лучше иногда Мая и Юня. У меня есть противъ васъ злой умыселъ — мнѣ хочется васъ заставить — вечеръ или два — слушать отрывки изъ „Былое и Думы“ — изъ тѣхъ частей которыя будутъ напечатаны — когда меня запечатають какъ посылку на тотъ свѣтъ (отчего никогда не страхуютъ покойниковъ вотъ было бы вѣрнѣйшее средство узнать есть ли тотъ свѣтъ и есть ли тамъ почтовая контора?) Отрывки эти кромѣ Огаревыхъ никому не читалъ (исключая двѣ, три главы) и мнѣ хотѣлось бы совершенно искренняго отзыва — и отзыва немужского.

Я счелъ долгомъ предупредить васъ — что васъ ждетъ сверхъ-качка на Ламаншѣ, туманы въ Лондонѣ — темноты въ полдень и дождь въ 2½ часа — еще такой капканъ.

Берите мѣры!

Кстати я съ Ог. изобрѣлъ что такъ какъ у Гоголя сумасшедшій пишеть: „День безъ числа“ такъ въ англійскомъ климатѣ, чисто сумасшедшемъ есть

„часы безъ дня“

Оттого и темно.

(На оборотѣ письма) Много благодаримъ васъ, милая Марья Александровна за присылку и крѣпко жмемъ вашу руку. Г. торопитъ посылать на почту и потому я кончаю

Вашъ Огаревъ.

XIII.

23 Февр. 1860. *Park House.*

Fulham.

Письмо ваше сегодня получилъ. Такъ это вы хворали въ вашемъ Гейдельбергѣ, — а мы здоровы въ нашей трущобѣ сырости, тумана и мглы. Что это за печальный климатъ — онъ ведетъ къ сосредоточенному озлобленію.

Перечиталь я вашу „Игрушечку“ — превосходная вещь, вы ее исправили — и кромѣ двухъ, трехъ бездѣлицъ — да вдвое малороссійскихъ словъ — это былъ бы брильянтъ чистѣйшей воды. Я читаль ее вслухъ — и на всѣхъ она сдѣлала то же впечатлѣніе какъ на меня.

Въ польскомъ *Revue* выходящемъ въ Парижѣ — двѣ длинныя (и очень умныя статьи) противъ меня.

Ну дѣлать нечего — попробую старческіе мускулы — и проберу его.

Когда вы будете! Вы напишите дня за два.

Статьи о Павлѣ я получилъ.

Будьте же здоровы — кланяйтесь вашимъ и передайте записочку Т. П. (Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ).

Огаревъ — Нат. Ав. и дѣти усердно кланяются.

Къ исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

(Изъ старыхъ дѣлъ Рязскаго уѣзднаго полицейскаго управленія).

5 ноября 1849 г. за № 15547 начальникъ рязанской губерніи гражданскій губернаторъ Кожинъ писалъ рязскому городничему официальную бумагу слѣд. содержания: „Вслѣдствіе отношенія Департамента Полиціи исполнительной. предписываю Вашему высокоблагородію донести мнѣ немедленно, какимъ образомъ производится (въ Рязанской губерніи) наказаніе преступниковъ плетью, вдоль или поперекъ спины, и по одной ли этой части тѣла, или по другимъ“. Огвѣтъ городничаго отъ 18 ноября за № 737: „Его Превосходительству Господину Рязанскому Гражданскому Губернатору и Кавалеру. Во исполненіе предписанія Вашего Превосходительства отъ 8 ноября за № 15877 донести честь имѣю, что наказаніе преступниковъ плетью производилось вдоль спины и по объемамъ нижнимъ частямъ тѣла. нынѣ же наказаніе плетью черезъ полицейскихъ олужителей отмѣнено и тѣ плети представлены въ Рязанское Губернское Правленіе“.—Въ тѣхъ же дѣлахъ имѣлись копія указовъ Рязанскаго Губернскаго Правленія Рязскому Земскому Суду, помѣченные февралемъ и декабремъ 1857 года. На этотъ разъ они касались, какъ орудій наказаній, такъ и способа ихъ примѣненія. Первый указъ гласилъ слѣдующее: „Губернское Правленіе, слушая циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 сего февраля за № 18, въ коемъ изъяснено: при циркулярахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. разосланы къ начальникамъ губерній и областей штемпеля для клейменія каторжныхъ и особый составъ для натиранія наложенныхъ знаковъ клеймъ, а также наставленіе объ употребленіи оныхъ ¹⁾. Между тѣмъ въ одной губерніи на въ-которыхъ преступникахъ клейма оказались неясственными, что произошло, по отзыву мѣстной врачебной управы, отъ небрежнаго намазыванія краскою мѣстъ клейменія; губернское правленіе признало виновными въ ненаблюденіи за должнымъ клейменіемъ, членовъ мѣстнаго земскаго суда, уѣзднаго стряпчаго и уѣзднаго врача, присутствовавшихъ при наказаніи. Посему возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли возобновлять на каторжныхъ неясственные клейма, по-

¹⁾ Въ XVII в. клейма налагались каленымъ желѣзомъ, а со времени Петра I—особыми штемпелями, на которыхъ были наложены стальные иглы, образовавшія буквы: иглы эти вонзались въ тѣло и производили ранки, которыя до 1846 г. для неизгладимости натирались порошкомъ, а съ этого времени—особо изобрѣтеннымъ средствомъ (смѣсь индиго и туши); клейменіе отмѣнено указомъ 17 апр. 1863 г. (*Вѣстникъ*. „Матеріалы для ист. отмѣны тѣл. наказ. въ Россіи“. „Юрид. Вѣстн.“ 1892, № 7)

добно тому, какъ разрѣшено ихъ возобновлять на бродягахъ, подвергая ответственности виновныхъ въ упущеніяхъ по этому предмету. При разсмотрѣніи означеннаго вопроса, Правительствующій Сенатъ, принявъ на видѣ, что наложеніе клеймъ на каторжныхъ, не составляетъ мѣры предупрежденія отъ побѣговъ, но по силѣ 1-го прил. къ 19 ст. улож. 15 авг. 1845 г. относится къ числу наказаній тѣлесныхъ, которымъ подвергаются не всѣ сосланные въ каторжную работу преступники, а лишь подлежащіе тѣлесному наказанію мушкеты, не нашедші основанія къ повторенію этого наказанія надъ тѣми преступниками, которые уже его понесли. Съ тѣмъ вмѣстѣ Правительствующій Сенатъ поручилъ его Высокопревосходительству подтвердить кому слѣдуетъ о точномъ исполненіи предписанныхъ отъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ правилъ о постановленіи знаковъ клеймъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгой ответственности по законамъ. Вслѣдствіе сего г. Министръ Внутреннихъ дѣлъ проситъ г. Начальника здѣшной губерніи строжайше подтвердить всѣмъ чиновникамъ, обязаннымъ присутствовать при наказаніи преступниковъ, о непрѣмномъ наблюденіи съ ихъ стороны за точнымъ исполненіемъ упомянутыхъ правилъ о наложеніи на каторжныхъ клеймъ; виновнаго же въ упущеніяхъ подвергать строгой ответственности по законамъ. *Приказамъ:* О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ давъ знать всѣмъ здѣшной губерніи Градскимъ и Земскимъ полиціямъ и уѣзднымъ стряпчимъ, строжайше подтвердить указами имѣть наблюденіе за явственнымъ наложеніемъ на каторжныхъ клеймъ при наказаніи ихъ подъ опасеніемъ строгой ответственности по законамъ, а Рязанской врачебной управѣ предписано вмѣнить всѣмъ подвѣдомственнымъ ей Городовымъ и Уѣзднымъ врачамъ о правильномъ наложеніи на каторжныхъ клеймъ.—И второй указъ: „Губернское Правленіе, слушая переданное въ сіе правленіе циркулярное предписаніе г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, послѣдовавшее на имя г. Начальника Губерніи отъ 18 минувшаго октября за № 133, въ коемъ изъяснено: по Высочайше утвержденному 10 мая 1839 г. положенію Комитета гг. Министровъ, сообщенному къ исполненію Начальникамъ губерній въ секретномъ циркулярѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 20 января 1840 г. за № 21, заготовлены были Министерствомъ образцы орудій для тѣлеснаго наказанія преступниковъ, какъ то: кнутъ, плеть, притяжные ремни и штемпеля, и разсланы тогда же во всѣ губерніи и области, съ тѣмъ, чтобы употреблявшіеся тамъ прежде орудія тѣлеснаго наказанія преступниковъ были уничтожены, а заготовлены новыя, по упомянутымъ образцамъ. Заготовленіе сіе, какъ тогда такъ и впредь, на основаніи означеннаго Высочайше утвержденного положенія Комитета гг. Министровъ, предписано производить хозяйственнымъ образомъ, по распоряженіямъ губернскаго начальства и подъ непосредственнымъ ихъ наблюденіемъ, на счетъ экстраординарныхъ суммъ. Изъ числа установленныхъ орудій наказаній, кнутъ въ настоящее время уже отмѣненъ уголовнымъ уложеніемъ и штемпеля измѣненные въ формѣ (вмѣсто буквъ В. О. Р. буквы К. А. Т.) ¹⁾ на основаніи циркулярныхъ предписаній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 18 іюня и 30 сент. 1846 г. изготавливаются и разсылаются по распоряженію Министерства къ Начальникамъ губерній въ слѣдствіе ихъ представленій; заготовленіе плетей и протяжныхъ ремней оста-

¹⁾ Т. е. вмѣсто слова „воръ“ установили слово „кат(оржникъ)“. Эти буквы ставили такъ, образомъ, что К. приходилось на лбу, А—на правой щекѣ, а Т—на лѣвой.

лось по прежнему на обязанности губернскихъ начальствъ. Между тѣмъ о заготовленіи вновь плетей, на мѣсто приходящихъ въ негодность отъ употребленія, нѣкоторые начальники губерній входятъ съ представленіями въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Находя такія представленія несогласными съ упомянутымъ Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета г.г. Министровъ, онъ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ проситъ Его Превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время заготовленіе плетей для наказанія преступниковъ, по силѣ установленныхъ на этотъ предметъ правилъ производимо было хозяйственнымъ образомъ, по распоряженію Губернскаго Правленія и подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ, не обременяя Министерство подобными требованіями. *Приказали:* О содержаніи настоящаго предписанія г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ дать знать Градскимъ и Земскимъ полиціямъ Рязанской губерніи и передать копію въ 9 столъ сего правленія къ свѣдѣнію и руководству“.

Сообщилъ Н. Ю. Д.

Изъ записокъ императора Николая I ¹⁾.

Надо было рѣшиться или остаться мнѣ въ совершенномъ бездѣйствіи, отстранясь отъ всякаго участія въ дѣлахъ, до коихъ въ стро-гомъ смыслѣ службы, какъ говорится, мнѣ дѣла не было, или участво-вать въ нихъ и почти направлять тѣхъ людей, въ рукахъ коихъ по званію ихъ власть находилась: въ первомъ случаѣ, соблюдая форму, по совѣсти я бы грѣшилъ, попуская дѣламъ изгажаться можетъ быть безвозвратно и тогда бы я заслужилъ въ полной мѣрѣ названіе эгоиста; во второмъ случаѣ я жертвовалъ собой съ убѣжденіемъ быть полезнымъ отечеству и тому, которому я присягнулъ. Я не усомнился, и влеченіе внутреннее рѣшило мое поведеніе. Одно было трудно: я долженъ былъ скрывать настоящее положеніе дѣлъ отъ мнительности Матушки, отъ глазъ окружающихъ, которыхъ любопытство предугады-вало истину. Но съ твердымъ упованіемъ на милость Божию я рѣшился дѣйствовать, какъ сумѣю. Городъ казался тихъ: такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Г. Милорадовичъ, увѣряли и тѣ немногіе, которые ко мнѣ хаживали, ибо я не считалъ приличнымъ показываться и почти не выходилъ изъ комнатъ.

Но въ то же время бунтовщики были уже въ сильномъ движеніи и не понятно, что никто сего не видалъ. Оболенскій, бывший тогда адъютантомъ у Бистрома, командовавшего всей пѣхотой гвардіи, одинъ изъ злѣйшихъ заговорщиковъ, ежедневно бывалъ во дворцѣ, гдѣ тогда обычай былъ збираться послѣ развода въ такъ называемой конно-Гвардейской комнатѣ. Тамъ въ шумѣ зборища разныхъ чиновъ офицеровъ и другихъ ежедневно пріѣзжавшихъ во дворецъ узнавать о здоровіи Матушки, но еще болѣе пріѣзжавшихъ за новостями,—съ жадностью Оболенскій подхватывалъ все, что могло быть полезнымъ къ успѣху заговора; и сообщалъ соумышленникамъ узнанное. Зборища ихъ бывали у Рылѣева. Дрянное лицо, извергъ въ семъ смыслѣ слова, Якубовскій ²⁾, въ то же время успѣлъ хитростью своей и нѣкоторой наружностью смѣльчака втереться въ домъ Милорадовича, и уловивъ

¹⁾ Печатаемый нами отрывокъ изъ записокъ имп. Николая I написанъ въ 1835 или 1836 году. Имъ пользовался бар. М. А. Корфъ для своей книги о событіяхъ 14 декабря, и П. К. Шильдеръ, положившій его въ основу изложенія въ книгѣ „Имп. Николай I, жизнь и царствованіе“. Въ полномъ видѣ и подлинникъ отрывокъ появляется въ печати впервые.

²⁾ А. И. Якубовичъ, а не Якубовскій.

Ред.

Ред.

доброе сердце графа, снискалъ даже нѣкоторую его къ себѣ довѣренность. Что Оболенскій не успѣвалъ узнать во дворцѣ, то Якубовскій извѣдывалъ отъ графа, у котораго, какъ говорили часто, *сердце было на языкѣ*. Мы были въ ожиданіи отвѣта Константина Павловича на присягу, и оный ожидали со страхомъ, другіе—и я смѣло себя ставлю въ число послѣднихъ—что онъ велитъ.

Въ сіе время прибылъ Михайлъ Павловичъ. Ему вручилъ К. П. свой отвѣтъ въ письмѣ къ Матушкѣ и нѣсколько словъ ко мнѣ. Первое движеніе всѣхъ—и справедливое нетерпѣніе сіе извѣняло,—было броситься во дворецъ, всякій спрашивалъ присягнулъ ли Михайлъ Павловичъ.—Нѣтъ,—отвѣчали пріѣхавшіе съ нимъ. Матушка заперлась съ Михаиломъ Павловичемъ, я ожидалъ въ другомъ покоѣ—и ожидалъ рѣшенія своей участи—минута неизгладимая!—Наконецъ дверь отперлась и Матушка мнѣ сказала: «*Bien, Nicolas, prosternez vous devant votre frère, me il est respectable et sublime dans son inaltérable détermination de vous abandonner le trône.*»

Признаюсь, мнѣ слова сіи тяжело было слушать, и я въ томъ винюся; но я себя спрашивалъ, кто большую приносить изъ насъ двухъ жертву?—Тотъ ли, который отвергалъ наслѣдство Отцовское подъ предлогомъ своей неспособности, и который разъ на сіе рѣшившись, повторяетъ токмо свою неизмѣнную волю и остается въ томъ положеніи, которое самъ себѣ создалъ сходно всѣмъ своимъ желаніямъ;—или тотъ—который, вовсе не готовившійся на званіе, на которое по порядку природы вовсе не имѣлъ никакого права; которому воля братняя была всегда тайной, и который неожиданно въ самое тяжелое время и въ ужасныхъ обстоятельствахъ долженъ былъ жертвовать всѣмъ, что ему было дорого, дабы покориться волѣ другого!—Участь страшная! и смѣю думать и нынѣ, послѣ 10 лѣтъ, что жертва моя была въ моральномъ, въ справедливомъ смыслѣ, гораздо тяжче.—Я отвѣчалъ Матушкѣ: «*Avant de me prosterner, Maman, veuillez me permettre savoir pourquoi je devrais le faire, car je ne sais lequel des sacrifices est le plus grand, de celui qui refuse, ou de celui qui accepte dans de pareilles circonstances.*»

Нетерпѣніе всѣхъ возрастало и дошло до крайности, когда догадывались по продолжительности нашего присутствія у Матушки, что дѣло еще не рѣшилось. Дѣйствительно братъ Константинъ Павловичъ прислалъ отвѣтъ на письмо Матушки хотя и офиціально, но на присягу ему данную не было отвѣта, ни Манифеста, словомъ ничего что-бы въ лицѣ народа могло служить актомъ удостовѣренія, что воля его непремѣнна и отреченіе, оставшееся при жизни Императора Александра тайной для всѣхъ, есть и нынѣ непремѣнной его волей. Надо было рѣшить что дѣлать, какъ выйти изъ затрудненія опаснѣйшаго въ своихъ послѣдствіяхъ; и которымъ, какъ видимъ ниже, заговорщики весьма хитро воспользовались.—Послѣ долгихъ преній я остался при томъ мнѣніи, что брату должно было объявить Манифестомъ, что, оставаясь непреклоннымъ въ рѣшимости, имъ уже освященной отреченіемъ, утвержденнымъ духовной Императора Александра, онъ повторилъ оное и нынѣ не принималъ данной ему присяги. Симъ казалось мнѣ торжественно утверждалась воля его, и отымалась всякая

возможность къ усумленію.—Но братъ избралъ другой способъ; онъ прислалъ письмо официальное къ Матушкѣ, другое ко мнѣ, и наконецъ родъ выговора къ Лопухину какъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

Содержаніе двухъ первыхъ актовъ извѣстно: вкратце содержали они удостовѣреніе въ непремѣнной его рѣшимости и въ письмѣ къ Матушкѣ упоминалось, что рѣшеніе его въ свое время получило ея согласіе.

Въ письмѣ ко мнѣ, писанномъ какъ къ Императору, упоминалось только въ особенности о томъ, что Е. В. просилъ оставить его *при прежде занимаемомъ имъ мѣстѣ и званіи*. —Однако удалось мнѣ убѣдить Матушку, что однихъ сихъ актовъ безъ явной опасности публиковать нельзя, и что должно непремѣнно вторично убѣдить брата прибавить къ этому другой въ видѣ Манифеста съ изъятіемъ такимъ, которое было развязываемо отъ присяги ему данной.

Матушка и я мы убѣдительно о томъ писали брату; и фельдегеръ офицеръ Бѣлоусовъ, отправленъ съ симъ.

Между тѣмъ, рѣшено было нами акты сіи хранить у насъ въ тайнѣ,—но какъ было уяснить намъ молчаніе передъ публикой! Нетерпѣніе и неудовольствіе были велики и весьма извинительны. Пошли догадки, а въ особенности обстоятельство *не прислалъ* М. П. навело на всѣхъ сомнѣніе, что скрывалось отреченіе Константина Павловича. Заговорщики и рѣшили сіе же самое употребить орудіемъ для своихъ замысловъ, время сего ожиданія можно считать подходящимъ междуцарствію, ибо повелѣній отъ Императора, которому присяга принята была, по расчету времени должно было получить,—но еще не приходило; дѣло останавливалось совершенно; все было недоумѣніемъ и къ довершенію всего извѣстно было что М. П. отъѣхалъ уже тогда изъ Варшавы когда и кончина Импер. Александра и присяга К. П. тамъ уже извѣстны были. Каждый извлекалъ изъ сего, что какое то особенно важное обстоятельство, приостанавливало къ вопросу законнаго теченія дѣлъ—но никто не догадывался настоящей причины.

Однако дальнѣйшее присутствіе М. П. становилось тягостнымъ и для него и для насъ всѣхъ, и потому рѣшено было ему выѣхать будто въ Варшаву, подъ предлогомъ успокоенія брата К. П. насчетъ здоровья Матушки; и остановиться на станціи въ Ненналѣ далѣе удаленія отъ безпрестаннаго принужденія и вмѣстѣ съ тѣмъ для остановленія на дорогѣ всѣхъ тѣхъ, кои возвращаясь изъ Варшавы, могли извѣстить въ Петербургѣ настоящее положеніе дѣлъ. Сія же предосторожность приказывала останавливать всѣ письма, приходившія изъ Варшавы; и эстафетъ, ежедневно приходившій съ бумагами изъ канцеляріи К. П., приносимъ былъ ко мнѣ. Бумаги, не терпящія отлагательства, долженъ былъ я лично взять къ себѣ тѣмъ, къ коимъ адресовались, и просилъ ихъ вскрывать въ моемъ присутствіи.

Такъ прошло 8 или 9 дней. Въ одно утро часовъ въ 6 былъ я разбужденъ внезапнымъ пріѣздомъ изъ Таганрога Л. Г. Измайловскаго полка полк. Б. Фредерикса, съ пакетомъ о самонужнейшемъ отъ Г. Дибича нач. Гл. Штаба и адресованнымъ въ собственныя руки Императору! Спросивъ Б. Фредерикса, знаетъ ли онъ содержаніе па-

кета, получилъ въ отвѣтъ, что ничего ему неизвѣстно, но что такой же пакетъ посланъ въ Варшаву по неизвѣстности въ Таганрогъ, гдѣ находится Государь. Заключивъ изъ сего, что пакетъ содержалъ обстоятельство особой важности, я былъ въ крайнемъ недоумѣніи, на что мнѣ рѣшиться? Вскрыть пакетъ на имя Императора, былъ поступокъ столь отважный, что рѣшиться на сіе казалось мнѣ послѣдней крайностью, къ которой одна необходимость могла принудить человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе, и—пакетъ вскрыть! — Пусть изображать себѣ что должно было произойти тогда во мнѣ, когда бросивъ глаза на включенное письмо отъ Г. Дибича, что дѣло шло о существующемъ и только что открытомъ преступномъ заговорѣ, котораго отрасли распространились черезъ всю Имперію отъ Петербурга, на Москву и до второй арміи въ Бессарабіи! Тогда только почувствовалъ въ полной мѣрѣ всю тяжесть своей участи и съ ужасомъ вспомнилъ въ какомъ находился положеніи. Должно было дѣйствовать не теряя ни минуты съ полной властію, съ опытностью, съ рѣшимостью—я не имѣлъ ни власти, ни права; на случай могъ только дѣйствовать черезъ другаго изъ одного довѣрія ко мнѣ обращающагося безъ увѣренности, что совѣту моему послѣдуютъ; и притомъ чувствовалъ, что тайну подобной вѣрности должно было наитщательнѣйше скрывать отъ всѣхъ, даже отъ Матушки, дабы ее не испугать, или преждевременно заговорщикамъ не открыть, что замыслы ихъ уже не скрыты отъ правительства. Къ кому мнѣ было обратиться *одному, совершенно одному безъ совѣта!*

Г. Милорадовичъ казался мнѣ по долгу его званія первымъ, до свѣдѣній котораго содержаніе сихъ извѣстій довести должно было; К. Голицынъ, какъ начальникъ почтовой части и довѣренное лицо Импер. Александра казался мнѣ вторымъ. Я ихъ обоихъ пригласилъ къ себѣ и втроемъ принялись мы за чтеніе приложеній къ письму. Писанные рукою Г. А. Чернышева, для большей тайны, въ нихъ заключалось изложеніе открытаго обширнаго заговора, черезъ два разныя источника; показаніями юнкера Шервуда, служившаго въ Чугуевскомъ военномъ поселеніи, и открытіемъ капитана Майбороды, служившаго въ тогдашнемъ 3 пѣх. корпусѣ. Извѣстно было, что заговоръ касается многихъ лицъ въ Петербургѣ и наиболѣе въ Кавалергардскомъ полку, но въ особенности въ Москвѣ и въ Главн. Квартирѣ 2 арміи и въ части войскъ ей принадлежащихъ, а также и въ войскахъ 3 корпуса. Показанія были весьма неясны, неопредѣлительны; но однако еще за нѣсколько дней до кончины своей покойный Импер. велѣлъ г. Дибичу по показаніямъ Шервуда послать полк. Л. Г. Каз. полка Никонова взять извѣстнаго Вадковскаго, за годъ выписаннаго изъ Кавалергардскаго полка. Еще болѣе неясны были подозрѣнія на Глав. квартиру 2 Арміи и г. Дибичъ увѣдомлялъ, что вслѣдъ за симъ рѣшился послать Г. Чернышева въ Тульчинъ, дабы увѣдомить Г. Витгенштейна о происходившемъ и арестовать Князя С. Волконскаго, командовавшаго бригадой, и П. Пестеля, въ этой бригадѣ командовавшаго Вятскимъ полкомъ. Подобное извѣстіе въ столь затруднительное и важное время требовало величайшаго вниманія и должно было узнать кто изъ поименованныхъ лицъ въ Петербургѣ

и немедленно их арестовать; а какъ о К. Майбородѣ ничего не упоминалось, а должно было полагать, что черезъ него получатся еще важнѣйшія свѣдѣнія, то рѣшился Г. Милорадовичъ послать адъют. своего Г. Мантейфеля къ Г. Роту, дабы принявъ Майбороду, доставить въ Петербургъ. Изъ Петербург. заговорщиковъ по справкѣ никого не оказалось на лицѣ; всѣ были въ отпуску, а именно: Свистуновъ, гр. Захаръ Чернышевъ и Никита Муравьевъ, что болѣе еще утверждало справедливость подозрѣній, что они были въ отсутствіи для сѣзда, какъ въ этой запискѣ упоминалось. Г. Милорадовичъ долженъ былъ вѣрить столь яснымъ уликамъ въ существованіи заговора и вѣроятномъ участіи и другихъ лицъ, хотя объ нихъ не упоминалось; онъ общалъ обратить все вниманіе полиціи, но все осталось въ прежней безъясности.

Наконецъ наступилъ роковой для меня день. По обыкновенію обѣдали мы вдвоемъ съ женой, какъ пріѣхалъ Бѣлоусовъ. Вскрывъ письмо брата, удостовѣрился я съ первыхъ строкъ, что участь моя рѣшена, но что единому Богу извѣстно какъ воля Конст. Павл. исполнится, ибо вопреки всѣмъ нашимъ убѣжденіямъ рѣшительно отказывалъ въ новомъ актѣ, опираясь на то, что не признавалъ себя Императоромъ, отвергая присягу ему данную какъ такую, которая неправильно ему принесена была, не считаетъ себя въ правѣ и не хочетъ другого изреченія непреклонной своей воли, какъ обнародованія такового Императора Александра и акта отреченія своего отъ Престола. Я предчувствовалъ, что повинуюсь волѣ братней иду на гибель, но нельзя было иного и долгъ повелѣвалъ сообразить единственно, какъ исполнить не съ явной опасностью недоразумѣній и ложныхъ навѣтовъ.

Я пошелъ къ Матушкѣ и нашелъ ее въ томъ же убѣжденіи, но довольною, что наступилъ конецъ нерѣшимости. Изготовивъ въ скорости проектъ Манифеста призвалъ къ себѣ М. М. Сперанскаго и ему поручилъ написать таковой, придерживаясь моихъ мыслей; положено было притомъ публиковать духовную Имп. Александра, письмо къ нему Конст. Пав. съ отреченіемъ и два его же письма къ Матушкѣ и ко мнѣ какъ къ Императору.

Между строкъ рукописи въ этомъ мѣстѣ вписано: «прибавить о Ростовцевѣ».

Въ сихъ занятіяхъ прошелъ вечеръ 12 Декабря. Послано было къ М. П. дабы его воротить и надежда оставалась, что онъ поспѣетъ вѣроятно на другой день, т. е. въ воскресенье 13 числа. Между тѣмъ вѣсть о пріѣхавшемъ фельдъегерѣ распространилась по городу, и всякій убѣдился въ томъ, что подозрѣнія обратились въ истину. Гвардіей командовалъ Г. Войновъ, человекъ почтенный и храбрый, но ограниченныхъ способностей и не успѣвшій пріобрѣсть никакого вѣсу въ своемъ корпусѣ. Призвавъ его къ себѣ, поставилъ его въ извѣстность воли Конст. Пав. и условился, что на другой же день, т. е. въ понедѣльникъ соберетъ ко мнѣ всѣхъ Генераловъ и полковниковъ команд. Гвардіи, дабы лично мнѣ имъ объяснить весь ходъ происшедшаго въ нашей семьѣ и поручить имъ растолковать сіе яснымъ образомъ своимъ подчиненнымъ, дабы не было предлога къ безпорядку. Требуется былъ также ко мнѣ митрополитъ Серафимъ для

Князь Сергѣй Петровичъ
ТРУБЕЦКОЙ.

Съ миниатюры 1820 года.

нужнаго предваренія и наконецъ К. Лопухинъ, съ которымъ условлено было собрать совѣтъ къ 8 часамъ вечера, куда я намѣренъ былъ явиться вмѣстѣ съ братомъ М. П. какъ личнымъ свидѣтелемъ и вѣстникомъ братней воли. Но Богу угодно было повелѣть иначе.

Мы ждали М. П. до $\frac{1}{2}$ 11 ночи, и его не было. Между тѣмъ весь городъ зналъ, что Государственный Совѣтъ собранъ и всякій подозрѣвалъ, что настала рѣшительная минута, гдѣ томительная неизвѣстность должна кончиться. Нечего было дѣлать и я долженъ былъ слѣдовать одинъ. Тогда Государственный Совѣтъ собрался въ большомъ покоѣ, который нынѣ служитъ гостинной младшимъ моимъ дочерямъ.—Пройдя къ столу я сѣлъ на первое мѣсто, сказавъ *я выполняю волю брата Константина Павловича* и вслѣдъ за тѣмъ началъ читать манифестъ о моемъ восшествіи на престолъ, всѣ встали и я такъ же; всѣ слушали въ глубокомъ молчаніи и по окончаніи чтенія глубоко мнѣ поклонились, при чемъ отличился Н. С. Мордвиновъ противъ меня бывшій, всѣхъ первый вскочившій и ниже прочихъ отвѣсившій поклонъ, такъ что оно мнѣ страннымъ показалось. За симъ долженъ былъ я прочесть отношеніе К. П. къ К. Лопухину, въ которомъ онъ самымъ сильнымъ образомъ выговаривалъ ему, что ослушался будто воли покойнаго Императора Александра, отославъ къ нему духовную и актъ отреченія и принесъ ему присягу, тогда какъ на сіе права никто не имѣлъ.

Кончивъ чтеніе возвратился я въ занимаемая мною комнаты, гдѣ ожидали меня Матушка и жена; былъ 1 часъ и понедѣльникъ, что многіе считали дурнымъ началомъ; мы проводили Матушку на ея половину и хотя не было еще объявлено о моемъ вступленіи, но комнатные люди Матушки съ ея разрѣшенія насъ поздравляли!

Во внутреннемъ караулѣ стоялъ въ то время К. Одоевскій самый сильный заговорщикъ, но никто сего не зналъ; послѣ только вспомнили, что онъ безпрестанно спрашивалъ придворныхъ служителей о происходящемъ.—Мы легли спать и спали спокойно, ибо у каждаго совѣсть была чиста, и мы отъ глубины души предалися Богу.

Наконецъ наступило 14 декабря, роковой день! Я всталъ рано и одѣвшись принялъ г. Воинова; потомъ вышелъ въ залу нынѣшнихъ покоевъ Александра Николаевича, гдѣ собраны были всѣ Генералы и Полковые командиры Гвардіи; объяснивъ имъ словесно какимъ образомъ по непремѣнной воли Константина Павловича, которому не задолго вмѣстѣ съ ними я присягалъ, нахожусь нынѣ вынужденнымъ покориться его волѣ и принять Престолъ, къ которому за его отреченіемъ нахожусь ближайшимъ въ родѣ; за симъ прочиталъ имъ духовную покойнаго Императора Александра и актъ отреченія Константина Павловича; за симъ получивъ отъ каждаго увѣреніе въ преданности и готовности жертвовать собой, приказалъ ѣхать по своимъ командамъ и привести къ присягѣ.—Отъ двора повѣщено было всѣмъ имѣющимъ право на пріѣздъ собраться во Дворецъ къ 11 часамъ.

Въ то же время Синодъ и Сенатъ собирались въ свое мѣстѣ для присяги. Вскорѣ за симъ прибылъ ко мнѣ г. Милорадовичъ съ новыми увѣреніями совершеннаго спокойства. За симъ былъ я у Ма-

тушки гдѣ его снова видѣлъ; и воротился къ себѣ; пріѣхалъ Г. Орловъ командовавшій Конной Гвардіей съ извѣщеніемъ что полкъ принялъ присягу, поговоривъ съ нимъ довольно долго я его отпустилъ. —Вскорѣ за нимъ явился ко мнѣ Командов. Гвар. Арт. Г. М. Сухозанетъ съ извѣстіемъ, что артиллерія присягнула, но что въ Г. Кон. Арт. офицеры оказали сомнѣніе въ справедливости присяги желая сперва (?) слышать удостовѣреніе сего отъ М. П. котораго считали удаленнымъ изъ Петербурга, какъ будто изъ несогласія его на мое вступленіе. Многіе изъ сихъ офицеровъ до того вышли изъ повиновенія, что г. Сухозанетъ долженъ былъ ихъ всѣхъ арестовать.

Но почти въ сіе же время прибылъ наконецъ М. П., котораго я просилъ сейчасъ отправиться въ артилл. для приведенія заблудшихъ въ порядокъ:—спустя нѣсколько минутъ послѣ сего явился ко мнѣ Г. М. Нейдгартъ начальникъ штаба гвар. корпуса и войдя ко мнѣ совершенно въ разстройствѣ сказалъ: «Sire, le regiment de Moscou est en plein insurrection, Chenchin et Frédérick—(тогдашній бригадный и полковой командиры) sont grièvement blessés et les mutins marchent vers le Sénat; j'ai à peine pu les devancer pour vous le dire, ordonnez de grâce au régiment de Préobragensky et à la garde à cheval de marcher contre».

Меня вѣсть сія поразила какъ громомъ, ибо съ первой минуты я не видѣлъ въ семъ первомъ послушаніи дѣйствіе одного сомнѣнія, котораго всегда опасаются, но зная существованіе заговора, узналъ въ семъ первое его доказательство. Разрѣшивъ 1 бат. Преображ. выходить, я дозволилъ Кон. Гвард. сдѣлать, но не выѣзжать; и къ нимъ отправилъ Г. Нейдгарта; пославъ въ тоже время Г. М. Стрекалова, дежурнаго при мнѣ въ Преображ. бат. для скорѣйшаго исполненія. Оставшись одинъ, я спросилъ себя что мнѣ дѣлать?—и перекрестясь отдалъ въ руки Божіи, рѣшивъ самъ идти туда, гдѣ опасность угрожала.

Но должно было отъ всѣхъ скрыть *настоящее* положеніе наше и въ особенности отъ Матушки,—и зайдя къ женѣ, сказалъ il y a du bruit au rég. de Moscou, je veux y aller. Съ симъ пошелъ на собственную лѣстницу; въ передней найдя командира кавалергард. полка Гр. Апраксина, велѣлъ ему ѣхать въ полкъ и сейчасъ его вести ко мнѣ. На лѣстницѣ встрѣтилъ я Воинова въ совершенномъ разстройствѣ и строго припомнилъ ему, что мѣсто его не здѣсь, а тамъ, гдѣ войска ему вѣренныя вышли изъ повиновенія. За мной шелъ Ген. Ад. Кутузовъ; съ нимъ пришелъ я на дворцовую главную гауптвахту, въ которую только что вступила 9-ая стрѣлковая рота Л. Гв. Финлянд. полка подъ командой кап. Прибыткова; послѣдній былъ въ моей дивизіи. Вызвавъ караулъ подъ ружье и приказавъ мнѣ отдать честь, прошель по фронту и спросивъ людей присягнули ли мнѣ и знаютъ ли отъ чего сіе было и что по точной волѣ сіе брата К. П. получилъ отвѣтъ, что знаютъ и присягнули. За симъ сказалъ я имъ: ребята, Московскіе шалятъ, не перенимать у нихъ и свое дѣло дѣлать молодцами—велѣлъ зарядить ружья; и самъ скомандовалъ: дивиз. впередъ, скорымъ шагомъ маршъ повелъ отрядъ лѣвымъ плечемъ впередъ къ Главн. воротамъ дворца. Въ сіе время разводили еще часовыхъ и на лицо была только остальная часть людей.

Съѣздъ ко дворцу уже начинался и вся площадь усьяна была народомъ и перекрещивающимися экипажами. Многіе изъ любопытныхъ заглядывали на дворъ и одни изъ нихъ вошли и кланялись мнѣ въ ноги. Поставя караулъ поперегъ воротъ, обратился я къ народу, который меня увидя началъ сбѣгаться ко мнѣ и кричать ура. Махнувъ рукой, я просилъ, чтобъ мнѣ дали говорить. Въ то же время пришелъ ко мнѣ Г. Милорадовичъ и сказавъ *cela va mal, ils marchent au Senat, mais je vais leur parler*, ушелъ и я болѣе его не видалъ, какъ отдавая ему послѣдній долгъ.

Надо было мнѣ выиграть время, дабы дать войскамъ собраться; нужно было отвлечь вниманіе народа чѣмъ необыкновеннымъ;—всѣ эти мысли пришли мнѣ какъ бы вдохновеніемъ и я началъ говорить народу, спрашивая читали-ль Мой манифестъ; всѣ говорили что нѣтъ, пришло мнѣ на мысль самому его читать, у кого то въ толпѣ нашлся экземпляръ; я взялъ его и началъ читать тихо и протяжно, толкуя каждое слово. Но сердце замирало признаюсь, и единый Богъ меня поддерживалъ.

(О Хвощинскомъ прибавить). N.B. (написано между строкъ).

Наконецъ Стрекаловъ повѣстилъ меня, что Преображенск. 1 б. готовъ; приказавъ коменданту Г. Л. Батуцкому остаться при гауптвахтѣ, и не трогаться съ мѣста безъ моего приказанія, самъ пошелъ сквозь толпу прямо къ бат., сбившемуся—спиной къ комендант. подъѣзду, лѣвымъ флангомъ къ экзерцингаузу; бат. командовалъ П. Микулинъ, а полк. ком. полковникъ Исленьевъ былъ при бат.—бат. мнѣ отдалъ честь; я прошелъ по фронту и спросивъ готовы ли идти за мной куда велю, получилъ въ отвѣтъ громкое молодецкое рады стараться!—минуты единственныя въ моей жизни;—никакая кисть не изобразить стройную почтенную и спокойную наружность сего именно 1 б. въ свѣтъ, въ столь критическую минуту. Скомандовалъ по тогдашнему къ атакѣ въ колонну первый и осьмой взводы въ полъ-оборота на лѣво и на право повелъ я бат. лѣвымъ плечомъ впередъ мимо заборовъ тогда достраившагося дома М. Ф. и Иност. Дѣлъ къ углу Адмиралт. бульвара. Тутъ узнавъ, что ружья не заряжены велѣлъ бат. остановиться и зарядить ружья. Тогда же привели мнѣ лошадь, но всѣ прочіе были пѣши; въ то же время замѣтилъ я около дома Главн. Штаба полк. К. Трубецкого, ниже увидимъ какую онъ тамъ игралъ роль. Зарядивъ ружья пошли мы впередъ; тогда со мной были Г. А. Кутузовъ, Ф. А. Дурновъ, Стрекаловъ и адъют. мой Перовскій и Адлербергъ. Адъют. моего Кавелина послалъ я идти въ Аничкинъ домъ перевести дѣтей въ Зимній Дворецъ. Перовскаго послалъ я въ Кон. Гвард. съ приказаніемъ выѣзжать ко мнѣ на площадь.—Въ сіе самое время услышали мы выстрѣлы и вслѣдъ за симъ приближалъ ко мнѣ Ф. А. князь Голицынъ Генеральнаго штаба съ извѣстіемъ, что Г. Милорадовичъ смертельно раненъ.—Народъ прибавлялся со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги бат. и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Кон. Гвард. я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ старого рейт-кнехта изъ Кон. Гвардіи Лондырева съ тѣмъ, чтобъ полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы—ура Константинъ на площади про-

тивъ Сената и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не подпускала.

— Въ сіе время замѣтилъ я въ лѣво противъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, котораго чернымъ обвязану голова огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что то особенно отвратительнаго; подошавъ его къ себѣ узналъ, что онъ Якубовскій; но не зная съ какой цѣлью онъ тутъ былъ спросилъ его чего онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ—я былъ *съ ними*, но услышавъ что они за Константина бросилъ и явился къ вамъ; я взялъ его за руку и сказалъ спасибо, вы вашъ долгъ знаете.

Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ почти весь участвуетъ въ бунтѣ и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее намѣреніе его было подъ сей личиною узнавать, что среди насъ дѣлалось и дѣйствовать по удобности.—Въ это время Г. А. Орловъ привелъ Кон. Гвард. обогнувъ Исакиевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ воен. Мин., что тогда было домомъ К. Лобанова; полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому.

Сейчасъ я поѣхалъ къ нему и поздоровавшись съ людьми, сказалъ имъ (что ежели возможно мятежникамъ сообщеніе) что ежели искренно мнѣ присягнули, то настало время ее мнѣ доказать на дѣлѣ. Г. Орловъ велѣлъ съ полкомъ идти на Сенатскую площадь и выстроиться такъ, чтобы пересѣчь ежели возможно мятежникамъ сообщеніе съ тѣхъ сторонъ гдѣ ихъ окружить было можно. Площадь тогда была весьма стѣснена заборами отъ стороны собора, простиравшихся до угла нынѣшняго Синодскаго зданія; уголь образуемый бульваромъ и берегомъ Невы служилъ складомъ, выгружаемыхъ камней для Собора и оставалось между сими матеріалами и монументомъ Петра Великаго не болѣе какъ шаговъ 50. На семъ тѣсномъ пространствѣ идя по шести, полкъ выстроился въ двѣ линіи правымъ флангомъ къ монументу, лѣвымъ достигая почти заборовъ. Мятежники выстроены были въ густой неправильной колоннѣ спиной къ старому Сенату. Тогда былъ еще одинъ Московскій полкъ. Въ сіе самое время раздалось нѣсколько выстрѣловъ; стрѣляли по Г. Воиновъ, но не успѣли ранить, тогда, когда онъ подѣхавъ, хотѣлъ уговаривать людей. Ф. А. Бибиковъ, директоръ канцеляріи главнаго штаба былъ ими схваченъ и жестоко избитый отъ нихъ вырвался и пришелъ ко мнѣ; отъ него узнали мы, что Оболенскій предводительствуетъ толпой. Тогда отрядилъ я роту Е. В. Преображенскаго полка, П. Исленьвымъ и младшимъ полковникомъ Титовымъ подъ командой капитана Игнатьева черезъ бульваръ занять Исакиевскій мостъ, дабы отрѣзать сообщеніе съ той стороны съ Васильевскимъ островомъ и прикрыть фронтъ К. Гвардіи. Самъ же съ прибывшимъ ко мнѣ Г. А. Бекендорфомъ выѣхалъ на площадь, чтобы разсмотрѣть положеніе мятежниковъ; меня встрѣтили выстрѣлами. Въ то же время послалъ я приказаніе всѣмъ войскамъ собираться ко мнѣ на Адмиралтейскую площадь, и воротясь на оную нашелъ уже остальную малую часть Московскаго полка съ болѣею частью офицеровъ, которыхъ ко мнѣ привелъ М. П.

Офицеры бросились мнѣ цѣловать руки и ноги. Въ доказатель-

ство моей къ нимъ довѣренности поставилъ я ихъ на самомъ углу у забора противъ мятежниковъ. Кавалергардскій полкъ, 2 б. Преображенскаго полка стояли уже на площади, сей бат. послалъ я вмѣстѣ съ первымъ рядами направо примкнуть къ Кон. Гвардіи. Кавалергарды оставлены были мной въ резервѣ у дома Лобанова. Семеновскому полку велѣно было идти прямо вокругъ Исакиевскаго Собора къ манежу Кон.-Гвардіи и занять мостъ. Я вручилъ команду съ сей стороны М. П.—Павловскаго полка воротившіеся люди изъ караула составлявшіе малый б. посланы были по Почтовой улицѣ и мимо Кон.-Гвард. казармъ на мостъ у Крюкова канала и въ Галерную улицу. Въ сіе время узналъ я, что въ Измайловскомъ полку происходилъ безпорядокъ и нерѣшительность присягѣ. Сколь мнѣ сіе не больно было, но я рѣшительно не полагалъ сего справедливымъ и относилъ сіе къ тѣмъ же замысламъ; и потому велѣлъ Г. А. Левашеву ко мнѣ явившемуся ѣхать въ полкъ, и буде есть какая-либо возможность двинуть его хотя бы противъ меня, непременно его вывести изъ казармъ. Между тѣмъ, видя, что дѣло становится весьма важнымъ и не предвидя еще чѣмъ кончится, послалъ я Адлерберга съ приказаніемъ Шталмейстеру К. Долгорукому приготовить загород. экипажи для Матушки и жены и намѣренъ былъ въ крайности выпроводить ихъ съ дѣтьми подъ прикрытіемъ кавалергардовъ въ Царское Село. Самъ же, пославъ за артиллеріей, поѣхалъ на Дворцовую площадь дабы обезпечить дворецъ, куда велѣно было слѣдовать прямо обоимъ сапернымъ бат. Гвар. и Учеб. Не доѣхавъ еще до дома Глав. Штаба, увидѣлъ въ совершенномъ безпорядкѣ со знаменами безъ офицеровъ Л. Г. полкъ идущій толпой. Подъѣхавъ къ нимъ ничего не подозрѣвая я пошелъ остановить людей и выстроить; но на мое *стой*, отвѣчали мнѣ, *мы за Константина*,—я указалъ имъ на Сенатскую площадь и сказалъ, *когда такъ*, то вотъ вамъ дорога, и вся сія толпа прошла мимо меня, сквозь всѣ войска и присоединилась безъ препятствій къ своимъ одинако заблужденнымъ товарищамъ.

Къ счастью, что сіе такъ было, ибо иначе бы началось кровопролитіе подъ окнами дворца и участь бы наша была болѣе чѣмъ сомнительна,—но подобныя разсужденія дѣлаются *послѣ*; тогда же одинъ Богъ меня наставлялъ на сію мысль. Милосердіе Божіе оказалось еще разительнѣе при семъ же случаѣ, когда толпа Л.-Гренадеръ, предводимая офицеромъ Пановымъ шла съ намѣреніемъ овладѣть дворцомъ, и въ случаѣ сопротивленія истребить все наше семейство. Они дошли до главныхъ воротъ дворца въ нѣкоторомъ устройствѣ, такъ что комендантъ пошелъ ихъ за присланный мной отрядъ для занятія дворца. Но вдругъ Пановъ, шедшій во главѣ замѣтилъ Л.-Г. Саперн. бат. только что успѣвшій прибѣжать и выстроиться въ колонны на дворѣ; и закричавъ *да это не наши* началъ ворочать входящихъ отдѣленіями кругомъ, и бросился бѣжать съ ними обратно на площадь. Ежели бы Саперн. бат. опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство были бы въ рукахъ мятежниковъ, тогда какъ занятый происходившимъ на Сенатской площади и вовсе непривычный отъ занятой съ тылу иной важнѣйшей опасности, я бы лишенъ былъ всякой возможности къ сему воспрепят-

ствовать. Изъ сего видно самымъ разительнымъ образомъ, что ни я, никто не могли бы сего дѣла благополучно кончить, ежели бы самому милосердію Божию не угодно было вѣзмъ править къ лучшему.

Здѣсь долженъ я упомянуть о славномъ подвигѣ Л. Г. Гренадерскаго полка Кн. Мещерскаго; онъ командовалъ тогда ротой Е. В. и когда полкъ завлеченный въ бунтъ ловкостью Панова и другихъ злоумышленниковъ, отказалъ въ повинсвеніи своему полку. Стюрлеръ, изъ опасенія нарушить присягу своему законному Государю К. П., Мещерскій догналъ свою роту на дорогѣ, и убѣжденіемъ своимъ и довѣріемъ которое вселялъ въ людяхъ, успѣлъ остановить большую часть своей роты и нѣсколько другихъ и привелъ ихъ ко мнѣ. Я поставилъ его съ Сапер. на почетное мѣсто, къ защитѣ дворца. Воротившись къ войскамъ, послалъ къ прибывш. артил. но къ несчастію безъ зарядовъ, хранившихся въ лабораторіи; доколѣ послано было за ними, мятежъ усиливался; къ печальной массѣ московскаго полка прибылъ гвардейскій экипажъ и примкнулъ отъ стороны Галерной; а толпа гренадеръ стала съ другой стороны; шумъ и крикъ дѣлается безпре-станнымъ и ихъ выстрѣлы перелетали черезъ голову. Наконецъ народъ началъ также колебаться и многіе перебѣгали къ мятежникамъ; передъ которыми видны были люди не военные. Однимъ словомъ ясно становилось, что сомнѣнія въ присягѣ было истинной причиной бунта, что существованіе другого важнѣйшаго заговора дѣлалось очевиднымъ. Ура конституціи раздавалось и принималось чернью за ура произносимое въ честь супруги К. П.

Воротился Ген. Ад. Левашовъ съ извѣстіемъ, что Измайловскій полкъ прибылъ въ порядкѣ и ждетъ меня у Синяго моста, я поспѣшилъ къ нему, полкъ отдалъ мнѣ честь и встрѣтилъ меня съ радостными лицами, которыя разсѣяли во мнѣ всякое подозрѣніе и сказали людямъ, что хотѣли ихъ обмануть, что я сему не вѣрю, что прочемъ ежели среди ихъ есть такіе, которые хотятъ противъ меня идти, что я имъ не препятствую—присоединяться къ мятежникамъ. Громкое ура было мнѣ отвѣтомъ; я при себѣ приказалъ вѣзмъ зарядить ружья и послалъ ихъ съ Г. М. Мартыновымъ командиромъ бригады на площадь велѣвъ поставить въ резервѣ спиной къ дому Лобанова, самъ же поѣхалъ къ Семеновскому полку, уже ставшему на своемъ мѣстѣ. Полкъ подъ начальствомъ полк. Шипова прибылъ въ величайшей исправности и стоялъ у самаго моста на каналѣ бат. за бат.

М. П. былъ уже тутъ. Съ этого мѣста было еще больше видно, что съ Гвардейскимъ экипаж. стоявшемъ на прав. флангѣ мятежниковъ было много офицеровъ экипажа сего и другихъ; видны были и другіе во фронтѣ расхаживающіе между солдатъ и уговарившихъ стоять твердо.

Съ того времени, когда я ѣздилъ къ Измайловскому полку, прибылъ требуемый мной Митрополитъ Серафимъ изъ Зимняго дворца, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, почтенный пастырь съ однимъ поддіакономъ вышелъ изъ церкви и положивъ крестъ на голову пошелъ прямо къ толпѣ; онъ хотѣлъ говорить, но Оболенскій и другіе сей пайки ему воспрепятствовали, угрожая стрѣлять, ежели не удалится. М. П. предложилъ мнѣ подъѣхать къ толпѣ въ надеждѣ присутствіемъ своимъ разувѣрить заблужденныхъ и полагавшихъ быть вѣрными К.

П., ибо привязанность М. П. къ брату, была всёмъ извѣстна. Хотя страшился и для брата измѣннической руки, ибо видно было, что бунтъ болѣе и болѣе усиливался, но желая испытать всё способы, я согласился на сію мѣру и отпустилъ брата придавъ ему Г. Ад. Лева-шова; но и его увѣщеванія не помогли, хотя матросы начали было слушать, мятежники *имѣли мѣшало*.

Кюхельбекеръ взвелъ курокъ пистолета и началъ цѣлиться въ брата, что три матроса ему не дали совершить. Братъ воротился къ своему мѣсту, а я объѣхавъ вокругъ Собора, прибылъ снова къ войскамъ съ той стороны бывшимъ; и нашелъ прибывшимъ Л. Г. Егерскій полкъ, который оставилъ на площади противъ Гороховой, за пѣшей артилл. бригадой. Погода изъ довольно свѣжей становилась холодной, снѣгу было весьма мало и оттого весьма скользко; начинало смеркаться ибо было уже 3 ч. пополудни. Шумъ и крикъ дѣлался настойчивѣе; и часты ружейные выстрѣлы многихъ въ Кон. Гвардіи и перелетали черезъ войска; большая часть солдатъ на сторонѣ мятежниковъ стрѣляли вверхъ. Выѣхавъ на площадь желалъ я осмотрѣть не будетъ ли возможности, окруживъ толпу, принудить къ сдачѣ безъ кровопролитія. Въ это время сдѣлали по мнѣ залпъ, пули просвистѣли мнѣ черезъ голову и къ счастью никого изъ насъ не ранили; рабочіе Исакиевскаго собора изъ за забора начали кидать въ насъ полѣнами; надо было рѣшиться положить сему скорый конецъ, иначе бунтъ могъ сообщиться черни; и тогда окруженные ею войска стали бѣ въ самомъ трудномъ положеніи. Я согласился испробовать атаковать кавалерію; Кон. Гв. первая атаквала по эскадронно но ничего не могла произвести и по темнотѣ и отъ гололедицы, но въ особенности не имѣя отпущенныхъ палашей; противники въ сомкнутой колоннѣ имѣли всю выгоду на своей сторонѣ и многихъ тяжело ранили, въ томъ числѣ ротм. В. лишился руки. Кавалергардскій полкъ равномерно ходилъ въ атаку, но безъ большого успѣха. Тогда Г. А. Васильчиковъ, обратившись ко мнѣ сказалъ: *Sire, il n'y a pas un moment à perdre l'on n'y peut rien maintenant; il faut de la mitraille.* Я предчувствовалъ сію необходимость, но признаюсь, когда настало время, не могъ рѣшиться на подобную мѣру! и меня ужасъ объялъ: *Vous voulez que je verse le sang de mes sujets le premier jour de mon règne!* отвѣчалъ я Васильчикову;—*pour sauver Votre Empire,* сказалъ онъ мнѣ. Эти слова меня снова привели въ себя; опомнившись я видѣлъ, что или должно мнѣ (?) взять на себя пролить кровь нѣкоторыхъ, и спасти почти навѣрно все; или *пожертвовать* себя, жертвовать рѣшительно государствомъ. Пославъ одно орудіе 1 легк. пѣш. бат. къ М. П. съ тѣмъ, чтобъ усилить сію сторону какъ единственное отступленіе мятежникамъ, взялъ другія три орудія и поставилъ ихъ передъ Преображенскимъ полкомъ, велѣвъ зарядить картечью; оружіями командовалъ М. К. Бакунинъ. Вся во мнѣ надежда была, что мятежники устроятся такихъ приуто-вленій и сдадутся не видя себѣ иного спасенія. Но они оставались тверды; крикъ продолжался еще упорнѣе. Наконецъ послалъ я Г. М. Сухозанета объявить имъ, что ежели сейчасъ не положатъ оружіе, ведо стрѣлять; ура и прежнія восклицанія были отвѣгомъ, и вслѣдъ за этимъ залпъ.

Тогда, не видя иного способа, скомандовалъ пли! Первый выстрѣлъ ударилъ высоко въ Сенатское зданіе, и мятежники отвѣтили неистовымъ крикомъ и бѣглымъ огнемъ; второй и третій выстрѣлъ отъ насъ — и съ другой стороны, изъ орудія у Семеновскаго полка ударили въ самую середину толпы и мгновенно все разсыпалось, спасаясь Англійской набережной, на Неву, по Галерной и даже на встрѣчу выстрѣламъ изъ орудія при Семенов. полку дабы достичь берега Крюкова канала. Велѣвъ артиллеріи взять на передки, мы двинули Преображенскій и Измайловскій полки черезъ площадь, тогда какъ Г. Кон. эскадронъ и часть Кон. Гвард. преслѣдовали бѣгущихъ по Англійской набережной. Одна толпа начала было выстраиваться на Невѣ, но два выстрѣла картечью ихъ разсѣяли и осталось собирать спрятанныхъ и разбѣжавшихся, что возложено было на Г. А. Бенкендорфа съ 4 эскадронами конной гвардіи и конно-піонернымъ эскадронъ подъ ком. Г. А. Орлова на Васильевскомъ острову и 2 эскадронами К. Гвардіи на сей сторонѣ Невы. Вслѣдъ за симъ вручилъ я команду сей части города Г. А. Васильчикову, назначивъ ему оставаться у Сената и отдавъ ему въ команду Семеновскій полкъ, 2 бат. Измайловскаго, сводн. бат. Москов. и Павлов. полковъ; 2 эскадрона кон. гвардіи и 4 орудія кон. артил. Васильевскій островъ поручилъ въ команду Г. А. Бенкендорфу, оставя у него 6 эскадронъ и придавъ Л. Г. Фин. полка 1 б. и 4 оруд. к. а. Самъ отправился ко дворцу; у Гореховой въ видѣ авангарда оставилъ на Адмиралт. площад. 2 б. Л. Г. Егерскаго полка и за нимъ 4 эскадронъ Кавалергардскаго полка. Остальной баталіонъ Л. Г. Егерскаго полка держалъ пикеты у Малой Милліон. у Большой Милліонной у казармъ 1 б. Преображенскаго полка и на Большой набережной у театра. Къ симъ постами придано было по 2 пѣшихъ орудія. Батарея о 8 орудіяхъ поставлены были у Эрмитажнаго сѣзда на Неву, а другая о 4 ор. противъ угла Зимняго Дворца на Неву. 1 б. Измайл. стоялъ на набережной у Параднаго подъѣзда, 2 эскадрона кавалергардовъ лѣвѣе противъ угла дворца. Преображенскій полкъ и при немъ 4 орудія роты Его Величества стоялъ на Дворцовой площади спиной ко Дворцу у главныхъ воротъ; въ резервѣ; а на дворѣ оставались оба саперныхъ баталіона и рота 1 грен. Л. Г. Гренадерскаго полка.

Къ біографіи Н. И. Костомарова.

I.

Въ одной изъ книжекъ выходившаго въ концѣ 80-хъ и начала 90-хъ годовъ въ Львовѣ малорусскаго журнала „Правда“ (май, 1892 г.) было помѣщено очень любопытное письмо Н. И. Костомарова къ кievскимъ семинаристамъ, сохранившееся у одного изъ нихъ, д-ра Ш. По словамъ д-ра Ш., когда Костомаровъ началъ въ 1863 г. издавать начальныя учебники для народныхъ школъ на малорусскомъ языкѣ, кievскіе семинаристы чрезвычайно заинтересовались этимъ предпріятіемъ, собирали для этой цѣли пожертвованія, составляли проповѣди по малорусски и вообще мечтали о томъ, чтобы, ставши священниками, заняться дѣломъ народнаго образованія. Посылая Костомарову собранныя пожертвованія, довольно обширный кружокъ семинаристовъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ высказывалось глубокое уваженіе украинской молодежи къ великому историку и выражалась готовность со стороны кружка распространять украинскія книжки среди народа и вообще служить дѣлу народнаго просвѣщенія. Отвѣтомъ на это письмо кружка послѣдовало печатаемое ниже письмо Н. И. Костомарова (отъ 19 января 1864 г.). Было еще одно его письмо къ тому же кружку, но оно затерялось. Этимъ и ограничилась переписка Н. И. Костомарова съ кievскими семинаристами.—говорить г. Уманецъ, которому д-ромъ Ш. было передано вышеупомянутое письмо. Вскорѣ изданіе малорусскихъ книгъ, какъ извѣстно, было запрещено и было воздвигнуто ожесточенное гоненіе на какое бы то ни было проявленіе „укаинофильства“.

Приводимъ текстъ письма (написаннаго по малорусски):

Генв. 19—1864.

Шановна Громадо, Панове семинаристи!

Великія радощі мені сталися, коли я одібравъ листъ Вашъ, и нема въ мене кибети, шчообъ віддячити за ту ласку и увагу, шчо мені есте показали. Дай Боже Вамъ счастья—здоровья и шчообъ ви росли духомъ и сердцемъ. А якъ постановлять Васъ пастирями, нехай кожний запечатає собі у сердці ту любовь до свого краю и до своего народу, шчо теперъ маєте; и будете ви світло людямъ вашимъ, и станете ви кріпкою сторожею народовій мові и народовій освіті.

И коли бъ то скрізь по семинаріяхъ бувъ такий духъ, якъ у васъ, не здомила бъ народности вашои ніяка въ світі ворожа сила во віки вічні. Па-

мишайте, панове, про свіця: дай боже, щобъ любовъ наша до рідної мови не була похожа на те насіння, що було зійшло, та росту ему не було. Щобъ люде васъ не звели, щобъ а ні ради жінокъ і дітей, а ні ради омані світовон, кваплючись на лакомство велике, а ні ради страха архіерейська, не покинули ви мови рідной. Бо хто любить народъ, той річъ его любить, а хто каже, що любить народъ, а річъ его непавидить, той бреше, якъ брешуть Гогоцькій та Кульжинскій ¹⁾ и ті, що на ихъ похожи, що ихъ мені покрукються соромомъ и поругаються въ памятьці у потомківъ. Да не смущається сердце Ваше: идіте смілими и твердими ногами до мети своєї.

Щиро прихильний

Н. Костомаровъ.

II.

Если вышеприведенное нами письмо Н. Н. Костомарова интересно, какъ выраженіе его взглядовъ въ 60 хъ годахъ на вопросъ объ украинскомъ языкѣ, то не менѣе интересно и его письмо къ М. П. Драгоманову (напечатанное въ № 9, издававшейся во Львовѣ „Літературно-Наукової Бібліотеки“), тѣмъ болѣе, что оно находится въ нѣкоторой связи съ письмомъ къ кievскимъ семинаристамъ, затрагивая вопросъ о популярной малорусской литературѣ.

По словамъ М. П. Драгоманова, письмо это къ нему было вызвано слѣдующими обстоятельствами. Въ концѣ 1875 г., когда печаталось Пражское изданіе „Кобзаря“, Шевченко, кружокъ украинцевъ, завѣдывавшихъ этимъ дѣломъ, получилъ извѣстіе изъ Праги, что не хватаетъ средствъ на выпускъ „Кобзаря“, а, между тѣмъ, типографъ требуетъ уплаты за наборъ. Драгомановъ не принадлежалъ къ кружку лицъ, завѣдывавшихъ изданіемъ „Кобзаря“, но кружокъ обратился къ нему съ просьбой поѣхать въ Петербургъ и тамъ просить Костомарова, чтобы послѣдній занялъ нѣкоторую сумму изъ того капитала, который былъ собранъ въ 1862—63 гг. на изданіе малорусскихъ книгъ для народа и Библіи въ малорусскомъ переводѣ. Незадолго передъ этимъ П. А. Кулишъ передалъ Драгоманову право собственности на изданные за-границей переводы нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завета и рукописъ перевода всего Новаго Завета. Но дѣло въ томъ, что на изданіе этихъ переводовъ не было средствъ и ихъ приходилось доставать. Выслушавъ просьбу издателей „Кобзаря“, Драгомановъ сказалъ имъ, что онъ поговоритъ съ Костомаровымъ, но прибавилъ при этомъ, что онъ самъ имѣетъ виды на хранящійся у Костомарова денежный фондъ, а именно,—что онъ думаетъ просить пособіе изъ этого фонда на изданіе за-границей Новаго Завета въ переводѣ Кулиша, имѣя въ виду, что пожертвованія въ этотъ фондъ собирались имѣя въ виду именно изданій подобнаго характера. „Кобзарники“ не имѣли ничего противъ сообщенныхъ имъ намѣреній Драгоманова.

Съ этой двойкой цѣлью Драгомановъ навѣститъ Костомарова на Рождество 1875 г. въ Петербургъ, но Костомаровъ отнесся отрицательно, какъ къ просьбѣ „кобзарниковъ“, такъ и къ личной просьбѣ Драгоманова; онъ сказалъ, что фондъ созданъ для спеціальныхъ цѣлей, въ которыхъ не было и

¹⁾ П. Кульжинскій издалъ въ 1862 г. въ Кіевѣ брошюру—доносъ. „О зарожающемся такъ называемой малороссійской литературѣ“; проф. С. Гогоцькій нападалъ на украинскую литературу въ кievскихъ газетахъ.

рѣчи объ изданіи „Кобзаря“ или о какихъ либо займахъ; въ отвѣтъ на просьбу Драгоманова Костомаровъ заявилъ, что фондъ имѣлъ въ виду изданіе Библіи на малорусскомъ языкѣ *въ Россіи*, а не за-границей. Драгомановъ замѣтилъ по этому поводу, что согласно имперскимъ законамъ изданіе Библіи для православныхъ является монополіей Св. Синода и что если бы, въ концѣ концовъ, Св. Синодъ рѣшился издать Библію на малорусскомъ языкѣ, то, конечно, онъ не нуждался бы въ помощи какихъ бы то ни было частныхъ фондовъ, при чемъ Драгомановъ обратилъ вниманіе Костомарова на то обстоятельство, что, вѣроятно, пройдетъ не мало времени, пока Св. Синодъ, который запрещаетъ библію и даже проповѣдь „на простонародныхъ нарѣчіяхъ“, рѣшится издать библію на малорусскомъ языкѣ. Въ отвѣтъ на это, Костомаровъ категорически заявилъ Драгоманову, что онъ не дастъ денегъ изъ имѣющагося въ его распоряженіи фонда на изданіе Новаго Завѣта, не одобренное Св. Синодомъ.

Возвратясь въ Кіевъ, Драгомановъ сообщилъ своимъ друзьямъ отвѣтъ Костомарова. Вскорѣ Драгомановъ уѣхалъ за-границу и уже будучи въ Вѣнѣ лѣтомъ 1876 г. „кобзаряники“ обратились къ нему съ новой просьбой: запросить Костомарова, на основаніи объявленія въ „Основѣ“, въ которомъ говорилось объ организаціи фонда для изданія популярной малорусской литературы, о размѣрахъ пожертвованій, поступившихъ въ этотъ фондъ, сколько изъ нихъ было израсходовано и сколько остается денегъ въ фондѣ, кто является членами распорядительнаго комитета фонда и какія приняты мѣры, чтобы фондъ осуществилъ намѣченныя при его основаніи цѣли. Отвѣтомъ на эти запросы, отчасти, является печатаемое ниже письмо Н. И. Костомарова къ М. П. Драгоманову:

Январь 8, 1877 года.

Многоуважаемый Михаилъ Петровичъ!

„Я письмо Ваше получилъ не ранѣ половины ноября, а потому и отвѣчаю поздно. Извините меня, что не поступилъ по Вашему желанію и не отдалъ денегъ Н., потому что, еслибъ я такъ сдѣлалъ, то всю жизнь не избѣжалъ бы придиорокъ отъ многихъ другихъ хозяевъ этихъ денегъ, которые показали бы претензіи и недовольство: зачѣмъ эти деньги пошли другимъ, а не имъ, и употреблены не такъ, какъ бы имъ того хотѣлось. И въ самомъ дѣлѣ: что Вы скажете, если со мной встрѣчается на желѣзной дорогѣ человѣкъ, который этихъ денегъ привезъ мнѣ до тысячи рублей (не своихъ, а сборныхъ) и въ 1863 г. распинался за малорусскій языкъ, а теперь совершенно оправдываетъ *legem jusephoviciam* и говоритъ, что, если мнѣ этихъ денегъ не нужно, то—отдать ихъ на какое угодно общественное дѣло! *Mutantur tempora et mores!* Въ настоящее время я эти деньги положилъ въ билетахъ Херсонскаго Земельнаго Земскаго Банка и храню въ банкѣ, составивъ на случай смерти моей завѣщаніе, показывающее—чьи и какого рода эти деньги, которыя послѣ меня должны быть препровождены въ Министерство Народнаго Просвѣщенія и обращены на народное образованіе въ Малороссіи. Денегъ было доставлено до 4000 р., изъ нихъ 1300 р. истрачено на изданіе Опатовича ¹⁾ и ариметики Конисскаго, да дано авторамъ гонорара впередъ, но съ теченіемъ времени

¹⁾ „Оповідання з святаго письма“ первое изданіе въ 1863 г. Второе изданіе вышло въ Кіевѣ независимо отъ фонда Костомарова (прим. М. П. Драгоманова).

проценты отъ оставшихся накопились до того, что теперь опять скоро сумма достигнетъ 4000 руб.

„Я надѣюсь, что еще доживу до того времени, когда можно будетъ употребить эти деньги на то, на что они присылались, то есть на печатаніе Евангелія, а если не доживу до того, то другіе доживутъ. Меня поучаетъ этому примѣръ прежней нашей исторіи. Возьмите: сколько перемѣнъ въ отношеніяхъ центральной всероссійской власти къ Малороссіи пережило: начиная отъ Мазепы, когда великій Петръ говорилъ, что не намѣренъ ни единого пѣнзя брать изъ Малороссіи въ свою казну ¹⁾, а кончая варварскимъ закономъ (распоряженіемъ, какъ смягчаетъ Главное управленіе до дыламъ печати, во главѣ котораго—профессоръ!) по просту нашего добрыйшаго друга Михаила Владиміровича. ²⁾

Нека ему буде вѣчна мука!

Богъ убио и со га родно. ³⁾

„Съ каждымъ новымъ царствованіемъ новая политика, новыя отношенія! Кто поручится, зная такую нетвердую у насъ почву, что послѣ запрещенія—пѣть малороссійскія пѣсни и играть малороссійскія піесы, не настанетъ время, когда великіе міра нашего будутъ восхищаться этими пѣснями и покровительствовать преусыпанію народнаго творчества?

„Повѣрьте, что можетъ придти такой моментъ, когда Вы похвалите мое благоразуміе и поблагодарите меня, что я сохранилъ это ничтожное подаваніе для того, чтобъ оно послужило первымъ подспорьемъ...

„Одно только вѣрно знайте: эти деньги не обратятся ни въ чью частную собственность, пока находятся у меня. Много было уже лицъ, но я не отдалъ имъ, какъ и вамъ.

„Вашихъ плановъ о печатаніи за-границей съ цѣлью—служить Малороссіи—я не раздѣляю. Публики малороссійской—нѣтъ, а есть—народъ, которому нужны элементарныя книги, а не публицистика. Такая литература нужна, которая возможна только при полномъ согласіи съ властью, а не при какой бы то оппозиціи.

Вашъ глубокоуважающій

Н. Костомаровъ.

„Ваши брошюры двѣ я читалъ. ⁴⁾ Въ нихъ много хорошаго, но давно извѣстнаго для тѣхъ, кто вамъ сочувствуетъ, но нѣтъ такого, что нужно для поученія тѣхъ, кто еще думаетъ иначе, потому что не свыклись съ лучшими думами“.

Приведенное выше письмо Н. П. Костомарова показываетъ, что онъ вовсе не „страха ради іудейска“ высказывался въ своихъ публицистическихъ работахъ („Украинофильство“ въ „Русской Старинѣ“ 1881—82 гг. и „Задачи укра-

¹⁾ Дѣйствительно, Петръ I въ горячее время возстанія Мазепы говорилъ, что въ „царскую казну ни единого пѣнзя брать не повелѣно“, что въ дальѣйшее время не пожелано правительству иррегулярно собирать дань съ Украины (прим. Драгоманова).

²⁾ Юзефовича, который донесъ на Костомарова, Шевченко и др. участниковъ „Кирилло-Мефодіевскаго общества“.

³⁾ Пусть ему будетъ вѣчная (адская) мука! Пусть Богъ убьетъ его и родившихъ его (изъ сербской народной пѣсни).

⁴⁾ Брошюры: „По вопросу о малорусской литературѣ“ и „Турки внутренніе и вѣншіе“. (прим. М. П. Драгоманова).

инофильства“ въ Вѣстникъ Европы“ 1882 г.) противъ переводовъ на малорусскій языкъ Шекспира, Байрона и т. д. несмотря на то, что самъ въ молодости переводилъ по малорусски пропзведенія европейскихъ поэтовъ (см. „Збірникъ творивъ Іереміи Галки“. Одесса 1875).

Какъ и многіе украинофилы 60-хъ годовъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что развитіе малорусской литературы должно идти *снизу*, путемъ развитія въ широкіхъ размѣрахъ популярной народнои литературы, при чемъ особенную цѣну придавалъ появленію оффиціально разрѣшеннаго къ обращенію въ народъ перевода Библии на малорусскомъ языкѣ. Будучи, какъ извѣстно, чело-вѣкомъ не только религіознымъ, но и строго православнымъ, онъ былъ искренно убѣжденъ, что малорусскій переводъ Библии воспрепятствуетъ развитію штундизма и другихъ раціоналистическихъ теченій въ малорусскомъ народѣ. Люди, забывавшіе о „православіи“ Костомарова, упрекали его въ неискренности и даже реакціонности, говоря, что онъ готовъ помогать правительству въ искорененіи штундизма, лишь бы правительство дозволило переводъ Библии на малорусскомъ языкѣ. Какъ извѣстно, несмотря на всѣ хлопоты, переводъ этотъ въ началѣ 80 хъ годовъ не былъ разрѣшенъ къ напечатанію и собранный Костомаровымъ фондъ былъ переданъ имъ въ Императорскую Академію Наукъ для выдачи премій за наилучшій украинско-русскій словарь. Но лишь съ наступленіемъ „эры свободъ“ оказалось возможнымъ осуществленіе даже этого скромнаго желанія великаго историка и одновременно съ появленіемъ разрѣшеннаго Св. Синодомъ перевода Библии, началось печатаніе премир-вапнаго Академіей Наукъ украинско-русскаго словаря.

В. Батуринскій.

Изъ прошлаго партіи соціалистовъ-революціонеровъ.

I.

Партія соціалистовъ-революціонеровъ, какъ единая, сплоченная и широкая организація, существуетъ не болѣе 5 лѣтъ. Только съ 1902 г. появляются болѣе или менѣе правильно функціонирующія мѣстныя партійныя учрежденія (комитеты, группы), связанныя общимъ центромъ, издаются руководящіе органы, и партія начинаетъ быстро завоевывать себѣ популярность.

До этого времени, соціально-революціонное направленіе было представлено отдѣльными группами и организаціями, разбросанными по Россіи и издавна существовавшими также за границей. Исторія возникновенія большинства этихъ организацій начинается съ 90-хъ и даже отчасти съ конца 80-хъ годовъ, т. е. съ послѣ-народовольческаго періода и, такимъ образомъ, эти организаціи являются идейнымъ связующимъ звеномъ между соціально-революціоннымъ движеніемъ 70 и 80 г.г.,—закончившимся дѣятельностью партіи „Народной Воли“—и между ея преемницей—партіей соціалистовъ-революціонеровъ.

Я имѣю въ виду познакомить читателя съ исторіей одной изъ такихъ организацій, хорошо мнѣ извѣстной,—а именно съ т. н. *„Сѣвернымъ Союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ“*.

Сознаюсь, нелегка эта задача. Теперь, когда кругомъ развертываются такія грандіозныя событія, особенно въ недавно пережитое время, когда старый политическій и хозяйственный строй трещитъ по швамъ, когда запретные, взрощенные „подпольемъ“ лозунги „земля и воля“ и др. становятся достояніемъ широкихъ массъ, превращаясь понемногу въ „извѣстную русскую пословицу“ и когда, наконецъ, есть Государственная Дума, а въ ней засѣдаютъ соціалистическія фракціи, всенародно, открыто говоряція о своихъ соціалистическихъ требованіяхъ,—при такихъ условіяхъ возстановлять въ памяти историческую обстановку и „дѣла“ маленькой подпольной организаціи—скучная, трудная задача.

Имѣть крупныхъ событій, на которыхъ можно остановить вниманіе, нѣтъ ничего выдающагося, яркаго.

И, однако, такія воспоминанія необходимы; они поучительны во многихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ. Пусть вспомнить читатель эпоху 90-хъ годовъ. Да и не надо заглядывать въ такую отдаленную эпоху; пусть онъ вспомнитъ совсѣмъ недавнее прошлое—года четыре—пять назадъ,—періодъ владычества Плеве. Что было тогда? Глухое время, незамѣтныя успія отдѣльныхъ людей и группъ, съ отчаянной энергіей работающихъ въ своемъ глухомъ „подпольѣ“, среди безмолвія, тишины, которую, казалось, ничѣмъ не нарушишь, никакими отчаянными воплями и криками протеста. А тяжелый, безпощадный гнетъ, какъ свинцовая туча, обложилъ весь горизонтъ. И казалось, нѣтъ конца этому безмолвію, этой тишинѣ.

И вотъ, проходитъ два-три года и могильной тишины какъ не бывало. Заклокотало народное море, какъ будто тысячи невидимыхъ горячихъ ключей забили въ нѣдрахъ его. Народъ показался „на улицѣ“. Объявлена была „весна“ Святополькѣ Мирскаго. Пошли митинги, демонстраціи, забастовки, избіенія, погромы, массовыя столкновенія, вооруженные отпоры..., а тамъ, послѣ перерыва, новая волна вплоть до манифеста 17 октября. Началась великая руссiйская революція. Всѣ были поражены неожиданно наступившаго переворота и головокружительной быстротой развертывающихся событій. Не ожидало всего этого и „подполье“. Оно глядѣло въ первый моментъ съ изумленіемъ на эту развернувшуюся картину, всею грудью вдохнуло этотъ свѣжій, желанный воздухъ и сердца подпольныхъ людей впервые, быть можетъ, наполнились счастливымъ сознаніемъ не напрасно прожитой жизни, не напрасно принесенныхъ жертвъ...

Да, лѣтоспись прошлаго, описаніе эпизодовъ изъ „дореволюціоннаго періода“ имѣютъ значеніе.

Есть и еще одно обстоятельство, по которому полезно возстановлять картины недавняго прошлаго.

У насъ нѣтъ книги по исторіи революціоннаго движенія въ Россіи, гдѣ была бы представлена полно и точно картина какъ хода событій, такъ и борьбы разнаго рода идейныхъ теченій и партійныхъ программъ. Такіе учебники, какъ Тунъ, устарѣли и очень поверхностны, а такіе „обзоры“, какъ вышедшія въ послѣднее время брошюры Дана и др. социалдемократическихъ авторовъ грѣшатъ однимъ, обычнымъ для этихъ авторовъ, недостаткомъ: въ нихъ исторія революціоннаго движенія отождествляется съ исторіей русской социаль-демократіи, нѣтъ справедливой оцѣнки другихъ теченій, иныхъ программъ или же о нихъ совсѣмъ ни слова не говорится.

Есть еще не мало отдѣльныхъ монографій, описаній отдѣльныхъ эпизодовъ,—но весь этотъ матеріалъ ждетъ опытной руки историка. Въ особенности скуденъ матеріалъ для характеристики конца 80-хъ и 90-хъ годовъ,—періодъ разброда общественной мысли, исканія новыхъ путей, закладки фундамента новыхъ программъ. А между тѣмъ этотъ періодъ русскаго подполья не далекъ, пережившее его поколѣніе не сошло еще со сцены и личныя,

неизгладившіяся еще, воспоминанія могли бы дать достаточно богатый матеріалъ для обрисовки этого бѣднаго событіями, но богатаго своей идейной стороной,—періода.

Сдѣлаю еще одну оговорку. Въ своихъ воспоминаніяхъ объ одномъ изъ эпизодовъ революціоннаго движенія,—дѣятельности Чѣв. Союза соц.-революціонеровъ,—какъ одного изъ ручьевъ, сливагося впоследствии съ другими ручьями въ одно широкое теченіе,—мнѣ придется, волей неволей, останавливаться на мѣнучахъ и выходить изъ тѣсныхъ границъ темы, чтобы, хотя въ краткихъ чертахъ, обрисовать идейныя и матеріальныя условія, въ которыхъ приходилось жить и дѣйствовать поколѣнію 90-хъ годовъ.

II.

Карьеру подпольнаго человѣка мнѣ пришлось начать въ концѣ 80-хъ годовъ, въ самое глухое, безотрадное время. Зампрала борьба партіи „Народной Воли“, повсюду шелъ разгромъ ея организацій, реакція торжествовала по всей линіи и партіи плѣнныхъ народо-вольцевъ потянулись безконечной лентой въ Сибирь, гдѣ къ этому времени существовали уже довольно многочисленныя „колоніи“. Въ одной изъ такихъ колоній, а именно въ г. Томскѣ, мнѣ и пришлось получить первоначальное воспитаніе, стать, выражаясь современнымъ языкомъ „сознательнымъ“.

Во всѣхъ среднихъ учеб. заведеніяхъ г. Томска были кружки самообразованія и руководство ими принадлежало ссыльнымъ. Была хорошая, съ любовью подобранная библіотека изъ легальныхъ (нелегальныхъ книгъ было вообще тогда крайне мало) книгъ, брошюръ и, особенно, старыхъ журнальныхъ статей. Читались рефераты, шли споры. Въ кружкахъ была принята для домашняго чтенія довольно обширная систематизированная программа.

Мы подготовлялись къ будущей общественной дѣятельности добросовѣстно и, во всякомъ случаѣ, болѣе основательно, чѣмъ современная молодежь, захваченная волной общественнаго движенія, когда приходится сокращать до минимума свое самообразованіе, скорѣе становиться въ ряды той или иной партіи и отдавать всего себя кипучей дѣятельности.

Мы жили въ тихое время и мы могли готовиться не спѣша, переходя отъ одной рубрики вопросовъ къ другой, въ строгой постепенности. За беллетристами (особенно народниками), шелъ критико-литературный отдѣлъ, затѣмъ знакомство съ основаніями социологіи, психологіи и философіи, потомъ политической экономіи, исторіи и уже въ концѣ программы, послѣ обще-философской подготовки, стояли на очереди животрепещущіе вопросы русской дѣйствительности, обзоръ движенія, программъ и т. д.

Конечно, не всѣмъ и не всегда удавалось мыслить по этому плану, чувство и логика нѣтъ нѣтъ да и пытались заскакивать дальше очередного отдѣла, но, въ общемъ, все-таки достигалась извѣстная стройность.

Но книжка не являлась единственнымъ источникомъ знанія. Мы были близки и къ жизни, и въ этомъ отношеніи сибирскіе города, особенно тогдашній Томскъ, представляли весьма благопріятныя условія.

Въ эти годы, особенно за время 1885—87 г. г., въ Томскѣ собралась многочисленная колонія ссыльныхъ (въ 1887 г., къ открытію университета, большинство ссыльныхъ были выселены). Почти все русское революціонное движеніе, во всѣхъ стадіяхъ его развитія, было представлено въ лицахъ: тутъ были и караковцы, представители процессовъ 193-хъ и 50-ти, лавристы, бунтари, землевольцы и пр. вплоть до „послѣднихъ“ народовольцевъ. Были старики, было среднее поколѣніе и мы, зеленая молодежь. Получилась живая школа общенія двухъ поколѣній, въ которой мы черпали и знанія и опытъ прошлаго, а изъ споровъ разныхъ теченій выяснялась ихъ сущность и вставали во всей своей сложности задачи будущаго.

Общеніе съ сыльными было самое тѣсное. Д. А. Клеменць знакомилъ рядомъ рефератовъ съ исторіей Интернаціонала, но особенно памятны его остроумные, яркіе рассказы изъ жизни пропагандиста въ деревнѣ. Здановичъ дѣлился своей эрудиціей въ области экономики и особенно въ толкованіи перваго тома „Капитала“ Маркса. Съ общими, философскими вопросами мы шли къ Л. Э. Шенко. Бесѣды съ нимъ оставили едва ли не самый глубокій слѣдъ въ нашемъ самообразованіи. Мягкій, вдумчивый, вѣчно занятый какимъ-нибудь вопросомъ въ области философіи, соціологіи (особенно всплывавшимъ тогда и становящимся понемногу „острымъ“ вопросомъ объ „экономическомъ факторѣ“), онъ умѣлъ всегда заинтересовать постановкой вопроса, дать толчекъ къ самостоятельной критикѣ, а главное, къ отыскиванію „упоровъ“ для программы, — общеполитическихъ основъ.

Но не однѣ научныя бесѣды вырабатываютъ людей, даютъ имъ тотъ фундаментъ, который остается непоколебимъ при всѣхъ невзгодахъ судьбы, опредѣляетъ всю дальнѣйшую жизнь. Громадную роль играетъ общеніе съ живыми людьми, нравственное (не только „головное“) перевоспитаніе подъ вліяніемъ знакомства съ личностями, со всѣмъ вообще разнообразнымъ и глубоко интереснымъ укладомъ жизни русскаго подполья.

Какъ живая встаетъ предо мной личность нашего общаго любимца Гамкрелидзе (дядя Гамка — какъ всѣ его называли). По процессу 50-ти онъ попалъ въ Сибирь; наканунѣ окончанія срока ссылки, Гамкрелидзе былъ вновь привлеченъ по мѣстному томскому дѣлу и едва только успѣлъ пріѣхать на свою родину — Кавказъ, (о которомъ страстно мечталъ) былъ снова посланъ въ ссылку, въ Якутскую область на 5 лѣтъ. По окончаніи срока онъ вернулся, наконецъ, на родину, но вскорѣ скорострительно скончался (если не ошибаюсь, въ 1892 г.). Съ сѣдѣющей головой, но юный сердцемъ, искренній, съ горячимъ, кавказскимъ темпераментомъ, онъ весь отдавался молодежи, переходя отъ кружка къ кружку, быстро дружилъ и становился съ нами на равную ногу.

Мы не смотрѣли на него какъ на руководителя въ разрѣшеніи „проклятыхъ“ вопросовъ, да и онъ самъ не претендовалъ на это.

Въ такомъ общеніи мы перерождались, здѣсь окончательно обрасывали съ себя ветхаго челоуѣка, здѣсь росло и крѣпло чувство,—на первыхъ порахъ почти религіозное,—уваженія къ предшественникамъ, къ великой роли „подполья“ и горячая вѣра въ необходимость идти по тому же пути.

Но въ какомъ именно направленіи нужно идти по этому пути,—не такъ легко было рѣшить тогда. Предъ глазами была цѣлая вереница направленій; не ускользало отъ насъ и то обстоятельство, что въ рѣчахъ представителей разныхъ направленій не чувствовалось самоувѣренности. Факты дѣйствительности, неудачи движенія, наложили на всѣхъ печать раздумья, начиналась эпоха переоцѣнки всѣхъ цѣнностей: пересмотръ программъ народничества и народовольчества.

Я уже упоминалъ выше, что всплывалъ вопросъ объ „экономическомъ факторѣ“ и экономическомъ матеріализмѣ.

Но матеріала для оперированія надъ этими вопросами было еще слишкомъ мало; въ литературѣ они лишь начинали пробивать себѣ дорогу; идеи марксизма только носились въ воздухѣ. Болѣе жгучій характеръ получили вопросы: о капитализмѣ, крестьянствѣ, общинѣ и пр. Къ тому времени появилась, много на шумѣвшая, книга В. В. („Судьбы капитализма въ Россіи“). Въ памяти встаютъ наши сборища на дачахъ, въ квартирахъ ссыльныхъ, гдѣ до глубокой ночи шли споры о судьбахъ общины, о внутреннемъ рынкѣ, объ утопизмѣ В. В. и т. д.

Въ общемъ, научныя достоинства книги В. В. подверглись большому сомнѣнію и его аргументація оказалась легко уязвимой. Много споровъ кипѣло также вокругъ вопроса о народовольческой тактикѣ, въ особенностяхъ о террорѣ, и я не помню ни одного изъ тогдашнихъ народовольцевъ, который бы отстаивалъ во всей неприкосновенности догму народовольчества, не допуская никакихъ поправокъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, была обстановка нашего самообразованія; обстановка типичная, вѣроятно, для тогдашняго времени и, особенно, для провинціальной молодежи.

Мы вышли изъ этой школы народовольцами. Хотя много еще не хватало для того, чтобы счесть себя „вполнѣ сознательными“ социалистами съ опредѣленной программой, но мы были противъ безконечной подготовки къ этой роли; суть, главное, мы усвоили хорошо, а остальное надѣялись наверстать въ будущемъ.

Въ мою задачу не входитъ излагать программу молодого народовольчества; скажу только, что мы не раздѣляли нѣкоторыхъ пунктовъ въ программѣ Исполн. Комитета, принявъ всѣ тѣ поправки и дополненія, которыя были сдѣланы въ послѣднихъ изданіяхъ „Народ. Воли“ (какъ напримѣръ въ № 10 „Н. В.“ и др.) и въ частности по вопросу о роли крестьянства въ революціонной борьбѣ (на нее мы смотрѣли очень пессимистически), о необхо-

димости широкой организаціонной работы среди рабочихъ и др.; постановка вопроса о террорѣ осталась прежнею.

Молодыми народовольцами мы покинули Томскъ и разбрелись по разнымъ университетскимъ городамъ.

III.

При всеобщемъ безмолвіи, которое охватило общество въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ г.г., только среди учащейся молодежи не переставала бурлить жизнь. Въ Москвѣ (къ которой, главнымъ образомъ, относятся мои воспоминанія) въ 1887 г. настроеніе было тревожное, боевое, шли горячіе споры о необходимости дать отпоръ реакціи, подготовлялась почва для студенческихъ волненій. Ходили по рукамъ прокламаціи съ горячимъ призывомъ къ борьбѣ (я помню, на одной изъ такихъ прокламацій „отъ студентовъ Петровско-Разумовской академіи“ стояло эпитафюмъ: „бей въ барабанъ и не бойся“.) Послѣ безпорядковъ осенью 1887 г., которые, начавшись на академической почвѣ въ Москвѣ (сигналомъ послужила пощечина инспектору университета Брызгалову), охватили всѣ университетскіе города, среди студенчества замѣтно усилилась реакція противъ подобныхъ стихійныхъ взрывовъ и уцѣлѣвшая отъ правительственнаго разгрома болѣе сознательная часть молодежи стала сторониться академическихъ дѣлъ. Усилилось тяготѣніе къ кружкамъ саморазвитія, къ конспиративнымъ организаціямъ и вообще къ революціонной дѣятельности. Въ землячествахъ—этихъ единственно тогда болѣе или менѣе устойчивыхъ организаціяхъ, наступило замѣтное оживленіе. Но дальше „оживленія“ дѣло не шло. Революціонной организаціи, которая сумѣла бы использовать эти благоприятныя условія, не оказалось. Въ Москвѣ, да и въ другихъ городахъ „подполье“ совсѣмъ почти пустовало. Существовали кружки, которые слыли за народовольческія группы, но они жили изолированно другъ отъ друга, были законспирированы и о своемъ существованіи рѣдко заявляли. Да и существовать то имъ было очень трудно. Почти вся работа сводилась къ обезпеченію отъ преждевременнаго провала, къ заботѣ о самосохраненіи и къ скромному накопленію силъ. Удавалось такому кружку распространить въ маленькой дозѣ нелегальную литературу, завести кое-какія связи, устроить бесѣды съ молодежью или съ рабочими (послѣднее, впрочемъ, было рѣдкостью) и онъ не мечталъ о большемъ.

А полицейскія преслѣдованія свирѣпствовали во всю; появился изощренный сыскъ и провокація, вскорѣ и самъ, проклятой памяти, Зубатовъ развернулъ свою „геніальную“ систему. Несмотря на видимое отсутствіе „дѣлъ“, „организацій“, и пр., аресты не прекращались и тюрьмы не пустовали.

Всѣ попытки связать разрозненныя силы, слить маленькіе кружки въ единую организацію,—хотя бы въ предѣлахъ одного

города, — кончались неудачей и, въ худшемъ случаѣ, проваломъ. Даже появился страхъ передъ всякими широкими затѣями, въ виду неизбежно, казалось, сопутствующихъ имъ проваловъ. Все это, конечно, ставило неодолимые затрудненія для созданія какого-либо крупнаго дѣла. Заводить связи было трудно. Опытныхъ людей „стариковъ“ почти не встрѣчалось, они разбрелись куда-то по глухимъ угламъ. „Либеральное“ общество боялось являться съ революціонерами, къ тому же еще изъ молодежи, да и отыскать такихъ либераловъ и сочувствующихъ было чрезвычайно замысловатой задачей. Дѣлались нами попытки создать, напримеръ, въ Москвѣ нѣчто въ родѣ клубовъ, гдѣ бы встрѣчались люди изъ подполья съ людьми „вольнаго воздуха“, и всѣ эти попытки не приводили ни къ чему. Естественные клубы, вродѣ редакцій журналовъ и газетъ, были недоступны для революціонной молодежи. Собраній, на которыхъ выступали бы съ рефератами, рѣчами, — не было. Только въ „Татьянинъ день“ произносились рѣчи въ насыщенной винными парами залѣ трактира Эрмитажъ. Но что это за рѣчи были! Тутъ и Плевако выступалъ частенько съ радикальными рѣчами „о висѣлицахъ, которыми уставленъ путь російскаго прогресса“, — на что, къ чести молодежи (хотя и пьяной), получалъ весьма недружелюбный пріемъ: нелестныя для оратора реплики и свистъ. Другихъ формъ общенія молодежи (по крайней мѣрѣ московской) съ солиднымъ обществомъ не было.

Отъ рабочей массы молодежь была также оторвана; были лишь ничтожныя связи съ отдѣльными фабриками. Между тѣмъ, сочувствіе рабочихъ къ молодежи, особенно въ періодъ „безпорядковъ“, несомнѣнно было и начинало проявляться. Ужъ въ 1887 г., когда насъ жестоко избивала на Страстномъ бульварѣ полиція съ помощью черной сотни изъ Охотнаго ряда, мы видѣли кое-какую помощь со стороны рабочихъ. Какъ сейчасъ помню такую картину: окруженные полиціей и избитые мы двигаемся по Тверской улицѣ. Впереди меня шель охотнорядецъ. Онъ еще не оправился отъ жаркаго „дѣла“: рукава засучены, лицо и шея налились кровью. Вдругъ изъ толпы выскакиваетъ фабричный и начинаетъ бить охотнорядца. Въ толпѣ одобреніе. Охотнорядецъ получаетъ еще съ другой стороны удары и слѣпнеть улетѣннута. Проявленія такой „активной“ помощи были, какъ приходилось слышать, не единичны.

Во время безпорядковъ 90 года московскіе рабочіе нѣкоторыхъ фабрикъ (Прохоровской, Цинделя) были не прочь поддержать студентовъ уличной демонстраціей, но дальшее желаніе дѣло не пошло; отъ черной же сотни Охотнаго ряда появилась къ намъ депутація, которая заявила, приблизительно, слѣдующее: „ежели вы бунтуете по своему дѣлу, чтобы значитъ, бѣднымъ изъ васъ не было утѣшенія отъ профессоровъ, чтобы плата была поменьше и пр., — то мы препятствовать не будемъ. Но ежели вы что насчетъ царской фамиліи, то такъ и знайте: камня на камень не оставимъ отъ университета“.

Не находя приложенія своимъ силамъ и чувствуя тяжесть административнаго гнета, молодежь, естественно, бросалась въ открытые протесты, вынося ихъ на своихъ плечахъ.

Въ 1890 г. снова вспыхнули беспорядки. Подпольные кружки (и нашъ въ томъ числѣ) рѣшили использовать ихъ и придать имъ политическій характеръ. Но это мало удалось. Правда, въ числѣ требованій демонстрантовъ были на первомъ планѣ выставлены обще-политическія требованія, но на призывъ инициаторовъ откликнулась слишкомъ ничтожная часть молодежи и, такимъ образомъ, правительство безъ труда выхватило изъ ея среды наиболѣе радикально настроенное меньшинство. Кружки были разбиты и разсѣяны. Въ это же время (1889—90) была сдѣлана попытка (наиболѣе крупная, если не ошибалось, по тогдашнему времени) слить воедино разбросанные по Россіи народовольческіе элементы, создать живую боевую организацію. Былъ устроенъ съѣздъ изъ представителей отъ разныхъ городовъ, завязаны были сношенія и пр., но все вскорѣ окончилось массовыми арестами и обысками (дѣло Сабунаева и др.).

Трудно было существовать изолированнымъ кружкамъ, безъ поддержки и помощи со стороны. Мы все-таки упорно боролись за свое существованіе. Всѣ помыслы нашего кружка (онъ былъ безъ официальнаго названія, какъ и всѣ кружки) были направлены на постановку литературнаго предпріятія, въ цѣляхъ болѣе широкой пропаганды. Но для этого нужны были средства, а для добычи ихъ нужны связи, а связи можно получить лишь предложивъ что-нибудь, уже начатое дѣло и т. д. и получался, такимъ образомъ, закодированный кругъ. Помню, мы затѣяли поставитъ типографію. Денегъ не хватило. И мы прибѣгнули къ экстренной мѣрѣ (да не подумаетъ читатель, что къ экспроприаціи—нѣтъ). Мы рѣшили совершить объѣздъ своихъ знакомыхъ, бывшихъ студентами въ кружкахъ, людей уже сидящихъ на мѣстахъ, зажиточныхъ и даже богатыхъ и возвать къ ихъ чувству и... карману.

Разъѣзжали мы долго, нѣсколько мѣсяцевъ и, затративъ массу энергіи и весь свой „основной“ капиталъ въ 200 р., собрали въ результатѣ что-то около 500 руб. да кучу обѣщаній. Такъ растрачивалась на мелочи наша энергія.

Голодный 1891—92 годъ внесъ живую струю въ общественное настроеніе. Народное бѣдствіе разбудило дремавшихъ и подбодрило упавшихъ духомъ. Оживилась и литература. Возвратившаяся съ голодныхъ мѣстъ молодежь прошла хорошую школу, познакомилась ближе съ народнымъ горемъ и со всѣмъ безобразіемъ правительственной опеки. Началась усиленная дѣятельность по части всякаго рода организаціоннаго строительства. Сорганизовалась и выступила со своимъ манифестомъ и брошюрой „Насущный вопросъ“ партія „Народнаго Права“, рассчитывавшая объединить широкіе круги революціоннаго общества на платформѣ политическихъ требованій. Вскорѣ, однако, партія подверглась полному разгрому. Въ Москвѣ послѣдоваль арестъ писателя Астырева и группировавшагося около него кружка, пытавшагося

самостоятельно поставить пропаганду среди крестьянъ и успѣвшаго распространить письма къ крестьянамъ. Въ Петербургѣ появляется группа народовольцевъ, поставившая типографію и издававшая „Летучій Листокъ“ и серію народныхъ брошюръ. На Югѣ, Волгѣ зашевелились кружки. Заграницей усилилась литературная дѣятельность. Появились и довольно быстро приумножились кружки марксистовъ. Оживилась работа, закипѣли споры въ затихшемъ было подпольѣ руссiйскомъ.

Я не пишу исторіи революц. движенія, а потому и не буду останавливаться на характеристикѣ подполья этихъ годовъ, и перейду непосредственно къ появленію въ немъ социалистовъ-революціонеровъ и въ томъ числѣ нашего Сѣвернаго Союза. Мнѣ важно было лишь отмѣтить тѣ нити, которыя связывали насъ съ прошлымъ и то, что социально революціонное теченіе, дѣятельность „въ духѣ“ программы „Нар. Воли“ *не прекращалась*, не исчезала съ исторической сцены; она лишь замирала одновременно съ замираніемъ всей вообще подпольной и надпольной жизни.

IV.

Въ 1894—96 годахъ картина положенія несоціалдемократическихъ организацій была такова. Въ Петербургѣ работала группа народовольцевъ „Летучаго Листка“. На югѣ, центромъ котораго былъ Кіевъ, появился союзъ социалистовъ-революціонеровъ (здѣсь, если не ошибаюсь, впервые въ Россіи были приняты сторонниками народовольчества терминъ „соц.-революціонеры“). За-границей появился органъ „Русскій Рабочій“, изданія „Союза русскихъ соц.-революціонеровъ“. За границей же продолжала заявлять о себѣ „группа старыхъ народовольцевъ“, появились изданія Бурцева и др. По разнымъ городамъ, особенно по Поволжью, были группы, заявлявшія такъ или иначе о своемъ существованіи. Немного позднѣе появились изданія отъ имени партіи политическаго освобожденія Россіи.

Наиболѣе удачно и прочно было поставлено дѣло группой народовольцевъ въ Петербургѣ и, при благопріятныхъ условіяхъ, къ ней могла бы перейти роль объединительная и, пожалуй, центральнаго руководства всѣмъ социально-революціоннымъ направленіемъ. Но въ отношеніи широкаго организаціоннаго строительства группа оказалась безсильной, несмотря на неоднократные разбѣзды членовъ группы по городамъ, на переговоры и пр. Отчасти тутъ играла роль атмосфера бездѣлія или малой самодѣятельности мѣстныхъ группъ и недовѣріе ихъ къ широкимъ проектамъ, отчасти причиной было неумѣніе инициаторовъ-объединителей вызвать къ жизни мѣстныя силы, дать общій планъ дѣятельности, а также излишняя, порою, конспирація съ ихъ стороны. Но главной причиной, почему группа не могла достигнуть объединенія, была невыработанность ея программы и постоянныя колебанія. Уже въ первыхъ номерахъ ея „Летучаго Листка“ сказывалась

неустойчивость взглядовъ и болѣе чѣмъ оригинальное толкованіе программъ народовольчества. Выпущенный ею № 1 Листка вызвалъ уже открытый протестъ соц.-революціонеровъ и въ Россіи, и за границей. Статьи номера были проникнуты духомъ социалдемократизма и всѣ были въ недоумѣніи, почему группа продолжаетъ называть себя группой „народовольцевъ“. Идейная связь была нарушена, и № 4 Листка подвергся бойкоту. Вскорѣ группа, послѣ ареста Лахтинской типографіи, совсѣмъ сошла со сцены. Возникла въ Петербургѣ послѣ этого другая группа съ планами литературнаго издательства (газета „Ворьба“ и др.) но она также скоро прекратила свое существованіе. Такимъ образомъ, созданная инициативой Петербурга связь между разными городами порвалась и на нѣкоторое, правда непродолжительное, время мѣстныхъ группы были предоставлены самимъ себѣ. Одной изъ такихъ мѣстныхъ группъ была наша группа, возникавшая въ г. Саратовѣ. Въ эти годы (1894—96.) Саратовъ былъ довольно густо населенъ интеллигенціей и его нерѣдко называли „волжскими Афинами“. Интеллигенція группировалась въ т. н. Обществѣ изящныхъ искусствъ, гдѣ, подъ видомъ литературно-художественной секціи, устраивались еженедѣльно большія собранія, представлявшія и по тогдашнему времени нѣчто, дѣйствительно, оригинальное. Собиралось до 150 и болѣе челоѣкъ всякаго званія и сословія. Читались рефераты и велись дебаты, при чемъ официально объявленная тема игнорировалась и ораторы пускались въ открытое море вопросовъ о политической свободѣ, социализмѣ, марксизмѣ и пр. Вскорѣ это, существовавшее „по недоразумѣнію“ учрежденіе, было прикрыто администраціей. Однако, какъ ни обилеиъ былъ составъ интеллигентныхъ силъ, онѣ не были захвачены какимъ либо живымъ дѣломъ, и атмосфера бездѣлія и пустословія царствовала повсюду. А между тѣмъ подъ бокомъ было необозримое поле для широкой дѣятельности—крестьянство, настроеніе котораго было къ тому времени уже достаточно приподнятымъ, среди котораго еще сохранились живые слѣды народнической пропаганды и которое жаждало интеллигентныхъ силъ. Я знаю случай, когда одинъ саратовецъ натолкнулся на крестьянина, изъ разговора съ которымъ выяснилось, что онъ по порученію земляковъ отправился изъ деревни специально въ поиски за „интеллигентомъ“ и, не имѣя никакихъ связей, обошелъ нѣсколько учреждений, всюду высматривая этого интеллигента, пока случайно не набрелъ на нужнаго челоѣка.

Впрочемъ, такая оторванность города отъ деревни существовала не въ одной Саратовской губ. Еще не пробилъ часъ, не было толчка къ выступленію народной массы и энергичной организаціонной работы интеллигенціи. Процессъ революціонизированія крестьянства былъ незамѣтенъ для постороннихъ глазъ, а неудачный опытъ прошлаго и разочарованіе народовольцевъ въ работѣ среди крестьянства были еще свѣжи въ памяти, и вполне естественно, что городъ мало думалъ о деревнѣ; сыграла тутъ не малую роль и проповѣдь социалдемократовъ съ ихъ тогдашнимъ культамъ пролетарія и презрѣнія къ работѣ въ крестьянствѣ,—

какъ мелкой буржуазіи. Зато нѣсколько мелкихъ заводовъ въ городѣ и желѣзнодорожныя мастерскія старательно обслуживались интеллигенціей, и конкуренція изъ-за привлеченія на свою сторону нѣсколькихъ десятковъ рабочихъ кипѣла во всю.

Возвращаясь, однако, къ нашей группѣ. Послѣ разгрома петербургской организаціи, съ которой мы вели постоянныя сношенія, оторванные отъ другихъ организацій, мы рѣшили самостоятельно пробить себѣ дорогу.

Въ 1896 г. группа окончательно конституировалась и выработала программу, которая затѣмъ въ гектографированномъ видѣ была распространена подъ названіемъ: „*Основные положенія программы союза социалистовъ-революціонеровъ*“. (Замѣчу здѣсь, что нашъ Союзъ никогда не назывался „Сѣвернымъ“; это было прибавлено къмѣ-то впослѣдствіи, въ отличіе отъ Южнаго (кіевскаго) союза. Мы же именовались всегда просто „союзомъ с.-р.“).

Въ 1898 г. эта программа съ прибавленіемъ краткаго историческаго обзора революціоннаго движенія была издана союзомъ подъ заглавіемъ „*Наши Задачи*“. Въ 1900 г. она вышла въ печатномъ видѣ за границей со статьей Григоровича „Соц.-революціонеры и соц.-демократы“. Въ основу нашей программы была положена программа Исполн. Комитета Н. В. Измѣненія были внесены какъ въ общую, принципиальную часть, такъ и въ тактическую. Кое что пришлось сократить или развить, кое что совсѣмъ вычеркнуть изъ прежняго. Необходимо было подчеркнуть, что мы сторонники революціоннаго социализма,—въ виду сильно распространившагося тогда „эволюціонизма“, пришлось выставить болѣе выпукло насущность и неизбѣжность борьбы за политическое освобожденіе,—какъ *conditio sine qua non* экономического освобожденія—въ виду господства „экономизма“ социалдемократическихъ круговъ, особенно петербургской организаціи съ газетою „Рабочая Мысль“.

Взглядъ на аграрный вопросъ изложенъ былъ въ возможно менѣе „утопической“ (выражаясь соц.-демократическимъ языкомъ) формѣ, съ цѣлью устранить кривотолкованія. Констатировалась наличность процесса дифференціаціи крестьянской массы, (но процесса, однако, недостаточно широкаго и глубокаго), рядомъ съ этимъ усиленно подчеркивалась солидарность интересовъ громаднаго большинства крестьянства и интересовъ пролетаріата въ борьбѣ за социализмъ, наличность объективныхъ условий для вовлеченія крестьянства въ борьбу за переустройство земельныхъ отношеній на началахъ націонализаціи земли, какъ переходной ступени къ будущему аграрному строю и т. д.

Въ области тактики программой указывался планъ подготовительной работы для созданія массовой партіи и борьбы за очередныя задачи. На первое мѣсто выдвигалась пропаганда, агитация и организаціонная дѣятельность среди учащейся молодежи и пролетаріата. На второмъ мѣстѣ стояла работа въ крестьянствѣ,—по мотивамъ, о которыхъ я упоминалъ выше т. е. благодаря невѣрію нашему въ возможность разбудить въ то время деревню (въ чемъ мы, конечно, ошибались).

Наконецъ, въ программѣ фигурировала систематическая террористическая борьба, какъ орудіе пропаганды, агитація и, въ связи съ массовой борьбой (что нарочно подчеркивалось), какъ средство рѣшающаго характера въ смыслѣ достиженія политическихъ свободъ.

Эта программа, какъ я уже говорилъ, была разослана по кружкамъ, и мы рассчитывали обсужденіемъ ея усилить потребность къ объединенію, дать толчекъ къ организационному сближенію кружковъ. Связи у насъ были съ поволжскими городами, Тамбовомъ, Воронежомъ, Москвой, Петербургомъ, Кіевомъ. Были сдѣланъ объѣздъ, были переговоры, но дѣло подвигалось туго. Отъ кіевского союза мы получили извѣстіе, что при обсужденіи нашей программы, вышши разногласія, при чемъ, по словамъ делегата (съ которымъ я имѣлъ дѣло) большинство было противъ включенія въ программу пункта о террорѣ, чтобы не отпугнуть многихъ, что этотъ пунктъ вообще неумѣстенъ въ программѣ, что не надо давать повода трактовать соц.-революціонеровъ какъ простыхъ террористовъ, толкующихъ о массовой борьбѣ, о работѣ въ массахъ и пр. такъ, только для видимости (подобное вульгарное пониманіе было тогда, дѣйствительно, пущено въ ходъ марксистами). Были еще со стороны кіевлянъ возраженія на наше толкованіе аграрнаго вопроса, капитализма и еще чего-то. Дѣло въ томъ, что взгляды кіевлянъ (поскольку они выражены были въ ихъ изданіяхъ и въ устныхъ бесѣдахъ) были въ то время довольно сильно окрашены марксизмомъ и въ ихъ постановкѣ программныхъ вопросовъ и во виѣшней формѣ изложенія чувствовалась нѣкоторая неувѣренность и преувеличенное опасеніе, какъ бы не прослыть народниками. Въ этомъ отношеніи они пошли значительно дальше насъ, были такъ сказать „правѣ“.

Я помню бывшій у меня въ рукахъ рукописный проектъ ихъ программы (это было, если не измѣняетъ память, въ концѣ 1897 г. или началѣ 1898). Проектъ мало походилъ на революціонно-соціалистическую программу, а скорѣе на статистико-экономическій трактатъ. Особенно врѣзалось мнѣ въ память мѣсто, гдѣ излагался взглядъ на крестьянство. Съ особенною старательностью разрабатывался вопросъ о дифференціаціи, приводились цифры и, что характерно, упоминалось даже о такой отрасли крестьянскаго хозяйства, какъ птицеводство.

Одновременно съ переговорами и сношеніями съ другими городами мы пытались приводить въ исполненіе начертанный программой планъ дѣятельности: заводить связи съ рабочими (каковыхъ у насъ почти не было), молодежью и, при первой возможности, съ крестьянствомъ; но прежде всего рѣшили поставить издательское дѣло.

Въ 1896 г. Союзъ выпустилъ въ незначительномъ количествѣ гектографированную прокламацію по поводу вспыхнувшей въ Петербургѣ стачки ткачей. Другихъ изданій не было, и вообще дѣла Союза были въ незавидномъ положеніи. Очень часто налаженное съ большимъ трудомъ какое-нибудь предпріятіе внезапно

рушилось, и приходилось начинать снова, подобно муравьямъ, которымъ нога прохожаго въ одно мгновеніе уничтожаетъ всю ихъ многотрудную постройку. Для иллюстраціи разскажу, какъ мы ставили типографію.

Нужно было прежде всего добыть шрифтъ, который по тогдашнему времени являлся большою драгоценностью. Небольшую часть его, послѣ хлопотъ, мы достали въ Самарѣ. Но этого было слишкомъ мало. И вотъ, случайно, мы натолкнулись на слухъ, что около города, на островѣ, зарыто значительное количество шрифта какою-то, разгромленной года два назадъ, организаціей. Указывалось и мѣсто, но въ довольно неопредѣленной формѣ: песчаный бугоръ, недалеко отъ сторожевой будки, лѣсокъ, въ 12 шагахъ отъ кривой березы и т. д. Какъ ни отдавало отъ этихъ указаній преданіемъ, легендой о чудодѣйственномъ кладѣ, но жажда наша была велика, и однажды, глухою осенью мы отправились на островъ.

Нашли бугоръ, лѣсокъ, отмѣряли шаги и стали тыкать длинной желѣзной палкой въ песокъ. Долго тыкали мы палкой, провѣряли шаги отъ кривой березы, мѣняли направление,—клада не оказывалось. Терпѣніе истощалось, спускалась тьма, сторожевая будка была слишкомъ близка и нахождение въ необычное время и на необычномъ мѣстѣ компаніи могло показаться подозрительнымъ, и мы возвратились домой ни съ чѣмъ.

Но кладъ не давалъ покоя и, спустя нѣкоторое время, мы снова отправились на островъ, на это заколдованное мѣсто (въ верстахъ пяти отъ города), рѣшивъ не уходить съ него, пока не истыкаемъ весь песокъ около этой проклятой кривой березы. Нѣсколько часовъ мы работали желѣзной палкой, отчаяніе уже закрадывалось въ душу, раздавались нетерпѣливые голоса „плюнуть на все“, какъ вдругъ что-то хрустнуло подъ концомъ палки. Лихорадочно принимаемся разрывать песокъ. Показались лохмотья истлѣвшей матеріи, куски дерева и, наконецъ, онъ, желанный кладъ,—шрифтъ!

Нагрузившись и разсыпавъ въ темнотѣ достаточное количество на мѣстѣ преступленія, мы усталые, но счастливые возвратились домой.

Шрифтъ былъ спрятанъ пока въ удобномъ мѣстѣ. Наступило время пустить въ ходъ типографію. Была приготовлена квартира и пр. Нужно было перевезти на нее весь запасъ шрифта. И вотъ тутъ произошло нѣчто трагическое по своей неожиданности и роковому стеченію случайностей. Судите сами.

Мѣсто, гдѣ хранился шрифтъ, находилось отъ города въ верстахъ 6—7. Товарищъ запрегъ въ сани лошадей (была весенняя распутица), взвалилъ ящикъ со шрифтомъ и по санной дорогѣ повезъ въ городъ. На полпути отъ города снѣгу оказалось настолько мало, что лошадь остановилась и отказалась везти. Что дѣлать? Товарищъ не нашелъ иного выхода изъ этого затруднительнаго положенія, какъ снести ящикъ подъ близъ стоящій стогъ

сѣна, зарыть его, а самому отправиться обратно, съ тѣмъ, чтобы перепречь лошадей въ колесный экипажъ и немедленно вернуться.

И случилось такъ, что, по отѣздѣ возницы, въ это же самое время хозяину стога—мужику сосѣдней деревни—понадобилось сѣно и онъ пріѣхалъ и, къ изумленію своему, открылъ въ сѣнѣ ящикъ... Рѣшивъ, что это какая-нибудь кража, онъ заявилъ полиціи. Остальное извѣстно. Началось дѣло, прифѣтъ былъ экспропрированъ жандармами. И этимъ закончились наши многотрудныя, въ продолженіе полугода, хлопоты съ типографіей.

Въ 1897 году наша группа разъѣхалась изъ Саратова, и главная дѣятельность Союза была перенесена въ Москву.

V.

1897—98 годъ прошелъ въ мелкой организаціонной дѣятельности по укрѣпленію связей въ Москвѣ и съ другими городами. Результаты получились не блестящіе, такъ какъ составъ Союза былъ весьма немногочисленъ, средства скудны, а кругомъ кипѣла дѣятельность социалдемократическихъ организацій.

За это время Союзомъ были изданы прокламаціи: по поводу открытія въ Москвѣ памятника Александра II, по поводу расправы, произведенной конвойнымъ офицеромъ надъ партіей ссыльныхъ въ Сибири, затѣмъ маленькая брошюра: „Два тайныхъ циркуляра“ и, наконецъ, программа Союза съ историческимъ обзоромъ (въ видѣ введенія) подъ названіемъ „*Наши задачи*“.

Незаконной литературы соц.-революціоннаго направленія было въ обращеніи чрезвычайно мало и шла она исключительно изъ-за-границы. То были, по преимуществу, старыя изданія народолюбцевъ, кое какія народныя изданія, листки лондонскаго фонда, изд. Черткова и нѣкоторые другіе. Всѣ сношенія съ заграницей были у насъ черезъ Союзъ русскихъ соц.-революціонеровъ. Перевозка черезъ границу была затруднительна и стоимость литературы была очень высока. За пудъ иногда приходилось платить на мѣстѣ до 100 р. и получать сплошь и рядомъ въ этомъ пудѣ значительную долю совершенно ненужнаго хлама.

Вполнѣ естественно, что всѣ помыслы наши (да и не только наши) были направлены на то, чтобы поставить въ Россіи издательское дѣло,—что, однако, оказывалось не подъ силу не только слабой организаціи, какъ наша, но и болѣе крѣпкимъ.

Сезонъ 1899—1900 г. отличался нѣкоторымъ оживленіемъ. Прокатилась волна студенческихъ безпорядковъ. Нашъ Союзъ выпустилъ воззваніе къ студенчеству, съ призывомъ къ политической борьбѣ. Воззваніе имѣло успѣхъ и затѣмъ мы были удостоены лестнымъ отзывомъ со стороны правительства. Въ правительственномъ сообщеніи о причинѣ безпорядковъ и пр. нашему воззванію была отведена (не по заслугамъ) почетная роль возбудителя умовъ среди студенчества.

За границей начала свою дѣятельность Аграрная Лига,—что

замѣтно отразилось на притоки нелегальной литературы и на поднятіи энергіи у тѣхъ одиночекъ и кружковъ, которые издавна на свой страхъ вели подпольную работу въ крестьянствѣ. Вскорѣ затѣмъ появились первыя крестьянскія „братства“ и былъ изданъ за границей примѣрный уставъ ихъ.

Въ это же время кievскій союзъ соц.-революціонеровъ взялъ на себя починъ „собиранія земли“,—задумалъ широкое объединеніе соц.-революціонныхъ организацій въ партію. Былъ созванъ съѣздъ представителей отъ разныхъ группъ. Нашъ Союзъ также получилъ приглашеніе, но мы по случайнымъ причинамъ не попали на съѣздъ. Результатомъ этого съѣзда было объединеніе нѣсколькихъ организацій въ партію.

Появился „Манифестъ“ партіи соц.-революціонеровъ. Затѣмъ партіей было издано нѣсколько брошюръ („Не убій“ и др.). Манифестъ не удовлетворилъ многихъ и насъ въ томъ числѣ; наше неудовольствіе было вызвано главнымъ образомъ неопредѣленностью постановки въ Манифестѣ вопросовъ тактики вообще и террористической въ частности. Тутъ кстати будетъ отмѣтить, что Манифестъ встрѣтилъ довольно дружелюбный пріемъ со стороны социалдемократіи. Въ одномъ изъ первыхъ номеровъ „Искры“ въ специально посвященномъ фельетонѣ, авторъ недоумѣвалъ, почему понадобилась какая-то особая партія соц.-революціонеровъ, когда послѣдніе могли бы съ успѣхомъ войти въ соц.-демократическую партію. Тутъ же, для вящаго эффекта, онъ завѣрялъ, что сами Желябовъ и Перовская, еслибы дожили до нашихъ дней, были бы, конечно, въ рядахъ соц.-демократіи. Это дружелюбіе быстро однако исчезло со страницъ „Искры“ и замѣнилось пресловутой искровской полемикой. Причина была ясна и крылась она не во вредоносности программы соц.-революціонеровъ (ибо программа, въ основаніи своемъ, осталась той же), а въ томъ, что народился сильный конкуррентъ, и соц.-революціонеры стали „забирать силу“. Но я забѣжалъ немного впередъ.

Дѣла объединенныхъ въ партію организацій шли не блестяще. Исторія этого объединенія и вообще обзоръ положенія соц.-революціоннаго дѣла на югѣ не входитъ въ мою задачу. Скажу только, что много элементовъ не вошло въ это объединеніе и партія могла бы вѣрнѣе носить названіе „южной“ партіи соц.-революціонеровъ.

Нашъ Союзъ, вполне сочувствуя широкому объединенію (особенно когда, одновременно почти, началось объединеніе въ партію нашихъ друго-враговъ соц.-демократовъ), не особенно энергично однако содѣйствовалъ этому объединенію. Причиной тому было сознаніе преждевременности объединенія такихъ группъ, которыя не успѣли или не сумѣли еще встать прочно на ноги, окрѣпнуть въ мѣстной работѣ и поставить какое-нибудь прочное практическое предпріятіе. Наши помыслы и были направлены на постановку такого предпріятія и естественнаго объединенія силъ вокругъ него. Будущее показало, что мы не ошиблись.

Мы поставили себѣ задачей во что бы то ни стало завести

печатное дѣло, издавать постоянный органъ и, при первой возможности, серію брошюръ для народа. Потребность въ органѣ, въ которомъ разрабатывались бы вопросы въ духѣ нашей программы и, въ особенности, группировались и освѣщались бы факты текущей дѣйствительности,—была громадна. Появлявшіеся время отъ времени въ Россіи и за границей листки уже не могли удовлетворять, органа же нашего направленія не существовало; издававшійся за границей Союзомъ русск. соц.-революціонеровъ органъ „Русскій Рабочій“ былъ маленькимъ рабочимъ листкомъ, выходилъ съ громадными перерывами и въ Россію попадалъ рѣдко и въ ничтожномъ количествѣ. Изданіе „Вѣстника Русской Революціи“ за границей тогда только что еще готовилось. Весной 1900 г. намъ удалось приобрести шрифтъ, затѣмъ одна бундовская организація сдѣлала намъ, по заказу, типографскій станокъ. Удалось привлечь серьезныя литературныя силы, добыты были средства, и мы рѣшили приступить къ изданію органа. Изъ разныхъ названій мы остановились на названіи „Революціонная Россія“ (при чемъ судьбу названія помогъ рѣшить въ значительной мѣрѣ наборщикъ, доставлявшій шрифтъ. Заглавныхъ буквъ у него оказалось только на двѣ комбинаціи: Револю. Россія и Свободная Россія и мы окончательно выбрали первую ¹⁾). Мѣсто для печатанія было избрано не совсѣмъ близко—въ Сибири и вотъ, лѣтомъ 1900 г., туда отправилась компанія съ громоздкимъ багажемъ типографскихъ принадлежностей.

Неудачи ждали насъ на первыхъ же шагахъ. Когда приступили къ работѣ, то оказалось, что типографскій станокъ не дѣйствуетъ. Сдѣланъ онъ былъ кустарнымъ способомъ, части пригнаны „на глазъ“ и, въ общемъ, онъ никуда не годился. Опытныхъ людей на мѣстѣ не оказалось и работа остановилась. Къ этой неудачѣ присоединились еще кое-какія и, въ результатѣ, пришлось ликвидировать избранное подѣ типографію мѣсто и перенести его въ другое—вблизи Петербурга. И вотъ опять двинулся нашъ транспортъ въ далекій обратный путь. Въ такихъ передвиженіяхъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и только къ зимѣ (декабрю) 1900 г. удалось устроить уютное мѣсто и приступить къ работѣ. Но, какая это была работа! Въ какой примитивной обстановкѣ она совершалась!

Въ типографіи поселились трое: мужчина и двѣ женщины. Никто изъ нихъ не работалъ раньше въ типографіи. Всѣ знанія черпались изъ книжки—печатнаго руководства. Въ распоряженіи было небольшое количество шрифта, при чемъ нехватало очень многихъ необходимыхъ вещей; часть шрифта была сбита, онъ былъ разныхъ номеровъ и, наконецъ, кое-какихъ буквъ было очень мало и пр. Далѣе. Станка не было. Была доска и 30 фунтовый

¹⁾ Стоитъ отмѣтить одно характерное обстоятельство. Изданіе „Рев. Россія“ затѣяно было одновременно съ изданіемъ „Искры“, Пріятель соц.-демократъ пріѣхалъ ко мнѣ съ плакатомъ изданія и съ переговорами о кое-какомъ содѣйствіи въ тотъ моментъ, когда я производилъ такіе же хлопоты относительно „Рев. Россія“. Судьба связала цѣпями (не дружбы только) эти два органа и ихъ партіи съ момента рожденія.

вать для ручной катки. Вотъ и вся наша „типографія“. До остального надо было доходить опытомъ. Приступили къ работѣ. Набрали первую страницу, и начался опытъ. Ничего не получается. Въмѣсто передовой статьи, ряда ея строчекъ,—выходитъ какая-то мутная грязь съ кое гдѣ торчащими отдѣльными буквами и фразами. Начинается отыскиваніе первопричины. Растирается иначе краска, подбивается тамъ и тутъ шрифтъ и пр. Не помогаетъ. Только крупныя буквы заглавія: „Рев. Россія, изданіе Союза социаль-революціонеровъ“ начинаютъ выходить довольно отчетливо и дразнить воображеніе. Страница по-прежнему остается грязнымъ полемъ. Лица у всѣхъ пасмурны. Разбираетъ досада на свою безпомощность и въ душу заползаетъ желаніе бросить и отправиться въ поиски за опытными людьми. Но страстное желаніе видѣть въ своихъ рукахъ газету превозмогаетъ. Опыты продолжаются съ упорствомъ. И вдругъ раздается радостное восклицаніе „катальщика“. Изъ подъ вала вышла страница съ напечатаннымъ рядомъ строчекъ. Закипѣла работа. Наборщицы съ пѣніемъ принялись за свое кропотливое занятіе, катальщикъ энергично дѣйствовалъ валомъ, вводя все новыя и новыя усовершенствованія. Работали, не замѣчая усталости, недоѣдая и недосыпая по 16—18 часовъ.

За отпечатаніемъ 700—800 экземпляровъ перваго номера „Рев. Россіи“ провозились почти мѣсяцъ,—такова была скорость нашей „ротационной“ машины. Новый, 1901 годъ засталъ типографію въ разгарѣ работы. И я думаю, рѣдко удается такъ радостно, весело встрѣтить новый годъ, какъ тогда, съ бутылкой пива, за рабочимъ столомъ, среди развѣшанныхъ по всей комнатѣ на ниткахъ свѣжеотпечатанныхъ листовъ...

Въ январѣ 1901 г. № 1 „Револ. Россіи“ началъ распространяться среди публики. Приѣмъ онъ встрѣтилъ самый разнообразный. Высказывалось неодобреніе по поводу „блѣдности“ номера. Мы сами хорошо понимали, что номеръ блѣденъ. Причина была та, что, выступая передъ широкимъ кругомъ читателей, мы, ради нащупыванія почвы, разбавили краски, а передовая статья и совсѣмъ была обезцвѣчена. И несмотря на это, мы встрѣтились съ отзывами, правда, немногочисленными, что въ газетѣ взять черезчуръ революціонный тонъ, и были даже указанія, что газета не пойдетъ изъ-за одного названія (опасно, молъ, и на столѣ держать). Въ концѣ концовъ, имѣя газету въ рукахъ, мы вздохнули свободнѣе, и прокладывая себѣ дорогу къ сердцамъ разнаго рода сочувствующихъ и содѣйствующихъ стало легче. Можно было подумать о болѣе или менѣе правильномъ раздѣленіи труда и выйдти изъ того состоянія, когда редактору газеты приходилось самому ѣздить за матеріаломъ, самому ставить типографію и печатать, да самому и распространять газету. Появились у насъ средства, открылись жертвователи.

Весной 1901 г. было приступлено къ печатанію втораго номера и появился онъ въ концѣ мая. Содержаніе этого номера было уже болѣе опредѣленнымъ и съ болѣе выдержаннымъ направленіемъ. Мы получили одобрительные отзывы. Кромѣ № 2 Рев. Россіи

были этимъ же лѣтомъ выпущены два „Летучихъ Листка“ (добавленіе къ № 2 „Рев. Россіи.“) Изданіемъ этихъ листовъ мы рѣшили заполнять промежутки между выходами номеровъ газеты. Въ нихъ долженъ былъ помѣщаться матеріалъ не терпящій отлагательства и разрабатываться вопросы, имѣющіе жгучій характеръ. Газету мы рассчитывали выпускать разъ въ мѣсяць, въ виду техническихъ затрудненій.

Къ осени 1901 г. выяснилось, что можно расширить типографское дѣло, и мы рѣшили перенести печатаніе газеты на новое мѣсто, а въ прежней, запасной типографіи печатать листки и прокламаціи. Мѣсто для печатанія „Революціонной Россіи“ было устроено около г. Томска, на переселенческомъ пунктѣ. Къ концу августа все было готово и съ сентября долженъ былъ начаться правильный выходъ газеты.

Къ этому времени связи наши расширились и окрѣпли. Кромѣ столичныхъ городовъ, Поволожья (въ Саратовѣ была солидная группа с. р.), Урала и Юга—этихъ издавнихъ соц-революціонныхъ очаговъ, стали появляться сочувствующіе и кружки единомышленниковъ въ другихъ городахъ. Обеспечено было правильное сотрудничество, правильная доставка матеріала, собранъ былъ матеріалъ на нѣсколько номеровъ газеты и пр. Преодолены были затрудненія и съ редактированіемъ: составился редакціонный коллективъ.

Чувствуя почву подъ ногами, мы приступили къ болѣе тѣсному организаціонному сближенію съ „южной“ партіей и за-границей и начаты были переговоры о томъ, чтобы упразднить нашъ Союзъ и сдѣлать „Револ. Россію“ органомъ партіи с. р. и пр.

Все шло хорошо, и въ будущемъ рисовались широкія перспективы.

И вдругъ тр-р ахъ! 23 сентября 1901 г. была арестована въ Томскѣ типографія и при ней 6 человекъ. Явившись по подозрѣнію и по доносу для производства обыска, жандармерія, къ изумленію и удовольствію своему, наткнулась на типографію со свѣже отпечатанными страницами № 3 Револ. Россіи (было отпечатано только три страницы).

Съ передачей дѣла о типографіи московскому охранному отдѣленію (за разслѣдованіе взялся бойкій жандармскій офицеръ Спиридовичъ—„специалистъ по Бунду“,—какъ онъ самъ рекомендовался) открылись кое-какія связи и начались аресты: въ Петербургѣ, Москвѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ, Черниговѣ. Арестовано и привлечено было къ дѣлу о Союзѣ соц.-революціонеровъ 22 человекъ.

Уцѣлѣвшіе члены Союза, стоявшіе близко къ дѣлу, принялись за спасеніе имущества организаціи отъ неожиданнаго погрома и укрѣпленіе оставшихся связей. Кое что удалось сдѣлать въ этомъ направленіи, такъ какъ жандармерія была плохо освѣдомлена, шла оцупью и благополучно прошла мимо многого; аресты членовъ союза растянулись на нѣсколько мѣсяцевъ.

О возобновленіи печатанія газеты въ Россіи на прежнихъ основаніяхъ думать было некогда и всѣ надежды были возложены на за-границу, куда мы и передали все: связи и весь матеріалъ

(между прочимъ, № 3 Рев. Россіи вышелъ въслѣдствіи за-границей въ томъ же составѣ статей, каковой былъ захваченъ жандармами при арестѣ, въ Томскѣ).

Такъ кончилъ свое существованіе нашъ Союзъ.

Московская Таганская тюрьма приняла насъ въ свои объятія, за свои рѣшетки. Настроение было подавленное. Рушилось дѣло, въ которое мы вложили душу, которое только что стало расти, шириться...

Неужели, думалось, опять наступитъ перерывъ, пока какая-нибудь организація возьмется за это, столь важное дѣло, съ тѣмъ, чтобы скоро быть разгромленной и снова ждать преемника и т. д., неужели еще долго придется двигаться черепашинымъ шагомъ, съ частыми остановками!

А кругомъ было не слышно нашихъ голосовъ, они терялись въ шумномъ хорѣ противниковъ. Въ тюрьмѣ кругомъ были соц.-демократы, смотрѣвшіе на насъ со снисходительной улыбкой господина положенія (мало-ли, молъ, бываетъ на свѣтѣ рарететовъ!) Такъ продолжалось съ полъ года. Мы были отрѣзаны отъ внѣшняго міра и ничего не знали изъ того, что дѣлалось нашими единомышленниками.

Но вотъ (я хорошо помню тотъ день) меня кто-то громко вызвалъ стукомъ по трубѣ. То былъ сосѣдъ, только что прибывшій съ воли, и труба его рукою передала ошеломившую меня новость: что всѣ соц. револ. организаціи въ Россіи и за-границей соединились въ единую партію соц.-революціонеровъ, что продолжаетъ выходить „Револ. Россія“ и онъ видѣлъ №№ 4 и 5, что она стала центральнымъ органомъ партіи, такъ же какъ журналъ „Вѣстникъ Русс. революціи“, что въ Россіи образовались комитеты партіи и пр. и пр.

У меня дыханіе, какъ говорится, сперло отъ такихъ новостей, скрежещущіе звуки трубы показались дивной мелодіей.

Ликованію нашему не было конца. А тутъ вскорѣ и самая газета пошла къ намъ въ руки, а тамъ и единомышленники стали все чаще и чаще занимать по сосѣдству камеры, повалили и студенты, и крестьяне съ юга и даже, къ удивленію соц.-демократовъ, появились рабочіе соц.-революціонеры. Словомъ, по остроумному выраженію одного крестьянина „эсэрь пошла“.

Въ „предварительномъ“ заключеніи насъ продержали весь 1902 г. и половину 1903 г. (нѣкоторымъ пришлось просидѣть, такимъ образомъ, отъ 18—21 мѣс.). Часть арестованныхъ была освобождена, остальные пошли въ В. Сибирь. Приговоръ былъ таковъ:

А. Аргуновъ—8 лѣтъ, М. Аргунова, Е. Поповъ, Е. Попова, П. Куликовскій, В. Павловъ, С. Барыковъ, А. Севостьянова—по 6 лѣтъ, Е. Колосовъ—5 л., П. Чернова, А. Чепикъ, О. Вербицкая—3 года.

Отправились мы въ ссылку съ легкимъ сердцемъ. Любимое дѣло было въ надежныхъ рукахъ. Партія соц.-революціонеровъ энергично и успѣшно расчищала себѣ дорогу.

А. Аргуновъ.

Къ біографіи Петра Алексѣевича Алексѣева ¹⁾.

МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

Совершенно секретно.
Циркулярно.

ДЕПАРТАМЕНТЪ
ПОЛИЦІИ.

Господамъ Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберъ-Полиціймейстерамъ, Начальникамъ Губернскихъ Жандармскихъ и желѣзно-дорожныхъ Полицейскихъ Управленій и на всѣ пограничныя пункты.

По 3 Дѣлопроизводству

28 Ноября 1891 года.

№ 4898.

Поселенный на Жулейскомъ наслѣгѣ, Батурусскаго улуса, Якутской Области, государственный преступникъ Петръ Алексѣевъ Алексѣевъ, 16-го Августа сего года бѣжалъ изъ мѣста поселенія и, не смотря на всѣ принятія мѣстными властями мѣры, остался до настоящаго времени нерозысканнымъ.

Названный Алексѣевъ крестьянинъ дер. Новинской, Сычевскаго уѣзда, Смоленской губерніи, по ремеслу слесарь (невѣрно: по ремеслу — ткачъ. *Ред.*), въ 1875 году привлекался къ дознанію по обвиненію въ распространеніи революціонныхъ изданій и преступной пропагандѣ среди Московскихъ фабричныхъ и по приговору Особаго Присутствія Правительствующаго Сената отъ 14-го Марта 1877 года присужденъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 10 лѣтъ. На судѣ Алексѣевъ произнесъ рѣчь весьма возмутительнаго содержанія, которая въ послѣдствіи была отлитографирована и напечатана за границей и даже до сего времени вращается въ революціонной средѣ, служа излюбленнымъ орудіемъ пропаганды.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что Алексѣевъ, происходя изъ простаго званія, обладая природнымъ умомъ и безспорнымъ даромъ слова, представляетъ собою

¹⁾ Печатаемый циркуляръ департамента полиціи, — мы воспроизводимъ его съ печатнаго подлинника, — замѣчательнъ прежде всего въ качествѣ показателя поразительной неосвѣдомленности его авторовъ: Петръ Алексѣевъ побѣда никогда не совершалъ, а въ концѣ лѣта 1891 г. по пути къ товарищу былъ убитъ съ цѣлью грабежа якутами. Мѣстнымъ властямъ это стало извѣстно готчасъ же, и каковымъ образомъ могъ родиться на свѣтъ божій печатаемый циркуляръ, — явлено совершенно неосознаннымъ. Въ циркулярѣ, однако, вѣрно описана личность Петра Алексѣева и съ этой точки зрѣнія онъ можетъ служить хорошимъ матеріаломъ для біографіи покойнаго. *Ред.*

виолнѣ законченный типъ революціонера-рабочаго, закоренѣлаго и стойкаго въ своихъ убѣжденіяхъ, и едва ли послѣ побѣга удовольствуется пассивной ролью, а напротивъ воспользуется обаяніемъ своего имени въ революціонной средѣ и несомнѣнно перейдетъ къ активной дѣятельности, которая можетъ оказаться, въ особенности же въ предѣлахъ Имперіи, весьма вредною для общественнаго порядка и безопасности.

Въ виду изложеннаго, придавая первостепенное значеніе аресту названнаго лица, Департаментъ Полиціи покорнѣйше проситъ Васъ, Милостивый Государь, принять всѣ мѣры къ розысканію Алексѣева, всеми способами провѣрить подозрительныхъ лицъ и совокупными усиліями чиновъ общей полиціи и корпуса Жандармовъ задержать сего преступника, подлежащаго препровожденію въ распоряженіе Начальника С.-Петербургскаго Губернскаго Жандармскаго Управленія.

Свѣдѣнія о примѣтахъ. Родился въ 1851 году, росту 2 арш. 7½ верш.; тѣлосложеніе крѣпкаго, волосы на головѣ, бородѣ, бровяхъ и усахъ черные, глаза сѣрые, носъ умѣренный, прямой, ротъ обыкновенный, зубы: въ обѣихъ челюстяхъ пять четырехъ коренныхъ зубовъ; лицо рябоватое, продолговатое, лобъ умѣренный, открытый; особыхъ примѣтъ не имѣть.

Свѣдѣнія о настоящемъ мѣстѣ жительства родныхъ Алексѣева затребованы, а равно приняты мѣры къ полученію его фотографической карточки и о результатахъ будетъ сообщено дополнительно.

Подписалъ: Директоръ *И. Дурново.*

Скрѣпилъ: Дѣлопроизводитель *Семакинъ.*

„Бунтъ“ пересыльныхъ политическихъ въ красноярской тюрьмѣ ¹⁾).

(Изъ воспоминаній бывшаго политическаго ссыльнаго).

I.

Поздней осенью 1879 года наша партія прибыла въ красноярскую тюрьму, гдѣ намъ предстояло пробыть около мѣсяца до дальнѣйшей отправки въ Иркутскъ. Здѣсь же мы разставались съ жандармскимъ конвоемъ, съ маіоромъ Кузевымъ во главѣ, сопровождавшимъ насъ отъ самой Москвы, и сданы были на попеченіе сибирскаго этапнаго начальства, блистательнымъ представителемъ котораго явился начальникъ Восточно-сибирскаго тракта, полковникъ Загаринъ. Онъ встрѣтилъ насъ на границѣ своихъ владѣній, въ г. Ачинскѣ, и до самаго Красноярска сопровождалъ вмѣстѣ съ жандармомъ Кузевымъ, передъ которымъ совершенно стусевывался и не проявлялъ никакихъ своихъ индивидуальныхъ качествъ.

Въ красноярской тюрьмѣ насъ размѣстили въ правомъ крылѣ большого каменнаго зданія. Входъ сюда представлялъ ветхое въ нѣсколько ступеней крылечко съ такими же ветхими дверьми, замыкавшимися снаружи висячимъ замкомъ и ведущими прямо въ корридоръ. Помѣщеніе наше состояло изъ 4 просторныхъ камеръ, изъ коихъ двѣ были расположены въ верхнемъ этажѣ зданія, а остальные въ нижнемъ. Оба этажа соединялись широкой каменной лѣстницей. Началось размѣщеніе по камерамъ. Смотритель тюрьмы—Островскій, небольшого роста, юркій человѣчекъ, предоставилъ размѣщаться гдѣ и какъ кому угодно, предупредивъ, что намъ придется прожить здѣсь долгонько въ ожиданіи, пока совершенно замерзнетъ рѣка Енисей и переправа станетъ безопасной.

Въ нашей партіи было болѣе 50-ти человѣкъ, большинство которыхъ составляли административно-ссылные. Почти всѣ каторжане были одесситы, судившіеся по дѣлу Лизогуба, Чубарова и др. и боль-

¹⁾ За описаннымъ въ этомъ воспоминаніи происшествіемъ сохранено то же названіе „бунтъ“, какое дано ему официально красноярскимъ и иркутскимъ начальствомъ.

шинство изъ нихъ были осуждены на вѣчную каторгу. Между ними были Попко, Оомичевъ, Кравцовъ и др. Всѣ они, вмѣстѣ съ осужденными на поселеніе въ Восточной Сибири, между которыми былъ и извѣстный теперь писатель В. Л. Сѣрошевскій, составляли наиболѣе сплоченную группу. Изъ административно ссыльных также едва ли не большую половину составляли одесситы. Первое знакомство началось у насъ въ Вышневолоцкой и Мценской тюрьмахъ, гдѣ мы просидѣли отъ 2 до 3-хъ мѣсяцевъ въ ожиданіи отправки въ Восточную Сибирь. Затѣмъ, когда мценскіе и вышневолоцкіе узники были переведены въ Москву и соединены вмѣстѣ въ «Бутыркахъ», началось общее знакомство всѣхъ отправлявшихся въ Восточную Сибирь, непрерывавшееся въ теченіи почти 2½ мѣсячнаго путешествія до Красноярска, по желѣзной дорогѣ, на арестантской баржѣ и на обывательскихъ тройкахъ. Особенно сближало путешествіе на баржѣ, гдѣ мы были набиты «какъ сельди въ бочкѣ» и гдѣ часто велись общіе разговоры и даже споры. Но все же, повторяю, наиболѣе сплочены были между собою каторжане. Ихъ соединяло и общее дѣло, за которое они пострадали, и общая участь, которую имъ также приходилось раздѣлять вмѣстѣ. Изъ административныхъ ближе другихъ между собою были также одесситы, въ особенности группа служащихъ въ Одесской Городской Управѣ. Секретарь городского головы Гернетъ былъ общій ихъ любимецъ, къ нему хорошо относились такъ же и каторжане. Съ этой группой былъ хорошо знакомъ и писатель С. Н. Южаковъ, бывшій въ то время постояннымъ сотрудникомъ «Одесскихъ Вѣдомостей». Кромѣ этой группы среди административныхъ было нѣсколько учителей гимназій, изъ другихъ городовъ, какъ напр., покойный Н. В. Ковалевскій, два врача, нѣсколько студентовъ и болѣе или менѣе сознательныхъ рабочихъ.

У всѣхъ у нихъ сложились опредѣленные общественно-политическіе взгляды, и эти люди, тѣмъ или инымъ путемъ, хотъ сколько нибудь послужили освободительному движенію. Но были среди административно ссыльных и такіе, которые попали въ ссылку, что называется, «за здорово живешь». Между этими послѣдними особенно выдѣлялись двое проявленной надъ ними злобностью и даже преступностью со стороны высылавшаго ихъ начальства. Первый изъ нихъ былъ юноша Кушниренко, сосланный въ Восточную Сибирь одесскимъ генералъ-губернаторомъ Тотлебенемъ, или, вѣрнѣе сказать, его правой рукой Панютинымъ, бывшимъ нѣкогда сподвижникомъ Муравьева-Вѣшателя въ Вильнѣ. Когда Тотлебенъ и Панютинъ появились въ маѣ 1879 года въ Одессѣ, полиція, по ихъ приказанію, начала составлять списки неблагонадежныхъ для высылки въ Восточную Сибирь.

Въ спискахъ этихъ значился социалистъ, нѣкій рѣзчикъ Кушниренко. Въ день высылки этого Кушниренко не оказалось въ городѣ, тогда полиція «ничтоже сумняшеся» арестовала однофамильца его— чернорабочаго, только что прибывшаго изъ деревни въ Одессу.

Это былъ настолько наивный юноша, что на всѣ наши разспросы отвѣчалъ одно, что никакой вины за собой не чувствуетъ, «хиба те, що колысь укравъ ковунъ на чужимъ баштани». Сколько мы не хлопотали за Кушниренко передъ начальствомъ, писали даже прошеніе

министру внутреннихъ дѣлъ, ничто не помогло, и Кушниренко увезли таки въ Сибирь и поселили гдѣ-то въ Енисейской губерніи. Другимъ товарищемъ Кушниренко по разыгравшейся надъ ними злобѣ и несправедливости начальства былъ нѣкій Финкельштейнъ изъ Кишинева.

Финкельштейнъ служилъ разносчикомъ еврейской почты, т. е. писемъ съ адресами, написанными по еврейски. Однажды онъ занесъ такое письмо какому то еврею социалисту, у котораго въ это время происходилъ обыскъ.

Финкельштейна, разумѣется, тотчасъ же арестовали и посадили въ острогъ, а затѣмъ при общей высылкѣ крамольниковъ послали и его въ Восточную Сибирь.

Финкельштейнъ не только не былъ причастенъ къ социализму, но знай онъ, что несетъ письмо своему единоплеменнику социалисту, навѣрное отказался бы отъ этой чести. Со всѣми нами онъ держался сухо и даже враждебно: ему почему то казалось, что мы всѣ виновники его злополучной судьбы. И этому несчастному, пожилому уже человѣку, оставившему на родинѣ большую семью, единственнымъ кормильцемъ которой онъ былъ, пришлось, какъ и Кушниренко, прожить въ Енисейской губерніи цѣлый годъ, пока злоупотребленія Панютина не были раскрыты.

Размѣщеніе по камерамъ произошло въ такомъ порядкѣ: каторжане и ссыльнопоселенцы помѣстились въ нижнемъ этажѣ, занявъ заднюю камеру; въ передней камерѣ, ближе къ выходнымъ на дворъ дверямъ, помѣстились административные одесситы—Гернетъ, его друзья и знакомые. Здѣсь же устроился и я, хотя и не одесситъ, но имѣвшій среди нихъ нѣсколько товарищей по гимназіи и университету; въ двухъ камерахъ верхняго этажа размѣстились остальные административные, по большей части молодежь—студенты и рабочіе. Наша камера была длинная, но довольно узкая, раздѣлявшаяся выступомъ огромной печи какъ-бы на двѣ половины. Сзади за печью стоялъ столъ и даже кровать. Здѣсь расположились Гернетъ и его ближайшіе друзья и знакомые. Едва мы успѣли размѣститься на нарахъ, какъ къ намъ вошелъ, въ сопровожденіи смотрителя, оставшійся отъ предыдущей партіи политическихъ, бывшій студентъ Горнаго Института Бондаревъ. Онъ отсталъ отъ своей партіи благодаря тифу, отъ котораго свалился въ Красноярскѣ, и теперь залѣчивалъ въ тюремной больницѣ пролежень, развившійся у него во время болѣзни. Бондаревъ рассказалъ намъ многое о порядкахъ въ здѣшней тюрьмѣ: смотрителя Островскаго называлъ сноснымъ человѣкомъ, который не прочь сдѣлать значительныя послабленія для заключенныхъ. Отъ него же мы узнали, что за нѣсколько дней до прихода нашей партіи изъ нашего помѣщенія выведены въ пересыльную тюрьму политическія женщины, свиданія съ которыми намъ необходимо добиваться отъ смотрителя. Бондаревъ пробылъ у насъ до повѣрки, послѣ чего былъ уведенъ въ тюремную больницу.

Во время повѣрки многіе изъ нашихъ, у кого были родственницы и знакомыя среди политическихъ женщинъ, просили у смотрителя свиданія на завтра, на что послѣдній охотно согласился, пообѣщавъ дать знать женщинамъ въ пересыльную тюрьму.

На слѣдующій день въ тюремную контору пришло много политическихъ женщинъ, туда же были вызваны и нѣкоторые изъ нашихъ, и съ этого дня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль происходили свиданія, нестѣсняемая назойливымъ окомъ начальства. Въ конторѣ велись громкіе разговоры, а иногда и споры, слышался задорный молодой смѣхъ и все это значительно оживляло и скрашивало бѣдную новыми впечатлѣніями тюремную жизнь.

II.

Дни шли за днями. Мы уже успѣли достаточно отдохнуть и у многихъ явилась потребность двигаться дальше. Особенно это было замѣтно у административно-ссылныхъ. Для каторжанъ дальнѣйшее путешествіе не представляло особеннаго интереса: крайній пунктъ ихъ пути—Карійскіе рудники, гдѣ ждало ихъ, во всякомъ случаѣ, неизмѣнное тюремное заключеніе. Здѣсь же, въ дорогѣ, было все-таки нѣкоторое разнообразіе и больше свободы.

Тѣмъ не менѣе были и среди нихъ такіе, которые рвались дальше, какъ напр. Попко и другіе, у которыхъ было много друзей и товарищей среди прослѣдовавшей раньше насъ партіи кіевлянъ. У нѣкоторыхъ была, быть можетъ, надежда бѣжать съ дороги: вѣдь удалось же обмѣняться съ уголовнымъ и бѣжать Дебагорію-Мокріевичу и то же почти удалось Орлову. Что касается административно-ссылныхъ, для тѣхъ интересъ дальнѣйшаго движенія партіи былъ внѣ всякаго сомнѣнія: хотя никто изъ нихъ не зналъ въ какую нору его засадятъ, но все же представленіе о свободѣ, даже и на положеніи поднадзорнаго, не могло не казаться раемъ для людей, сидящихъ много мѣсяцевъ подъ замкомъ, каждый шагъ которыхъ зорко караулятъ. Завидно было освобожденіе нѣкоторыхъ въ Красноярскѣ, какъ напр. писателя С. Н. Южакова, моего школьнаго товарища Е—ова, С—ту и отправка въ Минусинскъ покойнаго Н. В. Ковалевскаго. Отъ первыхъ изъ нихъ уже получались и вѣсточка «съ воли», а С—та самъ приходилъ въ тюрьму и вызывалъ на свиданіе нѣкоторыхъ товарищей. Ежедневныя прогулки по тюремному двору убѣждали насъ, что сибирскіе морозы не шутятъ. Уже въ началѣ ноября выпалъ снѣжокъ и морозы стали крѣпчать настолько, что многіе изъ одесситовъ, одѣтые въ ватныя пальто, должны были уходить съ прогулки раньше срока. Енисей, по словамъ смотрителя, кое-гдѣ уже сталъ, но противъ Красноярска, гдѣ теченіе было быстрѣе, ледъ все еще не могъ хорошо окрѣпнуть. Кромѣ того, по его словамъ, пройдетъ немало времени, пока расчистятъ неизбѣжные при остановкѣ льда тороса.

Чаще и чаще среди товарищей возникали разговоры о предстоящей дорогѣ, о сибирскихъ морозахъ. Дорога отъ Красноярска до Иркутска (1000 в.) была въ два раза длиннѣе той, которую мы проѣхали по этапамъ отъ Томска до Красноярска (500 верстъ). Кромѣ того до Красноярска мы хотя и ѣхали по этапному росписанію, т. е. проѣзжали два дня по одному станку, ночуя на полуэтапахъ, а въ 3-й день дѣлали дневку, но ѣхали мы независимо отъ партіи уголовныхъ ссыльныхъ, которые шли гдѣ-то впереди насъ. Здѣсь же, въ

Красноярскѣ, намъ объявлено было, что дальше мы будемъ слѣдовать вмѣстѣ съ уголовными партіями, нисколько отъ нихъ не отставая, и будемъ находиться въ полномъ распоряженіи этапныхъ начальниковъ. Послѣдніе, по разсказамъ сибиряковъ, представлялись намъ чѣмъ то ужаснымъ, отбросами изъ военной среды, сплошь состоящими изъ пьяницъ и жестокихъ въ обращеніи съ уголовными. Надо не забывать, что большинство нашей партіи состояло изъ молодыхъ, пылкихъ южанъ, богатая фантазія которыхъ разрисовала мрачныя узоры предстоящаго намъ путешествія на почвѣ частью вѣрныхъ, а частью и извращенныхъ фактическихъ данныхъ. Рисовалась длинная дорога до Иркутска по сугробамъ снѣга при жестокихъ морозахъ. Одежда у большинства, какъ я уже говорилъ выше, для сибирской зимы заставляла желать много лучшаго, хотя «Приказъ о ссыльныхъ» еще въ Тюмени снабдилъ желающихъ арестантскими шубами и халатами, но тепловое достоинство этой одежды было весьма проблематично. Однажды, вечеромъ, въ одной изъ камеръ на верху разговоръ о предстоящей дорогѣ перешелъ въ открытый споръ, причемъ смотрѣвшіе мрачно на предстоящую дорогу, съ студентомъ Л—омъ во главѣ, утверждали, что эта дорога настоящая ловушка со стороны правительства, которое де задумало всѣхъ насъ переморозить, а потому они настаивали на томъ, чтобы требовать отъ начальства принятаго для всѣхъ политическихъ способа ихъ отправки, т. е. не этапнымъ порядкомъ, а съ жандармами. Въ случаѣ отказа Л—онъ настаивалъ на необходимости сопротивленія. Противники возражали, что сопротивленіе поведетъ только къ примѣненію открытой силы со стороны начальства, что насъ въ лучшемъ случаѣ всѣхъ перевежутъ и увезутъ, а въ худшемъ—побьютъ прикладами, а то, пожалуй, пустятъ въ ходъ и штыки. Споръ разгорался, спорили долго и, по обыкновенію, ни къ чему опредѣленному не пришли, хотя «страшныхъ словъ» было произнесено не мало. Въ камерѣ собралось много народу и никто не обратилъ вниманія на новичка въ нашей партіи, присоединившагося къ намъ въ Красноярскѣ. По словамъ его, онъ былъ рабочій, судившійся, будто бы, по Московскому процессу, по фамиліи, если не ошибаюсь, О—въ. Приведенъ былъ онъ къ намъ всего нѣсколько дней и показался всѣмъ несимпатичнымъ, мало развитымъ человѣкомъ. Этотъ субъектъ, на другой день послѣ описанной бурной сходки, казался больнымъ и поступилъ въ больницу. Никто на это, конечно, не обратилъ вниманія.

Прошло еще нѣсколько дней; къ намъ какъ-то пришелъ изъ тюремной больницы Бондаревъ и сообщилъ, что субъектъ, поступившій отъ насъ въ больницу, человѣкъ очень подозрительный, что къ нему ежедневно является смотритель и они вмѣстѣ ходятъ по корридору и о чемъ-то таинственно бесѣдуютъ, что Бондаревъ самъ слышалъ, какъ субъектомъ въ бесѣдѣ были произнесены слова: «бунтъ, смертоубійство», но какой смыслъ имѣютъ эти слова Бондаревъ не знаетъ. Мы, разумѣется, также ничего не знали и не обратили на это никакого вниманія. Дальше узнаемъ, что вокругъ тюрьмы появились казаки, но къ чему и зачѣмъ также никто не зналъ. Случилось такъ, что какъ разъ въ это время въ нашей ка-

меръ предстояло празднованіе именинъ одного изъ почтенныхъ одеситовъ, теперь уже покойнаго, Гернета. Какъ я уже сказалъ, Гернетъ былъ секретаремъ одесскаго городского головы; всѣ его тамъ знали и любили.

Сослуживцы Гернета, дѣлопроизводители одесской городской управы, вспоминая прежніе годы и всегда весело проводившійся день именинъ Гернета, гдѣ-то на его дачѣ, на берегу моря, задумали и здѣсь, въ тюрьмѣ, несмотря на скудные средства, отпраздновать именины товарища. Надо было запасти именинныхъ яствъ и хотя бы одну бутылочку водки, что труднѣе всего достать въ тюрьмѣ. Долго объ этомъ судили-рядили, пока, наконецъ, выискался одинъ изъ знакомыхъ Гернета раздобыть водку отъ уголовныхъ арестантовъ. Это былъ нѣкій Ф—овъ, маленькій, тщедушный, но очень рѣшительный человѣкъ.

Въ день именинъ Гернета, когда насъ всѣхъ вывели на прогулку. Ф—овъ отдѣлился отъ гуляющихъ и незамѣтно проскользнулъ въ отдѣленіе уголовныхъ. Прошло достаточно времени, насъ давно уже ввели въ камеры, а Ф—овъ все не является. Къ закускамъ, разставленнымъ на столѣ въ углу Гернета, никто не дотрагивается въ ожиданіи водки. Подали наконецъ тюремный обѣдъ, всѣ мы, не близкіе знакомые Гернета, начали обѣдать, какъ вдругъ со двора, у наружной двери нашего корридора, раздается громкій крикъ Ф—ова:

— Товарищи! меня грабятъ, выручайте!

Всѣ, кто былъ въ эту минуту въ корридорѣ, а также выбѣжавшіе на крикъ изъ камеръ, моментально очутились у двери, и послѣ дружнаго напора выскочила наружная скобка вмѣстѣ съ замкомъ и дверь раскрылась. Передъ зрителями была такая сцена: на крылечкѣ боролись два человѣка—часовой и Ф—овъ. У часового изъ-подъ борта шинели выглядывало горлышко бутылки, другая была въ рукахъ Ф—ова и ее-то онъ ни за что не хотѣлъ отдать часовому. Десятки рукъ моментально схватили Ф—ова и втащили его въ корридоръ. Дверь наружу была открыта, и на крылечкѣ все еще стоялъ часовой.

Всѣ участники происшествія мирно разошлись по своимъ камерамъ, не обративъ никакого вниманія на часового и не думая о томъ, что послѣдуетъ дальше.

Не прошло и часа послѣ описаннаго, какъ въ корридоръ ввалилась куча солдатъ, побрякивая ружьями, а впереди ихъ полковникъ Загаринъ, запыхавшійся, красный, производившій впечатлѣніе сильно выпившаго человѣка. Широко раскрывъ дверь нашей камеры, Загаринъ закричалъ громовымъ голосомъ:

— «Кто здѣсь бунтуетъ? Кто сломалъ дверь и осмѣлился прикасаться къ часовому?»

Въ камерѣ все молчало; всѣ были заняты своимъ дѣломъ. Участники именинъ Гернета, припрятавъ бутылку съ водкой, продолжали закусывать; остальные, сидя на нарахъ, доканчивали свой обѣдъ. Окрикъ Загарина повторился нѣсколько разъ. Наконецъ, ему отвѣтилъ Бор---овъ:

— Кричать тутъ незначѣмъ, мы не глухіе, дверей никто не ломалъ, а вольно же вамъ держать въ тюрьмахъ такія гнилыя двери, что къ нимъ нельзя дотронуться.

Загаринъ разсвирѣнѣлъ еще больше, спросилъ Б—ова кто онъ такой? и когда тотъ отвѣтилъ, что онъ «кандидатъ правъ», Загаринъ прогремѣлъ:

— Здѣсь нѣтъ никакихъ кандидатовъ, ни магистровъ, здѣсь всѣ арестанты, а я начальникъ восточно-сибирскаго тракта воленъ дѣлать съ бунтовщиками, что мнѣ заблагоразсудится. Я сейчасъ же велю заковать васъ въ ручные и ножные кандалы.

Тотчасъ же онъ приказалъ солдатамъ взять Б—ова и посадить въ карцеръ. Б—овъ пошелъ безъ сопротивленія. Въ это время слышался шумъ и топотъ шаговъ на лѣстницѣ съ верхняго этажа. То спускались товарищи сверху, слышавъ крикъ Загарина. На этотъ шумъ Загаринъ вышелъ изъ нашей камеры въ корридоръ. Мы всѣ также пошли за нимъ, вышли и каторжане изъ своей камеры. Загаринъ красивый, сильно возбужденный, стоя позади солдатъ, кричитъ идущимъ сверху товарищамъ: «Что за шумъ? Стой!»

Тѣ продолжаютъ медленно идти впередъ и, когда разстояніе между ними и солдатами стало не больше аршина, Загаринъ еще разъ закричалъ стой! а затѣмъ скомандовалъ солдатамъ: «Ружья на перевѣсъ!»

Прошла минута, въ которую насъ обуюлъ такой ужасъ, что мы всѣ стали кричать и просить товарищей остановиться. Благоразуміе взяло верхъ, и они остановились.

Картина была ужасная: передъ безоружной и беззащитной толпой людей, чуть не прикасаясь къ ихъ грудямъ, блестѣлъ рядъ направленныхъ въ нихъ штыковъ. Послѣ команды солдатамъ: «впередъ» ссыльные не оборачиваясь стали медленно отступать назадъ; солдаты съ протянутыми штыками, а за ними и Загаринъ, поднимались медленно, шагъ за шагомъ вверхъ по лѣстницѣ. Насъ, оставшихся сзади и каторжанъ тотчасъ же заперли по камерамъ. Сверху вскорѣ стали доноситься шумъ и крикъ все того же Загарина. Тамъ въ одной изъ камеръ повторилась та же сцена, что и у насъ. На тѣ же окрики Загарина — «кто бунтовалъ, кто ломалъ дверь», студентъ Л—онъ отвѣчалъ: «Вы пьяны, чего вы кричите?» Загаринъ приказалъ солдатамъ взять Л—она и отвести въ карцеръ. Произошла борьба: товарищи схватили Л—она сзади и не давали солдатамъ, пока самъ Л—онъ, боясь быть перерваннымъ на двое, сталъ просить товарищей опустить его. Во время этой борьбы одинъ изъ ссыльных—Ш—ерь, здоровенный мужчина, схвативъ пустую парашу, бросилъ ее въ стоящаго у двери Загарина. Послѣдній какъ то ловко увернулся, и параша попала въ стѣну корридора. Послѣ этого Загаринъ окончательно потерялъ самообладаніе, сталъ неистово кричать, браниться и, наконецъ, велѣлъ позвать тюремнаго кузнеца съ кандалами. Вскорѣ слышался сверху лязгъ желѣза и стукъ молота. То заковывали всѣхъ бывшихъ въ камерѣ въ ручные кандалы.

Во все время этого заковыванія присутствовалъ самъ Загаринъ и не переставалъ кричать: «Я вамъ покажу, какъ бунтовать» и пе-

реругиваться съ ссыльными. Часа два длилась эта тяжелая сцена. Наконецъ, все кончилось, камеры были заперты, въ корридорахъ, кромѣ надзирателей, оставлены были солдаты, и все замолкло...

Потянулись томительные дни сидѣнія запертыми въ камерѣ безъ прогулокъ, безъ добавочной на нашъ счетъ пищи. Четверо изъ товарищей: Б—овъ, Бать, Л—онъ и Ш—еръ, закованные въ ручные кандалы, сидѣли въ карцерѣ на хлѣбѣ и водѣ. Около 20-ти человѣкъ, также закованные, были заперты въ камерѣ верхняго этажа.

Тѣмъ временемъ между Красноярскомъ и Иркутскомъ усердно работала телеграфъ: отсюда доносили о бунтѣ и бунтовщикахъ и спрашивали высшее начальство, какъ поступить съ послѣдними. Въ это время насъ, какъ-то, посѣтилъ красноярскій губернаторъ, сѣдой, благообразный старикъ. Онъ сообщилъ, что насъ на дняхъ отправятъ дальше, ждутъ только послѣднихъ распоряженій изъ Иркутска. Его осаждали жалобами на Загарина, придавашаго характеръ бунта самому обыкновенному событію въ тюрьмѣ и принявшему ничѣмъ не вызванныя рѣшительныя мѣры. Губернаторъ тотчасъ же велѣлъ освободить заключенныхъ изъ карцера и снять кандалы со всѣхъ, на кого они по распоряженію Загарина были наложены. Всѣ камеры были снова открыты, и мы теперь могли свободно дѣлиться впечатлѣніями пережитаго. Прошло еще нѣсколько дней и, наконецъ, послѣдовала расправа за «бунтъ»: Б—ова, Батя, Л—она и Ш—мера, признанныхъ Загаринымъ зачинщиками, вскорѣ увезли въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири—Верхоянскъ и Колымскъ. Отдѣлили и также скоро увезли каторжанъ, предварительно заковавши ихъ въ ножные кандалы и переодѣвъ въ арестантское платье.

Административно-ссылные были отправлены нѣсколько позже. Ихъ прежде всего раздѣлили на двѣ категоріи: привилегированныхъ и непривилегированныхъ. Послѣднихъ Загаринъ хотѣлъ заковать въ ручные кандалы и вести пѣшкомъ, какъ уголовныхъ, но эта затѣя ему не удалась, такъ какъ и привилегированные потребовали примѣненія къ себѣ той же мѣры.

Такъ печально окончилось одно изъ невиннѣйшихъ тюремныхъ происшествій, принятое плохо освѣдомленнымъ и злобнымъ сибирскимъ начальствомъ за «бунтъ».

Як. Заполярный.

„Священная Дружина“ и „Народная Воля“.

Записка К. А. Бороздина.

Въ сентябрьской книгѣ «Былого» за 1906 годъ Н. Я. Николадзе подробно разсказалъ о своемъ посредничествѣ въ переговорахъ сановной знати съ народовольцами въ 1882 году. Статья Н. Я. Николадзе оглашеніемъ многихъ неизвѣстныхъ подробностей содѣйствовала уясненію этого эпизода, имѣющаго несомнѣнно немаловажное историческое значеніе, но далеко не раскрыла всей его дѣйствительной сущности. Оставались неразрѣшенными вопросы о томъ, отъ кого же въ концѣ концовъ исходила инициатива переговоровъ—отъ правительства или отъ сановныхъ добровольцевъ; какіе виды преслѣдовали инициаторы переговоровъ—умиротворенія или уловленія; каково было дѣйствительное положеніе въ дѣлѣ участниковъ этого эпизода и, прежде всего, того К. А. Б.—на, который, по разсказу самого Н. Я. Николадзе, явился чуть ли не устроителемъ всего дѣла. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность опубликовать разсказъ о переговорахъ, написанный самимъ К. А. Б.—нымъ, и огласить его имя: это —Корнилій Александровичъ Бороздинъ. Историческая цѣнность его записки не подлежитъ сомнѣнію, но до ознакомленія съ ней считаемъ необходимымъ предпослать ей нѣкоторыя данныя, безъ знанія которыхъ чтеніе этого документа не могло бы принести надлежащей пользы. И изъ словъ Бороздина, и изъ другихъ данныхъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи, съ полной достовѣрностью извѣстно, что переговоры съ народовольцами при посредничествѣ Николадзе такъ же, какъ и переговоры при посредничествѣ д-ра Нивинскаго, были начаты и ведены по инициативѣ, на средства и подъ непосредственнымъ руководствомъ «Священной Дружины»—организациі, выросшей изъ «Добровольной Охраны», создавшейся въ первые же дни по смерти Александра II. Кое-какія подробности объ устройствѣ этой организациі читатель найдетъ и въ разсказѣ Бороздина, другія, многочисленнѣйшія, мы надѣемся опубликовать въ недалекомъ будущемъ. Бороздинъ даже и не былъ членомъ «Священной Дружины»: онъ былъ лишь на службѣ у «Дружины», былъ дѣятельнѣйшимъ ея агентомъ. И врядъ ли мы ошибемся, если будемъ утверждать, что Бороздинъ, какъ никто другой изъ членовъ «Священной Дружины», содѣйствовалъ теоретическому обоснованію принциповъ «Священной Дружины» (понятно, этотъ терминъ нужно понимать въ *условіяхъ мѣста*), и что чуть ли не однимъ Бороздинымъ были доставлены всѣ свѣдѣнія, которыми располагала «Священная Дружина» по вопросу о политической благонадежности и даже преступности всей нашей литературы и всей нашей интеллигенціи. Стоя на этой точкѣ

зрѣнія, читатель пойметъ цѣну характеристики Н. Я. Николадзе, сдѣланной Бороздинымъ, и значеніе его сообщеній.

Слѣдуя принятому нами правилу, мы ознакомили съ текстомъ «Записки» К. А. Бороздина Н. Я. Николадзе. Послѣдній сдѣлалъ цѣлый рядъ замѣчаній, которыя мы и печатаемъ вслѣдъ за «Запиской». Н. Я. Николадзе указалъ не мало ошибокъ и невѣрностей и отмѣтилъ ихъ тенденцію. Съ своей стороны мы не можемъ не указать на такой, напримѣръ, грубый промахъ «Записки». Все, что разсказано въ ней о Л. К. Бухѣ, объ его арестѣ въ типографіи въ Саперномъ переулкѣ, о его осужденіи,—все это невѣрно. Взятъ былъ въ типографіи, осужденъ и находился въ каторгѣ не Л. К., а его братъ Н. К. Бухъ; побѣга съ каторги онъ не совершалъ. За-границей же, дѣйствительно, проживалъ въ 1882 году Л. К., но въ этомъ дѣлѣ и онъ никакой активной роли не игралъ. И такая ошибка въ «Запискѣ» Бороздина далеко не единственная. Всѣ неоговоренныя примѣчанія подъ текстомъ принадлежатъ Бороздину.

Дѣйствующихъ лицъ Бороздинъ въ своей запискѣ обозначаетъ литерами и прозвищами. Мы имѣемъ возможность ихъ вскрыть. Х. у него—Н. Я. Николадзе; *Наболшій*—вождь «Священной Дружины» графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, кн. Щ.— князь А. П. Щербатовъ; гр. Ш.— графъ П. П. Шуваловъ; К.—М. Н. Катковъ. Ред.

Въ ходѣ исторіи борьбы нашего правительства съ крамолою постоянно проявлялись и одно другое смѣняли два различныя теченія: то крайняя репрессія нигилистовъ, то какое то заискиваніе въ нихъ. Объясняется это неточнымъ пониманіемъ явленія, съ которымъ власти приходилось имѣть дѣло, и она дѣйствовала по большей части эмпирически.

Въ процессахъ, бывшихъ въ Петербургѣ и другихъ нашихъ городахъ, прокуратура въ обвинительныхъ рѣчахъ представляла иногда крамолу въ самыхъ колоссальныхъ размѣрахъ, насматривала въ фактахъ, разбиравшихся на судѣ, существованіе цѣлсй организаціи, глубоко пустившей корни и за неимѣніемъ положительнаго матеріала для подкрѣпленія своей теоріи, вдавалась въ область фантазіи и догадокъ *).

А иногда та же прокуратура силилась доказывать противное, а именно, что въ крамолѣ никакой организаціи не существуетъ, а все дѣло состоитъ въ замыслахъ и продѣлкахъ нѣсколькихъ личностей, успѣвшихъ набрать себѣ шайку единомышленниковъ, и что съ поимкой ея все само собою прекращается **).

*) Этими приемами отличался въ особенности кievскій военный прокуроръ В. Стрѣльниковъ. Имѣя въ рукахъ своихъ матеріалъ, въ которомъ „ни собственнаго признанія, ни свидѣтельскихъ показаній“ почти не было, онъ строилъ свое обвиненіе на однихъ лишь несущественныхъ доказательствахъ и усвоилъ себѣ не совѣтъ логическую формулу: „*ниспроверженіе государственнаго устройства въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ*“. Ораторскій талантъ, талантъ критика при страстности натуры, часто заставляли его до того увлекаться, что онъ позволялъ себѣ неумѣстную проноію и сарказмъ надъ подсудимыми и выводы свои основывалъ не на спокойномъ, безстрастномъ разсужденіи, а на остроумныхъ догадкахъ и логическихъ скачкахъ.

**) Бывшій прокуроръ с.-петербургскаго окр. с. г. Муравьевъ принадлежалъ къ числу умалившихъ значеніе крамолы до такой степени, что и Желябова онъ считалъ выдумывающимъ организацію, которой на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Въ томъ же духѣ дѣйствовала и административная власть. Въ одномъ мѣстѣ наваливалась она всю тяжестью репрессіи на личности, по мнѣнію ея, подозрительныя, безъ всякой церемоніи и безъ всякаго разбора, задерживала ихъ, наполняла ими тюрьмы, по цѣлымъ годамъ томила ихъ тамъ *) или высылала въ мѣста отдаленныя. А въ другомъ мѣстѣ она видѣла въ нигилистахъ не болѣе, какъ мальчишекъ, которыхъ слѣдуетъ лишь посѣчь, а прибѣгать къ высылкамъ и арестамъ считала жестокою. Были такіе администраторы **), которые съ особенною любезностью относились къ нигилистамъ, высылаемымъ въ ихъ губерніи, и явно имъ покровительствовали.

Такая двойственность въ дѣйствіяхъ суда и администраціи еще болѣе расшевелила крамолу, и дошло, наконецъ, до проявленія ея насилія: пущены были въ ходъ кинжалъ и револьверъ.—Правительство обратилось тогда къ висѣлицѣ, а разъ до нея дошло, въ отвѣтъ на нее дѣйствія крамолы стали принимать болѣе мрачный характеръ: на сцену выступилъ динамитъ. Послѣ взрыва во дворцѣ—5 февраля 1880 года, предсѣдатель верховной распорядительной комиссіи, въ слѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Лорисъ-Меликовъ, взялся за лекарство уже запоздалое. Онъ искалъ себѣ опоры въ либеральствующей нашей интеллигенціи, стоящей за какой-то правовой порядокъ, и въ угоду ей упразднилъ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи, столь претившее нашему либеральному судебному вѣдомству. Какъ самостоятельное учрежденіе, каковымъ было III отдѣленіе, оно, дѣйствительно, было несообразностью и понятна вся разумность присоединенія его, какъ вѣдающаго государственную полицію, къ министерству внутреннихъ дѣлъ: но гр. Лорисъ-Меликовъ до того вѣрилъ въ могущество вліянія либераловъ на нигилистовъ и на существенность союза своего съ первыми, что нашелъ возможнымъ совсѣмъ обойтись безъ тайной полиціи и даже закрылъ кредитъ на нее въ 900 тыс. рублей. Но и такая сильная доза лекарства оказалась недѣйствительною: между либералами и ихъ питомцами—нигилистами, дошедшими до динамита, образовалась уже непересягаемая пропасть, и катастрофа 1 марта 1881 года краснорѣчиво доказала всю несостоятельность «диктатуры сердца и новаго вѣянія» (1). Ужасъ, наведенный на всю Россію, вызвалъ тогда, какъ чрезвычайную мѣру, учрежденіе охраны священной особы государя императора.

Въ эту страшную минуту всякій готовъ былъ жертвовать и своею жизнью и своимъ имуществомъ, чтобы послужить чѣмъ могъ своему отечеству и государю, и при такомъ общемъ воодушевленіи нашлось нѣсколько лицъ въ Петербургѣ, вліятельныхъ, располагающихъ значительными средствами, которыя составили между собою кружокъ, съ цѣлью собрать негласнымъ путемъ, какъ можно болѣе

*) Кибальчичъ три года просидѣлъ въ іевской тюрьмѣ за переданію имъ книжку „Хитрую механику“ какому-то грамотному рабочему.—Судъ за это присудилъ его къ двухмѣсячному аресту.

**) Князь Гагаринъ, (уже покойный) сынъ кн. Павла Павловича, въ бытность свою архангельскимъ губернаторомъ принималъ у себя въ домѣ сосланныхъ въ эту губернію нигилистовъ. Они были у него интимными людьми.

данныхъ о крамолѣ и тѣмъ содѣйствовать къ установленію правильнаго ея діагноза, а въ то же время и изыскать наилучшіе способы для борьбы съ нею и полнаго ея прекращенія. Въ основу программы этого кружка была положена совершенно правильная мысль, что противъ тайнаго врага надо дѣйствовать тайно; если существуетъ тайное политическое общество съ цѣлью ниспроверженія существующаго государственнаго строя, то противъ него успѣшно дѣйствовать можетъ лишь невидимое, тайное общество.

Вступивъ въ этотъ кружокъ съ самаго его зарожденія и имѣя въ теченіе цѣлаго года нѣсколько весьма серьезныхъ отъ него порученій, я былъ посвященъ во многія главнѣйшія свѣдѣнія, добытыя совокупною его дѣятельностью и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ, которыя считаю недалекими отъ истины и которыми считаю, быть можетъ, излишнимъ подѣлиться со всѣми интересующимися этимъ дѣломъ.

I.

Бывшіе политическіе процессы и подпольная пресса внутри Россіи и за границей ясно опредѣлили значеніе существующихъ партій «Народной Воли» и «Чернаго Передѣла». Эти два развѣтвленія одной русской соціально-революціонной партіи преслѣдуютъ различныя цѣли: первое добивается полнаго разрушенія существующаго государственнаго и общественнаго строя, — второе, не касаясь до государства, преслѣдуетъ однѣ лишь соціалистическія цѣли и стремится къ такому передѣлу земель, въ которомъ онѣ должны остаться исключительно въ рукахъ крестьянъ, земледѣльцевъ, ихъ обрабатывающихъ. Въ самой партіи «Народной Воли» существуютъ двѣ категоріи: *постепеновцевъ*, желающихъ вести революцію путемъ медленнымъ, мирнымъ, и *террористовъ*, ведущихъ ее огнемъ и мечемъ.

Остановимся на партіи народовольческой, какъ самой опасной и многочисленной.

1) Катихизисъ кратокъ, несложенъ и вытекаетъ изъ жалобы на существующій порядокъ. Мы передадимъ его въ той формѣ, какъ слышали сами изъ устъ народовольца.

«Народъ приниженъ, загнанъ, разоренъ, обезличенъ; грабитъ его всякій имѣющій власть, а царь не только не защищаетъ, но и не желаетъ защищать. Онъ не желаетъ свободы народу. Съ прежнимъ царемъ за все это учинена уже расправа, а настоящій потерялъ довѣріе къ себѣ и заслуживаетъ того же. Землю народу онъ не даетъ: окружилъ себя опричниками чиновниками и шпионами, народу недоступенъ, войску ввѣрилъ свою охрану и вполне оправдываетъ на себѣ пословицу: «попъ съ крестомъ, а царь съ кнотомъ». Милосердію его никто не вѣритъ; помилованіе осужденныхъ къ смертной казни—вынужденный маневръ и притомъ фиктивный,—на дорогѣ въ ссылку ихъ придушаютъ. Судомъ допускаются пытки, всѣхъ казенныхъ пытали между приговоромъ и казнью; всѣхъ сосланныхъ въ каторгу истребляютъ медленнымъ тиранствомъ: примѣръ на тюрьмѣ въ Нижней Карѣ. Всякій русскій честный человѣкъ, любящій

свою родину, долженъ стремиться къ тому, чтобы разрушить этотъ невыносимый порядокъ государственнаго строя».

2) Организациа народовольческой партіи въ фундаментъ своемъ имѣтъ, по преимуществу, учащуюся молодежь. Фактъ этотъ крайне прискорбенъ, но несомнѣненъ.—Въ теченіе двадцати лѣтъ вырабатываются у насъ уставы для высшей школы и ничего не могутъ придумать такого, что бы ставило молодежь въ надлежащія условія, при которыхъ она могла бы только учиться и отнюдь не выходить изъ сферы учебныхъ интересовъ.—Въ дѣйствительности же оказывается, что между молодежью и ученой корпораціею профессоровъ вырастаетъ все болѣйшій разладъ, учебныя цѣли замѣтно отодвигаются на второй планъ, и студенты все болѣе и болѣе втягиваются въ политическое движеніе, охватившее современное общество. Слово студентъ сдѣлалось уже синонимомъ «политическаго агитатора» и повторяется въ этомъ значеніи даже сѣрымъ людямъ; мы слышали сами, какъ извозчики съ отгѣнкомъ ироніи перебранивались этой кличкой. Высшая школа приняла характеръ политическаго клуба и преобрѣла въ этомъ смыслѣ значеніе извѣстной силы, къ активности которой прибѣгаютъ съ разныхъ сторонъ.—Понадобилось, напримѣръ, народовольцамъ удалиться съ министерства г. Сабурова, обманувшаго ихъ надежды, и вотъ они дѣлаютъ орудіемъ своимъ студентовъ: говорятъ, Желябовъ и Перовская были въ актовомъ залѣ университета въ то время, какъ дѣйствовали Бернштейнъ и Пѣдбѣльскій. Понадобилось министру народнаго просвѣщенія г. Делянову исходатайствовать Полякову баронскій титулъ, и вотъ университетское начальство подстраиваетъ адресъ 100 человѣкъ студентовъ, поселенныхъ въ коллегіи императора Александра II, построенной Поляковымъ. Адресъ этотъ влечетъ за собою извѣстную исторію, вслѣдствіе которой исключается другихъ 100 человѣкъ. При дѣйствіяхъ своихъ въ этой исторіи начальство университетское показало крайнее неуклюжество обратившись къ содѣйствію полиціи. Триста человѣкъ студентовъ были окружены городскими и ихъ отвели въ манежъ Павловскаго военнаго училища. Народъ видѣлъ эту процессію и по своему истолковалъ ее: «студенты бунтуютъ», вотъ что онъ говорилъ и это накопляло чувство неудовольствія его на «студента»; чувство, которое можетъ при случаѣ проявиться въ той же формѣ, какъ и съ мясниками Охотнаго ряда.

Словомъ высшая наша школа стоитъ на почвѣ ей совсѣмъ неподобающей, и этотъ фактъ въ особенности чувствуется въ Петербургѣ, гдѣ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ насчитывается до 7000 студентовъ. Цыфра весьма почтенная, если принять во вниманіе интеллигентность этой среды и бродящую въ ней народовольческую закваску, за послѣдніе два года сильно растворившуюся. Первоначальными клѣточками народовольческой партіи являются студенческія землячества и отдѣльные кружки. Въ каждомъ изъ нихъ, сформировавшихся съ цѣлью самопомощи, находится нѣсколько группъ, каждая имѣетъ своего выборнаго представителя, а во главѣ землячества или кружка стоятъ распорядитель и его товарищъ. У нихъ находится касса, образуемая изъ единовременныхъ взносовъ и выручки отъ вечеровъ, пикниковъ и пр., ими устраиваемыхъ. Извѣстный

процентъ изъ кассы предназначается на помощь ссыльнымъ и заключеннымъ, и онъ вносится распорядителемъ въ другую уже высшую клѣточку— *центральный кружокъ студенческій*. Этотъ кружокъ передаетъ деньги делегату кружка высшаго и ему неизвѣстнаго и такимъ образомъ схема организациі образуетъ видъ пирамиды, вѣнчающейся мѣстнымъ центральнымъ комитетомъ. Сверху идутъ приказанія, а снизу безусловное повиновеніе.

У насъ есть одно ходячее мнѣніе, что крамола наша есть явленіе безпочвенное, не имѣющее никакой угрожающей будущности, и что если бы только приняты посерьезнѣе въ смыслѣ репрессивномъ, то, конечно, съ нею давно бы справились. Говорятъ при этомъ, что разбирая всѣ факты изъ террористической хроники, которымъ мы были свидѣтелями, приходишь къ тому убѣжденію, что во всѣхъ бывшихъ процессахъ фигурировали почти все однѣ и тѣ же личности и притомъ по большей части рецидивисты. Почти всѣ они, по крайней мѣрѣ самые главные, были задержаны, казнены и сошли уже со сцены, а затѣмъ, оставшаяся незначительная наличная группа не представляетъ собой ничего серьезнаго, и тѣхъ изъ нихъ, которые не ушли за границу, не трудно прикончить. Но такое мнѣніе можетъ поддерживать людьми, незнакомыми съ внутреннимъ міромъ нашего студенчества и умственного пролетаріата вообще, съ прямолинейностью характеровъ, встрѣчающихся въ этой средѣ, далеко не въ видѣ исключеній, и съ тѣмъ ужасающимъ разладомъ, который царитъ между ихъ идеалами и дѣйствительностью. Тутъ всегда готовъ легіонъ Желябовыхъ, Гартмановъ, Перовскихъ и т. п.

Проникнуть въ эту среду, хотя и было весьма не легко, но я достигъ этого при посредствѣ внутреннихъ тайныхъ агентовъ, которыхъ мнѣ удалось найти въ нѣсколькихъ землячествахъ и кружкахъ студенческой молодежи. Все это были молодые люди самаго честнаго направленія, они были посвящены въ цѣли и возвышенныя стремленія тайнаго кружка, къ которому я объяснилъ свою принадлежность, не видѣли ничего общаго между нимъ и какимъ либо тайнымъ полицейскимъ учрежденіемъ и потому съ полною добросовѣстностью и охотою чуть не изо дня въ день, сообщали мнѣ обо всемъ совершающемся въ жизни тѣхъ кружковъ, къ которымъ принадлежали.—Они сами были проникнуты твердымъ намѣреніемъ препятствовать проявленію какихъ либо замысловъ террористическаго характера. Эти сообщенія, записываемыя мною весьма точно и подробно, представляютъ собою чрезвычайно интересный сырой матеріалъ, обрисовывающій собою міръ внутренній въ жизни народовольческой молодежи.

3) Но если народовольческую партію можно такимъ образомъ оглядѣть снизу и составить себѣ приблизительное понятіе о ея организациі, сводящейся къ центру или центральному комитету, то составъ террористической ея фракціи возможно знать только сверху, т. е. будучи посвященнымъ въ тайны центрального комитета. Комитетъ самъ вербуетъ и распределяетъ по категоріямъ группы, необходимыя для практическихъ цѣлей. Этими группами четыре: 1) пропагандисты и агитаторы рабочаго движенія, 2) пропагандисты и агитаторы среди интеллигенціи. 3) силы боевыя и группы террора (развѣдчики и

Петръ Алексѣвичъ
АЛЕКСѢЕВЪ.

топографы), 4) группа присканія и добыванія средствъ. За точность этихъ свѣдѣній мы не можемъ ручаться, такъ какъ они извлечены лишь изъ гектографическихъ программъ, врашающихся въ кружкахъ народовольцевъ; но мы можемъ только высказать свое глубокое убѣжденіе, что самый усовершенствованный аппаратъ тайной полиціи, при самомъ искусномъ содѣйствіи полиціи наружной, можетъ только выхватывать изъ рядовъ, какъ народовольческой организациі, такъ и ея фракціи террористической, время отъ времени, отдѣльныя личности, группы и, быть можетъ, даже и главарей ихъ, но дойти до полнаго уничтоженія кадровъ организациі онъ безсильнъ, такъ какъ они немедленно пополняются свѣжими силами, выдѣляющимися изъ многочисленной среды русскаго мыслящаго пролетариата. Всякая казнь террористовъ вызываетъ въ этой средѣ лишь большее воодушевленіе, доходящее до изступленія. — Софія Перовская была первая повѣшенная женщина и ея казнь вызвала сразу колоссальный приростъ женскаго персонала партіи Народной Воли. Всѣ эти неофитки обрели себя на висѣлицу и мечтаютъ съ женскою нервозностью о висѣннѣ на веревкѣ, какъ о какомъ то высшемъ наслажденіи *). Поэтому одна система наступательная, а съ нею вмѣстѣ и репрессія являются не только палліативами, но факторами къ искусственному развитію террористическаго движенія.

4) Терроръ не есть догматъ ученія народовольческой партіи, а лишь крайнее проявленіе борьбы ея съ сильнѣйшею властью: онъ вытекаетъ изъ убѣжденія и является средствомъ своему безсилію дать силу устраниенія. — Нашъ нигилизмъ имѣетъ большую аналогію съ расколомъ и ее не отрицалъ такой глубокой мыслитель и знатокъ русскаго народа, какъ Достоевскій. — Расколъ выросъ и дошелъ до крайняго фанатическаго своего проявленія *самосжиганія* вслѣдствіе репрессіи, направленной на него, и та же причина довела нигилистовъ до кинжала, револьвера и наконецъ динамита. — Различіе крайнихъ исходовъ того и другого явленія объясняется различіемъ догматовъ ученія. — Съ одной стороны мученическая смерть за святую, чистую вѣру, завѣщанную Спасителемъ, которой угрожалъ антихристъ сошедшій въ міръ, съ другой — отрицаніе всякой вѣры, одна лишь позитивная философія и полное социальное переустройство человѣчества, для достиженія котораго всѣ средства доступны и крайними изъ нихъ являются огонь и мечъ.

Какъ бы то ни было, но мы полагаемъ, что для борьбы съ подобнымъ явленіемъ однѣ полицейскія и карательныя мѣры недостаточны, такъ же, какъ онѣ были недостаточны и съ расколомъ.

Вотъ заключенія, къ которымъ я пришелъ, и послѣ того знакомство съ верхами народовольческой партіи представлялось для меня наиболѣе интереснымъ. Но какъ туда, на эти самые верхи проникнуть, задача въ высшей степени трудная. Мнѣ предстояло заручиться такимъ опытнымъ и толковымъ туда проводникомъ, который былъ бы тамъ не чужимъ и въ то же время могъ бы быть и моимъ сотрудникомъ

*) Кутитонская уже послѣ казни Перовской стрѣлила въ губернатора Ильшевича въ Сибирѣ.

въ дѣлѣ извѣстнаго воздѣйствія на среду народовольческую въ смыслѣ прекращенія террора. Въ нашемъ кружкѣ имѣлось много именъ, принадлежащихъ къ такъ называемой высшей интеллигенціи, тутъ были и литературныя и ученыя и адвокатскія извѣстности, которыхъ считали имѣющими большое значеніе въ народовольческой партіи; со многими изъ нихъ я былъ знакомъ и сблизиться представлялась возможность, — вся суть была въ выборѣ. — Послѣ строгаго обсужденія я остановилъ его на Х., редакторѣ одной провинціальной газеты. Черезъ посредство его я рѣшилъ дѣйствовать, и планъ мой былъ одобренъ кружками.

Но прежде чѣмъ излагать отчетъ о дальнѣйшихъ моихъ дѣйствіяхъ, считаю необходимымъ остановиться на личности самого Х., и очеркомъ ея выяснить мотивы, опредѣлившіе мой выборъ.

II.

Х., уроженецъ Кутаисской губ., Шорапанскаго у., имеретинъ. Отецъ его крестьянинъ, торговавшій по купеческому свидѣтельству, зажиточный человѣкъ; сознавая важность образованія, опредѣлилъ старшаго сына своего въ кутаисскую гимназію и тотъ вскорѣ обнаружилъ замѣчательныя прилежаніе и способности. По мѣрѣ успѣховъ его сталъ обозначаться въ немъ и мыслящій, серьезный юноша, въ высшей степени самолюбивый и чувствительный ко всякой несправедливости.

Эта послѣдняя черта въ особенности обнаружилась при одномъ случаѣ, когда ему было еще 12 лѣтъ.

За убійство въ минуту гнѣва и запальчивости кутаисскаго генералъ-губернатора князя Гагарина, Сванетскій владѣлецъ князь Константинъ Дадешкиліани былъ приговоренъ къ разстрѣлянню. Казнь происходила за городомъ; въ толпѣ, окружавшей столбъ, къ которому привязали осужденнаго, стоялъ и мальчикъ Х. рядомъ съ богатымъ помѣщикомъ, княземъ Н. Ц., какъ извѣстно было мальчику, близкимъ пріятелемъ Сванетскаго князя.

Къ удивленію своему мальчикъ услышалъ изъ устъ своего сосѣда самую площадную брань на осужденнаго и понялъ всю фальшь его. Когда же раздался залпъ и Дадешкиліани, пораженный градомъ пуль, повалился въ яму вмѣстѣ со столбомъ, а князь Ц., поднявъ съ земли камень, бросилъ имъ еще въ находившагося въ конвульсіяхъ казненаго, Х. не вытерпѣлъ, плюнулъ ему въ лицо и обругалъ его подлецомъ, а самъ упалъ въ истерическомъ припадкѣ. Происшествіе это огласилось на весь городъ, отцу пришлось какъ богатому крестьянину заплатить значительный кушъ князю Ц., чтобы того умиловить. Онъ заставилъ сына униженно просить прощенія у Ц. и жестоко наказалъ его розгами (2).

Никто конечно въ душѣ не сочувствовалъ князю; фактъ говорилъ самъ за себя, но онъ во всякомъ случаѣ обнаружилъ крайнюю силу впечатлительности мальчика.

По окончаніи курса гимназіи въ 1861 г., 18 лѣтъ, первымъ учени-

комъ, Х. просилъ отца разрѣшить ему ѣхать учиться въ университетъ. Тотъ смотрѣлъ на высшее образованіе, какъ на роскошь, и желалъ имѣть въ сынѣ прежде всего помощника по торговлѣ, а сынъ, не чувствуя призванія къ этого рода занятію, мечталъ черезъ университетъ дойти до права поступленія въ военную службу; крестьянинъ тогда не могъ иначе достигнуть офицерскаго чина.

Послѣ нѣкоторой борьбы, отецъ далъ однако же средства сыну ѣхать въ Петербургъ. Экзамены происходили въ концѣ августа. Х. пріѣхалъ еще весною, готовился нѣсколько мѣсяцевъ изъ латинскаго языка, котораго не учили тогда въ кутаисской гимназіи, а случай свелъ его съ писателемъ Чернышевскимъ; онъ познакомился съ его семьей и прожилъ съ ними все лѣто въ Царскомъ Селѣ. То были первые русскіе люди, съ которыми онъ сблизился, и конечно, влияние Чернышевскаго тотчасъ на него воздѣйствовало (3). Въ началѣ сентября, выдержавъ экзаменъ, онъ сталъ ходить на лекціи, но не прошло и двухъ недѣль, какъ произошли извѣстные университетскіе безпорядки по случаю матрикулъ. Увлеченный общимъ движеніемъ, Х. былъ арестованъ, какъ одинъ изъ самыхъ безпокойныхъ, и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ содержался съ 12-го октября по 6-ое декабря. Затѣмъ, когда его выпустили и объяснили, что онъ выключенъ изъ университета, какъ непринявшій матрикулы, и долженъ возвратиться на родину, онъ оставилъ Петербургъ (4).

Весь 1862 годъ прожилъ Х. у себя дома, а въ концѣ года поѣхалъ въ Казань, для того, чтобы попытаться вступить въ тамошній университетъ, но это ему не удалось и тогда направился онъ снова въ Петербургъ, гдѣ при покровительствѣ генераль-губернатора, князя Суворова, добился разрѣшенія быть вольнослушателемъ (5). Году не прошло, какъ климатъ петербургскій до того неблагопріятно подѣйствовалъ на его здоровье, что онъ сталъ проситься за границу; министръ внутреннихъ дѣлъ долго не разрѣшалъ и наконецъ, опять же при содѣйствіи князя Суворова и послѣ освидѣтельствованія физикатомъ, онъ получилъ заграничный паспортъ. Связь съ Чернышевскимъ привела его къ знакомству съ Герценомъ въ Парижѣ; тотъ самъ отыскалъ его на одной изъ мансардъ Латинскаго квартала и предложилъ сотрудничество въ «Колоколѣ» (6).

Это знакомство окончательно опредѣлило направленіе молодого человѣка (7), съ жадностью проглотившаго цѣликомъ, или лучше сказать заучившаго наизусть безпочвенное ученіе, которымъ Герценъ погубилъ цѣлый рядъ поколѣній нашей русской молодежи. Вся суть этого ученія была въ простотѣ и отрицаніи, и если Х. былъ къ нему въ особенности воспримчивъ, то это еще объясняется и тѣмъ, что между Герценомъ и имъ была одна общая черта—неудовлетворенность своимъ личнымъ социальнымъ положеніемъ: Герценъ никогда не могъ примириться со своимъ происхожденіемъ незаконнорожденного, а Х. сильно тяготился безправностью своею—крестьянствомъ (8).

Статьи его въ «Колоколѣ» подъ псевдонимомъ Рюнели о Закавказскомъ краѣ не отличались ни зрѣлостью, ни знаніемъ мѣстныхъ условій, ни пониманіемъ правительственныхъ видовъ; за то богаты были фантазій, претензій на ядовитость, и пропагандой сепаратизма (9).

Герценъ въ это время переносилъ свою типографію изъ Лондона въ Женеву, а туда же переселился и Х., поступивъ на юридическій факультетъ тамошняго университета. Вскорѣ освоился онъ на столѣ съ французскимъ языкомъ, что могъ сотрудничать въ мѣстной радикальной газетѣ (*Organe radical*)—*Nation Suisse*, редакторомъ которой былъ нѣкій г. Фази (10); Х. умѣлъ до того оживить своимъ перомъ эту газету, что на него обратили вниманіе и ему было предложено сотрудничество въ газетахъ «*Le Temps*» и въ «*Correspondance Havas*» (11).

Получая весьма немного отъ отца, недовольнаго долгимъ пребываніемъ его за границей, онъ содержалъ себя литературнымъ трудомъ, и въ то же время, подъ руководствомъ профессора Діамета, усердно занимался «политической экономіей», кончилъ же курсъ въ Цюрихѣ, подъ руководствомъ знаменитаго тогда профессора Бемерта и получилъ степень доктора правъ. Вернувшись въ 1863 году въ Петербургъ, онъ просилъ университетъ выдать ему, вмѣсто его докторскаго, дипломъ кандидатскій, и когда ему отказали, сталъ готовиться къ экзамену изъ всего курса.

Но пріѣхавъ сюда его отецъ и склонилъ его, бросивъ все, ѣхать съ нимъ на родину; старикъ былъ уже дряхль, слабъ здоровьемъ и Х. не могъ идти противъ его воли.

Въ 1871 году, Х. похоронилъ отца. Распорядиться оставшимся ему значительнымъ наслѣдствомъ онъ не сумѣлъ, его заманили грандіозные проекты. Приобрѣлъ онъ участокъ земли, содержащій въ себѣ каменный уголь, вошелъ въ сношеніе съ одной французской компаніей, съ цѣлью его эксплуатаціи, затратилъ много денегъ, надѣлалъ долговъ и запутался (12). Вредила ему много и репутація нигилиста. Мѣстный губернаторъ гр. Левашевъ, недовольный имъ за рѣзкія противъ себя корреспонденціи, явно ему надоброжелательствовалъ. Въ 1875 бросивъ каменный уголь, началъ онъ заниматься привычнымъ ему дѣломъ, редакціей сначала грузинской газеты «Дрозба», а потомъ редакціей «Тифлискаго Вѣстника». Газета шла не въ убытокъ. Въ 1877 году открылась война и онъ, по предложенію «Гаваса» и «Юлоса» поѣхалъ съ значительными отъ нихъ вознагражденіями въ чинъ корреспондента на театръ ея.

Состоя при штабѣ генерала Лорисъ-Меликова, былъ свидѣтелемъ всѣхъ сраженій и очень сблизился съ генераломъ. Корреспонденціи его были талантливы и полны интереса.

Въ 1878 году по окончаніи войны, онъ основалъ въ Тифлисѣ свою собственную газету «Обзоръ» и въ скоромъ времени сумѣлъ дать ей настолько интереса, что она не только нашла массу подписчиковъ въ Закавказскомъ Краѣ, но и обратила на себя вниманіе русскаго читающаго общества, въ особенности процессомъ между нимъ и тифлисскимъ цензурнымъ комитетомъ. Судъ въ обоихъ инстанціяхъ оправдалъ редактора, защищавшагося съ замѣчательною энергіею. Рѣши его приобрѣли ему такую популярность среди туземнаго городского класса, что его выбрали въ гласные тифлисской городской думы (13). При этомъ новомъ официальном положеніи редакторъ «Обзора» выступилъ ревностнымъ защитникомъ интересовъ города и повелъ атаку на дѣйствія тогдашняго губернатора князя Гагарина.

Тутъ подвернулась извѣстная исторія съ хлѣбомъ, о которой такъ много было писано во всѣхъ газетахъ, и воспользовавшись ею, Х. довелъ свою полемику до такого рѣзкаго тона неприличія, что великій князь намѣстникъ (14) долженъ былъ выслать его въ Ставропольскую губернію. Это было въ 1880 году. А въ 1881 году, въ февралѣ мѣсяцѣ съ него была снята спала и разрѣшено снова возвратиться въ г. Тифлисъ. Туда пріѣхалъ онъ не надолго и вскорѣ переселился въ Петербургъ, гдѣ при близкихъ связяхъ съ строителемъ Бакинской жел. дор., г. Палашковскимъ и при его содѣйствіи, получилъ мѣсто секретаря правленія Либаво-Роменской ж. д.

Этотъ, какъ бы формуляръ Х. мы считаемъ необходимою отбѣнить нѣкоторыми частностями, лучше всего рисующими его дѣятельность на родинѣ.

Вернувшись въ 1870 году, онъ нашелъ уже среди грузинской молодежи готовую почву для нигилистической пропаганды (15). До него еще учитель тифлисской гимназіи Виссаріонъ Гогоберидзе первый сталъ проповѣдывать сепаратизмъ и воспитывать молодежь въ такомъ направленіи, чтобы она ко всѣму русскому относилась враждебно и стремилась къ возрожденію какъ своей политической автономіи, такъ и своей національности (16). Кружокъ молодежи, недовольной русскими порядками, былъ уже сформированъ, увеличивался, и тутъ весьма удобно было начать пропаганду нигилизма, за что и взялся Х. Проповѣдь началась съ его сестеръ и кузинъ, а отъ нихъ она пошла распространяться и далѣе.

Редактируя грузинскую газету «Дрозба» и благодаря полному равнодушію и невниманію администраціи къ этой газеткѣ, рядомъ статей ознакомилъ онъ молодую Грузію съ ученіемъ социалистовъ. Дѣлалось это, конечно, при извѣстной подтасовкѣ: говорилось о Швейцаріи, о высокому просвѣщеніи ея, объ освобожденіи изъ-подъ владычества Австріи, о свободномъ проживаніи въ ней социалистовъ подъ покровительствомъ законовъ этой страны, излагались при этомъ догматы ихъ ученія и въ заключеніе проводилась аналогія между Швейцаріей и Грузіей (17).

Успѣхъ былъ блистательный, и мѣстныя власти—губернаторъ и жандармскій штабъ-офицеръ (18), все это видѣвшіе, тщетно указывали на творящееся высшему начальству; оно смотрѣло на все это, какъ на пустяки, которымъ лучше не придавать серьезнаго значенія. Интересна была форма, въ которой выразились отношенія туземнаго дворянства къ Х. Онъ всячески старался втереться въ дворянскую среду, а какъ мать его была дворянка Лордкипанидзе, то по довѣренности отъ нея пытался попасть на дворянскіе сѣзды, но все, что было постарше, смотрѣло на него съ пренебреженіемъ, не забывая его мужицкаго званія, и онъ даже подвергся раза два и побоямъ отъ нѣкоторыхъ князей стариковъ (19), за то въ средѣ молодежи онъ былъ кумиромъ и пророкомъ. Она обожала его и горячо поддерживала его домогательство добиться участія въ дворянскихъ дѣлахъ. Такъ напримѣръ, когда умеръ управляющій кутаисскимъ дворянскимъ банкомъ Гогоберидзе, то молодежь желала выбрать Х. на его мѣсто; на выборахъ произошло столкновеніе между стариками и молодыми, дошло

до рукопашной, и Х., присутствовавшему при этомъ, пришлось для своего спасенія выскочить въ окошко и бѣжать. Всѣ эти неудачи его, а въ особенности арестъ и запрещеніе выѣхать за границу, способствовали лишь сильнѣйшему поднятію его значенія среди туземныхъ нигилистовъ; имъ извѣстно было, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашей заграничною эмиграціей (20), часто бывали въ его рукахъ произведенія подпольной прессы, и это высоко ставило его въ ихъ глазахъ.

Составъ редакціи «Дрозды» всегда набирался изъ нигилистовъ, а когда онъ издавалъ «Обзоръ», къ нему присланъ былъ центральнымъ комитетомъ делегатъ (по словамъ его (21) никто иной, какъ знаменитый Кобозевъ), который имѣлъ порученіе предложить ему редакторство «Народной Воли». Они не сговорились и Кобозевъ уѣхалъ. Самый же фактъ присылки делегата центральнымъ комитетомъ показываетъ степень значенія, придаваемого ему народолюбцами.

Люди серьезные, живущіе въ томъ краѣ и наблюдавшіе надъ дѣятельностью Х., утверждаютъ, что онъ не столько разстроилъ свои дѣла неудачными коммерческими предпріятіями, сколько щедрою раздачею денегъ нуждающимся нигилистамъ изъ среды туземной. Многихъ онъ училъ на свой счетъ, отправлялъ въ Москву, Петербургъ и за границу. Словомъ онъ занялъ руководящее между нихъ положеніе, воспитывалъ ихъ для такъ называемой «легальной оппозиціи правительству» (это его собственное выраженіе), весь отдавался редакціи газетъ въ томъ же оппозиціонномъ направленіи и наконецъ дошелъ до полного торжества, до апофеоза, при процессѣ своемъ съ тифлисскою цензурой. Объ этомъ процессѣ много шумѣли и ликовали наши либеральствующія газеты обѣихъ столицъ; что и вызвало даже «Московскія Вѣдомости» на передовую статью, имѣвшую значеніе холоднаго душа.

Мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ нея нѣсколько выписокъ, чтобы дать понятіе о характерѣ и смыслѣ рѣчи Х. на судѣ. — «Быль судъ», говоритъ г. Катковъ, «судили въ Тифлисѣ, въ судебной палатѣ; обвинялъ, и обвинялъ энергически редакторъ мѣстной газеты «Обзоръ» г. Х. Обвиняемымъ было тифлисское цензурное вѣдомство; въ качествѣ прикосновеннаго къ дѣлу привлечено къ суду управленіе намѣстника кавказскаго. Судъ вынесъ обвинительный приговоръ. Восторгъ по его поводу сообщился въ Петербургъ. «Какая талантливая, глубоко прочувствованная, гуманная рѣчь!» воскликнулъ одинъ изъ петербургскихъ фельетонистовъ, говоря о рѣшившемъ дѣло обвинительномъ словѣ г. Х. съ пафосомъ, напоминающимъ восторги по поводу осужденія генерала Трепова въ дѣлѣ Вѣры Ивановны Засуличъ. Правда, между дѣлами этими есть нѣкоторая аналогія. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, судъ занимался не тѣмъ собственно дѣломъ, какое подлежало обсужденію. Въ Тифлисѣ на судъ было принесено неважное обвиненіе въ нарушеніи цензурныхъ правилъ (наказаніе для виновности ограничивается штрафомъ скромныхъ размѣровъ), а судили наши общіе порядки. Г. Х., какъ самъ объяснилъ это на судѣ, хотѣлъ изданіемъ своей газеты испытать, до какой границы можетъ идти у насъ «свобода» легальной оппозиціи существующему порядку.

Въ этихъ видахъ онъ примкнулъ къ крайнимъ органамъ столичной печати». Но газета подцензурная, какъ тутъ быть?... Х. выходитъ изъ затрудненія. Ему запрещаютъ статью, а онъ ее печатаетъ, ночью вламывается въ квартиру къ цензору и чуть не силою вырываетъ у него наборъ и печатаетъ, словомъ, какъ самъ онъ признается, идетъ путемъ самоуправства и оправдываетъ его тѣмъ, что цензоръ самозванецъ, назначенный неправильно предсѣдателемъ цензурнаго комитета. Но вотъ на судъ выступаетъ онъ самъ съ защитительнымъ словомъ.

«Въ этомъ словѣ главная суть процесса. Это не столько защитительная рѣчь по неважному обвиненію, сколько въ нѣкоторомъ родѣ манифестъ. Г. Х. вполне откровенно объясняетъ исторію и характеръ своей дѣятельности. «Уже десять лѣтъ назадъ», говоритъ онъ, «я задалъ себѣ цѣль—испробовать собственнымъ опытомъ, въ какой мѣрѣ возможно у насъ въ Россіи примирить интересы желательнаго и необходимаго общественнаго прогресса съ требованіемъ легальности, т. е. въ какой мѣрѣ наши законы, обычаи и порядки допускаютъ заботы (чи?) объ общественномъ развитіи. Съ этой цѣлью я рѣшилъ исчерпать все, что наши законы позволяютъ оппозиціи, разумѣется, легальной. Съ душевнымъ прискорбіемъ приходится мнѣ заявить теперь, что десятилѣтній мой опытъ не оправдалъ надеждъ и иллюзій друзей спокойнаго и мирнаго совершенствованія общества».

«Мирное и спокойное совершенствованіе при нашихъ порядкахъ», прибавляетъ отъ себя г. Катковъ, «оказывается невозможнымъ, остается прогрессъ немирными и беспокойными средствами. Дипломатическіе переговоры прерваны, приходится объявить войну. Съ своей стороны г. Х., оставивъ бесполезный путь легальности, сдѣлалъ по отношенію къ тифлисской цензурѣ опытъ, надо сказать, удачный, мирнаго прогресса».

«Во всякомъ обществѣ, продолжаетъ Х. далѣе въ своей рѣчи, на ряду съ довольными и счастливыми членами являются и недовольные, обездоленные, находятся люди, стремящіеся къ лучшимъ порядкамъ и судьбамъ. Мыслимъ ли былъ бы общественный прогрессъ безъ существованія такихъ элементовъ? Для мирнаго развитія страны желательно и необходимо, чтобы эти элементы имѣли возможность проявлять свои стремленія и доказывать свои убѣжденія. Когда элементы эти находятъ въ свободной печати возможность пропагандировать свои мысли и стремленія, въ нихъ оживаетъ надежда на будущность и вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывается и терпѣливость, и они убѣждаются, что сразу всего не передѣлаешь, что всѣхъ сразу не убѣдишь, и ждутъ десятки лѣтъ, не бросаясь въ крайности и не компрометируя выходками кропотливаго труда времени. Но когда эти жизненные элементы поневолѣ убѣждаются, что имъ не оставлено ни малѣйшаго мѣста на аренѣ открытой и легальной борьбы за убѣжденія, куда же вы прикажете имъ дѣться, какъ не въ область подпольной дѣятельности, для всѣхъ такъ нежелательной?»—«Такъ какъ дѣло идетъ», по замѣчанію г. Каткова, «не объ отвлеченномъ какомъ государствѣ, для котораго проектируется наилучшее устройство, и всякій понимаетъ о какихъ нашихъ «недовольныхъ» и «подпольныхъ» жизненныхъ эле-

ментахъ идетъ рѣчь, то едва ли совѣтъ г. Х. можно счесть достаточно практичнымъ. Да и сулить онъ не особыя блага. Дайте имъ свободу доказывать и они, видите ли, будутъ терпѣливѣе, перестанутъ компрометировать «дѣло» выходками и на нѣсколько лѣтъ отложатъ операціи, давъ времени сдѣлать работу...

Но этихъ выписокъ совершенно достаточно для того, чтобы выполнѣ выяснить «процессъ» и «содержаніе рѣчи» или какъ называетъ ее г. Катковъ «манифестъ» г. Х. Оправданіе его судомъ было апофеозомъ его среди тифлисской и всей закавказской интеллигенціи. Фонды его поднялись и въ матеріальномъ отношеніи. Армяне, народъ практическій, сейчасъ же смекнули, что такой человѣкъ имъ очень пригоденъ для отстаиванія ихъ интересовъ въ думѣ и выбрали его въ гласные (22). Опыяненный блистательнымъ успѣхомъ на судѣ, Х. горячо взялся за городское дѣло, столкнулся съ кн. Гагаринымъ и на этотъ разъ угодилъ въ Ставропольскую губернію.

Замѣчательно, что когда его отправляли изъ Тифлиса, у него было всего 50 руб., несмотря на то, что и армяне не скупились на содержаніе его, какъ гласнаго (23), и газета давала доходъ; деньги всегда разбирала у него масса прихвостней-нигилистовъ.

III.

Итакъ, вотъ что была за личность, на которой я остановилъ выборъ для того, чтобы при ея содѣйствіи—проникнуть въ верхи народовольческой партіи.

Жизнь, исковерканная съ самой молодости, положеніе общественное шаткое, вслѣдствіе политической неблагонадежности, запутанность въ матеріальномъ отношеніи, разбитое честолюбіе, вслѣдствіе того глубокое озлобленіе противъ правительства и при всемъ этомъ блестящій умъ, обширное образованіе, даръ слова и несомнѣнный талантъ публициста; мнѣ сдавалось, что съ такимъ человѣкомъ, если имъ овладѣть, воодушевить и увлечь, можно многое сдѣлать.

Я всегда былъ того мнѣнія, что только начальство наше могло проглядѣть такого человѣка, осыпая въ то же время и деньгами и наградами массу бездарностей, коптящихъ лишь небо. Въ Закавказскомъ краѣ онъ могъ быть положительною, а не отрицательною силою; мнѣ сдавалось, что и теперь еще не поздно сдѣлать изъ Х. полезнаго дѣятеля, расшевеливъ его честолюбіе (24).

Но какъ подойти къ нему, не возбудивъ въ немъ, прошедшемъ черезъ огонь и воду, подозрительности и не спугнуть эту чуткую птицу?

Я знаю Х. съ самаго ранняго дѣтства, ласкалъ его, когда онъ еще былъ ребенкомъ, видѣлъ его юношей лѣтъ 17, гимназистомъ старшихъ классовъ, говорилъ съ нимъ тогда съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, которое невольно вызываетъ къ себѣ умный и хорошо учащійся юноша; и встрѣтилъ прошлой весной уже сорокалѣтнимъ, зрѣлымъ человѣкомъ. Мы обѣдали съ нимъ у Палкина и долго бесѣдовали. Онъ передалъ мнѣ, что служить на Либаво-Роменской желѣзной дорогѣ, что это занятіе ему не подходяще и онъ подалъ М. В. Д. прошеніе о разрѣшеніи издавать газету «Обзоръ» здѣсь въ Пе-

тербургѣ въ формѣ большой газеты безъ предварительной цензуры. Зная, что я самъ изъ пишущихъ и притомъ близко знакомъ съ Закавказскимъ краемъ, онъ предложилъ мнѣ участіе въ газетѣ и мы много говорили объ этомъ. Затѣмъ мы не встрѣчались мѣсяца два и въ это время отъ общихъ нашихъ знакомыхъ кавказцевъ я услышалъ, что гр. Игнатьевъ отказалъ ему въ изданіи «Обзора», о чемъ искренно пожалѣлъ.

Въ іюлѣ, когда я рѣшилъ попытаться подойти къ нему по своему дѣлу, и когда уже вмѣсто гр. Игнатьева на министерствѣ былъ гр. Толстой, я выбралъ предлогомъ желаніе потолковать съ нимъ о той же газетѣ и зашелъ къ нему. Объяснивъ ему, что по мнѣнію моему, моментъ для возобновленія его ходатайства благопріятный, во-первыхъ, потому что у насъ такъ уже вездѣ ведется, что каждый новый начальникъ всегда охотно отмѣняетъ распоряженіе своего предшественника, а во-вторыхъ, что я могу поддержать его ходатайство по старинному знакомству съ К. *) (25), къ которому нарочно поѣду въ Москву и буду просить содѣйствія,—предложилъ свои услуги. Мысль эта понравилась Х., онъ за нее ухватился, и мы условились въ дальнѣйшихъ свиданіяхъ для подробныхъ переговоровъ **).

При переговорахъ о газетѣ я нашелъ въ Х. смотрящаго на самодержавіе, какъ на единственную силу, которая можетъ вывести наше отечество изъ настоящихъ затрудненій, но въ то же время требующаго отъ него самой энергической поддержки русскому социализму, а именно поощренія развитію въ экономической жизни народа двухъ ея естественныхъ факторовъ, артели и общины. Правительство, по мнѣнію Х., есть продуктъ самого общества, и потому въ ошибкахъ правительственныхъ надо возлагать отвѣтственность прежде всего на само общество, оно преступно въ равнодушіи и апатіи ко всѣмъ явленіямъ своей собственной и народной жизни.

Набрасываться на правительство и повторять, что при конституціи того и того не случилось бы, значило бы забывать, что всѣ печальныя явленія нашей жизни постепенно созрѣваютъ въ той апатичной, равнодушной средѣ, какою является наше общество.

Мыслимы ли были бы разные Юханцевы, Макшеевы, Буши ***)) и tutti quanti, если бы общество само ихъ не плодило своимъ равнодушіемъ? а потому не правительство, а его слѣдуетъ бить и обличать, выворачивая всю изнанку его частной, внутренней жизни, на которой строится жизнь политическая. Вотъ въ общихъ чертахъ основы, на которыхъ Х. полагалъ вести газету.

Послѣ нѣсколькихъ свиданій, набросавъ ея prospectus для доклада К., я поѣхалъ въ Москву. Поддержку К. въ этомъ дѣлѣ я въ дѣйствительности считалъ совершенно излишней, увѣренный, что и помимо его это дѣло устроится, если Х. окажется тѣмъ, что я отъ

*) М. Н. Катковъ.

Ред.

**) Въ тотъ же день сообщилъ я кружку о началѣ моихъ сношеній съ Х. и предвидя, что въ ходѣ моихъ переговоровъ однимъ изъ самыхъ серьезныхъ средствъ можетъ быть свиданіе и бесѣда Х. съ *Набольшимъ*, просилъ на то разрѣшенія послѣдняго, и оно было мнѣ дано.

***)) Герои нѣсколькихъ громкихъ уголовныхъ процессовъ того времени.

Ред.

него ожидалъ. Не менѣ того, я видѣлся съ К., говорилъ съ нимъ и по возвращеніи въ Петербургъ сказалъ Х., что К. готовъ содѣйствовать. Это крайне его обрадовало и наши бесѣды приняли характеръ полной искренности и одушевленія. Само собою разумѣется, что дошло до разговора о крамолѣ и до ея дѣйствительнаго значенія. Онъ находилъ весь корень зла въ непослѣдовательности правительства и главнымъ образомъ въ репрессіи, которая хотя иногда и скрывалась за ширмою компромиссовъ, любезничанія, обѣщанія уступокъ и т. п., но все-таки оставалась тою же слѣпою и немилосердною основою всѣхъ дѣйствій власти. Въ правительство, не отступающее отъ этой системы, всѣ безусловно извѣрились, и крамола все болѣе и болѣе вырастаетъ. На это я ему объяснилъ, что изъ источника весьма близкаго къ государю, мнѣ извѣстно, что онъ весьма далекъ отъ желанія дѣйствовать однимъ лишь гоненіемъ: напротивъ, онъ крайне скорбитъ о массѣ молодежи, еще не совсѣмъ погибшей, но идущей къ вѣрной гибели, и чтобы спасти ее и повернуть назадъ, онъ склоненъ къ милосердію и къ мѣрамъ кротости.

«Если бы я положительно зналъ, что это такъ, что это не ваша иллюзія, было отвѣтомъ мнѣ, то я нашелъ бы средство къ полному прекращенію крамолы. Отъ государя все зависитъ и на него одного лишь возлагается надежда».

Воспользовавшись этимъ счастливымъ настроеніемъ, я просилъ его развить мнѣ свою мысль болѣе конкретно.

По мнѣнію его въ такомъ важномъ дѣлѣ прежде всего должна быть установлена самая безусловная правда. Если государь дѣйствительно склоненъ къ милосердію, ничто не должно помѣшать ему подтвердить это своимъ словомъ, тутъ форма не имѣетъ значенія никакого, тутъ не нужно указовъ, а достаточно провести его слово въ сознаніе общественное и въ особенности въ сознаніе той среды, до которой оно относится.

Большая разница между амнистіей какого-нибудь французскаго правительства и амнистіей самодержавнаго царя, а у насъ не хотѣя понять этой разницы и встаютъ противъ всякаго проявленія милосердія, указывая на печальныя послѣдствія его во Франціи. Но при этомъ забываютъ, что тамъ амнистія есть не что иное, какъ вынужденный мирный компромиссъ между двумя враждебными партіями, пустившими въ ходъ оружіе: версальцы, взявъ верхъ надъ коммунарами, карали ихъ и то же самое сдѣлали бы коммунары съ ними, если бы остались побѣдителями. Понятно послѣ того, что помилованные и возвращенные изъ ссылки явились домой еще болѣе озлобленными и понимающими, что вернули ихъ, главнымъ образомъ, потому, что въ національномъ собраніи партія ихъ добилась подобающаго значенія. Какое же можетъ быть тутъ сходство съ амнистіей самодержавнаго царя, олицетворяющаго собою въ понятіяхъ своего народа божескую справедливость и милосердіе. Если государь сознаетъ, что милосердіемъ своимъ можетъ спасти массу своихъ подданныхъ, идущую къ вѣрной гибели, при этомъ массу молодежи, еще не зрѣлой, то что же можетъ останавливать его въ этомъ милосердіи. Не организація ли тайныхъ обществъ и подпольная лите-

ратура; вѣдь они сами собою распадутся и исчезнуть, когда всѣ лучшія силы будутъ оттуда отвлечены въ другую сторону. Наши самые крайніе революціонеры ведутъ войну не съ обществомъ, какъ въ Западной Европѣ, а лишь съ правительственною властью, и лозунгомъ своимъ выставляютъ свободу народа и общества; въ правительство не только они, но и всѣ, извѣрились. Но царь, который станетъ выше бюрократической среды и камарильи его окружающихъ, проявитъ свою отзывчивость къ правдѣ—привлечетъ къ себѣ сердца всѣхъ безусловно. Катастрофа съ Александромъ II должна лечь всею тяжестью на его правительство, воспитавшее искусственно свою слѣпою системою крамолу. Молчаніе новаго царя и неизвѣстность о томъ, что будетъ впереди, а въ то же время продолжающіеся аресты и высылки, поддерживаютъ панику, парализующую всѣ дѣла. Не знаю, что будетъ дальше, но могу сказать только, что если надежда на царя не оправдается, будетъ скверно. Общество возмущено дѣйствіями террористовъ, но само оно недовольно правительствомъ, неудовольствіе это растетъ съ каждымъ днемъ и пожалуй можетъ дойти до такого момента, когда дѣйствія террористовъ станутъ ему сочувственными. Террористы не могутъ находить сочувствія людей, не дошедшихъ еще до отчаянія.

Тутъ онъ мнѣ рассказалъ о присылкѣ къ нему делегатомъ Кобозева въ Тифлисъ (26).

«Три дня настаивалъ онъ на моемъ вступленіи въ ихъ партію, но я ему наотрѣзъ отказалъ, объяснивъ, что мнѣ претятъ способы насилія и убійства, ими избранные. Вслѣдствіе того мы и разошлись. Я и теперь не террористъ и не только не стану содѣйствовать ихъ плану, но если бы что-нибудь дошло до меня объ ихъ замыслѣ, я немедленно доведу о томъ до власти и все это, повторяю, сдѣлаю вслѣдствіе моихъ глубокихъ убѣжденій и вслѣдствіе того, *что я еще не пришелъ въ отчаяніе...*»

Выслушавъ все это, я резюмировалъ его слова въ слѣдующей формѣ:

«Вы говорите, что если бы узнали, во 1-хъ, что государь склоненъ къ милосердію по отношенію къ заблудшимъ, что онъ не противъ расширенія свободы слова и самоуправленія; во 2-хъ, если бы вы имѣли возможность надѣяться на разрѣшеніе вамъ газеты, при условіи не стѣснять васъ высказываться, конечно, въ программѣ, вами самими объясненной,—вы тогда могли бы взять на себя миссію прекращенія крамольныхъ дѣйствій народовольческой партіи и, главнымъ образомъ, террористической фракціи».

«Да, это все такъ, я покончилъ бы съ ними въ самомъ непродолжительномъ времени».

«Но мнѣ было бы желательно знать при этомъ, на какія средства вы разсчитываете издавать газету?»

«Мнѣ дано обѣщаніе первоначальнаго содѣйствія тремя капиталистами: Закомъ, Палашковскимъ и Романовскимъ, я могу имѣть отъ нихъ до 50.000 рублей (27). Имѣя этотъ первоначальный фондъ я разсчитываю на образованіе акціонерной компаніи или товарищества на паяхъ».

— «Все это мнѣ кажется не совсѣмъ прочно. Для большой газеты необходимъ значительный капиталъ въ видѣ депозита, по мнѣнію моему отъ 200 до 300.000 рублей. Что бы вы сказали, если бы вамъ была сдѣлана субсидія негласная».

Х. вострепнулся: «Это значило бы погубить дѣло, у насъ былъ уже примѣръ на «Берегѣ» Цитовича. Опытъ основанія офиціознаго органа, котораго важность признають всѣ самыя либеральныя государства, у насъ окончательно провалился».

«Да, но кто же вамъ говоритъ объ офиціозномъ органѣ? Маковъ распорядился крайне неумѣло и безтактно, мало того, что онъ чуть не гласно выдавалъ деньги, но и въ редакцію насадилъ своихъ чиновниковъ. Тутъ ни о чемъ подобномъ не говорится, а если бы вы получили негласно, изъ рукъ въ руки, отъ лица, умѣющаго хранить тайну, необходимую сумму, я думаю, что это было бы самымъ надежнѣйшимъ путемъ къ осуществленію вашей газеты».

«По правдѣ вамъ сказать, признавая важность такой субсидіи, крайне сомнѣваюсь въ возможности устроить такъ дѣло, чтобы все, о чемъ мы съ вами говорили, осталось бы непроницаемой тайной» (28).

«Чтобы разсѣять всякое ваше сомнѣніе, я попрошу теперь у васъ согласія на слѣдующее мое предложеніе. Я васъ представлю лицу, очень близко стоящему къ государю, онъ васъ выслушаетъ. Вы скажете ему все то, что сказали мнѣ относительно вашей готовности содѣйствовать прекращенію крамолы. Вы изложите ему всѣ данныя, которыя имѣете о ней и объясните свой взглядъ на наилучшіе способы дѣйствій правительства. Въ заключеніе вы упомянете о своей газетѣ и о тѣхъ надеждахъ, которыя вы на нее возлагаете».

«Если вы говорите мнѣ опять же, не увлекаясь какими-либо иллюзіями, взвѣсивъ и обдумавъ каждое слово, то я вамъ могу отвѣтить съ полною искренностью, что къ прискорбію моему принадлежу къ числу людей, извѣрившихся въ наше правительство и его личный составъ. Я былъ одинъ изъ ближайшихъ людей Лорисъ-Меликова, онъ удостаивалъ меня полной откровенности о той же крамолѣ, я ему говорилъ почти то же, что говорю и теперь, онъ со мною совершенно во всемъ соглашался, а на практикѣ дѣлалъ совершенно иное: (29) одной рукой ласкалъ, Богъ знаетъ какую сволочь, придавая ей значеніе, а другой подъ сурдиной продолжалъ аресты и высылки; выходило ни то, ни се, и кончилось ужасомъ. Теперь вы меня хотите свести съ другимъ лицомъ высокопоставленнымъ, я не отрицаю, что между ними есть люди высокихъ качествъ души, ума и сердца и потому охотно соглашаюсь на ваше предложеніе, повторяю только: дай Богъ, чтобы я и въ этотъ разъ не ошибся» (30).

Эта бесѣда была у насъ въ самыхъ первыхъ числахъ сентября, а 5-го вечеромъ, я былъ въ Петергофѣ у Набольшаго, доложилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ разрѣшенія представить Х. Онъ мнѣ назначилъ привезти его на другой день, т. е. 6-го вечеромъ въ половинѣ девятаго и присовокупилъ: «дайте ему понять, что я его выслушаю, *mais que je ne puis traiter avec lui*».

Когда на другой день утромъ я пришелъ къ Х. и сказалъ ему, что мы поѣдемъ въ Петергофъ, и назвалъ лицо, которому я его пред-

ставлю, то я замѣтилъ, что это было для него совершенной неожиданностью. На лицѣ его отразилось сильное впечатлѣніе и онъ сказалъ мнѣ: «Дай Богъ! объ этомъ человѣкѣ я слышалъ только одно хорошее». Я ему передалъ и тѣ слова, которыя были мнѣ сказаны относительно формы предстоящей ему бесѣды.

Въ половинѣ девятаго, когда мы входили въ кабинетъ Набольшаго, по блѣдному лицу Х. я замѣтилъ, что онъ внутренне взволнованъ и сказалъ ему, чтобы онъ призывалъ на помощь всю силу своего духа, не робѣлъ и старался бы высказать все, какъ можно полнѣе. Представивъ его Набольшому, самъ вышелъ въ другую комнату для того, чтобы не мѣшать ихъ аудіенціи. Она продолжалась болѣе, чѣмъ 1½ часа и когда изъ двери кабинета вышелъ Х. лицо его сіяло одушевленіемъ и онъ сказалъ мнѣ: «Ну, мнѣ никогда и во снѣ не могло присниться того, что со мною сейчасъ было и что я слышалъ» (31).

Я попросилъ его идти въ садъ и ожидать меня тамъ, а самъ вошелъ въ кабинетъ. Набольшій объяснилъ мнѣ, что онъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него Х., «онъ можетъ быть очень полезенъ, если дѣйствительно выполнить принимаемую на себя миссію. Я обѣщалъ опять увидаться съ нимъ на-дняхъ, о времени Васъ извѣщу», сказалъ онъ, прощаясь со мною.

Отыскавъ Х. въ саду, я вернулся съ нимъ въ Петербургъ; разговоръ шелъ въ вагонѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что слышалъ отъ Набольшаго гораздо больше, чѣмъ могъ предполагать изъ моихъ словъ. Тотъ очаровалъ его, и онъ душой и тѣломъ готовъ посвятить себя этому дѣлу, не сомнѣваясь въ полномъ успѣхѣ. Въ какихъ-нибудь два, три мѣсяца все будетъ кончено. Онъ поѣдетъ за-границу, тамъ будетъ необходимо и мое присутствіе, какъ лица, облеченнаго довѣріемъ Набольшаго. Черезъ меня будутъ идти сношенія съ нимъ, а при этомъ онъ ничего не скроетъ, для него не будетъ никакой тайны.

На это я просилъ Х., чтобы онъ всякое свиданіе свое съ Набольшимъ и всякое свое дѣйствіе разрѣшилъ мнѣ формулировать и, такимъ образомъ, оставлять ихъ слѣдъ, я находилъ это важнымъ для упорядоченія хода столь важнаго дѣла. Онъ согласился на это и обѣщалъ на другой же день составить мнѣ отчетъ о сегодняшнемъ своемъ докладѣ.

На станціи желѣзной дороги мы разстались, а на другой день вечеромъ я получилъ отъ него мемуаръ, въ которомъ изложено было говоренное имъ вчера.

Мемуаръ этотъ слѣдующій.

«Современныя затрудненія не только не требуютъ отъ правительства ступенчатости передъ общественнымъ движеніемъ и передать свои права представителямъ общества,—т. е., средняго сословія, но напротивъ того, прямо налагаютъ на власть обязанность усилить и развить ея дѣятельную роль, взявшись мощной и энергической рукой за разрѣшеніе задачъ русскаго развитія.

Всякій разъ, когда въ Россіи самодержавіе стояло во главѣ движенія, на сторонѣ прогресса народной жизни, оно пользовалось безграничной преданностью всѣхъ лучшихъ людей страны и всего молодого поколѣнія. Недоразумѣнія и сопротивленія возникли лишь въ тѣ эпохи, когда самодержавіе становилось ретрограднымъ либо неподвижнымъ. И теоретически и практически самодержавіе *прогрессирующее*, ведущее за собою народъ и общество, есть идеальнѣйшая форма правленія, ибо прогрессъ при этой формѣ осуществляется легче и быстрѣе, чѣмъ при всякой другой.

Нашъ народъ представляетъ собою глубоко и искренно преданную массу, богато одаренную во всѣхъ отношеніяхъ. Но какъ и всѣ народы земного шара, онъ пассивенъ и не только не можетъ составить для власти активной, дѣятельной поддержки, но и самъ требуетъ, или вѣрнѣе, ждетъ отъ самодержавія помощи и содѣйствія въ улучшеніи своего экономическаго положенія, невообразимо затруднительнаго.

Нигдѣ въ мірѣ не случалось еще, чтобы такую активную поддержку власть находила въ среднемъ сословіи: даже и цѣною полного ступешеванія передъ этимъ сословіемъ власть никогда не заручалась его содѣйствіемъ. Ни Луи Филиппъ, ни Наполеонъ III, ни англійскіе короли не могли извлечь никакой выгоды ни для себя, ни для народа изъ уступокъ, сдѣланныхъ ими среднему сословію.

Въ Россіи тѣмъ менѣе можно ждать такого чуда, что это сословіе только теперь нарождается и пока крайне безсильно даже и въ связи съ дворянствомъ, все болѣе и болѣе оскудѣвающимъ.

Поэтому самодержавію возможно у насъ разсчитывать *лишь на самую себя*, на непосредственное воздѣйствіе на судьбы народа, при помощи не особо сплоченныхъ сословій, ихъ интересовъ, а лучшихъ людей, какіе производятся народомъ и всѣми остальными сословіями.

Самодержавіе можетъ стать во главѣ движенія, взявъ все, что имѣется разумнаго и осуществимаго въ соціальныхъ ученіяхъ, и поручивъ ихъ осуществленіе всѣмъ искренно и беззавѣтно преданнымъ народу мододымъ энтузіастамъ, которые нынѣ, за неимѣніемъ практической возможности приносить пользу народу, гибнутъ въ братоубійственной борьбѣ съ властью, народу же служащую. Осуществленіе многихъ частей этихъ ученій, близко подходящихъ къ исторически сложившемуся духу и характеру міросозерцанія народа, по сіе время сохранившаго артель и общину, несомнѣнно могло бы улучшить его матеріальное положеніе, избавивъ его отъ кулаковъ и эксплуататоровъ.

Такая благая дѣятельность молодежи, руководимой властью, повела бы въ близкомъ будущемъ къ дисциплинированію богатыхъ и энергическихъ силъ молодого русскаго поколѣнія и тѣмъ создала бы для власти положеніе безпримѣрное въ Европѣ: власти, опирающейся на массу глубоко ей преданнаго народа, и имѣющей въ своемъ распоряженіи легіоны самоотверженныхъ, безкорыстныхъ, искренно любящихъ народъ, молодыхъ людей, способныхъ на всякій героизмъ. Систематическая работа надъ установленіемъ такой дисциплины, конечно, нелегка, она требуетъ большого такта и искусства, но она все-таки

во сто кратъ легче, чѣмъ нынѣшняя борьба съ крамолой, которая только этимъ путемъ можетъ быть вырвана съ корнемъ.

Смѣло можно поручиться, что разъ правительство твердо, рѣшительно и *искренно* станетъ на этотъ путь, не только уничтожится крамола, но не пройдетъ и пяти-шести лѣтъ, какъ наше финансовое, экономическое, а стало быть и политическое положеніе достигнетъ небывалаго въ Россіи цвѣтущаго состоянія, ибо только по прекращеніи внутренней борьбы можно будетъ съ одной стороны дѣйствительно сократить расходы, а съ другой—вызвать тотъ подъемъ экономическихъ и промышленныхъ силъ страны, который нынѣ перерождается въ хищенія и грабежъ казны и народа.

Для выполненія всего этого: а) полной амнистіи, б) простора для легальной дѣятельности молодежи, путемъ печати и устной пропаганды, в) расширенія сферы общественнаго самоуправленія, а главное, г) твердой рѣшимости правительства стать во главѣ современнаго движенія умовъ и воспользоваться всѣми разумными сторонами этого движенія на пользу народа и во славу власти самодержавія».

Прочитавъ этотъ мемуаръ, я объяснилъ Х., что по мнѣнію моему послѣ свиданія его съ Набольшимъ было бы необходимо и формулировать планъ, котораго онъ полагаетъ придерживаться въ своихъ дѣйствіяхъ при выполненіи принятой имъ на себя миссіи. Онъ вполнѣ согласился со мною въ этомъ и вотъ какъ мы сообщаемъ его формулировали:

«1) Х. считаетъ первымъ условіемъ успѣха полученіе промесса амнистіи, свободы печатнаго слова и совѣщательнаго участія выборныхъ отъ народа и общества въ дѣлахъ правленія.

2) Имѣя этотъ промессъ, онъ обязуется въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы съ крамолой послѣ того значительно упростится и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

3) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ предложитъ поѣздку за границу и внутри имперіи (32), при чемъ за-границей онъ полагаетъ удобнымъ образовать одинъ или два съѣзда, на которые вышлются уполномоченные изъ Россіи, и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ для Х.

4) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ (33) невидимое сопровожденіе его г. Б., который будетъ всегда у него подъ рукой и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ Х., имена всѣхъ лицъ будутъ ему также открыты (34) и все это должно сообщаться имъ *Набольшему*, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, непроницаемой ни для какого учрежденія политической полиціи.

5) Х. признаетъ это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всѣ были извѣстны *Набольшему*, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правильности и въ случаѣ нужды руководить ими.

6) Если вся эта предварительная работа Х. будетъ доведена до удовлетворительнаго результата, то для дальнѣйшаго успѣха дѣла,

онъ полагаетъ полезнымъ разрѣшеніе ему изданія большой газеты безъ предварительной цензуры при условіяхъ имъ объясненныхъ (субсидія отъ 200 до 300.000 р.) Газета эта будетъ по мнѣнію его самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ *отвлеченію* молодыхъ силъ отъ народоувольческаго направленія. Молодая среда ищетъ и не находитъ умственного удовлетворенія ни въ одномъ изъ органовъ печати, и если на это не будетъ обращено вниманія, въ ней неизбѣжно возникнетъ своя собственная, новая организація, съ которою труднѣе станетъ считаться, чѣмъ съ настоящей» (35).

IV.

Набольшаго я зналъ еще молодымъ человѣкомъ, адъютантомъ фельдмаршала кн. Бярятинскаго на Кавказѣ. Въ то время уже привлекалъ онъ къ себѣ всѣхъ благородствомъ своего характера и необыкновеннымъ тактомъ въ общегити,—два качества, въ особенности скрасившія его независимое положеніе, по богатству, связямъ и близости ко двору, каждый поступокъ его проявлялъ собою въ полномъ смыслѣ джентльмена. Извѣстно было, что послѣ того, какъ онъ оставилъ Кавказъ, обстоятельства близко свели его съ наслѣдникомъ престола; говорили, что между ними установилась серьезная дружба. При новомъ императорѣ онъ сдѣлался ближайшимъ человѣкомъ и притомъ такимъ, котораго нельзя было заподозрѣть, какъ карьериста, въ честолюбивыхъ стремленіяхъ, а передъ богатствомъ его смолкала всякая мысль о какихъ-либо своекорыстныхъ побужденіяхъ. Конечно въ ряду лицъ заботящихся объ охранѣ священной особы государя, какъ ближайшій другъ царя, былъ передовымъ, и вотъ почему, поставивъ съ нимъ въ непосредственныя отношенія Х., и послѣ того, какъ послѣдній дѣйствительно сумѣлъ произвести на него серьезное впечатлѣніе, я надѣялся, что онъ будетъ одинъ руководить этимъ дѣломъ безъ всякаго посторонняго участія; но я упустилъ изъ виду, что Набольшій былъ предсѣдателемъ нашего кружка и по принципу этого учрежденія не могъ устранить совѣщательнаго участія главнѣйшихъ его членовъ; а подобныя дѣла врядъ ли выигрываютъ въ своемъ ходѣ отъ коллегіальнаго способа ихъ веденія.

Не менѣе того, дня черезъ два, Набольшій видѣлся съ министромъ внутреннихъ дѣлъ гр. Толстымъ и говорилъ о газетѣ Х., тотъ вполне одобрилъ мысль этого мѣропріятія и обѣщалъ разрѣшить изданіе газеты. Х. я конечно это сообщилъ, что придавало ему еще болѣе увѣренности въ поддержкѣ Набольшаго, и онъ просилъ меня лишь поскорѣе устроить вторичное съ нимъ свиданіе для того, чтобы, не теряя ни минуты, тотчасъ же приступить къ дѣлу и ѣхать за-границу.

Въ кружкѣ, при разсмотрѣніи вышеизложенныхъ документовъ, высказалось нѣсколько мнѣній, касающихся, какъ до существа, такъ и до формы дѣла.

Первое мнѣніе было кн. Щ. Онъ находилъ, что въ планѣ Х. самымъ главнымъ является пунктъ 4, а именно, что называя всѣхъ лицъ, съ которыми войдетъ еще въ сношенія, тѣмъ самымъ и рас-

кроетъ составъ организаціи подпольной, на которую правительство будетъ имѣть возможность наложить въ свое время руку, не компрометируя X., вслѣдствіе чего кн. Щ., считалъ необходимымъ не замедливать вторичнаго свиданія съ X. и разрѣшить ему начало дѣйствій.

Другое мнѣніе принадлежало гр. Ш. Онъ находилъ, что ставить себя Набольшому исключительно на мелкую почву полицейскую, о которой говоритъ князь Щ., значило бы ронять свое достоинство. X. требуетъ отвѣта ему на пункты, изложенные въ его планѣ. Отвѣчать ему на нихъ значило бы вести съ нимъ переговоры, становиться въ извѣстныя къ нему обязательства, уполномочивать его на какіе-то переговоры съ главарями народовольческой партіи,—все это немислимо, такъ какъ правительству стать въ договаривающееся положеніе съ какою то партіею, по меньшей мѣрѣ, неприлично, а потому дѣло это лучше всего прекратить, или поставить его на иную почву, а именно, если то возможно, категорически предложить X. быть агентомъ кружка, конечно не скупясь въ значительномъ вознагражденіи и не останавливаясь въ разрѣшеніи ему газеты.

Третье мнѣніе принадлежало сенатору Ш. Какъ бывшій управляющій III Отдѣленія, онъ по имѣющимся у него даннымъ прежняго времени, имѣлъ объ X. свое собственное составленное понятіе. Онъ видѣлъ въ немъ человѣка дѣйствительно бывшаго въ постоянной оппозиціи правительству, но въ то же время не настоль глубоко стоящаго въ народовольческой средѣ, чтобы для него не существовало никакой ея тайны. Конечно онъ можетъ подойти легче, чѣмъ другой, къ главарямъ организаціи, онъ имѣетъ большую цѣнность, изъявляя свою искреннюю готовность дѣйствовать въ этомъ направленіи, но покуда, врядъ ли онъ располагаетъ такими свѣдѣніями, которыя имѣли бы серьезное значеніе. Видя во всѣхъ объясненіяхъ и планахъ X. предложеніе имъ своихъ услугъ, сенаторъ Ш. полагалъ полезнымъ воспользоваться ими и установить при этомъ такія отношенія между нимъ и Набольшимъ, чтобы послѣдній былъ совершенно выгороженъ отъ какихъ либо обязательствъ по отношенію къ X. Для выполненія въ точности всего, упоминаемаго имъ въ пунктѣ 4 своего плана, въ особенности будетъ важна поѣздка его за границу, а тамъ за дѣйствіями его должно быть установлено особенно внимательное наблюденіе.

Я долженъ оговориться при этомъ, что всѣ эти дебаты кружка были для меня въ то время тайной и я узналъ о нихъ уже впослѣдствіи, но если бы тогда уже спрошено было мое мнѣніе, то я сказалъ бы слѣдующее.

Въ X. кружокъ находилъ живую и большую силу, пылающую честолюбіемъ достигнуть положенія публициста. Эта профессія его жизнь, его сфера, а за полученіе ея онъ весь цѣликомъ отдастъ себя и, ставъ въ ряды людей, беззавѣтно служащихъ принципу самодержавія, сдѣлается всѣмъ, чѣмъ нужно будетъ правительству, и конечно оно не всякій день и не на всякомъ шагу можетъ находить себѣ такихъ агентовъ. Форма протоколовъ, въ которой излагались переговоры его съ Набольшимъ, вещь не существенная, онъ готовъ быть измѣнить ее по указанію свѣше, и потому придавать ей особенно

важное значеніе не слѣдовало. Тутъ главное надо было ковать желѣзо, пока горячо и не давать Х. понять, что онъ имѣетъ дѣло не съ однимъ лицомъ, обаяніемъ котораго онъ былъ всецѣло поглощенъ, а съ цѣлою группою лицъ, составляющею особое учрежденіе. Какъ только это становилось ему понятнымъ, всякое право на искренность его теряло мѣсто. Вотъ что я сказалъ бы, если бы меня тогда спросили мнѣнія, и быть можетъ мои слова были бы приняты во вниманіе, и свиданіе съ нимъ Набольшаго не замедлилось бы. А между тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мнѣ приходилось выдумывать, что попало, для успокоенія Х., нетерпѣливо ожидавшаго этого свиданія.

То говорилъ я, что Набольшій очень занятъ приготовленіями къ коронаціи, то поѣхалъ съ государемъ на охоту, то на нѣсколько дней въ Москву по дѣламъ коннозаводства, и т. п. Между тѣмъ явилось одно новое обстоятельство, крайне усложнившее личное положеніе Х. Торговый домъ Палашковскаго и Бунге, желая взять на себя снабженіе Тифлиса водою, предложилъ Х., какъ бывшему гласному тифлисской думы, имѣющему и теперь популярность въ этомъ городѣ, мѣсто управляющаго съ 20.000 руб. содержанія, буде эта операція останется за ними на торгахъ. Х. вызывали въ Тифлисъ, телеграмма получалась за телеграммой, и онъ поставленъ былъ въ крайнее затрудненіе, что ему дѣлать. Начатое имъ дѣло съ Набольшимъ настолько было грандіозно, что передъ нимъ всѣ другія дѣла, конечно, блѣднѣли, но почему же онъ медлитъ отвѣтомъ, быть можетъ и передумалъ? Между тѣмъ Палашковскій, считая участіе въ своемъ дѣлѣ Х. настолько важнымъ, что выдалъ ему на поѣздку въ Тифлисъ 3000 рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ испросилъ отпускъ Х. у управляющаго Либаво-Роменскою дорогою, торопилъ его немедленнымъ выѣздомъ. Каждый день справлялся я объ томъ, когда назначится свиданіе Х. съ Набольшимъ, но получалъ одинъ отвѣтъ: «подождите, онъ очень занятъ дѣлами, болѣе важными». Наконецъ въ телеграммѣ своей изъ Тифлиса, Бунге извѣщалъ, что торги въ думѣ назначены въ 20-хъ числахъ сентября. Х. просилъ отсрочить ихъ на 10 дней. Просьба его была уважена, дума отсрочила. Но вотъ прошелъ весь сентябрь, Набольшій все не назначалъ дня свиданія, второй срокъ, назначенный думою для торговъ, миновалъ, положеніе сдѣлалось крайне затруднительнымъ, Х. терялъ вѣрное и промѣнивалъ на невѣрное.

Все это ежедневно доводилъ я до свѣдѣнія кружка и получалъ лишь одинъ отвѣтъ:

«Удерживайте Х., онъ нуженъ, Набольшій на дняхъ съ нимъ увидится».

5-го октября мы были приглашены въ Петергофъ, но и тутъ вышла неудача. Государь потребовалъ къ себѣ Набольшаго за полчаса передъ нашимъ пріѣздомъ и мы уѣхали, не дождавшись его.

Нѣсколько дней спустя пригласилъ меня къ себѣ сенаторъ Ш. и объяснилъ мнѣ, что Набольшій находитъ редакцію плана дѣйствій, представленнаго Х., неудобною для назначенія ему свиданія съ нимъ (36). Онъ не можетъ входить въ переговоры и трактовать съ Х., что неизбѣжно вызывается смысломъ его программы, и поэтому редакція должна быть совершенно измѣнена, въ ней не должно быть никакихъ

пунктовъ, выполненіе которыхъ на себя принималъ бы Набольшій, тутъ все должно быть такъ формулировано, какъ бы все дѣло исходило изъ одной личности Х., предлагающаго свои добровольныя услуги. Понявъ въ чемъ суть, я составилъ новую редакцію, она была одобрена сенаторомъ Ш.; на другой день Х., прочитавъ ее, ничего не возражалъ, и она въ томъ видѣ, какъ значится ниже, была подана Набольшему (37).

«Глубоко и всесторонне обсудивъ снова все дѣло послѣ свиданія съ Набольшимъ, Х. пришелъ къ двумъ выводамъ (38):

1) Вѣруя безгранично въ наивозвышеннѣйшія стремленія нашего государя къ дарованію своему народу всѣхъ возможныхъ благъ, не сомнѣвается въ томъ, что государь милостиво отнесется къ заблудшимъ сынамъ отечества и не преминетъ при первой же возможности даровать имъ разрѣшеніе возвратиться изъ ссылки, эмиграціи и т. п. къ своимъ семьямъ и

2) Вѣруя въ серьезность предпринимаемаго имъ дѣла, Х. не считаетъ возможнымъ, ни просить, ни требовать никакихъ общаній, а предлагаетъ свои услуги въ порядкѣ, прежде имъ объясненномъ, т. е. онъ обязуется:

1) Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ переговорами своими склонить народовольческую партію къ прекращенію своей дѣятельности и упраздненію своей организаціи. Дѣло борьбы съ крамолою послѣ того значительно упростится, и государственной полиціи останется лишь преслѣдованіе отдѣльныхъ личностей, не стоящихъ въ связи съ организаціей.

2) Для свиданія съ главарями народовольческой партіи, онъ предприметъ поѣздки за границу и внутри имперіи, при чемъ за границей онъ полагаетъ удобнымъ образовывать одинъ или два съѣзда, на который вышлются уполномоченные изъ Россіи и тутъ будутъ постановлены рѣшенія въ смыслѣ желательномъ Х.

3) Поѣздки эти онъ сдѣлаетъ на свой счетъ и признаетъ лишь необходимымъ невидимое сопровожденіе его господиномъ У., *) (39) который будетъ всегда у него подъ рукою и отъ него не будетъ тайны въ дѣйствіяхъ и свиданіяхъ Х., имена всѣхъ лицъ также будутъ ему открыты и все это должно сообщаться имъ Набольшему, а отъ послѣдняго требуется содержаніе всего этого въ величайшей тайнѣ, непропускаемой ни для какого учрежденія политической полиціи.

4) Х. признаетъ это необходимымъ для того, чтобы дѣйствія его всѣ были извѣстны Набольшему, а тотъ могъ бы судить объ ихъ правдивости и въ случаѣ руководить ими.

5) Не касаясь въ настоящей запискѣ вовсе вопроса изданія газеты: вопросъ этотъ въ свое время представленъ будетъ на усмотрѣніе правительственной власти».

Послѣ всего этого 15-го октября состоялось свиданіе Набольшаго съ Х. уже въ Петербургѣ. При этомъ свиданіи и разговорѣ находился и я. Х. повторилъ о своей готовности дѣйствовать согласно изложенному имъ плану и объ увѣренности въ успѣхѣ; Набольшій освѣдо-

*) Т. е. г. Вороздинымъ.

мился, скоро ли онъ думаетъ выѣхать за границу? Х. на это отвѣчалъ, что онъ пробудетъ здѣсь еще недѣли двѣ, такъ какъ ему необходимо повидаться съ нѣкоторыми личностями вліятельными въ народовольческой партіи и, заручившись отъ нихъ полезными данными, уѣдетъ за границу (40). Конечно всѣ сношенія его здѣсь и переговоры будутъ сообщены ему черезъ мое посредничество. Прощаясь съ Х. Набольшій ему сказалъ: *«вы не забывайте только одного, что всѣ наши свиданія и переговоры должны оставаться тайной, я съ вами незнакомъ и вамъ ничею не обѣщаю; до свиданія, желаю вамъ счастливаго пути и успѣха»* (41).

И на этотъ разъ, выходя изъ кабинета, Х. мнѣ сказалъ, что онъ глубоко проникнутъ увѣренностью въ успѣхъ миссиі.

Затѣмъ начались у насъ частныя свиданія и бесѣды. Х., что называется, вполне уже передо мной распахнулся и вотъ что мнѣ выяснилось.

V.

Крамола, какъ болѣзненное эпидемическое явленіе нашей жизни, различно отражается въ различныхъ слояхъ населенія нашего отечества.

Терминъ, усвоенный революціонерами: *«идти въ народъ»* ясно показываетъ, что народъ составляетъ для нихъ область чуждую, проникнуть въ которую—задача нелегкая; крамола скользитъ по ней, но не можетъ пустить въ нее корни. Совсѣмъ не то значеніе имѣетъ она по отношенію къ нашей интеллигенціи, тутъ въ основѣ тенденцій нѣкоторой части ея лежитъ принципъ оппозиціи правительству.

Само собою разумѣется, что тутъ на первомъ планѣ стоитъ міръ пишущій, литературный и по преимуществу сдѣлавшій себѣ ремесломъ изданіе газетъ и журналовъ. Эта отрасль прессы во всѣхъ государствахъ европейскихъ и въ Америкѣ имѣетъ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ у насъ; тамъ каждая газета является органомъ отдѣльной, общественной, самостоятельной партіи, какъ у насъ такихъ партій на самомъ дѣлѣ не существуетъ, то и газеты, и періодическія изданія русскія, представляютъ собою не болѣе, какъ органы субъективные редакцій, которыми руководятъ отдѣльныя литературныя группы. Сама эта пресса наша въ междоусобной своей полемикѣ, мимоходомъ сказать, составляющей самый обильный для нея матеріалъ,—сдѣлала себѣ подраздѣленіе на два лагеря: органовъ консервативныхъ или охранительныхъ, и органовъ прогрессивныхъ или либеральныхъ.

Первый изъ этихъ лагерей немногочисленъ, потому уже, что въ немъ нельзя вести дѣло безъ дѣйствительнаго таланта и знанія. Тутъ необходимо пониманіе историческаго образованія нашего государственнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и серьезное знакомство съ исторіей и законодательствами Европы, и при этихъ только условіяхъ возможно правильное освѣщеніе современныхъ отечественныхъ событій; все это дѣлаетъ число консервативныхъ газетъ весьма ограниченнымъ. А за то большинство наполняетъ собою другой лагерь; газетное дѣло сошло тутъ на степень гешефта, писать такъ, чтобы

нравилось публикѣ, пропагандируя пикантныя ученія политическія и соціальныя (42).

Самъ редакторъ «Обзора»—газеты этого послѣдняго лагеря и притомъ имѣвшей популярность, Х. въ большей части редакцій либеральныхъ, не только имѣетъ связи и знакомства, но и считается однимъ изъ такихъ бойко пишущихъ, которымъ столбцы ихъ всегда открыты.

«Вѣстникъ Европы»—органъ русскаго западничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и инородческой интеллигенціи, по преимуществу польской.

«Голосъ» (уже покойный)—органъ бюрократическаго міра; и затѣмъ вообще либеральствующіе «Русскія Вѣдомости», «Русскій Курьеръ» и «Наблюдатель»—всѣ эти редакціи, проповѣдующія правовой порядокъ, считаютъ Х. своимъ; но самъ онъ ближе всего стоитъ къ другой группѣ, называемой *народнической*, а именно къ «Отечественнымъ Запискамъ», къ «Дѣлу» и къ «Устоямъ».

Отсюда выдѣлилась подпольная партія «Чернаго Передѣла», а потому черезъ посредство нея не особенно затруднительно ему проникнуть и въ верхи партіи народовольческой; онъ рѣшилъ поэтому попытаться дѣйствовать прежде всего черезъ лицъ, поставленныхъ во главѣ этихъ редакцій—*Шелунова*, (43) *Станюковича*, *Михайловскаго* и *Кривенко*. Знакомый съ ними коротко, пользующійся ихъ безграничнымъ довѣріемъ, онъ съумѣлъ придать подходящую форму своимъ планамъ, посвящая въ нихъ этихъ лицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привлекая ихъ къ содѣйствію.

Не сочувствуя самъ по себѣ способу дѣйствій народовольцевъ, посредствомъ убійства, онъ зналъ, что также думаютъ и лица, привлекаемые имъ: по мнѣнію ихъ ничто такъ не затормозило и не испортило общаго дѣла, какъ пассажъ Софіи Перовской. Вотъ уже скоро 2 года, какъ паника и репрессіи гнетутъ всякое проявленіе мысли и все парализуютъ. Онъ объяснилъ имъ, что вращается въ средѣ крупныхъ капиталистовъ и лицъ высокостоящихъ, знакомыхъ ему еще съ Кавказа. Отсюда вынесъ онъ увѣренность, что правительство не прочь было бы расширить рамки самоуправленію общественному, не стѣснять печатнаго слова, но его сдерживаетъ народовольческая партія, наводящая общую панику; всякій либеральный шагъ его имѣлъ бы видъ уступки террору. Если же это такъ, то почему бы, въ интересахъ русской интеллигенціи, ей самой не воздѣйствовать на эту партію, въ смыслѣ прекращенія ею террора?

Государь, говорятъ, склоненъ въ извѣстной мѣрѣ къ амнистіи, которая раскрыла бы двери многимъ эмигрантамъ, ничего такъ не желающимъ, какъ возвращенія на родину, для того, чтобы отказаться отъ всякой политической агитации, а вѣдь это было бы могущественнымъ средствомъ къ восстановленію общаго спокойствія, столь необходимаго для теченія всѣхъ дѣлъ безъ исключенія. Х. искренно желалъ бы войти въ непосредственныя сношенія съ главарями народовольческой партіи и склонить ихъ къ прекращенію террора для начала хотя на извѣстный періодъ времени. Онъ готовъ для этой цѣли ѣхать за границу и устроить тамъ съѣздъ главарей этой

партіи; ему не вѣрится, чтобы они не отозвались на его призывъ, въ виду общихъ интересовъ всей либеральной русской интеллигенціи.

Программа X. была принята сочувственно, Шелгуновъ вызвался (44) быть посредникомъ между нимъ и Вѣрой Николаевной Филипповой (урожденной Фигнеръ), стоящей въ ряду главнѣйшихъ лицъ народо-вольческой партіи. При этомъ X. воспользовался еще близостью Шелгунова къ Кобозеву, чтобы подойти и къ нему, какъ уже знакомому по Тифлису.

Шелгуновъ женатъ на г-жѣ Михаэлисѣ, а ея сестра—жена Богдановича, сосланнаго въ Сибирь, старшаго брата Кобозева. Обѣ онѣ какъ Шелгунова, такъ и Богдановичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ нигилистки, а братъ ихъ, компрометированный въ дѣлѣ Чернышевскаго, сосланъ былъ въ Сибирь.

Г-жа Богдановичъ (45) не разставалась съ своимъ мужемъ и принимала участіе, какъ въ его пропагандѣ, такъ и въ организаціи кузницы, въ которой работалъ нѣкоторое время и Соловьевъ (46). Обѣ сестры имѣютъ значеніе въ народо-вольческой партіи, черезъ нихъ шли и идутъ денежные сборы (47).

Къ судьбѣ арестованнаго Кобозева (Богдановича) онѣ не могли быть равнодушны. Родной братъ его Алексѣй Николаевичъ Богдановичъ, пріѣхавшій съ своей родины (Псковской губ.), часто у нихъ бывалъ, и его познакомили съ X., который сдѣлалъ ему предложеніе быть защитникомъ брата на судѣ (48). Тотъ отнесся признательно къ предложенію X. и вслѣдствіе того просилъ департаментъ полиціи о разрѣшеніи ему свиданія съ братомъ.

Алексѣй Николаевичъ Богдановичъ, молодой человѣкъ лѣтъ 28-ми, далекъ отъ народо-вольческой партіи и не желаетъ входить съ нею въ какія-либо сношенія, но онъ горячо любитъ своего преступнаго брата и готовъ всячески хлопотать о смягченіи его участи. Онъ имѣлъ уже нѣсколько свиданій съ нимъ въ крѣпости, всегда въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, и убѣдился, что несмотря на строгій надзоръ и заключеніе, Кобозевъ имѣетъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ.

Между тѣмъ Шелгуновъ, храня тайну мѣстонахожденія Вѣры Николаевны, видѣлся съ нею, а изъ того, что для этого потребовалось 3—4 дня, можно было заключить, что она находится, если не въ самомъ Петербургѣ, то недалеко отъ него. Ей были объяснены намѣренія X. ѣхать за границу для свиданія съ главарями организаціи и цѣли этого свиданія. На это она отвѣтила, что «завѣдуя здѣшнимъ отдѣломъ», она съ своей стороны вполне сочувствуетъ намѣреніямъ X., но послѣдняго слова не можетъ сказать до полученія инструкцій изъ за границы. Дня два тому назадъ, она послала туда делегата и на этой же недѣлѣ будетъ отвѣтъ. Ея предложеніе, посланное за границу, состоитъ въ томъ, чтобы пріостановить всякій терроръ до 19 февраля 1883 г. Она говоритъ, что если программа X. хотя отчасти осуществится, терроръ не только навсегда прекратится, но и вся народо-вольческая партія станетъ за самодержавіе и будетъ служить ему вѣрно» (49).

Зная, что Михайловскій имѣетъ возможность также видѣться

съ Вѣрой Николаевной, Х., чтобы провѣрить Шелгунова, просилъ и его также повидаться съ нею и разспросить о разговорѣ съ послѣднимъ. Михайловскій видѣлся и оказалось, что сообщеніе Шелгунова было совершенно вѣрно. Сочувствуя вполнѣ стремленіямъ и программѣ Х., В. Н. сдѣлала уже распоряженіе о пріостановкѣ террора внутри Россіи до 19 февраля 1883 года. Видѣться самой ей съ Х. нельзя; за ней зорко слѣдитъ государственная полиція и священная дружина. Послѣднюю она считаетъ несравненно опаснѣе, такъ какъ она располагаетъ большими средствами и дѣйствуетъ иногда съ большою обдуманностью. Ей извѣстно, что не дальше, какъ прошлымъ лѣтомъ за границей былъ эmissаръ дружины. Онъ велъ переговоры съ террористами и предлагалъ имъ амністію, но былъ обнаруженъ и всѣ отъ него оттолкнулись. Все это заставляетъ ее, ради интересовъ народовольческаго дѣла, сохранять величайшую тайну своего мѣстопребыванія и не видѣться съ людьми близко знакомыми. Она не сомнѣвается въ вѣрности Х., знаетъ, что онъ не правительственный агентъ, но видѣться съ нимъ можетъ только за-границей, куда вѣроятно и поѣдетъ слѣдомъ за нимъ, а съ нею и нѣсколько делегатовъ, интересующихся его предложеніемъ.

Михайловскій придавалъ серьезное значеніе словамъ В. Н. и совѣтовалъ Х. не долго оставаться здѣсь, а спѣшить съ отъѣздомъ, такъ какъ всякая медленность могла бы быть истолкована колебаніемъ. По мнѣнію его для начала совершенно достаточно сношенія съ В. Н., за-границей же онъ увидится съ Иваномъ Григорьевичемъ, а тотъ держитъ теперь въ рукахъ все дѣло.

Иванъ Григорьевичъ—псевдонимъ, подъ которымъ скрывается *Левъ Тихоміровъ*. Личность эта является въ народовольческой партіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и когда Кобозевъ былъ въ Тифлисѣ, то переговоры съ Х. велъ отъ имени Ивана Григорьевича, занимавшаго тогда уже важное положеніе въ организаціи (50).

Тихоміровъ затѣмъ неоднократно упоминается въ бывшихъ политическихъ процессахъ и въ спискахъ лицъ, находящихся подъ наблюденіемъ тайной полиціи, а въ 1882 году онъ былъ редакторомъ «Народной Воли».

Уроженецъ города Ейска, сынъ доктора, онъ получилъ высшее образованіе въ военно-медицинской академіи, гдѣ впрочемъ не окончилъ курса и вышелъ за годъ до выпуска, служилъ потомъ секретаремъ городской думы въ Ростовѣ и обратилъ на себя вниманіе статьями социалистическими и этнографическими объ юго-востокѣ Россіи, помѣщаемыми имъ въ журналѣ «Дѣло» подъ псевдонимомъ «Кольцова». Въ 1882 году послѣдняя его тамъ статья была озаглавлена «Съ низовьевъ Дона». Народовольцы, давая большое значеніе литературному таланту Тихомірова и видя, какъ ихъ главнѣйшіе дѣятели попадаютъ въ руки полиціи, сочли за лучшее охранить Ивана Григорьевича удаленіемъ его за-границу. Онъ оставилъ Россію полгода тому назадъ, съ трудомъ избѣгнувъ преслѣдованія, и въ настоящее время, проживая въ Швейцаріи, продолжаетъ сотрудничать въ журналѣ «Дѣло».

Шелгуновъ и Михайловскій объяснили Х., (51) что Иванъ Григорье-

вичь одинъ изъ главнѣйшихъ лицъ партіи и свиданіе съ нимъ должно опредѣлить программу дальнѣйшихъ дѣйствій въ миссіи, принятой на себя Х.

Такимъ образомъ изъ первыхъ своихъ сношеній съ Шелгуновымъ и Михайловскимъ, Х. убѣдился, что черезъ этихъ лицъ онъ положительно проникаетъ въ верхи народовольческой партіи; въ этомъ его утвердило сношеніе съ Вѣрой Николаевной. Но въ то же самое время онъ видѣлъ, что очень усиленно хлопотать тотчасъ объ установленіи непосредственныхъ сношеній съ другими здѣшними главарями, будетъ съ его стороны неосторожностью; и Шелгуновъ, и Михайловскій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и Станюковичъ, и Кривенко дали ему понять, что всякая суетливость и поспѣшность могутъ повредить дѣлу. Въ обществѣ столько теперь агентовъ государственной полиціи и дружины, и ихъ приемы такъ хитро обдуманы, что все это усугубляетъ осторожность и опасливость народовольцевъ. Такъ, наприимѣръ, Кривенко разсказалъ Х., что на-дняхъ у него былъ Ярмонкинъ и прежде всего сталъ онъ говорить объ амнистіи, потомъ объ земскомъ соборѣ, увѣрялъ, что эти свѣдѣнія получены имъ отъ гр. Игнатьева, и что отъ него же онъ слышалъ о склонности государя къ дарованію конституціи. Кривенко знаетъ Ярмонкина съ весьма двусмысленной стороны. Тотъ разсказывалъ, что лѣтомъ ѣздилъ куда то на югъ, тогда какъ ему было извѣстно, что онъ ѣздилъ за-границу. Подобная поѣздка не могла быть предпринята имъ на свой счетъ, онъ дѣлалъ ее конечно на счетъ государственной полиціи или дружины съ цѣлью войти кое съ кѣмъ изъ социалистовъ въ переговоры. Послѣ разныхъ вступленій Ярмонкинъ заговорилъ, наконецъ, о своей газетѣ «Свѣточъ» и сталъ приглашать Кривенко къ сотрудничеству, тотъ отказался на-отрѣзъ, зная, что «Свѣточъ» издается на деньги дружины, а тогда Ярмонкинъ заговорилъ о журналѣ «Устой», редактируемомъ Кривенко, и предложилъ устроить этому журналу субсидію частнаго лица и даже назвалъ какую то г-жу Робендеръ. Кривенко отвѣчалъ, что онъ подумаетъ. Дня черезъ два послѣ того къ нему явился какой то ливрейный лакей, и на словахъ передалъ ему приглашеніе отъ какой то дамы, которая желала видѣться съ нимъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана Дюссо. Догадываясь, что это все продолженіе комедіи, разыгрываемой съ нимъ Ярмонкинымъ, онъ никуда не пошелъ и тѣмъ дѣло и покончилось. Но изъ этого всего онъ дѣлаетъ выводъ, что общаніемъ амнистіи и дарованія конституціи пользуются тайная полиція и дружина, какъ однимъ изъ маневровъ агентурныхъ, а потому то надо быть крайне осторожнымъ, ведя дѣло серьезное и имѣющее аналогическую основу, какъ, наприимѣръ, миссія, принятая на себя Х.

Имѣя все это въ виду и воздерживаясь спѣшить установленіемъ непосредственныхъ сношеній съ главарями здѣшней организаціи, Х. нашелъ весьма полезнымъ для дѣла выпросить разрѣшеніе для свиданія съ Ольгой Любатовичъ, содержащейся въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. Съ нею онъ знакомъ съ давнихъ временъ и она къ нему имѣетъ неограниченное довѣріе (52). Если бы можно было выпустить ее на поруки (а она предназначается къ администра-

тивной ссылкѣ) до окончательнаго разрѣшенія ея дѣла въ министерствѣ юстиціи, и ей было бы объяснено, что она можетъ облегчить участь своего мужа, пропагандируя пріостановленіе всякихъ террористическихъ замысловъ, то нѣтъ сомнѣнія, что она безусловно во всемъ подчинялась бы руководству Х. Отъ нея онъ узналъ бы и другихъ лицъ здѣшней организаціи и вошелъ бы съ ними въ сношенія. Это ходатайство Х. было доложено *Набольшему*, тотъ имѣлъ разговоръ по этому предмету съ генераломъ Оржевскимъ, но послѣдній не нашелъ возможнымъ ни свиданія съ Любатовичъ, ни отдачи ея на поруки (53).

Съ принятой на себя миссіей Х. знакомилъ и другихъ народовольцевъ, составляющихъ какъ бы кружокъ вокругъ него; тутъ были *Надѣиизъ* и *Павленковъ*, занимающіеся литературнымъ издательствомъ и переводами; послѣдній находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ по издательству съ Элизе Реклю; сношенія эти установилъ Мечниковъ, секретарь Реклю, живущій у него въ Швейцаріи, въ мѣст. Кларанѣ, братья Карауловы, содержащіе библіотеку и читальню на Петербургской сторонѣ и нѣкій О—въ—личность, заслуживающая особаго вниманія. Онъ былъ учителемъ одной изъ гимназій Сибири и за нигилистическую пропаганду административнымъ порядкомъ высланъ въ Вологду, но бѣжалъ оттуда и пріѣхавъ въ Тифлисъ съ поддѣльнымъ паспортомъ, на имя *Карпакова*, пристроился въ редакціи газеты «Обзоръ».

Тутъ онъ работалъ въ теченіе почти двухъ лѣтъ, когда же графъ Лорисъ-Меликовъ сдѣланъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, О—въ по совѣту Х. и по его протекціи, явился къ министру, объяснилъ, кто онъ такой дѣйствительно и просилъ освобожденія изъ подъ надзора полиціи. Лорисъ-Меликовъ, уваживъ его ходатайство, снялъ съ него административную кару и разрѣшилъ подъ настоящей его фамиліей проживать въ Петербургѣ.

Занимаясь здѣсь литературнымъ трудомъ, по преимуществу переводами съ иностранныхъ языковъ, трудомъ весьма скудно оплачиваемымъ, О—въ представляетъ собою типъ травленаго и опаснаго нигилиста, бывшаго учителя гимназіи, а этотъ разрядъ ихъ много надѣлалъ вреда, пропагандируя свое ученіе въ провинціальныхъ разсадникахъ педагогій.

Изъ женщинъ этого кружка, кромѣ княжны Гурамовой, мы можемъ назвать *Софію Васильевну Никитину*, дочь священника Волковскаго кладбища, 20 лѣтъ, красавицу. Она служила въ правленіи Либаво-Роменской дороги, оставивъ службу, скрылась куда-то и была арестована на югѣ; содержится теперь въ Домѣ Предварительнаго Заключенія. *Лидію Хелтупову* (двоюродная сестра Х.) слушательница Бестужевскихъ курсовъ, нигилистка; живетъ съ сестрой своей Евфиміей, ни къ чему непричастной. Лидія и Никитина служили дѣятельными сборщицами денегъ на народовольческое дѣло.

Елизавета Николадзе (сестра) (54) слушательница тѣхъ же курсовъ, и тоже нигилистка; въ ссорѣ съ братомъ по случаю отношеній его къ княжнѣ Гурамовой.

Въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ» Х. назвалъ мнѣ *Гляба Успенскаго, Златовратскаго, Елистева, Абрамова и Воронцова*, а въ редакціи журнала «Дѣло» *Русанова, Протопопова, Аннирскаго, Албова и Анненскаго* (женатаго на сестрѣ Ткачева),—какъ своихъ единомышленниковъ и будущихъ сотрудниковъ «Обзора», если только онъ будетъ ему разрѣшенъ здѣсь, въ Петербургѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ также посвятилъ въ цѣли предстоящей ему поѣздки за границу (55).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ мы рѣшили наконецъ выѣхать и передъ отъѣздомъ Шелгуновъ (56) объяснилъ Х., что адресъ Ивана Григорьевича онъ получить въ Женевѣ отъ книготорговца Георга, имѣющаго магазинъ и въ Базелѣ. Шелгуновъ далъ къ Тихомирову письмо, со вложеніемъ гонорара за послѣднюю статью (57). Письмо Х. было дано также *Наумовымъ*—сотрудникомъ журнала «Дѣло» ко Льву Константиновичу Буху, женатому на его племянницѣ. Бухъ былъ въ числѣ лицъ, заарестованныхъ при открытіи типографіи «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ. Выпущенный на поруки, онъ бѣжалъ за границу. Станюковичъ далъ Х. письмо къ *Серію Александровичу* (Михайловичу. *Ред.*), *Кравчинскому* (58) (убійца Мезенцева), въ письмѣ этомъ (которое надо было бросить въ почтовый ящикъ въ Берлинѣ) просилъ о высылкѣ его книги, изданной въ Италіи. Принесено было также письмо Антоновскимъ для передачи черезъ Ивана Григорьевича Плеханову. Оно было писано отъ какого то псевдонима *Варьки-Козы* и было любовнаго содержанія. Эта же особа просила передать Ивану Григорьевичу нѣсколько рукописей, имѣющихъ значеніе матеріаловъ для будущей исторіи русскаго социализма. Мы условились съ Х. выѣхать изъ Петербурга въ разные дни и по разнымъ направленіямъ: онъ изъ Петербурга на Вержболово, а я черезъ Москву на Вѣну; съѣхаться мы должны были въ Швейцаріи. Онъ прямо направился въ Женеву, а мнѣ нужно было быть въ Лозаннѣ и ожидать тамъ его оповѣщенія. 23-го ноября выѣхалъ Х., а затѣмъ 25-го выѣхалъ и я.

Всѣ изложенныя нами дѣйствія Х. въ Петербургѣ имѣли, главнымъ образомъ, задачею своею по возможности наглядѣть нѣсколькихъ лицъ, близко стоящихъ къ народовольческой организаціи, черезъ которыхъ можно было бы, такъ сказать, оповѣстить ее, что онъ Х., принявъ на себя отъ группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ миссію прекращенія террора переговорами съ главарями партіи, ѣдетъ съ этою цѣлью за-границу для свиданія съ Иваномъ Григорьевичемъ. Въ двухъ редакціяхъ—«Отеч. Зап.» и «Дѣла»—нашелъ онъ лицъ, стоящихъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ В. Н. Филипповой (скрывающейся гдѣ то недалеко отъ Петербурга), съ Ив. Гр., Кравчинскимъ, Плехановымъ и др. (находящимися за границей) (59) и ему удалось получить отъ нея обѣщаніе, что въ виду важности его миссіи до 19-го февраля 1883 г. всякій терроръ будетъ пріостановленъ. Если это было важно само по себѣ, то для его миссіи обѣщаніе это имѣло двойное значеніе: съ одной стороны, какъ обезпеченіе ему тыла во время нахожденія его за-границей—онъ зналъ, что тутъ ничего не произойдетъ тревожнаго въ это время; а съ другой стороны такое условіе, при которомъ онъ несомнѣнно пріобрѣталъ довѣріе лица, дѣйствительно его уполномочившаго на эту миссію. Лицо это при

самомъ началѣ переговоровъ Х. съ народовольцами убѣждалось, что переговоры эти не бесплодны и этимъ лишь можно было снискать энергическую его поддержку въ правительственной средѣ въ смыслѣ для всѣхъ желательномъ не исключительной репрессіи.

VI. (60)

Х. прибылъ въ Женеву 26 нояб.—8 декабря. Въ тотъ же день онъ былъ въ книжномъ магазинѣ Георга и, назвавъ себя, получилъ отъ хозяина письмо Ивана Григорьевича, назначавшаго ему свиданіе въ одномъ изъ домиковъ по дорогѣ отъ Женевы въ деревнѣ Carouge. Въ тотъ же день сошелся онъ съ нимъ въ назначенномъ мѣстѣ.

«Сюда пріѣзжалъ делегатъ изъ Россіи, началъ Иванъ Григорьевичъ, и сообщилъ мнѣ о цѣли вашей поѣздки за границу; я васъ ожидалъ и назначилъ вамъ свиданіе здѣсь, такъ какъ очень прошу васъ въ Женевѣ со мною не видаться и вообще избѣгать встрѣчи съ кѣмъ либо изъ нашихъ соотечественниковъ. Тутъ до того развито шпіонство, что надо быть крайне осторожнымъ».

Послѣ этой встрѣчи Х. снова сошелся съ Иваномъ Григорьевичемъ 27 ноября—9 декабря по дорогѣ въ лѣсъ и наконецъ третье свиданіе ихъ состоялось 28 ноября—10 декабря, опять за городомъ на берегу Роны.

При этихъ свиданіяхъ Х. изложилъ Ивану Григорьевичу свой планъ (извѣстный намъ) прекращенія навсегда террористическихъ дѣйствій народовольческой партіи; Иванъ Григорьевичъ много возражалъ и, главнымъ образомъ, интересовался: на чемъ основываетъ Х. свои надежды на то, что правительство, съ своей стороны, тоже склонно принять эту программу и, отказавшись отъ репрессіи, идти инымъ путемъ? Исполнительный Комитетъ недовѣрчиво относится ко всѣмъ подобнымъ предложеніямъ, такъ какъ онѣ практиковались уже отъ имени графовъ Воронцова, Игнатьева и Шувалова и еще въ болѣе либеральныхъ формахъ, чѣмъ предлагаетъ Х.; такъ, напримѣръ, давалось понять, что государь ничуть не противъ конституціи и что названные государственные люди стремятся къ ней. Всѣ эти подходы дѣлались съ цѣлью войти въ сношеніе съ организаціей, узнать ея составъ; словомъ то былъ одинъ изъ маневровъ государственной полиціи, или Св. Др., который не удался, и всѣ аккомодациі предлагавшіяся остались отвергнутыми, — переговорамъ не дано было хода.

На это Х. объяснилъ, что онъ не знакомъ вовсе ни съ однимъ изъ поименованныхъ государственныхъ людей, ему неизвѣстны дѣйствія тайной полиціи и тѣмъ менѣе могутъ быть они извѣстны ему, что онъ съ этимъ учрежденіемъ былъ всегда въ оппозиціи, да и теперь врядъ ли не находится подъ ея надзоромъ. Чернышевскій и Герценъ были его учителями; дѣятельность его, какъ публициста, не безъизвѣстна, и его честные русскіе люди изъ интеллигентной среды не сторонятся; онъ всегда былъ послѣдователемъ социалистической доктрины, и если не шель рука объ руку съ социально-революціонною партією, то только потому, что не раздѣлялъ никогда пріемовъ терро-

ристической фракціи и способовъ ея дѣйствій. Это хорошо извѣстно и самому Ивану Григорьевичу, присылавшему къ нему делегатомъ въ Тифлисъ Кобозева. Настоящее положеніе нашего отечества тяготитъ всѣхъ, всѣмъ связываетъ руки, изъ него необходимо выйти во что бы то ни стало. Такъ думаютъ многія лица, съ которыми онъ близокъ, лица съ солиднымъ положеніемъ, располагающія значительными матеріальными средствами. Изъ нихъ можетъ онъ назвать банкира Зака, инженеровъ Палашковского и Романовскаго; со многими изъ окружающихъ великаго князя Михаила Николаевича онъ хорошо знакомъ по Кавказу и сохранилъ эти отношенія; графъ Лорисъ-Меликовъ считаетъ его своимъ другомъ, графъ Н. П. Граббе тоже хорошо знакомъ съ нимъ. Всѣ эти лица имѣютъ возможность знать, что дѣлается и думается наверху, и отъ нихъ онъ вынесъ убѣжденіе, что государь вовсе не поборникъ исключительной репрессіи, а въ виду спасенія массы еще не совсѣмъ погибшихъ личностей, склоненъ къ мѣрамъ милосердія и кротости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не противъ прогрессивнаго движенія интеллигенціи, направленнаго къ разработкѣ вопросовъ нашего русскаго социализма. Все это вызвало его, Х., на эту попытку, которая была имъ изложена Ивану Гр. Пусть террористы прекратятъ свои дѣйствія, откажутся отъ нихъ и они тотчасъ же увидятъ, что развязываютъ руки правительству выступить на путь прогрессивный. При связяхъ своихъ, онъ имѣетъ основаніе надѣяться на разрѣшеніе ему изданія газеты «Обзоръ» въ Петербургѣ, въ размѣрахъ большой газеты, на это готовы уже у него средства поименованныхъ имъ капиталистовъ, а вокругъ этого органа онъ рассчитываетъ сгруппировать лучшія литературныя силы, передовыя силы русской интеллигенціи. Путемъ мирнаго, но широко поставленнаго прогресса, можно больше сдѣлать, чѣмъ динамитомъ, кинжаломъ и револьверомъ».

Выслушавъ все это Ив. Гр. сказалъ, что не можетъ покуда дать никакого отвѣта, прежде чѣмъ не снесется съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Онъ тотчасъ же снесется съ Россією, а его, Х., просить ни минуты не оставаться въ Женевѣ, и ѣхать въ Парижъ, куда онъ и самъ пріѣдетъ по полученіи отзыва изъ Комитета, и остановится у Льва Константиновича Буха, который живетъ въ Mont Rouge, 107, Avenue d'Orléans.

При свиданіи съ Ив. Гр., Х. передалъ ему корреспонденцію изъ Петербурга, а письмо къ Кравчинскому было имъ брошено въ почтовый ящикъ въ Берлинѣ; 29 ноября—11 декабря выѣхалъ онъ изъ Женевы и оставилъ въ гостинницѣ Швейцергофъ приказаніе немедленно пересылать ему въ Парижъ письма и телеграммы. 30 ноября—12 декабря былъ уже въ Парижѣ и остановился въ 8, rue Daunon, Hotel d'Orient.

Между тѣмъ я пріѣхалъ въ Лозанну 3—15 дек. и тотчасъ же послалъ письмо въ Женеву; отвѣтъ получилъ 7—19 декабря съ адресомъ Х. изъ Парижа, 8 20 дек. выѣхалъ изъ Лозанны и прибылъ въ Парижъ 9—21 дек. въ тотъ же день имѣлъ свиданіе съ Х., сообщившимъ мнѣ все вышеизложенное о свиданіи его съ Ив. Гр. Наканунъ моего пріѣзда (8—20 д.) прибылъ сюда и тотъ съ отзывомъ Исполнительнаго Комитета.

Остановился, какъ было сказано, у Буха. По словамъ Х., Л. К. Бухъ, человѣкъ лѣтъ 30, женатый на племянницѣ Наумова, довольно хорошенькой и молоденькой женщинѣ, живетъ въ Парижѣ уже два года и специально занятъ изученіемъ экономическихъ и финансовыхъ наукъ, сотрудникъ «Отеч. Зап.»; пользуется большимъ уваженіемъ редакціи. У него Х. встрѣтилъ личность покуда ему неизвѣстную по имени и фамилии, но какъ онъ имѣетъ основаніе предполагать, присланную изъ Россіи партією народовольцевъ. Онъ, конечно, узнаетъ, кто это и съ какою цѣлью присланъ, но всякое выпрашиваніе не въ обычаяхъ народовольцевъ. При первой бесѣдѣ съ Ив. Гр. въ Парижѣ, тотъ выказалъ Х. слѣдующее.

«Лично я (какъ и Исполнительный Комитетъ) признаю, что въ вашей программѣ вѣрная идея. Мы готовы честно выполнить обязательство ступешаться и помочь во всемъ, что касается легальнаго государственнаго социализма. Но высказавъ это по отношенію къ главному предмету нашихъ переговоровъ, я долженъ къ сожалѣнію передать вамъ и одну детальную сторону, одно желаніе или условіе Исполнительнаго Комитета, желаніе мною лично называемое неправильнымъ или неудобноисполнимымъ. Очевидно Исполнительный Комитетъ не совсѣмъ вѣрно понялъ мои слова о томъ, что за вами (т. е. Х.) стоятъ капиталисты; онъ увлекся этою стороною и теперь говоритъ слѣдующее.

«Если Х. дѣйствительно уполномоченъ капиталистами на свою миссію, то пусть они дадутъ намъ матеріальную гарантію въ томъ, что всѣ обѣщанія Х. не останутся однѣми пустыми фразами. Пусть они внесутъ заруки *милліонъ* рублей, который долженъ, въ случаѣ неудачи его попытки, поступить въ социалистическій фондъ. Прекращая свою дѣятельность, упраздняя свою организацію, народовольческая партія сразу лишаетъ себя всѣхъ источниковъ для своего матеріальнаго существованія. Источниками этими служатъ покуда: 1) пожертвованія значительныхъ суммъ отдѣльными лицами, 2) средства, добываемыя ловкими и практическими личностями партіи, не останавливающимися ни передъ чѣмъ, считающими и всякаго рода гешефты, воровство, грабежъ дозволенными средствами для достиженія своихъ цѣлей, т. е. добыванія денегъ на дѣло революціонное и 3) сборы, получаемые повсемѣстно въ Россіи среди учащейся молодежи, прекратить которые будетъ всегда безсильна власть» (61).

«Представьте себѣ, что вдругъ все это пріостановится безплодно, потому что либеральное теченіе правительства, какъ это неоднократно уже и бывало, приметъ противоположное направленіе, всплыветъ опять привычная репрессія; что прикажете тогда дѣлать? Куда дѣваться тогда тысячамъ людей, отдавшихъ всецѣло революціонному служенію и находившихъ въ этихъ источникахъ революціонную поддержку. Конечно поддержка эта никогда не была особенно значительна, а въ настоящій моментъ (между нами сказать) средства партіи очень скудны, но все-таки то была поддержка. Поэтому, если вы хотите вывести насъ изъ темнаго лѣса, въ которомъ мы заблудились, то дайте намъ матеріальную гарантію; если вы увѣрены въ успѣхѣ своей миссіи, если свѣдѣнія ваши о склонности царя къ милосердію вѣрны, то вы ничѣмъ не рискуете, вашъ *милліонъ* останется неприкосновеннымъ».

Х. на это отвѣчалъ, что поставивъ вопросъ на эту почву, Ив. Гр. дѣлаетъ невозможнымъ всякій серьезный разговоръ; подобныя аккомодациі могутъ имѣть мѣсто между народовольцами и правительствомъ или его агентами, какъ вообще аккомодациі двухъ враждебныхъ лагерей, выговаривающіяся до окончательнаго заключенія мира и обезпеченныя извѣстными матеріальными гарантіями. Онъ же, Х., вовсе не представитель или делегатъ вражескаго лагеря, онъ приходитъ изъ лагеря во многомъ союзнаго, приходится сказать, что пора подумать о прекращеніи борьбы, неприносящей никакихъ иныхъ результатовъ, какъ общаго смущенія, тормозящаго правильное развитіе общественной жизни, тѣсно связанной съ жизнью народа.

Иванъ Григорьевичъ, вполне соглашаясь лично за себя, съ этими доводами, общалъ выяснить Исполнительному Комитету необходимость отбросить это невозможное условіе и затѣмъ, считая пунктъ этотъ поконченнымъ, съ своей стороны онъ нашелъ возможнымъ продолжать дальнѣйшіе переговоры.

Переговоры велись нѣсколько дней и въ нихъ принимали участіе (62) кромѣ Ив. Гр. и Х.,—Лавровъ, (проживающій въ Парижѣ 328, rue st. Jacques), Л. К. Бухъ и Петръ Андреевичъ, делегатъ Центрального Комитета. Послѣдній не подавалъ никакого мнѣнія и былъ лишь слушателемъ. На этихъ совѣщаніяхъ былъ бы и князь Кропоткинъ, если бы его не задержала болѣзнь брата жены, Ананьева, и онъ не былъ бы затѣмъ арестованъ въ Ліонѣ. Онъ направился въ Парижъ и былъ оповѣщенъ о пріѣздѣ сюда Ив. Гр. и Х. Кравчинскій, тоже приглашенный, отвѣчалъ, что выѣхать во Францію онъ не можетъ, такъ какъ полиція тамошняя его задержитъ, и потому онъ будетъ ожидать Х. въ Вербье, въ Бельгіи. Былъ бы, конечно, и Ткачевъ; но за двѣ недѣли до того помѣшавшійся, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ maison de santé Парижа. Результатомъ переговоровъ былъ слѣдующій меморандумъ, сообщенный мнѣ Х.

Меморандумъ о переговорахъ Х. съ уполномоченнымъ на это Исполнительнымъ Комитетомъ Ив. Гр.

Х. отъ имени группы своихъ политическихъ друзей и единомышленниковъ предлагаетъ Исполнительному Комитету испробовать путь мирнаго осуществленія необходимыхъ для Россіи социальныхъ реформъ, утверждая, что при дѣйствительныхъ намѣреніяхъ правительства это совершенно возможно и задерживается только террористическою дѣятельностью революціонеровъ, вынуждающихъ правительство къ суровымъ мѣрамъ. Въ удостовѣреніе такой оцѣнки настроенія правительства Х. заявляетъ, что его политическіе друзья и единомышленники, подъ условіемъ отсутствія террористическихъ фактовъ, имъ мѣшающихъ, надѣются достигнуть при предстоящей коронаціи государя слѣдующихъ мѣропріятій со стороны правительства.

1) Полной и всеобщей, безъ всякихъ исключеній, амнистіи всѣмъ государственнымъ преступникамъ прошлаго и настоящаго царствованія, 2) свободы печати, общества и собраній, 3) расширенія земскаго самоуправленія.

Исходя из такой оцѣнки настроенія правительства, Х. полагаетъ, что для блага Россіи Исполнительный Комитетъ и вся народовольческая партія должна измѣнить свою программу въ томъ смыслѣ, чтобы отказаться отъ стремленія къ ограниченію самодержавія и, напротивъ, присоединить свои усилія къ усиліямъ самодержавной власти, взявшея за проведеніе необходимыхъ для народа реформъ.

Въ отвѣтъ на такое предложеніе Х., уполномоченный для переговоровъ отъ Исполнительнаго Комитета, на основаніи инструкціи этого послѣдняго, заявляетъ:

1. Не видя возможности судить о дѣйствительной политической силѣ друзей г. Х., Исполнительный Комитетъ полагаетъ прежде всего необходимымъ, чтобы они доказали чѣмъ-нибудь эту силу. Для такой цѣли Исполнительный Комитетъ предлагаетъ г. Х., въ видѣ отдѣльнаго опыта, добиться до февраля 1883 года помилованія Н. Г. Чернышевскаго и назначенія строгаго и безпристрастнаго разслѣдованія высшимъ правительствомъ причинъ Карскихъ волненій съ отмѣною безчеловѣчныхъ притѣсненій, введенныхъ тамъ циркуляромъ гр. Лорисъ-Меликова, не только не вытекающимъ изъ закона, но прямо противоположнымъ и *) внести одинъ милліонъ рублей въ руки какого нибудь благонадежнаго лица за-границей (по обоюдному выбору) съ тѣмъ, чтобы эти деньги были немедленно возвращены г. Х., по осуществленіи мѣропріятій, имъ указанныхъ (свобода печати, полная амністія, свобода обществъ и собраній, расширеніе земскаго самоуправления); въ противномъ случаѣ деньги поступаютъ въ окончательное распоряженіе Исп. Ком. Для того же, чтобы доставить возможность г. Х. и его друзьямъ удачно выполнить этотъ опытъ, Исп. Ком. обязывается до 20 февраля 1883 г. не производить никакихъ насильственныхъ покушеній на особу государя **).

2. Убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, Исполнительный Комитетъ обязется не производить впредь до коронаціи и во время коронаціи никакихъ покушеній на особу государя; что же касается до разныхъ агенто́въ власти, то Исполнительный Комитетъ не можетъ дать по отношенію къ нимъ никакого обязательства, такъ какъ не желаетъ отказаться отъ само-защиты ***).

*) По предложенію г. Х., уполномоченный Исп. Ком. согласился замѣнить здѣсь слово „п“ словомъ „или“, съ тѣмъ, однако, что такое измѣненіе должно подвергнуться обсужденію Исп. Ком., который о своемъ окончательномъ рѣшеніи увѣдомитъ г. Х.

**) Это обязательство Исп. Ком., по предложенію г. Х. измѣняется въ томъ же смыслѣ, какъ оно измѣняется въ слѣдующемъ § 2, конечно если измѣненіе § 2 будетъ принято Исп. Ком.

***) По соглашенію Х. съ уполномоч. Исп. Ком. этотъ § долженъ быть редактированъ такъ: „убѣдившись изъ этого опыта въ дѣйствительной силѣ г. Х. и его друзей, Исп. Ком. обязется не производить впредь до коронаціи и во время ея никакихъ вооруженныхъ нападѣній на правительство, т. е. на особу государя и государственныхъ дѣятелей, какъ-то министровъ, ген.-губернаторовъ и т. д. Но Исп. Ком. не отказывается отъ *самозащиты*, хотя бы и въ формѣ террористическихъ фактовъ противъ агенто́въ власти, подвергающихъ своею инвизиціонною дѣятельностью опасности ту или другую группу организаціи (какъ-то было въ случаѣ съ ген. Стрѣльниковымъ). Это измѣненіе вступаетъ въ силу только по утвержденіи его Исп. Ком., о чемъ г. Х. получить увѣдомленіе.“

3. Само собою разумѣется, что въ теченіе этого временнаго воздержанія Исп. Ком. отъ вооруженнаго нападенія на правительство, Исполнительный Комитетъ и партія «Народной Воли» не отказываются ни отъ своей пропагандистской, ни отъ организаціонной дѣятельности.

4. Что касается измѣненія программы «Народной Воли», о которомъ говоритъ г. Х., то оно немислимо въ настоящій моментъ, такъ какъ отношеніе партіи къ правительству обусловливается прежде всего отношеніемъ правительства къ Россіи. Въ этомъ отношеніи Исполнительный Комитетъ можетъ теперь высказать г. Х. и его друзьямъ свое *credo*, а именно: При *искреннемъ* соблюденіи правительствомъ свободы слова, печати, обществъ и собраній, т. е. при возможности свободнаго развитія народа, собственно *террористическія* дѣйствія противъ государственныхъ дѣятелей, а тѣмъ болѣе противъ особы государя, теряютъ всякій смыслъ и дѣлаются въ глазахъ Исполн. Ком. вполне абсурдными. Но Исполн. Комит. и народовольческая партія считаютъ необходимымъ совершеніе социальныхъ реформъ, осуществленіе которыхъ требуетъ не только свободы слова и т. д., но и энергическаго содѣйствія власти. Поэтому Исп. Ком. и народовольческая партія не могутъ отказаться отъ стремленія совершить *въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ* государственный переворотъ, если правительство станетъ подавлять развитіе народной жизни.

По мнѣнію партіи, Россія нуждается въ правительствѣ, активно содѣйствующемъ совершенію социальныхъ реформъ. Поэтому отреченіе партіи отъ борьбы съ самодержавіемъ возможно единственно въ томъ случаѣ, если самодержавіе оказывается способнымъ къ этой великой исторической роли. Признавая для осуществленія социальной реформы необходимость революціонной диктатуры, народовольческая партія логически не можетъ не подчиниться самодержавному царю, высказавшему рѣшимость и способность самодержавнымъ путемъ осуществить рядъ необходимыхъ социальныхъ реформъ» (63).

На другой день послѣ составленія этого меморандума Ив. Гр. обратно выѣхалъ въ Женеву, сдѣлавъ предварительно слѣдующія распоряженія. Онъ далъ Х. два адреса въ Парижѣ: 1) Distellerie Lyonnaise, 9, rue des Lyonnais, M-r Carrière; 2) 70, Boulevard St. Michel, docteur Letourneau. По этимъ двумъ адресамъ должны доставляться корреспонденціи Х. для Ив. Гр. Затѣмъ онъ далъ Х. слѣдующее открытое письмо:

«Любезный другъ, рекомендую подателя сего 3, 8, 15, 17, 3, 4, 2, 8, 16, 29, 26, 3, 7, 17, 14, 3, 2, 6, 13, 10, 28, 15, 30, 16, 4, 5, 2, 24, 17, 9, 14, 30, 2, 15, 15, 5, 6, 3, 25, 4, 2. Онъ тебѣ объяснить. Я съ своей стороны прошу тебя выйти изъ уединенія. Дѣло стоитъ того. Что касается самого его (подателя), то отчасти самъ можешь знать его репутацію. Я ему очень и очень довѣряю въ этомъ случаѣ, т. е. не говоря уже о личности (объ этомъ не стоило бы и говорить),

но главное—его способности и энергіи, съ которыми онъ, конечно, сумѣетъ дать реальную постановку и содержаніе этому дѣлу, которое тебѣ можетъ сперва показаться фантазіей. Повторяю, что при такомъ случаѣ тебѣ съ твоими дѣльными способностями будетъ стыдно не помочь.

Твой Лавровъ.

Письмо это должно было быть показаннымъ въ Петербургѣ Софѣѣ Ермолаевнѣ Усовой (слушательницѣ медицинскихъ курсовъ), живущей на углу Забалканскаго проспекта и Обводнаго канала, д. № 139/1, кв. 3. Послѣ того, какъ оно будетъ ей показано, дня черезъ 3 придетъ къ Х. личность и подастъ ему записку, въ которой будутъ всего четыре слова, а изъ начальныхъ буквъ ихъ должно составиться слово *арва*. Податель этой записки *большое* лицо въ петербургской организаціи; съ нимъ Х. можетъ говорить съ полнымъ довѣріемъ и тотъ посвятить его въ составъ организаціи. Въ *Москвѣ*, онъ долженъ итти съ этимъ письмомъ къ бывшему профессору *Гольцеву*, онъ, по словамъ Ив. Гр., тамъ главный и тоже войдетъ съ нимъ въ ближайшія отношенія и раскроетъ ему организацію (64).

Такимъ образомъ Х. получилъ, такъ сказать, ключъ къ дверямъ Исполнительнаго Комитета, и ему не оставалось ничего болѣе дѣлать въ Парижѣ, а какъ въ то же время телеграммы изъ Петербурга извѣщали его о тяжкой болѣзни княжны Гурамовой, онъ и поспѣшилъ выѣхать. Нѣсколько дней спустя выѣхалъ и я и 31 декабря былъ уже въ Петербургѣ. Тутъ встрѣтило меня обстоятельство совершенно неожиданное: кружокъ нашъ въ моемъ отсутствіи прекратилъ свое существованіе...

Я былъ у Набольшаго, далъ ему подробный отчетъ обо всемъ происходившемъ за границей, о важномъ въ высшей степени результатѣ переговоровъ Х. и просилъ его наставленія о томъ, что мнѣ дѣлать. На это получилъ отвѣтъ, что онъ увѣдомитъ меня о томъ, продолжить ли мнѣ это дѣло или прекратить его.

Х. я не объяснилъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, такъ какъ это значило объявить ему о принадлежности моей къ извѣстному кружку, которую онъ безусловно игнорировалъ; онъ самъ былъ у Набольшаго, шла опять бесѣда, а какъ изъ нея онъ не вынесъ того заключенія, которое въ правѣ было ожидать, то все это привело его въ крайнее недоумѣніе. О разрѣшеніи газеты не было ни малѣйшаго намека. Онъ понималъ, что что-то совершилось особенное на верхахъ, да и самые факты стали говорить о рѣзкой перемѣнѣ тамъ направленія. Сталъ объяснять онъ это немилостью къ Набольшему, и я его въ этомъ не разувѣрялъ. До всѣхъ личностей, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ, по принятой имъ на себя миссіи (65) вскорѣ коснулась рука. Вѣра Николаевна Филиппова (Фигнеръ) была арестована съ цѣлою группою лицъ; Шелгуновъ и Михайловскій высланы въ Выборгъ; «Отечественнымъ Запискамъ» сдѣлано второе предостереженіе съ поименованіемъ автора статьи о Гамбетѣ и Луи Бланѣ самого Х.; Салтыкову предложено было выѣхать въ Вятку за «Пискаря», но его оставили лишь по причинѣ болѣзни. Послѣ всѣхъ этихъ фактовъ разрѣшеніе изданія «Обзора»

сдѣлалось немислимымъ, а какъ разъ въ это время Х. лишился мѣста секретаря правленія съ окладомъ въ 700 руб. въ мѣсяцъ, кредиторы осадили его, и для спасенія имущества его отъ продажи съ аукціона, мнѣ, человѣку бѣдному, пришлось дѣлать ему ссуды изъ своихъ крайне скудныхъ средствъ (66). Я вѣдь не могъ же забыть, что былъ орудіемъ лишенія его въ сентябрѣ мѣсяцъ выгоднаго мѣста у Палашковскаго и Бунге въ Тифлисѣ. Онъ отказался отъ этого мѣста вслѣдствіе моихъ увѣреній и настояній.

Кому подробно извѣстны обстоятельства, вызвавшія такое внезапное закрытіе кружка, тотъ со временемъ конечно разскажетъ ихъ; мы же скажемъ нѣсколько заключительныхъ словъ по поводу крамолы, изученіемъ которой намъ привелось заниматься въ теченіи болѣе чѣмъ полутора года.

Въ началѣ этой записки я сказалъ, что меня крайне интересовало знакомство съ верхами народовольческой партіи послѣ того, какъ я уже познакомился отчасти съ нижними ея слоями. Выбравъ себѣ проводника, смѣю сказать, одного изъ даровитѣйшихъ, энергичныхъ и страстныхъ представителей нашей прогрессивной среды, я успѣлъ возбудить въ немъ живой интересъ и при помощи его наглядѣлъ рядъ личностей, руководящихъ народовольческою партіею. Тутъ, въ этомъ высшемъ слоѣ партіи, по мнѣнію моему нѣтъ той искренности и непосредственности вѣры въ правоту своего дѣла, которыя встрѣчаются внизу, ихъ замѣняютъ здѣсь доктринерство, дошедшее логически до оправдыванія такого страшнаго пріема дѣйствій, какъ терроръ; и не менѣе того, какъ внизу, такъ и наверху ясно проглядываетъ у всѣхъ нашихъ нигилистовъ желаніе вернуться назадъ, прекратить борьбу, вносящую смущеніе во всѣ дѣла внутреннія нашего отечества, готовность при первомъ серьезномъ и честномъ призывѣ ихъ верховною властью бросить крамолу и стать въ ряды вѣрноподанныхъ самодержавнаго царя. Настроеніе это въ душѣ нигилистовъ несомнѣнно и слово помилованія, изреченное всемилостивѣйшимъ государемъ, будетъ имѣть могущественное значеніе для успокоенія нашего отечества. Тутъ одни пріемы полицейской практики недостаточны.

4-го апрѣля 1883 года.

Н. А. Бороздинъ.

Примѣчанія Н. Я. Николадзе.

- 1) Лорисъ-Меликовъ ничего другого и не домогался, какъ отколотъ либеральное общество отъ революціонеровъ. Значитъ онъ достигъ своей цѣли.
- 2) И истерическій припадокъ, и наказаніе—все это неправда.
- 3) Случай сблизилъ меня не съ самимъ Чернышевскимъ, а съ его семьей, въ Царскомъ (это было въ 1862 году) я прожилъ дѣло не съ ними, а около нихъ.
- 4) Арестовать я былъ, какъ заурядный студентъ, не отстававшій отъ другихъ, а въ своемъ кружкѣ передъ началомъ демонстрацій я принадлежалъ къ тому меньшинству, которое доказывало, что не слѣдуетъ участвовать въ демонстраціи, а сперва надо учиться, а потомъ дѣйствовать.

5) Никакимъ особымъ покровительствомъ я не пользовался, кн. Суворовъ вообще ко всѣмъ относился снисходительно. Суворовъ разрѣшилъ мнѣ остаться въ Спб., а вольнослушателемъ я никогда не былъ.

6) Это тоже невѣрно. Чернышевскій не при чемъ въ моемъ знакомствѣ съ Герценомъ.

7) Это тоже невѣрно. Мое направленіе было сформировано раньше моего выѣзда изъ Россіи. Оно опредѣлилось подъ влияніемъ событій 1862—1863 гг. и главнымъ образомъ польскаго возстанія. и было въ основныхъ чертахъ совершенно противоположно ученіямъ Герцена, о чемъ въ „Колоколѣ“ сдѣланы формальныя заявленія именно въ моихъ статьяхъ.

8) Напротивъ, я никогда не хотѣлъ выйти изъ того социальнаго положенія, въ которомъ родился, хотя сотни разъ имѣлъ возможность получать дворянство чинами или орденами.

9) Напротивъ, уже въ этихъ статьяхъ я прямо возставалъ противъ всякихъ сепаратистскихъ тенденцій, видя въ нихъ гибель Грузіи.

10) Фази, какъ вождь радикальной партіи, былъ только номинальнымъ редакторомъ газеты; редакторомъ же ея состоялъ Феликсъ Дюкасъ.

11) Въ дѣйствительности я былъ изгнанъ изъ газеты за социалистическія тенденціи и за то, что „обругалъ“ въ ней Паскаля Дюпра, друга Фази.

12) Это дѣло досталось мнѣ въ наслѣдство отъ отца, принявшаго по отношенію къ владѣльцамъ копей обязательства, отъ которыхъ я отказаться уже никакъ не могъ.

13) „Гуземный городской классъ“ выбралъ меня въ гласные не за эти рѣчи, а за статьи о городскихъ дѣлахъ.

14) По подписанію выше.

15) Невѣрно. Никакой готовой почвы не было, и пропаганда моя была не нигилистическая, а земская: призвать къ самоуправленію. Это доказывается первою моею брошюрой на грузинскомъ языкѣ, изданной въ 1871 году: „Земство и его значеніе“.

16) Невѣрно. Покойный В. Т. Гогоберидзе былъ вовсе не сепаратистъ а чистокровный „академистъ“, ревнитель просвѣщенія, вѣрнѣе, народнаго образованія, на чиновничьей подкладкѣ. Кружокъ молодежи былъ недоволенъ не *русскими* порядками, а безправіемъ и застоємъ.

17) Цензура была ужасающая. Въ газетѣ не было ничего подобнаго тому, о чемъ пишетъ Бороздинъ. Говорилось о русскомъ земствѣ, о русской литературѣ, о заграничномъ самоуправленіи, о наукѣ и т. п.

18) Они домогались моей высылки не за литературную дѣятельность, а чтобы помочь Н. А. Новосельскому избавиться отъ конкурента по Ткобульскимъ каменноугольнымъ копямъ.

19) Ничего подобнаго.

20) Съ эмиграціей я тогда ни въ какихъ, ни въ тайныхъ, ни въ явныхъ сношеніяхъ не былъ.

21) Этого я никогда Бороздину не говорилъ.

22) Совершенный вздоръ! Рѣчь, разобранная Катковымъ, произнесена мною лѣтомъ 1879 года, а въ гласные тифлисской Думы я избранъ былъ въ концѣ 1878 года. Высланъ же былъ лѣтомъ 1881 года.

23) Гласные никакого содержанія не получаютъ. Армяне же въ 1879 и 1880 гг. вели противъ меня ожесточенную борьбу, данныя о которой можно

найти въ ихъ тогдашнемъ органѣ: „Тифлиссій Вѣстникъ“. Армяны, впрочемъ, поддерживали и грузины въ своихъ органахъ.

24) Чтобы выгородить „начальство“ отъ незаслуженнаго обвиненія я долженъ заявить, что кавказское начальство съ самаго появленія моего на мѣстной аренѣ настойчиво (иногда даже съ угрозами) предлагало мнѣ завидныя мѣста и положеніе. Въ числѣ другихъ могу указать на предложеніе губернатора К. Н. Орловскаго въ 1870 году, кн. Д. И. Святополкъ-Мирскаго въ 1879 г. (вести финансовую часть крестьянскихъ выкуповъ), начальника штаба кавказской арміи г.-л. Павлова (предлагавшаго мнѣ сразу чинъ полковника и мѣсто въ штабѣ, не то—исторіографа, не то—редактора всѣхъ бумагъ) и, наконецъ, и. д. намѣстника кавказскаго кн. Д. И. Меликова въ 1882 г. (мѣсто члена совѣта намѣстника). Не отъ начальства зависѣло использовать меня.

25) Бороздинъ говорилъ мнѣ все время не о Катковѣ, а о Георгіевскомъ.

26) Не я ему разсказалъ, а онъ мнѣ сказалъ про письмо Кобозева. Ничего подобнаго я ни сказать, ни сдѣлать, конечно, не могъ. Иначе Бороздинъ меня спросилъ бы: „а почему не выдалъ вы правительству Кобозева въ Тифлисъ?“

27) Этого я не говорилъ. Но Бороздинъ, знаяшій мои связи, могъ думать, что эти господа мнѣ дадутъ или доставятъ деньги. Имъ я объ паденіи говорить не могъ, ибо не вѣрилъ, что получу право изданія.

28) Весь этотъ разсказъ—жестоко подтасованъ. Въ моей статьѣ объ освобожденіи Чернышевскаго этотъ эпизодъ разсказанъ болѣе точно. Въ промежуткѣ этихъ разговоровъ былъ мой разрывъ съ Б. и его насильственное врываніе въ мой кабинетъ.

29) За все то время, пока Лорисъ-Меликовъ былъ во власти, т. е. въ 1880 году, я былъ далекъ отъ него: сначала въ Тифлисъ, а потомъ въ ссылку. Свидѣлся я съ нимъ уже послѣ его паденія. Слѣдовательно никакой откровенности онъ мнѣ выказать не могъ. Когда Лорисъ-Меликова назначили начальникомъ Верховной Комиссіи, я напечаталъ въ „Обзорѣ“, что онъ „вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей 13 февраля“. Никто кромѣ насъ обоихъ не понималъ этого намека. Графъ, суевѣрно боявшійся 13 числа, не прощалъ мнѣ этой выходки.—„Вы мнѣ накаркали первое марта“—не разъ говорилъ онъ мнѣ.

До 1882 года никакихъ разговоровъ у меня съ Лорисъ-Меликовымъ о крамоулѣ не было, и не могло быть въ 1877 году.

30) А я говорилъ Б., что даже и люди съ высокими качествами ума и сердца ничего не могутъ сдѣлать въ этомъ направленіи, ибо невозможно примирить непримиримое, какъ нельзя достать холоднаго огня или горячаго льда и т. д.

31) А я почти ничего не слышалъ, такъ какъ гр. Воронцовъ все время молчалъ.

32) Я именно всегда доказывалъ, что въ имперіи ни съ кѣмъ не могу видѣться.

33) Т. е. я согласился не имѣть ничего противъ.

34) Это *неверно*. Имена я общалъ не открывать *никому*.

35) Ничего подобнаго ни мнѣ не было сказано, ни мною не было предложено ни Бороздину, ни Воронцову.

36) Я никакихъ редакцій плановъ не составлялъ и не передавалъ Бороздину, думая что все дѣло—въ словесныхъ уговорахъ моихъ съ гр. Ворон-

цовымъ-Дашковымъ. Бороздину я на память далъ только скелетъ того, что говорилъ я графу, по соглашенію съ Н. К. Михайловскимъ и С. Н. Кривенко.

37) Я не помню, чтобы Бороздинъ мнѣ ее показывалъ, но если бы показалъ, я непременно представилъ бы ее Кривенко и Михайловскому.

38) Повторяю, такого резюме я не видѣлъ, и если бы увидѣть, то отшатнулся бы отъ дѣла.

39) Это „сопровожденіе“ было пристегнуто къ дѣлу передъ моимъ отъѣздомъ за-границу. Ни въ началѣ, ни въ серединѣ переговоровъ о немъ рѣчи не могло быть.

40) А я графу Воронцову-Дашкову и Бороздину все время твердилъ, что здѣсь я ни съ кѣмъ видѣться не могу.

41) Ну, а общаніе про освобожденіе Чернышевскаго, данное мнѣ гр. Воронцовымъ-Дашковымъ передъ отъѣздомъ моимъ?

42) Всѣ эти разсужденія и факты общедоступны для всякаго журналиста или литератора, въ родѣ Бороздина, посѣщавшаго разныя редакціи того времени. Я же не имѣлъ доступа ни въ какую редакцію, кромѣ „Отеч. Записокъ“ и „Устоевъ“ (сотрудники обоихъ журналовъ были одни и тѣ же). Бороздинъ приписываетъ шутя мнѣ свои собственныя мысли и заключенія, съ моими вовсе не сходныя. Всѣ отзывы Б. про журналы и газеты—сущій вздоръ. Ни „Русскія Вѣдомости“, ни „Русскій Курьеръ“, ни „Наблюдатель“ меня не знали вовсе, а своимъ и подавно считать не могли. Между мною и этими органами не было никакихъ сношеній и отзываться про нихъ передъ Бороздинымъ я въ такомъ смыслѣ не могъ: не было ни смысла, ни нужды въ такихъ отзывахъ.

43) Съ Н. В. Шелгуновымъ я былъ знакомъ по пріятельски, но недавно, а съ К. Станюковичемъ—очень мало (встрѣчался я съ нимъ лишь на литературныхъ объѣздахъ). Ни тому, ни другому про свои переговоры съ Бороздинымъ и съ гр. Воронцовымъ я никогда не говорилъ ни слова. Откуда Бороздинъ взялъ этотъ вздоръ—не понимаю. Довѣріемъ Шелгунова и Станюковича я располагать не могъ. Все это—слѣдствіе стремленія раздуть мое значеніе, для чего и понадобилось выдать за революціонеровъ и террористовъ всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ. Впослѣдствіи Н. В. Шелгуновъ, узнавъ отъ Н. К. Михайловскаго про переговоры 1882 года, досадовалъ на меня, почему я скрылъ отъ него про нихъ.

44) Это неправда: никогда я ничего подобнаго Шелгунову не предлагалъ, а слѣдовательно и онъ не вызывался ни на что подобное.

45) Про нее впервые слышу.

46) Откуда я это могъ тогда знать?

47) Этого даже теперь не думаю.

48) Предложеніе это сдѣлалъ мнѣ С. Н. Кривенко, а о братѣ я ничего не слыхалъ. Я понятія не имѣлъ объ его существованіи, мѣстопребываніи и пріѣздѣ. Никогда я знакомъ съ нимъ не былъ. Очевидно, все это—свѣдѣнія почерпнутыя изъ тайной полиціи, а не отъ меня.

49) Все это я узнаю теперь въ первый разъ. Видно (если это правда) къ Шелгунову подходили тоже съ тѣмъ, съ чѣмъ и ко мнѣ.

50) Кобозевъ мнѣ ни Ивана Григорьевича, ни Тихомирова никогда не называлъ, а говорилъ отъ имени безымяннаго Исполнительнаго Комитета.

51) Никогда никто изъ нихъ мнѣ этого не говорилъ. Михайловскій оста-

новился на его имени, направляя меня къ нему въ Женеву, какъ на личности уже вполне скомпрометированной въ глазахъ правительства.

52) Я только одинъ или два раза въ жизни встрѣтилъ Ольгу Любатовичъ и дальше шапочнаго знакомства съ нею не шелъ. Какимъ же ея доверіемъ я могъ располагать.

53) А теперь изъ воспоминаній самой Любатовичъ въ „Быломъ“ видно, что Плеве самъ предлагалъ ей освобожденіе, но она отказалась вслѣдствіе условій, ставившихся ей полиціей.—Не помню, кто, Н. К. Михайловскій или С. Н. Кривенко посовѣтовалъ мнѣ просить объ освобожденіи О. Любатовичъ. Я это сдѣлалъ, но безуспѣшно.

54) Никогда никакихъ разговоровъ подобнаго рода у меня ни съ Надѣинымъ, ни съ Павленковымъ, ни съ О. не было. Но теперь для меня ясно, откуда Бороздинъ взялъ все это: около того времени Павленковъ велъ споръ съ какимъ-то лицомъ по поводу изданія ими обоими порознь „Зоологіи“ Поля Вера. Павленковъ, предлагая противнику третейскій судъ, избралъ меня однимъ изъ арбитровъ. По этому поводу друзья Павленкова, Надѣинъ и О. часто видались со мною. Отсюда, вѣроятно подозрѣніе, что и они—революціонеры!!

54) Такой сестры у меня вовсе нѣтъ.

55) Мнѣ незачѣмъ было называть этихъ общеизвѣстныхъ публикъ сотрудниковъ журнала. Изъ нихъ я Елисеѣва видѣлъ только въ 1872 году, а Воронцова и Абрамова вовсе до того времени не видѣлъ, такъ же какъ и Ангирскаго и Анненскаго, съ прочими же былъ знакомъ лишь по шапочному знакомству. Въ цѣли же поѣздки рѣшительно никого изъ нихъ я не посвящалъ.

56) Вовсе не онъ.

57) Неправда.

58) Я никакого письма не получалъ вовсе.

59) Ни съ кѣмъ изъ этихъ главарей, кромѣ Тихомирова, мнѣ не приходилось ни встрѣчаться, ни переговариваться. Всѣ эти фамиліи нагромождались Бороздинымъ очевидно, для убѣжденія кружка въ томъ, что я верчусь въ революціонной средѣ.

60) Дальнѣйшій разсказъ—фантазія Бороздина. Все это невѣрно начная съ числа моихъ свиданій съ Тихомировымъ въ Женевѣ.

61) Этого мнѣ Тихомировъ не говорилъ, и я Бороздину не передавалъ.

62) Неправда; никто рѣшительно не принималъ участія въ этихъ переговорахъ, кромѣ Тихомирова. Онъ, Т., и свелъ меня къ Лаврову, но вовсе не для разговоровъ объ этомъ предметѣ, а такъ просто познакомиться. Ни Лаврову, ни Л. К. Вуху я объ этихъ переговорахъ ничего не говорилъ.

63) Не знаю откуда взялся этотъ протоколъ и какъ онъ очутился у Бороздина. Я такого не помню.

64) Все это—непонятныя для меня вещи. Такого письма я не получалъ и такихъ порученій не имѣлъ.

65) Нужно ли повторять, что ни съ В. Н. Фигнеръ, ни съ Н. В. Шелгуновымъ, ни съ М. Е. Салтыковымъ я никогда не былъ ни въ какихъ сношеніяхъ по принятой мною на себя миссіи.

66) Это былъ возвратъ забранныхъ у меня денегъ, а не помощь мнѣ изъ средствъ Бороздина.

Въ 1883 и 1884 гг., уже послѣ прекращенія всѣхъ моихъ „политическихъ“ сношеній съ Бороздинымъ, мнѣ вновь пришлось столкнуться съ нимъ на дѣловой почвѣ. Будучи крупно заинтересованнымъ въ Ткабульскомъ каменноугольномъ дѣлѣ на Кавказѣ, я получилъ отъ Н. А. Новосельскаго и полковника Н. В. Принца, владѣльца сосѣднихъ каменноугольныхъ копей-предложеніе слить наши интересы воедино для продажи ихъ одной и той же компаніи. Послѣ того, какъ наши переговоры подвинулись успѣшно, Н. П. Принцу внезапно пришлось уѣхать въ Кутаисъ. вмѣсто него, представителемъ его интересовъ и въ то же время повѣреннымъ г. Новосельскаго явился К. А. Бороздинъ, своякъ Н. П. Принца. Дѣло не выгорѣло. Последнія мои письма къ Бороздину за 1883 и 1884 гг. относятся къ этимъ моимъ сношеніямъ съ нимъ по дѣламъ моимъ съ Принцемъ и Новосельскимъ. О переговорахъ политическаго свойства у меня съ Бороздинымъ, съ того времени какъ Шуваловъ показалъ мнѣ его записку, никогда не было и рѣчи.

Процессъ пятидесяти.

(Всероссійская Соціально-Револуціонная Организациа 1874—1877 г.г.).

(Окончаніе)¹⁾.

IX.

По возвращеніи въ Петербургъ первой моей задачей было постараться выдѣлить болѣе активныхъ революціонеровъ преимущественно изъ рабочаго кружка воздвиженской артели и, объединивъ ихъ съ нами, отправить ихъ въ Москву, гдѣ въ то время было гораздо легче работать, нежели въ Петербургѣ. Кромѣ того, Петрѣ Алексѣевѣ и Мих. Грачевскій, съ которыми я переговорилъ уже объ этомъ до отъѣзда за-границу, заявили мнѣ, что сознательные заводскіе рабочіе проявляютъ мало дѣятельности, корчатъ изъ себя студентовъ и не желаютъ знаться съ рабочими другихъ профессій, то ли изъ боязни попасться, то ли изъ пренебрежительнаго отношенія къ массѣ неразвитыхъ и непосвященныхъ рабочихъ; Грачевскій и Петрѣ Алексѣевъ находили, что фабричные рабочіе, напр., ткачи, хотя и менѣе развитые, гораздо воспріимчивѣе къ революціонной пропагандѣ, нежели заводскіе, являющіеся своего рода аристократіей въ рабочемъ мірѣ; кромѣ того, фабричные рабочіе раза 3—4 въ годъ посѣщаютъ свои села, гдѣ соприкасаются съ крестьянскимъ міромъ, и пропаганда на фабрикахъ останется такимъ образомъ не безъ вліянія на крестьянъ-сельчанъ; между тѣмъ какъ сфера вліянія пропаганды среди заводскихъ рабочихъ ограничивается лишь городомъ, т. к. рѣдко кто изъ заводскихъ рабочихъ сохранилъ тѣсную связь съ деревней; они большей частью омѣщиваются и порываютъ связь съ родиною; наконецъ, принималась во вниманіе однородность московскихъ и подмосковныхъ фабричныхъ рабочихъ (почти исключит. русскіе), что облегчало сближеніе, а также численность рабочаго населенія города Москвы и его окрестностей. Принято было во вниманіе и то, что въ Москвѣ оставалось нѣсколько цѣнныхъ людей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ кружкѣ чайковцевъ, какъ наприм., Ал. Осип. Лукашевичъ, рабочій Ив. Ос. Союзовъ и другіе, которые могли быть полезны для сношеній съ трудовымъ міромъ; кромѣ того, въ Москвѣ жилъ въ то время Гамовъ, который съ своей стороны могъ помочь возстановить связи Долгушинцевъ.

¹⁾ См. „Былое“, августъ и сентябрь 1907 г.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ первыми выѣхали въ Москву Мих. Грачевскій, Василій Грязновъ и Петръ Алексѣевъ съ братомъ своимъ Никифоромъ Алексѣевымъ; Грачевскій немедленно завязалъ сношенія съ Лукашевичемъ и столяромъ Ив. Ос. Союзовымъ, а Петръ Алексѣевъ съ фабричнымъ міромъ, поступивъ самъ съ братомъ своимъ, въ качествѣ ткачей, на фабрику Тимашева; Василій Грязновъ, какъ кузнецъ и слесарь, завязалъ сношенія съ желѣзнодорожными рабочими района московскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ декабрѣ пріѣхали въ Москву послѣдовательно Здановичъ, я, Софья Бардина, Лидія Фигнеръ, Бетя Каминская, Евгенія Субботина, а къ Рождеству съѣхались и остальные «фричи», кромѣ Ольги и Вѣры Любатовичъ, которыхъ, впрочемъ, къ новому году освободили изъ черниговской тюрьмы и отдали на поруки отцу, который жилъ въ Москвѣ. Нѣсколько позднѣе пріѣхали Хоржевская и Варвара Александрона.

Я поселился съ Здановичемъ въ номерахъ Андреева въ Казацкомъ переулкѣ, Грачевскій и Грязновъ поселились въ рабочемъ кварталѣ Яузской части и на ихъ квартирѣ собирались въ первое время исключительно рабочіе и то только по субботамъ и канунамъ праздниковъ. Затѣмъ, я нашелъ у одного знакомаго комнату на Патриаршихъ прудахъ, гдѣ хранились нами документы и куда заходили переодѣваться рабочіе и интеллигенты въ соответствующій костюмъ для посѣщенія тѣхъ или другихъ слоевъ общества. Несмотря на то, что комната эта посѣщалась многими, не исключая пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстностей и изъ за-границы, квартира эта осталась неизвѣстной полиціи и потому не фигурируетъ въ обвинительномъ актѣ процесса 50-ти. Тутъ же находился и складъ нелегальныхъ изданій. Въ нашъ тѣсный кругъ рабочихъ былъ скоро введенъ московскій рабочій Николай Васильевъ, опытный ткачъ, человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма вліятельный въ фабричномъ мірѣ, а за нимъ Филатъ Егоровъ, ткачъ-кустарь, Василій Бариновъ и другіе.

Такимъ образомъ нашъ основной рабочій кружокъ былъ очень силенъ по тогдашнему времени; онъ состоялъ изъ Ник. Васильева, Ивана и Прокофья Барановыхъ, Филата Егорова, Василья Грязнова, Петра и Никифора Алексѣевыхъ, Ивана Союзова, Пафнутья Николаева, Семена Агапова и наконецъ, Мих. Грачевскаго.

Желая охватить революціонной пропагандой еще большій кругъ фабрикъ, а также и женскую рабочую среду, наши члены женскаго кружка при помощи Петра Алексѣева и Михаила Грачевскаго поступили также на фабрики. Первыми поступили Бетя Каминская, Ольга Любатовичъ и Бардина. Нужно замѣтить, что мужчины, члены нашего объединеннаго кружка (я, Грачевскій, Лукашевичъ) были противъ поступленія женщинъ на фабрики; намъ было жаль бросать молодыхъ дѣвушекъ, никогда въ жизни не соприкасавшихся съ фабричной средой, въ такія тяжелыя условія, выносить которыя было не подъ силу даже многимъ рабочимъ-женщинамъ. Меня до такой степени пугалъ фабричный міръ своимъ невѣдомымъ загадочнымъ ужасомъ, что однажды я нарочно посѣтилъ фабрику, на которой жилъ и работалъ Петръ Алексѣевъ, чтобы лично видѣть, какъ придется жить нашимъ женщинамъ; Петръ Алексѣевъ показалъ мнѣ жилища

помѣщенія, условія, при которыхъ придется жить нашимъ дѣвушкамъ, познакомиль съ нѣкоторыми изъ фабричныхъ женщинъ, и мнѣ стало нѣсколько легче; но когда онъ сказалъ, что на этой фабрикѣ помѣстить ихъ нельзя и что придется искать для нихъ мѣсто на другихъ фабрикахъ, я не соглашался допустить это до тѣхъ поръ, пока онъ не познакомиль меня, Грачевскаго и Чикоидзе съ тѣми рабочими, которые поручились за полную безопасность нашихъ женщинъ. Объ этихъ нашихъ заботахъ мы конечно не говорили имъ ни слова, онѣ засмѣяли бы насъ, гордя и сильныя своимъ незнаніемъ жизни.

Помню я ту ночь, какъ съ воскресенья на понедѣльникъ въ 4 часа утра я и Грачевскій сдавали на фабрику Моисѣева Бетю Каминскую; наканунѣ мы взяли два номера въ какой-то гостиницѣ на Трубномъ бульварѣ; въ одномъ ночевали Каминская и Евг. Субботина, въ другомъ я и Грачевскій; никто въ сущности не спалъ; Субботина одѣла Бетю Каминскую въ простой русскій ситцевый сарафанъ съ пышными рукавами и повязала ей на шею простыя стеклянныя бусы, какъ носятъ крестьянскія дѣвушки; она ухаживала за нею, какъ ухаживаетъ подруга, обряжая невѣсту; мы съ Грачевскимъ прилегли не раздѣваясь; окончивъ рабочій туалетъ Каминской, Субботина постучала къ намъ въ 3 часа; мы вскочили и, выйдя въ корридоръ, увидѣли Субботину со свѣчой въ рукѣ; вся гостинница спала; ведите же скорѣе Бетю, господа, торопливо прошптала Субботина; она обняла Каминскую и заплакала;—Зачѣмъ же вы плачете, съ изумленіемъ спросилъ я Субботину.—Ахъ господа, вы не знаете, какъ ей будетъ тяжело, отвѣтила она.—Если тяжело, зачѣмъ же идти ей, замѣтилъ я въ недоумѣніи. Бетя торопливо и молча направилась къ подъѣзду, мы поспѣшили за нею. Была январская морозная ночь; мы прошагали въ темнотѣ версты три, не сказавъ другъ другу ни слова; сцена прощанія подругъ буквально потрясла меня; мнѣ казалось, что мы ведемъ эту дѣвушку на какую-то ужасную казнь, и что Субботина плакала, какъ бы чувствуя эту казнь. Когда мы подошли наконецъ къ небольшой ветхой, тряпичной фабрикѣ Моисѣева, у воротъ уже толпились фабричные мужчины и женщины; они спѣшно входили въ ворота, въ которыхъ виднѣлся подворотный, тщательно обыскивавшій всѣхъ входившихъ, точно они шли не на работу, а въ тюрьму. Каминская отступила было, но потомъ, ни слова не сказавъ, дала себя обыскать и быстро вошла въ калитку. Мы долго стояли у воротъ въ раздумьи, не зная что дѣлать; насъ вывелъ изъ этого раздумья окрикъ подворотнаго: а вамъ чего тутъ надо? крикнулъ онъ; мы, не отвѣчая, пошли своей дорогой; отойдя нѣсколько шаговъ отъ фабрики, Грачевскій предложилъ мнѣ вернуться сюда обратно черезъ часъ и поглядѣть Каминскую; мы вернулись въ нашъ номеръ, Грачевскій захватилъ съ собою какой-то платочекъ и связку баранокъ; вернувшись на фабрику, онъ вызвалъ Машу Краснову (такъ звали на фабрикѣ Каминскую), какъ свою сестру. Она вышла къ Грачевскому и была несказанно рада, что ее навѣстили такъ скоро. Въ теченіе недѣли Грачевскій ходилъ къ ней, кажется, ежедневно въ качествѣ брата, а въ субботу вечеромъ онъ отправился за нею и привезъ ее на извозчикѣ къ намъ. Мы встрѣтили Каминскую, точно нѣсколько лѣтъ

не видались. И въ самомъ дѣлѣ, она сильно измѣнилась, точно прошли цѣлые годы. Раньше обыкновенно краснощекая и свѣжая, она теперь выглядѣла блѣдной, похудѣвшей, утомленной, но замѣчательно довольной и разговорчивой. Въ одну недѣлю она сблизилась съ нѣсколькими женщинами и рабочими мужчинами, изъ которыхъ одинъ даже явился къ намъ на рабочую квартиру въ Сыромятникахъ, въ домѣ Костомарова: это былъ молодой парень лѣтъ 18 ти—Иванъ Спиридоновъ, хорошо грамотный и удивительно симпатичный; онъ увѣрялъ всѣхъ рабочихъ, что эта дѣвушка должно быть ангелъ небесный, посланный богомъ, и что всѣмъ надо познакомиться съ нею поближе; Каминская подарила ему нѣсколькихъ легальныхъ книгъ; онъ былъ въ восторгѣ и за недѣлю перечелъ ихъ всѣ; на слѣдующей недѣлѣ онъ явился къ намъ съ другими рабочими, тоже грамотными и взялъ съ собою нѣсколько книжекъ, которыя прочиталъ почти всей фабрикѣ; рабочіе были въ восторгѣ отъ чтенія Спиридонова и отъ содержанія книгъ.

Первый опытъ былъ такъ удаченъ, что мы уже не опасались за другихъ женщинъ—за Бардину и Ольгу Любатовичъ, которыя были болѣе самостоятельными и умѣлыми въ обращеніи съ простымъ народомъ. Бардина поступила на фабрику Лазарева, Любатовичъ—на фабрику Носова, куда вскорѣ перешла и Каминская.

Мы съ Грачевскимъ рѣшили больше трехъ женщинъ не пускать на фабрики; но осуществить это намъ не удалось. Вслѣдъ за Бардиной и Ольгой Любатовичъ поступили на фабрики Вѣра Любатовичъ и Лидія Фигнеръ, которыя однако чѣмъ-то сразу обратили на себя вниманіе фабричной администраціи, такъ-что черезъ двѣ недѣли должны были оставить фабрики, иначе рисковали быть выданными и арестованными.

Во второй половинѣ января 1875 года наша едва только формировавшаяся организація потеряла уже двухъ весьма цѣнныхъ членовъ—Михаила Грачевскаго и Ивана Союзова; первый былъ выданъ полиціи въ трактирѣ рабочимъ Скворцовымъ, который, не ограничиваясь этимъ предательствомъ, оговорилъ еще Ивана Союзова и брата его Петра Союзова, жившаго въ деревнѣ въ Московской губерніи; такъ какъ Иванъ Союзовъ и раньше въ 1874 году привлекался уже по дѣлу чайковцевъ, то потерявъ Грачевскаго, мы рѣшили выпроводить его изъ Москвы куда нибудь подальше; онъ уѣхалъ, кажется, на югъ, гдѣ вскорѣ и былъ арестованъ. Связь съ Скворцовымъ была заведена нами черезъ Ивана Союзова. Когда Грачевскаго вели изъ трактира въ жендармское управленіе, онъ бросилъ большимъ комомъ снѣга въ сопровождавшаго его городского и бѣжалъ, но по близорукости своей, споткнулся и упалъ, это было на Таганкѣ; уличная толпа схватила его и передала полиціи; я скоро завязалъ съ нимъ сношенія, но всѣ попытки освободить его были тщетны, т. к. его держали въ Пугачевской башнѣ, откуда побѣгъ былъ невозможенъ.

Потеря этихъ двухъ очень дѣятельныхъ членовъ организаціи въ рабочей средѣ заставила меня, а также и Лукашевича временно прекратить хожденіе въ трактиры, которыми раньше мы широко пользовались для пропаганды въ средѣ мало знакомыхъ рабочихъ; съ тѣхъ поръ члены нашей организаціи посѣщали трактиры только для свиданія съ болѣе близкими.

Двухмѣсячный опытъ пропаганды среди московскихъ фабричныхъ рабочихъ далъ блестящіе результаты; мы охватили до 20-ти фабрикъ: Тимашева, Моисѣева, Носова, Лазарева, Альберта, Гюбнера, Тютчева, Шибаева, Горячева, Соколова, Рошфоръ и др., а также мелкія мастерскія—столярныя, слесарныя, кузнечныя и мастерскія Курско-Харьковской жел. дороги. Во всѣхъ этихъ фабрикахъ и мастерскихъ у насъ были небольшія группы рабочихъ изъ 4—5 человѣкъ, дѣлавшихъ свое дѣло по намѣченной нашей организаціей программѣ; члены этихъ новыхъ возникающихъ группъ еще не знали о существованіи нашей организаціи, но посѣщали нашу рабочую квартиру сначала въ Яузской части города, а потомъ въ Сыромятникахъ (въ д. Коститорова), затѣмъ на Краснопрудскомъ проспектѣ, недалеко отъ Николаевского вокзала и наконецъ на Красносельскомъ проспектѣ въ д. Корсака.

Х.

Всѣ вышепоименованныя лица, съѣхавшіяся въ Москву въ цѣляхъ пропаганды социально-революціонныхъ идей среди рабочаго населенія города Москвы, его окрестностей, а затѣмъ и другихъ городовъ и губерній Россійской Имперіи, уже съ конца 1874 года были связаны между собою словесными условіями работать вмѣстѣ, но эти свои отношенія не успѣли еще оформить уставомъ; первые мѣсяцы своей совмѣстной работы они посвятили прежде всего постановкѣ практическаго дѣла пропаганды и лишь въ первыхъ числахъ февраля 1875 года смогли приступить къ окончательной выработкѣ устава, долженствовавшаго скрѣпить ихъ отношенія формальной организаціонной связью.

Согласно желанію большинства членовъ вышеназваннаго московскаго кружка, въ первыхъ числахъ февраля приступлено было такимъ образомъ къ выработкѣ устава организаціи.

Мнѣ было поручено написать проектъ устава и программы этой организаціи сообразно съ данными условіями революціонной дѣятельности и согласно со взглядами, въ общемъ уже извѣстными, членовъ нашего кружка.

Для ближайшаго же ознакомленія со взглядами женской половины формирующей организаціи мнѣ переданъ былъ набросокъ программы и устава, составленный кружкомъ фрочей на съѣздѣ ихъ лѣтомъ 1874 года въ Невшателѣ и формулированный тогда Ольгой Любатовичъ.

Этотъ набросокъ представлялъ краткую формулировку отрицательныхъ сторонъ современнаго русскаго политическаго и экономическаго строя, какъ нравственное основаніе борьбы съ нимъ въ цѣляхъ осуществленія свободы и социальной правды въ политическихъ и экономическихъ формахъ жизни Россіи. Это вступленіе завершалось краткимъ уставомъ, связывавшимъ членовъ даннаго революціоннаго общества на основахъ полнаго равенства, но въ немъ очень немного говорилось о способахъ борьбы для достиженія поставленнаго имъ идеала; а на практикѣ это было главное; идея нравственнаго начала въ борьбѣ проходила красной нитью, какъ основа этого устава.

Когда проектъ новаго устава былъ мною написанъ, для обсужденія его собрались тѣ изъ членовъ кружка, которые смогли освободиться въ этотъ день отъ своихъ работъ. Присутствовали: Софья Бардина, Бетя Каминская, Лидія Фигнеръ, Ольга и Вѣра Любатовичъ, Варвара Александрова, Евгенія Субботина и Александра Хоржевская; изъ мужчинъ присутствовали: Михаилъ Чикоидзе, Иванъ Жуковъ, Александръ Лукашевичъ, Василій Грязновъ, Петръ Алексѣевъ, Филатъ Егоровъ, Николай Васильевъ, Иванъ Бариновъ и я.

Изъ женщинъ, заочно примыкавшихъ къ нашей организаціи, отсутствовали: Марія Субботина и Анна Топоркова; изъ мужчинъ— Александръ Циціановъ и Георгій Здановичъ.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительные члены организаціи вошли 17 человекъ, 9 мужчинъ и 8 женщинъ и 4 человека условно, т. е. когда они подписали бы вырабатываемый уставъ; оставшіеся два бывшихъ члена фричей за-границей—Вѣра Фигнеръ и Дора Аптекманъ могли бы примкнуть къ этой сформировавшейся въ Москвѣ организаціи, если бы пріѣхали въ то время работать въ Россію. Что же касается Циціанова и Здановича, то первый еще въ январѣ уѣхалъ на Кавказъ по дѣламъ нашего кружка, а Здановичъ тоже съ января былъ въ отъѣздѣ по устройству пути для перевозки нелегальныхъ изданій изъ-за-границы, а потому Здановичу былъ предъявленъ уставъ уже въ Одессѣ Ольгой Любатовичъ лишь въ іюлѣ мѣсяцѣ 1875 года, въ копіи, писанной рукой Вѣры Любатовичъ, а Циціанову уставъ совсѣмъ и не предъявлялся, хотя фактически онъ исполнялъ такія функціи, для исполненія которыхъ требовалось быть дѣйствительнымъ членомъ организаціи.

Первый день засѣданія былъ посвященъ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли вырабатывать детали формы будущаго строя, или ограничиться выработкой устава организаціи и способамъ революціонной дѣятельности.

Вопросъ этотъ былъ поставленъ, помнится, Жуковымъ, но я, Бардина и другіе энергично возстали противъ этого. Въ самомъ дѣлѣ какой былъ смыслъ вырабатывать форму будущаго строя, когда цѣлые десятки лѣтъ, мы знали, придется посвятить одной лишь разрушительной работѣ. Достаточно было для насъ и того, что мы всѣ были приверженцами ученія социализма, хотя и разныхъ толковъ; были между нами коммунисты, коллективисты и даже катедеръ-соціалисты, какъ напр. Жуковъ. Въ политическомъ же отношеніи наши требованія сводились къ свободѣ слова, собраній, равенства всѣхъ передъ закономъ безъ различія пола и національности и проч. Выработку деталей будущаго экономическаго и политическаго строя мы предоставляли тѣмъ, кому посчастливится присутствовать при ликвидаціи стараго порядка, на развалинахъ котораго придется осуществлять новыя политическія и экономическія формы, сообразно условіямъ времени и свободнаго желанія народа. Мы всѣ хорошо сознавали и то, что прежде, чѣмъ удастся восторжествовать социалистическому строю, неизбежно будутъ переходныя экономическія и политическія формы жизни, которыя, вопреки нашимъ теоретическимъ построеніямъ, будутъ приняты народомъ въ силу необходимости. Поэтому мы рѣшили никому не показывать детальной программы. Организациа наша преслѣ-

довала объединеніе всѣхъ русскихъ социалистическихъ кружковъ; намъ не было, слѣдовательно, никакого расчета выдвигать еще свою новую программу и тѣмъ еще болѣе разъединять силы. Напротивъ, мы стремились отмѣчать общія намъ всѣмъ стороны нашего идеала и сближать, по возможности, всѣхъ въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. А нашимъ врагомъ было все то, что поддерживало политическій и экономическій гнетъ, все то многоголовое самодержавіе полицейско-чиновническаго уклада страны,—поддерживаемаго капиталомъ и крупнымъ землевладѣніемъ,—которое давило все и вся вокругъ.

Будучи крайне уступчивъ въ вопросахъ деталей будущаго строя, каждый изъ насъ былъ крайне требователенъ въ вопросѣ о способахъ организациі революціонной дѣятельности; насъ не столько интересовало въ данную минуту будущій строй, сколько то положеніе, въ которое каждый изъ насъ долженъ поставить себя, отдавая на революціонную дѣятельность всего себя, всю свою жизнь; въ этой дѣятельности, несмотря на всю исключительность нашего положенія, мы стремились осуществлять на дѣлѣ самыя строія нравственныя начала, которыя должны были руководить какъ дѣятельностью самихъ членовъ организациі, такъ и воздѣйствовать на массу, съ которой приходили въ соприкосновеніе члены организациі, хорошо понимая, что только нравственный идеалъ можетъ освѣщать намъ путь и привлекать сердца, ищущія правды. Словомъ, до момента революціи, въ наступленіе которой мы не могли не вѣрить, мы хотѣли словомъ, дѣломъ и всѣмъ образомъ жизни своей расположить къ себѣ не только революціонные кружки, но и широкую индифферентную массу, а можетъ быть и враговъ своихъ; и въ этомъ отношеніи, по общему признанію нашихъ современниковъ, наша организациія достигла дѣйствительно многого.

Итакъ, въ первое засѣданіе нашего кружка на обсужденіе то варищей былъ представленъ мною проектъ устава нашей организациі, которой мы дали названіе: *«Всероссійской Соціально-революціонной»*. Нѣкоторые пункты моего проекта вызвали горячія пренія, а потому для переработки его была назначена комиссія изъ трехъ лицъ: Ив. Жукова, Лукашевича и Бардиной, въ то время уже оставившихъ фабрику, которые вмѣстѣ со мною и выработали тотъ уставъ, который фигурируетъ въ обвинительномъ актѣ по процессу 50-ти и который былъ отобранъ у Здановича.

Редакціонная комиссія засѣдала въ номерахъ Руднева, на Тверской ул., гдѣ жила Евг. Субботина; въ общемъ проектъ остался безъ измѣненія, но благодаря настоянію Лукашевича и Жукова былъ введенъ такой пунктъ, который повлекъ за собою большія неудобства, не мало способствовавшія провалу организациі; пунктъ этотъ гласитъ: *«Членъ долженъ быть въ положеніи простого работника, безъ исключенійхъ рѣшаетъ община»*. (См. Уставъ, III, условія приѣма въ члены общины, п. 4).¹⁾

¹⁾ Уставъ этотъ напечатанъ въ отчетѣ о процессѣ 50-ти. См. Сборникъ „Государственныя преступленія въ Россіи“ Базиленга-Богумарскаго. Загр. изд. г. II стр. 190 и слѣд. и Сборн. подъ тѣмъ же заглавіемъ, изданный въ Россіи. (Русская Историч. Библіотека № 6) стр. 155 и слѣд.

Я возражалъ противъ этого пункта во-первыхъ потому, что большинство членовъ организаціи были интеллигенты, которые рано или поздно, должны были бросить фабрики и мастерскія и продолжать пропаганду въ интеллигенціи, такъ какъ для связей съ рабочими у насъ уже было достаточно членовъ рабочихъ; во-вторыхъ, этотъ пунктъ лишать насъ возможности свободно распространять организацію изъ рабочаго круга; наконецъ, провалъ интеллигентовъ на двухъ фабрикахъ (Евѣра Любатовичъ и Лидія Фигнеръ) меня убѣдилъ, что хожденіе интеллигентныхъ женщинъ въ работницы на фабрики, можетъ иногда вредно отзываться на организаціи.

Но всѣ наши доводы остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и послѣ моего ареста (въ апрѣлѣ 1875 г.) половина членовъ организаціи изъ женщинъ все же отиравилась на фабрики въ Иваново-Вознесенскъ, гдѣ произошелъ второй огромный провалъ, повлекшій за собою провалы въ Москвѣ, Кіевѣ, Тулѣ, Одессѣ, Воронежѣ и другихъ мѣстахъ.

Организація наша была построена на принципѣ безусловнаго равенства всѣхъ членовъ и отсутствіи всякой власти въ рукахъ центрального бюро организаціи—такъ называемой «администраціи» или «управленія», которая даже не *выбиралась*, а назначалась *по очереди* изъ состава членовъ черезъ опредѣленный промежутокъ времени; единственнымъ связующимъ началомъ, объединяющимъ членовъ организаціи было начало нравственнаго долга. Никакого принужденія организація не признавала; вступая въ нее, человѣкъ добровольно отказывался ото всего, что связывало его съ остальнымъ окружающимъ его міромъ, и весь отдавался революціонному дѣлу—отдавалъ ему все свое имущество, свою свободу и жизнь. Порукой тому, что онъ будетъ вполнѣ товарищемъ, было одно добровольно данное слово. Но обособляя себя для борьбы и выдѣляя себя изъ круга согражданъ, членъ этой организаціи не освобождалъ себя отъ нравственнаго долга къ нимъ и къ человѣку вообще: онъ не смотрѣлъ на міръ, какъ на безразличный матеріалъ для своей дѣятельности, такъ какъ, только послѣ свободно даннаго слова кого-либо, организація допускала за собою право располагать имуществомъ, свободою и жизнью чловека, но тогда онъ становился уже ея сочленомъ (См. Уставъ I, III и VI).

Возмущаясь правительствомъ, какъ организованнымъ насиліемъ, наша организація не допускала ни нравственнаго, ни физическаго насилія надъ народомъ, надъ согражданами ни въ подготовительный періодъ, ни даже въ разгаръ революціи, а сосредоточивала всю свою борьбу исключительно на правительствѣ. Поэтому члены нашей организаціи, какъ враги всякаго организованнаго и легализованнаго насилія, естественно были также горячими противниками якобинизма и не стремились къ захвату власти въ свои руки. Уважая право народа самому свободно устраивать свою жизнь и не допуская съ чьей бы то ни было стороны насилія надъ нимъ, мы въ отношеніи къ правительству допускали въ борьбѣ его же средство, т. е. не только борьбу сружіемъ, если понадобится, но и косвенную конфискацію прави-

тельствственныхъ фондовъ, наприм. въ видѣ фальшивыхъ денегъ; но допуская это въ предположеніи, наша организація фактически этого не осуществляла во-первыхъ потому, что организація при скромныхъ условіяхъ быта своихъ членовъ, обладала въ лицѣ ихъ же очень крупными денежными средствами и въ деньгахъ не нуждалась, а во-вторыхъ, присущая ей инстинктивная брезгливость къ такимъ средствамъ принудила бы ее обратиться къ другимъ, болѣе подходящимъ для этого дѣла людямъ, а этого она естественно избѣгала (См. Уставъ IX и X).

Уставъ нашей организаціи, какъ я уже сказалъ выше, носить заглавіе: «*Уставъ Всероссійской Соціально Революціонной Организаціи*», что указываетъ на наше стремленіе поставить дѣло на широкую все-народную почву; то заглавіе, которое приведено въ обвинительномъ актѣ («Программа дѣятельности, Уставъ революціонера и организація тайнаго общества») принадлежитъ, конечно, кому-либо изъ переписчиковъ, приписавшему это для поясненія, такъ какъ уставъ, въ цѣляхъ конспираціи, вѣроятно, былъ переписанъ совѣмъ безъ заглавія. Я знаю только, какъ я уже сказалъ, что въ рукахъ Здановича была копія, переписанная рукою Вѣры Любатовичъ и врученная ему Ольгой Любатовичъ въ іюль 1875 года въ Одессѣ. Въ подтвержденіе того, что уставъ носилъ названіе, какое я привожу выше, я укажу на пунктъ 8 й послѣдней главы устава—«Условія межобщиннаго сношенія», гдѣ говорится: «увѣдомленіе о движеніи въ своей мѣстности, а также въ мѣстностяхъ, гдѣ не имѣется общины *всероссійской организаціи*». А что эта *всероссійская организація* называлась также и *соціально-революціонной*, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ устава: «направленіе тамъ должно быть чисто *соціально-революціонное* (см. Уставъ, IX объ агитаціи, 1. ж.) и «при бунтахъ выдвигаются личности. и члены общины должны давать имъ направленіе *соціально-революціонное*» (см. Уставъ IX, 2, б.).

Въ поясненіе содержанія устава нужно сказать еще нѣсколько словъ относительно выраженія «*организованныхъ шайкъ*», которое можетъ навести на мысль о допущеніи разбоевъ со стороны организаціи; но всякій, кто внимательно прочтетъ весь отдѣлъ С, главы IX, чистая агитація, 1, отъ а до ж., тотъ увидитъ, что наши шайки не могли имѣть ничего общаго съ обыкновеннымъ стяжательнымъ разбойничествомъ, мы просто хотѣли въ сущности найти такое названіе для свободныхъ вооруженныхъ революціонныхъ отрядовъ, которое даже по имени не напоминало бы правительственныя военныя организаціи; слово «*дружина*» подходило бы, м. б., ближе, но и оно употреблялось въ правительственномъ войскѣ; поэтому мы сочли лучшимъ, чтобы наши военные отряды «*удалыхъ*» назывались «шайками»—это все таки напоминало свободную организацію свободныхъ людей, но какъ я уже сказалъ, слово «шайка» ни въ коемъ случаѣ не было выраженіемъ поклоненія обыкновенному стяжательному разбойничеству. Наши *шайки* брали его удалъ, его соціальныя протесты и только. Лучшимъ подтвержденіемъ справедливости вышесказаннаго могутъ служить слѣдующія строки устава, въ главѣ: «*Денежная сторона организаціи*»: «*Средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не*

зредили бы безопасности и кредиту организациі». (См. уставъ, X, 2); эти строки имѣютъ въ виду, конечно, кредитъ нравственный, такъ какъ о финансовомъ кредитѣ тайной революціонной организациі рѣчи быть не могло.

Относительно слова «*шайка*», употребляемаго въ уставѣ, нужно замѣтить, что въ представленномъ мною проектѣ устава это слово употреблено еще не было, а употреблено было однозначашее слово «*банды*»; а такъ какъ противъ слова *банда* возстали члены рабочіе, то пришлось замѣнить его равнозначашимъ словомъ «*шайки*»; это послѣднее слово не могло въ то время особенно шокировать нашъ слухъ, такъ какъ литература наша идеализировала понизовую вольницу (Мордовцевъ), и имя Стеньки Разина съ его шайкой отважныхъ удалцовъ, вызывало въ насъ большую симпатію къ себѣ.

Обращаясь къ отношенію нашей организациі къ вопросу о *бунтахъ, возстаніяхъ* и другихъ формахъ движенія въ народѣ, а также къ вопросу о способахъ *дезорганизаціи* и *устрашенія* правительства (см. уставъ, IX, С, 1, в, 2, Во время бунтовъ, а, б, в) необходимо замѣтить, что организациа допускала брать на себя инициативу возбужденія къ бунту и возстанію только для поддержки уже возникшаго *естественнымъ путемъ* возстанія или бунта, а не позволяла себѣ вызывать ихъ *искусственно*, такъ какъ она бережно относилась къ силамъ народнымъ и была чужда идеи какого бы то ни было нравственнаго давленія. Что же касается *дезорганизаціи* и *устрашенія* правительства, то это допускалось только въ самыхъ крупныхъ и необходимыхъ случаяхъ, не размѣниваясь на мелочи, которыя могли бы лишить этотъ способъ дѣятельности всякой нравственной опоры.

Переходя къ денежной сторонѣ организациі (см. уставъ, X), нужно прежде всего отмѣтить, что въ 70-хъ годахъ, едва ли была болѣе богатая организациа, чѣмъ наша. Нѣкоторыя изъ нашихъ женщинъ располагали большими денежными средствами; правда, большая часть этихъ средствъ заключалась въ недвижимомъ имуществѣ (имѣнія сестеръ Субботиныхъ), или находились еще въ рукахъ родителей (Хоржевской, Любатовичъ и друг.), но большую часть ихъ можно было во всякое время реализовать, что и было бы сдѣлано, если бы не преждевременный арестъ шести членовъ организациі 4 апрѣля 1875 года. Изъ членовъ мужчинъ, никто, кромѣ кн. Циціанова не располагалъ серьезными личными средствами. Циціановъ, прибывъ изъ Москвы въ Тифлисъ въ февралѣ 1875 г. для организациі кавказской общины, приступилъ также къ реализаціи своего недвижимаго имущества въ наличныя деньги; но ему помѣшало то обстоятельство, что послѣ моего ареста его сейчасъ же выписали въ Москву, гдѣ онъ и оставался вплоть до своего ареста. Его чрезвычайно волновало въ тюрьмѣ, что онъ не успѣлъ перевести своего имущества въ революціонный фондъ; но все же онъ это сдѣлалъ, кажется за день до своего осужденія, но сдѣлалъ это очень неудачно, такъ какъ унаслѣдовавшіе намъ революціонеры смогли выручить изъ его огромнаго имѣнія кажется всего только нѣсколько тысячъ руб., а между тѣмъ оно стоило не менѣе сотни тысячъ руб., по крайней мѣрѣ

теперешній обладатель имущества кн. А. Циціанова оцѣниваетъ его въ 200.000 руб.

При такихъ обстоятельствахъ, когда денежные средства организации были обеспечены на много лѣтъ, для посторонняго являются странными слѣдующія строки устава: «черезъ нихъ (т. е. шайки) приобрѣтать денежные средства для дѣятельности общины» (см. уставъ, IX, 1, д). *Всѣ* идеѣ конфискація казенныхъ средствъ допускалась нашей организаціей только въ періодъ открытой революціонной борьбы, какъ это допускается вообще на войнѣ. Введенія этого пункта устава требовали, главнымъ образомъ, члены рабочіе, которые казенные деньги считали народными, а слѣдовательно, до нѣкоторой степени и своими. Чтобы избѣжать слишкомъ распространительнаго толкованія этого пункта, другіе члены организаціи внесли съ своей стороны слѣдующую поправку: «средства для пополненія фонда должны быть такія, которыя не вредили бы безопасности и кредиту организаціи» (см. уставъ X, 2); т. е. организація не признавала ни разбоя, ни воровства.

Когда уставъ, нѣсколько переработанный вышеназванной комиссіей, былъ окончательно принятъ всѣми членами, то, вмѣсто того, чтобы подписывать его, рѣшено было, чтобы каждый членъ написалъ собственноручно часть текста устава; подлинный уставъ былъ, такимъ образомъ, написанъ всѣми присутствовавшими членами основателями организаціи, за исключеніемъ Николая Васильева, который за безграмотствомъ начертилъ въ концѣ какой то загадочный іероглифъ, при чемъ не преминулъ выругаться по адресу дворянъ, купцовъ и поповъ, благодаря которымъ, по его мнѣнію, онъ остался безграмотнымъ до сѣдыхъ волосъ.

Резюмируя содержаніе этого устава, нужно сказать, что онъ, какъ набросокъ, вмѣщалъ въ себѣ всѣ формы революціонной борьбы, выработанныя исторіей другихъ народовъ, приспособляя ихъ къ русской почвѣ и предчувствуя въ будущемъ ихъ неизбѣжный партизанскій характеръ въ борьбѣ слабого съ сильнымъ.

Уставъ написанный всѣми членами организаціи, былъ сданъ въ «храмушку», (такъ мы тогда называли архивъ организаціи) которая помѣщалась въ квартирѣ на Патріаршихъ прудахъ, уже упоминавшейся мною раньше. Послѣ гибели организаціи храмушка эта перешла къ лицамъ хотя и близкимъ къ организаціи, но не членамъ ея; поэтому я и теперь не знаю, куда дѣвался подлинный уставъ со всѣми другими бумагами, книгами и документами, хранившимися тамъ. Но имѣю основаніе предполагать, что они попали къ Вѣрѣ Шатиловой, родственницѣ Субботиныхъ.

XI.

По написаніи устава, была сформирована наша первая администрація; въ нее вошли: Василій Грязновъ, Евгенія Субботина и я. Функціи администраціи мы распредѣлили такъ: Евгенія Субботина завѣдывала финансовой частью организаціи, Василія Грязновъ, какъ рабочій, завѣдывалъ сношеніями съ рабочими, а я велъ сношенія съ интеллигентными легальными и нелегальными лицами и кружками.

На одномъ изъ первыхъ засѣданій нашей администраціи я внесъ слѣдующія предложенія: 1) о необходимости выдѣлить изъ состава членовъ новыя организаціонныя общины въ виду многочисленности членовъ организаціи въ Москвѣ, гдѣ пока можно было ограничиться двумя-тремя членами, сверхъ трехчленной администраціи; для основанія новыхъ общинъ я предложилъ командировать нѣкоторыхъ членовъ въ другіе рабочіе центры и крупные города, какъ-то въ Иваново-Вознесенскъ, Серпуховъ, Шую, Тулу, Кіевъ, Одессу, Тифлисъ и другія мѣстности, кромѣ Петербурга, куда вернулся обратно Жуковъ и продолжалъ организацію петербургскихъ рабочихъ и молодежи; 2) я предложилъ также приступить немедленно къ реализаціи денежныхъ средствъ организаціи, которыя, какъ я уже сказалъ, заключались, главнымъ образомъ, въ недвижимыхъ имѣніяхъ, чтобы, по продажѣ ихъ, образовать фондъ и вложить его въ одинъ изъ заграничныхъ банковъ, поручивъ завѣдываніе имъ одной изъ Субботиныхъ, которая и должна была жить для этого за-границей, производя расходы на нужды организаціи, какъ въ Россіи, такъ и за-границей, гдѣ уже издавался въ то время на средства нашей организаціи періодическій органъ «Работникъ», въ которомъ участвовалъ Ник. Жуковский, Ник. Морозовъ и другіе; и, наконецъ, 3) я предложилъ организовать въ Россіи особую редакцію по изданію революціонныхъ книгъ и мелкихъ изданій какъ въ Россіи, такъ и за-границей, для чего предполагалось устроить типографію на Кавказѣ; въ этихъ цѣляхъ былъ даже добытъ шрифтъ, который впрочемъ послѣ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ разгромовъ былъ зарытъ въ Сокольничьемъ лѣсу подъ Москвой, въ надеждѣ на лучшее будущее.

Первый изъ поднятыхъ нами вопросовъ—объ учрежденіи новыхъ общинъ, былъ въ такой степени назрѣвшимъ, что уже въ началѣ марта рѣшено было раздѣлаться въ различные заранее намѣченные центры; Петръ Алексѣевъ вызвался ѣхать въ Иваново-Вознесенскъ, Ник. Васильевъ и Ив. Баринъ—въ Серпуховъ, Ал. Лукашевичъ въ Тулу, Варвара Александрова—въ Шую, куда она ѣздила съ Ник. Васильевымъ еще въ мартѣ, Александра Хоржевская—въ Кіевъ, Ольга Любатовичъ—въ Одессу, Мих. Чикоидзе и Ал. Циціановъ (выѣхавшій еще раньше) на Кавказъ и т. д.

Второй вопросъ принять былъ также единодушно; но осуществить реализацію средствъ въ фондъ не только при мнѣ, но и послѣ моего ареста, не удалось, отчасти потому, что сестры Субботины стремились сами принять непосредственное участіе въ революціонной работѣ и неохотно соглашались сидѣть, какъ онѣ выражались, сложа руки въ своемъ имѣніи или за-границей, отчасти потому, что реализація крупнаго имѣнія вообще не легка; мѣшало также и то, что эта семья была уже подъ подозрѣніемъ, такъ какъ мать ихъ С. А. Субботина и третья сестра—17 лѣтняя Надежда были привлечены уже къ дознанію по процессу 193-хъ и даже въ одно время сидѣли въ тюрьмѣ.

Къ осуществленію же третьяго предположенія даже приступить не пришлось.

Для осуществленія задачъ организаціи революціонныхъ общинъ въ новыхъ центрахъ, нѣкоторымъ членамъ пришлось оставить мѣста

на фабрикахъ, съ которыми можно было продолжать сношеніе и безъ нихъ, чрезъ вновь примкнувшихъ къ организаціи рабочихъ. Начались сборы къ отъѣзду въ намѣченныя мѣста; рѣшено было также ликвидировать квартиру въ домѣ Корсака, хозяйкой которой была Софья Бардина, уже оставившая тогда фабрику; эта квартира служила пріютомъ для всѣхъ членовъ организаціи, приходившихъ съ фабрикъ и заводовъ, а отчасти и мѣстомъ свиданія съ новыми рабочими.

Къ тому дню, когда совершился нашъ первый большой провалъ, т. е. къ 4 апрѣля 1875 года, почти всѣ члены организаціи, кромѣ Ольги Любатовичъ, продолжавшей работать на фабрикѣ, уже оставили свои мѣста и проживали временно нѣсколько дней въ этой же квартирѣ (въ д. Корсака), чтобъ окончательно перетолковать между собою и разѣхаться. Но намъ не суждено было осуществить этотъ планъ. На мнѣ, какъ на членѣ администраціи лежала большая отвѣтственность за безопасность этой квартиры, куда приходили, какъ я уже сказалъ, кромѣ интеллигентовъ, и многіе рабочіе; собирать ихъ въ другихъ интеллигентскихъ квартирахъ было неудобно; разрѣшить же имъ оставаться въ этой общей квартирѣ было бы прямо преступно, такъ какъ только что (29 марта) арестовали нашего наиболѣе дѣятельнаго рабочаго—Николая Васильева, и жена его Дарья Скворцова, неожиданно для насъ всѣхъ появилась на этой квартирѣ, которую она не должна была знать; она рассказала намъ, что Ник. Васильевъ арестованъ по доносу его врага и давнишняго соперника по вліянію на московскихъ фабрикахъ—крестьянина Яковлева; она говорила, что мужа ея забрали съ кистенемъ, который онъ всегда носилъ въ карманѣ, и это еще болѣе ухудшаетъ его положеніе; она рыдала и просила помощи. Я успокаивалъ ее, какъ умѣлъ; посоветовалъ просить свиданія съ мужемъ, увѣренный, что привязанность къ мужу скуетъ ея языкъ передъ властями, а мы пока успѣемъ ликвидировать квартиру. Я далъ ей денегъ и посоветовалъ снабдить Николая Васильева всѣмъ нужнымъ въ тюрьмѣ. Это видимо утѣшило ее, но нѣкоторые изъ рабочихъ (Пафнутій Николаевъ и Семень Араповъ) позволили себѣ безтактныя выходки, они подсмѣивались надъ нею и раздражали ее. Я сейчасъ же почувствовалъ послѣ этого, что нашей квартирѣ грозитъ большая опасность, неминуемый провалъ и сталъ просить всѣхъ разойтись отсюда немедленно; недалеко отъ насъ была квартира Молодецкаго, гдѣ можно было пріютить нѣсколькихъ рабочихъ; Василя Грязнова я выпроводилъ сейчасъ же въ Петербургъ, такъ какъ на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ Москвы онъ былъ уже извѣстенъ, и его могли арестовать на улицѣ, интеллигентнымъ же членамъ организаціи я предложилъ переѣхать въ гостинницы, а оттуда уже разѣхаться по назначенію. Я позаботился также, чтобъ всѣ нелегальныя вещи были унесены съ квартиры и въ ней оставались только простая мѣщанская мебель и самоваръ съ чайной посудой, что можно было бросить во всякую минуту.

И странное дѣло, несмотря на глубокое сознаніе всѣхъ о грозившей опасности, мы все же не могли оставить квартиру, куда почти поминутно приходили рабочіе со всѣхъ фабрикъ, встревоженные арестомъ Николая Васильева, Ивана Барина, Прокофья Барина и

Филата Егорова. Надо было каждого изъ нихъ ободрить, сказать слово утѣшенія, а не скрываться отъ нихъ, иначе мы возбудили бы въ нихъ недовѣріе и вся полугодовая дѣятельность наша среди рабочихъ пропала бы безвозвратно. Но для этого не было нужды оставаться всѣмъ, а потому я нанялъ номеръ въ меблированныхъ комнатахъ Келлера, далъ всѣмъ членамъ организаціи этотъ адресъ и просилъ въ другія конспиративныя квартиры не ходить. Это было 2 апрѣля. Фабричныя рабочіе всѣ уже были предупреждены и рѣшено было, что 3 апрѣля уже никто изъ насъ не долженъ явиться въ домъ Корсака и что сама хозяйка этой квартиры—Бардина должна была оставить ее. Не вполне полагаясь на осторожность товарищей, я, несмотря на нашъ уговоръ, пошелъ все-таки провѣдать квартиру Бардиной, желая узнать все ли исполнено такъ, какъ было рѣшено наканунѣ; были сумерки; въ окнахъ нижняго этажа виднѣлся свѣтъ, условный знакъ на окнахъ былъ на мѣстѣ; я подошелъ ближе и сквозь занавѣсы увидѣлъ Бардину и другихъ, сидѣвшихъ спокойно за столомъ, точно они и не думаютъ перебираться; я быстро направился къ калиткѣ, чтобы войти къ нимъ; на встрѣчу мнѣ шелъ городской съ книгой въ рукѣ и, посторонившись, сказалъ: ты лучше, братъ, сюда не ходи!

Эти слова поразили меня, но я все же осторожно вошелъ во дворъ и, не входя въ сѣни, сталъ прислушиваться; слышу веселыя шутки Бардиной, громкій смѣхъ Чикоидзе и шутивыя реплики Петра Алексѣева. Я вошелъ въ квартиру и обратился къ Бардиной съ серьезнымъ упрекомъ, зачѣмъ она до сихъ поръ не очистила квартиру; я рассказалъ имъ странное предупрежденіе городского и сталъ прямо умолять ихъ, бросить все и бѣжать немедленно, чтобы не быть застигнутымъ здѣсь. Бардина и Чикоидзе огнеслись къ этому предупрежденію шутливо; «ну, вотъ, говорили они, если бы была настоящая опасность, городской не сталъ бы предупреждать тебя; что ему до тебя». На минуту эти слова пошатнули и мою увѣренность, но потомъ я опять сталъ всѣхъ просить разойтись; Бардина настояла, чтобы выпить по стакану чаю, а затѣмъ уже идти; никакіе доводы не могли поколебать этого рѣшенія. Мнѣ оставалось сѣсть и ждать, чтобы уйти послѣднимъ; не успѣла Бардина поднести перваго стакана къ губамъ, какъ дверь съ трескомъ распахнулась и къ намъ въ комнату ввалила масса народа безъ предупрежденія, безъ словъ, какъ врываются разбойники. Первымъ вступилъ къ намъ генералъ Воейковъ и наскочилъ прямо на меня, стоявшаго еще на ногахъ.

«Арестовать всѣхъ!» крикнулъ онъ своей многочисленной свитѣ; какой-то молодой офицеръ окружилъ насъ солдатами; ихъ было чело-
вѣкъ 20, насъ—9: Бардина, Каминская, Чикоидзе, Петръ Алексѣевъ, Лукашевичъ, Пафнутій Николаевъ, Семень Агаповъ, Василій Георгіев-
скій и я; о сопротивленіи, о побѣгѣ не могло быть и мысли; тѣмъ не менѣе Чикоидзе предложилъ намъ вдругъ броситься всѣмъ на стражу и, такимъ образомъ, дать возможность хоть кому-нибудь изъ насъ бѣжать въ окно; я отдернулъ занавѣсъ и увидѣлъ, что весь домъ оцѣпленъ кругомъ; сопротивляться было бесполезно. У Чикоидзе оказался полный карманъ конспиративныхъ бумагъ: надо было уничтожить ихъ во что бы то ни стало. Чтобы оттянуть обыскъ, мы зая-

вили, что безъ прокурора обыскивать насъ не позволимъ.—А для чего вамъ прокуроръ? Прокурора нѣтъ и не будетъ, крикнулъ Воейковъ.—Не будетъ, такъ не имѣете права и обыскивать насъ, заявили мы. Воейковъ смутился нѣсколько и сказалъ: ну, хорошо, будетъ вамъ и прокуроръ; сдѣлавъ строгій наказъ своей свитѣ, сторожить насъ, онъ быстро вышелъ изъ комнаты. Мы усѣлись за столъ и съ горя стали опять пить чай, только уже закусывая его конспиративными бумагами Чикоидзе; нѣкоторые изъ насъ успѣли проглотить и подложные паспорта, по которымъ мы жили, къ 9-ти часамъ вечера все, подлежащее уничтоженію, было съѣдено и запито чаемъ на глазахъ всей стражи.

Прокуроръ Кларкъ пріѣхалъ около полуночи: за это время мы, конечно, успѣли сговориться какъ держать себя и какія показанія давать относительно посѣщенія дома Корсака; этимъ только и объясняется отсутствіе противорѣчій въ показаніяхъ всѣхъ насъ, арестованныхъ въ домѣ Корсака. Мнѣ, Бардиной и Чикоидзе надо было скрыть свои фамилии, чтобы очистить тѣ квартиры, гдѣ мы были прописаны подъ своимъ именемъ; поэтому мы назвали себя литератами А, Б, В.

Выходя послѣдній разъ изъ этой роковой квартиры, уже несвободнымъ, а подъ охраной жандармовъ, я оглянулся назадъ; картина погрома была полная, мебель, посуда и другія вещи, въ беспорядкѣ разбросанныя по полу, по столу и по окнамъ, напоминали картину жилища въ только что взятомъ штурмомъ городѣ. Я взглянулъ на первое окно; разорванная занавѣсъ, служившая намъ сигналомъ, грязная и смятая валялась запрятанная въ углу. Никто, подумалъ я, не попадетъ въ западню; я вспомнилъ, что въ это утро должна была оставить свою фабрику, Ольга Любатовичъ, которая условилась съ Каминской встрѣтиться въ церкви, чтобы вмѣстѣ отправиться на неизвѣстную еще ей квартиру. Если она заглянетъ сюда, подумалъ я, отсутствіе знака на окнѣ остановитъ и спасетъ ее. И дѣйствительно, продаваъ безплодно четыре часа въ огромной, пустой старообрядческой церкви, она пришла все-таки къ квартирѣ дома Корсака и увидѣла вмѣсто занавѣски въ окнѣ красное пьяное лицо посаженнаго для засадки дворника, спокойно распивавшаго чай изъ нашего, какой-то судьбой уцѣлѣвшаго блюдечка. Въ окнѣ висѣлъ клочокъ сорванной занавѣски, предательски зацѣпившись за гвоздь, какъ бы знаменуя свершившуюся драму... Уже черезъ два года послѣ этого она рассказывала мнѣ, что ее все-таки подмывало войти въ этотъ домъ, но благоразуміе одержало верхъ; къ счастью, уже наступали сумерки и она, какъ была въ сарафанѣ и крестьянской душегрѣйкѣ, должна была отправиться къ Евгеніи Субботиной въ номера Руднева на Тверскую, гдѣ та жила какъ интеллигентная барышня и откуда такую деревенскую дѣвку могли пожалуй и прогнать; но этого не случилось. Евгенія Субботина уже знала или догадывалась о погромѣ, и съ ея приходомъ всѣ ея сомнѣнія разсѣялись. Велико было ихъ горе; онѣ условились во что бы то ни было освободить насъ; и много дней выслѣживали, стоя по очереди близъ жандармскаго управленія, иногда съ лоткомъ яблокъ въ рукахъ, переодѣвшись торговкой, чтобы узнать, куда насъ посадили, и завести сношеніями съ нами, часто рискуя быть узанными Дарьей Скворцовой или другими оговорщиками. Сношенія

были заведены скоро, но вести ихъ пришлось потомъ уже другимъ: Евгеніи Субботиной нужно было скоро уѣхать въ Петербургъ, а Ольгѣ Любатовичъ—въ Одессу.

Когда насъ, арестованныхъ, вывели подъ конвоемъ изъ дома Корсака и усадили на девяти экипажахъ, то весь этотъ длинный поѣздъ направился къ Бутырскому замку; насъ всѣхъ посадили въ такъ называемую, Пугачевскую башню, гдѣ, какъ говорятъ, сидѣлъ въ желѣзной клѣткѣ Пугачевъ, державшій пошатнуть своей рукой тронъ Екатерины.

Непростительная оплошность наша, благодаря которой произошелъ провалъ 6-ти членовъ организаціи и трехъ другихъ, которымъ предстояло скоро войти въ нее, потрясла меня до глубины души; я и до сихъ поръ укоряю себя, зачѣмъ не хватило у меня характера вытолкнуть всѣхъ въ шею изъ этого проклятаго дома, когда я вошелъ къ нимъ въ этотъ памятный вечеръ, уже предупрежденный городовымъ; еслибы я это сдѣлалъ, кто знаетъ, можетъ быть и до сихъ поръ были бы живы и Бардина, и Петръ Алексѣевъ, и Чикоидзе, и Каминская и другіе, которые такъ безвременно погибли потомъ! Конечно, арестъ въ концѣ концовъ не миновалъ бы ихъ, какъ не миновалъ онъ и всѣхъ остальныхъ членовъ нашей организаціи; но нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ выбыть изъ строя въ самомъ началѣ борьбы.

Подкошенный страшнымъ горемъ, я бросился на грязную постель въ номерѣ 1-мъ пугачевской башни и три первые дня спалъ непробудно, точно одурманенный; цѣлыми часами будили меня жандармы, спрашивая меня, не надо ли мнѣ чего-нибудь поѣсть, но я, какъ разсказывали они потомъ, не просыпаясь, сквозь сонъ отвѣчалъ: ничего не надо.

Да, было о чемъ горевать; еще наканунѣ мы мечтали о томъ, какъ въ недалекомъ будущемъ покроемъ Россію сѣтью нашей соц.-революціонной организаціи; и вдругъ, благодаря простой случайности, благодаря тому только, что мы не сумѣли исполнить въ точности своего же собственнаго рѣшенія и не разѣхались немедленно, мы нанесли непоправимый уронъ нашей молодой организаціи, отнявъ у нея цѣлыхъ 6 дѣятельныхъ и очень цѣнныхъ членовъ; ударъ былъ страшный, тѣмъ не менѣе въ душѣ таилась надежда, что насъ скоро выпустятъ, потому что я былъ увѣренъ, всѣ будутъ держать себя хорошо, о существованіи организаціи никто не обмолвится, а остальные улики были такъ несущественны, что мы могли отдѣлаться однимъ предварительнымъ заключеніемъ. Такъ оно дѣйствительно и было бы, не послѣдуй осенью 1875 г. ареста другихъ членовъ организаціи, при которыхъ найдены крайне неосторожныя письма Георгія Здановича, благодаря которымъ прямо устанавливалась принадлежность всѣхъ насъ къ одной и той же общей организаціи, а арестомъ самого Здановича въ октябрѣ того же года, при которомъ найденъ былъ и нашъ уставъ, существованіе организаціи, пока только предполагавшейся дознаніемъ, было окончательно установлено. До ареста Здановича меня причисляли только къ процессу 193-хъ по оговору Рабиновича, который почему-то считалъ меня членомъ кружка чайковцевъ, (вѣроятно,

потому, что въ студенческихъ кружкахъ я слылъ за бакуниста); а послѣ ареста Здановича, благодаря найденнымъ документамъ при немъ и въ Иваново-Вознесенскѣ, составилъ самостоятельный процессъ, куда привлекли и меня. Отцу моему, которому предъ тѣмъ категорически обѣщано было въ Петербургѣ освободить меня на поруки, окончательно отказали въ этомъ.

Итакъ, пришлось застѣть въ тюрьмѣ крѣпко. Почти черезъ годъ послѣ моего ареста закончилось предварительное дознаніе по процессу 50-ти, и въ мартѣ 1876 года мы всѣ изъ вѣдѣнія жандармовъ перешли въ вѣдѣніе городской полиціи. Къ этому времени всѣхъ обвиняемыхъ по процессу 50-ти стали свозить въ Петербургъ. За нѣсколько времени до отправки въ Петербургъ меня увезли изъ Пугачевской башни и посадили въ Пречистенскую часть, гдѣ я впервые былъ пріятно пораженъ отсутствіемъ жандармовъ; меня посадили въ одинъ изъ номеровъ 2-го этажа этой части; черезъ нѣсколько минутъ обнаружилось, что я нахожусь въ общемъ корридорѣ съ Бардиной, Чикойдзе и Ник. Морозовымъ, съ которымъ я въ послѣдній разъ видѣлся мелькомъ въ Бернѣ.

Здѣсь въ присутствіи скучающаго городского мы свободно говорили о пережитомъ. Уже тогда, взвѣсивая, какихъ огромныхъ жертвъ стоила намъ мирная пропаганда въ народѣ, мы искали другихъ путей. Со мною рядомъ сидѣлъ Николай Морозовъ, это облегчало бесѣду нашу черезъ окна, выходившія на большую поляну, на которой лѣниво расхаживалъ единственный городской, совершенно неинтересовавшійся ни нами, ни нашимъ разговоромъ. Уже тогда меня поражало увлеченіе Николая Морозова широкими планами террористической дѣятельности; онъ часто говорилъ объ орсиньевскихъ бомбахъ и утверждалъ, что все спасеніе русской революціи въ нихъ, по крайней мѣрѣ теперь, когда насъ такъ мало. Недостатокъ численности нужно замѣнить силой и энергіей дѣйствія, говорилъ онъ, какъ бы предвосхищая будущее. Эту нашу бесѣду я невольно вспомнилъ въ апрѣлѣ 1881 г., когда переведенный изъ центральной каторжной тюрьмы въ Мценскъ для отправки на Кару вмѣстѣ съ другими товарищами моими по Централкѣ, я съ захватывающимъ интересомъ слѣдилъ за процессомъ по дѣлу 1-го марта и не удивился, когда узналъ, что авторомъ брошюры «Террористическая борьба» былъ Ник. Морозовъ.

Здѣсь же, въ той же Пречистенской части я встрѣтилъ впервые послѣ ареста и рабочаго Николая Васильева; въ то время, какъ мы, интеллигенты, взвѣшивали пройденный путь, этотъ сынъ народа, еще такъ недавно исходившій всѣ фабрики Москвы, сзывая на дѣло освобожденія своихъ братьевъ рабочихъ, среди которыхъ онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ, положительно изнывалъ въ тюрьмѣ отъ вынужденнаго бездѣлья. Первые дни я не зналъ, что онъ сидитъ тамъ; однажды въ полдень я слышу голосъ съ нижняго этажа; прислушиваясь, это голосъ Николая Васильева; часовой показываетъ мнѣ знакомъ, что со мною изъ нижняго этажа хотятъ говорить.—Господинъ, слышу я, а господинъ, слышите или нѣтъ?—Слушаю, слушаю, отвѣтилъ я. Кто вы такой, спрашиваю.—Я Николай Васильевъ; неужто же вы по голосу не узнаете меня, обидѣлся онъ; а я васъ сейчасъ же

по голосу узналъ, какъ вы съ сосѣдомъ стали перекликаться.—Какъ же твоего голоса не узнать, и я узналъ, здравствуй Николай, говорю я; я хотѣлъ убѣдиться только, не ослышался ли я; какъ живешь можешь?

Это была первая наша встрѣча послѣ того, какъ мы видѣлись съ нимъ годъ тому назадъ на очной ставкѣ въ московскомъ жандармскомъ правленіи.—Ахъ, чортъ тебя возьми, Михайловъ, продолжалъ онъ, называя меня по привычкѣ моимъ рабочимъ именемъ; а вѣдь я думалъ, что ты и говорить-то со мною не станешь.—Почему же?—спросилъ я.—Да, такъ... вѣдь ты оказываешься баринъ, да еще какой: дворянинъ столбовой; мнѣ вѣдь капитанъ Ловягинъ все разсказалъ. А ловко ты нашего брата-мужика околпачилъ, мнѣ ни въ жисть не пришло бы въ голову, что ты баринъ...—Да, не все ли равно тебѣ, баринъ или мужикъ, лишь бы я съ тобою за одно былъ, спросилъ я.—Нѣтъ, не все равно; я, напримѣръ, думалъ, что всѣ господа мошенники, да и при тебѣ я всегда говорилъ это нашему брату фабричному, а вотъ оказывается, межъ господъ есть такіе люди, какъ ты да Федоръ (Чикридзе), а можетъ и другіе, а вѣдь этого ни въ жисть бы положительно не подумалъ; помилуй Богъ, чтобъ баринъ, да всей душой за мужика; чтобъ изъ-за мужика онъ въ острогъ пошелъ, да это и въ сказкахъ не сказывается... Эхъ, Михайло, грѣхъ на твоей душѣ, ты долженъ былъ сказать мнѣ, кто ты такой; скажи ты мнѣ, что ты самъ—баринъ, я на всю Москву крикнулъ бы: правда взяла и господа на нашей сторонѣ; а то, что одни мужики могутъ сдѣлать противъ господъ, поповъ (Николай Васильевъ былъ старовѣръ), купцовъ и всякой сильной сволочи... Поддержки со стороны нѣтути, поддержка нужна. Вотъ къ примѣру, посадили меня въ острогъ и сижу я, какъ въ ямѣ, положительно какъ въ ямѣ (Ник. Вас. злоупотреблялъ словомъ «положительно»); караулитъ меня нашъ же братъ-мужикъ и не выпуститъ онъ меня до самой смерти; затоскуешь по волѣ, подойдешь къ нему и говоришь, какъ своему брату: что, милый человѣкъ, слышь, долго ли меня тутъ будутъ томить? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: ступай, ступай отъ фортки, не велѣно разговаривать. Ну, да и понятно: онъ самъ тоже попалъ въ яму. А тутъ приходитъ капитанъ Ловягинъ, я къ нему: что господинъ, милый, долго ли еще меня будутъ томить въ ямѣ? Не знаю, Николай Васильевъ, не знаю; а что вамъ, скучно? Вы бы книгу почитали. — Да, кабы я книги то умѣлъ читать, въ острогъ бы не попалъ, а попалъ, такъ скоро бы вышелъ; сколько вѣдь господъ попадаетъ въ острогъ за разное мошенство, онъ напишетъ письмо и смотришь, онятъ на свободѣ гуляетъ; а нашъ братъ, какъ попалъ ни за что въ тюрьму, такъ тамъ и пропадай.—Вамъ надо грамотѣ научиться, говорить капитанъ Ловягинъ. Поздно, говорю, пробовалъ и раньше, а теперь въ сорокъ лѣтъ не научишься.— А я васъ въ двѣ недѣли научу и читать и писать, говоритъ мнѣ капитанъ, говоритъ такъ убѣдительно.—Ну, ладно, говорю. На другой день капитанъ приходитъ ко мнѣ въ камеру и приноситъ четверку табаку Габая; да я, говорю, старовѣръ, не курю; да и не надо, говоритъ; вотъ тутъ написано: *табакъ Габая*; возьмите да и срисовывайте, да по рисованному читайте и научитесь. И что же бы

ты думалъ, въ одинъ мѣсяцъ всю премудрость одолѣлъ; а сначала то я думалъ, что разъ стоитъ буква Г, значить: это гусь, б—это братъ, какъ въ азбукѣ показано; а потомъ сразу понялъ всю музыку и теперь умѣю и читать и писать. Съ недѣлю тому назадъ, сижу я это въ Суцевской части, строгости такія, что хоть вѣшайся; я говорю унтеру: жаловаться хочу; онъ мнѣ въ отвѣтъ: что же, пиши прокурору; я написалъ и черезъ недѣлю меня переводятъ сюда, а здѣсь хорошо... вотъ что значить грамота... Хочешь, Михайло, я тебѣ прочту, что я прокурору написалъ? И Николай Васильевъ прочелъ приблизительно слѣдующее:

«Господинъ прокуроръ, баринъ ты мой милый, посадили меня въ эту яму, т. е. положительно ни за что; лишили меня свѣту, воздуха, пространства и людей; что же, неужто прикажешь мнѣ вѣшаться; гдѣ же у васъ Богъ; неужто царь приказалъ положительно ни за что людей въ яму сажать; освободите меня изъ этой ямы, верните мнѣ свѣтъ, воздухъ и пространство»... Ты слушаешь, Михайло? спросилъ онъ, окончивъ чтеніе. Ну, что скажешь?—Очень, братъ, хорошо. Неужли ты самъ это писалъ?—Да, что ты? Неужели ты не вѣришь? Вотъ я сейчасъ напишу тебѣ записку и пришлю съ часовымъ, чернило то будетъ мокрое, и ты повѣришь тогда.

Дѣйствительно, я сейчасъ же получилъ записку съ невысохшими чернилами; бѣдняга, впрочемъ писалъ, печатными буквами, подражая обложкѣ этикетки Габая. А сколько возился съ Николаемъ Васильевымъ на волѣ кузнецъ Василій Грязновъ, чтобъ научить грамотѣ этого оригинальнаго и талантливаго пропагандиста! А жандармскій капитанъ Ловягинъ, тотъ самый Ловягинъ, въ котораго стрѣлялъ при арестѣ князь Циціановъ, научилъ его грамотѣ въ 5 минутъ; странная иронія судьбы!

Однажды я спросилъ Николая Васильева: вотъ, хорошо, ты пишешь; а что ты читаешь?—Все читаю, а толку никакого; т. е. положительно не понимаю для чего это люди пишутъ; пишутъ совсѣмъ не то, что надо бы писать, а такъ, какую-то чушь; читалъ и про мужика, и про рабочаго и вовсе эти господа писатели не знаютъ, чего нашъ братъ хочетъ; надоть освободить нашего брата отъ всякой неправды, чинимой барамъ, попами да купцами; а какъ освободить? этого никто не пишетъ. Я тебѣ сколько разъ сказывалъ, Михайло, что надоть въ одинъ часъ собраться всѣмъ фабрикамъ московскимъ да подмосковнымъ на Покровкѣ, да оттуда идти въ Кремль, а тамъ всенародно судъ учинить надъ господами; какъ засверкаютъ топоры, неправды не будетъ.

Дѣйствительно, Николай Васильевъ не разъ предлагалъ намъ поднять возстаніе въ Москвѣ и учинить въ Кремлѣ судъ всенародный; я помню, какъ въ одно воскресенье вбѣжалъ онъ къ намъ въ рабочую квартиру вмѣстѣ съ Иваномъ и Прокофьемъ Бариновыми и требовалъ, чтобы въ слѣдующее воскресенье учинить этотъ всенародный судъ. Когда мы стали возражать противъ этого предложенія и называли его безуміемъ, Николай Васильевъ возмущенно сказалъ: доколь же пропагандой заниматься? Вѣдь положительно ни одного противника среди фабричныхъ нѣтъ, всѣ согласны за правду идти; такъ

чего же ждать-то? по моему либо сейчасъ, либо никогда; нашему брату не надо вздоху давать, а какъ дашь, онъ сейчасъ на попятный; зачнетъ затылокъ чесать и поминай, какъ звали; другой разъ калачомъ къ себѣ не заманишь, потому—нельзя народъ долго томить; согласны, такъ надо идти, а не идешь, значить самъ не хочешь идти; такъ зачѣмъ же зовешь, спрашиваютъ всѣ меня...

Я объяснилъ ему, что если встанетъ одна Москва, ее задушатъ; нужно, говорю, чтобы за Москвою пошла вся Россія; тогда только правда настанетъ.

— Вся Россія, промолвилъ онъ; ужъ велика же она, не скоро это будетъ; а что мы съ тобою, Михайло, въ острогъ угодимъ, это вѣрно; такъ коли попадать, такъ попадать не зря.

Николай Васильевъ былъ замѣчательный знатокъ народа; сознательнымъ рабочимъ онъ не придавалъ значенія въ моментъ борьбы и даже нѣсколько презиралъ ихъ. Когда такой сознательный рабочій, какъ Василій Грязновъ, возражалъ ему, Николай Васильевъ говорилъ: поди ты къ чорту съ своимъ сознаниемъ; вотъ ты сознательный да что въ тебѣ проку; ты съ книгой въ рукахъ умрешь, а на Кремль все же не пойдешь; а мы не сознательные всѣ до единого хоть сейчасъ на Кремль пойдемъ и за правду русскую ляжемъ.

Онъ хорошо видѣлъ жизненную неправду; онъ испыталъ ее на себѣ; зналъ, что эту неправду инстинктивно сознаетъ всякій рабочій, и въ этомъ общемъ сознаніи чуялъ согласіе массы на борьбу. Вотъ почему онъ считалъ прямо потерей времени развивать въ массѣ сознаніе; онъ заботился лишь о томъ, чтобы поскорѣе повести ее на борьбу. Пропаганду и распространеніе книгъ онъ считалъ бесполезнымъ и даже вреднымъ дѣломъ; такъ думалъ этотъ народный трибунъ и во многомъ былъ правъ.

Неудивительно поэтому, что всю жизнь тоскуя по грамотѣ и овладѣвъ ею въ сорокъ лѣтъ, онъ кончилъ все же тѣмъ, что въ одну ужасную ночь онъ обложилъ себя книгами и сжегъ себя вмѣстѣ съ ними; спасти его не удалось... Это была натура сильная и могучая, тоску бездѣйствія перенести онъ не могъ; онъ погорялъ надежду, а быть можетъ и вѣру; его не спасли ни богъ, ни царь, въ которыхъ онъ такъ горячо вѣрилъ въ сердцѣ своемъ.

Мнѣ недолго пришлось оставаться въ Пречистенской части; одного за другимъ перевезли насъ въ Петербургъ, и я попалъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ я и пробылъ почти до суда, то есть до февраля 1877 года.

Нашъ перевозъ въ Петербургъ уничтожилъ послѣднія иллюзіи возможной свободы; насъ будутъ судить, это мы знали; а что кромѣ неволи дастъ намъ судебный приговоръ!...

XII.

За нѣсколько дней до открытія засѣданія Особого Присутствія Сената, на разсмотрѣніе котораго было отдано наше дѣло, всѣхъ насъ перевели въ Домъ Предварительнаго Заключенія. Разъ утромъ меня вызвали въ школьное помѣщеніе этого дома; меня встрѣтилъ

тамъ В. Д. Спасовичъ, который уже разъ посѣтилъ меня въ крѣпости.—Ну, вотъ, скоро и судъ, сказалъ онъ. Я хотѣлъ бы знать, про должалъ онъ, думаете ли вы во-первыхъ произнести рѣчь на судѣ, во-вторыхъ, разрѣшите ли мнѣ, какъ защитнику вашему по назначенію отъ суда, говорить о Васъ, не *pour plaider coupable*, конечно, и въ-третьихъ, всѣ мои товарищи по защитѣ: Герардъ, Боровиковскій, Ольхинъ, Бардовскій и другіе желали бы устроить въ Вашемъ присутствіи совѣщаніе, чтобы заранѣе ознакомить Васъ съ содержаніемъ защитительныхъ рѣчей каждаго изъ насъ; это необходимо во избѣжаніе недоразумѣній.—Я отвѣтилъ Спасовичу, что заранѣе никакой рѣчи не przygotowuję, что судебное слѣдствіе само покажетъ, что мнѣ говорить, и что все будетъ зависѣть отъ отношенія предсѣдательствующаго къ намъ; будетъ позволять говорить, найдемъ что сказать, не позволить, и не надо. Во всякомъ случаѣ, кто-нибудь изъ 50-ти чело-вѣкъ найдетъ что нибудь сказать.

— Да, — перебилъ меня Спасовичъ, — все это такъ, но имѣйте въ виду, что говорить рѣчь на судѣ, не подготовившись, экспромптомъ очень трудно. Скажу вамъ про себя: когда я оставилъ кафедру и выступилъ въ качествѣ защитника, въ первое время я такъ терялся, что принужденъ былъ писать рѣчи и читать ихъ на судѣ, только продолжительная практика научила меня говорить рѣчи безъ помощи тетрадокъ. Ну, хорошо,—продолжалъ добродушно Спасовичъ,—вы не думаете писать рѣчи; по крайней мѣрѣ, вы заранѣе должны рѣшить вопросъ, будете ли признавать свою принадлежность къ организации?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Вѣдь я сказалъ же вамъ еще въ крѣпости, что я не признаю возможнымъ признавать участіе въ организаціи.

— Какъ, вы до сихъ поръ стоите на этомъ? А я со своими товарищами и съ согласія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ находимъ необходимымъ признать существованіе организаціи.

— Интересно бы знать, по какимъ это мотивамъ, спросилъ я.

— А вотъ, если хотите, я сейчасъ приглашу моихъ товарищей, которые всѣ здѣсь, и мы потолкуемъ, сказалъ Спасовичъ: онъ быстро вышелъ, кого-то куда-то послалъ и чело-вѣкъ семь присяжныхъ повѣренныхъ вошли къ намъ. Это были: Ольхинъ, Бардовскій, Боровиковскій, Герардъ, Хартунатъ, Коршъ и Зубаревъ.

— Вотъ, господа, сказалъ Спасовичъ, г. Джабадари стоитъ на своемъ, попробуйте-ка уломать его.

— Думаю, никакой необходимости нѣтъ уламывать меня; вы лучше скажите господа, кому и для чего нужно наше признаніе въ существованіи организаціи вообще и въ частности моя принадлежность къ ней. Если другіе товарищи мои по процессу настаиваютъ на этомъ, я ихъ не удерживаю; что же касается лично меня, я не буду признавать своего участія въ организаціи по мотивамъ, которые я сообщилъ уже Владиміру Даниловичу.

— Помилуйте, возразилъ мнѣ Ольхинъ, вѣдь уставъ отобранъ у Здановича, связь его со всѣми обвиняемыми доказана его же письмами, отрицать организацію, значитъ заператься и усугублять вину.

— Это вѣрно, это вѣрно, подхватили всѣ.

— Уставъ попался у Здановича, связь его съ другими доказана его же письмами, это вѣрно; но вѣдь неизвѣстно, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ написанъ этотъ уставъ; подумайте же, чего вы отъ насъ хотите; вы хотите, чтобъ мы повѣдали суду и то, что ему, слава богу, еще неизвѣстно.

Тутъ Бардовскій вступился за меня и сказалъ:—Это правда, это правда; для чего въ самомъ дѣлѣ давать суду лишній поводъ доканиваться до корней; мы такъ и поставимъ дѣло: уставъ самъ по себѣ, неизвѣстно откуда онъ взялся, а каждый обвиняемый самъ по себѣ; пусть что хочетъ, то и говоритъ о себѣ, но объ уставѣ не слѣдуетъ заикаться; объ уставѣ придется говорить только тому, у кого онъ найденъ, т. е. Здановичу.

На этомъ мы и покончили, сообщивъ членамъ организаціи о нашемъ рѣшеніи.

Мнѣ кажется, что нашихъ защитниковъ не столько интересовало наше усугубляющее вину заперательство, сколько желаніе увидѣть всю картину возникновенія этой организаціи, что облегчило бы имъ задачу защиты.

21 февраля 1877 года въ 10 часовъ утра всѣхъ насъ, въ числѣ 50 человѣкъ, приводя по очереди, собрали въ рядъ въ корридорѣ петербургскаго окружнаго суда, разставивъ такимъ образомъ, что между каждыми двумя стояло по жандарму съ обнаженной саблей. Тутъ были всѣ, кромѣ Бети Каминской, дѣло о которой было прекращено, вслѣдствіе ея душевнаго расстройства.

Началась перекличка по алфавиту. Перекличку дѣлаетъ офицеръ, немилосердно коверкая фамиліи, обвиняемые поправляютъ его; дойдя до буквы Г, офицеръ съ большимъ усиліемъ старался разобрать фамилію Гамкредидзе; ему это не удается и онъ громко выкрикиваетъ: Гам..., гам..., гам...; раздается всеобщій неудержимый смѣхъ, показавшій, что и послѣ двухмѣсячнаго предварительнаго заключенія подсудимые нисколько не потеряли душевной бодрости, что они весело и спокойно идутъ на судъ, который, какъ всѣ знали, долженъ сурово осудить ихъ. Настроеніе ихъ было приподнято радостью первой встрѣчи, и они не хотѣли думать о будущемъ. Офицеръ, смущенный общимъ смѣхомъ, спѣшитъ закончить перекличку и командуетъ ввести подсудимыхъ на судъ; двинулась торжественная длинная процессія; подсудимые шли по одиночкѣ въ томъ же алфавитномъ порядкѣ, какъ ихъ выстроили въ корридорѣ, въ перемежку съ жандармами. Черезъ длинный, почти подземный проходъ, соединяющій домъ предв. заключенія съ зданіемъ окружнаго суда, они вступаютъ спокойно и молча въ залъ суда.

По лѣвую сторону отъ судей, на обычномъ мѣстѣ возвышалось мѣсто для 3—4 обвиняемыхъ, названное нами Голгофой, гдѣ посадили Кардашева, Здановича, крестьянина Острова и Сидорацкаго. По правую сторону на скамьяхъ, расположенныхъ уступами одна надъ другой, размѣстили остальныхъ подсудимыхъ. Внизу подъ хорами былъ разставленъ рядъ стульевъ для привилегированной публики; она была уже въ сборѣ и съ холоднымъ любопытствомъ, казалось намъ, наблюдала насъ. Позади судей занимали мѣста высокопоставленныя лица:

тамъ были: канцлеръ князь Горчаковъ, министръ юстиціи графъ Паленъ, принцъ Ольденбургскій, князь Мингрельскій и друг.; на хорахъ помѣщалась другая публика, среди которой изрѣдка мелькали знакомыя лица родственниковъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ.

Когда подсудимые размѣстились на своихъ мѣстахъ, жандармы съ обнаженными шашками стали по сторонамъ. Многіе изъ насъ, въ особенности женщины, жившія въ юности за-границей, никогда еще не бывали въ судахъ, и онѣ съ непривычнымъ изумленіемъ смотрѣли на всю эту обстановку. Впереди насъ размѣстились защитники.

Пока длился обычный опросъ обвиняемыхъ о лѣтахъ, званіи и проч., большинство членовъ организациі размѣстились ближе другъ къ другу, чтобы выработать программу, какъ держать себя на судѣ, въ случаѣ вопроса о принадлежности къ организациі. По окончаніи допроса началось чтеніе обвинительнаго акта, длившееся нѣсколько часовъ, послѣ чего предсѣдательствующій Петерсъ объявилъ, что Особое Присутствіе постановило раздѣлить подсудимыхъ на восемь группъ и что судебное слѣдствіе будетъ происходить по каждой группѣ отдѣльно, что на завтрашній день будетъ вызвана одна первая группа, остальные будутъ вызываться въ судъ послѣдовательно.

Это заявленіе грозило намъ разлукой, мы не хотѣли уступить безъ борьбы свое право быть вмѣстѣ. Было очевидно, что судъ именно и не желаетъ видѣть насъ вмѣстѣ, а потому собственно и рѣшилъ разбить на группы.

Защита нерѣшительно просила судъ о допущеніи всѣхъ группъ совмѣстно присутствовать на засѣданіяхъ, мотивируя тѣмъ, что иначе придется постоянно прибѣгать къ просьбѣ о вызовѣ подсудимыхъ изъ другихъ группъ для выясненія нѣкоторыхъ фактовъ; первоприсутствующій не соглашался съ доводами защиты и возражалъ противъ нихъ. Недалеко отъ меня сидѣлъ Боровиковскій; я шепнулъ ему, что желалъ бы по этому поводу сказать нѣсколько словъ и вкратцѣ объяснилъ ему, что именно хочу сказать. — Прекрасно, прекрасно, вставайте скорѣе, просите слова, поощрилъ онъ меня. Я всталъ и заявилъ слѣдующее: ничего не имѣя противъ раздѣленія насъ на группы, я предлагаю суду, чтобы прокуратура отказалась въ такомъ случаѣ отъ обвиненія въ принадлежности всѣхъ насъ къ одному и тому же противозаконному сообществу, къ одной и той же организациі и чтобы судили насъ cadaго за отдѣльныя, только ему принадлежащія дѣйствія, не обвиняя уже въ составленіи антиправительственного сообщества.

Боровиковскій былъ въ восторгѣ. — Ловко, ловко, говорилъ онъ мнѣ. Вѣдь вотъ намъ, юристамъ и въ голову это не пришло. А почему? Потому что мы стояли за признаніе организациі, а вы все время противъ; понятно, что вы и нашлись привести неотразимый доводъ. Судъ уважить, конечно, ваше ходатайство, иначе прокурору придется отказаться отъ самаго главнаго обвиненія, отъ обвиненія въ составленіи преступнаго сообщества.

Послѣ краткаго совѣщанія судей, Особое Присутствіе вынесло постановленіе допустить присутствовать на судебномъ слѣдствіи всѣхъ подсудимыхъ вмѣстѣ, причемъ само слѣдствіе вести по группамъ.

Побѣда была огромная; эта побѣда обусловила дальнѣйшій успѣхъ процесса; во-первыхъ, члены организациі въ теченіе почти пяти недѣль находились въ соприкосновеніи съ остальными товарищами не-членами, что дѣйствовало на нихъ, въ особенности на рабочихъ, ободряющимъ образомъ; благодаря этому отчасти всѣ безъ исключенія обвиняемые держали себя безукоризненно хорошо; во-вторыхъ, выиграла и публика, которая ломилась въ залъ засѣданія отчасти потому, что желала присутствовать на большомъ процессѣ, гдѣ представлялась возможность лицезрѣть сразу цѣлую полсотню обвиняемыхъ; вѣдь это былъ первый большой политическій процессъ, гдѣ одновременно фигурировали, почти въ равномъ числѣ, интеллигентные мужчины, рабочіе и женщины. Эта большая, пестрая, но дружная группа обвиняемыхъ, не выдѣлившая изъ себя ни главарей, ни второстепенныхъ участниковъ, ни измѣнниковъ, эта группа, спокойно и гордо смотрѣвшая въ лицо своей участи, внушала публикѣ невольное удивленіе и уваженіе къ себѣ. Впечатлѣніе, конечно, было бы слабѣе, если бы подсудимыхъ вывозили на судъ по группамъ. Правда, мы недумали импонировать публикѣ, мы не знали ея состава, хотя съ воли намъ уже писали еще до суда, что обвинительный актъ производилъ сильное и хорошее впечатлѣніе на молодежь; требуя, чтобъ насъ судили вмѣстѣ, мы прежде всего хотѣли, какъ можно дольше, остаться вмѣстѣ; вѣдь это м. б. была послѣдняя наша встрѣча въ жизни.

Показанія свидѣтелей-рабочихъ на судебномъ слѣдствіи давали понять и суду и публикѣ, что народъ относится къ обвиняемымъ сочувственно; наприим., рабочіе, которые хорошо знали меня и съ которыми я бесѣдовалъ не разъ и не два, на судѣ безъ всякаго уговора съ кѣмъ-либо, отрицали всякое со мною знакомство; то же было и съ другими. Изъ сотни свидѣтелей единственнымъ да и то мягкимъ обвинителемъ оказалась Дарья Скворцова, которая слишкомъ много сказала раньше, чтобъ идти назадъ, и ткачъ Яковлевъ, который питалъ личную вражду къ Николаю Васильеву. Свидѣтелямъ обвиненія, по требованію прокурора, то и дѣло представлялись показанія, данныя ими при дознаніи, но свидѣтели оставались при показаніяхъ судебного слѣдствія. Интересъ публики видимо возрасталъ съ каждымъ днемъ. Я не могу умолчать объ одномъ происшествіи, имѣвшемъ мѣсто во время судебного слѣдствія; я говорю о поддѣлкѣ билетовъ на входъ публики въ залъ засѣданія, куда по распоряженію суда болѣе 50-ти человекъ не допускалось.

Слѣдствіе приближалось къ концу, когда однажды, во время допроса какого-то свидѣтеля, поднялась страшная возня на хорахъ; мы видѣли только, что хоры наводнились вдругъ жандармами, вытѣснившими оттуда всю публику. Не зная въ чемъ дѣло, мы думали, что Петерсъ распорядился на дальнѣйшія засѣданія публики не допускать; только вечеромъ, когда я пришелъ къ себѣ въ камеру и въ обычное время принялъ участіе въ своеобразномъ засѣданіи нашего тюремнаго клуба (такъ назывались разговоры черезъ водосточныя трубы), вдругъ въ моемъ клубѣ, гдѣ были, между прочимъ, Купріяновъ, Боголюбовъ (впослѣдствіи жертва Трепова) и другіе, я слышу, ко мнѣ обращается незнакомый голосъ: «Здравствуйте, Иванъ Спиридоно-

вичъ, я такъ полюбилъ васъ и всѣхъ вашихъ товарищей, познакомившись съ вами изъ чтенія обвинительнаго акта, что самъ попалъ къ вамъ въ тюрьму.»

Это былъ Валеріанъ Осинскій, о которомъ я еще ничего не слыхалъ раньше и обращеніе котораго по имени-отчеству, что въ нашей средѣ не было принято, поразило меня. — Неужели вы попали сюда изъ любви къ намъ? полушутя спросилъ я Осинскаго.

— Изъ любви, Ив. Спир., ей, ей изъ любви. Я такъ полюбилъ вашихъ женщинъ, этихъ небесныхъ ангеловъ, я такъ полюбилъ вашихъ рабочихъ и всѣхъ васъ кавказцевъ и русскихъ, что хотѣлъ дать возможность полюбить васъ и широкой публикѣ и задумалъ я съ товарищами снабдить публику, не имѣющую билетовъ на входъ въ залъ засѣданія, поддѣльными билетами, которые мы и отпечатали сами. Въ первый день, т. е. вчера намъ удалось вмѣсто 50-ти впустить свыше 200 человѣкъ, но на 2-й день, когда мы роздали уже болѣе 500 билетовъ и вся эта публика разомъ осадила хоры, жандармы догадались, и я вмѣстѣ съ товарищами моими, раздававшими билеты у входа, попали сначала въ участокъ, а затѣмъ и къ вамъ въ тюрьму.

Все это Осинскій говорилъ спѣша и волнуясь отъ непривычнаго и крайне неудобнаго способа разговора по трубамъ. Такое открытое выраженіе любви къ единомышленникамъ, столь рѣдко встрѣчавшееся въ революціонной средѣ того времени, меня чрезвычайно поразило и возбудило во мнѣ горячее чувство къ нему. Я просилъ, чтобы на другой день во время гулянья онъ подошелъ къ моему окну перваго этажа, чтобы я могъ видѣть его; онъ подошелъ, и мы долго и молча смотрѣли другъ на друга; я до сихъ поръ помню это прекрасное юношеское лицо съ большими горѣвшими радостью глазами. За это недозволенное, хотя и молчаливое свиданіе, его сейчасъ же перевели въ другую камеру, и съ тѣхъ поръ я его больше никогда не видѣлъ: я пошелъ въ Каторжную Центральную тюрьму, а онъ черезъ два года былъ казненъ.

Въ 1877 году Домъ предвар. заключенія представлялъ обширную политическую лабораторію, гдѣ производился тщательный анализъ пережитаго и гдѣ намѣчались новые пути борьбы съ врагомъ, съ которымъ, какъ всѣ видѣли, трудно было бороться одними мирными средствами, какъ боролись до сихъ поръ: насъ было собрано тамъ около 225 человѣкъ (по казанск. процессу, по большому, по нашему процессу и по другимъ мелкимъ процессамъ); собственно говоря уже здѣсь, въ Д. пр. закл., положены были первые зачатки сформировавшейся партіи «Земли и Воли» и «Народной Воли»; вдохновителями этихъ партій, а въ послѣдствіи и прямыми участниками ихъ, были по преимуществу люди этихъ процессовъ, вынашивавшіе свои думы подъ кровлей этой тюрьмы. Тѣ осужденные, кому не суждено было скоро увидѣть свободу, клялись стойко нести свой крестъ, а освобожденные клялись продолжать дѣло до послѣдняго вздоха; и тѣ и другіе остались вѣрны своей клятвѣ.

Въ этой политической лабораторіи обсуждались и нѣкоторыя рѣчи, которыя предстояло произнести на судъ; рѣчи Петра Алексѣева,

Бардиной, Филата Егорова, а впоследствии по процессу 193-хъ и Мышкина были предварительно просмотрѣны многими изъ заключенныхъ и, уже по одобреніи близкихъ, сказаны на судѣ. Впечатлѣніе, произведенное этими рѣчами, было такъ сильно, что князь Горчаковъ, выслушавъ объясненіе подсудимыхъ, выразилъ сожалѣніе въ кругу правящихъ лицъ, зачѣмъ допустили публичность этого (нашего) процесса.—Вы думали, сказалъ онъ, убѣдить наше общество и Европу, что это дѣло кучки недоучившихся мечтателей, мальчишекъ и дѣвчонокъ и съ ними нѣсколькихъ пьяныхъ мужиковъ, а между тѣмъ вы убѣдили всѣхъ, что это не дѣти и не пьяные мужики, а люди вполне зрѣлые умомъ и крупнымъ самоотверженнымъ характеромъ, люди, которые знаютъ за что борются и куда идутъ; я это предвидѣлъ и предупреждалъ Васъ, говорилъ онъ, графу Палену; теперь Европа видитъ, что враги правительства не такъ ничтожны, какъ Вы это хотѣли показать.

Этотъ разговоръ кн. Горчакова я знаю изъ устъ В. Д. Спасовича.

Имѣя въ виду, что организація наша носитъ характеръ преимущественно рабочей, явилась необходимость, чтобы рѣчь была услышана судомъ и публикой изъ устъ не интеллигента, а самого рабочего; по начитанности и интеллигентности Петръ Алексѣевъ уступалъ многимъ другимъ рабочимъ, участвовавшимъ въ этомъ процессѣ, напр. братьямъ Жуковымъ и другимъ; но во-первыхъ, эти рабочіе не были еще членами организаціи, а потому неловко было выпускать ихъ съ публичной программой рѣчью, а во-вторыхъ, необходимо было обладать тѣмъ сильнымъ характеромъ, упрямой энергіей и могучимъ голосомъ, какимъ обладалъ Петръ Алексѣевъ, чтобы во что бы то ни стало сказать такую рѣчь, выполнить взятую на себя задачу. А выполнить было трудно потому, что защитники заранѣе предупредили насъ, что нужно быть краткимъ и энергичнымъ въ рѣчи, иначе Петерсъ не дастъ договорить до конца и лишитъ слова въ самомъ началѣ рѣчи.

Итакъ, выборъ нашъ палъ на Петра Алексѣева; ему въ общихъ чертахъ намѣчено было, о чемъ говорить, и предложено было, чтобы онъ самъ написалъ свою рѣчь; онъ ее написалъ въ главныхъ чертахъ такъ, какъ она была произнесена на судѣ и какъ она появилась въ печати; когда онъ передалъ ее мнѣ на просмотръ, я исключилъ нѣкоторыя длинноты, исправилъ грамматическія ошибки, вотъ и все; въ окончательной редакціи рѣчь была просмотрѣна и другими членами организаціи, Чикоидзе, Циціановымъ, нѣкоторыми женщинами, которые сидѣли рядомъ со мною и Петромъ Алексѣевомъ на судѣ. Затѣмъ, я просилъ Петра, чтобы онъ заучилъ рѣчь наизусть, какъ отче нашъ и декламировалъ бы ее у себя въ камерѣ; онъ ее выучилъ и читалъ на память мнѣ и Чикоидзе, между которыми онъ сидѣлъ. За день или за два до произнесенія этой рѣчи, мы съ Чикоидзе произвели нѣчто вродѣ генеральной репетиціи. Во время обѣденнаго перерыва засѣданія мы заставили Петра Алексѣева, вытянувшись во весь ростъ, держать рѣчь, какъ бы обращаясь къ предсѣдательскому креслу; онъ произнесъ ее безъ запинки и крайне выразительно; когда посреди рѣчи Чикоидзе перебилъ его обычнымъ предсѣдательскимъ окрикомъ «подсудимый остановитесь», Петръ Алексѣевъ, вмѣсто того, чтобы

остановиться, повысилъ голосъ, оттолкнулъ Чикоидзе и докончилъ рѣчь. Мы беззвучно аплодировали къ великому удивленію окружающихъ насъ жандармовъ. А Петръ, обратившись къ Чикоидзе, сказалъ: ишь, ты какой, хотѣлъ меня сбить, нѣтъ братъ, теперь не собьешь.

— Молодецъ, Петруха, молодецъ, говорилъ Чикоидзе, съ силой ударяя его по плечу.

Во время произнесенія имъ рѣчи передъ судомъ, мы сидѣли на томъ же мѣстѣ, на послѣдней скамьѣ и въ томъ же порядкѣ; между мною и Чикоидзе сидѣлъ Петръ; Чикоидзе держалъ написанную рѣчь передъ собою на случай, если бы Петруха сбился, онъ долженъ былъ подсказать ему. Дѣйствительно, въ серединѣ рѣчи, при глубокомъ молчаніи всѣхъ, когда и судъ, и публика, и въ особенности подсудимые слушали его съ затаеннымъ дыханіемъ, вдругъ Петръ на мгновенье запнулся и остановился; я положительно обмеръ отъ этой паузы, которая мнѣ показалась вѣчностью; но Петруха, сказавъ почему то «виноватъ», пошелъ дальше и блестяще закончилъ рѣчь при громкихъ аплодисментахъ публики и при неистовомъ крикѣ председателя Петерса «подсудимый, остановитесь, я прикажу васъ вывести». Но Петръ, повысивъ голосъ и перекрикивая весь этотъ шумъ, закончилъ рѣчь, какъ бы бросая послѣднія слова: «и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ»!

Это была огромная побѣда, обратившая въ бѣгство весь судъ. Тотчасъ объявленъ былъ перерывъ засѣданія. Петруха, этотъ высокій, здоровенный мужчина охваченъ былъ такимъ волненіемъ, что по окончаніи рѣчи трясся, какъ въ лихорадкѣ; руки и ноги дрожали до такой степени, что онъ не могъ стоять на ногахъ и когда къ нему потянулись руки защитниковъ и товарищей съ поздравленіемъ, онъ еле могъ протягивать свою дрожащую руку.—Это народный трибунъ, взволнованно воскликнулъ Спасовичъ, обращаясь къ намъ.

Тріумфъ Петра былъ полный, но это былъ его первый и послѣдній тріумфъ! Замуравленный въ центральной тюрьмѣ, переведенный потомъ на Кару, а затѣмъ водворенный въ Якутской области, онъ безвременно погибъ, убитый какимъ то дикимъ якутомъ, позарившимся на небольшія деньги, хранившіяся у него въ подушкѣ для побѣга.

Сочувствіе публики къ Петру Алексѣеву послѣ произнесенной имъ рѣчи было такъ сильно, что на другой день вся камера Петрухи была завалена табакoмъ, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индѣйками, конфетками и печеніями, а также платьемъ и бѣльемъ. Петруха, вскормленный на черномъ хлѣбѣ, иногда быть можетъ пополамъ съ лебедой, дивился, какими сластями питаются бары, купцы и поны и шутя говорилъ, что если бы всегда его кормили такъ на убой, онъ пожалуй и не произнесъ бы своей рѣчи.

Забота о Петрухѣ, объ успѣхѣ его рѣчи волновала меня больше его самаго; я такъ былъ занятъ имъ, что мнѣ самому ничего ужъ не удалось сказать тѣмъ болѣе, что всѣхъ интеллигентовъ Петерсъ немилосердно прерывалъ; вотъ почему никому ничего произнести не удалось, кромѣ Бардиной, начавшей свою рѣчь очень мягкимъ вступленіемъ. Рѣчь Бардиной была написана по согласенію ея съ бли-

жайшими подругами своими и была передана въ рукописи и намъ. Я былъ въ восторгѣ отъ этой рѣчи больше, когда я читалъ, чѣмъ, когда я слышалъ ее изъ ея устъ на судѣ. Бардиной удалось сказать всю рѣчь, благодаря тому, что она умѣла говорить замѣчательно вкрадчиво, непринужденно и слушателямъ казалось, что она говоритъ о самыхъ невинныхъ вещахъ, точно бесѣдуетъ съ близкими; простота рѣчи и скромность, съ какой она защищалась отъ нелѣпыхъ обвиненій прокурора въ отрицаніи семьи, собственности и проч., ея увѣреніе, что она, напротивъ, думала защитить и то и другое, все это обезоруживало довольно корректнаго предсѣдателя суда Петерса и хотя онъ прерывалъ ее, но прерывалъ, какъ бы извиняясь передъ нею.

Михаилъ Чикоидзе сказалъ всего нѣсколько словъ, но эти слова заставили плакать не только публику, но и подсудимыхъ. Онъ сказалъ: «что мнѣ говорить; я знаю, вы меня не оправдаете; какой бы вы приговоръ ни вынесли, будетъ ли это поселеніе или каторга, мнѣ все равно; вы меня мучаете вотъ уже два года, вы властны мучить и дальше, пока не отнимете у меня жизнь, я отдаю вамъ ее.»

У него былъ замѣчательно пріятный тембръ голоса, захватывающій за душу; при послѣднихъ словахъ его на хорахъ послышались едва сдерживаемыя рыданія, точно человѣка дѣйствительно осудили на смерть.

Послѣднія слова его рѣчи оказались, на самомъ дѣлѣ, какъ бы пророчествомъ для него: сосланный въ Восточную Сибирь въ 1877 году и бѣжавшій оттуда въ 1881 г., онъ примкнулъ къ «Народной Волѣ», но скоро опять арестованный и сосланный административно въ Сибирь, онъ по приговору Киренскаго полицейскаго дореформеннаго суда былъ отправленъ за побѣгъ на каторгу на Кару, а оттуда въ Якутскую область. Эти вторичныя мытарства окончательно подорвали его физическія силы, и онъ умеръ отъ чахотки въ больницѣ на рукахъ чужихъ людей, въ захластномъ углу Сибири, по дорогѣ въ Россію, куда ему вернуться такъ и не было суждено.

Нѣсколько словъ сказалъ также и крестьянинъ, ткачъ кустарь Филатъ Егоровъ. На вопросъ предсѣдателя, что имѣете сказать, онъ произнесъ слѣдующее:

А вотъ, что я могу сказать: Вы обижаетесь, когда мы осуждаемъ ваши порядки, вы, пожалуй, правы, потому что Спаситель (при этомъ онъ указалъ на образъ, висѣвшій въ залѣ суда) сказалъ: не судите да не судимы будете; но если эти слова относятся къ намъ, они должны относиться и къ вамъ; такъ зачѣмъ же вы меня судите, если вы христіане? Я думаю, что васъ также будутъ судить, но не здѣсь, а тамъ (онъ поднялъ руку вверхъ).... на страшномъ судѣ господнемъ.

Пытались говорить и другіе, но ихъ останавливали съ первыхъ же словъ; такъ, рѣчь Здановича, опубликованная въ сборникѣ Базилевскаго, не была произнесена; онъ успѣлъ сказать только нѣсколько словъ въ объясненіе своихъ писемъ и документа, отобраннаго у него, правдиво заявивъ суду, что авторомъ устава онъ не былъ. Не про-

износилъ рѣчи и Семень Агаповъ, хотя почему то его рѣчь также опубликована въ сборникѣ Базилевскаго ¹⁾).

Стенографическій отчетъ по нашему дѣлу, который вѣроятно сохранился, можетъ вполне возстановить все, что было говорено подсудимыми въ ихъ послѣднихъ рѣчахъ.

Приговоромъ, объявленнымъ 14 марта 1877 года были присуждены къ каторжнымъ работамъ 15 человѣкъ, изъ нихъ 9 мужчинъ и 6 женщинъ.

Этотъ приговоръ поразилъ своей суровостью всѣхъ, не исключая и Спасовича, который былъ заранѣе приблизительно освѣдомленъ объ исходѣ процесса. Такъ, мнѣ онъ сказалъ, что меня осудятъ на 5 лѣтъ каторги и не ошибся; но когда онъ услышалъ суровый приговоръ многимъ и въ особенности женщинамъ, онъ воскликнулъ: это возмутительно, это даже незаконно; они зарѣзали себя такимъ приговоромъ.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней судъ и прокуратура опомнились; они стали подсылать къ намъ нѣкоторыхъ товарищей прокурора, которые ходили по камерамъ и уговаривали насъ подать кассационныя жалобы. Мы, осужденные, рѣшили, что мужчинамъ лучше не кассировать; женщинамъ же послали коллективную просьбу, чтобы онѣ непременно обжаловали приговоръ; онѣ долго колебались, съ отвращеніемъ думая о новыхъ судебныхъ мытарствахъ, но, по настоянію Боровиковскаго и Спасовича, подписали кассационную жалобу. Жалоба эта была написана Боровиковскимъ и имъ же поддерживалась въ Сенатѣ. Приговоръ, послѣ кассации, былъ оставленъ въ силѣ только въ отношеніи тѣхъ пяти подсудимыхъ, которые не подавали жалобы, т. е. въ отношеніи Циціанова, Петра Алексѣева, Кардашева, Здановича и Джабадари, которые и были заключены въ Центральную тюрьму.

5 апрѣля 1877 года мы собрались еще разъ для выслушанія приговора въ окончательной формѣ. Это былъ послѣдній день свиданія нашей дружной товарищеской семьи. Въ память этого дня намъ принесли съ воли 50 маленькихъ серебряныхъ позолоченныхъ крестиковъ, которыми мы обмѣнялись другъ съ другомъ. Крестъ—единственная дозволенная вещь, которую могли взять съ собою даже каторжане; эти кресты были заказаны нами; на одной сторонѣ было рельефное изображеніе распятія, а на другой едва замѣтная надпись: 5 апрѣля 1877 г. и начальныя буквы Р. С. Р. Б., т. е. Русское Соц. Револ. Братство. Крестъ этотъ я берегъ долго, пронесъ его черезъ Центральную каторжную тюрьму, до Карійской тюрьмы; но въ 1882 году, когда послѣ побѣга Мышкина и другихъ, губернаторъ Ильяшевичъ разнесъ всю Карійскую тюрьму, а насъ маленькими партіями, босикомъ, въ одномъ бѣльѣ, по снѣгу прикладами перегонялъ въ другую тюрьму (верстахъ въ 9-ти отъ Карійской), я потерялъ этотъ

¹⁾ Она перепечатана мною изъ V тома заграничнаго журнала „Впередъ“ за 1877 годъ, гдѣ она помѣщена рядомъ съ рѣчами Бардиной, Алексѣева и Здановича.

крестъ и мнѣ такъ было грустно, точно съ нимъ я потерялъ всѣхъ своихъ друзей. Тогда я еще вѣрилъ въ возрожденіе нашей тѣсной братской семьи, но съ тѣхъ поръ прошло 25 лѣтъ, суровые вихри жизни развѣяли ее въ разныя стороны, замечая самые слѣды ея когда то кипучей жизни.

И. С. Джабадари.

Изъ пережитаго.

Въ 1885 г., я вмѣстѣ съ Люстигомъ былъ отправленъ съ каторги—карійской политической тюрьмы—на поселеніе въ Якутскъ. Намъ пришлось ждать въ иркутской тюрьмѣ открытія лѣтняго воднаго пути по Ленѣ. Въ это время, въ иркутской женской тюрьмѣ сидѣли каторжанки съ Кары за бунтъ. Между ними была Богомолецъ. Въ той же иркутской тюрьмѣ ждали открытія лѣтняго пути братъ Богомолецъ, административно-ссылный Присѣцкій съ женой. Во время прогулки Богомолецъ разговаривала со своимъ братомъ черезъ окно, которое выходило на дворъ женскаго отдѣленія изъ нашихъ мужскихъ политическихъ одиночекъ. Часовой запрещалъ разговаривать и замахнулся на Богомолецъ прикладомъ. У меня, на окнѣ, лежалъ брусокъ, и я бросилъ имъ черезъ рѣшетку въ часового.

За это меня привлекли къ суду, какъ лишеннаго правъ, но такъ какъ я заявилъ, что никакого суда не признаю, считаю себя плѣннымъ и сторонникомъ социалистическихъ идей, то судили губернскимъ судомъ заочно, меня же отправили дальше.

На поселеніе въ Якутскую область я прибылъ въ сентябрѣ 1885 г. Въ іюнѣ 1886 г., въ Якутскъ прислали рѣшеніе суда, въ силу котораго я былъ приговоренъ къ 50 ударамъ плетью и 8 мѣс. каторжныхъ работъ. Плети къ политическимъ не примѣнялись, а для отбыванія каторжныхъ работъ меня отправили изъ Якутской области этапнымъ порядкомъ съ казаками и подъ сельскимъ конвоемъ въ Александровскую центральную тюрьму въ Иркутской губ., отстоявшую отъ Иркутска въ 60 верстахъ.

Я ѣхалъ изъ Якутской области вмѣстѣ съ тремя уголовными—двумя скопцами и сахалинцемъ, судившимся за какое то убійство. Одинъ изъ скопцовъ былъ бродяга, другой обвинялся въ убійствѣ. Головы мнѣ не брили; только заковали въ кандалы; въ кандалахъ были и уголовные. Одинъ изъ скопцовъ былъ достаточно богатъ, чтобы напоить и подкупить казаковъ, и они сняли съ насъ кандалы. Доѣхавъ до Киренска и переѣхавъ черезъ Лену, я условился съ сахалинцемъ, и мы завели казаковъ въ кабакъ. Пока они угощались, я потихоньку вышелъ изъ кабака и бѣжалъ въ Киренскъ, гдѣ сталъ розыскивать живущихъ тамъ ссыльныхъ товарищей. Нашелъ я ихъ

скоро. Они были нѣсколько озадачены моимъ побѣгомъ, такъ какъ у нихъ не было притона. Пришлось вернуться въ полицейское управленіе, гдѣ меня заковали въ кандалы и отправили дальше, снабдивъ конвойныхъ двумя бумагами, одной—запечатанной, другой—открытой; въ послѣдней значилось, что я долженъ слѣдовать закованный въ кандалы.

Послѣ Киренска бѣжать казалось возможно. Мѣста были населенныя. Сахалинецъ, богатый скопецъ, хромой на одну ногу, и я рѣшили вмѣстѣ бѣжать на пути между Жигаловымъ и Верхоленскомъ. Въ Киренскѣ партія наша увеличилась. Къ ней присоединили пріискателя и уголовного поселенца. Оба они, какъ безпаспортные, возвращались на родину.

Изъ Киренска насъ сопровождали новые казаки, служившіе на пріискахъ. Какъ всѣ пріискатели, они любили выпить. Сахалинецъ угошалъ ихъ на деньги скопца и поддерживалъ постоянно въ веселомъ настроеніи. Изъ разговоровъ съ сахалинцемъ выяснилось, что онъ находитъ нужнымъ, по дорогѣ, когда мы бѣжимъ, убить хромого скопца: возиться, молъ, въ тайгѣ съ хромымъ не стоитъ, да и убить скопца не грѣхъ (какой онъ работникъ! что онъ за человѣкъ!) Кромѣ того, пустившись въ откровенность, онъ сказалъ, что по дорогѣ мы должны раздѣлаться еще съ одной содержательницей кабака, которая измѣнила и выдала его товарищей. Перспектива участвовать въ двухъ убійствахъ, хотя бы и пассивно, заставила меня отказаться отъ побѣга съ сахалинцемъ.

На переправѣ черезъ какую-то рѣчку или черезъ рѣку Лену (я уже не помню) сахалинецъ сильно подпоилъ казаковъ и «чадо», какъ мы называли административно-пересылаемого, и подзадорилъ «чадо» на ссору съ казаками. Пьяный «чадо» оскорбилъ и выругалъ казаковъ, тѣ пригрозили его побить, онъ ударилъ одного и началась свалка. Въ это время, часть нашего поѣзда уже переправилась черезъ рѣку на паромѣ. Сахалинецъ и хромой скопецъ, какъ бы желая пройтись, пошли впередъ. Дорога шла просѣлкой, въ густомъ лѣсу. Пройдя немного, они скрылись изъ нашихъ глазъ. Драка стражи съ «чадомъ» продолжалась. Наконецъ, послѣ получаса съ небольшимъ борьбы, свободолюбивый пріискатель былъ скрученъ казаками. Когда все успокоилось, казаки обратили вниманіе на отсутствіе двухъ арестантовъ. Мы успокоили ихъ, говоря, что, вѣроятно, отсутствующие дойдутъ до слѣдующаго станка, гдѣ и будутъ насъ ждать. Но на слѣдующемъ станкѣ ихъ не оказалось. Они ушли. Во время свалки уголовный тоже воспользовался удобнымъ случаемъ и стянулъ у одного изъ казаковъ, старшаго, сторублевую бумажку.

Въ то патріархальное время важнѣе было доставить бумагу, чѣмъ арестованнаго человѣка, и за побѣгъ арестанта казаки не отвѣчали.

Въ партіи осталось три человѣка—я, уголовный и скопецъ. Я рѣшилъ бѣжать одинъ. Уголовному и скопцу бѣжать не было никакого расчета. Желая возможно больше проѣхать на казенный счетъ, я рѣшилъ бѣжать со станціи Вальзовой, которая была въ такъ называемой «братской степи», между притокомъ р. Лены и Ангарскимъ

горнымъ хребтомъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною у бродягъ, я зналъ, что «братскіе» (буряты) безъ церемоніи убиваютъ бродягъ при встрѣчѣ. «Убьешь бѣлку—получишь 15—20 коп., а убьешь бродягу—наберется все-таки копѣекъ 50—60»,—говорятъ братскіе шаманы.

Я думалъ пройти братскую степь ночью, прятаясь днемъ въ кусты. Понятіе о степи въ Сибири иное, чѣмъ у насъ въ Россіи; у насъ степью называютъ безлѣсное пространство; тамъ, въ Сибири, степью называется мѣсто ровно поросшее мѣстами лѣсомъ и кустами, годное для сѣнокоса и хлѣбопашества. Вальзовскій поселекъ расположенъ былъ въ яру на какой-то маленькой рѣчкѣ, лѣвый берегъ которой крутой, горный, а правый поднимается покато и тянется до горизонта. Вся картина мѣста открывалась мнѣ съ птичьяго полета. Начался спускъ съ горы версты три, если не болѣе, въ длину. Мнѣ видны были дома селенія, зады которыхъ выходили на пологій скатъ. Виденъ былъ одинъ строящійся домъ, который я замѣтилъ, чтобы ночью пробраться черезъ него и такимъ образомъ пройти не черезъ селеніе. Далѣе я составилъ планъ: выйти на Ангару, перерѣзавъ братскую степь, пройти по Ангартѣ, затѣмъ, по старому, теперь брошенному извозчиками пути пройти на, такъ называемый, Московскій трактъ, а тамъ я считалъ себя уже въ Россіи.

На ночлегъ мы остановились на обывательской квартирѣ, недалеко отъ недостроеннаго дома. Обычай того времени для арестантовъ былъ таковъ: придя на ночлегъ, они вмѣстѣ съ конвойными отправлялись запасаться пищей; у кого денегъ не было, тотъ христарадничалъ. Я пошелъ купить себѣ хлѣба и еще разъ, такимъ образомъ, осмотрѣлъ дворъ, гдѣ строился новый домъ. Онъ былъ совсѣмъ пустъ. По возвращеніи домой, у меня разболѣлась голова, вѣрно отъ угара. Я заявилъ сельской стражѣ, что не могу ночевать въ избѣ, а буду спать во дворѣ. Взялъ мѣшокъ и незамѣтно сунулъ въ него принесенный хлѣбъ. Въ мѣшкѣ уже были двѣ пары портянокъ, зеркало, сибирскій озямъ (верхняя короткая свитка изъ желтой верблюжьей шерсти; въ Сибири про нее говорятъ, что «дождь за горой, а она уже мокра». Дѣйствительно, намокая быстро, она потомъ не пропускаетъ воду). Кромѣ того, въ моемъ мѣшкѣ была еще пара гражданскаго бѣлья. Всѣ эти приготовленія я дѣлалъ незамѣтно отъ стражи. Наполненный мѣшокъ имѣлъ форму подушки. Самъ я былъ въ арестантскомъ платьѣ.

Бумага о кандалахъ была мною украдена еще раньше. Въ одномъ волостномъ правленіи я замѣтилъ валявшуюся на столѣ испанную бумажку такой же формы, какъ и бумага о кандалахъ. Писарь былъ выпивши; я этимъ воспользовался, чтобы подмѣнить. Бумаги сдавались по счету и мое воровство не было обнаружено; кандалы я свои снялъ, войдя въ соглашеніе съ казаками. Всѣмъ сельскимъ конвоирамъ-крестьянамъ я говорилъ, что возвращаюсь на родину, но мнѣ все-таки они не довѣряли.

Такъ и теперь, два сельскихъ стражника легли по обѣимъ сторонамъ около меня на концы моего халата въ надеждѣ проснуться если я повернусь. Съ вечера я осмотрѣлъ дворъ; онъ оказался хорошо приспособленнымъ для арестантской ночевки: кругомъ были вы-

сокія постройкі, перелѣзть черезъ которыя было довольно трудно; войти во дворъ можно было только черезъ форточку или ворота, запиравшіеся на ночь общимъ засовомъ со вбитымъ въ него клиномъ.

Ночью, когда я услышалъ мѣрное дыханіе моей стражи, я потихоньку дернулъ съ одной стороны халатъ—мѣрное дыханіе не прерывалось; дернулъ съ другой стороны—спятъ. Такимъ образомъ прежде придавливавшій меня халатъ сталъ свободнымъ. Изъ подъ халата я вытолкнулъ мѣшокъ-подушку и вылѣзъ самъ. Осторожно, расшатывая, вынулъ клинъ, отворилъ форточку и вышелъ на улицу. Была ясная, лунная ночь. Черезъ дворъ, гдѣ строился домъ, я вышелъ на выгонъ, гдѣ виднѣлись силуэты лошадей. Мнѣ приходилось пройти мимо нихъ. Я прятался въ неровностяхъ почвы, такъ какъ нужно было избѣгать возможности попасть на глаза караульщикамъ лошадей.

Шелъ я быстро... Чувство свободы, добытой своими собственными силами, наполняло мой внутренній міръ свѣтлымъ, радостнымъ настроеніемъ... Ясная, лунная ночь, свѣжая, осенняя, какія бываютъ только въ Сибири, привѣтствовала мое освобожденіе... Объективная природа и субъективное настроеніе совпадали въ стройную гармонию... Я съ восторгомъ наслаждался блѣднымъ, покойнымъ, нѣжнымъ свѣтомъ луны, сіяніемъ звѣздъ на осеннемъ синемъ сибирскомъ небѣ, свѣжимъ, слегка морознымъ воздухомъ ночи...

Хорошо переживать такія минуты...

Это было 13 августа 1886 года.

Въ эту ночь я прошелъ верстъ 40—50. Разсвѣтъ меня засталъ невдалекѣ отъ буерачнаго, тощаго лѣса, гдѣ я и спрятался. Нужно было отдохнуть и измѣнить свой внѣшній видъ: сбрить бороду, принять видъ отставнаго солдата, такъ какъ въ паспортѣ я значился отставнымъ солдатомъ какого-то сибирскаго стрѣлковаго батальона.

Когда я достаточно пригляделся къ окружающей мѣстности, оказалось, что мнѣ угрожала опасность: отары овецъ съ собаками и пастухами приближались къ лѣску. Лѣсокъ былъ выбитъ скотомъ, со множествомъ проторенныхъ тропинокъ и настолько рѣдокъ, что только издали можно было незамѣтить человѣка.

Закусивъ хлѣбомъ, я пошелъ вдоль лѣса въ направленіи моего пути. Предо мной была пологая гора, оканчивающаяся обрывомъ; на краю этого обрыва видна была густая сосновая роща. Чтобы добраться до нея, нужно было перебѣжать $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ версты. Прибѣжавъ въ рощу, я подошелъ къ обрыву. Черезъ стволы деревьевъ предо мной открылась трехугольная площадь, съ обѣихъ сторонъ которой текли двѣ рѣки, восточная съ моей стороны и западная—съ другой. Западная рѣка вытекала изъ ущелья, черезъ которое я именно и долженъ былъ пройти. Ущелье это виднѣлось какъ въ туманѣ, на разстояніи верстъ 20-ти если не болѣе отъ меня. Я подождалъ пока зашло солнце. Небо заволокло тучами, пошелъ мелкій осенній дождь. Днемъ въ рощѣ я составилъ планъ моего пути: мнѣ нужно было пройти вдоль восточной рѣки и потомъ, перерѣзавъ площадь, достигнуть ущелья, не доходя котораго было братское поселеніе.

Ночь была темная, трудно было различать окрестности, но въ

моей головѣ такъ запечатлѣлась картина этой площади, что я въ потьмахъ не измѣнялъ направленія.

По пути попалось болото; сначала я хотѣлъ по кочкамъ перейти его, но разстояніе между кочками становилось все больше и больше. Палкой я нащупывалъ кочки и глубину болота. Наконецъ, разстояніе оказалось черезчуръ большимъ, переходить было невозможно, пришлось возвратиться обратно и обойти болото.

Путь мой пересѣкала рѣка. Ее же нужно было перейти опять въ бродъ и за поселкомъ братскимъ. Переходя рѣчку, я палкой ощупывалъ глубину (вода доходила подъ мышки), а другой рукой придерживалъ на головѣ одежду. Я уже подходилъ къ противоположному берегу, какъ вдругъ блеснулъ огонекъ. Я остановился, прислушался: это убиравшіе сѣно бурята разводили костеръ. Освѣщенные костромъ, они не могли меня замѣтить въ темнотѣ, и я благополучно выбрался на берегъ. Прежде чѣмъ одѣться, пришлось, изъ предосторожности, нагишемъ пройти около версты.

Начало свѣтать, когда я подходилъ къ братскому поселку близъ ущелья. День и двѣ ночи безъ сна настолько утомили меня, что забывъ всякую осторожность, я забрался на братскую одноколку подъ навѣсомъ двора и улегся спать. Вздремнувъ, какъ мнѣ показалось, минуты 3—4, я быстро вскочилъ и пошелъ черезъ спящій еще братскій поселокъ.

Ущелье оказалось коротко, но когда я вышелъ изъ него, предо мною, вмѣсто ожидаемой тайги, было открытое мѣсто съ длиннымъ рядомъ разбросанныхъ братскихъ дворовъ. По моему расчету, до Тальянъ оставалось верстъ около 40 (Тальянъ отъ Вальзова, по словамъ бродягъ, былъ на разстояніи 120—140 верстъ). Мнѣ можно бы еще переждать день въ лѣсу, но почему-то я хотѣлъ скорѣе добраться до русскаго поселка, гдѣ я былъ бы въ безопасности. Съ рискомъ быть замѣченнымъ, пошелъ я вдоль поселка, направляясь опять къ тому мѣсту, гдѣ, по рассказамъ бродягъ и по моимъ соображеніямъ, долженъ былъ быть водораздѣлъ—приблизительно на разстояніи версты 1¹/₂.

Я шелъ выгономъ. Во дворахъ поселка слышались голоса. Пробуждалась жизнь; гдѣ то лаяли собаки, мычали телята, блеяли овцы. Доили коровъ. Нѣкоторые выгоняли скотину изъ хлѣва. Словомъ поселокъ ожилъ.

За поселкомъ, на разстояніи версты или немного менѣе, начинался лѣсъ. Я пошелъ по заросшей дорогѣ, узкимъ лѣснымъ опасомъ, эланью (долиной). Это было сѣнокосное мѣсто. По элани тянулся рядъ копенъ сѣна, были еще и ряды несобраннаго сѣна. Послышался торохъ братской одноколки, все ближе и ближе; я ушелъ въ лѣсъ и спрятался, желая наблюдать незамѣченнымъ за одноколкой. На ней ѣхало двое бурятъ. Поровнявшись со мной, бурята подѣхали къ копенъ и остановились. Мнѣ показалось, что я внѣ опасности, что они пріѣхали осматривать сѣно, а не гнались за мной. Я вышелъ на поляну и пошелъ вдоль нея. Черезъ нѣсколько времени, братскіе¹⁾

¹⁾ Братскими называются бурята-шаманы и ламиты, а принявшіе православіе называются ясачными.

обогнали меня. Одинъ изъ нихъ предложилъ подвезти. Я отказался. Они остановили лошадь и, учтиво предлагая сѣсть, взяли меня за руку. На одноколкѣ лежалъ топоръ и дубина, и у каждого бурята былъ ножъ за поясомъ. Было очевидно, что они замышляютъ что-то недоброе, но пришлось подчиниться. Они заѣхали въ лѣсъ, выѣхали на небольшую покосную поляну, на которой лежали ряды скошеннаго сѣна, и привязали лошадь къ дереву.

По рассказамъ бродягъ, я зналъ корыстную натуру братскихъ. Какъ и вообще сибиряки, они не стѣснялись пріобрѣтать деньги какимъ бы то ни было путемъ и занимались распространеніемъ фальшивыхъ монетъ. Коренные сибиряки не дѣлаютъ сами денегъ, а пользуются для этого бродягами, способными къ этому ремеслу.

Чтобы заинтересовать бурятъ своею личностью, я сталъ рассказывать, что умѣю дѣлать фальшивыя монеты, именно двугривенные, обладаю секретнымъ составомъ и, если они хотятъ, могу работать для нихъ. Для этого, молъ нужно вмѣстѣ поѣхать въ Иркутскъ за покупкой необходимаго матеріала. Они отвѣтили, что оставить меня здѣсь, въ лѣсу, въ заимкѣ; чтобъ я далъ имъ выписку всего того, что нужно купить, и они поѣдутъ сами. Я не согласился, подъ предлогомъ, что открыть секретъ я не могу, а могу только дѣлать деньги, помогая добрымъ людямъ.

Буряты говорили между собою на своемъ языкѣ. Нѣсколько словъ на этомъ языкѣ общія со словами якутовъ. Слово „елеръ“, часто повторяемое ими, мнѣ было знакомо: по-якутски, какъ и у бурятъ, оно означаетъ—„убить“. Очевидно, они хотѣли убить меня.

Одинъ изъ нихъ, лучше одѣтый, съ симпатичнымъ лицомъ, не хотѣлъ, какъ мнѣ казалось, совершать надо мной грубаго насилія и былъ противъ убійства. Другой, кривой на одинъ глазъ, плохо одѣтый, можетъ быть работникъ перваго, часто повторялъ слово „елеръ“.

Они схватили меня за руки, Я обратился къ нимъ по-русски, приблизительно, съ такими словами:

— Убить меня вамъ нѣтъ никакого расчета; деньги, которыя у меня есть, я вамъ отдамъ.—(У меня было 10 р. 60 коп.) тутъ въ мѣшкѣ, только портянки, рубаха и хлѣбъ.

— Дай сюда мѣшокъ,—сказали они и начали вынимать и разсматривать мои вещи, а я продолжалъ рассказывать имъ, что иду въ Тальяны, что я тамъ работаю, что меня знаютъ тамошніе крестьяне: одинъ далъ мнѣ озямъ, другой—бѣлье. Тамъ въ Тальянахъ, меня ждутъ. Если я не приду сегодня, меня бросятся и по одеждѣ узнаютъ убійцу. Убивать меня имъ нѣтъ никакой korzyсти.

На груди у меня висѣлъ простой мѣдный осьмиконечный крестъ въ четверть величины.

— Это что такое?—спросилъ меня одинъ изъ бурятъ.

— Это спасетъ меня отъ злого человѣка; если кто-нибудь захочетъ мнѣ сдѣлать зло или убить, мой богъ отомститъ за меня.

— Ну, не сердись, не сердись, старикъ,—сказалъ бурятъ съ симпатичнымъ лицомъ,—мы тебѣ нечего дурного не сдѣлаемъ.

Они раздѣли меня до-нага, разсмотрѣли всѣ швы моего платья

и обувь; для полной безопасности скрутили мнѣ руки на спинѣ и связали меня веревкой.

— Мы тебя, братъ, здѣсь бросимъ, а сами уѣдемъ.

Я сталъ сердито кричать на нихъ, требуя, чтобы они меня немедленно убили или, если не хотятъ убить, развязали руки и освободили. Я опять указалъ на то, что если они меня оставятъ голымъ— на сѣденіе комарамъ, какъ они говорятъ,—мой богъ отомститъ имъ за это еще больше.

Въ это время я припомнилъ сцену Ламарка съ матросомъ изъ романа Виктора Гюго, «93-й годъ»; я, какъ Ламаркъ, думалъ поразить ихъ своимъ хладнокровіемъ.

Бурятъ съ симпатичнымъ лицомъ просилъ меня, чтобы я не сердился, и развязалъ мнѣ руки. Въ это время другой бурятъ пряталъ что-то подъ сѣно. Замѣтивъ это, стоявшій подлѣ меня бурятъ бросился къ нему. У нихъ завязалась борьба. Одинъ наступилъ ногой на мѣсто, гдѣ что-то было спрятано, другой старался столкнуть его. Это нѣчто, какъ я догадываюсь теперь, было простое жестяное складное зеркало, въ серединѣ котораго они предполагали деньги.

Около лошади я остался одинъ. «Уходи, уходи скорѣй, старикъ!» крикнулъ одинъ изъ бурятъ. Я быстро началъ одѣваться, захватилъ хлѣбъ, портянки и пошелъ. Я плохо обернулъ ноги въ портянки, потому что бурятъ съ симпатичнымъ лицомъ торопилъ меня уходить, можетъ быть, желая мнѣ добра, можетъ быть опасаясь, чтобы я не сѣлъ въ одноколку и не уѣхалъ съ лошадыю.

Черезъ нѣсколько десятковъ шаговъ, я вышелъ на прежнюю свою дорогу. Не прошло 15—20 мин., какъ опять послышался торохъ позади. Дорога шла узкой долиной, которая суживалась иногда настолько, что тропа переходила на правую сторону косогора. Меня видѣть не могли, я былъ закрытъ суживающейся долиной. Услышавъ торохъ, я бросился въ лѣсъ. Пробѣжавъ достаточное разстояніе лѣсомъ, я остановился, прилегъ и началъ прислушиваться: одноколка быстро проѣхала по дорогѣ. Нельзя было терять время. Я шелъ лѣсомъ, ориентирясь противоположнымъ спускомъ въ долину. Такъ прошелъ я около часу, не показываясь на дорогу. Вдали послышался стукъ одноколки. Это возвращались бурята. Они ѣхали шагомъ, мирно о чемъ то разговаривая, и проѣхали мимо того мѣста въ лѣсу, гдѣ я опять прилегъ. Стукъ становился слабѣе и слабѣе...

Я вышелъ на дорогу. Уже вечерѣло. До Тальянъ оставалось, по моему расчету, верстъ 6—7. Деревня Тальяны была первая русская деревня на моемъ пути. Я прибавилъ шагъ и подошелъ, наконецъ, къ Тальянамъ.

Уже была ночь. Ярко горѣли звѣзды. Деревня вся спала. Въ одной избѣ свѣтилось въ окнахъ. Я вошелъ, перекрестился на образа и сѣлъ на лавку. Хозяева этой избы лучили рыбу и только что возвратились съ промысла. На сковородѣ жарилась рыба. Меня пригласили ужинать; за ужиномъ спросили откуда я. Сибиряки задаютъ этотъ вопросъ не изъ любопытства, а просто такъ: нужно же начать разговоръ. Я имъ рассказалъ свое происшествіе. Поговорили о

братскихъ; считали, что я счастливо отдѣлался, такъ какъ братскіе имѣютъ обыкновеніе убивать всѣхъ прохожихъ.

На утро я вышелъ. Пришлось идти до города Балаганска, русскими поселками, еще около ста верстъ. Первые два дня я покупалъ пишу на тѣ шестьдесятъ копеекъ, которыя мнѣ оставили бурята. Я шелъ значительно медленнѣе, чѣмъ прежде: плохо обутия портянки, когда я спѣшилъ уйти изъ лапъ бурятъ, натерли мнѣ ноги въ кровь.

Оставалось еще верстъ двадцать до Балаганска, а у меня уже не было денегъ на хлѣбъ. Пришлось христарадничать. Однажды молодуха открыла окно: «Ишь ты какой—еще и просить не умѣть». Махнувъ рукой, я вышелъ на середину улицы и пошелъ деревней. Пройдя нѣсколько шаговъ, я услышалъ крикъ той же молодухи: «вернись, вернись!» Она догоняла меня съ хлѣбомъ въ рукахъ и вручила мнѣ полъ ковриги. Сибиряки боятся бродягъ и не хотятъ ихъ раздражать, потому что бродяги могутъ въ отместку спалить селеніе. Мой сердитый видъ, вѣроятно, подѣйствовалъ устрашающе на молодуху.

Въ дальнѣйшемъ пути я, обыкновенно, шелъ днемъ, и гдѣ принимали на ночлегъ, тамъ и кормился. Въ крайнемъ случаѣ, проходя деревню въ обѣденное время, я замѣчалъ изъ какой трубы идетъ дымъ, заходилъ туда и просился отдохнуть. Меня угощали хлѣбомъ и водой, а иногда бараньей похлебкой и блинами.

Въ Балаганскѣ, у знакомыхъ, я досталъ достаточное количество денегъ—рублей 50. Я могъ бы нанять подводу, но, опасаясь облавы, предпочелъ идти пѣшкомъ. По пути меня подвозили двѣ-три версты крестьяне. Среднимъ числомъ я проходилъ въ день около пятидесяти верстъ. Наконецъ, я вышелъ на Московскій трактъ. По этому тракту мнѣ нужно было пройти болѣе тысячи верстъ до Томска.

Сибирскія деревни окружены поскотиной. Въ этой поскотинѣ пасутъ скотъ безъ пастуховъ. На дорогѣ, ведущей къ деревнѣ, у воротъ поскотины, стоитъ что-то вродѣ шалаша или избушки, въ которой живетъ поскотникъ. На обязанности его лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы ворота были заперты и скотина не вышла изъ поскотины въ хлѣба. Онъ знаетъ всякаго вѣзжающаго и выѣзжающаго изъ деревни. Поскотники обыкновенно—бродяги; они любятъ природу. Поочередно ходятъ въ избы получать молоко, хлѣбъ, пшено. У этихъ поскотинцевъ можно всегда узнать проѣзжало ли въ деревню начальство, есть ли «стрема», т. е. не ищутъ ли кого. Если я узнавалъ, что въ деревнѣ «стрема», я поскотиной обходилъ деревню.

Разъ какъ-то случилось, что я пренебрегъ справиться у поскотника или, можетъ быть, его не было. Это было уже, когда я довольно много прошелъ по Московскому тракту. Вошелъ я въ большую деревню. Проходя мимо церкви, по обыкновенію перекрестился. Бродяги крестятся проходя мимо церкви, обыкновенно говоря: «унеси, Богъ, дальше отъ злыхъ людей». Въ открытое окно двухэтажнаго дома меня окликнули: «Служилый, служилый, зайди - ка сюда». Возгласъ «служилый» меня успокоилъ. Я зашелъ. Это было волостное правленіе. Писарь мнѣ разсказалъ, что бѣжалъ политическій, поэтому они опра-

шиваютъ каждого человѣка и требуетъ паспорта. Я ему подаль мой паспортъ отставного солдата. Въ паспортѣ значились свѣтло-сѣрые глаза, а у меня были темно-сѣрые. Слово «свѣтло» было мною выжжено, какъ бы папироской. Писарь спросилъ: «Кто тебѣ глаза выжегъ?» Я отвѣтилъ, что разъ писарь смотрѣлъ паспортъ, а у него въ рукахъ была папироска; онъ уронилъ пепелъ съ огнемъ на бумагу и выжегъ. Меня отпустили.

Вообще, дорога была для меня безъ особенныхъ приключеній, угрожающихъ мнѣ поимкой. Всѣ принимали меня за бродягу—уголовнаго. Даже и потомъ, когда я пришелъ къ политическимъ ссыльнымъ въ Томскъ, меня считали чуть не за жулика.

Въ Томскѣ я пришелъ къ Ш. ¹⁾. Его не было дома. Обратившись къ сидѣвшимъ у него юношѣ и барышнѣ, я спросилъ: могу ли видѣть Ш.? Юноша рѣзко сказалъ:

— Что тебѣ надо?

— У меня къ господину Ш. записка изъ Маринска, его товарищъ просилъ передать въ собственныя руки.

— Дай, я передамъ.

— Не могу.

Барышня по французски обратилась къ юношѣ: «Вѣроятно онъ хочетъ получить двадцать копѣекъ отъ Ш., предложите ему».

Я спросилъ, когда можно видѣть Ш. Мнѣ назначали черезъ 1 1/2 часа. Когда я снова пришелъ, дворникъ прогонялъ меня, ворча: васъ тутъ много шляется, того и гляди, что что-нибудь стяпнете.

Все это доставляло мнѣ большое самоудовлетвореніе. Я чувствовалъ себя вполне гарантированнымъ отъ подозрѣнія, что я бѣжавшій политическій.

Мнѣ нужно было взять нѣкоторые адреса въ Россію, перемѣнить костюмъ на болѣе подходящий, сдѣлать переводъ денегамъ, которыя оставались въ Якутской области. Устроивъ всѣ дѣла въ Томскѣ, я сѣлъ на пароходъ.

На пароходѣ были возвращающіеся пріискатели и два, какъ мнѣ показалось, подозрительныхъ для меня человѣка. Одинъ скоро самъ сознался мнѣ, что онъ бѣглый поселенецъ, выдававшій себя за возвращающагося по манифесту; другой, своимъ разсказомъ, усилилъ мое подозрѣніе. Какъ бы разболтавшись, онъ разсказалъ, что былъ ординарцемъ у губернатора и, ѣздивши курьеромъ, обгонялъ пароходъ. Онъ сильно напоминалъ жандарма. Особенно подозрительно было то, что онъ называлъ себя, и только наединѣ, чиновникомъ казенной палаты. Пройдя всю Сибирь, мнѣ неинтересно было быть открытымъ на пароходѣ. Наблюдая предполагаемаго жандарма, я рѣшился на крайнее средство, если бы онъ дѣйствительно оказался сыщикомъ. Но прежде нужно было окончательно удостовѣриться: для этого я ночью подошелъ вмѣстѣ съ нимъ впередъ къ колесамъ, нагнулся и началъ смотрѣть въ воду. Я хотѣлъ завести съ нимъ разговоръ и, если онъ окажется жандармомъ, рѣшилъ бросить его подъ колеса, схвативъ за ноги. Но изъ разговора оказалось, что онъ сѣлъ на пароходъ на

¹⁾ Товарищъ по процессу 193-хъ.

двое сутокъ раньше меня; потомъ онъ сознался въ одномъ преступленіи, совершенномъ имъ вмѣстѣ съ товарищемъ въ Томскѣ, въ какомъ то грабежѣ, и предложилъ мнѣ, если я желаю, скрываться въ Тюмени у его любовницы. И такъ, оказался свой братъ, бѣглый. Я пожалъ ему руку. Когда пріѣхали въ Тюмень, я, разумѣется, не пошелъ къ его любовницѣ, но помогъ снести ему вещи, можетъ быть даже краденныя.

Отъ Тюмени до Перми я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ; отъ Перми—Камою и Волгой до Казани—ѣхалъ съ полнымъ сознаниемъ своей безопасности...

Первые адреса мнѣ были даны для Казани. Я зашифровалъ ихъ и, пріѣхавъ въ Казань, хотѣлъ ими воспользоваться. Но не пришлось—забылъ ключъ. Ёхать въ Харьковъ для восстановленія старыхъ знакомствъ нечего было и думать: тамъ всѣ власти знали меня. Мнѣ нужно было непременно найти въ Казани какого нибудь революціонера и взять адреса въ Москву.

Для этого я пришелъ въ швейцарскую университета и началъ разсматривать фізіономіи студентовъ, ища между ними революціонера. Въ глаза мнѣ бросились двѣ фізіономіи: средняго роста блондинъ, на лицѣ котораго такъ и видно было—конспираторъ; другой—отважный, мужественный, энергичный брюнетъ или шатенъ, высокаго роста. Я рѣшилъ, что отъ этого я могу получить, что мнѣ нужно. Я подошелъ къ нему со словами: «мнѣ нужно съ вами поговорить». На его вѣпросительный взглядъ я сказалъ слѣдующее:

— Я бѣжалъ изъ Сибири, у меня никого нѣтъ здѣсь знакомыхъ; былъ въ каторжныхъ работахъ, фамилія моя—Даниловъ. Вы видите, я вполне надѣюсь на васъ, говорю вамъ о себѣ все, не спрашиваю о васъ ничего, слѣдовательно шпіономъ быть я уже не могу; кромѣ того, въ Харьковѣ студенты 80—81 г.г. знали меня, можетъ быть здѣсь найдется кто нибудь изъ Харькова, кто можетъ удостовѣрить мою личность; тогда вы мнѣ окажете услугу. Въ 4 часа дня я буду ждать въ садикѣ (я называлъ скверъ).

Онъ сказалъ: хорошо. Я ушелъ.

Въ 4 часа я сидѣлъ на скамейкѣ въ скверѣ. Мимо прошелъ юноша, посмотрѣлъ на меня сбоку, потомъ возвратился, сѣлъ рядомъ и закурилъ папиросу; лицо его мнѣ было совершенно незнакомо. Онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что онъ меня знаетъ, что видѣлъ меня на такихъ то сходкахъ въ Харьковѣ, назвалъ мою фамилію, сказалъ, что здѣсь, въ Казани, проживаетъ моя дальняя родственница, Ольга Фигнеръ. Такимъ образомъ, личность моя была удостовѣрена. Онъ далъ мнѣ адресъ кружка, гдѣ я могу переночевать и ближе познакомиться со студентами. Между прочимъ сказалъ, что нелегальные являются бременемъ для легальныхъ, поэтому мнѣ лучше будетъ уѣхать за границу. На это я ему ничего не отвѣтилъ.

Придя, по данному мнѣ адресу, на квартиру, я засталъ тамъ именно тѣхъ двухъ юношей, которыхъ опредѣлилъ, какъ революціонеровъ, въ швейцарской университета. Они были членами одного кружка въ Казани. Всѣ прежнія организациі Народной Воли потерпѣли крушеніе, и молодежь вела безконечные споры о новой программѣ.

Самымъ симпатичнымъ для меня теченіемъ въ казанскомъ университетѣ того времени было теченіе опять таки въ народъ. Студенты 4-5 курса бросали университетъ и шли фельдшерами въ деревню. Въ этомъ кружкѣ меня опять стали уговаривать уѣхать за границу, а не оставаться въ Россіи.

Были довольно продолжительные разговоры и споры по поводу русской революціи. Вопросъ относительно давленія и чувствительности къ давленію, поставленный мною, казался для нѣкоторыхъ новымъ; другіе считали, что только крупное несчастье можетъ призвать народъ къ возстанію. Это подходило однимъ концемъ къ теоріи—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Я указалъ на то, что степень чувствительности развитого человѣка дѣлаетъ, въ его сознаніи, хуже то, что казалось вчера, если не хорошо, то сносно; кромѣ того, производительное слово возстанетъ дружно, когда у него будутъ достижимыя, конкретныя формы его желаній; указалъ на то, что паріи Индіи не возстаютъ несмотря на то, что хуже ихъ положенія трудно себѣ представить. Потомъ говорили объ особенностяхъ русскаго народа и т. д.

Мнѣ дали адреса въ Москву. И съ этими адресами случилась та же исторія, что и съ первыми: я опять забылъ ключъ.

Но въ Москвѣ дѣло обстояло лучше. Въ Петровско-Разумовской академіи былъ братъ якутскаго товарища—ссыльнаго. Недоумѣніе выразилось въ его глазахъ, когда я пришелъ къ нему на квартиру, хладнокровно поставилъ стулъ, сѣлъ противъ него и началъ рассказывать про его брата съ такими подробностями, которыя могутъ быть извѣстны только хорошо съ нимъ знакомому. Опять таки объявилъ ему, что я бѣжавшій, что мнѣ нужно познакомиться съ теперешними революціонными дѣятелями. Отъ него я не могу этого ожидать, но онъ, какъ студентъ, знаетъ и можетъ указать мнѣ людей, и черезъ нихъ я получу то, что мнѣ нужно. Послѣ минутнаго колебанія, справившись о томъ, не слѣдятъ ли за мной—я его успокоилъ: если бы за мной слѣдили, меня арестовали бы уже въ Москвѣ или въ Казани—онъ отвелъ меня на квартиру, гдѣ жили радикалы цѣлымъ кружкомъ. Черезъ нихъ я познакомился съ болѣе активными студентами въ Москвѣ и, наконецъ, съ Богоразомъ (Таномъ).

Его въ это время въ Москвѣ не было, онъ мыкался, «какъ Мартынъ по пеклу», по всей Россіи. Типографія его была въ Тулѣ. Я уже не знаю какимъ образомъ, дали ли ему знать, или онъ самъ пріѣхалъ въ назначенный день, но только меня увѣдомили, чтобы въ этотъ день я былъ у Семи Прудовъ. На свиданьи, Богоразъ, какъ совершенно меня не знавшій, попросилъ, чтобы я ему рассказалъ, кто я такой. Мы быстро познакомились, я началъ его спрашивать о положеніи дѣлъ въ Россіи. Говорилъ ему о необходимости издавать солидный органъ, о томъ, что я поѣду для этой цѣли въ Питеръ, спросилъ его не слѣдятъ ли за нимъ; «я чистъ, какъ кристаллъ», отвѣтилъ онъ. Въ дѣйствительности, за нами уже слѣдилъ и засматривалъ въ лицо высокій блондинъ. «Эта фізіономія мнѣ очень не нравится», сказалъ Богоразъ. Онъ былъ крайне оживленъ и увлекался своею дѣятельностью.

Характеризовать программу Богораза того времени въ болѣе

определенных чертахъ было бы довольно трудно: такой определенной программы не было ни у кого. Это былъ переходный моментъ движенія, и Богоразъ не составлялъ въ этомъ случаѣ исключенія; вообще онъ придерживался партіи «Народной Воли» въ программѣ, выяснившейся въ первыхъ 5-ти нумерахъ. Та же часть программы, которая излагалась на диспутахъ, въ рѣчахъ Желябова и другихъ, болѣе широко обнимавшая всѣ слои общества, отсутствовала у Богораза, между прочимъ за недостаткомъ матеріала, несуществовавшего тогда въ литературѣ. Мнѣ онъ представлялся человѣкомъ, способнымъ специализироваться только въ литературной нелегальной дѣятельности.

На свиданіи съ Богоразомъ я былъ два-три раза. Каждый разъ ночевалъ въ поселкѣ Петровско-Разумовской академіи, на разныхъ квартирахъ, и каждый разъ замѣчалъ, что за мной слѣдитъ подозрительная личность. Чтобы избавиться отъ нея, я выходилъ изъ вагона до конечной станціи у парка, быстро шелъ по темнымъ аллеямъ, сворачивалъ въ кусты и смотрѣлъ—не слѣдитъ ли за мной кто-нибудь. Разъ или два видѣлъ человѣка, въ недоумѣніи возвращавшагося обратно. Выйдя изъ кустовъ, я шелъ мимо озера и засыпаннаго грота, гдѣ былъ убитъ Ивановъ. Шпіоны, слѣдившіе за мной, не рѣшились бы, по моему мнѣнію, темною ночью проходить мимо этого опаснаго для нихъ мѣста.

Послѣ послѣдняго свиданія съ Богоразомъ, я рѣшилъ уѣхать въ Питеръ. Совершивъ нарочно прогулку по разнымъ конкамъ, я приѣхалъ къ вокзалу и, чтобы еще болѣе скрыть свою цѣль, зашелъ въ трактиръ пить чай. Послѣ меня вошелъ туда тотъ же самый блондинъ, который слѣдилъ за мной и Богоразомъ въ первое наше свиданье. Напившись чаю, я пошелъ на вокзалъ и сѣлъ въ вагонъ. Мнѣ показалось подозрительнымъ оживленіе среди жандармовъ и я подумалъ: «Вѣроятно кого-нибудь хотятъ арестовать». Передъ третьимъ звонкомъ въ вагонъ, гдѣ я сидѣлъ, вошли два жандарма, пробѣжали одинъ, другой разъ и вышли. У меня что-то екнуло внутри. Черезъ минуту или меньше дверь отворилась и ко мнѣ подошли два жандарма. «Господинъ жандармскій офицеръ желаетъ съ вами поговорить». Дѣлать было нечего. Я всталъ и пошелъ.

Въ дежурной комнатѣ меня раздѣли до-нага. Начали обыскивать очень тщательно всѣ вещи и платье; вещей было всего—узелокъ съ хлѣбомъ и колбасой.

Бердяевъ, начальникъ московской охраны, самъ явившійся арестовать меня, обратился полушепотомъ къ жандарму: «А гдѣ его записная книжка, я самъ видѣлъ у него въ рукахъ». Оказалось, какъ потомъ мнѣ говорилъ самъ Бердяевъ, онъ видѣлъ меня съ Богоразомъ изъ подъ воротъ, когда мы были на свиданьи у памятника Пушкина. За записную книжку онъ принялъ планъ Москвы, который я оставилъ у Богораза.

Разочарованный по поводу записной книжки, онъ съ пренебреженіемъ взялъ бумажку въ 32-ю долю листа, гдѣ было написано нѣсколько десятковъ буквъ—это и были тѣ адреса, ключъ къ которымъ я забылъ.

Въ Москвѣ меня снабдили новымъ паспортомъ на имя крестьянина какой-то волости московскаго уѣзда, И. Н. Голикова.

— Вы, дѣйствительно, Голиковъ, ничего то у васъ нѣтъ,— сострилъ Бердяевъ.

Ссадины на ногахъ еще не зажили у меня. Бердяевъ по поводу ихъ тоже сострилъ: «Старый революціонеръ, а молодежь не жалѣеть— не могла купить ему хорошіе сапоги». Лично ко мнѣ онъ не обращался, а дѣлалъ замѣчанія какъ бы въ третьемъ лицѣ. Осмотрѣвъ бѣлье и платье, мнѣ предложили одѣться. Въ каретѣ на резиновыхъ шинахъ отвезли меня въ охранный отдѣленіе и помѣстили въ большую комнату, во второмъ этажѣ, рядомъ съ квартирой Бердяева. Между двойными дверьми, ведущими въ мою комнату, сидѣлъ жандармъ. Мнѣ предложили обѣдать; затѣмъ я легъ на кровать.

Если бы Бердяевъ былъ догадливъ, онъ отпустилъ бы меня въ Питеръ и тамъ, слѣдя за мной такъ же, какъ за Богоразомъ въ Москвѣ, могъ захватить многихъ моихъ старыхъ знакомыхъ, теперь не участвующихъ въ движеніи, но на помощь которыхъ я вполне могъ рассчитывать. Именно возможность ихъ ареста, если бы я былъ въ Питерѣ, раздражала меня противъ меня самого. Но Бердяевъ этого не сдѣлалъ. Онъ не хотѣлъ уступить другому факта моего ареста.

Вечеромъ того же дня жандармъ пригласилъ меня въ кабинетъ Бердяева, черезъ двѣ комнаты. Бердяевъ предложилъ, по обыкновенію, сѣсть. Нашъ разговоръ начался такъ:

— Мы, разумѣется, другъ друга знаемъ и понимаемъ; документъ, который взять у васъ, фальшивый, въ такой волости его не выдавали, и явка, написанная на документѣ, фальшивая; это они (нелегальные) для васъ сдѣлали новую печать.

Я сострилъ:

— Документъ я не считаю фальшивымъ, такъ какъ тотъ, кто мнѣ его продалъ, сказалъ, что самъ его дѣлалъ, и обмана съ его стороны не было.

— Безъ дальнѣйшихъ околичностей,— возразилъ Бердяевъ, такъ какъ я знаю, кто вы такой, мы можемъ говорить откровенно. Онъ удивился, что у меня нѣтъ вещей.

— Почему вы знаете, что у меня не было вещей?

— Вѣдь въ вашемъ вагонѣ ничего не нашли.

— Въ поѣздѣ былъ не одинъ вагонъ и не одинъ я—пассажиръ.

Онъ ударилъ себя по лбу и сказалъ: «Какъ я не догадался обыскать весь поѣздъ». При этомъ онъ разсказалъ мнѣ, что у офицера Рогачева (судившагося по дѣлу Вѣры Фигнеръ) въ погонахъ нашли какіе-то революціонные документы.

— Вы Крыловъ-Вознесенскій.

Онъ сказалъ это утвердительно и я ему отвѣтилъ уклончиво:

— Если бы я хотѣлъ назвать свою фамилию, я не покупалъ бы паспорта; помогать вамъ, назвавъ свою фамилию, я, понятно, не намѣренъ. Крыловъ-Вознесенскій я или какой-нибудь другой политическій или уголовный, разумѣется, сказать вамъ не могу. Это не въ моихъ интересахъ. Вы сами считаете меня революціонеромъ. Допустимъ, что ваше предположеніе справедливо. Съ какой стати, какъ

революціонеръ, я буду помогать вамъ въ вашихъ цѣляхъ сыска. Вы за это получаете деньги, я же ничуть не заинтересованъ, а если заинтересованъ, то, напротивъ, въ томъ, чтобы ваши сыскныя цѣли не были достигнуты.

— Для васъ молодежь собираетъ деньги, чтобы отправить васъ за-границу. Я васъ жду цѣлый мѣсяцъ. Въ вашей дѣятельности есть нѣкоторые пункты очень для меня интересные, и я надѣюсь, что вы поможете мнѣ разобраться въ нихъ. Въ знакомствѣ Дегаева съ Судейкинымъ осталось много необъяснимаго. Вы, какъ хорошо знакомый съ Дегаевымъ, можете разъяснить темныя мѣста. Мы устроимъ съ вами союзъ, будемъ издавать нелегальный органъ, руководить революціоннымъ движеніемъ.

Бердяевъ призывалъ меня къ себѣ нѣсколько разъ, разговоры наши продолжались часа 3—4. Я ему говорилъ, что для того, чтобы быть товарищами, нужно находиться въ одинаковыхъ условіяхъ, я же арестантъ, а онъ свободный. Я всегда могу сказать, что вынужденное согласіе не обязательно; это съ одной стороны, а съ другой—если я войду съ нимъ въ соглашеніе, скажу ему все, что ему нужно, товарищество станетъ для него лишнимъ. Товарищество только тогда можетъ быть полнымъ, когда я буду свободенъ. Въ серьезномъ дѣлѣ ничего не можетъ быть основано только на довѣріи, на однихъ словахъ, а нуженъ реальный фактъ. Если я, какъ идейный революціонеръ, стою на нравственно-общественной почвѣ, отрицаю, можетъ быть, терроръ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я былъ такъ довѣрчивъ, рассказалъ все, что ему нужно, и не потребовалъ бы прежде гарантіи своей свободы.

Когда онъ становился въ затруднительное положеніе, что обыкновенно случалось послѣ 2—3 часовъ разговора, онъ теръ лобъ, тщетно желая выжать что либо вѣское для убѣжденія меня, что я долженъ ему довѣриться. Разговоръ оканчивался обыкновенно фразой въ родѣ слѣдующей:

— Какъ я утомился! Знаете, цѣлый день работаешь, ничего не могу теперь сообразить.

Во время нашихъ бесѣдъ, намъ приносили на серебрянномъ подносѣ чай, ромъ, варенье. Онъ предлагалъ налить мнѣ рому въ стаканъ, я, разумѣется, отказывался; онъ наливалъ себѣ щедрой рукой и видимо пьянѣлъ. Въ нашихъ разговорахъ мы также касались и вопроса о Священной Лигѣ. Онъ спрашивалъ совѣта, какъ ее можно реформировать, чтобы она могла достигать болѣе успѣшно своей цѣли теперь.

Жаловался на то, что приходится расходовать много денегъ, посылая по дѣлу своихъ служащихъ.

— Между тѣмъ какъ революціонеры цѣлые чемоданы динамита провозятъ изъ Петербурга до Москвы, тратя 20 коп. въ сутки, намъ приходится выдавать рубль въ сутки, да еще другіе расходы; все достается намъ за деньги, это для насъ чрезвычайно убыточно.

-- Отъ этого вы не можете избавиться, говорилъ я, потому что вы сами и ваши помощники предлагаете свои услуги за деньги. а не служите идеѣ. Кромѣ того, за деньги никто не станетъ рисковать

своею жизнью. Удовлетвореніе вашей дѣятельности въ деньгахъ, а удовлетвореніе революціонеровъ въ сознаніи, что они исполнили свой долгъ.

— Мы тоже люди идеи, онъ всталъ при этомъ и указалъ на портретъ Александра III, вотъ кому я преданъ, я люблю моего царя.

Бывало уже поздно, около полуночи, когда мы расходились ни на чемъ не порѣшивъ. Онъ начиналъ тереть лобъ, ссылаясь на то, что умъ работаетъ плохо, и мы разставались. Вообще наши свиданья начинались не ранѣе 9 ч. и рѣдко кончались ранѣе 12.

Только первые два—три дня я прожилъ наверху; потомъ меня перевели внизъ того же охраннаго отдѣленія, въ отдѣльную комнату съ большимъ венеціанскимъ окномъ. Комната была шириной шага въ 4. Онъ занимало почти всю наружную стѣну. Остался небольшой уголокъ. Приходя къ себѣ отъ Бердяева, я становился въ этотъ уголокъ и сдавливалъ руками свою фізіономію, чтобы удержать смѣхъ; потомъ садился у стола и закрывалъ лицо, пока не успокаивался. Вообще мнѣ приходилось сильно сдерживать себя во время разговора съ Бердяевымъ, чтобы не разсмѣяться. Этотъ мой пріемъ въ углу моей комнаты Бердяевъ объяснялъ моею набожностью и еще болѣе увѣрился, что я Крыловъ-Вознесенскій, который изучалъ сектанство и, по мнѣнію Бердяева, долженъ былъ быть набожнымъ человѣкомъ. Сомнѣнія въ томъ, что я Крыловъ-Вознесенскій, у него не было никакого. Директоръ департамента полиціи не раздѣлялъ его мнѣнія по этому поводу и требовалъ отъ него дѣйствительныхъ доказательствъ, что я Крыловъ-Вознесенскій.

Бердяевъ предлагалъ мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ по желѣзной дорогѣ въ разныя мѣста, гдѣ бывалъ Крыловъ-Вознесенскій, и соблазнялъ меня всѣми удобствами путешествія. Онъ такъ увлекся своими интересами, что совершенно забывалъ про мою личность. Онъ вѣрилъ, что я не уйду, если дамъ ему слово, и не сомнѣвался, что я могу дать это слово, хотя я ни однимъ намекомъ не давалъ на это права. На его предложеніе я отвѣчалъ, что по желѣзной дорогѣ мы можемъ ѣхать на совершенно равныхъ условіяхъ; кромѣ того, поѣздка вмѣстѣ съ нимъ не представляетъ для меня никакого интереса и вредила бы даже нашему союзу, если бы онъ состоялся, такъ какъ совмѣстное путешествіе стало бы извѣстно многимъ.

Черезъ два-три дня явился изъ Черниговской или какой то западной губерніи жандармскій офицеръ удостовѣрить мою личность, какъ Крылова-Вознесенскаго. Бердяевъ мнѣ сказалъ потомъ, что этотъ офицеръ хорошо помнитъ лицо Крылова-Вознесенскаго, но сомнѣвается въ томъ, чтобы я былъ имъ. Бердяевъ приписывалъ это моему искусству мѣнять фізіономію, а не тому, что дѣйствительно Крыловъ-Вознесенскій и я лица совершенно различныя.

Эта игра продолжалась около мѣсяца. Наконецъ, Крыловъ-Вознесенскій былъ арестованъ. Бердяевъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что я не могу быть Крыловымъ-Вознесенскимъ, такъ какъ послѣдній арестованъ.

Пріѣзжала изъ Петербурга, изъ департамента полиціи, еще какая то особа посмотреть на меня. Во время осмотра, особа вполголоса обратилась къ Бердяеву:

— Скажите, почему вы думаете, что онъ политическій? онъ можетъ быть и уголовный.

Потомъ особа обратилась ко мнѣ и сказала:

— Для политическихъ нѣтъ десятилѣтней давности.

Прежде этого заявленія, особа спросила меня, почему я не говорю своей фамильи? Я объяснилъ, что мои семейныя дѣла, можетъ быть, заставляютъ скрывать мое имя, чтобы не пала тѣнь на мою семью. Говорилъ я такимъ убитымъ голосомъ, что стоявшій около меня молодой помощникъ частнаго пристава чуть не прослезился. Когда пріѣхавшая особа выразила Бердяеву сомнѣніе относительно того, что я политическій, Бердяевъ съежился, пожалъ плечами и такимъ же театральнымъ шепотомъ сказалъ:

— Я самъ его видѣлъ на свиданіи съ нелегальнымъ.

Потомъ, въ дальнѣйшемъ разговорѣ, я добавилъ, что, можетъ быть, я открою свою фамилію, но только черезъ извѣстное время и на извѣстныхъ условіяхъ.

— Но теперь вы можете сказать эти условія? спросила особа.

— Еще время не настало, отвѣчалъ я.

Черезъ нѣсколько времени является ко мнѣ опять Бердяевъ и начинаетъ такъ:

— Представьте себѣ, все, рѣшительно все приходится дѣлать самому. — Онъ сѣлъ на мою кровать, у дверей стоялъ какой то агентъ. — Я знаю, кѣмъ бы вы могли быть; вотъ это—мой служащій (онъ указалъ на агента), много помогаетъ мнѣ; онъ замѣтилъ, что у васъ одно плечо ниже другого, несмотря на то, что вы это стараетесь скрыть. Я только что сейчасъ вспомнилъ, что въ Кіевѣ, у Скрипки, была именно такая же особенность. Онъ обвинялся въ участіи при убійствѣ шпіона у памятника Св. Владиміра.

Мнѣ открывалась новая перспектива быть участникомъ въ убійствѣ шпіона.

— . . . Это было въ 79-80 г.,—продолжалъ Бердяевъ,—потомъ онъ былъ арестованъ, бѣжалъ съ поѣзда желѣзной дороги. Вмѣстѣ съ нимъ обвинялись Горскій и Овсянниковъ (карійскій).

— Скрипка я или нѣтъ, не скажу по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не говорилъ, что я Крыловъ-Вознесенскій. Какъ вы меня назовете, для меня рѣшительно все равно. Я скажу даже больше: если бы вы назвали меня моей фамильей, то и тогда я сказалъ бы то же самое.

— Вамъ ничего не стоитъ согласиться, что вы Скрипка. Я вамъ ручаюсь, что вы будете помилованы. Мы поѣдемъ вмѣстѣ къ нашему монарху, я упаду къ его ногамъ, испрошу вамъ помилованіе. Если вы боитесь отвѣтственности, обнаруживъ свою фамилью, я увѣренъ въ милости нашего монарха, онъ проститъ вамъ все, что вы сдѣлали до 1-го марта 81 г., если вы скажете, что послѣ 1-го марта вы не принимали участія въ революціи.

— Не въ моихъ интересахъ ограничить вамъ области, въ которыхъ вы можете искать мою личность; поэтому я вамъ ничего не скажу.

— Моя служебная карьера зависитъ отъ того, обнаружу я вашу личность или нѣтъ. Вы представьте, что намъ извѣстны всѣ неле-

гальные; мы содержимъ студентовъ, и отъ нихъ то я узналъ, что Крылову-Вознесенскому собираютъ деньги. И вдругъ, въ Москвѣ появляется совершенно неизвѣстный человѣкъ; мы знаемъ, что изъ за-границы онъ тоже не прѣзжалъ, откуда же онъ взялся? Директоръ департамента полиціи не хочетъ согласиться, что вы политическій; съ другой стороны, падаетъ на меня обвиненіе въ томъ, что, по своей небрежности по службѣ, я плохо слѣжу за тѣмъ, что дѣлается въ Москвѣ... Я прошу васъ, для меня, согласиться назваться Скрипкой.

Онъ началъ ловить мою руку, какъ бы въ знакъ согласія. Я не давалъ руки и говорилъ, что ни коимъ образомъ не согласенъ: «Называйте меня, какъ хотите, для меня все равно». Онъ схватилъ мою руку.

— Вы согласны.

— Нѣтъ, нѣтъ.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Чувствуя полное безсиліе узнать мою фамилию, Бердяевъ сказалъ мнѣ однажды:

— Я положительно не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать. Если бы можно было, я сталъ бы пытаться васъ. Какъ жаль, что нѣтъ пытки!

Я посмотрѣлъ на него, улыбнулся и сказалъ:

— Я сожалею болѣе, чѣмъ вы, что нѣтъ пытки. Тогда я могъ бы испытать силу своего характера—сказалъ ли бы я подъ пыткой то, что не желаю сказать безъ нея. Теперь я могу только предполагать, фактическаго доказательства у меня нѣтъ.

— Да, я васъ понимаю, — сказалъ Бердяевъ, — для васъ пытка была бы торжествомъ.

Черезъ два-три дня, онъ входитъ ко мнѣ съ помятымъ лицомъ, съ какой-то толстой книгой подъ мышкой. Съ торжественно-серьезнымъ видомъ разворачиваетъ книгу, садится на стулъ и читаетъ статью закона: «Бродягой называется тотъ, кто присваиваетъ себѣ чужое имя; онъ подвергается шестидесяти ударамъ розгами и ссылагается въ Сибирь на поселеніе».

— Вы назвали себя Скрипкой. Скрипка, подъ своей фамиліей, умеръ въ одесской городской больницѣ.

Онъ сказалъ годъ и мѣсяцъ. Тутъ торжественность ему измѣнила и онъ опять сталъ дѣлиться со мной своими несчастьями:

Представьте себѣ, вызываютъ меня въ департаментъ полиціи и даютъ мнѣ справку, что Скрипка умеръ; а я васъ называлъ Скрипкой.

— Я не называлъ себя Скрипкой, и если кто долженъ подвергаться наказанію за присвоеніе чужого имени, такъ это вы. Вы мнѣ дали это имя, я своего согласія не изъявлялъ.

Онъ опять впалъ въ торжественный тонъ:

— Даю вамъ двадцать четыре часа на размышленіе. Черезъ 24 часа я васъ сдамъ въ вѣдѣніе судебнаго слѣдователя, какъ уголовного.

Я, не говоря ни слова, собираю свои убогіе пожитки.

— Мнѣ совершенно достаточно двадцати четырехъ секундъ. Можете отправить меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не могу васъ отправить, я знаю, что вы политическій. Я васъ отправлю въ Петербургъ.

Онъ мнѣ прочелъ бумагу, гдѣ директоръ департамента полиціи требуетъ моего отправления. Я зналъ, что по прибытіи въ Питеръ моя фамилья будетъ открыта: жандармы Петропавловской крѣпости знали меня. Я рѣшилъ тогда предложить свои условія, при которыхъ я могу сказать свою фамилью. Условія я поставилъ такія:

Я скажу свою фамилью, если меня—или повѣсятъ черезъ два мѣсяца, т. е. 9 февраля 1887 г., или, 4 ноября 1888 г., въ Москвѣ, освободятъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ я былъ арестованъ, и втеченіе двухъ недѣль не будутъ слѣдить за мной.

— Впродолженіе этихъ двухъ лѣтъ даю свое тѣло въ ваше распоряженіе; при условіяхъ, чтобы не было членовредительства.

— Я согласенъ на эти условія,—сказалъ Бердяевъ.

— Вашего согласія не достаточно. Ваша компетенція не обнимаетъ этихъ условій. Нужно согласіе лица, которое можетъ ихъ выполнить. Это лицо—министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Я буду телеграфировать.

Съ этими словами Бердяевъ вышелъ.

Черезъ день или два онъ пришелъ ко мнѣ съ отвѣтомъ:

— Министръ внутреннихъ дѣлъ согласенъ на ваши условія.

Это было въ сочельникъ, 24 декабря. Я хотѣлъ видѣть бумагу, какъ официальное удостовѣреніе въ согласіи, но бумагу показать Бердяевъ отказался, мотивируя тѣмъ, что бумага шифрованная и показать ее онъ не можетъ. Кромѣ того, онъ сказалъ, что министръ требуетъ немедленнаго отправления меня въ Петербургъ.

Я сказалъ, свою фамилью.

— Только!—вырвалось у Бердяева и, разочарованный, онъ ушелъ къ себѣ.

Часа черезъ полтора я былъ на вокзалѣ, и меня увезли въ Питеръ. На второй день праздника, меня привели, кажется, къ директору департамента полиціи, Дурново. Въ пріемной, пока я ожидалъ свиданья съ директоромъ, ко мнѣ подошелъ какой то генераль.

— Скажите, пожалуйста, какъ вы могли бѣжать?

— Въ тайгѣ для меня одна дорога, а искать меня тысячи дорогъ,—отвѣтилъ я.

Когда я вошелъ въ кабинетъ директора, мнѣ предложили сѣсть. Я сѣлъ и въ упоръ смотрѣлъ въ глаза моему визави. Онъ немного замаялся, какъ бы не зная съ чего начать.

— Вы, старый революціонеръ, закаленный въ бояхъ, повѣрили какому то жандармскому офицеришкѣ.

Я смотрѣлъ на него, не спуская глазъ.

— Я повѣрилъ не жандармскому офицеришкѣ, а начальнику московской охраны, вашему уполномоченному.

Онъ перемигнулъ разговоръ, началъ спрашивать о ссылкѣ, спросилъ меня, какая у меня была цѣль бѣжать изъ Сибири.

— Я хотѣлъ видѣть Россію и потомъ, черезъ Петербургъ, проѣхать въ единственное, по моему мнѣнію народное государство—Норвегію, гдѣ хотѣлъ поселиться, такъ какъ я человѣкъ старый. Тепе-

решнее движеніе приняло иное направленіе, чѣмъ было въ мое время. Оріентироваться мнѣ трудно, и мнѣ хотѣлось отдохнуть въ народномъ государствѣ.

— Какъ досадно! что бы вамъ пріѣхать въ Петербургъ, явиться ко мнѣ и сказать мнѣ про это ваше желаніе. Я бы васъ съ удовольствіемъ пропустилъ въ Норвегію. Теперь, вы представьте себѣ наше положеніе: въ Москвѣ, посреди города, оказывается неизвѣстный человѣкъ. Исполнительный Комитетъ мы разсѣяли, его нѣтъ, но кто можетъ поручиться, что разсѣяныя искры костра не зажгли новаго Исполнительнаго Комитета въ каждомъ домѣ. Проходя мимо какого-нибудь дома, невольно думаешь—не тутъ ли опять Исполнительный Комитетъ? Вы были спицей, которая попала въ колесо нашей машины и остановила весь механизмъ.

Потомъ онъ говорилъ о Карѣ и закончилъ такъ:

— Ваши условія все-таки странныя.

— Въ вашемъ распоряженіи было согласиться на нихъ или нѣтъ.

— Но помилуйте, за что мы васъ повѣсимъ!

— Можете освободить.

— Нѣтъ, русское правительство никогда не согласится, чтобы вы были въ предѣлахъ Европейской Россіи.

— Ну повѣсьте.

Онъ позвонилъ и потребовалъ мой «формулярный» списокъ. Какъ бы не зная его, онъ началъ перелистывать машинально.

— Совершенно нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы васъ повѣсить.

Я посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— На праздникахъ мы еще увидимся и тогда окончательно рѣшимъ вопросъ о вашей участи.

Я всталъ, поклонился и вышелъ.

Разумѣется, я предполагалъ, что меня обмануть, но все таки предположеніе обмана и увѣренность въ дѣйствительномъ обманѣ—разница. Мнѣ было досадно, что я такъ глупо повѣрилъ и не взялъ отъ Бердяева письменнаго удостовѣренія.

Для того, чтобы окончить эту игру, которая стала мнѣ омерзительна, я, возвращаясь въ Петропавловскую крѣпость, на вопросъ сопровождавшаго меня жандармскаго полковника—зачѣмъ я бѣжалъ изъ Сибири—отвѣтилъ такъ:

— Я бѣжалъ изъ Сибири, чтобы увидѣть дорогую для меня Россію, ея жизнь. Я видѣлъ. Теперь я еще болѣе убѣдился, что на здоровомъ тѣлѣ русскаго народа живетъ, какъ наростъ, гнилая, промозглая бюрократія, и министръ внутреннихъ дѣлъ такъ же держитъ свое слово, какъ московскій жуликъ.

Жандармскій полковникъ молчалъ. Мною это было сказано съ цѣлью, чтобы онъ передалъ по назначенію. Я такимъ образомъ избѣжалъ бы второго свиданья, о которомъ намекали въ департаментѣ полиціи. Цѣль моя была достигнута, на второе свиданье меня не возили.

Это было въ декабрѣ; до начала апрѣля я просидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. Потомъ меня перевели въ домъ предварительнаго заключенія, тамъ заковали въ кандалы, перебрили полъ-головы

и отправили въ московскую пересыльную тюрьму. За побѣгъ меня должны были бы присудить въ каторжныя работы. Это сдѣлать устыдились. Довольно было обмана...

Въ новомъ статейномъ списокѣ я числился: дворянинъ, административно-ссылный въ колымскій округъ, бывшій каторжникъ.

Такой заголовокъ въ «формулярномъ списокѣ» былъ сдѣланъ, вѣроятно, по распоряженію департамента полиціи. Нужно было какъ нибудь сгладить свое неловкое положеніе. Обѣщать исполнить условія, поставленныя мною при открытіи своей фамиліи,—потомъ отказаться отъ исполненія...

У человѣка, кто бы онъ ни былъ, остается скверный, прокисшій осадокъ на душѣ послѣ обмана... Осадокъ нужно растворить въ сахарномъ сиропѣ по адресу обманутаго. Этимъ сиропомъ было избавленіе отъ суда за побѣгъ и заголовокъ въ статейномъ списокѣ... Человѣкъ—общественное животное... Не можетъ онъ избавиться отъ общественныхъ чувствъ и долженъ откупаться отъ нихъ хотя бы грошевой цѣной.

В. А. Даниловъ.

Изъ дальнихъ лѣтъ.

(Отрывки изъ воспоминаній).

(1869—1872 г.г.).

1.

Весною 1869 года привезли меня „на родину“—въ г. Херсонъ, какъ „поднадзорнаго“.

Херсонскимъ полицеймейстеромъ былъ въ то время артиллеріи полковникъ Гриневицъ.—Это былъ предобродушнѣйшій „полковникъ“, простоватый и довольно ограниченный человѣкъ, очутившійся во главѣ полиціи только потому, что незадолго передъ этимъ губернаторомъ херсонскимъ назначенъ былъ бывшій правитель канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора Копцебу, артиллеріи генералъ-маіоръ Старынкевичъ: послѣдній былъ прежде всего математикъ и человѣкъ книги, а потомъ уже администраторъ,—и ему хотѣлось на мѣстѣ полицеймейстера имѣть также прежде всего „не полицейскаго“, а добраго малаго—артиллерииста, какового онъ и обрѣлъ въ лицѣ своего бывшего товарища Гриневица.

Я и товарищъ мой Корвацкій, какъ „политическіе поднадзорные“ составляли предметъ всеобщаго опасенія и сугубаго вниманія въ Херсонѣ. Такихъ „преступниковъ“ мѣстная полиція давно уже не имѣла въ своемъ вѣдѣніи; она очень не рада была нашему появленію,—тѣмъ болѣе, что ей приходилось собственнымъ творчествомъ создать наиболѣе удобную форму надзора за нами. Изобрѣтательность далеко не творческаго ума Гриневица не шла дальше того, что онъ предложилъ намъ являться къ нему ежедневно съ визитомъ въ полицейское управленіе въ 12 часовъ по-полудни, при чемъ вниманіе наше обращено было на послѣдствія неподчиненія „законнымъ распоряженіямъ“ полиціи. Дней пять мы распоряженіе это скрѣпя сердце исполняли: я являлся ровно въ 12 часовъ въ „присутствіе“ полицейскаго управленія, здоровался,—Гриневицъ ставилъ мнѣ вопросъ: „Какъ Ваше здоровье?“ и моимъ неизмѣннымъ отвѣтомъ: „спасибо, здоровъ!“ визитъ заканчивался. Естественнo, что уже на 6-й день терпѣнія

нашего для продѣлыванія подобной процедуры не хватило,—я прекратилъ свои посѣщенія въ „присутствіе“. Гриневицъ къ „послѣдствіямъ“ не прибѣгъ, а счелъ нужнымъ немного понизить насъ въ рангѣ, сдавъ насъ уже подъ ближайшій надзоръ частнаго пристава, который „убѣдительно“ просилъ насъ „запросто“ посѣщать его разъ въ недѣлю (кажется по пятницамъ), чтобъ „за чайкомъ“ покалякать о томъ—о семъ. Такъ какъ частный приставъ оказался большимъ любителемъ „политики“ и пятничныя бесѣды посвящаль почти исключительно политикѣ, припоминая неизмѣнно разные эпизоды изъ временъ своей службы въ Польшѣ въ періодъ послѣдняго возстанія, при чемъ онъ старательно подчеркивалъ свою дружбу съ повстанцами, то и эти „пятницы“ были очень недолговѣчны, — черезъ 3 — 4 недѣли мы забастовали, и тогда полиція на „гласный надзоръ“ махнула рукой и замѣнила его „не гласнымъ“, который въ тѣ „до-политическія“ времена (если позволено будетъ такъ выразиться) былъ (по крайней мѣрѣ, въ Херсонѣ) очень незамысловатъ и наивенъ: неоднократно прислуга-дѣвушка конфиденціально сообщала мнѣ, что ухаживающій за ней жандармскій унтеръ-офицеръ „очень интересуется“ книгами, которыя лежатъ у меня на столѣ, письмами, если таковыя остаются на столѣ и т. п. Раза два-три я ватакивался на субъектовъ, явившихся подъ разными предлогами къ хозяйкѣ квартиры, у которой я нанималъ комнату, спрашивая ее о моемъ образѣ жизни, занятіяхъ, знакомствахъ и т. д., часто ампула этихъ субъектовъ выдавали (несмотря на переодѣваніе) то форменные брюки, то казенные сапоги. „Надзоръ“ за нами былъ по истинѣ первобытный, и теперь трудно даже представить себѣ, какую громадную эволюцію за эти неполные 40 лѣтъ продѣлали и надзирающіе, и надзираемые, „прогрессъ“ по этой части оказался необычайнымъ...

2.

Для моего старика-отца на свѣтѣ не было ничего страшнѣе „полиціи“, онъ боялся „городовыхъ“ (оквартальныхъ надзирателей я уже не говорю) пуще огня и обходилъ ихъ за цѣлые кварталы. Понимая, что при моемъ „поднадзорномъ“ положеніи, посѣщенія полиціи неизбежны,—я, не желая причинять старику лишннихъ огорченій, нанялъ себѣ отдѣльную комнату. Послѣднюю нужно было, конечно, оплачивать, пользоваться же для этого „средствами“ отца, обстоятельства котораго были очень плохи, я не находилъ возможнымъ,—необходимо было, стало быть, позаботиться о какомъ-либо источникѣ для своего пропитанія и содержанія.

И теперь еще Херсонъ не можетъ похвалиться ни торговой, ни промышленной своей жизнью, а 37 лѣтъ назадъ онъ былъ совершенно мертвымъ въ этомъ отношеніи городомъ, такъ что ни о какихъ „конторскихъ“ занятіяхъ, какъ и вообще о „письменныхъ“ работахъ намъ и мечтать нельзя было; единственно возможнымъ и

подходящимъ занятіемъ для „бывшихъ студентовъ“ были „уроки“, которые намъ и удалось раздобыть. Но тутъ явилась серьезная преграда: преподаваніе „поднадзорнымъ“ строго воспрещалось „существующими циркулярами“, а учебная администрація, до мозга костей пропитанная тенденціями режима графа Дмитрія Андреевича Толстого, по части „нюха“ и „сыска“ въ сферѣ „благонадежности“ далеко оставляла за собой общую полицію: очень скоро доведено было первою до свѣдѣнія послѣдней о страшной опасности, которая грозитъ отечеству отъ нашего преподаванія. Бѣдный Гриневицъ совсѣмъ растерялся, ему, человѣку по натурѣ доброму, тяжело было прибѣгнуть къ „крутымъ мѣрамъ“, да къ тому же онъ простымъ умомъ своимъ никакъ не могъ постичь, чѣмъ могло бы быть опаснымъ для отечества преподаваніе Чудновскимъ ариметики или латыни. Поэтому онъ ограничился лишь намеками и „добрыми совѣтами“—быть осторожнымъ, такъ чтобы „не было разговоровъ“ о нашей преподавательской дѣятельности.

Учебная администрація, однако, не дремала,—она довела „о преступной“ моей дѣятельности до свѣдѣнія губернатора Старынкевича.—Человѣкъ для своего времени очень образованный и просвѣщенный, а по характеру своему добрый и гуманный, генераль Старынкевицъ, по собственной инициативѣ (даже безъ вѣдома моего) обратился къ генераль-губернатору Копебу съ ходатайствомъ о разрѣшеніи мнѣ заниматься преподаваніемъ. Слишкомъ далекій отъ гуманно-просвѣщенныхъ взглядовъ на вещи и инспирируемый, очевидно, надлежащимъ образомъ тогдашнимъ попечителемъ одесскаго округа (ставленникомъ гр. Д. А. Толстого) Голубцовымъ, Копебу въ рѣзкой и далеко неделикатной формѣ отклонилъ ходатайство Старынкевича. Послѣдній, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ въ присутствіи полковника Гриневица о возбужденномъ имъ за меня ходатайствѣ и объ отклоненіи этого ходатайства, выразивъ крайнее свое сожалѣніе по этому поводу. Гриневицъ обратился послѣ этого къ Старынкевичу съ заявленіемъ, что вотъ-де, В. П., мнѣ извѣстно, что г. Чудновскій даетъ уроки,—какъ мнѣ въ этомъ случаѣ быть? Сурово взглянувъ на Гриневица, Старынкевицъ отвѣтилъ: „вы понимаете, полковникъ, что послѣ объявленнаго мною въ нашемъ присутствіи г. Чудновскому отвѣта генераль-губернатора, я не могу разрѣшить ему давать уроки“, а затѣмъ повернувшись и медленно удаляясь изъ пріемной въ свой кабинетъ, онъ добавилъ на ходу тихо, внушительно отчеканивая каждое слово: „но я и не запрещаю“. Совершенно растерявшійся Гриневицъ, оставшись со мною наединѣ, удивленно развелъ руки и трагически воскликнулъ: „вотъ—тутъ и понимаю,—разрѣшить не разрѣшаетъ, и запрещать не запрещаетъ! ¹⁾“, затѣмъ прощаясь со мною, онъ заявилъ мнѣ, что онъ,

¹⁾ Я считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что генераль Старынкевицъ въ средѣ тогдашней русской бюрократіи составлялъ рѣдкое исключеніе. Онъ придерживался того взгляда, что самымъ полезнымъ администраторомъ въ Россіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ будетъ тотъ, кто не будетъ проявлять никакой активной силы и будетъ предоставлять полный просторъ земскому и городскому самоуправленію. Когда министр

конечно, будетъ смотрѣть на мое „преподаваніе сквозь пальцы („вы не думайте, что я полицейскій крючекъ,—Боже меня избави!“), но „покорнѣйше“ просилъ меня ставить его всегда свое-временно въ извѣстность гдѣ, у кого и что я преподаю, дабы онѣ—въ случаѣ доноса со стороны учебной администраціи—имѣли возможность и право, при первомъ же запросѣ, представить объясненіе, что онѣ исполняютъ-де свои обязанности по совѣсти, бдительно за мною надзираетъ, прекрасно знаетъ, что и гдѣ я преподаю, и въ дѣятельности моей преподавательской до сихъ поръ ничего предосудительнаго не находилъ. Признаться, мнѣ не малаго труда стоило, чтобы не расхохотаться отъ столь оригинальнаго выхода Гриневича изъ его затруднительнаго положенія. Я далъ ему просимое слово, и мы дружески распростились...

По прошествіи нѣкотораго времени, когда обязанности губернатора временно исправлялъ вице-губернаторъ, камеръ-юнкеръ Корн—чъ, я былъ приглашенъ къ послѣднему.—Человѣкъ крайне ограниченнаго ума, широко жившій исключительно на средства своей жены, урожденной М—вой, Корн—чъ почти исключительно занимался флиртомъ, „ухаживая“ на-пропалую за мѣстными „дамами“ и „барышнями“ и посвящая все остальное „свободное“ время свое охотѣ, доставлявшей ему особенное удовольствіе, такъ какъ она сопряжена была съ хорошими винами и закусками и приключеніями съ „простыми здоровыми русскими бабами“. Въ интересахъ флирта, Корн—чъ принималъ самое дѣятельное и неизмѣнное участіе во всѣхъ любительскихъ спектакляхъ и придумывалъ всевозможныя увеселенія—пикники, танцевальныя вечера, живыя картины и т. п. „Службой“ онѣ любилъ заниматься лишь изрѣдка, когда губернаторъ отсутствовалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ или производилъ ревизію по губерніи: нашъ камеръ-юнкеръ вступалъ тогда въ роль „хозяина губерніи“, становился серьезнымъ „государственнымъ мужемъ“, на время прекращалъ всякое участіе въ любительскихъ спектакляхъ и сокращалъ даже до крайнихъ предѣловъ свой любимый флиртъ. Этими краткими моментами Корн—чъ пользовался, чтобы по возможности ярче пофрондировать и проявить свой „либеральный“ государственный умъ и показать, какого „губернатора“ имѣла бы въ немъ Россія, еслибы правительство умѣло цѣнить людей и надоумилось призвать его на этотъ „постъ“, который ему. увы! никакъ не давался...

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ моментовъ, когда Корн—чъ священнодѣйствовалъ въ роли „хозяина губерніи“, онѣ черезъ Гриневича пригласилъ меня къ себѣ.—Въ напыщенной рѣчи, блиставшей всѣми красотами увѣковѣченнаго Щедринымъ помпадурскаго либерализма, онѣ высказалъ сочувствіе моему положенію, которое хотя и является плодомъ „заблужденія“, но заблужденія

ви. дѣлъ потребовалъ отъ губернаторовъ стѣснить дѣятельность земскихъ учреждений, Старикевичъ предпочелъ выйти въ отставку и баллотироваться въ секретари Кіевской городской думы. Въ послѣдствіи онѣ былъ назначенъ президентомъ г. Варшавы и старался всячески привлечь общественныхъ дѣятелей въ управленіе городомъ.

благороднаго и безкорыстнаго, свойственнаго юности (о, онъ самъ былъ юнъ и понимаетъ юность!) и потому вполне извинительнаго. Входя въ мое положеніе,—полагая, что въ задачи разумной администраціи, сознающей свой долгъ, не входитъ раздражать молодежь, впавшую въ ошибки, а ей, наоборотъ, слѣдуетъ способствовать вернуться на путь истинный,—и зная, что, не взирая на ходатайство губернатора, мнѣ преподаваніе воспрещено, — онъ, Корн—чъ, проситъ указать, чѣмъ онъ могъ бы быть мнѣ полезенъ. Выслушавъ терпѣливо до конца довольно длинную эффектно-либеральную рѣчь Корн—ча, я объяснилъ ему, что единственное, чѣмъ онъ можетъ быть мнѣ полезенъ при настоящихъ условіяхъ,—это—распорядиться о выдачѣ мнѣ полагаемаго (въ 1869 г.) „поднадзорнымъ“ казеннаго пособія въ размѣрѣ шести рублей въ мѣсяцъ. Такого скромнаго заявленія съ моей стороны К—чъ, очевидно, не ожидалъ: „помилуйте“, возразилъ онъ мнѣ патетически-взволнованнымъ голосомъ,—„что значить для интеллигентнаго человѣка 6 рублей въ мѣсяцъ?“ Развивая затѣмъ дальше эту мысль, онъ постепенно сталъ готовить меня къ неожиданному, заранѣе, повидимому, подготовленному эффекту и, въ концѣ концовъ, предложилъ мнѣ поступить на службу въ канцелярію губернатора, гдѣ найдется должное примѣненіе моимъ способностямъ и идеальнымъ стремленіямъ...

Долго говорилъ камерьеръ-юнкеръ на эту тему и былъ крайне удивленъ и огорченъ, когда я, поблагодаривъ его за доброжелательное ко мнѣ отношеніе, отклонилъ его предложеніе и вернулся къ ходатайству о казенномъ пособіи.

На этомъ мы разстались. Я въ канцелярію не поступилъ, а онъ, считая 6-рублевое пособіе слишкомъ ничтожнымъ, скоро совсѣмъ позабылъ и о немъ, и обо мнѣ.

3.

Херсонское „общество“ въ 1869 г. было типично-провинціальное общество второй половины прошлаго столѣтія: совершенное отсутствіе высшихъ интересовъ, низкій уровень идейности, мелочность, дразня, взаимные пересуды и сплетни. Мало здѣсь кто что читалъ, да и никакой бібліотеки для чтенія во всемъ городѣ не было, — въ губернскомъ городѣ съ 40000 —нымъ населеніемъ! На весь городъ существовалъ одинъ книжный магазинъ III—ха, да и тотъ снабжалъ городъ и окрестности исключительно учебниками; книги общаго характера для „общаго“ чтенія выписывались магазиномъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, да и то лишь по специальнымъ заказамъ.—Обязательно существовало, конечно, „Благородное собраніе“, въ которомъ „собирались“ исключительно дворяне торазъ—два раза въ годъ во время „выборовъ“, — въ остальное время помѣщеніе это сдавалось подъ „концерты“, „благотворительные вечера“ и разныя „юбилейныя“ торжества.—Недалеко отъ „Благороднаго Собранія“ противъ „Потемкинскаго бульвара“ находился

обширный ветхій сарай давнымъ-давно уже передѣланный въ театръ, въ который отъ времени до времени наѣзжали провинціальныя труппы (часто даже недурныя). — Незадолго передъ этимъ въ Херсонѣ устроенъ былъ „клубъ“, который долженъ былъ („въ то время, когда...“), такъ сказать, объединять всѣ слои общества; но и здѣсь центръ тяжести лежалъ въ танцевальныхъ вечерахъ, картахъ и разныхъ развлеченіяхъ; клубъ выписывалъ, впрочемъ, нѣкоторые журналы и газеты, а также книги—преимущественно беллетристическаго характера. Это и была чуть-ли не первая „библіотека“, которою пользовались сравнительно немногіе члены клуба.

Прибытіе въ такой городъ двухъ „исключенныхъ студентовъ“, состоящихъ „подъ надзоромъ полиціи“, не могло не произвести въ средѣ херсонскихъ обывателей большой сенсаци: „Мамаши рѣшили прежде всего воспользоваться нами, какъ „буками“: собравъ торжественно своихъ домочадцевъ (въ особенности гимназистовъ), онѣ энергически разъяснили, что прибывшіе „сосланные“ должны служить для нихъ предостереженіемъ,—такая судьба неизбѣжно ждетъ и ихъ въ случаѣ непослушанія и неповиновенія „старшимъ“; не слѣдуетъ, убѣждали онѣ, вмѣшиваться не въ свое дѣло: студенты должны учиться, чиновники должны служить, купцы—торговать, но (не приведи Богъ!) не заниматься „политикой“, — это грозитъ потерей карьеры и разбитой навсегда жизнью. Книгопродавецъ III—хъ, искренно считавшій себя самымъ умнымъ членомъ херсонскаго общества, въ пнтимномъ кругу своихъ „болѣе уважаемыхъ кліентовъ“ шопотомъ объяснялъ, что К. и Ч. сосланы изъ Петербурга въ Херсонъ потому, что имъ „не понравился“ Александръ II и они хотѣли „сѣсть на его мѣсто.“—Агенты же „тайной полиціи“—жандармы, а также „будочники“ конфиденціально сообщали базарнымъ торговкамъ и мелкимъ лавочникамъ, что К. и Ч. сосланы въ Херсонъ потому, что они бунтовали противъ Царя.

Таково было то общее настроеніе, которое вызвало наше необычное прибытіе въ городъ. Были конечно, исключенія, но это само собою разумѣется. Полное же исключеніе составляла молодежь, отношеніе которой къ „пострадавшимъ“ было діаметрально противоположное. Страхи „мамашъ“ и политико-философскія рѣчи III—ха и его знакомыхъ возбуждали только въ учащихся сочувствіе и интересъ къ „поднадзорнымъ“ студентамъ,—и они (въ особенности гимназисты старшихъ классовъ), пренебрегали предостереженіями и мамашъ, и гимназическаго начальства, и всячески старались свести съ нами знакомство. У меня, окончившаго херсонскую гимназію лишь годъ тому назадъ, сохранились еще связи съ ней въ лицѣ нѣкоторыхъ учениковъ старшихъ классовъ, и знакомства со мною завязывались главнымъ образомъ черезъ ихъ посредство.

Я еще весь былъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ кружковъ и „сходокъ“ петербургской „радикальной“ молодежи. Непосредственное столкновеніе съ дѣйствительностью во время студенческихъ „беспорядковъ“, грубое вмѣшательство полиціи въ чисто

академическій инцидентъ, жестокое и деспотическое насилие, учиненное надъ участниками въ „беспорядкахъ“. заставили меня глубоко и серьезно вдуматься въ царщій въ Россіи порядокъ вещей. *Теперь* я сдѣлался уже убѣжденнымъ и непримиримымъ врагомъ послѣдняго, я пришелъ къ опредѣленно-формулированному заключенію, что всякій сознательный и искренно-мыслящій русскій гражданинъ обязанъ объявить безошадную войну подобному порядку вещей и бороться съ нимъ непрерывно и повсюду всѣми доступными въ данный моментъ средствами, помня твердо, что всякая (хотя и само-малѣйшая) крупица сознательности имѣетъ въ обществѣ ходъ вещей свое несомнѣнное значеніе.

При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ я находился въ Херсонѣ, я считалъ наиболее цѣлесообразнымъ и почти единственно-доступнымъ для меня способствованіе всѣми мѣрами пробужденію политической мысли и общественнаго сознанія въ учащейся молодежи старшаго возраста. Преслѣдуя эту цѣль, я организовалъ при посредствѣ нѣкоторыхъ гимназистовъ и гимназистокъ нѣсколько кружковъ для самообразованія, которые комплектовались изъ учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ мужской и женской гимназій и очень не многихъ постороннихъ лицъ. Въ двухъ-трехъ кружкахъ я участвовалъ непосредственно, въ другіе я считалъ болѣе цѣлесообразнымъ лично не являться, а быть связаннымъ съ ними черезъ посредство пріятелей-гимназистовъ. Нѣкоторые изъ участниковъ этихъ кружковъ черезъ 5—6 лѣтъ очутились (напр. Лангансъ, Л—чъ и др.) въ центрѣ нашего революціоннаго движенія, нѣкоторые, не примыкая къ активному политическому движенію, не мало внесли въ сознаніе нашей передовой части общества...

Кружки собирались болѣе или менѣе регулярно въ опредѣленные дни. На собраніяхъ читались выдающіяся статьи новыхъ книжекъ журналовъ,—читались статьи Писарева, Добролюбова и Бѣлинскаго; особеннымъ же успѣхомъ пользовались старыя книжки „Современника“ со статьями Чернышевскаго и только что вышедшія отдѣльнымъ изданіемъ „Историческія письма“ Миртова (Лаврова). Чтенія сопровождались взаимнымъ обмѣномъ мнѣній, продолжительными преніями и горячими, юношески-увлекательными спорами, нерѣдко затягивавшимися глубоко за полночь...

Долгъ сердца и памяти повелѣваетъ мнѣ остановиться здѣсь на одномъ юношѣ, съ которымъ судьба меня особенно сблизила въ этотъ періодъ моей жизни въ Херсонѣ и сдѣлала меня, такъ сказать, восприемникомъ первыхъ шаговъ его сознательной жизни столь рано и, увы, столь трагически прекратившейся: я имѣю въ виду *Андрея Афонасьевича Франжоли* или, по-просту *Андрюшу*, какъ его любовно называли всѣ близко его знавшіе...

Въ концѣ 60-хъ годовъ въ Херсонѣ самой популярной аптекой была аптека Миллера. Въ этой аптекѣ находились на службѣ въ качествѣ аптекарскихъ помощниковъ И. Н. Болотниковъ и А. А. Франжоли. Эти-то „аптекарскіе помощники“ были, можно сказать, болѣе всѣхъ заинтригованы водворенными въ

Херсонѣ „поднадзорными“ студентами. Оба они очень тяготились своей профессіей, ничего не дававшей ихъ уму и сердцу. Но первый—Волотниковъ былъ человѣкъ, по преимуществу, реально-практическаго направленія, никогда изъ-за идеальныхъ стремлений и потребностей не терявшій изъ вида реально-практической почвы; послѣдній же—Франжоли былъ идеалистъ до мозга костей, человѣкъ, въ высшей степени увлекающійся, энтузіастъ, чуждый всякихъ практически-реальныхъ соображеній,—одинъ изъ тѣхъ, о которыхъ принято говорить, что они „не отъ міра сего“; въ тиши своей аптекарской каморки онъ взростилъ въ своемъ умѣ и сердцѣ строго-демократическіе принципы и убѣжденія, которыми онъ былъ преданъ до фанатической нетерпимости ко всѣмъ тѣмъ, кто ихъ не раздѣлялъ, при чемъ онъ не щадилъ даже самыхъ близкихъ и любимыхъ имъ людей.—Разница эта обуславливается до нѣкоторой степени національнымъ темпераментомъ обоихъ юношей: Волотниковъ былъ коренной русской человѣкъ (если не ошибаюсь, уроженецъ Екатеринославской губерніи); Франжоли же и по отцу, и по матери былъ *итальянецъ*, родомъ изъ подвластной Австріи Италіи, и не только его отецъ, но и самъ Андрей оставались (что весьма огорчало послѣдняго) австрійскими подданными, хотя Андрей и душой, и тѣломъ былъ самымъ преданнымъ сыномъ Россіи, до самозабвенія любившимъ ее, болѣвшимъ всѣми ея скорбями и печальми...

Эти „фармацевты“ были одни изъ первыхъ, которые свели со мною знакомство. Мы очень коротко сошлись и между нами очень скоро завязалась тѣсная дружба. Комнатка, отведенная имъ при аптекѣ, была наиболѣе любимымъ мѣстомъ моего времяпровожденія. Здѣсь я былъ весьма желаннымъ гостемъ днемъ и ночью. Оба „фармацевта“ готовы были дѣлиться со мною послѣднимъ кускомъ. Частенько приходилось у нихъ и ночевать, такъ какъ увлекающійся Андрей по цѣлымъ часамъ разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ въ Питерѣ, о вопросахъ, волнующихъ молодежь, о видахъ на будущее, надеждахъ и чаяніяхъ и т. п. Не прошло и мѣсяца послѣ нашего знакомства, какъ оба друга объявили мнѣ о своемъ категорическомъ рѣшеніи похерить аптеку и фармацевтическую дѣятельность и поступить въ технологическій институтъ, предложивъ мнѣ при этомъ довать имъ уроки по математикѣ. У Франжоли такое рѣшеніе зозрѣло послѣ упорной внутренней борьбы. Дѣло въ томъ, что семья его была крайне бѣдная, и за смертью отца, вся (мать, двѣ сестры и два брата) существовала почти исключительно его скуднымъ заработкомъ. Къ этой семьѣ онъ былъ очень привязанъ, и судьба ея его очень заботила. Но тутъ съ одной стороны явилась на помощь старшая сестра, получившая мѣсто народной учительницы; съ другой стороны твердая вѣра въ собственные силы и увѣренность, что въ технологическомъ институтѣ ему удастся „уроками“ поддерживать семью. Къ тому же Андрей принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые готовы всѣмъ пожертвовать ради достиженія *идеальной цѣли*...

Закипѣла у пріятелей-фармацевтовъ работа. Я просто диву давался при видѣ трудоспособности этихъ двухъ юношей, въ особенности Франжолі. Работая на ногахъ почти круглый день кропотливую, тяжелую и непріятную работу, вынужденные зачастую работать и ночью, выскакивая полуодѣтыми при каждомъ звонкѣ ночныхъ посѣтителей, они умудрялись удивительно много работать и надъ предметами гимназическаго курса, экзаменъ по которымъ былъ обязательенъ для поступленія въ технологическій институтъ. По прошествіи года они оставили аптеку и отправились въ Петербургъ. Съ дальнѣйшей судьбой Франжолі читатели могутъ познакомиться въ напечатанномъ въ мартовской книжкѣ „Былого“ за 1907 г. очеркѣ Николая Морозова. Въ 1879 г. я получилъ отъ него послѣднее письмо изъ Сольвычегодска, письмо, по обыкновенію, восторженное и жизнерадостное, хотя онъ страдалъ уже и тогда неизлечимою болѣзнію. Нѣсколько лѣтъ спустя я уже въ Енисейскѣ узналъ о его смерти. Что касается Волотникова, съ которымъ мнѣ пришлось вновь столкнуться черезъ много лѣтъ, уже по возвращеніи изъ ссылки, незадолго до его смерти, то онъ всецѣло отдалъ себя своей новой спеціальности, много работалъ въ технологическомъ институтѣ, а по окончаніи посвятилъ себя педагогической дѣятельности въ качествѣ полезнаго и честнаго преподавателя, а затѣмъ и директора полтавскаго земскаго ремесленнаго училища. Женатый на любимой сестрѣ Франжолі (Евгеніи Афанасьевнѣ), онъ навсегда сохранилъ дружескія связи съ послѣднимъ; жизненные пути ихъ разошлись, какъ и можно было ожидать, хотя Волотниковъ до самой смерти сохранилъ чуткость ко всему благородному и возвышенному...

Уже изъ первой главы моихъ воспоминаній читатель знаетъ, что въ концѣ 60-хъ годовъ въ Россіи въ разгарѣ былъ „женскій вопросъ“, однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ котораго былъ Михайловъ. Въ Петербургѣ и Москвѣ дѣвушки проникали на лекціи и на практическія занятія на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ. Официально, однако, доступъ женщинамъ въ высшія учебныя заведенія былъ еще (въ 1869—1870 г.) закрытъ, и женщины русскія стремились въ заграничныя университеты, въ особенности швейцарскіе—Цюрихскій и Бернскій.—Провинція въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, шла въ хвостѣ столичнаго движенія, но все же послѣднее не было ей чуждо. Въ Херсонѣ мнѣ пришлось познакомиться съ интеллигентной и симпатичной семьей вдовы Герценштейнъ; старшая дочь Анна Марковна сразу обращала на себя вниманіе, какъ чрезвычайно способная и талантливая дѣвушка. Въ этой глуши она первая поставила себѣ цѣль поступить въ Цюрихскій университетъ и увлекла за собой свою подругу—Верлиндерблоу. Въ то время въ провинціи это было цѣлое событіе. Понятно, что я съ величайшимъ сочувствіемъ отнесся къ рѣшенію этихъ дѣву-

шекъ и предложилъ имъ свои услуги, чтобы помочь имъ подготовиться по математикѣ, которая въ то время въ женскихъ гимназіяхъ преподавалась въ слишкомъ скромныхъ дозахъ. Это были первыя двѣ піонерки въ нашей провинціальной глуши (и чуть ли и вообще въ провинціи), которыя въ 1870 г. послѣ упорной борьбы съ родными (особенно упорную борьбу пришлось выдержать Берлинер-блоу) отправились въ Цюрихъ. Для херсонскаго юношества, въ особенности для части, группировавшейся по кружкамъ самообразованія, это было истинный праздникъ. Я живо припоминаю, какъ къ отходу парохода (въ Одессу) вся набережная наполнилась молодежью, съ какими почтительными поклонами она встрѣтила прибывшихъ на пароходъ двухъ дѣвушекъ (большинству изъ нихъ лично совершенно незнакомыхъ) и какъ въ моментъ отхода парохода всѣ провожавшіе юноши почтительно обнажили головы и простояли въ торжественномъ молчаніи нѣсколько минутъ, пока пароходъ былъ виденъ. Дѣвушки отправились въ Цюрихъ, гдѣ и поступили послѣ успѣшно выдержаннаго экзамена на медицинскій факультетъ. А. М. Герценштейнъ сдѣлалась скоро жертвой черной оспы, и ей, талантливой и многообщавшей, не суждено было больше увидѣть Россію, а Берлинер-блоу, успѣшно окончивши медицинскій факультетъ и не найдя приложенія своимъ профессиональнымъ занятіямъ въ Россіи, переселилась въ Америку, гдѣ и устроилась при одной изъ бостонскихъ больницъ, въ которой пребываетъ, кажется, и нынѣ.

Къ этому же періоду пребыванія моего въ Херсонѣ относится и основаніе (хотя и зародышевое) нынѣшней общественной херсонской бібліотеки, занимающей видное мѣсто между провинціальными общественными бібліотеками.

Въ концѣ 60-хъ годовъ, какъ мною выше упомянуто, въ Херсонѣ не существовало ни одной бібліотеки для чтенія. Въ книгахъ для чтенія чувствовалась большая нужда, новые журналы добывались съ большимъ трудомъ. И вотъ нѣсколько человекъ херсонской молодежи, къ которымъ и я примкнулъ, рѣшили выписывать въ складчину два-три журнала; группа быстро разрослась, вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и число выписываемыхъ журналовъ, съ теченіемъ времени стали выписывать и новыя книги по общественнымъ вопросамъ. Юноши очень усердно занимались своей „бібліотечкой“,—въ особенности много времени удѣляли ей Рябковъ и Лангансъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ составилось уже дѣйствительно нѣчто въ родѣ маленькой бібліотеки, постепенно и быстро расширявшейся. Я былъ уже далеко-далеко отъ своей родины, когда узналъ, что учрежденіе, возникшее въ столь скромныхъ размѣрахъ, единичными усилиями отдѣльныхъ немногочисленныхъ лицъ, превратилось въ общественную бібліотеку, пользующуюся ежегоднымъ пособіемъ городского общественнаго управленія, являясь до нѣкоторой степени гордостью немно-

численной херсонской интеллигенции. Этот фактъ личной инициативы въ провинціальной глуши заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ.

Поднадзорное положеніе мое въ Херсонѣ продолжалось около двухъ лѣтъ. Я все время существовалъ „уроками“ въ домахъ мѣстныхъ видныхъ обывателей, которые я давалъ совершенно открыто, не скрываясь, что было бы впрочемъ и безцѣльно, такъ какъ даже учебная администрація въ своемъ ревностномъ сыскѣ не рѣшилась бы на конфликтъ, напр., съ генераломъ Слезкинымъ (братомъ извѣстнаго въ то время начальника московскаго жандармскаго управленія), съ младшими сыновьями котораго я занимался, или съ членомъ окружнаго суда Давиденко и бригаднымъ генераломъ (въ домахъ которыхъ давалъ уроки товарищъ мой Корвацкій.) Обезпеченный въ своемъ матеріальномъ существованіи, я почти всѣ вечера свои проводилъ въ кружкахъ самообразованія мѣстной молодежи, посильно помогая ей разбираться въ интересовавшихъ ее вопросахъ жизни.

Хотя я и не оставался въ Херсонѣ совершенно бесполезнымъ и продолжалъ неизмѣнно пользоваться симпатіями молодежи, тѣмъ не менѣе этотъ глухой провинціальный уголокъ съ почти полнымъ отсутствіемъ внутренней самостоятельной общественной жизни сталъ сильно меня тяготить, и я принялся хлопотать о разрѣшеніи переѣхать на жительство въ Одессу.—Благодаря содѣйствію губернатора Старынкевича и генерала Слезкина ходатайство мое было уважено, и въ мартѣ 1871 г. (послѣ почти двухлѣтняго поднадзорнаго пребыванія въ Херсонѣ), я переѣхалъ въ Одессу, оставаясь и здѣсь попрежнему подъ гласнымъ надзоромъ полиціи.

II.

1.

Одесскій (правильнѣе, „Новороссійскій“) университетъ, какъ таковой, въ моментъ прибытія моего изъ Херсона въ Одессу, существовалъ всего около шести лѣтъ: лишь въ маѣ 1865 года бывшій Ришельевскій лицей преобразованъ былъ въ университетъ съ тремя, на первыхъ порахъ, факультетами: юридическимъ, физико-математическимъ и историко-филологическимъ.—Въ памяти одеситовъ свѣжъ былъ еще тогда „героическій періодъ“ студенчества лицея, отмѣченный въ его лѣтописяхъ всевозможными удалыми скандалами и всякаго рода „молодечествомъ“. Современники и очевидцы (кто съ пафосомъ, кто иронически-юмористически) передавали о легендарныхъ подвигахъ студента К—ва, появлявшагося передъ изумленной публикой, расходившейся изъ „Дворянскаго Собранія“, по окончаніи концерта, верхомъ на жандармѣ, переносившемъ его за соблазнительное вознагражденіе на спинѣ черезъ

грязную улицу возлѣ подъѣзда Собранія, или умудрявшагося размѣщаться въ одномъ нижнемъ бѣльѣ на подоконникѣ 4-этажа, чтобы этимъ путемъ быть выдвореннымъ изъ квартиры безъ уплаты за квартиру и т. п.

Этотъ „героическій“ періодъ миновалъ, но онъ не былъ еще замѣненъ какимъ-либо новымъ реально-прогрессивнымъ академическимъ или общественнымъ теченіемъ.—Новороссійскій университетъ, вообще, на первыхъ порахъ своего существованія очень слабо отражался на культурно-духовной фizioноміи Одессы, слишкомъ ярко окрашенной въ мѣщанско-буржуазный торгово-коммерческій цвѣтъ. Ни профессора, ни студенты ничего почти тогда не вносили въ умственную и нравственную атмосферу среднихъ обывательскихъ круговъ. Со стороны получалось впечатлѣніе, что университетъ существуетъ *fur und an sich* и старательно выполняетъ свою специальную миссію: готовить для учебныхъ заведеній учителей-чиновниковъ и адвокатовъ,—но совершенно игнорируетъ *человѣка* въ томъ высокомъ и благородномъ смыслѣ, каковой вкладывалъ въ это слово еще недавно вынужденно-оставившій свою административно-педагогическую дѣятельность въ одесскомъ, а затѣмъ и въ кievскомъ учебномъ округѣ знаменитый Н. П. Пироговъ, имя котораго многіе еще произносили съ глубокимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ. А между тѣмъ въ числѣ профессоровъ новороссійскаго университета я засталъ такія крупныя и выдающіяся научныя и умственныя силы, какъ *Сыченовъ*, *Мечниковъ*, *Ценковский*, *Соколовъ*, *Головкинскій*,—на лекціи которыхъ (въ особенности *Сыченова* и *Мечникова*) стекались студенты всѣхъ факультетовъ, а устраиваемые ими публичныя курсы усердно и жадно посѣщались лицами обоого пола всѣхъ слоевъ и классовъ общества, въ особенности необыкновенно талантливыя лекціи *Мечникова* и *Сыченова*, пользовавшихся обширной популяриностью, при чемъ, напр., на знаменитыя лекціи по эмбриологіи восходившаго лишь тогда свѣтила—*Мечникова* стекалось столько народа, что всѣхъ желающихъ не вмѣщала обширнѣйшая университетская аудиторія.

2.

Число слушателей въ Новороссійскомъ университетѣ, не только сравнительно съ теперешнимъ, но даже сравнительно съ тогдашнимъ ихъ количествомъ въ другихъ университетахъ, было очень ограничено; на всѣхъ трехъ факультетахъ оно не превышало 450 чело-вѣкъ, изъ коихъ около двухъ третей приходилось на юридическій факультетъ.

Я нашелъ въ средѣ одесскаго студенчества одинъ лишь организованный кружокъ, во главѣ котораго стоялъ окончившій уже незадолго передъ этимъ историко-филологическій факультетъ *Г. Е. Ао*—въ, оставленный при университетѣ въ качествѣ магистранта по кафедрѣ всеобщей исторіи. Это былъ чело-вѣкъ съ сильнымъ характеромъ, большого ума и солидной эрудиціи; благодаря его выдающемуся ораторскому таланту и умѣнію прекрасно управлять

преніями и формулировать послѣднія, онъ являлся неизмѣннымъ предсѣдателемъ на всѣхъ студенческихъ сходкахъ и всякаго рода собраніяхъ.—Къ кружку этому примыкали юноши (главнымъ образомъ, студенты), изъ которыхъ нѣкоторые сыграли впослѣдствіи замѣтную роль въ нашей общественной и государственной жизни, а также на поприщѣ науки, журналистики и публицистики; таковы, напр., Южакъ, И. Корвацкій, Авдѣевъ, Гернетъ, Л—ва, Р—нъ и др.—Кружокъ этотъ въ то время преслѣдовалъ почти исключительно культурно-просвѣтительныя задачи какъ въ сферѣ студенческой жизни, такъ и въ соприкасавшейся съ нею общественной средѣ.

Центральнымъ пунктомъ, въ которомъ сталкивались всѣ интересовавшіеся тогда студенческими дѣлами, являлась специально-студенческая кухмистерская, которая существовала хотя и не вполне легально, но совершенно открыто. Въ этой-то кухмистерской, помѣщавшейся, насколько припомню, на Гулевой улицѣ—возлѣ Собора, я вскорѣ по прибытіи въ Одессу столкнулся съ названными лицами и нѣкоторыми другими, изъ которыхъ впослѣдствіи одни замѣтно повернули вправо, другіе—влѣво и лишь немногіе остались совершенно въ сторонѣ отъ всякой эволюціи.

Стремясь къ сближенію съ молодежью и, преимущественно, университетскою, я сдѣлался завсегдатаемъ этой кухмистерской, а вскорѣ и однимъ изъ ея распорядителей.—„Гласный полицейскій надзоръ“ въ Одессѣ въ то время былъ совершенно номинальнымъ и ограничивался (по отношенію ко мнѣ, напр.) лишь тѣмъ, что по прибытіи изъ Херсона въ Одессу, я предъявилъ въ полицейскомъ управленіи свое проходное свидѣтельство, взаимѣ котораго мнѣ выданъ былъ видъ на жительство,—до-поры-до-времени на этомъ собственно и кончились всѣ отношенія мои къ полиціи, во главѣ которой скоро стали быстро прославившіеся по всей Россіи своимъ лихоимствомъ знаменитый полковникъ Антоновъ (авторъ „одесскихъ гекатомбъ“) и секретарь его Болотовъ, розыскивавшійся (за разныя „художества“) по Россіи и, въ качествѣ секретаря полиціи, лично отписывавшійся (какъ меня увѣряли) о „ненахожденіи въ Одессѣ“ такового: этимъ господамъ въ сущности наплевать было и на государство, и на политику, и на „поднадзорныхъ“, и на обывателей вообще,—все ихъ вниманіе сосредоточено было на... публичныхъ домахъ, превращенныхъ ими въ источникъ столь крупныхъ и беззастѣнчивыхъ доходовъ, что очутились, наконецъ, на скамьѣ подсудимыхъ.

Итакъ, полицейскій надзоръ меня на первыхъ порахъ въ Одессѣ совершенно не стѣснялъ и въ теченіе нѣкотораго времени ничѣмъ не связывалъ меня и моего образа жизни.

На первыхъ порахъ интеллигентски-культурный кружокъ отнесся ко мнѣ не совсѣмъ благосклонно, усматривая (хотя и не совсѣмъ основательно) во мнѣ противника его задачамъ и стремленіямъ. Кто-то пустилъ даже слухъ, что я примыкаю къ нечаевской организаціи, намѣренъ организовать въ Одессѣ кружки по типу и характеру нечаевскихъ и т. д. А надо сказать, что

только что закончился процессъ по нечаевскому дѣлу, который довольно подробно печатался въ газетахъ. Процессъ произвелъ на провинціальную молодежь крайне неблагопріятное впечатлѣніе. Выяснившееся изъ печатнаго (въ газетахъ) процесса совершенно безпричинное убійство Иванова и генеральское отношеніе Нечаева къ другимъ участникамъ его организаціи вызвали въ тотъ моментъ крайне отрицательное и чрезвычайно подозрительное отношеніе ко всякаго рода конспиративной дѣятельности...

Итакъ пущенный слухъ (никакой реальной почвы подъ нимъ не было) предрасположилъ противъ меня культурно-просвѣтительный кружокъ, что обнаружилось на первыхъ же порахъ въ слѣдующемъ фактѣ: въ числѣ негласныхъ студенческихъ учрежденій существовала тогда въ Одессѣ и „студенческая бібліотека“, которой пользовались не исключительно одни студенты, но и другія лица, принятые въ ея составъ закрытой баллотировкой по большинству голосовъ. Библіотека эта цѣнилась не столько сама по себѣ, какъ таковая, а какъ одинъ изъ объединяющихъ центровъ. Кто-то предложилъ избрать меня членомъ этой бібліотеки (предложеніе сдѣлано было безъ моего вѣдома). И вотъ какъ-то во время обѣда въ кухмистерской одинъ изъ моихъ знакомыхъ сообщилъ мнѣ, что я избранъ въ члены бібліотеки. Присутствовавшій при этомъ Ао—въ къ сообщенію этому присовокупилъ: „Вы избраны почти единогласно, за васъ поданъ былъ лишь одинъ черный шаръ. и я считаю долгомъ объяснить вамъ, что черный шаръ положилъ я, и положилъ я его вамъ потому, что во мнѣ сложилось убѣжденіе, что мы съ вами преслѣдуемъ различныя политическія цѣли...“ Такая честная прямота привлекла мои симпатіи къ Ао—ву и обусловила навсегда чувства искренняго уваженія и расположенія къ этому человѣку, отношенія къ которому спустя много лѣтъ стали почти дружескія: открытый и честный противникъ, вѣдь, далеко не заурадное явленіе въ нашей жизни....

3.

Но тогда же въ той же одесской студенческой средѣ и даже въ той же студенческой кухмистерской формировался и другой кружокъ, который не удовлетворялся одними мирно-культурно-просвѣтительными цѣлями и задачами.

Во главѣ этого кружка стояли филологъ III—скій, юристы Г—скій и В—скій и... Андрей Ивановичъ Желябовъ, тогда большой другъ и пріятель, съ которымъ они (какъ часто бываетъ въ жизни) скоро разошлись въ разныя стороны. Группа эта жила въ самой кухмистерской, занимая въ ней двѣ-три свободныя комнаты...

Когда я пишу эти строки, въ моей памяти ярко воскресаютъ прекрасныя черты лица Желябова въ первый моментъ первой моей встрѣчи съ нимъ.—Я явился однимъ изъ первыхъ въ комнату, въ которой должна была состояться (не припомню уже по

какому поводу) сходка. Вскорѣ послѣ меня въ эту же комнату вошли III—скій съ пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ въ высшей степени симпатичный юноша въ накинутомъ на плечи пледѣ,—одинъ изъ тѣхъ далеко не часто встрѣчающихся людей, которые не могутъ не обратить на себя самаго серьезнаго вниманія, какъ люди какъ-бы судьбой отмѣченные и ею предназначенные для чего-то весьма важнаго и крупнаго.—Выше средняго роста, изящной и красивой наружности, съ розовыми щеками, большими, чрезвычайно выразительными смѣющимися глазами, черными волнистыми волосами, Желябовъ невольно привлекъ къ себѣ мое вниманіе, какъ только онъ появился на сходку, на которой по обыкновенію—предсѣдательствовалъ Ае—въ. Я не мало былъ удивленъ, когда узналъ, что этотъ изящный юноша съ тонкими чертами лица сынъ заправскаго (а не „вышедшаго въ люди“) крестьянина, который и въ тотъ моментъ, и впоследствии до конца дней своихъ таковымъ и остался...

Не помню, для чего именно собралась сходка и о чемъ на ней трактовалось; если не ошибаюсь, обсуждались на ней чисто хозяйственные вопросы, касавшіеся кухмистерской. Въ преніяхъ принималъ участіе и Желябовъ, который и при этомъ ординарномъ случаѣ проявилъ уже недюжинный ораторскій талантъ, живое остроуміе и находчивость. Его логическая, живая, умно-построенная рѣчь-импровизація выдвинула его, какъ оратора, на первый планъ. На этой заурядной сходкѣ уже бросалась въ глаза способность Андрея Ивановича увлекать за собою толпу, электризовать ее и незамѣтно господствовать надъ нею...

Въ отличіе отъ кружка Ае—ва, явно сторонившагося тогда отъ меня, какъ отъ человѣка съ радикальными и даже революционными (по его мнѣнію) стремленіями, кружокъ III—го, въ особенности Желябовъ въ этомъ самомъ предположеніи усматривалъ, наоборотъ, поводъ къ сближенію со мною. Организовавъ бюро для доставленія уроковъ и другихъ занятій нуждающейся молодежи симпатичнаго для нихъ направленія, группа эта—по собственной инициативѣ—помогла мнѣ добыть для себя работу, сначала переписку, а потомъ и уроки...

4.

На Пасхѣ этого 1871-го года мнѣ пришлось пережить и быть очевидцемъ перваго на моихъ глазахъ еврейскаго погрома въ Одессѣ.

Старшій братъ Л. Л. съ семьей отправился на праздники въ Херсонъ, я же по его просьбѣ остался на его квартирѣ, помѣщавшейся (если память мнѣ не измѣняетъ) на Еврейской улицѣ, на которую выходили окна нѣкоторыхъ комнатъ. Съ разрѣшенія директора химической лабораторіи Новороссійскаго Университета, профессора Соколова, я занимался въ послѣдней практически химіей, работая тамъ въ свободное время подъ руководствомъ тогда еще доцента неорганической химіи А. Вериги и лаборанта

Клименко, посвящая праздничные дни теоріи химіи, и изучать съ увлеченіемъ классическій учебникъ Менделѣева. И вотъ, приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія моего въ Одессу въ первый день Пасхи (она началась 28-го марта) я съ утра расположился въ кабинетѣ брата и внимательно штудировалъ какую-то главу учебника Менделѣева, увлекшись прекраснымъ строго-научнымъ изложеніемъ. Вдругъ послышался какой-то грохотъ и шумъ; я не обратилъ вниманія и продолжалъ свои занятія; но черезъ нѣсколько минутъ посыпались осколки разбитыхъ стеколъ, и я почувствовалъ острую боль въ правой ногѣ. Я вскочилъ и осмотрѣлся. Оказалось, что въ мою ногу ударился брошенный въ окно большой булыжникъ; почти всѣ стекла въ окнахъ этой комнаты были уже разбиты; и въ окна комнатъ квартиры, помѣщавшейся во 2-мъ этажѣ, градомъ сыпались съ Еврейской улицы камни всевозможныхъ величинъ. Моментально выскочивъ въ соседнюю комнату, выходившую во дворъ, я забаррикадировалъ дверь въ кабинетъ, переждалъ тамъ минутъ 15—20, пока поблизости все стихло. Комнаты, выходившія окнами на улицу, представляли картину полного разрушенія; во всѣхъ семи окнахъ стекла разбиты были вдребезги, повреждены были столы и стулья. Бушующая толпа покончила съ этимъ кварталомъ и умчалась дальше. Я заперъ ставни, одѣлся и пошелъ бродить по городу въ качествѣ наблюдателя и созерцателя, чтобы впервые въ свою жизнь увидѣть въ дѣйстви и реальности ту стихійную и безсознательно-разрушающую толпу, о которой приходилось многое читать.

Ни какой „самообороны“ тогда еще и въ поминѣ не было ¹⁾, о „политикѣ“ въ еврейской массѣ и о мести со стороны „истинно-русскихъ“ людей евреямъ за ихъ „революціонное настроеніе“ не могло быть и рѣчи; самой „русской революціи“ еще слыхомъ не слыхать было, г.г. Плеве, Нейдгарты, Курловы и имъ подобные еще на горизонтѣ нашемъ не появлялись, да и „истинно-русскихъ“ людей тогда еще не было, какъ не было такихъ фигуръ, какъ Дубровинъ, Никольскій, Булацель, Тороповъ и имъ подобные...

Изъ разсказовъ толпы я на улицѣ узналъ, что дѣло началось возлѣ ограды греческой церкви. По какому-то поводу возникла тамъ ссора между греками и евреями, ссора перешла въ драку,—къ оградѣ нахлынула толпа подростковъ и подвыпившихъ рабочихъ. Явились казаки и принялись отгѣснять отъ ограды толпу, которая тогда разсѣялась по ближайшимъ улицамъ и приступила, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ „вожаковъ“, къ расправѣ съ евреями. Начался „погромъ“....

Повторяю, „истинно-русская“ эпоха была еще далеко впереди; однако, погромъ былъ полный. Онъ не отличался свирѣпой

¹⁾ Однако, уже и тогда—въ 1871 г. еврейская масса не представляла сплошного стада, безропотно подставляющаго свою шею подъ удары гнусныхъ хулигановъ. Напр., около еврейскихъ рѣзницъ на Старомъ базарѣ небольшая кучка евреевъ храбро и съ полнымъ успѣхомъ отразила нападеніе громилъ.

жестокостью и дикимъ изувѣрствомъ грядущихъ погромовъ. До повальныхъ убійствъ, до вколачиванія гвоздей въ черепъ, до насилуваній дочерей въ присутствіи матерей, до распарыванія животовъ беременныхъ женщинъ и сбрасыванія съ четвертыхъ этажей грудныхъ дѣтей тогда еще не доходили но, безотносительно говоря, картина погрома для меня, впервые присутствовавшего при подобныхъ сценахъ, была ужасна. Толпавъ нѣсколько сотъ человѣкъ, въ которой преобладали подростки и молодые парни—рабочіе, сильно подгулявшіе на счетъ дарового спирта изъ питейныхъ домовъ, спокойно двигалась по улицамъ, вооруженная ломами, молотками, листами жести и желѣзными палками. Подходя къ какому-нибудь еврейскому дому, она принималась громить его, разбивала окна и двери, забиралась въ комнаты и магазины, срывала вывѣски съ лавокъ и магазиновъ, выбрасывала въ окна на улицу все, что попадалось подъ руку: столы, стулья, зеркала, подушки, перины, всякаго рода товары и т. д. Изъ нѣкоторыхъ домовъ умудрялись выбрасывать съ верхнихъ этажей рояли и піанино, которые разбивались вдребезги. Пухъ отъ перинъ и подушекъ бѣлой пеленой покрывалъ массу улицъ, по которымъ проходила дикая орда. Не церемонились также съ еврейской святыней—синагогами и молитвенными домами: разрывали, топтали ногами и оскверняли священную тору—свитки, разбивали кивоты, уничтожали драгоценную утварь.

Питейные дома (казенной монополюшки тогда еще не было) предавались полному истребленію. Встрѣчныхъ евреевъ если не убивали, то жестоко избивали, бросая на улицѣ раненыхъ, которыхъ въ послѣдствіи подбирали (каретъ скорой помощи еще не было)...

Оргія эта длилась 3—4 дня. Въ первые дни полиція совершенно бездѣйствовала. На моихъ глазахъ городовые христосовались съ громилами, получали отъ нихъ часть награбленной ими добычи и поощряли ихъ, приговаривая, добродушно ухмыляясь: „бей, братъ, жидовъ!“ какъ будто бы рѣчь шла о зайцахъ или собакахъ... Отъ-времени-до-времени появлялся военный (пѣшій или конный) патруль и разгонялъ громиль, которые преспокойно переходили на другую сторону улицы и продолжали свое разрушительное дѣло. Нѣсколько разъ на моихъ глазахъ подъѣзжалъ къ бушующей толпѣ окруженный блестящей свитой и эскортомъ конныхъ жандармовъ и городскихъ тогдашній Новороссійскій генераль-губернаторъ генераль-адъютантъ П. Е. Коцебу, предъявлялъ ей грозное требованіе: „расходись!“ и мчался дальше, сопровождаемый улюлюканіями толпы и возгласами: „Куцый Коцеба, куцый Коцеба!“¹⁾ при чемъ громилы преспокойно продолжали свое жестокое дѣло... Христіане, а также нѣкоторые напуганные ужасами евреи выставляли въ окнахъ иконы, кресты и пасхи,—и это въ значительномъ большинствѣ случаевъ дости-

¹⁾ Коцебу былъ маленькаго роста, что вызывало къ нему презрѣніе со стороны толпы.

гало пѣли: громилы проходили мимо, направлялись къ другимъ домамъ...

Итакъ, три дня я бродилъ по улицамъ, на которыхъ бушевала толпа, стараясь уловить хоть какой-либо сознательный мотивъ къ буйству—въ родѣ негодованія на „жидовскую эксплуатацію“ и т. п., но ничего подобнаго не уловилъ. Я расхаживалъ въ компаніи съ однимъ изъ представителей тогдашняго „уक्रанофильскаго“ студенчества Г—мъ, который неутомимо развивалъ свою излюбленную тему о еврейской эксплуатаціи и т. п., но доводы его и вся его логика не могли не разбиваться о такія, напр., сцены: идемъ по Новому Базару; здѣсь ютятся десятки бѣдныхъ, жалкихъ и несчастныхъ лавченочъ. Вдругъ баба (отнюдь не свирѣлаго вида), заручившись гдѣ-то горячей лучиной, подноситъ ее къ одной лавченкѣ и поджигаетъ ее,—поднимается зарево, и жалкое грошевое достояніе десятковъ несчастныхъ становится добычей огня. Мы подходимъ къ бабѣ, и я спрашиваю ее, за что же она губить такихъ же бѣдняковъ, какъ и она сама; баба въ сильномъ смущеніи отвѣчаетъ, что вышеле де такой приказъ начальства,—велѣно три дня громить и бить „жидовъ“; затѣмъ какъ бы подбодрившись своимъ объясненіемъ, навѣяннѣмъ ей очевидно извнѣ изъ авторитетнаго для нея источника, она спрашиваетъ меня: „нешто вы думаете, что мы могли бы громить жидовъ цѣлыхъ три дня, кабы на то не была воля начальства“. На это убѣжденіе, что избиваютъ ни въ чемъ неповинныхъ людей съ разрѣшенія начальства, приходилось наталкиваться очень часто,—и бороться съ нимъ, въ виду очевидности, было почти невозможно!...

На третій день буйная толпа громилъ окончательно разошлась. Къ ней присоединилось много наѣхавшихъ изъ ближайшихъ деревень, явившихся съ возами, чтобы поживиться „жидовскимъ“ добромъ. Копебу, совершенно бездѣйствовавшій въ первые дни и этимъ самымъ поддерживавшій внушенное кѣмъ-то толпѣ убѣжденіе въ безнаказанности разгромленія „жидовъ“,—получивъ, въ виду энергическихъ представленій по телеграфу представителей мѣстнаго еврейства,—строгое предписаніе изъ Петербурга о прекращеніи безпорядковъ, принялся *стѣчь* народъ розгами: изъ бушующей толпы выхватывали громилъ цѣлыми десятками, препровождали ихъ за ограду греческой церкви и тамъ солдаты изъ специально для этого отряженнаго наряда сѣкли ихъ розгами безъ всякой пощады. При этомъ (какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ) хватили не мало и такихъ, которые никакого участія въ погромѣ не принимали, а находились въ толпѣ лишь случайно, какъ зрители; экзекуція подверглась даже на моихъ глазахъ одна довольно нарядная дама, ни въ чемъ рѣшительно неповинная; наиболѣе свирѣпые „вожаки“ совершенно ускользали отъ полиціи, ловко затесывались въ толпѣ при всякомъ ея появленіи...

На 4-й день праздниковъ, когда уже стало все стихать, на улицахъ расклеено было воззваніе къ населенію отъ тогдашняго

одесскаго градоначальника Бухорина, предупреждавшаго, что войскамъ отдано приказаніе дѣйствовать безъ послабленій въ случаѣ продолженія безпорядковъ; въ городъ прибыли войска, а на Никольскомъ бульварѣ разставлены были четыре орудія...

Насколько я негодовалъ на толпу за ея звѣрскую расправу съ евреями, ¹⁾ а еще болѣе на тѣхъ, кто оправдывалъ эти безобразія „эксплуатаціей“, настолько же меня возмущали безобразныя сцены огульнаго *стѣненія* народа,—варварскій произволъ высшей администраціи, подарившей Россіи, „стѣненую Одессу“ (такъ называли ее тогда въ столичныхъ газетахъ). Желябовъ и большинство его кружка раздѣляли и мое негодованіе, и мой общій взглядъ на это трагическое событіе: виновникомъ его нельзя считать темную стихійную толпу громилъ или пресловутую „жидовскую эксплуатацію“, а общее безправное гражданское положеніе еврейскаго населенія, составлявшее частный фактъ общерусскаго безправія и являвшееся лишь на общемъ фонѣ безправія линіей наименьшаго сопротивленія, по которой направлялось общее недовольство существующимъ политическимъ и экономическимъ порядкомъ вещей... ²⁾ Такимъ образомъ это печальное событіе послужило болѣе тѣсному сближенію моему съ кружкомъ Желябова. ³⁾

Б.

Еще болѣе сблизила меня съ Желябовымъ и его кружкомъ разыгравшаяся въ октябрѣ 71-го года въ Новороссійскомъ Университетѣ „студенческая исторія“, извѣстная подъ названіемъ „Богитичевской исторія“. ⁴⁾

Въ числѣ профессоровъ юридическаго факультета по кафедрѣ исторіи славянскаго законодательства Новороссійскаго университета находился тогда (съ 1870 г.) Балтазаръ Власевичъ Богитичъ, уроженецъ Далмаціи, окончившій Вѣнскій университетъ. Онъ пользовался репутаціей солиднаго ученаго, и по предложенію проф. Леонтовича факультетъ и совѣтъ возвели его (въ 1869 г.) въ званіе почетнаго доктора государственнаго права (иначе онъ не могъ бы занять въ Новороссійскомъ университетѣ кафедру) и пригласилъ его въ ординарные профессора.

¹⁾ Но что значатъ эти расправы сравнительно съ позднѣйшими погромами! За 4 дня оказалось два десятка раненыхъ, въ томъ числѣ нѣсколько тяжело раненыхъ, убитыхъ же, кажется, вовсе не было.

²⁾ Даже „Од. Вѣстн.“ того времени, редакторъ котораго Н. Сокольскій далеко не симпатизировалъ евреямъ, полагалъ, что для устраненія на будущее время столь печальныхъ „безпорядковъ“ желательно „прежде всего распространить право евреевъ на жительство по всей Россіи“, а затѣмъ „было бы желательно и полезно, чтобы евреямъ, оканчивающимъ съ успѣхомъ въ университетахъ курсъ наукъ, предоставлены были права государственной службы“.

³⁾ Долженъ оговориться, что и кружокъ Ае—ва, въ большинствѣ своемъ, отнесся совершенно отрицательно къ погрому.

⁴⁾ Чрезвычайно характерно, что въ историческомъ очеркѣ перваго 25-лѣтія Новороссійскаго Университета (1865—1890 г.) ни единымъ словомъ объ этой исторіи не упоминается!...

Лекторомъ онъ оказался очень плохимъ, такъ какъ плохо владѣлъ русскимъ языкомъ (говорили, что ему писали его лекціи по-русски латинскими буквами). Къ тому же онъ былъ очень педантиченъ на экзаменахъ и грубъ въ обращеніи со студентами, которыхъ онъ третировалъ совершенно, какъ школьниковъ. Все это, конечно, не могло располагать къ нему студентовъ, весьма неохотно посѣщавшихъ его лекціи.—Въ концѣ сентября или въ началѣ октября 1871 г. Богишичъ, на одной изъ своихъ лекцій, позволилъ себѣ крайне-грубую, безтактно-дерзкую выходку по отношенію къ студенту Бэру. Товарищи вознегодовали и рѣшили потребовать удаленія Богишича.

Самъ по себѣ Бэръ принадлежалъ къ самымъ зауряднымъ студентамъ, ничѣмъ кромѣ лекцій онъ не интересовался и даже слабо реагировалъ на нанесенное ему Богишичемъ оскорбленіе. Но студенчество, и главнымъ образомъ кружокъ III—го (и прежде всего, и больше всего Желябовъ) рѣшили, что слѣдуетъ воспользоваться этимъ фактомъ для привлеченія обще-студенческаго вниманія къ его корпоративнымъ интересамъ. Желябовъ полагалъ, что исторіей этой слѣдуетъ воспользоваться для „крещенія Новороссійскаго студенчества“ и приобщенія его къ духу и интересамъ студенчества другихъ университетовъ,—и, въ этихъ видахъ, онъ полагалъ, что слѣдуетъ цѣною чего бы то ни было добиться удовлетворенія со стороны Богишича.—При всей своей надменности и при всемъ своемъ высокомѣрно-пренебрежительномъ отношеніи къ русскому студенчеству (неспособному-де оцѣнить его глубокой учености), Богишичъ, какъ мнѣ говорили, склонялся было (отчасти подъ вліяніемъ убѣжденій нѣкоторыхъ профессоровъ) къ подачѣ въ отставку, чтобы этимъ путемъ успокоить студентовъ; но высшая администрація полагала, что подобный благоразумный поступокъ вызвалъ бы умаленіе „престижа власти“ и потребовала отъ Богишича продолжать чтеніе лекцій. Результатомъ было то, чего и можно было ожидать: пошла сходка за сходкой какъ въ помѣщеніяхъ Университета, такъ и за его стѣнами. Волненіе съ каждымъ днемъ росло. Разыгралась „студенческая исторія“. Умѣренно-культурный кружокъ отнесся къ „исторіи“ отрицательно и въ этотъ моментъ совершенно стушевался. Заправилами движенія стали члены кружка III—го, а главнымъ, почти безсмѣннымъ ораторомъ на всѣхъ сборищахъ явился Желябовъ, агитаторская натура котораго впервые нашла себѣ болѣе или менѣе широкій просторъ. На сходкахъ по дѣлу Богишича Желябовъ положительно электризовалъ студентовъ своимъ пламеннымъ и страстнымъ краснорѣчіемъ...

Богишича освистали и заставили таки прекратить лекціи ¹⁾. Университетъ былъ закрытъ, и начался судъ надъ „зачинщиками“ и „главарями“ беспорядковъ. Въ число таковыхъ прежде всего попалъ, конечно, Желябовъ и вмѣстѣ съ нимъ еще студентъ

1) Онъ уѣхалъ временно изъ Одессы (22-го октября), но въ слѣдующемъ году вернулся и преспокойно продолжалъ лекціи, пока выслужилъ пенсію.

Бѣлкинѣ. Ихъ исключили изъ университета, а администрація, забравъ—по принятому обычаю—ихъ „бумаги“ изъ канцеляріи, рѣшила выслать ихъ „на родину“. Въ памяти моей съ полной яркостью (какъ будто это было лишь вчера) воскресаетъ сцена проводовъ этихъ двухъ „зачинщиковъ“ на пристань: толпа юношей въ нѣсколько сотъ человѣкъ хлынула туда и, снабжая уѣзжающихъ деньгами и вещами, сердечно-братски прощалась съ ними подъ напѣвомъ наиболѣе популярнаго въ то время пѣсеня. Но поднялась буря, отходъ парохода былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Полиція хотѣла препроводить Желябова и Бѣлкина на ночь въ участокъ, но провожавшая толпа запротестовала и потребовала выдачи ей обоихъ товарищей на поруки—подъ честное слово, что оба на другой день рано утромъ явятся на пароходъ. Полиція уступила, и устроилась импровизированная сходка-вечеринка. Сходка тянулась всю ночь, Желябовъ, стоя на столѣ, произносилъ рѣчь за рѣчью, смѣнясь партійка другими ораторами, въ числѣ которыхъ были, кажется, и Тригони. Тутъ же шла прощальная студенческая пирушка. На разсвѣтѣ я заснулъ, и когда проснулся, въ комнатѣ не было уже ни Желябова, ни Бѣлкина: строго соблюдая честное слово товарищей, они рано утромъ отправились на пароходъ, куда вскорѣ прибыли и всѣ участники послѣдней прощальной сходки. Прощаніе было трогательно-братское. Богитчевская исторія сослужила таки для Новороссійскаго студенчества роль „крещенія“... Раздался 3-й свистокъ, пароходъ отчалилъ, а съ нимъ и козлы отпущенія за наши обще-россійскія нестроенія.

Съ Желябовымъ я встрѣтился вновь года черезъ два...

6.

Въ той же кухмистерской судьба свела меня съ другой личностью, въ послѣдствіи сыгравшею видную роль въ русскомъ революціонномъ движеніи, въ лѣтописяхъ котораго имя этой личности отмѣчено, какъ имя одного изъ родоначальниковъ новаго направленія въ русской революціонной тактикѣ.

Я имѣю въ виду И. М. Ковальскаго.

Въ одинъ прекраснѣйшій день, явившись еще задолго до обѣда въ кухмистерскую, я засталъ тамъ совершенно новое для меня лицо.—На диванѣ первой комнаты сидѣлъ плотный юноша—широкій въ плечахъ, бѣдно одѣтый, въ широкомъ длинномъ сюртукѣ, съ чрезвычайно-угловатыми манерами; около него на полу лежала связка книгъ и небольшой узелокъ съ вещами. Я разговорился съ нимъ. Оказалось, что онъ не окончившій курсъ духовной семинаріи (кажется, каменецъ-подольской) и только наканунѣ прибылъ въ Одессу, крайне неудовлетворенный семинаріей и ощущая большую потребность пожить въ обществѣ студентовъ, сблизиться съ ними и заняться своимъ самообразованіемъ. Такъ какъ средства его были крайне ограниченны,—правильнѣе

говоря, такъ какъ у него таковыхъ совсѣмъ не было, то онъ рѣшилъ поселиться въ кухмистерской, т. е. спать здѣсь на свободномъ диванѣ и тутъ же кормится въ минимальныхъ размѣрахъ, располагая для этого 5—6 рублями въ мѣсяцъ. Все же имущество его заключалась въ лежавшей около него связкѣ книгъ и узелкѣ.

Съ тѣхъ поръ Ковальскій (это былъ именно онъ) въ продолженіи почти всего моего пребыванія въ Одессѣ (съ небольшимъ перерывомъ) не разставался съ кухмистерской; ему скоро поручили кассу, предоставивъ за это помѣщеніе и содержаніе. Онъ безотлучно находился въ кухмистерской, участвовалъ во всѣхъ сходкахъ и сборищахъ, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ спорахъ и преніяхъ. Въ этотъ періодъ знакомства моего съ нимъ, онъ мало еще чѣмъ выдавался изъ среды окружающихъ его и отнюдь не производилъ впечатлѣнія человѣка выдающагося ума и таланта.—Онъ немного заикался, говорилъ далеко не гладко, — меньше всего его можно было назвать ораторомъ. Но онъ былъ человѣкъ начитанный, досконально знавшій Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева и чрезвычайно интересовавшійся социальными и экономическими вопросами. Это былъ убѣжденный социалистъ и, если можно такъ выразиться, прирожденный демократъ съ головы до ногъ. Все „буржуазное“, „барское“, „чиновничье“ возмущало его и вызывало съ его стороны негодующе-презрительное отношеніе. Прямой, искренный, открытый и до крайности прямолинейный, Ковальскій вѣчно спорилъ и воевалъ со всѣми бюрократическими и подкладочниками (тогда они не составляли еще зауряднаго явленія), издѣваясь и насмѣхаясь надъ ихъ предразсудками и привычками. Къ культурно-просвѣтителскому кружку онъ относился отрицательно, не совсѣмъ также сходилъ съ кружкомъ III—го. Когда я и близко сошедшійся со мною студентъ Ж—кій (впоследствии промѣнявшій свой радикализмъ на прокурорскій мундиръ) устроили нѣчто вродѣ коммунальнаго общежитія, одинъ изъ первыхъ присоединился къ намъ Ковальскій, который чрезвычайно строго въ очередь исполнялъ всѣ свои обязанности (мыть полы, приготовлялъ чай, убиралъ и т. д.) и зло подтрунивалъ надо мной и дѣвушкой С—яно, которымъ отправленіе обязанностей по хозяйству не особенно легко давалось. Когда мы затѣяли устройство кружка, который путемъ рефератовъ по социальнымъ и экономическимъ вопросамъ, изучалъ бы социальное движеніе, Ковальскій одинъ изъ первыхъ на это откликнулся, сдѣлался усерднымъ членомъ этого кружка и принималъ самое дѣятельное участіе какъ въ составленіи рефератовъ, такъ и въ ихъ обсужденіи... Это былъ человѣкъ цѣльный, чуждый рефлексій и резонерства, врагъ компромиссовъ и сдѣлокъ съ совѣстью, но (по крайней мѣрѣ въ годы 1871—73, когда я его зналъ) безъ опредѣленнаго плана и программы, каковыя впрочемъ въ то время составляли удѣлъ очень и очень немногихъ, если не считать умѣренно-либеральныхъ круговъ...

Строго говоря, къ этому же періоду относится и первое знакомство мое (на территоріи той же кухмистерской) съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей, съ которыми сталкивала меня судьба—съ *Феликсомъ Вадимычемъ Волховскимъ*. Но такъ какъ съ этимъ выдающимся человѣкомъ мы шли рука объ руку очень долго и онъ явился, можно сказать, основателемъ перваго народническаго кружка въ Одессѣ, то предпочитаю повести о немъ рѣчь въ другой разъ.

С. Чудновскій.

Отголосокъ давнихъ дней.

(По поводу статьи М. Р. Попова: „Изъ моего революціоннаго
прошлаго“. Былое, Іюль, 1907 г.).

Въ апрѣлѣ этого года я зашелъ въ редакцію „Былого“. Узнавъ о моемъ приходѣ, одинъ изъ редакторовъ сейчасъ же повелъ меня въ свой кабинетъ и показалъ тамъ мнѣ недавно полученную рукопись М. Р. Попова.

Я тутъ же просмотрѣлъ конецъ рукописи и, признаюсь, былъ очень огорченъ. Одностороннее освѣщеніе фактовъ, касающихся меня, не было въ ней для меня неожиданнымъ. Михаилъ Родіоновичъ еще до того времени, когда тайное общество „Земля и Воля“ распалась на „Народную Волю“ и на „Черный Передѣлъ“, куда онъ ушелъ отъ насъ, былъ очень немилостивъ ко мнѣ. Въ концѣ статьи, которую показали мнѣ въ редакціи „Былого“, это давнишнее предубѣжденіе Михаила Родіоновича противъ меня (возникшее вѣроятно потому, что мы всегда находились въ различныхъ фракціяхъ), вдругъ проявилось очень рѣзко.

Статья его является историческимъ документомъ, и если факты въ ней не всѣ вѣрны, то *отношенія* выясняются очень хорошо.

Дѣйствительно, исторія должна изучать не только поступки, но и отношенія людей. Такъ, напримѣръ, мы не можемъ отрицать существованія у многихъ дѣятелей революціоннаго движенія губительной партіозности, или того, что въ ихъ среду время отъ времени попадаютъ люди неосторожные, даже прямо малодушные, предававшіе своихъ товарищей передъ лицомъ смерти. Конечъ статьи Михаила Родіоновича показался мнѣ очень цѣннымъ для историка взаимныхъ отношеній революціонныхъ дѣятелей 70-хъ годовъ именно потому, что въ ней лучше всего характеризуются его личныя отношенія, какъ одного изъ этихъ дѣятелей.

Фактическія же неточности въ ней настолько явны, что сами бросаются въ глаза.

Дѣйствительно, кромѣ меня здравствуетъ до сихъ поръ и другой основатель и первоначальный редакторъ „Земли и Воли“, К—ъ, отъ котораго можно узнать лучше, чѣмъ отъ кого другого, исторію основанія этого журнала. Да и я самъ какъ могъ оши-

биться въ томъ, съ какого времени я состоялъ тамъ редакторомъ? Составъ редакціи, какъ я и говорилъ въ своей статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“, два раза мѣнялся: сначала вслѣдствіе отъѣзда Кравчинскаго за-границу, а затѣмъ вслѣдствіе ареста К—а.

Каждый номеръ редактировался собраніемъ всѣхъ редакторовъ, на которое не допускалось никого изъ постороннихъ лицъ, (только партійныя деклараціи редактировались въ присутствіи всѣхъ наличныхъ членовъ „Земли и Воли“), а потому и недоразумѣнія, кто редакторъ, а кто нѣтъ, не могло быть. Вотъ кто редактировалъ „Землю и Волю“, номеръ за номеромъ:

№ 1.—Кравчинскій, К—ъ и я.

№ 2.—К—ъ, Плехановъ и я.

№ 3.—К—ъ, Плехановъ, Тихоміровъ и я.

№ 4.—Плехановъ, Тихоміровъ и я.

№ 5.—Плехановъ, Тихоміровъ и я.

Что же касается до „Листковъ Земли и Воли“, то они все время редактировались единолично мною.

Плехановъ вступилъ въ редакцію только съ № 2 по причинѣ уѣзда Кравчинскаго за-границу, а Тихоміровъ пріѣхалъ съ Кавказа уже къ 3-му номеру и, насколько я помню, присутствовалъ при его редактированіи. Это былъ единственный случай, когда въ редакціи насъ было сразу четыре человѣка.

Заявленіе же Михаила Родіоновича, что разговоры о необходимости издавать свободный безцензурный органъ были въ кружкѣ Натансона еще задолго до основанія нами „Земли и Воли“, не только не можетъ удивить кого либо изъ знающихъ исторію освободительной борьбы въ Россіи, но даже не представляетъ изъ себя ничего новаго. Объ этой необходимости всѣ говорили еще со времени декабристовъ и даже не разъ пытались осуществить такія изданія.

Что же касается до высказаннаго мною въ статьѣ „Возникновеніе Народной Воли“ ¹⁾, мнѣнія, что причиной распадѣнія „Земли и Воли“ были *идейныя разногласія*, а не „*недостатокъ товарищества*“ между прежними членами кружка Натансона и примкнувшими къ нему вмѣстѣ со мной и поглотившими его дѣятелями процесса 193-хъ“, (какъ это старались показать М. Ф. Фроленко и М. Р. Пововъ), то я и теперь остаюсь при своемъ старомъ мнѣніи. Причины были идейныя, а не личныя. Посмотрите только на названія двухъ фракцій, на которыя распалась „Земля и Воля“, и вы увидите ясно въ чемъ дѣло.

Первая часть этого названія „Земля“ превратилась въ „Черный Переделъ“, какъ видно изъ самаго смысла словъ, а вторая часть „Воля“ превратилась въ „Народную Волю“. Вы видите, что каждая изъ двухъ распавшихся частей своимъ именемъ хотѣла показать, что въ одной преобладающее значеніе приписывалось аграрнымъ вопросамъ, а въ другой -гражданской свободѣ. И это

¹⁾ „Былое“, декабрь, 1906.

совершенно согласно съ моими воспоминаніями, такъ какъ я былъ тамъ идейнымъ представителемъ второго теченія.

Михаилъ Родіоновичъ говоритъ, что нетерпимыя отношенія сторонниковъ преобладанія аграрныхъ вопросовъ къ новому теченію въ „Землѣ и Волѣ“ были лишь въ моемъ воображеніи, потому что я былъ въ моментъ распаденія „Земли и Воли“—еще „новичкомъ“. Но это невѣрно.

Подъ новичкомъ подразумѣвается обыкновенно совсѣмъ неопытный человѣкъ, а за мной во время вступленія въ нее были уже *три года* одиночнаго заключенія, приговоръ Сената къ тюремному заключенію, полгода эмиграціи въ Женевѣ, усиленные розыски полиціи въ Россіи и прошлая дѣятельность въ народѣ и революціонной литературѣ въ качествѣ члена кружка Чайковцевъ (т. е. Большого Общества пропаганды 70-хъ годовъ). Михаилъ же Родіоновичъ былъ въ это время еще студентомъ Медицинской Академіи, хотя и старше меня по возрасту.

Вступилъ я въ „Землю и Волю“ совсѣмъ не наканунѣ ея распаденія, а въ моментъ образованія изъ остатковъ (какъ говоритъ М. Ф. Фроленко) разгромленнаго въ то время „кружка Натансона“ и присоединившихся къ нему заключенныхъ по процессу 193-хъ, выброшенныхъ теперь на свободу.

Конечно, Михаилъ Родіоновичъ имѣетъ право назвать „кружокъ Натансона“ родоначальникомъ „Земли и Воли“, но назвать его „Землей и Волей“ значило бы впадать въ анахронизмъ. Я нарочно спрашивалъ многихъ дѣятелей конца 70-хъ годовъ, живущихъ теперь въ Петербургѣ, напримѣръ, В. И. Засуличъ и др.,—слыхали ли они названіе „Земля и Воля“ по отношенію къ кружку Натансона до выхода нашего журнала, и всѣ мнѣ говорили, что никогда не слыхали. Кружокъ этотъ часто въ шутку называли „троглодитами“, т. е. нечерными людьми за то, что они скрывали свои квартиры отъ всѣхъ постороннихъ, но „Землей и Волей“ до выхода нашего журнала называли только прежнее общество 60-хъ годовъ, сошедшее со сцены еще со времени Чернышевскаго и не имѣвшее съ нами никакой преемственной связи.

Но допустимъ даже, что я вступилъ въ уже готовое общество „Земля и Воля“. Былъ ли я въ немъ „новичкомъ“ въ моментъ его распаденія осенью 1879 года? Средній срокъ жизни членовъ революціонныхъ организацій отъ ихъ вступленія до гибели, не превышаетъ полугода, а я къ этому времени находился въ „Землѣ и Волѣ“ уже цѣлый годъ!

Въ какую глубь ни заходили бы корни этого тайнаго общества, не только со времени возникновенія журнала начинается та „Земля и Воля“, дѣятельность которой оставила прочныя слѣды въ исторіи освободительной борьбы. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть литературу того времени и судебные процессы. Значить весь блестящій періодъ дѣятельности „Земли и Воли“ я пробылъ въ ней членомъ центральной петербургской группы и редакторомъ журнала. И ко времени распаденія никакъ не могъ быть въ ней „новичкомъ“, какъ Михаилъ Родіоновичъ

нарочно повторяетъ нѣсколько разъ въ своей статьѣ, чтобъ запечатлѣть это слово въ головѣ читателя.

Точно также не могу я согласиться и съ тѣмъ мѣстомъ статьи Михаила Родіоновича, гдѣ онъ говоритъ, что отношенія сторонниковъ аграрной дѣятельности, перешедшихъ впослѣдствіи въ „Черный Передѣлъ“, къ сторонникамъ будущей „Народной Воли“ были вполне товарищескими. Зачѣмъ же иначе было и дѣлиться? Зачѣмъ перешли къ намъ въ „Народную Волю“ Александръ Михайловъ, Квятковский и нѣкоторые другіе изъ первоначальнаго кружка Натансона? Возьмемъ хоть біографію самого Михаила Родіоновича, написанную Сватиковымъ по его собственнымъ рассказамъ и во многихъ мѣстахъ, какъ видно по мелкимъ деталямъ, даже прямо списанную съ его автобіографическихъ замѣтокъ съ простой замѣной словъ я на слово *онъ*. Вѣдь и въ ней другими словами рассказано то же, что написалъ и я въ статьѣ „Возникновение Народной Воли“.

Вотъ какъ говоритъ тамъ Сватиковъ съ собственныхъ словъ Михаила Родіоновича о бурной сценѣ въ „Землѣ и Волѣ“ по поводу приготавливавшегося тогда Соловьевымъ покушенія на жизнь императора Александра II.

„Возмущенный анархическимъ заявленіемъ неизвѣстнаго (оказавшагося потомъ Соловьевымъ), неженавшаго считаться съ требованіями партійной дисциплины въ такомъ высоко важномъ вопросѣ, Поповъ заявилъ: „Г. г., если среди насъ возможны Каракозовы, то поручитесь ли вы, что завтра изъ среды нашей не явятся и Комиссаровы со своимъ намѣреніемъ (помѣшать этому поступку) не стѣсняясь тѣмъ, какъ отнесется къ его намѣренію наша организація?“ На это Квятковский съ меньшей запальчивостью отвѣтилъ по адресу Попова: „Если Комиссаровымъ будешь ты, то я и тебя застрѣлю!“¹⁾

Мои воспоминанія объ этой бурной сценѣ рисуютъ мнѣ ее еще въ несравненно болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ она осталась въ памяти Михаила Родіоновича. На слова Александра Михайлова, что покушеніе это дѣлается по личной инициативѣ извѣстнаго ему лица, и что общество „Земля и Воля“ можетъ только или помочь ему, или устраниваться отъ этого дѣла, одинъ изъ членовъ, ушедшихъ потомъ въ Черный Передѣлъ—Игнатовъ—воскликнулъ: „надо довести!“, а Михаилъ Родіоновичъ сказалъ вышеприведенную фразу несравненно въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ сообщилъ съ его словъ Сватиковъ.

Михаилъ Родіоновичъ старается показать въ своей статьѣ, что все это были только одни слова, не вредившія совмѣстной работѣ. Я съ этимъ не могу согласиться. Все это были глубокія идейныя разногласія, портившія въ послѣдніе дни „Земли и Воли“ много крови ея дѣятелямъ, и затѣмъ бросившія меня въ „Народную Волю“, а Михаила Родіоновича въ „Черный Передѣлъ.“ Эти идейныя

¹⁾ Галлерей Шлиссельбургскихъ Узниковъ подъ ред. Анненскаго, Богучарскаго, Семейскаго и Якубовича т. I стр. 160.

разногласія были настолько сильны, что не улеглись совсѣмъ у Михаила Родіоновича даже и во время нашего послѣдующаго заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, много лѣтъ послѣ гибели того и другого общества, да и теперь дають себя чувствовать въ неожиданномъ полемическомъ окончаніи его статьи „Изъ моего революціоннаго прошлаго“.

Еще разъ повторяю — для историка она очень интересна, но не съ точки зрѣнія вѣрности излагаемыхъ въ ней фактовъ, а для характеристики отношеній.

Николай Морозовъ.

Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.

(Продолженіе) ¹⁾.

Можно съ увѣренностью сказать, что за все время существованія полицейско-бюрократическаго режима въ Россіи не было для него столь рельефнаго, столь выпуклаго, если можно такъ выразиться момента, какъ начало 1904 года. Съ рѣдкою, бросающеюся въ глаза очевидностью для всѣхъ ясно было, что самодержавный строй изжилъ свой вѣкъ. Въ то же время никогда еще, какъ въ началѣ 1904 г., въ такомъ размѣрѣ не была представлена новая Россія: безсловная интеллигенція, «третій элементъ»,—и земскія силы. Эта новая Россія явилась въ началѣ 1904 года въ С.-Петербургѣ и, не взирая на ужасающій полицейскій гнетъ, объявила открытую войну старой Россіи, во всеуслышаніе заявивъ, что самодержавно-бюрократическій строй не долженъ болѣе существовать.

Эти заявленія сдѣланы были на двухъ сѣздахъ: на III-мъ сѣздѣ дѣятелей по техническому образованію и IX-мъ Пироговскомъ сѣздѣ.

Въ виду громаднаго значенія этихъ сѣздовъ для земскаго движенія, мы сообщимъ о нихъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія.

Первымъ изъ нихъ происходилъ III-й сѣздъ дѣятелей по техническому образованію.

Разрѣшивъ этотъ сѣздъ, правительство обтянуло его самой тонкою паутиною всевозможнѣйшихъ полицейскихъ формальностей, причемъ комитетъ сѣзда состоялъ исключительно изъ чиновниковъ, долженствовавшихъ направить дѣятельность сѣзда въ узкое бюрократическое русло.

Засѣданія сѣзда, по мысли правительства, должны были быть закрытыми, рѣчи ораторовъ—умѣренными, а постановленія не выходили бы изъ рамокъ ходатайствъ.

Но, какъ только въ С.-Петербургскій университетъ, гдѣ происходили засѣданія сѣзда, нахлынула трехтысячная масса, состоявшая, въ подавляющемъ числѣ, изъ оппозиціонной петербургской и провинціальной интеллигенціи, включая народныхъ учителей и земцевъ,—отъ

¹⁾ См. „Вѣстникъ“ апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь за 1907 годъ.

правительственной паутины въ одинъ мигъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Въ первый же день засѣданій руководящую роль на съѣздѣ заняла X-ая секція,—по образованію рабочихъ,—куда записалось болѣе 1000 членовъ. Секція эта, при громѣ аплодисментовъ всѣхъ участвовавшихъ, прежде всего *единогласно* постановила, что резолюціи свои она будетъ формулировать не какъ ходатайства предъ правительствомъ, а въ видѣ заявленій и пожеланій вообще. Затѣмъ, на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій эта же секція объявила свои засѣданія открытыми и устранила правительственнаго предсѣдателя. Сдѣлала она это, избравъ комиссію, куда вошли всѣ члены съѣзда, а комиссіи имѣли право сами избирать предсѣдателей. Такъ X-ая секція все время и работала, какъ комиссія, привлекая на свои засѣданія громаднѣйшее количество публики. Администрація съѣзда ничего не могла подѣлать съ этою секціею, засѣданія которой, въ сущности говоря, представляли собою политическіе митинги, на которыхъ, какъ ниже увидимъ, совершенно открыто и рѣзко осуждался самодержавный режимъ.

Устроивъ собственныя дѣла, X-ая секція постаралась на свой ладъ направить и весь съѣздъ, чего вскорѣ и достигла путемъ единенія съ представителями другихъ секцій. Это единеніе происходило въ извѣстномъ трактирѣ «Малый Ярославецъ», во время организованныхъ тамъ обѣдовъ и ужиновъ. Здѣсь ежедневно дѣлались доклады о дѣятельности всѣхъ секцій, и, если въ какой либо изъ нихъ замѣчалось реакціонное теченіе, X-ая секція посылала туда своихъ членовъ. Последніе легко достигали преслѣдуемыхъ ими цѣлей, такъ какъ, въ общемъ, реакціонное направленіе во всѣхъ секціяхъ проскакивало совершенно случайно и рѣшительно нигдѣ не было господствующимъ. Въ короткій промежутокъ времени уже весь съѣздъ работалъ въ одномъ, чисто демократическомъ направленіи.

Въ X-й секціи, между прочимъ, приняты были такого рода резолюціи—признать необходимымъ: 1) уничтоженіе всѣхъ ограничительныхъ условій, тяготящихся надъ частной инициативой въ дѣлѣ народнаго образованія, 2) всеобщее обученіе, 3) свобода слова, печати, собраній и союзовъ, 4) восьмичасовой рабочей день, 5) отмена религіозныхъ и національных ограниченій и т. п. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что приведенныя резолюціи были много умѣреннѣе предшествовавшихъ имъ рѣчей и преній, въ которыхъ буквально громился существующій порядокъ, прямо указывалось на необходимость другого, парламентарнаго режима.

Подобныя X-ой, прошли резолюціи и въ другихъ секціяхъ. Въ I-й, напримѣръ, секціи (высшаго образованія) заявлено было о необходимости уничтоженія черты еврейской осѣдлости и уничтоженія вѣроисповѣдныхъ и національных ограниченій, въ VII—(ремесленныя училища) требовалось введеніе 8-ми часового рабочаго дня, права организациі рабочихъ союзовъ и т. д. Съѣздъ долженъ былъ закончиться 6-го января, но правительство прекратило его дѣятельность ночью 5-го января. Этому предшествовала совершенно неожиданная крупная демонстрація.

Изъ Кишинева на съѣздъ явились два активные участника ужаснаго еврейскаго погрома въ 1903 году и записались въ VII-ую секцію.

Это были два пріятеля, нѣкіе Степановъ и Пронинъ ¹⁾. Узнавъ объ этомъ члены названной секціи сначала подвергли допросу погромщиковъ. Послѣ допроса Степановъ исчезъ, но 5-го января вдругъ опять появился, и вотъ VII-ая секція рѣшила изгнать его. Узнавъ объ этомъ, погромщикъ скрылся въ бюро съѣзда. За нимъ направились и члены VII-ой секціи. Секретарь съѣзда, г. Альмедингенъ, заперъ Степанова въ отдѣльную комнату, а членамъ секціи далъ слово, что и Степановъ, и Пронинъ немедленно будутъ исключены изъ членовъ съѣзда, но просилъ при этомъ дать спокойно уйти Степанову изъ зданія университета. Но когда послѣдній появился въ корридоръ, раздались свистъ, шиканье и крикъ: «вонъ—убійца»!

И громадная толпа двинулась по корридору университета за бѣжавшимъ почти Степановымъ.

Вышедши изъ университета, онъ отправился непосредственно къ Плеве, который и воспользовался этимъ инцидентомъ, чтобы закрыть съѣздъ и тѣмъ выразить свое негодованіе на X-ую секцію, въ лицѣ видныхъ ея представителей, совершенно, къ слову сказать, не принимавшихъ участія въ изгнаніи Степанова.

Я утверждаю это, потому что лично присутствовалъ въ этотъ моментъ въ X-ой секціи. Если мнѣ не отказываетъ память, то въ этотъ моментъ биткомъ набитый публикой актовъ залъ университета, гдѣ происходили засѣданія названной секціи, со вниманіемъ слушалъ докладъ извѣстнаго писателя Н. А. Рубакина о цензурѣ. Вдругъ, послышались шумъ, свистъ и крики.—Что это такое?—обратился ко мнѣ съ вопросомъ бывшій не подалеку отъ меня нервный Г. А. Фальборкъ.—Не знаю,—отвѣтилъ я. Въ это время всѣ присутствовавшіе поднялись со своихъ мѣстъ и тѣ, которые ближе были къ дверямъ, хотѣли выйти въ корридоръ, но въ немъ была такая тѣснота, что проникнуть туда не было возможности, но все же удалось узнать, въ чемъ дѣло. Тогда предсѣдательствовавшій въ засѣданіи X-ой секціи В. И. Чарнолуцкий всталъ и сказалъ приблизительно слѣдующее: «успокойтесь господа! это происходитъ изгнаніе тѣхъ, чьи руки запачканы въ крови невинныхъ жертвъ кишиневского по-

¹⁾ Вотъ что, между прочимъ, говорить въ своихъ „Запискахъ“ о Пронинѣ бывшій бессарабскій губернаторъ и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ кн. С. Д. Урусовъ, на котораго мы уже ссылались: „Бойкій выходецъ изъ Орла, Пронинъ быстро нажился въ Кишиневѣ, на счетъ молдаванской темноты и бессарабской нерасчетливости... Дальнѣйшему росту его богатства положили, однако, предѣлы евреи... Выступая въ двойной роли—защитника православнаго люда отъ евреевъ, съ одной стороны, и русскаго чловека—щита самодержавія, съ другой,—Пронинъ имѣлъ какія-то связи и съ Петербургомъ, и съ мѣстными охраннымъ отдѣленіемъ. Встрѣтивъ во мнѣ чловека, предубѣжденнаго противъ его прошлой дѣятельности, и тяготясь высказываемымъ мною пренебреженіемъ къ его запискиваніямъ, Пронинъ не разъ пытался намекать мнѣ на нѣкоторую близость свою къ министру внутреннихъ дѣлъ, рассказывая о своихъ разговорахъ съ Плеве, о томъ, какъ министръ принималъ его наединѣ и подолгу съ нимъ разговаривалъ... Великимъ постомъ (1903 г.) я сталъ получать допесенія о томъ, что Пронинъ усердно агитируетъ среди рабочаго люда Кишинева...“ Въ концѣ концовъ кн. Урусовъ выслать Пронина изъ Кишинева за самую гнусную, ни предъ чѣмъ не останавливающую пропаганду избиенія евреевъ (стр. 92—96). Въ одномъ мѣстѣ бывшій бессарабскій губернаторъ прямо говоритъ, что „Пронинъ и Крушеванъ сыграли очень значительную роль въ погромномъ движеніи 1903—1905 года“.

грома». Публика тотчасъ же заняла свои мѣста и продолжала слушать прерванный докладъ.

Такимъ образомъ, X-ая секція не участвовала въ изгнаніи Степанова и, что важно, Фальборкъ и Чарнолусскій не выходили даже въ корридоръ.

А между тѣмъ они, особенно Г. А. Фальборкъ, явились одними изъ первыхъ, надъ которыми разразилась правительственная гроза. И это обстоятельство доказываетъ, что Плеве срывалъ свою злобу надъ названными лицами за всю ихъ предшествующую дѣятельность и за роль, которую они играли на сѣздѣ вообще. Дѣйствительно. Г. А. Фальборкъ и В. И. Чарнолусскій, въ качествѣ членовъ Вольнаго Экономическаго Общества, занимали весьма видное мѣсто въ общественномъ и, особенно, — земскомъ движеніи. Они долгое время стояли во главѣ знаменитаго С.-Петербургскаго Комитета Грамотности до его закрытія, и въ этотъ періодъ оказали большія услуги земскому дѣлу вообще и особенно въ дѣлѣ народнаго образованія. И послѣ закрытія Комитета и самого Вольно-Экономическаго Общества эти два лица, какъ мы говорили, продолжали свою работу въ прежнемъ направленіи, игнорируя правительственныя мѣропріятія. Плеве давно уже искалъ случая «избавиться» отъ Фальборка и Чарнолусскаго, пріобрѣвшихъ популярность во всей Россіи, и сѣздъ, на которомъ они играли такую выдающуюся роль, особенно въ крамольной X-ой секціи, явился лишь предлогомъ, чтобы «сплавить» названныхъ дѣятелей. Г. А. Фальборкъ былъ арестованъ еще въ ночь съ 5 на 6 января, когда университетъ былъ оцѣпленъ полиціей ¹⁾ и сѣздъ закрытъ, а 6-го января были арестованы: В. И. Чарнолусскій, присяжные повѣренные: П. Н. Переверзевъ и А. Н. Кремлевъ и литераторъ Ю. Н. Лавриновичъ. Явилась полиція и къ Н. А. Рубакину, но не тронула его, такъ какъ застала больнымъ. Черезъ недѣлю, Г. А. Фальборкъ уже высланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Иркутскъ, П. Н. Переверзевъ отправился на 3 года въ Архангельскую губернію. Высланъ былъ туда же и В. И. Чарнолусскій.

Намъ нужно сказать еще нѣсколько словъ о причинахъ закрытія техническаго сѣзда, но предварительно сообщимъ свѣдѣнія о сѣздѣ Пироговскомъ.

Онъ начался тотчасъ по закрытіи перваго, такъ что члены Техническаго Сѣзда, оставляя Петербургъ, успѣли уже поужинать совмѣстно съ представителями Пироговскаго сѣзда, обмѣняться мыслями, сообщить о дѣятельности техническаго сѣзда и передать пироговцамъ лозунги. Но въ послѣднемъ Пироговскій Сѣздъ не нуждался: настроеніе его было, пожалуй, оппозиціоннѣе Техническаго. Свои засѣданія онъ началъ тѣмъ, чѣмъ и Технической Сѣздъ, заявивъ, такимъ образомъ, свою солидарность съ послѣднимъ. На пер-

¹⁾ Никто изъ членовъ Сѣзда не предвидѣлъ такого быстрого закрытія Сѣзда, и утромъ 6-го января всѣ отправились въ университетъ. Но оказалось, что въ послѣднемъ всѣ входы заперты, такъ что членамъ сѣзда не разрѣшено было даже взять оставленные въ университетѣ матеріалы: собственныя записныя книжки, дневники Сѣзда, доклады. Все это забрано было полиціей при обыскѣ и не возвращено до сихъ поръ.

вомъ же засѣданіи была принята такая резолюція: «имѣя въ виду, что громадное большинство ходатайствъ пироговскихъ съѣздовъ передъ правительствомъ оставалось безъ удовлетворенія или было совершенно игнорировано, а также въ виду того, что необходимость облегчить рѣшеніе Съѣзда въ форму ходатайствъ стѣсняетъ свободу резолюцій—воздержаться отъ возбужденія ходатайствъ передъ правительствомъ на будущее время и формулировать всѣ свои постановленія, указывая лишь, что необходимо или желательно и что должно быть устранено». Официальный предсѣдатель на этомъ засѣданіи, г. Сахаровъ, основательно опасаясь «послѣдствій» для себя, сдѣлалъ такого рода приписку подъ резолюціей: «означенное постановленіе состоялось, благодаря настойчивому требованію большинства собранія и вопреки неоднократному моему заявленію о неудобствѣ такого постановленія».

Мѣсто не позволяетъ намъ сообщать подробности о IX Пировскомъ Съѣздѣ, а потому ограничимся нѣкоторыми резолюціями, какъ нельзя лучше характеризующими его настроеніе и направленіе.

По вопросу объ алкоголизмѣ секція душевныхъ и нервныхъ болѣзней, соединенная съ секціей общественной медицины, высказалась, между прочимъ, такъ: «правильная и цѣлесообразная борьба съ алкоголизмомъ, представляющимъ въ Россіи социальное зло огромной важности, возможна только при полномъ обезпеченіи свободы личности, слова, печати и собраній, какъ условій, при которыхъ только и возможно широкое распространеніе среди населенія свѣдѣній о вредѣ алкоголизма».

Соединенныя секціи общественной медицины, внутреннихъ болѣзней и туберкулеза сдѣлали такого рода постановленіе: «правильная и цѣлесообразная борьба съ дѣтской смертностью, алкоголизмомъ, туберкулезомъ, сифилисомъ и другими народными болѣзнями, представляющими въ Россіи общественное бѣдствіе огромной важности, возможна только при условіяхъ, обезпечивающихъ широкое распространеніе свѣдѣній объ истинныхъ причинахъ ихъ развитія и способахъ борьбы съ ними, для чего необходима: полная свобода личности, слова, печати и собраній». Въ соединенномъ засѣданіи секцій общественной медицины, гігіены, статистики и дѣтскихъ болѣзней принята была слѣдующая резолюція: «исходя изъ того, что главною причиною необыкновенно высокихъ размѣровъ дѣтской смертности въ Россіи является матеріальная необезпеченность и недостаточное умственное развитіе населенія, Съѣздъ высказываетъ глубокое убѣжденіе, что успѣшная борьба съ этимъ зломъ возможна только на почвѣ широкихъ социальныхъ реформъ. Борьба съ дѣтскою смертностью такъ же, какъ и съ другими недугами, можетъ быть успѣшна только съ устраненіемъ препятствій, тормозящихъ дѣятельность земствъ и другихъ общественныхъ учреждений, какъ и народную самостоятельность вообще». Секція общественной медицины, кромѣ того, постановила: «признавая, что распространеніе въ народѣ всѣхъ вообще знаній, а въ томъ числѣ и медико-гігигическихъ, является однимъ изъ краеугольныхъ камней народнаго просвѣщенія и здравоохраненія, секція полагаетъ, что дальнѣйшее развитіе этого дѣла рѣшительно невозможно при существующемъ режимѣ: поэтому она считаетъ настоя-

тельно необходимымъ: а) чтобъ всѣ ограничительныя постановленія, въ корнѣ убивающія свободу распространенія въ народѣ какъ печатнаго, такъ и устнаго слова, были отмѣнены, б) въ цѣляхъ освобожденія этого животворнаго дѣла отъ тисковъ административнаго произвола, настоятельно необходимо, чтобы всѣ просвѣтительныя начинанія мѣстныхъ союзовъ осуществлялись явочнымъ порядкомъ, а право административнаго вмѣшательства въ ихъ жизнь было бы ограничено лишь преслѣдованіемъ судомъ въ случаяхъ какихъ-либо явныхъ правонарушеній. Затѣмъ, наконецъ, въ другихъ секціяхъ были выставлены требованія: 1) отмѣны черты еврейской оскѣдлости и равноправія всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, 2) распространенія на всю Россію земскихъ учрежденій съ широкимъ представительствомъ отъ всѣхъ слоевъ русскаго населенія, 3) реформы городского самоуправления на тѣхъ же началахъ, 4) учрежденія мелкой земской единицы, 5) уравнианія крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями, уничтоженія сословной исключительности вообще и установленія въ деревнѣ прочнаго правового порядка, 6) охраненія и развитія трудовыхъ силъ трудящагося населенія, помощью увеличенія благосостоянія послѣдняго и организациі само- и взаимопомощи и кооперациі, 7) широкаго общественнаго контроля надъ условіями производства, при полноправномъ участіи рабочихъ, упорядоченія фабричнаго законодательства также при участіи рабочихъ, нормированія рабочаго дня до 8 часовъ и допущенія рабочихъ организацій и союзовъ, 8) обезпеченія рабочихъ врачебной помощью, 9) обязательнаго страхованія рабочихъ, 10) отмѣны тѣлесныхъ наказаній ¹⁾).

Словомъ, если изложить всѣ резолюціи, принятія Техническимъ и Пироговскимъ съѣздами 1904 г., участниками которыхъ были земцы, «третій элементъ» земства и всероссійская сословная интеллигенція, то получатся почти всѣ тѣ требованія, которыя выставлены въ программѣ «Союза Освобожденія» и которыя впоследствии, начиная съ второй половины 1904 года и дальше, въ теченіи всего 1905 года, громогласно и болѣе рѣзко высказывались на всѣхъ банкетахъ и митингахъ.

Два названные съѣзда еще, конечно, не были революціею, но они, несомнѣнно, предсказывали ее, особенно если мы добавимъ здѣсь, что, помимо открытыхъ заявленій на съѣздахъ, члены послѣднихъ въ громадномъ числѣ устраивали частныя засѣданія, ничѣмъ не отличавшіяся отъ устраиваемыхъ впоследствии банкетовъ и митинговъ.

Въ періодъ, напримѣръ, засѣданія технического съѣзда была организована встрѣча новаго, 1904 года въ трехъ мѣстахъ, при участіи отъ 400 до 700 лицъ.

И здѣсь уже прямо кричали: «долгой самодержавіе!» «да здравствуетъ политическая свобода!» Тутъ шли рѣчи и о свободѣ стачекъ, и о принудительномъ отчужденіи земли и т. д.

¹⁾ Дополнимъ, что Съѣздъ послалъ привѣтственные телеграммы: бывшему извѣстному профессору московскаго университета Ф. Ф. Эрпману, который въ 1896 г. вынужденъ былъ оставить Россію, земскому дѣятелю и врачу С. В. Мартынову, который, какъ мы знаемъ, сосланъ былъ въ Архангельскую губ., и саратовскому земскому дѣятелю и врачу В. Д. Ченныкаеву, сосланному въ Вологодскую губ.

Технический и пироговский съезды, стянувшие въ Петербургъ земскія и интеллигентныя силы со всей Россіи, конечно, выражали настроеніе интеллигенціи.

Предсѣдатель VII секціи технического съезда, г. Исаковъ, въ засѣданіи комитета, послѣ закрытія съезда, совершенно основательно сказалъ: «Господа, мы знаемъ правду о съѣздѣ, но почему-то умалчиваемъ о ней. Я думаю, что пора сказать ее. Дѣло въ томъ, что съездъ собранъ былъ въ періодъ чрезвычайно высокаго подъема общественной температуры. Мы всѣ знали, что повсюду въ Россіи растетъ недовольство существующими порядками, что это недовольство проявляется въ самомъ широкомъ общественномъ движеніи. Понятно, что съездъ неизбежно долженъ былъ отразить подъемъ, который замѣчался во всей Россіи... Я предлагаю указать въ запискѣ министру на то, что съездъ прошелъ такъ оживленно и потому въ немъ замѣчалась горячая атмосфера, что онъ отразилъ состояніе умовъ въ Россіи» ¹⁾.

Затѣмъ, извѣстный земскій врачъ Д. Н. Жбанковъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей всѣхъ пироговскихъ съездовъ, о которомъ мы не разъ уже упоминали, о IX пироговскомъ и III-мъ техническомъ съездахъ, въ статьѣ своей «Прошлое и будущее пироговскаго общества», ²⁾ между прочимъ, говоритъ: «III-й техническій и IX-й пироговскій съезды впервые въ Россіи, при огромномъ стеченіи членовъ и публики, открыто и во всеуслышаніе заявили о томъ, что такъ дальше жить нельзя, необходимы свободы и социальныя реформы» ³⁾.

Какъ же смотрѣло на съездъ правительство? Поняло ли оно, при посредствѣ съездовъ, что это первые удары грома революціи? Приняло ли оно мѣры, чтобы хотя изучить это явленіе, сдѣлать всесторонній анализъ его? Ничуть не бывало! Оно было глухо и слѣпо. Такое состояніе правительства очень рельефно выразилось въ словахъ officialнаго предсѣдателя VI секціи, который на приведенную рѣчь г. Исакова отвѣтилъ: ...«Я никакой общественной температуры не знаю, а если она есть, то почему же разрѣшали при такихъ обстоятельствахъ съездъ?» Это, можно сказать, золотыя слова! Въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразился во весь ростъ полицейско-бюрократическій режимъ: «не разрѣшили бы съездовъ—и ничего бы не было»... Дѣло, значитъ, не въ условіяхъ жизни всей страны, не въ настроеніи населенія, а въ *самыхъ* съездахъ. Слѣдовательно, надо лишь потушить этотъ *лиственный* пожаръ,—съезды. Плеве такъ и поступилъ. Онъ, какъ мы знаемъ, закрылъ техническій съездъ, разослалъ пер-

¹⁾ Директоръ С. Петербургскаго Технологическаго Института г. Зерновъ доказывалъ, что министру народнаго просвѣщенія слѣдуетъ просто заявить, что „не было рѣшительно никакихъ поводовъ къ полицейскому вмѣшательству въ дѣла съезда“. Съ нимъ согласился и Исаковъ.

²⁾ „Журн. Об-ва русск. врач. въ память Пирогова“, № 5, 1906 г.

³⁾ Слѣдуетъ добавить, что резолюціи пироговскаго съезда не были допущены къ заслушанію въ день заключительнаго торжественнаго собранія. Правительство не нашло другого способа сократитъ постановленій пироговскаго съезда, какъ приславъ въ залъ засѣданія... духовой оркестръ! Какъ только скороговоркою представитель правительства заявилъ, что нельзя огласить резолюцій, тогчасъ грянулъ военный оркестръ, чтобы заглушить рѣчи...

выхъ попавшихся ему на глаза виновниковъ, а относительно пирового сѣзда назначено было жандармское дознаніе и произведенъ былъ обыскъ у земскаго врача Дорфа. А дальше, продолжая безумныя репрессіи, правительство, всего черезъ двѣ недѣли послѣ сѣздовъ, для поднятія патріотизма, затѣяло войну съ Японіей, что было равносильно гибели самодержавнаго бюрократическаго строя.

Но объ этомъ ниже, а сейчасъ возвратимся немного назадъ.

Во время техническаго сѣзда состоялся и сѣздъ «Освобожденцевъ» для окончательной организаціи «Союза Освобожденія». Этотъ сѣздъ заложилъ прочныя основы для дальнѣйшаго существованія Союза ¹⁾.

Засѣданій освобожденскаго сѣзда состоялось 3. Они сопровождались весьма горячими преніями, но въ концѣ концовъ программа «Союза Освобожденія» была утверждена; на послѣднемъ засѣданіи тайнымъ голосованіемъ былъ избранъ Совѣтъ Союза, составъ котораго не былъ оглашенъ и, согласно общему желанію, онъ остался извѣстенъ только тѣмъ лицамъ, которыя дѣлали подсчетъ тайному, по запискамъ, голосованію. Организованъ Союзъ былъ въ общемъ на тѣхъ же началахъ, которыя выработаны были на харьковскомъ сѣздѣ, о чемъ мы уже говорили, при чемъ установленъ былъ подходящий прогрессивный налогъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ 1904 года въ Петербургѣ образована была замѣчательная, единственная въ своемъ родѣ тайная организація, объединившая всѣ оппозиціонныя силы населенія, направленные къ одной цѣли: уничтоженію самодержавія и замѣнѣ его демократической конституціей. Эта организація сыграла громадную роль въ освободительномъ движеніи вообще и въ земскомъ въ частности.

Участники этихъ совѣщаній, какъ учредители «Союза Освобожденія», должны были въ назначенныхъ имъ районахъ приводить въ исполненіе уставъ «Союза».

Но, какъ мы уже говорили, земская Россія была совершенно готова къ осуществленію такого плана, такъ что очень скоро организація «Союза» была проведена въ цѣломъ рядѣ губерній. Трудно это было сдѣлать для неземскихъ губерній и для окраинъ. Однако, давно уже практиковавшееся земцами представительство, приглашенія на сѣзды и совѣщанія лицъ изъ разныхъ мѣстностей, помогло довольно быстрому распространенію организаціи «союза» и не въ земскихъ губерніяхъ, до Сибири включительно ²⁾.

Въ то же время правительство все повышало и повышало свою разрушительную дѣятельность и, по прежнему, какъ нельзя болѣе способствовало мобилизаціи общественныхъ силъ.

¹⁾ Не заручившись согласіемъ, не сообщаемъ фамилій участниковъ этихъ тайныхъ засѣданій Сѣзда, какъ не называемъ и помѣщеній, гдѣ они происходили. Скажемъ только, что правительство не знало ничего объ этихъ засѣданіяхъ.

²⁾ Этому способствовали также ближайшія земскія губерніи. Такъ, напримѣръ, Харьковъ, являвшійся областнымъ пунктомъ для губерній: Курской, Полтавской, Воронежской, Таврической, — а нѣкоторое время для Черниговской, Кіевской и Херсонской, — въ то же время распространялъ свои дѣйствія, по «Союзу Освобожденія», на неземскую Донецкую область и на весь Кавказъ. Саратовъ могъ обслуживать, напримѣръ, Астраханскую губ., Вологда — Архангельскую и т. д.

По отношенію къ земствамъ Плеве въ самомъ началѣ 1904 г. открыто повелѣ боевую атаку.

Дѣло началось съ разгрома тверского земства. Уже 8-го января 1904 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное правительствующему сенату министромъ внутреннихъ дѣлъ, о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.

Министръ внутреннихъ дѣлъ входилъ къ Его Императорскому Величеству съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ полагалъ: 1) предоставить ему, министру, назначить на текущее трехлѣтіе председателей и членовъ тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ безъ производства предусматриваемыхъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ вторичныхъ на эти должности выборовъ, отмѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагающіяся чрезвычайныя тверское губернское и новоторжское уѣздное земскія собранія; 2) сохранить на 1904 годъ дѣйствіе тверской губернской смѣты и раскладки предшествовавшего года съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ необходимости измѣненія или дополненія оныхъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ испрашивалось Высочайшее на сіе соизволеніе въ порядкѣ, установленномъ 94-й статьей положенія о земскихъ учрежденіяхъ; 3) подлежащія разсмотрѣнію чрезвычайныхъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣздныхъ земскихъ собраній текущія дѣла разрѣшить въ порядкѣ, указанномъ въ 95 й статьѣ того же положенія; 4) предоставить министру внутреннихъ дѣлъ воспрепятствовать пребыванію въ предѣлахъ тверской губерніи или отдѣльныхъ ея мѣстностей лицамъ, вредно вліяющимъ на ходъ земскаго управленія; 5) Предоставить тверскому губернатору устранять отъ службы по земству вредныхъ для общественнаго порядка и спокойствія лицъ, состоящихъ на оной, по приглашенію или назначенію земскихъ управъ и ихъ председателей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ этомъ государь написалъ «согласенъ».

Затѣмъ слѣдовало объясненіе причинъ, вызвавшихъ эти репрессіи со стороны Плеве. Въ объясненіи говорилось нижеслѣдующее:

Дѣятельность земскихъ учрежденій Тверской губерніи давно уже обращаетъ на себя вниманіе направленіемъ, не соответствующимъ требованіямъ государственнаго порядка. Объ отдѣльныхъ, особенно рѣзкихъ проявленіяхъ этого направленія неоднократно доводимо было до Высочайшаго свѣдѣнія, и къ устраненію ихъ, по особымъ Монаршимъ указаніямъ, принимались необходимыя мѣры. Внося временное отрезвленіе въ среду земскихъ дѣятелей, эти мѣры не могли, однако, направить земство на правильный путь. За послѣдніе годы вредное настроеніе тверского губернскаго земства еще болѣе усугубилось, выражаясь, между прочимъ, въ неумѣстныхъ сужденіяхъ на земскихъ собраніяхъ, бесплодно волновавшихъ умы, и въ постоянномъ стремленіи, хотя бы съ явнымъ ущербомъ для дѣла, идти на перекоръ мѣстной власти. Наряду съ симъ въ Тверской губерніи обнаружилось отступленіе отъ закона въ самомъ устройствѣ земскихъ учреждений. Въ составѣ ихъ постепенно возникали не предусмотрѣнные закономъ самостоятельныя учрежденія, въ видѣ особыхъ комиссій и совѣтовъ,

состоящихъ въ значительной части изъ лицъ, служащихъ по вольному найму. Такія комиссіи и совѣты учреждались какъ бы въ помощь земскимъ управамъ, но съ теченіемъ времени въ ихъ рукахъ сосредоточилось непосредственное завѣдываніе отдѣльными отраслями земскаго хозяйства и, такимъ образомъ, дѣйствительная власть въ направленіи земскихъ дѣлъ мало-по-малу перешла къ лицамъ, служащимъ въ земствѣ по найму и ничѣмъ съ данной мѣстностью не связаннымъ.

Въ то же время среди этихъ лицъ обнаружилось стремленіе сплотиться въ своего рода сообщество и допускать въ него, по собственному выбору и указанію, лишь людей съ ними единомышленныхъ. Отмѣченное явленіе и связанныя съ нимъ нежелательныя послѣдствія сказались съ особою силою въ дѣятельности земства по народному образованію. Учебное вѣдомство неоднократно сообщало министру внутреннихъ дѣлъ, что въ земствахъ Тверской губерніи возникали при управѣ особые совѣты съ участіемъ въ нихъ народныхъ учителей и учительницъ, затрудняющіе правительственный въ этой области надзоръ учебнаго начальства. Такъ, при новоторжской уѣздной земской управѣ, согласно желанію собранія учителей народныхъ училищъ, образованъ въ 1903 году съ участіемъ ихъ комитетъ, дѣятельность коего началась немедленно же мѣрами, направленными къ устраненію учителей, неугодныхъ большинству комитета. Заявленіе учебнаго начальства о неправильномъ отношеніи новоторжскаго уѣзднаго земства къ дѣлу народнаго образованія въ полной мѣрѣ подтвердилось обзорѣмъ дѣятельности земскихъ учреждений Тверской губерніи, по Высочайшему повелѣнію, произведеннымъ гофмейстеромъ Штюрмеромъ въ концѣ 1903 года, а также свѣдѣніями, поступавшими въ департаментъ полиціи.

При этомъ выяснилось, что перемѣщеніе исполнительной, а отчасти и распорядительной власти изъ вѣдѣнія управъ въ вѣдѣніе установленій, состоящихъ изъ наемныхъ лицъ, и возрастающее ихъ вліяніе на ходъ земскихъ дѣлъ и въ частности на замѣщеніе должностей привели къ проникновенію въ среду земскихъ служащихъ Тверской губерніи значительнаго количества лицъ неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Въ этомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ составъ народныхъ учителей, несмотря на то, что инспекторомъ народныхъ училищъ не были допущены къ назначенію до 40% предположенныхъ состоящимъ при управѣ комитетомъ кандидатовъ на должности учителей земскихъ школъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого преобладанія подобныхъ лицъ въ названномъ уѣздѣ явилось стремленіе обратить школьное преподаваніе въ орудіе пропаганды не только противъ существующаго государственнаго строя, но и противъ религіи. При чтеніяхъ по естествовѣдѣнію развивали мысль, что нѣтъ Божества и что въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы и т. п. Между прочимъ, на квартирѣ одного изъ народныхъ учителей Новоторжскаго уѣзда найденъ складъ революціонныхъ изданій, при чемъ выяснено, что эти изданія распространялись народными учителями среди учениковъ и черезъ посредство ихъ и въ средѣ взрослого населенія. Обнаружено, что учителя читали уче-

никамъ литературныя произведенія, разсчитанныя на возбужденіе умовъ противъ правительства и церкви, а чтеніе произведеній, дозволенныхъ къ обращенію въ школахъ, сопровождалось объясненіями, направленными къ утвержденію въ умахъ слушателей противогосударственныхъ воззрѣній и къ колебанію началъ вѣры и нравственности; напримѣръ, чтеніе «Капитанской дочки» Пушкина сопровождалось туманными картинами, изображавшими повѣшеніе дворянъ мятежною чернью и соотвѣтственными поясненіями. Насколько настойчиво проводилось подобное тлетворное направленіе преподавателей, видно изъ того, что во многихъ учебныхъ тетрадяхъ учениковъ народныхъ училищъ, въ изложеніи прочитаннаго ими на урокахъ, усмотрѣны возмутительныя и дерзко-кощунственныя сужденія о церкви и духовенствѣ. При такомъ положеніи школьнаго дѣла въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тверской губернии знаменательнымъ представляется постановленіе губернскаго земскаго собранія минувшаго года по школьному вопросу въ Тверскомъ уѣздѣ. Войдя безъ особыхъ къ тому основаній въ обсужденіе ходатайства тверского уѣзднаго земства о передачѣ земскихъ школъ духовному вѣдомству, губернское земское собраніе постановило принять по отношенію къ названному земству цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, а именно—закрыть уѣзду, со времени передачи школъ духовенству, кредитъ на медикаменты и учебныя пособія, потребовать немедленнаго возвращенія всѣхъ ссудъ, выданныхъ ему изъ школьно-строительнаго капитала и т. д., при чемъ, какъ значится въ утвержденномъ собраніемъ докладѣ, земское собраніе вполнѣ сознавало, насколько тяжело отражается предложенная мѣра на населеніи Тверского уѣзда.

Все изложенное, въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что вновь избранный на трехлѣтіе—1904—1906 гг.—составъ Тверской губернской и новоторжской уѣздной земскихъ управъ не даетъ основанія ожидать устраненія указанныхъ выше печальныхъ явленій, и что послѣднее тверское очередное губернское собраніе, найдя время для весьма подробнаго обсужденія ходатайства тверского уѣзднаго земства, разошлось ранѣе срока, положеннаго для его занятій, не приступивъ къ разсмотрѣнію земской смѣты на 1904 г., поставило министра внутреннихъ дѣлъ въ необходимость представить Его Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ о принятіи особыхъ мѣръ къ упорядоченію дѣятельности земскихъ учрежденій Тверской губерніи. Высочайшее по сему докладу повелѣніе состоялось 8-го сего января. Устраняя главнѣйшія изъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному теченію земскаго дѣла въ Тверской губерніи, указанныя Высочайшимъ повелѣніемъ мѣры могутъ облегчить возможность благонамѣренными лицамъ въ составѣ земскихъ учрежденій водворить въ нихъ порядокъ и придать ихъ дѣятельности согласное съ законами и дѣйствительными потребностями населенія направленіе 1).

1) Разгромъ тверского земства повлекъ за собою удаленіе до 100 человекъ изъ числа земскихъ служащихъ. Особенно большое количество пришлось на новоторжское земство, обратившее на себя преимущественное вниманіе г. Штюрмера и его „адыюганта“, жес.-профессора „знаменитаго“ Гулянда, руководившихся, помимо личныхъ дознаній, еще и доносомъ инспектора народныхъ училищъ Лилеева. Вскорѣ послѣ

Изложенный актъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Тѣ явленія, которыя отмѣчены въ немъ по отношенію къ Тверской губерніи, имѣли мѣсто, какъ мы уже знаемъ, и во всѣхъ земскихъ губерніяхъ. Они правительству извѣстны были и раньше и подтверждены нарочно устроенными ревизіями наиболѣе «опасныхъ» земствъ. У Плеве сосредоточилось уже значительное количество данныхъ, чтобы быть хотя до нѣкоторой степени освѣдомленному относительно существованія и явной, и тайной земской организаціи для борьбы съ полицейско-бюрократическимъ строемъ и для перехода къ парламентаризму. И вотъ онъ стремится, по примѣру своихъ предшественниковъ, воскресить изъ мертвыхъ и пробудить къ жизни реакціонные дворянскіе и духовные элементы. Министръ внутреннихъ дѣлъ питалъ на это нѣкоторую надежду, такъ какъ, начиная, приблизительно, со второй половины 90-хъ годовъ крѣпостническое дворянство было задѣто за живое прогрессивнымъ повышеніемъ земскихъ смѣтъ, являвшимся результатомъ усиленной дѣятельности оппозиціонныхъ земцевъ, все расширявшихъ земское хозяйство и особенно налегавшихъ на народное образованіе. Несомнѣнно, что фиксація земскаго обложенія своимъ происхожденіемъ въ значительной мѣрѣ обязана представителямъ земской реакціи. Точно также они не мало способствовали правительству въ гоненіяхъ на «третій элементъ», основательно видя въ немъ союзниковъ оппозиціонныхъ земскихъ дѣятелей. Начиная со второй половины 90-хъ годовъ уже нерѣдко были походы противъ «третьяго элемента», особенно противъ статистиковъ, со стороны самихъ земствъ, и мы видѣли, что Плеве даже таинственно «бесѣдовалъ» на эту тему съ нѣкоторыми земцами и даже угощалъ ихъ обѣдомъ. Такимъ образомъ, повторяемъ, у Плеве была тайная надежда, что авось въ самой земской средѣ организуется правительственная партія и поможетъ диктатору, выражаясь фигурально, взорвать земство, такъ сказать, изнутри. Поэтому актъ 8-го января и былъ заполненъ всевозможнѣйшими, подходящими до смѣшнаго, жупелами, необходимыми для приведенія въ паническій ужасъ духовенства и дворянства. Прежде всего конечно, выставленъ «третій элементъ», какъ виновникъ всѣхъ бѣдъ, подкапывающійся подъ основные устои государства. Въ самомъ дѣлѣ, онъ развиваетъ «мысль, что нѣтъ Божества», онъ доказываетъ, что «въ мірѣ наблюдается только дѣйствіе силъ природы», наконецъ, онъ, при посредствѣ «Капитанской дочки» Пушкина, добивается....

опубликованія изложеннаго высочайшаго повелѣнія, изъ предѣловъ Тверской губ. были посланы новоторжскіе земцы: Нв. И. Петрункевичъ, А. И. Бакунинъ, М. И. Литвиновъ. Затѣмъ, въ видѣ протеста, сами оставили службу: всѣ врачи, въ числѣ 11 человекъ, большая часть фельдшеровъ (около 15 чел.), 2 техника, 2 агронома, часть учительскаго персонала, ветеринарный врачъ и т. д. Этотъ добровольный уходъ былъ признанъ по отношенію къ учителямъ за государственное преступленіе, и департаментъ полиціи въ скоромъ времени (12 марта 1904 г.) оповѣстивъ всѣхъ губернаторовъ, градоначальниковъ и оберъ-полицеймейстеровъ, дабы нигдѣ и ни на какую службу не принимались слѣдующіе учителя и учительницы новоторжскаго уѣзда: В. Лихачевъ, Н. Назаровъ, М. Стасюкъ, А. Иестеровъ, П. Смирновъ, В. Рахмановъ, В. Шлеймеръ, Е. Васильева, Е. Громова, Е. Бакунина, В. Таирова, Е. Барсова, Е. Покровская, Е. Ширяева, М. Пухлинская, К. Любомирова, П. Лисенкова, О. Спасская, Е. Юнова, А. Бѣлокурова, М. Стрѣльцова, Е. Андреева, Н. Мамадышская, А. Томилова.

перевѣшать всѣхъ помѣщиковъ! Но, увы, крѣпостники надлежащимъ образомъ не проснулись! Хотя земское обложеніе и достигло значительныхъ размѣровъ, конечно, относительно, ибо оно было всегда ничтожно сравнительно съ государственнымъ, но еще до нихъ не дошелъ слухъ о проектѣ принудительнаго отчужденія земли, и крѣпостники ограничивались лишь жалобами, доносами и ходатайствами, ничего не сдѣлавъ въ смыслѣ организациі ¹⁾. Да, наконецъ, если бы въ 1904 году они и достигли этого, то было уже поздно.

Сдѣлавъ это необходимое, на нашъ взглядъ, отступленіемъ, перейдемъ къ послѣдовательному обозрѣнію 1904 года.

Въ тотъ самый день, т. е. 8 января, когда было опубликовано Высочайшее повелѣніе относительно тверского земства, какъ бы въ противовѣсъ ему, былъ опубликованъ Высочайшій указъ объ образованіи губернскихъ совѣщаній для пересмотра законодательства о крестьянахъ, въ губерніяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, а также въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской.

Этимъ правительство, съ одной стороны, хотѣло показать, что оно занимается не только разрушительной работой, но и созидательной, съ другой оно желало вызвать успокоеніе крестьянской массы и, съ третьей, наконецъ, подтвердить, что его политическій курсъ неизмѣненъ. Но это подтвержденіе въ то же время показывало всю бесплодность «совѣщаній». Въ самомъ дѣлѣ, они образовывались подъ предсѣдательствомъ губернаторовъ, изъ губернскаго предводителя дворянства, изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій, изъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ члена отъ правительства губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, изъ предсѣдателя губернской управы, изъ представителей дворянства и земства, изъ земскихъ начальниковъ не менѣе четырехъ, и также изъ лицъ, которыя своимъ опытомъ или познаніемъ могутъ содѣйствовать возложенной на совѣщаніе задачѣ. Но... какъ члены отъ дворянства, такъ и отъ земства «приглашались» губернаторомъ, а порядокъ обсужденія и дѣлопроизводство въ совѣщаніяхъ опредѣлялись «инструкціями министерства внутреннихъ дѣлъ». Словомъ, правительство, подъ видомъ рѣшенія громаднаго крестьянскаго вопроса, проектировало устроить чисто бюрократическія учрежденія, находившіяся въ полномъ вѣдѣніи чиновниковъ и губернаторовъ. Нужно ли говорить, что эти «совѣщанія» вызвали сначала самое ироническое отношеніе со стороны земства, а впослѣдствіи оно воспользовалось уже этимъ указомъ для своихъ частныхъ засѣданій, на которыя приглашался не только «третій элементъ», но вызывались и крестьяне.

Черезъ двѣ недѣли послѣ опубликованія приведеннаго Высочайшаго указа, 26 января 1904 года, была объявлена война съ Японіею ²⁾.

¹⁾ Такая организациія образовалась уже послѣ первой Государственной Думы, въ наше время, когда крѣпостники увидѣли, что дѣло идетъ о принудительномъ отчужденіи, выставленномъ партіею, вышедшею изъ земской же среды. Это было ужасно! Несомнѣнно, что, вслѣдствіе такого «коварства» партіи Народной Свободы, ей и дано было названіе «партіи политическихъ іезуитовъ».

²⁾ Какъ разъ въ этотъ самый день стряслось надъ Россіею и другое великое горе: умеръ одинъ изъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей, Н. К. Михайловскій, до самой

Это былъ послѣдній козырь правительства, послѣдняя ставка самодержавія. Въ этомъ отчаянномъ средствѣ съ необыкновенною ясностью обнаружилась полная несостоятельность самодержавнаго режима. Оказалось, что правительство было совершенно дезорганизовано. Оно не имѣло понятія даже о состояніи арміи, т. е. не знало о качествѣ единственнаго устоя, на которомъ еще держалось. Въ этой арміи происходило нѣчто неописуемое. На ней болѣе всего отразилось разложеніе стараго строя. На первыхъ же порахъ выяснилось, что въ арміи есть только солдаты и больше ничего. Орудія, оружіе, корабли, т. е. все то, безъ чего самые храбрые солдаты не въ силахъ воевать, были, въ сущности говоря, фикція. Милліарды народныхъ денегъ, затраченные на армію, исчезли неизвѣстно куда. Въ то же время стало извѣстно, что причиной войны явились совершенно невѣроятныя злоупотребленія на Дальнемъ Востокѣ.

Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также вслѣдствіе всеобщаго недовольства разоренной и угнетенной страны, объявленіе о войнѣ встрѣчено было далеко не восторженно ¹⁾.

Правительство было обезкуражено такимъ настроеніемъ населенія, но ему не было уже больше никакого выхода. Оно начало искусственно подогрѣвать патріотизмъ, обвинять всѣхъ, кто такого патріотизма не проявляетъ, въ измѣнѣ, въ предательствѣ, въ подкупѣ.

При этомъ придумана была своеобразная «амністія» на патріотической подкладкѣ, а еще вѣроятнѣе было намѣреніе избавиться отъ неблагонадежныхъ элементовъ отправкой ихъ на театръ военныхъ дѣйствій, какъ это практиковалось въ николаевскія времена.

Черезъ недѣлю послѣ объявленія войны, 2 февраля 1904 г., несомнѣнно, по совѣту Плеве, было опубликовано Высочайшее повелѣніе «о предоставленіи лицамъ, отбывающимъ гласный надзоръ полиціи по политическимъ дѣламъ, права поступать рядовыми въ войска дѣйствующей арміи».

Мотивировано это повелѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что будто бы какой-то субъектъ, содержащійся гдѣ-то въ тюрьмѣ за распро-

своей смерти бывшій однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей освободительнаго движенія и присообщившій къ нему не одно поколѣніе. Громадный 1/10 земскаго „третьяго элемента“ и всесословной интеллигенціи вообще, можно сказать, воспитались на идеяхъ Н. К. Бюрократія, понятно, не выносила Михайловскаго, преслѣдовала его, но тѣмъ только повышала къ нему симпатіи. Похороны Н. К. были необычайно грандіозны. Они одновременно были и враждебною демонстраціею противъ правительства. Гробъ писателя, который на рукахъ несла интеллигенція, сопровождала толпа около 5.000 человекъ; за гробомъ слѣдовали три экипажа съ вѣнками. Надписи на нихъ показывали, какъ Михайловскій былъ дорогъ новой Россіи. Къ слову сказать, Н. К. интересовался и слѣдилъ за дѣятельностью техническаго съѣзда, происходившаго за нѣсколько дней до его смерти. Многіе члены этого съѣзда, и въ томъ числѣ пишущій строки, посѣщали Н. К., какъ и члены пироговскаго съѣзда.

¹⁾ Плеве вѣрилъ въ побѣду, что доказываетъ его близорукость и полную неосвѣдомленность о состояніи арміи и флота. Плеве рассчитывалъ исключительно на грубую физическую силу, не понимая значенія культуры и государственнаго строя. Когда директоръ департамента полиціи Лопухинъ проявилъ пессимизмъ на счетъ исхода войны, то, по словамъ кн. Урусова, Плеве разсердился на Лопухина и съ досадою спросилъ: неужели для васъ не ясна слѣдующая арифметическая задача: что больше—пятьдесятъ или полтора ста милліоновъ (населенія)?

страненіе прокламацій, «раскаялся» и просилъ дозволенія искупить свой грѣхъ на войнѣ.

Какъ отнеслись къ этому «неблагонадежные», можно видѣть изъ нижеслѣдующаго письма земскаго дѣятеля и врача С. В. Мартынова, высланнаго, какъ намъ уже извѣстно, въ Архангельскую губернію за докладъ, прочитанный въ воронежскомъ комитетѣ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

„9-го февраля,—писалъ С. В. Мартыновъ архангельскому губернатору,—ваше превосходительство изволили обратиться ко мнѣ, такъ же какъ и къ другимъ лицамъ, съ предложеніемъ, принявъ участіе въ настоящей войнѣ, заслужить тамъ амністію. Съ своей стороны полагаю, что Россія не нуждается въ дальнѣйшемъ расширеніи своихъ границъ и что приращенія, сдѣланныя правительствомъ за послѣднее время на Дальнемъ Востокѣ, не будучи вызваны жизненными интересами страны, ложатся тяжелымъ бременемъ на населеніе. Государство, полагаю, слишкомъ нуждается въ коренныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ, потребность которыхъ выражается весьма настойчиво не только зажиточными и просвѣщенными классами, но и самимъ народомъ. Я считалъ бы для себя возможнымъ трудиться только въ направленіи преобразованій народной жизни, на что готовъ отдать въ распоряженіе правительства свои силы и знанія. Всякаго же рода дѣятельность, клонящуюся къ расширенію территоріи или къ сохраненію ненужныхъ для Россіи областей, я считаю не соответствующей жизненнымъ интересамъ страны и никакого участія въ ней принять не нахожу возможнымъ. Полагалъ бы, что ни международнымъ положеніемъ государства, ни потребностью обезпечить свои границы, ни интересами торговли не можетъ быть оправдана русско-японская война. Склоненъ думать, что и національное самолюбіе не препятствовало бы прекратить разорительную для Россіи войну и, продавъ портовые и желѣзнодорожныя сооруженія, направить матеріальныя и духовныя силы страны на свои собственные внутренніе интересы. Дѣлая такое заявленіе, я, конечно, предвижу, что оно поведетъ новыя для меня репрессіи со стороны Департамента Полиціи. Но иного пути я не вижу и могу лишь повторить то, что высказано было мною о потребностяхъ страны въ засѣданіи Воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Не сдѣлаю, увѣренъ, ошибки, если позволю себѣ добавить, что мнѣніе мое не останется моимъ единоличнымъ“.

Что касается оппозиціонной части земства, то еще при выработкѣ устава «Союза Освобожденія» было высказано, что, въ случаѣ русско-японской войны, о которой прошелъ тогда слухъ, никакой помощи правительству не оказывать. Но такъ постановили «освобожденцы»,—какъ же отнеслось къ войнѣ земство вообще?

Въ земскихъ сферахъ былъ цѣлый рядъ теченій. Воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, на сцену прежде всего выступили реакціонные элементы.

Въ чрезвычайныхъ февральскихъ и мартовскихъ собраніяхъ раздались напыщенные, патріотическіе призывы. При этомъ они носили такой характеръ, что трудно было выступить противъ съ открытымъ протестомъ.

Постановка вопросовъ была чисто полицейская, провокаціонная: «кто противъ—тотъ измѣнникъ отечества». По всякому поводу при-

влекалась Верховная власть. Характернымъ образчикомъ подобнаго рода пріемовъ можетъ быть чрезвычайное харьковское губернское земское собраніе, ухлопавшее «на патріотизмъ» 1.000.000 рублей народныхъ денегъ. Ему предшествовало дворянское собраніе. Здѣсь раздавались самыя отчаянныя патріотическія рѣчи и призывъ, но «своихъ» денегъ дворянство не дало ни мѣднаго гроша, ни полушки. Собравшись же въ земское собраніе, тѣ же самые дворяне, по предложенію, кажется, того-же самаго дворянина Неклюдова, который взывалъ и на дворянскомъ собраніи, постановило въ «закрытомъ засѣданіи» ассигновать на флотъ 1.000.000 рублей... изъ страхового капитала, т. е. изъ мужицкихъ денегъ! При этомъ говорили, что какой-то дворянинъ билъ себя въ грудь и кричалъ, что, «если враги наши и Европа узнаютъ, что земство такъ щедро жертвуетъ на войну, то испугаются». Тщетны были протесты небольшой группы оппозиціи—1.000.000 руб. былъ ассигнованъ исключительно на флотъ.

Другое теченіе въ земскихъ сферахъ занимало среднее мѣсто между «патріотическимъ» и освобожденскимъ. Оно шло изъ Москвы.

Представители этого теченія не безъ основанія говорили, что, не принимая участія въ войнѣ, какъ таковой, земство, какъ и въ вопросѣ, напримѣръ, народнаго продовольствія, должно, тѣмъ не менѣе, объединиться и оказать помощь раненымъ и больнымъ на войнѣ, а на мѣстахъ—семьямъ убитыхъ. Вѣдь армія—это тотъ же народъ, не говоря уже о семьяхъ воиновъ.

Освобожденцы, всегда стремившіеся къ объединенію возможно большаго числа земскихъ силъ по вопросамъ, не противорѣчающимъ ихъ основнымъ взглядамъ, и въ данномъ случаѣ пошли на встрѣчу названному земскому теченію, расширивъ его въ томъ смыслѣ, что, помимо чисто филантропической дѣятельности на театрѣ военныхъ дѣйствій,—слѣдуетъ представителямъ земства имѣть въ виду и культурно-политическую работу: снабженіе арміи лучшими книгами, газетами и, кромѣ того, земство, въ лицѣ своихъ агентовъ, должно препятствовать различнаго рода злоупотребленіямъ, слѣдить за ходомъ войны во всѣхъ ея проявленіяхъ, вести записки, которыя послужатъ матеріаломъ для докладовъ въ земскихъ собраніяхъ. Вообще, земство должно представлять на войнѣ, какъ стражъ общественныхъ интересовъ и, по мѣрѣ силъ и возможности, бороться съ бюрократизмомъ.

Въ виду такого рода соображеній земская оппозиція на земскихъ собраніяхъ отставала обще-земскую организацію на театрѣ военныхъ дѣйствій, и этотъ вопросъ дружно прошелъ во всей земской Россіи.

Но бюрократія увидѣла въ этомъ весьма опасное явленіе и постаралась устроить препятствіе вопреки ясно выраженной волѣ Верховной власти, еще и еще разъ доказавъ тѣмъ безсиліе послѣдней при самодержавіи чиновниковъ.

27 апрѣля 1904 года предсѣдатель тульской губернской земской управы князь Г. Е. Львовъ представлялся Государю, какъ уполномоченный отъ общеземской организаціи. 2-го мая въ Москвѣ созвано было совѣщаніе представителей земствъ, чтобы сговориться о совмѣстной дѣятельности на театрѣ войны. Князь Г. Е. Львовъ доложилъ, что Государь, при аудіенціи 27 апрѣля, «благословилъ его» и просилъ

«передать представителямъ земствъ, принимающимъ участіе въ объединенной земской организаціи, и персоналу земскихъ отрядовъ свое сочувствіе предпринимаемому земскому дѣлу, напутственное благословеніе и пожеланіе успѣха въ святомъ дѣлѣ челоуѣколюбія».

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель московской губернской земской управы Д. Н. Шиповъ доложилъ нижеслѣдующее «предложеніе» московскаго губернатора:

„Вслѣдствіе предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ 17 апрѣля, за № 2623, предлагаю губернской земской управѣ: 1) о всѣхъ безъ исключенія предложеніяхъ организованнаго при губернской земской управѣ совѣщанія земскихъ уполномоченныхъ по оказанію совмѣстной помощи больнымъ и раненымъ воинамъ предварительно приведенія таковыхъ въ исполненіе представить мнѣ и 2) ни въ какомъ случаѣ не допускать дальнѣйшихъ соглашеній совѣщанія съ земствами, до настоящаго времени не присоединившимися къ организаціи. Кромѣ сего, въ виду того-же предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю губернской земской управѣ представить мнѣ теперь же списокъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ образованные земствомъ врачебно-санитарные отряды, а также и впредь представлять о таковыхъ лицахъ, имѣющихъ войти въ составъ будущихъ отрядовъ, предварительно доущенія ихъ до отправленія обязанностей.

Трудно себѣ представить негодованіе, которое охватило участниковъ совѣщанія послѣ заслушаннаго «предложенія».

Только что передано было имъ «благословеніе» и «сочувствіе» Царя и одновременно съ этимъ... чисто полицейскій «приказъ» Плеве! Совѣщаніе отвергло этотъ «приказъ» и постановило не исполнять его.

Кромѣ того, было возбужденъ вопросъ о правильномъ представительствѣ всѣхъ губернскихъ городовъ на обще-земскихъ совѣщаніяхъ: по одному отъ городовъ съ населеніемъ менѣе 200.000, по два—съ населеніемъ превышающимъ 200.000 и четыре представителя отъ С.-Петербурга и Москвы.

Плеве словно обезумѣлъ отъ негодованія и сталъ по пятамъ преслѣдовать земцевъ и земство.

10 февраля вызванъ былъ въ Петербургъ кн. Д. И. Шаховской, при чемъ Плеве заявилъ ему, что онъ докладывалъ Государю о высылкѣ кн. Шаховскаго, что Государь на этотъ разъ не согласился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе заслугъ Д. И., но, если въ чемъ-либо онъ, кн. Шаховской, еще провинится, то будетъ высланъ безъ предупрежденія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Д. Н. Шиповъ, корректнѣйшій изъ земцевъ, не былъ утвержденъ предсѣдателемъ московской губернской земской управы, въ каковой должности до тѣхъ поръ онъ состоялъ 11 лѣтъ ¹⁾.

¹⁾ Бумага о неутвержденіи Д. Н. Шипова прислана была въ Москву въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Между тѣмъ, незадолго передъ тѣмъ Шиповъ былъ въ Петербургѣ, видѣлся съ Плеве и чуть ли не получилъ отъ него рядъ комплиментовъ. Кажется, послѣднее свиданіе это произошло по поводу инцидента, бывшаго на совѣщаніи представителей губернскихъ земствъ о перестрахованіи имуществъ. Совѣщаніе было созвано 2-го марта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ немъ принимали участіе предсѣдатели и члены

Это обстоятельство вызвало добровольную отставку члена той же управы М. В. Челнокова. Служащіе московскаго земства поднесли адресъ Шипову съ 300-ами подписей, а вслѣдъ за этимъ и со всѣхъ мѣстъ организованной земской Россіи посыпались ему адреса и привѣтствія, и скоро отставка предсѣдателя московской губернской земской управы получила чуть не всероссійское значеніе¹⁾. Чтобы не возвращаться болѣе къ этому инциденту, здѣсь же скажемъ, что послѣ удаленія Д. Н. Шипова гласные московскаго губернскаго земства долго совѣщались, прежде чѣмъ рѣшить вопросъ—выбирать или не выбирать новаго предсѣдателя. Сначала по запискамъ избранъ былъ все же Шиповъ, но затѣмъ рѣшили остановиться на Ѳ. А. Головинѣ, но при этомъ ясно показать, что дѣятельность земства будетъ прежняя. И Головинъ передъ баллотировкой, происходившей 22 мая, сказалъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что собраніе 3 мѣсяца тому назадъ, избравъ на должность предсѣдателя управы Д. Н. Шипова, этимъ своимъ актомъ выразило свою солидарность со взглядами и направленіями, которыхъ придерживался Д. Н. въ теченіе 11 лѣтъ въ качествѣ предсѣдателя управы. Всѣмъ г.г. гласнымъ хорошо извѣстно, что Д. Н. является не только талантливымъ, неутомимымъ работникомъ, но прежде всего выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, всегда руководящимся вполнѣ опредѣленнымъ, твердо устоявшимся взглядомъ на значеніе и задачи земства въ государственной жизни Россіи и стремившимся всегда осуществить его на дѣлѣ. Не можетъ быть, конечно, сомнѣнія, что за истекшею со дня выборовъ 3 мѣсяца собраніе не могло изменить своихъ взглядовъ, своего направленія, а потому и въ настоящую минуту можетъ избрать на должность предсѣдателя только лицо, вполнѣ раздѣляющее взгляды Д. Н. Тотъ фактъ, что большинству г.г. гласныхъ угодно было намѣтить меня на должность предсѣдателя, подтверждаетъ только что высказанныя предположенія. Большинству

управъ 18-ти земствъ и „третій элементъ“, въ лицѣ, главнымъ образомъ, служащихъ въ страховыхъ отдѣленіяхъ при управахъ. Явились представители и отъ разгромленнаго тверскаго земства: назначенный правительствомъ членъ тверской губернской земской управы П. А. Пономаревъ и оставшійся на службѣ въ управѣ (откуда ушли всѣ лучшіе служащіе) страховой инспекторъ Л. Я. Левшинъ. По этому поводу земцы другихъ губерній рѣшили заявить предсѣдателя совѣщанія, заведующему страховымъ отдѣломъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, г. Остроградскому, что ни одно земство не заключитъ союза съ управою, названною правительствомъ. Между тѣмъ Левшинъ былъ назначенъ въ подготовительную комиссію, состоявшую преимущественно изъ „третьяго элемента“. Представитель послѣдняго,—дѣлопроизводитель московской губернской управы П. А. Серебряковъ и страховой инспекторъ исковскаго земства П. Ф. Лопатинъ,—заявили Левшину, что если онъ явится на засѣданіе, ему не подадутъ руки. На другой день послѣ этого товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Зиновьевъ призвалъ къ себѣ предсѣдателя московской губернской земской управы Д. Н. Шипова и члена исковской управы фонъ-деръ-Беллена и заявилъ имъ, что поступокъ ихъ служащихъ онъ считаетъ протестомъ противъ..... Высочайшаго повелѣнія. Въ ночь со 2 на 3 марта Серебряковъ и Лопатинъ были арестованы. 4 марта всему составу подготовительной комиссіи предписано было оставить Петербургъ, а скоро послѣ этого всѣ 4 человѣка были, по требованію Плеве, удалены со своихъ мѣстъ.

¹⁾ Негодующій Плеве издалъ распоряженіе, чтобы въ прессѣ не печатали ничего, касающагося выраженного московской городской думой, по предложенію московскаго городского головы кн. Голицына, сочувствія Д. Н. Шипову. Только, кажется, въ „Руси“, до полученія министерскаго приказа, успѣло объ этомъ проскользнуть извѣстіе.

г.г. гласныхъ, я думаю, извѣстно, что я вполнѣ раздѣляю взгляды и убѣждения Д. Н. и что ни по одному серьезному вопросу въ земской жизни за всю 6-ти лѣтнюю работу въ управѣ съ Д. Н. у насъ не было разногласія. Если мнѣ суждено занять мѣсто предсѣдателя управы, то я не сомнѣваюсь, что Д. Н. будетъ всегда служить для меня примѣромъ, приблизиться къ которому будетъ составлять мою задачу, что въ своей дѣятельности я всегда буду руководиться тѣми же принципами, тѣмъ же направлениемъ, которымъ руководился и Д. Н. Думаю также, что и при выборѣ члена управы собраніе будетъ имѣть въ виду тѣ же соображенія, что и при выборѣ предсѣдателя и что, благодаря этому, управа составитъ, какъ то всегда было при Д. Н., дружный кружокъ лицъ, солидарныхъ по всѣмъ принципальнымъ вопросамъ земской жизни. Я счелъ необходимымъ сдѣлать настоящее заявленіе передъ баллотировкой, чтобы всѣ г.г. гласные знали, какихъ взглядовъ и какого направленія я стану придерживаться въ должности предсѣдателя, имѣя это въ виду, баллотировали за и противъ меня».

Отсюда видно, что Плеве, удаливъ Д. Н. Шипова, ровно ничего не выигралъ въ московскомъ земствѣ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Этотъ инцидентъ вызвалъ негодованіе даже въ самыхъ мирныхъ земствахъ. Такъ, напримѣръ, въ кишиневскомъ земствѣ, никогда не отличавшемся либерализмомъ, неутвержденіе Д. Н. Шипова и воспрещеніе земствамъ присоединяться къ общеземской организаціи по оказанію помощи больнымъ и раненымъ на Дальнемъ Востокѣ вызвали небывалый протестъ. «Это ужъ слишкомъ!»—воскликали кишиневскіе гласные: «Это просто оскорбленіе земству!» На майскомъ экстренномъ собраніи, при обсужденіи вопроса о пожертвованіи на военныя нужды, было отмѣчено, что правительство, въ лицѣ Плеве, считая не соотвѣтствующимъ закону участіе въ общеземской организаціи и ассигновкѣ на помощь больнымъ и раненымъ, какъ выходящее за предѣлы нуждъ губерніи, въ то же время поощряло земскія пожертвованія на Красный Крестъ. «Въ такомъ случаѣ,—протестовали гласные,—мы ничего не дадимъ Красному Кресту—мы ему не доверяемъ... Дѣятельность Краснаго Креста во время войны съ Турціей въ 1878 г. ознаменовалась «моковщиной». О дѣятельности своей во время войны съ Китаемъ Красный Крестъ до сихъ поръ не далъ отчета. И теперь, едва началась война съ Японіей, сейчасъ же обнаружили и злоупотребленія въ Красномъ Крестѣ. Такъ, въ одной изъ первыхъ его отправокъ на театръ войны, оказались въ тюкахъ стружки вмѣсто больничныхъ вещей. Собраніе поэтому постановило: «признавая, что участіе въ общеземской организаціи врачебно-санитарной помощи раненымъ и больнымъ воинамъ является лучшимъ способомъ помощи имъ, бессарабское земство присоединяется къ общеземской организаціи, ассигновавъ для этого 60.000 рублей». Затѣмъ собраніе постановило послать адресъ государю по поводу войны, въ которомъ изложить о присоединеніи къ общеземской организаціи и послать не черезъ Плеве, а помимо его.

Кажется, одновременно съ Д. Н. Шиповымъ, былъ не утвержденъ предсѣдателемъ вологодской губернской земской управы В. А. Ку-

дрявый. По этому поводу въ Вологдѣ состоялся товарищескій обѣдъ, на которомъ присутствовало болѣе 70 человекъ, причемъ выражень былъ шумный протестъ дѣяніямъ правительства.

Изъ предѣловъ Тверской губерніи, по распоряженію Плеве, были посланы, безъ объясненія причины, бывшій предсѣдатель Тверской губернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизъ и членъ той же управы Н. К. Милоковъ¹⁾.

Въ Суджѣ и Суджанскомъ уѣздѣ, подъ видомъ «ревизіи» земской управы, свирѣпствовалъ курскій вице-губернаторъ Курловъ. Въ Суджанской управѣ, предварительно его пріѣзда, были дневные и ночные обыски, а затѣмъ арестованъ былъ завѣдующій столомъ по народному образованію Афонинъ. Вскорѣ послѣ обыска прибылъ и самъ Курловъ. Стремясь, во что бы то ни стало «упечь» управу, которая, какъ мы уже видѣли, давно была заражена крамолою, вице-губернаторъ съ двумя чиновниками цѣлыхъ 12 дней «ревизовалъ» ее, пытая, главнымъ образомъ, какую роль играли комиссіи учрежденныя кн. Долгоруковымъ въ бытность его предсѣдателемъ, какое значеніе имѣлъ «третій элементъ», какія книги въ библіотекѣ. Разъѣзжая по школамъ, Курловъ спрашивалъ учениковъ титулы царствующихъ особъ, экзаменовалъ по Закону Божию, «изучалъ» письменныя работы учениковъ и т. п.

Въ то же время ревизовать курское губернское земство былъ назначенъ знаменитый Зиновьевъ, закончившій ревизію Московскаго и Вятскаго земствъ.

Ревизуя земства Вятской губерніи, Зиновьевъ велъ себя, какъ восточный сатрапъ. Его грубость, доказывая невоспитанность, превосходила всякіе предѣлы. Предсѣдателей уѣздныхъ управъ, которые являлись представителями милліоннаго населенія, онъ не просилъ даже садиться. Особенно пренебрежительно относился онъ къ тѣмъ земствамъ, которыя болѣе всего заботились о повышеніи умственного и экономическаго уровня населенія, гдѣ больше всего было школъ, больницъ, агрономическихъ организацій и т. д.

Въ присутствіи вятскаго губернатора сатрапъ осмѣлился даже кричать на предсѣдателя орловской уѣздной земской управы, укоряя земство за учрежденіе комиссіи по народному образованію, чѣмъ де «наносить... оскорбленіе представителю министерства народнаго просвѣщенія—инспектору народныхъ училищъ».

Въ Вятской губернской управѣ Зиновьевъ держался презрительнаго тона и говорилъ отрывисто, по-генеральски, въ родѣ: «народъ не нуждается въ попеченіяхъ земства»... «Народъ знаетъ, что о немъ заботится правительство»... «Земствомъ сдѣлано мало, а что сдѣлано, то скверно сдѣлано»... «На собраніяхъ вы привыкли говорить слова о мужикѣ съ приправой иностранныхъ словъ, которыхъ большинство изъ васъ не понимаетъ»... «Вы печатаете груды докладовъ,—только деньги тратите напрасно»... «Въ дѣлахъ у васъ сумбуръ, а вы заняты

¹⁾ Не знаемъ, въ какомъ мѣсяцѣ, но въ 1904 г. былъ арестованъ бывшій предсѣдатель Воронежской губ. з. управы В. Н. Колюбакинъ „за распространеніе нелегальныхъ изданій“.

вздоромъ, вродѣ изданія никому ненужной газеты или созданія какого то внѣшкольнаго образованія, какъ будто можно, не учась, быть образованнымъ»... «Смотрите за больницами да за дорогами — въ этомъ ваши обязанности»... «Вятское земство на ложномъ пути»... «я давно это подозрѣвалъ»... «Вы даете мужику туманныя картины и фонари, а ему нужна земля и соха»... «Вы даете мужику въ разсрочку даже трехрублевые предметы и этимъ въ конецъ развращаете его — какъ будто у мужика не найдется трехъ рублей: будьте увѣрены, когда ему понадобится дѣйствительно кошуля или плугъ, онъ найдетъ деньги»... «Вы ему навязываете орудія, съ которыми онъ не умѣетъ справиться, образованіе, которое ему не нужно»... «Учите крестьянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и въ высшей школѣ—это баловство, ужасное баловство!.. Нѣтъ, это даже грѣхъ»...

Мы нарочно привели подлинныя выраженія Зиновьева, чтобы показать всю глубину его невѣжества, абсолютное незнаніе, ни земской, ни народной жизни и чисто крѣпостническіе взгляды. Кому, на примѣръ, неизвѣстно, что «Вятская Газета», издававшаяся вятскимъ земствомъ, была единственный въ своемъ родѣ, прекрасный народный органъ? Но Зиновьевъ, конечно, понятія объ этомъ не имѣлъ. Далѣе, — кто не знаетъ о громадной, рѣшающей роли внѣшкольнаго образованія въ дѣлѣ культуры? А Зиновьевъ называетъ его «какое-то» внѣшкольное образованіе. Затѣмъ безподобенъ взглядъ Зиновьева на образованіе «мужика» — «учить крестьянскихъ дѣтей въ гимназіяхъ и въ высшей школѣ—это баловство! Нѣтъ, это грѣхъ!» И такого господина Плеве послалъ ревизовать земство!

Въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ опубликованъ его всеподданѣйшій докладъ о московскомъ земствѣ.

Въ этомъ докладѣ невѣжественный бюрократъ больше всего говорилъ о стремленіи Московскаго губернскаго земства объединить дѣятельность уѣздныхъ земствъ, что Зиновьевъ объяснялъ «укоренившимся въ земствѣ вреднымъ слутникомъ централизаціи—пришлымъ элементомъ, который современемъ можетъ вполне подавить мѣстную самостоятельность. При искусственномъ расширеніи круга вѣдѣнія губернскихъ земствъ, губернская управа уже не могла непосредственно завѣдывать обширнымъ хозяйствомъ, разбросаннымъ къ тому же на пространствѣ всей губерніи. вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ помощи уѣздныхъ земствъ, что, разумѣется, усиливало бы въ нихъ сочувствіе къ дѣлу, губернская управа предпочла ввѣрить земское дѣло лицамъ, служащимъ по найму, поставивъ ихъ къ тому же внѣ всякой зависимости отъ земскихъ управъ, въ районѣ уѣздовъ которыхъ лица эти должны дѣйствовать»...

Это свое мнѣніе Зиновьевъ далѣе подтверждаетъ заявленіемъ Д. Н. Шипова, который говорилъ: «ни дворянство, ни купечество, ни крестьянство, отдѣльно взятое, не могутъ претендовать на руководящую роль въ общественной жизни. Такая роль можетъ принадлежать только всесословной интеллигенціи не какъ особому какому-либо классу, а какъ совокупности людей, наиболѣе просвѣщенныхъ, наиболѣе сознающихъ долгомъ обязанность общественнаго служенія».

Такими людьми и считаютъ себя руководители многочисленнаго персонала лицъ, служащихъ въ земствѣхъ».

Зиновьевъ думаетъ, что, «при дальнѣйшемъ развитіи такого направленія, отъ участія въ этомъ дѣлѣ могутъ устраниться всѣ лучшие представители земствъ».

Затѣмъ Зиновьевъ, какъ и слѣдовало ожидать, доказывалъ, что дѣла въ Московскомъ земствѣ ведутся очень плохо и что во всѣхъ дѣлахъ отражается вліяніе «третьяго элемента».

Къ срединѣ 1904 года правительство, въ лицѣ Плеве, довело свою разгромную политику до апогея не только по отношенію къ земству, но и по отношенію ко всѣмъ сословіямъ и учрежденіямъ,— по отношенію ко всѣму населенію, какъ коренному, такъ и не русскому. У правительства къ этому времени, за исключеніемъ высшихъ придворныхъ и бюрократическихъ сферъ, рѣшительно не было друзей. Все волновалось, все негодовало и нерѣдко проявлялись уже чисто революціонные признаки, хотя еще въ единичныхъ фактахъ.¹⁾

Но Плеве былъ глухъ и слѣпъ и не понизилъ своего полицейскаго самолюбія.

Еще въ іюнѣ, за мѣсяць или даже того менѣе до своей смерти, онъ, въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ журнала «Revue», Юларомъ, между прочимъ говорилъ, что, «въ Россіи недовольны существующимъ строемъ одни «иностранцы», какъ-то: поляки, финляндцы и въ особенности—евреи». «Россія и самодержавіе», — продолжалъ далѣе Плеве, — «синонимы, а потому русскіе, избивая евреевъ, проявляютъ какъ патриотизмъ, такъ и лойяльность».

Когда французскій корреспондентъ замѣтилъ, что «противъ существующаго режима борются и настоящіе русскіе люди, отстаивающіе идеи конституціонализма и социализма», Плеве сказала: «Совершенно вѣрно. Только ихъ не стоитъ принимать въ расчетъ. Они не пользуются у народа ни каплей довѣрія, народъ издѣвается надъ ними, такъ какъ чувствуетъ, что они дѣйствуютъ въ ущербъ его интересамъ. И, кромѣ того, народъ вовсе не понимаетъ ихъ. Эти люди, сроднившись съ идеями, привезенными изъ за-границы, потеряли всякую духовную связь съ русскимъ народомъ».

Закончилъ же свою бесѣду Плеве такими словами: «Революція производится большинствомъ, а большинство—за насъ. Несомнѣнно

¹⁾ Во теченіе первой половины 1904 г. начавшіяся еще въ 1903 г. и ранѣе волненія въ городахъ все увеличивались и увеличивались. Въ Ломжѣ было покушеніе на жизнь губернатора, барона Корфа, въ Карсѣ—на полиціймейстера Херхелидзе, въ Эчміадзинѣ было покушеніе на жизнь уѣздаго начальника, въ Бѣлостоцкѣ—на полиціймейстера Пеленкина. 3-го іюня сынъ сенатора Шаумана убилъ въ Финляндіи генералъ-губ. Бобрікова и самъ застрѣлился, оставивъ замѣчательное письмо на имя государя, въ которомъ, объясняя причину своего рѣшенія, всесторонне охарактеризировалъ ужасное положеніе Россіи.

Носились слухи, что письмо его произвело сильное вліяніе въ высшихъ сферахъ. Говорили также, что кн. И. М. Оболенскій, назначенный вмѣсто Бобрікова, показывалъ Шаумана своимъ близкимъ знакомымъ. Соблюдая справедливость, мы должны здѣсь замѣтить, что кн. Оболенскій, свирѣпствовавшій въ бытность свою херсонскимъ и харьковскимъ губернаторомъ, велъ себя въ качествѣ финляндскаго генералъ-губернатора въ высшей степени корректно.

кой-что нужно сдѣлать, но въ революціи, которую вы предвидите, нѣтъ надобности. Нужно лишь уничтожить слѣды того, что сдѣлано г. Витте, и вернуть земледѣльцамъ спокойствіе, вырвать изъ ихъ среды тѣ беспокойные элементы, которые создалъ г. Витте. Если вы (т. е. Юларъ) можете разяснить всѣ эти простыя истины радикаламъ вашей страны, вмѣсто того, чтобы ихъ еще болѣе настраивать противъ насъ, то я не буду сожалѣть о томъ, что пригласилъ васъ на эту бесѣду».

Вотъ какой «проницательный» государственный мужъ стоялъ во главѣ Россіи въ самый критическій моментъ того самодержавнаго строя, который онъ думалъ не только защитить, но и незыблемо укрѣпить! Вотъ что говорилъ онъ за мѣсяцъ до собственной гибели и за два мѣсяца до открытаго выступленія объединенной и организованной въ недовольствѣ противъ самодержавія страны! Весь его узкій кругозоръ застилалъ Витте—единственный виновникъ всѣхъ бѣдъ Россіи! Онъ не успѣлъ окончательно утопить своего конкурента, боялся возстановленія его авторитета и, быть можетъ, всѣ помыслы Плеве только и были направлены на предсѣдателя совѣта министровъ? ¹⁾ Тамъ, въ глубинѣ Россіи, гдѣ, по мнѣнію Плеве, «царила нѣмая тишина», тамъ «возвращала земледѣльцамъ спокойствіе и вырывала изъ ихъ среды беспокойные элементы, которые создалъ Витте»,—полиція, а здѣсь въ Петербургѣ онъ лично слѣдилъ за своимъ врагомъ!

Таковъ былъ главный слуга самодержавія, его основа, его надежда!

Въ 10 ч. утра 15 іюля не стало и его: бывший студентъ московскаго университета, сынъ уфимскаго купца Сазоновъ въ этотъ день убилъ всеильнаго, временщика.

«Освобожденіе», органъ безусловно отрицательно относившійся къ террору, по поводу убійства Плеве, между прочимъ, писало: «Русское самодержавіе упорно отрѣзывало и отрѣзываетъ странѣ всѣ пути къ легальному и политическому развитію и, наконецъ, стало лицомъ къ лицу съ ужасающе дѣйствительностью неизбѣжныхъ, одно за другимъ слѣдующихъ политическихъ убійствъ. Страшно для правительства не физическое устраненіе Сипягиныхъ и фонъ-Плеве, а та создаваемая этими носителями власти общественная атмосфера негодованія и возмущенія, которая рождаетъ изъ рядовъ русскаго общества одного мстителя за другимъ. Политическій заговоръ и террористическую организацію можно изловить и задушить. Напряженную политическую атмосферу, рождающую убійцъ, нельзя разрѣдить и обезвредить никакой полиціей. Ровно два года тому назадъ фонъ-Плеве хвалился, что мѣрами умѣлой полиціи онъ быстро подавитъ русскую смуту. И что же оказалось? Онъ даже технически, для своей собственной особы на огромныя средства департамента полиціи не сумѣлъ разрѣшить задачи внѣшней охраны»... Плеве «думалъ, что, истязая инородцевъ на потѣху безмысленнаго націонализма, предавая разгрому конституціонную Финляндію, подавляя русскую печать, систе-

¹⁾ Другіе министры не тревожили Плеве, такъ какъ держали его руку и не конкуррировали съ нимъ. Онъ почелъ нужнымъ только въ апрѣлѣ 1901 г. смѣстить министра народнаго просвѣщенія Бенгера и замѣнить его безличнымъ генераломъ Глазовымъ, которому предложено задерживать ходъ народнаго образованія во всѣхъ инстанціяхъ, что онъ и исполнялъ.

матически подкапываясь подъ земство и снова настезъ раскрывъ полиціи двери университета и средней школы,—онъ раздавить ненавистную «смуту». Онъ думалъ, что, подмѣнивъ настоящую программу коренныхъ реформъ тщательно обдуманнѣми реакціонными предначертаніями и оболъстительными неясностями пресловутаго манифеста 26 февраля 1903 года, онъ, какъ великій реформаторъ русскаго самодержавія, начнетъ собой новой періодъ его исторіи, откроетъ его несмущаемое ничѣмъ торжественное шествіе. Онъ думалъ, что самодержавіе, которое ввело полицію во все и вся: законодательство, управленіе, науку, церковь, школу и семью превращаетъ въ полицію, сможетъ предписывать великому народу законы его историческаго развитія. А полиція фонъ-Плеве не сумѣла даже предотвратить бомбы. Какой онъ жалкій былъ безумецъ! Не горсть смѣльчаковъ, идущихъ на вѣрную смерть, физическими своими ударами разить самодержавіе въ лицѣ его сановниковъ. Самодержавіе разить та политическая атмосфера, которая неизбѣжно рождаетъ этихъ убійцъ, и тотъ морально-политическій резонансъ, который ихъ акты находятъ въ странѣ. Чувство радости и удовлетворенія, охватывающее русское общество при извѣстіи объ убійствахъ вершащихъ его судьбы сановниковъ, конечно, указываетъ на глубокую ненормальность во всемъ положеніи общества и народа. Но гдѣ же источникъ этихъ ненормальныхъ чувствъ, какъ не въ самомъ самодержавіи?.. Выходъ изъ этого трагическаго положенія только въ томъ, чтобы болѣзненную реакцію замѣнить нормальной, чтобы, наконецъ, громко и отчетливо потребовать политическаго освобожденія». Даже умѣренная западно-европейская печать и та находила естественнымъ убійство Плеве.

Напримѣръ, консервативная *«Berliner Neueste Nachrichten»* писала, между прочимъ: «какъ сильно ни поражаетъ такое преступленіе, однако, мы не можемъ удивляться тому, что оно было совершено». Національ-либеральная *«National Zeitung»* говорила: «Если бы половину тѣхъ силъ, которые всякими Сипягинѣми и Плеве были истрачены на подавленіе всякаго свободнаго движенія, употребить на уходъ за такъ или иначе уже существующими теченіями, если бы были созданы условія, въ которыхъ они могли бы съ пользою развиваться, тогда никогда бы Россія не дошла до тѣхъ ужасныхъ вспышекъ, которыя теперь непрерывно слѣдуютъ одна за другой. Даже клерикальная *«Germania»* писала слѣдующее: «Въ борьбѣ съ внутреннимъ врагомъ Россія можетъ остаться побѣдительницей только съ обновленіемъ всѣхъ внутреннихъ порядковъ подъ знаменемъ справедливости и свободы».

Англійскій консервативный *«Times»* писалъ: «Плеве довелъ самодержавную теорію и практику до такихъ предѣловъ, которые даже въ Россіи казались ненормальными. Онъ завинтилъ наглухо всѣ предохранительные клапаны, и въ концѣ концовъ міръ нисколько не удивляется, что котелъ взорвало».

Наконецъ органъ Клемансо, *«L'Aurore»* писалъ: «Безчисленныя несчастія, которыя Плеве посѣялъ, акты самовласти: уничтоженіе юстиціи, отрицаніе права, поразительное презрѣніе къ страданіямъ ближняго, воздвигли ему при жизни пьедесталь, которому позавидовали бы Чингисханъ или Тамерланъ. И онъ это вполне сознавалъ». Достаточно

и приведенныхъ отзывовъ нѣкоторыхъ европейскихъ органовъ, чтобы видѣть, что Плеве оцѣненъ былъ Европою также, какъ и Россіею.

Но въ средѣ нашего правительства по прежнему не было ни единого прозорливаго государственнаго мужа, ни единого искренняго патріота, любящаго свою родину выше своихъ личныхъ интересовъ. И вотъ правительство, не сообразуясь съ ростомъ общественнаго самосознанія, не освѣдомленное о настроеніи страны, прибѣгаетъ къ тому же методу, который былъ уже испытанъ 24 года тому назадъ, въ 1880 году, когда Лорисъ-Меликову поручено было «выразить довѣріе обществу». Эту задачу въ 1904 году возложили на князя Святополкъ-Мирскаго.

И. П. Бѣлоконскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дѣло о покушеніи 16-ти лицъ на жизнь генерала Трепова въ 1905 году.

Это выдающееся по своему интересу и характерное по своимъ подробностямъ дѣло произошло въ Петербургѣ, въ 1905 году. Составъ группы лицъ, входившихъ въ „Боевую Организацию“ былъ весьма разнообразный, и людей разныхъ положеній по воспитанію и происхожденію спаяла общая идея.

Особымъ интересомъ отличается въ этомъ дѣлѣ дѣйствія агентовъ охраны, въ которыхъ видно и умѣніе и ловкость въ выслѣживаніи своихъ жертвъ, на что охрана положила видимо очень много умѣнія и энергіи. Съ другой стороны нельзя того же сказать про участниковъ, особенно нѣкоторыхъ, этого дѣла слишкомъ довѣрчиво, порой наивно вели они свое дѣло, результатомъ чего и было, что вся организациа была арестована и разсѣяна.

9 января 1905 года утромъ въ Сестрорѣцкій курортъ пріѣхалъ съ поѣздомъ изъ Петербурга молодой человекъ, который выйдя изъ вагона III класса, имѣлъ въ рукахъ небольшой чемоданъ и связку съ подушкой, одѣяломъ и ватнымъ полу пальто. Корридорный курорта Ацеуловъ предложилъ ему свои услуги отнести въ пансіонатъ его вещи. Встрѣченный въ пансіонатѣ швейцаромъ Орловскимъ, вызвавшимъ въ швейцарскую надзирательницу пансіоната г-жу Юраго, пріѣзжій выбралъ себѣ комнату. Спустя нѣсколько минутъ Орловскій понесъ къ пріѣзжему въ № курортную книгу и бланкъ полицейскаго листка для прописи самимъ постояльцемъ свѣдѣній о его личности. Предложеніе Орловскаго написать требуемыя свѣдѣнія настолько, однако, смутило пріѣзжаго, что Орловскій поспѣшилъ его успокоить, предложилъ оставить ему книгу и листокъ для внесенія справки и вышелъ. Черезъ 1 1/2 часа пріѣзжій, проходя въ паркъ, сказалъ Орловскому, что требуемыя свѣдѣнія имъ написаны и вмѣстѣ съ паспортомъ положены на столъ въ номерѣ. Орловскій пошелъ за книгой, листкомъ и паспортомъ пріѣзжаго и увидѣлъ, что послѣдній назвалъ себя полтавскимъ мѣщаниномъ и торговцемъ Захаренко. Такое несоотвѣтствіе записи съ наружнымъ видомъ пріѣзжаго возбудили въ швейцарѣ подозрѣнія, усилившіяся, когда онъ

увидѣлъ въ паспортѣ прїѣзжаго визу по гор. Двинску отъ 8-го января 1905 г., исключаящую, по его мнѣнію, возможность уже 9 января утромъ быть въ Сестрорѣцкѣ. Свои подозрѣнія о нелегальности прїѣзжаго Орловскій тотчасъ сообщилъ уряднику Скорбу. Когда послѣдній пришелъ въ пансіонатъ, то Орловскій вновь передалъ ему о своихъ наблюденіяхъ, а Ацеуловъ къ этому добавилъ, что у прїѣзжаго онъ замѣтилъ такую грязную подушку, какой ему не приходилось видѣть у обычныхъ посѣтителей курорта. За Захаренко былъ установленъ надзоръ, а вечеромъ 10 января урядникъ Скорбъ, представляя мѣстному приставу Людвенгаузенъ-Вольфу паспортъ Захаренко, доложилъ кромѣ того, что горничная курорта Александра Ацеулова, приготовляя Захаренко постель, усмотрѣла у него подъ подушкой пистолетъ. Вольфъ, разсмотрѣвъ паспортъ Захаренко, замѣтилъ, что всѣ графы въ паспортѣ и подпись его владѣльца написаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ. Тогда приставъ приказалъ осмотрѣть во время отсутствія Захаренко его вещи и Скорбъ вмѣстѣ съ Ацеуловымъ, воспользовавшись выѣздомъ Захаренко 11 января въ Петербургъ, осмотрѣли его вещи и нашли въ нихъ личные документы на имя Бориса Маркова. Это обстоятельство окончательно убѣдило пристава Вольфа въ нелегальности Захаренко и онъ рѣшилъ арестовать послѣдняго. Ночью на 12 января урядникъ Скорбъ доложилъ, что Захаренко намѣревается совсѣмъ уѣхать изъ курорта съ поѣздомъ, уходящимъ въ 9 часовъ 25 минутъ. Прибывъ на вокзалъ къ указанному времени съ переодѣтымъ въ штатское платьѣ урядникомъ Семеновымъ и городовымъ Прохоровымъ, приставъ Вольфъ, при участіи урядниковъ Мамакина и Скорба арестовалъ Захаренко, въ тотъ моментъ, когда онъ, ничего не ожидая, входилъ въ вокзалъ, сопутствуемый Ацеуловымъ несящимъ его вещи. Схваченный внезапно съзади, Захаренко былъ настолько ошеломленъ, что не оказалъ никакого сопротивленія. Въ то время, когда Прохоровъ скрутилъ ему назадъ руки, Семеновъ вынулъ изъ наружнаго правого кармана его пальто оказавшійся тамъ заряженный револьверъ. Захаренко былъ немедленно сведенъ въ контору начальника станціи, гдѣ и былъ подвергнутъ личному осмотру, при чемъ въ карманахъ у него были найдены стальная обойма съ 7 боевыми патронами къ пистолету системы Браунинга, письмо, начинающееся словами „дорогой товарищъ“ и подписанное „В. Марковъ“, паспортная книжка и другіе документы на имя Маркова. Вслѣдъ затѣмъ Захаренко былъ доставленъ подъ конвоемъ въ канцелярію Сестрорѣцкой мѣстной команды, гдѣ былъ произведенъ осмотръ его вещей. Будучи въ нервномъ состояніи, Захаренко, расхаживая здѣсь по комнатѣ, два раза громко произнесъ: „рушилось!“

Составленный приставомъ протоколъ о задержаніи и обыскѣ Захаренко послѣдній подписать отказался, но въ присутствіи свидѣтелей Мамакина и Семенова заявилъ, что письмо „дорогой товарищъ“ написано имъ. Какъ видно изъ протокола осмотра предметовъ и переписки, отобранныхъ по обыску у Захаренко,

упомянутое выше письмо оказалось слѣдующаго содержанія: „Дорогой товарищъ. Моя карьера двинулась впередъ быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Завтра я иду на... Какъ видишь, Б. О. поставлена несравненно лучше той, гдѣ мнѣ пришлось работать раньше. Бомбу здѣсь мнѣ удалось получить скорѣе, чѣмъ тамъ. Здѣсь передовой кружокъ. Отсутствіе проволоочки свидѣтельствуешь въ пользу постановки дѣла. Ъхать домой я раздумалъ за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, а предпринимать поѣздки для своихъ личныхъ надобностей на счетъ Б. О. я не считаю себя въ правѣ, къ тому же всѣ подготовительныя къ акту работы какъ разъ оказались законченными и поэтому я на вопросъ о моихъ личныхъ дѣлахъ отвѣтилъ, что раздѣлялся съ ними. Да и что могутъ значить всѣ личные печали по сравненію съ тѣмъ, что мнѣ пришлось перечувствовать, отрываясь отъ только что начатой организаторской дѣятельности.... Но революціонеръ, признающій терроръ и считающій себя способнымъ на него, никакъ не можетъ не воспользоваться первымъ же случаемъ попасть въ Б. О.... Я не оставляю письма для печати... Теперь я представляю себѣ, какъ вся жизнь можетъ пройти передъ умственнымъ взоромъ въ частъ какой-нибудь и какъ можно все пересмотрѣть, взвѣснить, подвести итогъ и со всѣмъ проститься. Затѣмъ я былъ занятъ, искалъ мѣстечко для упражненія въ стрѣльбѣ и метаніи снаряда, отпарывалъ фабричныя клейма у одежды, спиливалъ №№ браунинга... Завтра я не долженъ волноваться... У тебя существуетъ предубѣжденіе, что здѣсь приходится быть пѣшкой. Совсѣмъ нѣтъ. Ни одна подробность не обсуждалась безъ меня. Я уношу съ собой твердую и непоколебимую вѣру въ васъ, дорогіе друзья, во всѣхъ, вообще, товарищей по работѣ и въ рабочія массы, а слѣдовательно, и въ успѣхъ нашего великаго дѣла“.... Письмо надписано: „11 янв. 1905 г. В. Марковъ“. Пистолетъ отобраннй у Маркова (Захаренко), оказался заряженнымъ 7 патронами. На одной изъ сторонъ пистолета выпарапана печатными буквами надпись: „По дѣламъ Вашимъ воздастся Вамъ“. На другой сторонѣ такая же надпись выпарапана отъ руки и затѣмъ сильно запарапана. Номеръ пистолета совершенно сшленъ въ трехъ мѣстахъ. Произведенной экспертизой установлено, что изъ этого пистолета производилась стрѣльба. Въ вещахъ Захаренко оказались и двѣ обоймы къ этому пистолету, изъ которыхъ одна заполнена боевыми патронами, а другая пустая; кромѣ того найдено было шестнадцать боевыхъ патроновъ къ тому же пистолету и картонная небольшая коробка изъ подъ боевыхъ патроновъ съ 25 гнѣздами, по вложенію въ каковыя всѣхъ патроновъ, оказалось, что два боевыхъ патрона израсходованы. Это обстоятельство подтверждаетъ указаніе въ изложенномъ выше письмѣ, о томъ, что Захаренко, дѣйствительно, упражнялся въ стрѣльбѣ. Осмотромъ одежды и бѣлья на Захаренко, при задержаніи, установлено, что у пальто магазинный ярлыкъ видимо былъ отпоротъ, на что указываютъ нитки, которыми онъ былъ пришитъ. Независимо отъ упомянутыхъ предметовъ, отъ Захаренко были отобраны: а) паспортная книжка,

выданная на два года изъ Барнаульскаго уѣзднаго полицейскаго управленія 6 апрѣля 1902 года за № 10 на имя сына отставнаго коллежскаго секретаря Бориса Дмитріевича Маркова, съ видами на пей, указывающими, что паспортная эта книжка была явлена: 1) 3 февраля 1904 года за № 1224 въ канцеляріи начальника Кругобайкальскаго отдѣленія Забайкальскаго жандармскаго управленія Сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2) 18 сентября 1904 года въ г. Одессѣ по Провіантской улицѣ въ домѣ № 14 Бронштейна, 3) 22 сентября 1904 года въ г. Одессѣ по м. Арнаутской улицѣ въ домѣ № 305, 4) 27 декабря 1904 года въ г. Ялтѣ по гостиницѣ „Грандъ-Отель“. б) Паспортная книжка отъ 25 ноября 1904 года за № 467, выданная изъ полтавской Мѣщанской Управы полтавскому мѣщанину Константину Петрову Захаренко; на этомъ паспортѣ имѣется виза отъ 8 января 1905 года за № 3250 по дому Большой въ г. Двинскѣ; в) удостовѣреніе управленія работъ по постройкѣ Кругобайкальской желѣзной дороги отъ 28 іюля 1904 года за № 35823, на имя Маркова; 2) аттестатъ объ окончаніи образованія въ Барнаульскомъ Окружномъ Горномъ училищѣ на имя того же Маркова; метрическая справка, выданная изъ Салаирской Петро-павловской церкви 2 іюля 1894 за № 67 о рожденіи того же Маркова и т. д. Всѣ эти документы указывали на то, что личность, задержанная подъ фамиліей Захаренко, въ дѣйствительности была Борисомъ Марковымъ.

Принимая во вниманіе вышеизложенные обстоятельства, указывающія, что Захаренко былъ задержанъ въ тотъ моментъ, когда уѣзжалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ совершить террористическій актъ противъ какого-либо правительственнаго лица, какъ членъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ, онъ былъ спрошенъ въ качествѣ обвиняемаго, но не пожелалъ дать никакихъ объясненій по дѣлу и отказался подписать протоколъ. Однако, личность Маркова была съ точностью установлена дознаніемъ. Изъ показаній упомянутыхъ выше служащихъ въ Сестрорѣцкомъ пансіонатѣ и урядника Скорба, выяснилось, что Марковъ во время своего пребыванія въ пансіонатѣ ежедневно уѣзжалъ въ Петербургъ.

Кромѣ того, показаніями спрошенныхъ въ качествѣ свидѣтелей начальника Сестрорѣцкой почтово-телеграфной конторы надвори. совѣтн. Ефцихевича и служащихъ въ названной конторѣ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ Павлова и Тюля, а также купца Горшкова, приказчика въ его магазинѣ Трусова и діакона Баротинскаго установлено, что Захаренко 10 января отправилъ изъ Сестрорѣцка 2 посылки, которыя, какъ видно изъ подавательскихъ книгъ конторы, были адресованы: 1) на станцію Черемовскую Иркутской губ. на имя Маркова и 2) въ Барнаулъ, Томской губ., на имя Маркова. Осмотромъ послѣдней посылки установлено, что она была адресована Аннѣ Дмитріевнѣ Марковой и заключала 3 фотографическихъ группы, на одной изъ которыхъ имѣется портретъ Маркова, самоучитель французскаго языка и письмо, начинающееся словами: „здравствуй Агнія, Маруся,

и Сережа". Въ письмѣ этомъ разсыпаны намеки на принятія его авторомъ рѣшенія совершить какой-то важный шагъ, который измѣнитъ его нѣмнѣйшій „кочевой образъ жизни“. „О себѣ напишу что получить не только то, что желаю, а даже и то, о чемъ и думать-то ни смѣлъ, о чемъ и не дерзая даже мечтать раньше... не потому, что кусокъ не по зубамъ, а потому, что съ величайшимъ уваженіемъ смотрѣть на эту вещь и не считать ее настолько для себя доступной... Ждите болѣе подробнаго письма. Я еще одинъ разъ напишу Вамъ объ этомъ“....

Подпись подъ этимъ письмомъ неразборчива, но похожа на Б. Марковъ. Посылка на имя штейгера Николая Дмитриевича Маркова заключала въ себѣ двѣ книги спеціальнаго содержания.

Произведеннымъ дознаніемъ установлены личности адресатовъ, которые, допрошенные по сему поводу, объяснили, что посылки эти и письма присланы имъ отъ брата ихъ Бориса Дмитриевича Маркова, котораго они признаютъ въ предъявленной имъ фотографической карточкѣ именующаго себя Захаренко. Личность Маркова установлена такъ же показаніями его сестры Маріи и отпавшаго коллежскаго секретаря Дмитрія Маркова. Независимо отъ того, почеркъ адресовъ на упомянутыхъ посылкахъ и письмѣ „здравствуй Агнія, Маруся и Сережа“ были сліченны съ почеркомъ, которымъ были написаны 9 января Захаренко на паспортномъ бланкѣ въ Сестрорѣцкомъ пансіонатѣ свидѣнія для полиціи и экспертизой установлена тождественность почерковъ Маркова и Захаренко. Дознаніемъ были проверены такъ же и паспорта, отобранные у Маркова, при его задержаніи, при чемъ оказалось: паспортъ за № 167, выданный изъ полтавской мѣщанской управы полтавскому мѣщанину К. П. Захаренко, какъ обнаружилось изъ осмотра паспортной книги полтавской мѣщанской управы за 1904 г., сліченій подлинной печати полтавскаго мѣщанскаго старосты съ оттискомъ печати на паспортѣ Захаренко, осмотра алфавита къ посемейнымъ спискамъ мѣщанъ гор. Полтавы, а также изъ показаній полтавскаго мѣщанскаго старосты Ничипоренко, оказался подложнымъ. Между тѣмъ паспортъ за № 10, выданный на имя Б. Маркова, оказался дѣйствительнымъ, что установлено телеграммой помощника начальника Томскаго губернскаго жандармскаго управленія за № 1081, показаніемъ помощника Барнаульскаго уѣзднаго исправника Данорскаго, осмотромъ книги Барнаульскаго уѣзднаго полицейскаго управленія на выдачу паспортныхъ книжекъ на 1902 г. Другія отобранные у Маркова личные документы, а именно: удостовѣреніе управленія по постройкѣ Кругобайкальской жел. дор. за № 35823, аттестатъ за № 391 объ окончаніи Барнаульскаго окружнаго горнаго училища, также оказались подлинными. Кромѣ того, инженеръ путей сообщенія Пузекинскій, у котораго подъ начальствомъ служилъ Б. Марковъ штейгеромъ и техникъ Рогозь-Левицкій, сослуживецъ Маркова, признали послѣдняго по фотографической карточкѣ, святой съ Захаренко и при этомъ охарактеризовали Маркова,

какъ человѣка, легко поддающагося чужому вліянію, пылкаго, слабохарактернаго но любознательнаго и свободомыслящаго.

Наконецъ, дознаніемъ были провѣрены по подлинному паспорту Маркова всѣ имѣющіяся на немъ визы и установлено, что Марковъ въ августѣ 1904 г. выбылъ въ Петербургъ изъ Барнаула. 3-го февраля 1904 г. его паспортная книжка была явлена въ канцеляріи начальника кругобайкальскаго отдѣленія забайкальскаго жандармскаго управленія сибирской ж. д., что удостовѣрено провѣркой по алфавиту служащихъ и проживающихъ въ районѣ отдѣленія, а 18 сент. 1904 г. паспортъ Маркова былъ уже визированъ въ Одессѣ по Провіантской улицѣ въ д. № 14, гдѣ онъ прожилъ отъ 16 до 20 сентября. По фотографической карточкѣ Захаренко-Маркова признали за своего жильца квартирохозяйка Лининецъ и дворникъ Пашчицъ; правильность же визы на паспортѣ удостовѣрена надзирателемъ Рейтманомъ и Михаревымъ.

22 сентября паспортъ Маркова вновь визированъ въ Одессѣ, но уже по Малой Арнаутской улицѣ въ д. № 96, куда онъ прибылъ съ прежней квартиры 21 сент. и прожилъ до 24 декабря 1904 г., правильность этой визы удостовѣрена показаніемъ пристава Погребнаго, а личность Маркова—показаніемъ дворника Петренко. 27 декабря паспортъ Маркова былъ явленъ къ г. Ялтѣ по „Грандъ-Отелю“. Осмотромъ книги жильцовъ названной гостиницы за 1904 годъ установлено, что Марковъ прожилъ здѣсь отъ 26 до 28 декабря 1904 г. и отмѣтился выбывшимъ въ Барнаулъ. Правильность визы удостовѣрена сличеніемъ печати и показаніемъ подписавшаго ее Деръ-Ованесова. Личность же Маркова призналъ по карточкѣ швейцаръ Храмовъ.

Что же касается до подложнаго паспорта на имя Захаренко, то имѣющіяся на немъ визы по гор. Двинску по провѣркѣ оказались дѣйствительными. Осмотромъ книги для пріѣзжающихъ въ „Большой гостиницѣ“ установлено, что Захаренко прибылъ туда 7 января изъ гор. Полтавы и выбылъ 8 янв. 1905 г., отмѣтившись въ Полтаву; подлинность визы установлена показаніями полицейскаго чиновника Дегтярева и пристава Курляндскаго; въ личности же Захаренко свидѣтелемъ—швейцаръ упомянутой гостиницы Камбаръ и лакей Юкумъ признанъ по фотографической карточкѣ Марковъ. Гдѣ пробылъ Марковъ съ 28 декабря 1904 г. по 6-е января 1905 г. дознаніемъ не установлено, но, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ онъ въ 1904—1905 годахъ не проживалъ ни подъ фамиліей Маркова, ни подъ фамиліей Захаренко. Изъ сличенія почерковъ на паспортѣ Маркова, подлиннаго и составленнаго на имя Захаренко, а также письма, начинающагося словами: „Дорогой товарищъ“, оказывается, что подписи подъ упомянутыми письмами „Константинъ Захаренко“, „Б. Марковъ“ и „Дорогой товарищъ“ писаны однимъ и тѣмъ же почеркомъ, при чемъ, по заключенію экспертовъ, почеркъ этотъ по своему характеру вполне тождественъ съ несомнѣннымъ почеркомъ Маркова, имѣющимся въ собственноручно писанныхъ имъ и подписанныхъ заявленіяхъ.

При производствѣ дознанія по дѣлу между прочимъ выясни-

лось, что на имя Захаренко въ почтово-телеграфномъ отдѣленіи сестрорѣцкаго курорта имѣется письмо, вслѣдствіе чего произведена была выемка этого письма. На его конвертѣ кромѣ адреса: Е. В. Б. Господину Захаренко. Сестрорѣцкій курортъ, гостиница при курортѣ, имѣлся почтовый штемпель: Петербургъ, 16 января 1905 г. 3 экспедиція городской почты. По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось письмо слѣдующаго содержанія: „Не откажите, пожалуйста, отобѣдать со мной въ понедѣльникъ въ 2 часа дня тамъ же, гдѣ обѣдали съ Вами въ прошлый вторникъ. Моя жена очень желала бы съ Вами познакомиться. Уважающій В. Безсоновъ. 15/1 1905 г.“ Кромѣ того о Захаренко въ сестрорѣцкомъ пансіонатѣ справлялся еще нѣкій Дормидонтовъ. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 14 января, около 5 часовъ пополудни, когда производившій дознаніе по дѣлу о Марковѣ жандармскій генераль-маіоръ Ивановъ допрашивалъ свидѣтелей въ № 45 пансіоната, въ которомъ передъ тѣмъ проживалъ Марковъ, къ пансіонату подошелъ какой-то молодой человекъ и, войдя въ швейцарскую, сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ доску, на которой отмѣчались постояльцы. Въ швейцарской въ это время находились надзирательница пансіоната Юраго и швейцары Орловскій и Васильевъ. Пришедшій, обратившись къ Юраго, сказалъ: „Здѣсь у васъ долженъ находиться г. Захаренко, а его на доскѣ нѣтъ“, и тогда Орловскій объяснилъ, что Захаренко „вчера“ уѣхалъ, то пришедшій вышелъ въ паркъ и пошелъ по направленію къ ресторану. Орловскій тотчасъ же сообщилъ о прибытіи этого молодого человека производящему дознаніе генераль-маіору Иванову, который распорядился о его задержаніи. Спрошенный въ качествѣ свидѣтеля, управляющій меблированными комнатами „Версаль“, Коптевъ между прочимъ сказалъ, что минутъ за пятнадцать до явки полиціи для производства обыска въ номерѣ Дормидонтова, въ швейцарскую вошелъ господинъ лѣтъ около тридцати и спрашивалъ дома ли Дормидонтовъ. Дѣйствительно, швейцаръ въ „Версаль“ Митрофановъ подтвердилъ, что въ указанное выше время 15 января въ швейцарскую вошелъ господинъ лѣтъ 32-хъ, высокаго роста, безъ очковъ, съ короткими волосами на головѣ и безъ бороды, которую онъ видимо брѣетъ. Господинъ этотъ спросилъ Дормидонтова и, узнавъ отъ Митрофанова, что его нѣтъ дома, написалъ на поданной швейцаромъ почтовой бумагѣ записку, которую запечаталъ въ конвертъ и попросилъ Митрофанова передать Дормидонтову, какъ только послѣдній вернется. Оставленное въ „Версаль“ письмо Дормидонтову оказалось слѣдующаго содержанія: „Господину Дормидонтову. Честь имѣю сообщить Вамъ, Милостивый Государь, что въ Акціонерное управленіе Вамъ завтра въ четвертомъ часу ходить не надо, такъ какъ и безъ просьбы желаемое Вами исполнено. Съ почтеніемъ Леопольдъ Бауманъ“ Какъ видно изъ сообщенія департамента полиціи, при ликвидаціи 6-го феврала въ гор. Москвѣ группы социалистовъ-революціонеровъ въ квартирѣ арестованныхъ жены потомственнаго почетнаго гражданина Инессы Армандъ и сту-

дента Вл. Армандъ было отобрано конспиративное письмо, писанное тѣмъ же почеркомъ.

Существовавшіе между Басовымъ и Марковымъ конспиративныя отношенія независимо отъ того, что Басовъ былъ задержанъ, именно, въ тотъ моментъ, когда пришелъ навѣстить Маркова, подтверждаются и тѣмъ, что по сличенію почерковъ, которыми было написано письмо Маркову-Захаренко и подписанное: „В. Безсоновъ“ съ почеркомъ письма Леопольда Баумана, составленного для передачи Дормидонтову-Басову въ гост. „Версаль“ эксперты признали, что оба эти письма писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. Вскорѣ затѣмъ лицо это было обнаружено при такихъ обстоятельствахъ: въ ночь на 26 февраля 1905 г. въ гор. Петербургѣ, въ меблированныхъ комнатахъ „Вристоръ“, помѣщающихся въ д. № 39—12 на улицѣ Морской и Вознесенскаго проспекта произошелъ приблизительно часа въ 4 утра взрывъ. Произведеннымъ слѣдственной властью осмотромъ мѣста взрыва обнаружено, что взрывъ произошелъ въ кв. № 10, расположенной во второмъ этажѣ, въ комнатѣ № 27. Силою взрыва въ означенномъ домѣ, по фасаду, обращенному къ Исаакіевскому скверу, во всѣхъ четырехъ этажахъ выбиты стекла въ 36 окнахъ. Прилегающая часть Вознесенскаго проспекта (панель и часть мостовой) въ безпорядкѣ завалена досками, кусками мебели и разными вещами, выброшенными силою взрыва изъ разрушенныхъ помѣщеній. Часть этихъ вещей перекинуло черезъ всю ширину проспекта (37 шаговъ) въ Исаакіевскій соборъ, въ которомъ на протяженіи 16 шаговъ повалило даже чугунную рѣшетку въ трехъ пролетахъ. Взрывами произвело болѣе или менѣе значительное разрушеніе въ прилегающихъ къ комнатѣ № 27 номеровъ 25, 26 и 24-мъ, въ корридорѣ, соединяющемъ эти номера, а также въ прилегающемъ къ № 27-му ресторанѣ Мишель. Замѣтныя разрушенія произвелъ взрывъ и въ меблированныхъ комнатахъ въ 3 этажѣ, расположенныхъ надъ комнатою № 27, а также въ магазинахъ, расположенныхъ въ 1-мъ этажѣ.

Номеръ 27 носилъ слѣды полного разрушенія; состоялъ онъ изъ комнаты, въ 6 аршинъ 5 вершковъ вышины, съ 2 окнами и дверью въ корридоръ. Стѣны этой комнаты оказались частью разрушенными, частью вынученными наружу. Штукатурка потолка и карнизовъ растрескалась и мѣстами обвалилась. Въ окнахъ всѣ стекла и рамы выбиты и разрушены. Подоконникъ и часть рамы окна, ближайшаго къ ресторану Мишеля, обуглены, какъ равно и обои на этомъ мѣстѣ. Въ амбразурѣ второго окна, на штукатуркѣ откосовъ и въ остаткахъ рамы имѣются выбоины, а откосъ окна забрызганъ кровью. Печка частью разрушена. Полъ комнаты сплошь покрытъ обломками деревянной перегородки, отдѣлявшей сосѣдній номеръ, штукатурки и мебели. Металлическая кровать съ двумя матрацами, стоявшая у капитальной стѣны, отдѣлявшей ресторанъ Мишеля, въ безпорядкѣ и засыпана штукатуркой; на ней въ скомканномъ видѣ лежали двѣ подушки, двѣ простыни, два байковыхъ одѣяла, № газеты «Neue Freie Presse» отъ 28 фе-

враля и книги на французскомъ языкѣ. По заявленію присутствовавшей при осмотрѣ горничной Высоцкой—у капитальной стѣны, прилегающей къ свѣтовому дворику, стояли комодъ и шкафъ, отъ которыхъ послѣ взрыва остались только обломки заднихъ стѣнъ. У капитальной стѣны, выходящей на Вознесенскій проспектъ стояли, по удостовѣренію той же горничной, письменный столъ, трюмо и этажерка, но отъ этихъ вещей не осталось даже слѣдовъ. У капитальной стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находились комодъ и шкафъ, на грудѣ обломковъ досокъ и мебели, въ разстояніи одного аршина отъ стѣны, лежить обезображенный трупъ мужчины. Голова его, обращенная къ окнамъ, откинута назадъ, такъ что открыта шея, лицо обращено прямо къ окнамъ. Туловище лежитъ спиною книзу. Грудная полость совершенно открыта спереди, въ правой ея половинѣ ничего нѣтъ, позвоночникъ въ грудной и отчасти брюшной полости, открытъ. Въ лѣвой половинѣ грудной полости видны оба легкія. Въ связи съ головой сохранились части плечевого пояса съ прилегающими мышцами, а также руки безъ кистей и части предплечья. Брюшная полость совершенно разорвана; сердце было найдено среди обрывковъ мышцъ въ области лѣваго плечевого сустава. Правая нога съ частью таза лежитъ параллельно туловищу; на ней имѣются остатки нижняго бѣлья. Лѣвая нога съ частью тазовой кости лежитъ на разрушенной стѣнѣ, служившей перегородкой между 26 и 27 номерами. Части пальцевъ и мягкихъ частей тѣла были найдены въ Исаакіевскомъ скверѣ. Въ комнатѣ № 27 были найдены вещи, принадлежавшія погибшему при взрывѣ: иностранный паспортъ на имя великобританскаго подданнаго Артура-Генри Мюръ Макъ-Кулона и различные предметы, составлявшие, повидимому, части разорвавшагося снаряда. Эти послѣдніе были изслѣдованы экспертомъ, который, на основаніи результатовъ изслѣдованія, далъ слѣдующее заключеніе: взорвавшійся въ № 27 меблированныхъ комнатъ „Бристоль“, снарядъ былъ устроенъ такъ, что могъ употребляться какъ метательный снарядъ. Оболочка его была легкая, изъ жести, 0,3 мил. Разрывной зарядъ снаряда составлялъ магнезійный динамитъ, приближающійся по силѣ къ гремучему студню, наиболѣе сильному изъ нитроглицериновыхъ препаратовъ. Взрывъ произошелъ отъ взрывчататаго вещества детонатора, помѣщеннаго въ детонаторной трубкѣ снаряда, повидимому, гремучей ртути. Самъ снарядъ могъ быть значительныхъ размѣровъ для ручного снаряда и допускалъ наполненіе зарядомъ взрывчататаго вещества въ количествѣ 4—5 фунтовъ. Надо предполагать, что изготовленіе нѣкоторыхъ частей снаряда и собираніе его производилось въ самомъ номерѣ меблированныхъ комнатъ „Бристоль“, въ которомъ произошелъ взрывъ. Судя по неудовлетворительности изготовленія свинцовыхъ грузиковъ и пробковаго кружка съ отверстіемъ, а также по подкладыванію двухъ монетъ вмѣстѣ, взявъ одной, слѣдуетъ допустить, что работа изготовленія частей детонаторной трубки и сборка ихъ велась неумѣло, а, слѣдовательно, въ собранномъ видѣ части имѣли такую слабую устойчивость, что отъ не-

сильнаго сотрясенія снаряда, могъ послѣдовать его взрывъ. Судя по многочисленности попаданій осколковъ въ амбразуру и косяки окна, у котораго стоялъ письменный столъ, а также по нахожденію осколковъ въ паркетъ пола, подъ этимъ столомъ и по выбоинѣ въ полу въ этомъ мѣстѣ, надо допустить, что взрывъ снаряда произошелъ около этого окна, вслѣдствіе какого-либо толчка, который могъ быть несильнымъ. Судебно-медицинскимъ осмотромъ и вскрытіемъ остатковъ трупа человѣка, убитаго при взрывѣ и проживавшаго въ меблированныхъ комнатахъ „Брисголь“ по паспорту великобританскаго подданнаго Макъ Кулона и по заключенію эксперта установлены наружныя примѣты послѣдняго и приблизительная обстановка взрыва. Тѣло убитаго взрывомъ человѣка, принадлежитъ мужчинѣ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, приблизительно 35 лѣтъ. Личныя особенности покойнаго слѣдующія: на головѣ густые волосы, длиною до 5 сантиметровъ, темно-русого, почти чернаго цвѣта, волосы на бровяхъ, верхней губѣ и подбородкѣ рѣдкіе, жесткіе, прямые, длиною до двухъ сантиметровъ, на концѣ округленные, свѣтло-рыжеватые; широкіе и, сравнительно съ другими зубами, крупныя внутренніе верхніе рѣзцы, а также отсутствіе въ верхней челюсти малыхъ коренныхъ зубовъ, что могло быть замѣтно при болѣе значительномъ открытіи рта, напримѣръ, при смѣхѣ, зѣвотѣ и т. п. Радужныя оболочки глазъ сѣро-голубыя. Наростовъ и слѣдовъ старыхъ поврежденій или измѣненій органовъ, особенно рукъ, характерныхъ для какой-нибудь профессіи, на уцѣлѣвшихъ частяхъ тѣла не найдено. На трупѣ имѣются множественныя и обширныя поврежденія,—разрывы и отрывы важныхъ для жизни частей, съ несомнѣнными признаками прижизненнаго ихъ происхожденія въ видѣ многочисленныхъ кровоизліяній въ разрушенныхъ частяхъ; кромѣ того, на передней поверхности плечъ, на волосахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, имѣются слѣды высокой температуры, также прижизненнаго происхожденія; поэтому слѣдуетъ заключить, что смерть Макъ Кулона наступила отъ дѣйствія на тѣло силы, имѣющей одновременно свойства механическаго насилія и высокой температуры; такую силою могли быть только газы при воспламененіи взрывчататаго вещества. По нахожденію въ тѣлѣ покойнаго многочисленныхъ кусковъ сплавленного металла и пластинокъ жести, слѣдуетъ полагать, что взорвавшееся вещество имѣло форму и свойства разрывнаго снаряда. Взрывчатое вещество это обладало особою силою взрыва и сгорало не оставляя слѣдовъ самаго вещества, съ образованіемъ окиси углерода.

Судя по расположенію наиболѣе глубокихъ и обширныхъ поврежденій въ области передней поверхности туловища и на нижнемъ отдѣлѣ верхнихъ конечностей, принимая во вниманіе расположенія ожоговъ, слѣдуетъ полагать, что въ моментъ взрыва покойный былъ обращенъ ближе всего передней и нижней частью туловища къ снаряду; напримѣръ, если онъ стоялъ у стола, на которомъ разорвался снарядъ. Судя же по остаткамъ одежды на трупѣ, можно думать, что въ моментъ взрыва покойный былъ

одѣтъ только въ бѣлье. Взрывъ повидимому, произошелъ у окна и силою взрыва тѣло Макъ Кулона было брошено на противоположную капитальную стѣну и въ верхъ, гдѣ имѣются обильные слѣды крови въ видѣ мазковъ и брызгъ; отсюда, въ силу тяжести, оно упало на мѣсто, гдѣ было найдено. Смерть наступила моментально. Для выясненія личности человѣка, погибшаго при взрывѣ въ комнатѣ № 27, были проверены всѣ отмѣтки на паспортѣ Макъ Кулона и самый паспортъ, причемъ оказалось: департаментъ полиціи уведомилъ судебнаго слѣдователя, что, по полученнымъ отъ нашего посла въ Лондонѣ свѣдѣніямъ, Великобританское министерство иностранныхъ дѣлъ заявило, что Артуръ Мюръ Макъ Кулонъ, получившій въ октябрѣ 1904 г. заграничный паспортъ, никогда изъ Англіи не выѣзжалъ и нынѣ состоитъ актеромъ въ одномъ изъ театровъ Сѣверной Англіи, при чемъ названное министерство добавило, что полицейское слѣдствіе, по дѣлу о передачѣ имъ паспорта, производится. Затѣмъ изъ секретной телеграммы графа Бенкендорфа отъ 20-го апрѣля 1905 года видно, что фотографическое изслѣдованіе паспорта Макъ Кулона открыло, что подпись на паспортѣ не является подписью настоящаго Макъ Кулона. Министерство иностранныхъ дѣлъ не требуетъ обязательно этой подписи отъ владѣльцевъ паспорта, не имѣя на то законныхъ полномочій. Она не обязательна. Въ другой телеграммѣ отъ 16-го марта 1905 года, графъ Бенкендорфъ уведомляетъ, что согласно конфиденціальнымъ свѣдѣніямъ, паспортъ Макъ Кулона попалъ въ руки иностранца, заподозрѣннаго въ революціонныхъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ, слѣдовательно, лицо, погибшее во время взрыва въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, не было англійскіхъ подданныхъ Макъ Кулономъ.

Подтвержденіе этого обстоятельства имѣется и въ показаніи нѣкоторыхъ свидѣтелей, опрошенныхъ при повѣркѣ дѣйствительности имѣющихся на паспортѣ Макъ Кулона—визъ. Изъ показаній свидѣтелей: горничной Высоцкой (въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“), ея мужа комиссіонера Высоцкаго и корридорнаго Федорова выяснилось, что Макъ Кулонъ за нѣсколько дней до взрыва ѣздилъ на Николаевскій вокзалъ, какъ онъ объяснилъ управляющему Степанову, въ Колпино, откуда вернулся на второй или третій день. Вообще же, онъ въ своемъ номерѣ только ночевалъ, уходя изъ дому утромъ и возвращаясь довольно поздно вечеромъ. По-русски онъ говорилъ, но съ нѣкоторымъ акцентомъ. У него никто не бывалъ и никто не замѣтилъ, чтобы онъ что-нибудь приносилъ къ себѣ въ номеръ. Во время производства слѣдствія по дѣлу о взрывѣ въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, выяснилось, между прочимъ, что найденное въ вещахъ Макъ Кулона заявленіе, подписанное фамиліей Верховскаго, поданное въ публичную бібліотеку, имѣетъ по почерку сходство съ письмомъ, подписаннымъ Леопольдомъ Бауманомъ, оставленнымъ въ гостинницѣ „Версаль“ на имя Дормидонтова оказавшагося Басовымъ. Тотчасъ же были допрошены разсыльный въ меблированномъ домѣ „Версаль“ Фоминъ и швейцаръ Митрофа-

новъ, которые признали по одеждѣ, фотографической карточкѣ, а Фомины и по труду убитого при взрывѣ лицо, очень похожее на того, кто оставилъ письмо Дормидонтову. Принадлежность Макъ Кулонову пальто, предъявлявшагося свидѣтелямъ, установлена показаніемъ портного Сниткова, чинившаго это пальто. Для проверки этого обстоятельства была произведена экспертиза, которой установлено, что письмо на имя Захаренко-Маркова подписанное Владимиромъ Безсоновымъ, письмо на имя Дормидонтова-Басова, подписанное „Леопольдъ Бауманъ“ и найденное въ вещахъ Макъ Кулона заявленіе Верховскаго, писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. При предъявленіи дознанія Басову, послѣдній, однако, заявилъ, что ему вовсе неизвѣстно, кто такой Леопольдъ Бауманъ, о равно не знаетъ и личности, жившей въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“, подъ фамиліей Макъ Кулона. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ выяснено, что Марковъ, Басовъ и обнаруженное слѣдствіемъ лицо, проживавшее по паспорту Макъ Кулона, принадлежали къ одному и тому же кружку, которымъ, какъ видно изъ письма Маркова, — „Дорогой товарищъ“...—является боевая организація социалистовъ-революціонеровъ. Вслѣдъ за арестомъ Маркова и Басова, подготовленіе террористическихъ предпріятій не остановилось, причемъ видную роль въ этомъ дѣлѣ игралъ погибшій во время изготовленія взрывчатого снаряда отъ взрыва послѣдняго, человекъ, именовавшій себя Макъ Кулономъ. Въ скоромъ времени въ Петербургѣ была обнаружена и ликвидирована „боевая организація партіи социалистовъ-революціонеровъ“, при чемъ оказалось, что нѣкоторые письма и фальшивые личные документы, найденные у указанныхъ членовъ боевой организаціи, были писаны лицомъ, жившемъ въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ подъ фамиліей Макъ Кулонъ и, наоборотъ, нѣкоторые документы, найденные у этого послѣдняго, напримѣръ, телеграмма, подписанная „Louis“, были писаны обнаруженными затѣмъ членами упомянутого общества. Въ среднихъ числахъ января 1905 года, наружное наблюдение С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія обнаружило конспиративныя сношенія именовавшаго себя Макъ Кулономъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, изъ которыхъ только одна дочь статскаго совѣтника Татьяна Леонтьева, проживала въ столицѣ подъ своимъ именемъ, а прочіе прибыли въ Петербургъ съ фальшивыми или чужими паспортами. Въ февралѣ же мѣсяцѣ, какъ видно изъ сообщенія охраннаго отдѣленія отъ 23-го марта 1905 года за № 5313, были получены агентурныя свѣдѣнія, что группа лицъ, составляющая отдѣльную фракцію „партіи социалистовъ-революціонеровъ“, именнуемую „боевой организаціей“, приготовляетъ рядъ послѣдовательныхъ террористическихъ актовъ по отношенію нѣкоторыхъ Высочайшихъ Особъ и высшихъ государственныхъ сановниковъ, причемъ указывалось, что въ числѣ первыхъ жертвъ „боевой организаціи“ намѣченъ генераль-губернаторъ свиты Его Величества, генерал-майоръ Треповъ. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, во главѣ организаціи стоитъ извѣстный революціонеръ Сергій Варыковъ, проживающій

нелегально въ Петербургѣ по паспорту сына чиновника Евсея Ивановича Уланова.

Наблюденіе, установленное за Сергѣемъ Барыковымъ, въ связи съ имѣвшимися агентурными указаніями, выяснило составъ и дѣятельность боевой организаціи. 21-го февраля наблюденіемъ было установлено, что С. Барыковъ вышелъ изъ квартиры въ 11½ часовъ вечера и отправился на Николаевскій вокзалъ, гдѣ его уже ожидалъ неизвѣстный господинъ лѣтъ 27, средняго роста, шатенъ, носъ съ горбинкой, бородка „буланже“, одѣтый въ черное пальто съ кенгуровымъ воротникомъ, съ черною мягкой котиковой шапкой, съ полями, впередъ немного опущенными. Какъ оказалось въпослѣдствіи, это лицо было никто иной, какъ Макъ Кулонъ, погибшій при взрывѣ въ мебелированныхъ комнатахъ „Бристоль“. Объ этой поѣздкѣ на Николаевскій вокзалъ сообщалось выше, по показаніямъ управляющаго мебелированными комнатами, Степанова и корридорнаго Федорова. Поговоривъ до второго звонка, Макъ Кулонъ простился съ Барыковымъ и ушелъ съ вокзала, а Барыковъ съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12 часовъ 20 минутъ ночи выбылъ изъ С.-Петербурга. Изъ числа вошедшихъ въ наблюденіе лицъ, состоящихъ членами „боевой организаціи“, Барыковъ состоялъ особенно въ близкихъ отношеніяхъ съ проживающими въ С.-Петербургѣ Прасковьей Семеновной Волошенко, проживающей по паспорту на имя вдовы чиновника Маріи Егоровны Надеждиной и неизвѣстнымъ лицомъ, прописаннымъ по паспорту на имя минскаго мѣщанина Іосифа Іосифовича Жемайтиса, а также дочерью статскаго совѣтника Татьяной Александровной Леонтьевой. Всѣ эти лица, являясь дѣятельными организаторами террористическихъ актовъ, представляютъ собою кадръ „боевой организаціи“. При наблюденіи за Волошенко (Надеждиной) было замѣчено, что 25 февраля она вмѣстѣ съ женою Барыкова Надеждой Михайловой, по выходѣ изъ квартиры, отправилась въ Лѣтній садъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ Макъ Кулонъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ боковую аллею сада. Волошенко и Барыкова сѣли на лавочку, а Макъ Кулонъ стоялъ передъ ними, о чемъ то разсуждая.

Часъ спустя Макъ Кулонъ, простившись съ Волошенко и Барыковой, поѣхалъ на Англійскую набережную, гдѣ встрѣтилъ Леонтьеву. Дойдя съ нею до Средняго проспекта Васильевского острова, они повернули обратно и, взявъ извозчика, около часа катались по кругу въ Петровскомъ паркѣ. 26-го февраля, какъ указано выше, въ 4 часа утра произошелъ взрывъ въ мебелированныхъ комнатахъ „Бристоль“. Взрывъ этотъ констатировалъ возможность совершенія террористическаго акта въ непродолжительномъ времени, въ виду чего за всѣми наблюдаемыми охраннымъ отдѣленіемъ лицами, входящими въ составъ „боевой организаціи“, было усиленно наблюденіе въ цѣляхъ немедленнаго выясненія всѣхъ членовъ названной организаціи. 13-го марта наблюденіемъ было замѣчено, что въ буфетѣ Народнаго Дома, состоялась сходка нѣкоторыхъ членовъ „боевой организаціи“. На этомъ

собрании принимали участие: Надеждина (Волошенко), Жемайтисъ (Шиллеровъ), Барыкова, лицо, въ которомъ охранное отдѣленіе предполагало розыскиваемого революціонера-соціалиста, Савинкова (Моисеенко), неизвѣстный, проживавшій по паспорту Агапова, съ которымъ Волошенко имѣла 11 марта конспиративное свиданіе. Просидѣвъ въ буфетѣ около 3½ часовъ, они разошлись. Въ тотъ же день, личность, считаемая Савинковымъ (Моисеенко), выѣхала ночнымъ поѣздомъ изъ С.-Петербурга по Николаевской желѣзной дорогѣ на ст. Вишера, гдѣ пересѣла на обратный поѣздъ и утромъ 14 марта возвратилась въ С.-Петербургъ. Точно также та же личность съ 14-го на 15-ое марта провела ночь въ поѣздѣ Варшавской желѣзной дороги. По возвращеніи въ С.-Петербургъ, Моисеенко остановился въ гостинницѣ „Пале-Рояль“ прописавшись по удостовѣренію Нижегородскаго Полиціеймейстера на имя сына надворнаго совѣтника Александра Алексѣевича Никольскаго. 14 марта наблюдаемый Агаповъ, одѣтый извозчикомъ, выѣхалъ изъ дому и отправился на Морскую улицу, гдѣ останавливался нѣсколько разъ вблизи и около дома, въ которомъ проживаетъ С.-Петербургскій генераль-губернаторъ. Во время стоянки Агапова по Морской прошелъ Никольскій и отдалъ письмо посыльному Сидоренко, который, какъ замѣтило наблюденіе, все время стоялъ на углу Морской и Почтамтской улицъ, обращая все вниманіе на генераль-губернаторскій поѣздъ. Получивъ письмо, Сидоренко подошелъ къ извозчику Агапову и, поговоривъ съ нимъ, они поѣхали на Алексѣевскую улицу, гдѣ противъ дома № 18 на серединѣ улицы остановились поговорили минуты двѣ и „посыльный“, не расплачиваясь, ушелъ въ домъ № 18, гдѣ, повидимому оставилъ письмо и затѣмъ возвратился на прежнее мѣсто, а извозчикъ остановился по другую сторону Мойки, наблюдая за квартирой генераль-губернатора. Въ 5 часовъ дня Агаповъ отѣхалъ, а его мѣсто занялъ товарищъ, также одѣтый извозчикомъ оказавшійся впоследствии Егорьескимъ мѣщаниномъ Григоріемъ Федотовичемъ Запольскимъ (Подвицкимъ). Въ этотъ день все наблюденіе извозчиковъ было сосредоточено за выходомъ лицъ изъ генераль-губернаторскаго дома. 15-го марта извозчики и посыльный также производили наблюденіе, но вниманіе ихъ было преимущественно сосредоточено на площади Маріинскаго дворца въ которомъ въ этотъ день назначено было засѣданіе комитета министровъ, а также на Фонтанкѣ возлѣ дома, гдѣ проживаетъ министръ внутреннихъ дѣлъ. Такія данныя, полученныя агентурнымъ путемъ, въ связи съ результатами наружнаго наблюденія приводили къ несомнѣнному заключенію о готовящемся на дняхъ покушенія на жизнь свиты Его Величества генераль-маіора Трепова и министра внутреннихъ дѣлъ гофмейстера Булыгина, а потому было признано своевременнымъ приступить къ ликвидаціи террористической группы, именуемой „боевой организаціей“ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, и 16-го марта были на улицѣ задержаны члены этой организаціи: Агаповъ, Запольскій (Подвицкій) Жемайтисъ (Шиллеровъ), Леонтьева, Волошенко (Надеждина),

Моисеенко (предполагаемый Савенковъ), Сидоренко и Барыковъ (Улановъ). Въ то же время въ Москвѣ были задержаны: жена Барыкова, проживающая по документу на имя мѣщанки Анны Михайловны Фроловой, извѣстная по принадлежности къ той же группѣ дочь купца первой гильдіи Сура Госифовна Эфрусса и повивальная бабка Фейга-Геня Лейбова Кацъ, которая, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, предполагала держать конспиративную квартиру для членовъ „боевой организаціи“. Затѣмъ былъ арестованъ знакомый Волошенко, личный почетный гражданинъ Моисей Абрамовичъ Новомѣйскій, который, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, обѣщалъ Волошенко оказывать содѣйствіе „боевой организаціи“.

Изъ осмотра нелегальной литературы, изданной партіей социалистовъ-революціонеровъ и вполне характеризующей ея программу, слѣдуетъ отмѣтить взглядъ партіи на роль и значеніе такъ называемой „боевой организаціи“, къ которой принадлежало большинство изъ поименованныхъ выше обвиняемыхъ по настоящему дѣлу. По взглядамъ партіи, террористическіе акты, карающіе отвѣтственныхъ виновниковъ наиболѣе возмутительныхъ проявленій правительственнаго произвола и насилія,—говорится въ одной изъ подпольныхъ брошюръ, воспроизведенной мимеографическимъ способомъ съ рукописи и заключающей изложеніе программы партіи социалистовъ-революціонеровъ,—представляютъ собою необходимыя средства самообороны. Во избѣжаніе перехода террористической борьбы во власть случайности, въ видахъ успѣха, въ интересахъ цѣлесообразнаго выбора момента и цѣли, во избѣжаніе злоупотребленія этимъ средствомъ борьбы, наконецъ, во избѣжаніе отвлеченія силъ, необходимыхъ въ другихъ отрасляхъ революціонной работы, партія социалистовъ-революціонеровъ считаетъ цѣлесообразнымъ террористическую борьбу возложить на специальную, строго обособленную боевую организацію. Конечною задачею партіи социаль-революціонеровъ является: „слить движенія разрозненныхъ элементовъ освободительной борьбы въ одинъ общій, единый революціонный потокъ, который своимъ девятымъ валомъ снесетъ, наконецъ, плотину самодержавнаго деспотизма и откроетъ широкую дорогу социальному возрожденію нынѣ скованной, обезсиленной, истощенной и ограбленной трудовой Россіи. Въ лицѣ самодержавія социалистическое движеніе столкнулось съ претивствомъ, котораго нельзя обойти, но только можно сломить, въ виду чего партія социаль-революціонеровъ смотритъ на борьбу съ самодержавіемъ, какъ на неотложную задачу своей социально-революціонной программы.“ Пунктъ о террорѣ—говорится въ № 3 „Революціонной Россіи“—долженъ и можетъ войти въ общую программу партіи... признавая неизбѣжность и цѣлесообразность террористической борьбы, партія оставляетъ за собою право приступить къ ней... когда она признаетъ это возможнымъ. Согласно рѣшенію партіи,—говорится въ статьѣ „Террористическій элементъ въ нашей программѣ“,—изъ нея выдѣлилась специальная боевая организація, принимающая на себя, на началахъ строгой конспираціи и раздѣленія труда, исключительно дѣятельность дезорга-

низаціонную и террористическую. Эта боевая организація получаетъ отъ партіи, черезъ посредство ея центра, общія директивы относительно выбора времени для начала и остановки военныхъ дѣйствій и относительно круга лицъ, противъ которыхъ эти дѣйствія направляются. Во всемъ остальномъ она надѣлена самыми широкими полномочіями и полной самостоятельностью. Она связана съ партіей только посредствомъ центра и совершенно отдѣлена отъ мѣстныхъ комитетовъ. Она имѣетъ вполне обособленную организацію, особый личный составъ, по условіямъ самой работы, конечно, крайне немногочисленный, отдѣльную кассу, отдѣльные источники средствъ. Эта боевая организація беретъ всецѣло на себя роль охранительнаго отряда, освобождая мѣстные комитеты партіи отъ обязанности отвлекаться отъ своего главнаго дѣла, для самозащиты и обузданія насильниковъ.

Обрисовавъ такимъ образомъ роль и значеніе террора и участіе боевой организаціи, исполняющей террористическіе акты, партія революціонеровъ опредѣляетъ значеніе такихъ террористическихъ актовъ боевой организаціи, какъ убійство министра Сипягина, покушеніе на жизнь князя Оболенскаго и т. д. Виновники этихъ террористическихъ актовъ боевой организаціи были уже суждены и къ настоящему дѣлу приложены приговоры: 1) о сынѣ купца Егорѣ Сергѣевѣ Сазоновѣ и мѣщанинѣ Шимелѣ Лейбѣ Вульфѣвѣ Сикорскомѣ, обвинявшихся въ убійствѣ статсъ-секретаря Плеве, 2) о Варшавскомъ мѣщанинѣ Иванѣ Платоновѣ Каляевѣ, обвинявшемся въ убійствѣ Великаго Князя Сергѣя Александровича 3) о дворянинѣ Степанѣ Валерьяновичѣ Балмашевѣ, обвинявшемся въ убійствѣ егермейстера Сипягина и 4) о происходящемъ изъ мѣщанъ города Шавли провизорѣ Гершѣ Ицковичѣ Гершуни, мѣщанинѣ Михаилѣ Михайловичѣ Мельниковѣ и др., обвинявшихся въ принадлежности къ боевой организаціи и другихъ государственныхъ преступленіяхъ.

Указанныя выше свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности боевой организаціи, ликвидированной 16-го марта 1905 года, были получены главнымъ образомъ отъ филеровъ С.-Петербургскаго охраннаго отдѣленія. Спрошенные на дознаніи, они показали слѣдующее: полицейскій надзиратель Гурьяновъ и городской Жійдинъ, что въ 11 ч. 30 м. утра 21-го февраля Сергѣй Барыковъ, за которымъ онъ наблюдалъ, вышелъ изъ своей квартиры, а за нимъ номерной несъ два небольшихъ чемодана. Сѣвъ на извозчика, Барыковъ поѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, гдѣ въ залѣ I класса встрѣтился съ господиномъ, въ которомъ по описанію слѣдуетъ признать именующаго себя Макъ-Кулономъ. Переговоривъ около $\frac{1}{2}$ часа, они ко второму звонку вышли на перронъ, гдѣ распрощались. Барыковъ сѣлъ въ вагонъ II кл. и доѣхалъ до Твери, гдѣ слѣзъ съ поѣзда и на хорошемъ извозчикѣ уѣхалъ. Вернулся онъ на вокзалъ въ $1\frac{1}{2}$ часа ночи того же дня и поѣхалъ въ Москву, гдѣ 22 февраля за нимъ наблюдало московское охранное отдѣленіе. Какъ видно изъ дневника и показанія агента Губанова, Барыковъ посѣщалъ въ Москвѣ разныхъ лицъ (Пере-

верзева, Петлина, Ростовцева), извѣстныхъ департаменту полиціи вслѣдствіе ихъ противоправительственной дѣятельности, а 24 февраля выѣхалъ въ Петербургъ. 25 февраля полицейскій надзиратель Горбатенковъ, наблюдая съ 10 ч. утра за обвиняемой Волошенко, видѣлъ какъ она вышла вмѣстѣ съ Барыковой изъ своей квартиры (Садовая 9) причѣмъ Барыкова вышла на улицу на 10 мин. раньше Волошенко и соединились онѣ лишь на углу Инженерной и Садовой, откуда вмѣстѣ отправились въ Лѣтній садъ, гдѣ на средней аллеѣ къ нимъ подошелъ невыясненный дознаніемъ мужчина лѣтъ 50, блондинъ, съ легкою просѣдою, съ подстриженной бородкой безъ очковъ. Черезъ 10 м. къ нимъ подошелъ второй господинъ, который по примѣтамъ былъ, повидимому, Макъ-Кулонъ. Всѣ они отправились къ аллеѣ, идущей параллельно рѣкѣ Фонтанкѣ. Дойдя до домика Петра I, они, за исключеніемъ Макъ-Кулона, сѣли на скамейку, а Макъ-Кулонъ сталъ передъ ними и что-то имъ говорилъ, сильно жестикулируя руками. Такъ они просидѣли около часу, послѣ чего всѣ направились къ выходу, ведущему къ Инженерному мосту.

Макъ-Кулонъ распрощался со всѣми и уѣхалъ на извозникѣ въ ресторанъ Максимова (Садовая 14), гдѣ его наблюдали агенты Петровъ, Шагиновъ и Гурьевъ. Минутъ черезъ 40 Макъ-Кулонъ вышелъ изъ ресторана и поѣхалъ на извозникѣ на Англійскую Набережную, гдѣ, отпустивъ извозчика, онъ, перейдя рѣку, подошелъ къ поджидавшей его Леснтьевой. Поздоровавшись съ нею за руку, они пошли вдвоемъ по шестой линіи Васильевскаго Острова, послѣ чего, взявъ извозчика, поѣхали въ Петровский паркъ, гдѣ катались по кругу шагомъ около часа, а затѣмъ, быстро спустившись къ Невѣ, скрылись отъ наблюденія. Тѣмъ временемъ, Волошенко, Барыкова и пожилой господинъ вновь воротились въ Лѣтній садъ, который прошли весь и вышли на набережную Невы у часовни, откуда повернули къ Литейному. Пройдя Прачешный мостъ, они свернули направо и пошли по другому берегу Фонтанки, но, не доходя Сергіевской улицы, разстались и сѣли на 2-хъ извозчиковъ: Волошенко и Барыкова на одного, а пожилой господинъ на другого. Ночью въ этотъ день, какъ уже было выше указано, въ меблированныхъ комнатахъ „Бристоль“ произошелъ взрывъ, при которомъ погибъ Макъ-Кулонъ. 26 февраля въ 10 приблизительно часовъ утра, Волошенко вмѣстѣ съ Барыковой и упомянутымъ выше пожилымъ господиномъ уже сидѣли на скамейкѣ на главной аллеѣ въ Лѣтнемъ Саду, недалеко отъ выхода на рѣку Неву. За ними стали наблюдать агенты Горбатенковъ и Гурьевъ. Минутъ черезъ 10—15 къ нимъ подошелъ какой-то господинъ, послѣ чего они вскорѣ встали и разошлись. Волошенко съ пожилымъ господиномъ поѣхала на Каменноостровский въ домъ № 24, откуда часа чрезъ 2 Волошенко, уже одна, поѣхала къ Лѣтнему саду; здѣсь, встрѣтившись съ Барыковой, поѣхали вдвоемъ сперва въ одинъ изъ домовъ по 11 линіи Васильевскаго Острова и, выйдя оттуда часа черезъ 2, взяли вейку и поѣхали къ Народному Дому, гдѣ около часу кого-то поджидали. Отъ На-

роднаго Дома онѣ поѣхали къ Академіи Художествъ, гдѣ и были потеряны наблюденіемъ. На слѣдующій день 27 февраля Волошенко, Барыкова и упоминавшійся уже пожилой господинъ опять встрѣтились въ Лѣтнемъ Саду, откуда приблизительно въ 11 ч. дня Волошенко и Барыковъ вышли и стали прощаться, причемъ Волошенко перекрестила и поцѣловала Барыкову, послѣ чего послѣдняя поѣхала на Пушкинскую улицу въ „Пале-Рояль“. Въ 11 ч. вечера Барыкова вышла оттуда съ вещами и поѣхала на Николаевскій вокзалъ, откуда въ Тверь. Въ Твери Барыкова прожила въ Центральной Гостиницѣ до 2 марта, нѣсколько разъ пріѣзжая за это время на Почтамскую площадь къ зданію тверской губернской Земской Управы, гдѣ она, видимо, кого-то поджидала. 2-го марта, ночью, Барыкова выѣхала въ Москву, гдѣ сѣвъ на трамвай, поѣхала сперва въ Сокольники и, пересѣвъ тамъ въ городскія сани, поѣхала въ Богородскъ. Въ Богородскѣ она вошла въ ворота фабрики „Товарищество Резиновой Мануфактуры“, откуда черезъ 2 часа вышла съ Сурой Эфрусси. Обѣ эти женщины поѣхали на Николаевскій вокзалъ, имѣя при себѣ сверточекъ, въ видѣ ящика вершка 4 длины и ширины и вершка 2 вышиною. Въ этотъ день Барыкова съ Эфрусси побывали въ нѣсколькихъ домахъ, посѣщая разныхъ лицъ. 4-го марта Барыкова съ тѣмъ же сверткомъ опять поѣхала на фабрику резиновой мануфактуры, откуда, вскорѣ послѣ ея прибытія, вышла Эфрусси и куда-то уѣхала на извозчикѣ; Барыкова же, пробывъ на фабрикѣ еще около 3-хъ часовъ, поѣхала на Николаевскій вокзалъ, а затѣмъ взявъ свои вещи, на Нижегородскій и съ почтовымъ поѣздомъ уѣхала въ Нижній Новгородъ. 6-го марта Барыкова выѣхала изъ Нижняго Новгорода обратно въ Москву, куда и прибыла 7-го марта, а черезъ часъ выѣхала въ Тулу и Самару. Въ Самарѣ она 10 марта посѣтила контору Самарской Газеты. 13 марта Барыкова выѣхала изъ Самары въ Рязань, откуда поѣхала въ Москву, куда и пріѣхала 15-го марта. Прямо съ Рязанскаго вокзала она поѣхала на фабрику резиновой мануфактуры, откуда вышла съ Эфрусси и поѣхали вмѣстѣ въ городъ. 16 марта Барыкова вновь встрѣтилась съ Эфрусси въ домѣ Коровина, послѣ чего онѣ сдѣлали въ городѣ нѣсколько закупокъ. Во время отсутствія Барыковой изъ Москвы, а именно 10-го марта, агентъ Мѣшковъ наблюдалъ свиданіе Эфрусси съ Шиллеровымъ въ кофейной Филиппова на Тверской.

Когда Эфрусси вошла въ кофейную, Шиллеровъ ее уже тамъ поджидалъ. Они вмѣстѣ вышли затѣмъ отъ Филиппова и дошли до Камергерскаго переулка, гдѣ разстались. 17-го марта Барыкова и Эфрусси были одновременно арестованы на улицѣ. Тѣмъ временемъ наблюденіе за оставшимися въ Петербургѣ участниками боевой организаціи, продолжалось. 28 февраля, т. е. черезъ сутки послѣ прощанія съ Барыковой у Лѣтняго сада, агенты Вавилинъ и Гурьяновъ наблюдали Волошенко, когда она въ 1½ ч. дня, изъ своей квартиры (Садовая, 9) вышла и поѣхала на извозчикѣ къ Столярному переулку д. № 6, гдѣ въ то время жили

Кацъ и Новомѣйскій, откуда черезъ 20 минутъ воротилась домой. Второй разъ Волошенко вышла изъ дому въ 2 ч. 40 м. дня и поѣхала въ департаментъ таможенныхъ сборовъ, а затѣмъ въ нѣкоторые другіе дома въ разныхъ частяхъ города. 1 марта Волошенко вышла уже изъ новой своей квартиры (по Столярному 6, тамъ же, гдѣ проживали обвиняемые Кацъ и Новомѣйскій) и поѣхала сперва въ Клиническій институтъ по Кирочной, а затѣмъ къ Лѣтнему саду, въ который вошла со стороны Невы. Едва она туда вошла, какъ къ ней подошла Леонтьева, съ которой онѣ въ продолженіе не менѣе часа гуляли по боковой аллеѣ, послѣ сего онѣ вышли на набережную Невы и у Лебяжьего моста разошлись по домамъ. 3-го марта Волошенко тоже не надолго выходила изъ дому. 4-го марта Волошенко въ полдень пошла въ Гостинный дворъ, откуда прошла по Казанской улицѣ и у Демидова переулка встрѣтилась съ Новомѣйскимъ. Поговоривъ съ нимъ 5 минутъ, Волошенко пошла домой, а Новомѣйскій пошелъ въ лабораторію министерства финансовъ. Въ 3 часа дня Волошенко вновь вышла и отправилась на извозчикѣ на шестую линію, гдѣ, сойдя съ извозчика, стала кого-то поджидать, засматривая въ окна магазиновъ. Въ это время мимо нея прошла Леонтьева, какъ бы не обративъ на нее вниманія. Волошенко же взглянувъ ей вслѣдъ, сейчасъ же пошла за нею. Вскорѣ Леонтьева повернула назадъ и онѣ, встрѣтившись, поздоровались за руку и пошли вмѣстѣ по направленію къ Невѣ, послѣ чего, нанявъ извозчика, поѣхали въ Петровский паркъ. 5 марта Волошенко вышла изъ дому около 11³⁰ дня, отправилась въ Гостинный дворъ и стала его обходить, кого-то ожидая. Наконецъ, она встрѣтила обвиняемую Кацъ и долго гуляла съ нею по Думской улицѣ. Минутъ черезъ 20 онѣ пошли къ Казанскому собору. Вечеромъ Волошенко опять выходила изъ дому, имѣя какой-то свертокъ въ видѣ двухъ апельсинновъ; на этотъ разъ она имѣла въ Гостинномъ дворѣ свиданіе съ какой-то невыясненной дознаніемъ барышней. Въ этотъ же день, 5 марта, изъ дому въ которомъ жили Волошенко, Кацъ и Новомѣйскій (Столярный 6), послѣдній выѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, захвативъ попутно на Садовую въ д. № 1. На вокзалѣ онѣ передалъ на храненіе свои вещи багажному кондуктору, приказавъ обращаться съ ними осторожно, т. к. тамъ хрустальные вещи. Съ вокзала онѣ поѣхали сперва въ этнографическій музей по Таможенному переулку, затѣмъ на Невскій, гдѣ стали осматривать квартиры. Въ первомъ часу ночи взялъ на вокзалѣ свои вещи и поѣхалъ въ д. № 29 на углу Фонтанки и Невскаго, гдѣ и поселился въ меблиров. комнатахъ „Дюментонъ“. 6 марта Волошенко, около 1 часа дня, поѣхала на извозчикѣ къ дому № 48-23 на углу Средняго проспекта и 12 линіи, въ который и вошла, а черезъ нѣкоторое время туда же пришелъ и С. Барыковъ. 8 марта агентъ Петровъ наблюдалъ Барыкова и видѣлъ, какъ онѣ вошли въ д. № 22-24 по Крюкову каналу. Черезъ 1 ч. онѣ поѣхали къ Румянцевскому скверу, гдѣ отпустилъ извозчика. Въ это время сюда же подошла и Леонтьева, но они не показали

даже вида, что знакомы другъ съ другомъ. Барыковъ прошелъ на 5 линію и встрѣтилъ тамъ Волошенко, поздоровался съ нею и они вдвоемъ пошли по направленію къ Невѣ. По дорогѣ имъ встрѣтился молодой человѣкъ лѣтъ 30-ти и они уже втроемъ пошли къ набережной. Здѣсь Барыковъ, не прощаясь съ ними, отсталъ, сѣлъ на электрической трамвай и уѣхалъ, а Волошенко продолжала разговаривать съ упомянутымъ господиномъ.

Впродолженіе всего времени ихъ свиданія на 4 линіи Леонтьева ходила противъ нихъ по 5 линіи, смотрѣла на нихъ и какъ бы желала оградить ихъ своимъ присутствіемъ отъ наблюденія. 9 марта Волошенко въ 11½ ч. дня изъ своей квартиры отправилась въ Гостинный дворъ, гдѣ на углу Невского и Садовой имѣла свиданіе съ Кацъ, съ которой около 40 м. просидѣла въ боковомъ проходѣ на лавочкѣ. Вечеромъ уже Волошенко вновь поѣхала въ тотъ же домъ по 12 линіи, гдѣ 6 марта имѣла, повидимому, свиданіе съ Барыковымъ. Кацъ же отправилась искать себѣ квартиру. 10 марта Волошенко, въ 1½ ч. дня, поѣхала къ Александровскому саду и, рассчитавъ извозчика, стала тамъ кого-то поджидать. Встрѣтившись съ Барыковымъ, они поѣхали въ кухмистерскую обѣдать, затѣмъ въ теченіе цѣлаго часа прогуливались, послѣ чего поѣхали въ Перинную линію, гдѣ купили одѣяло, подушку и простыню. Поѣхавъ далѣе, они на углу Садовой и Чернышева переулка разстались. 11 марта Волошенко, выйдя изъ своей квартиры (Столярный, 6), прошла къ Казанскому собору, гдѣ, гуляя между колоннами собора, кого-то поджидала, но, не дождавшись, уѣхала. Около 4 ч. полудни Волошенко въ Зеркальной линіи Гостиннаго двора встрѣтилась съ Барыковымъ и, сдѣлавъ съ нимъ нѣкоторыя покупки, прошли до Александровскаго сада, гдѣ разошлись. Волошенко отсюда поѣхала на извозчикѣ къ Зоологическому саду и, отпустивъ извозчика, пошла по Александровскому парку. Недалеко отъ Народнаго Дома она встрѣтила Подновскаго, съ которымъ отправилась къ катку Народнаго дома. Здѣсь она оставила Подновскаго и направилась къ Агапову, стоявшему у входа на катокъ. Агаповъ былъ одѣтъ въ ватную куртку, высокіе русскіе сапоги и барашковую конусомъ шапку. Поговоривъ о чемъ-то съ минутой, они пошли на заднюю дорогу Зоологическаго сада, причемъ Подновскій послѣдовалъ за ними шагахъ въ 10, а затѣмъ—подошелъ къ нимъ. Здѣсь они гуляли около часа и Волошенко передала Агапову деньги. Наконецъ, они всѣ трое, вышли задней алеей сада; Агаповъ на электрической конкѣ уѣхалъ къ Невскому, а Волошенко съ Подновскимъ, взявъ извозчика, поѣхали на Невскій къ кондитерской Андреева, гдѣ Подновскій сѣлъ съ извозчика, а Волошенко поѣхала домой. Въ кондитерской Подновскій имѣлъ свиданіе съ какимъ-то, невыясненнымъ дознаніемъ, господиномъ, съ которымъ, выйдя изъ кондитерской, они направились къ меблированнымъ комнатамъ „Бристоль“, въ которыхъ еще не были вставлены разбитыя взрывомъ оконныя стекла. Проходя мимо „Бристоль“ Подновскій нѣсколько разъ кивалъ по направленію мѣста взрыва головой и показывалъ

глазами. 12-го марта Волошенко въ 11^{1/2} утра направилась въ Казанскій соборъ. Въ соборѣ она подошла сперва къ свѣчному ящичку, а потомъ къ просфорному столу и, вставъ затѣмъ около западныхъ дверей, стала молиться. Въ это время къ ней подошелъ Шиллеровъ, только-что прибывшій, поздоровался съ ней и сталъ съ нею разговаривать. Минуть черезъ 20 они вышли изъ собора и долго гуляли по различнымъ улицамъ, заходя по дорогѣ въ паштетную на Литейной, а затѣмъ разстались и возвратились домой: Волошенко на свою квартиру въ Столярный 6, а Шиллеровъ въ Балабинскую гостиницу. Въ этотъ самый день С. Барыковъ переѣхалъ изъ д. № 57 по Литейному на новую квартиру по Гороховой, № 64. 13 марта Волошенко, около 2 ч. дня, проходя по Крюкову каналу, стала часто оглядываться, кого-то выискивая. Выйдя по Никольскому переулку къ углу Екатерингофскаго проспекта, она встрѣтилась съ Моисеенко, который ее, видимо, поджидалъ. Они поздоровались, послѣ чего Волошенко взяла Моисеенко, какъ близкаго человѣка, правой рукой за лѣвую, и такъ они прошли черезъ Поцѣлуевъ мостъ, Александровскій садъ на Гороховую въ кухмистерскую. Минуть черезъ 50 они по набережной Мойки, черезъ Цѣпной мостъ, вышли на Пантелеймоновскую къ зданію департамента полиціи; проходя мимо этого зданія они, внимательно заглянули во дворъ. Послѣ этого они вышли на Литейный и на углу Кирочной остановились. Здѣсь Моисеенко, вынувъ портмоне, передалъ Волошенко деньги, послѣ чего они распрощались. Моисеенко, нанявъ извозчика поѣхалъ въ Народный Домъ, а Волошенко первоначально заѣхала на Сергіевскую, а затѣмъ также въ Народный Домъ. Въ этотъ же день Барыковъ въ 1 часу дня ѣздитъ въ Александро-Невскую Лавру и кого-то тамъ поджидалъ, но, не дождавшись, вернулся; затѣмъ въ чайной на Знаменской имѣлъ свиданіе съ какимъ-то неизвѣстнымъ человѣкомъ, послѣ чего также отправился въ Народный Домъ. Кромѣ названныхъ лицъ, въ это утро подъ наблюдениемъ находился и Шиллеровъ. Выйдя въ 9 ч. утра, онъ зашелъ въ кофейную „Парижъ“ подъ Пассажемъ, откуда направился къ департаменту полиціи, остановившись у новаго, взаимѣнъ Пантелеймоновскаго моста, сталъ внимательно смотрѣть на департаментъ полиціи. Простоявъ т. обр. около 1/4 часа, Шиллеровъ перешелъ къ старому Пантелеймоновскому мосту, откуда опять въ продолженіе пяти минутъ смотрѣлъ на д-тъ полиціи. Затѣмъ онъ перешелъ Пантелеймоновскій мостъ и, обойдя Инженерный Замокъ, вышелъ къ Фонтанкѣ и опять сталъ смотрѣть на д-тъ полиціи. Простоявъ съ 1/4 часа, онъ пошелъ къ Симеоновскому мосту, перешелъ Фонтанку и по набережной прошелъ мимо д-та полиціи; затѣмъ, остановившись у новаго моста, сталъ слѣдить за проезжающими каретами. Направившись затѣмъ по Пантелеймоновской улицѣ, Шиллеровъ вошелъ въ ворота дома д-та полиціи, прошелъ навѣсь, гдѣ стояли курьерскія департаментскія лошади. Наблюдавшій за нимъ агентъ Сергѣевъ, боясь, не задумалъ ли онъ чего-либо противъ самого зданія д-та полиціи,

бросился въ д—ть предупредить. Тѣмъ временемъ Шиллеровъ скрылся и былъ вновь замѣченъ уже на Невскомъ проспектѣ. Приѣхавъ къ Народному дому, Волошенко сперва встрѣтила тамъ Агапова, потомъ Шиллерова и, наконецъ, Барыкова. Всѣ они при встрѣчѣ поздоровались другъ съ другомъ, а затѣмъ направились въ ту часть Народнаго Дома, гдѣ находился буфетъ, и заняли въ ближнемъ отъ него углу столикъ. Черезъ часъ послѣ того, какъ они усѣлись, Агаповъ, поднявшись изъ-за стола, направился направо къ вѣшалкѣ и тутъ вскорѣ встрѣтилъ Моисеенко, который, раздѣвшись, пошелъ съ нимъ въ верхнюю галерею, гдѣ они проходили около 20 минутъ. Возвращаясь обратно, они продолжали разговаривать, и агенту Вавилину удалось услышать, какъ Моисеенко сказалъ Агапову:—„Нужно помнить губернію, деревню, имя, отчество и фамилію“. Моисеенко съ Агаповымъ направились къ сидѣвшимъ за столомъ Волошенко, Барыкову и Шиллерову, къ которымъ и присоединились. Это конспиративное собраніе о чемъ-то серьезно совѣщалось и продолжалось до 10 ч. 40 м. вечера когда Волошенко, Барыковъ и Шиллеровъ встали изъ-за стола и вышли изъ Народнаго Дома и всѣ втроемъ направились къ Биржевому мосту, но вскорѣ разстались. Волошенко, прощаясь, что-то передала Шиллерову, который поѣхалъ съ Барыковымъ до угла Невского и Литейной, гдѣ они распрощались и Шиллеровъ поѣхалъ къ себѣ въ Балабинскую гостиницу. Въ 11 ч 10 м. ночи изъ Народ. Дома вышелъ Моисеенко, а слѣдомъ за нимъ Агаповъ, показывая видъ, что они другъ друга не знаютъ. Моисеенко, выбравъ лучшаго извозчика, поѣхалъ на Николаевскій вокзалъ и съ поѣздомъ, отходящимъ въ 12¹ ч. ночи, уѣхалъ на ст. М. Вишера, гдѣ пересѣлъ въ ярославскій поѣздъ и возвратился 14 марта въ 9 ч. утра въ Петербургъ, проведя т. обр. ночь въ поѣздѣ. Приѣхавъ въ Петербургъ, Моисеенко пошелъ пѣшкомъ по Невскому и Литейному, заходя по дорогѣ въ кофейню и парикмахерскую. Въ кондитерской „Парижъ“ подѣ Пассажемъ онъ встрѣтился съ Шиллеровымъ и съ невнятенной дознаніемъ барышней, съ которой направился по Невскому и Морской. Проходя мимо мебелированныхъ комнатъ „Бристоль“, Моисеенко, видимо, показывать своей спутницѣ тѣ окна, которыя были разбиты взрывомъ 22 февраля.

Посмотрѣвъ на окна „Бристоль“, они дошли до Морской, до начала дома № 61, въ которомъ квартируетъ генераль-губернаторъ, затѣмъ повернули назадъ и, перейдя Почтамтскій переулокъ, подошли къ стоящему здѣсь Сидоренко, переодѣтому посыльнымъ. Барышня прошла дальше и стала ходить взадъ и впередъ, а Моисеенко минутъ 5 разговаривалъ съ Сидоренко, о чемъ-то смѣясь. При разставаніи съ посыльнымъ (Сидоренко), Моисеенко передалъ ему что-то вродѣ книжечки, завернутой въ бумажный конвертъ. Затѣмъ Моисеенко съ барышней поѣхали сперва на Петербургскую сторону въ ресторанъ „Яръ“. Въ 10 ч. вечера Моисеенко приѣхалъ уже одинъ на Варшавскій вокзалъ и, взявъ билетъ II класса, поѣхалъ въ Псковъ, откуда черезъ $1\frac{1}{4}$ часа

возвратился съ первымъ же поѣздомъ въ С.-Петербургъ, провелъ такимъ образомъ, и вторую ночь въ поѣздѣ. Приѣхавъ въ 9¹/₂ часовъ утра 15 марта, онъ на извозчикѣ, взявъ хранившіяся съ 13 марта у носильщика вещи, поѣхалъ въ меблированныя комнаты „Пале-Рояль“ на Пушкинскую. Въ 9 часовъ вечера онъ былъ въ ресторанѣ „Квисисана“, откуда вышелъ съ какою то барышней и на лихачѣ уѣхалъ съ нею на Острова. Послѣ конспиративнаго свиданія обвиняемыхъ въ Народномъ Домѣ, и въ виду того, что нѣкоторые изъ нихъ, очевидно выслѣживали кого-то около дома генераль-губернатора и департамента полиціи, за ними было усилено наблюденіе. 14 марта С. Барыковъ, выйдя изъ своей квартиры въ 10¹/₂ часовъ утра, отправился въ Румянцевскій скверъ, гдѣ кого-то поджидалъ, безпрестанно свѣряясь съ часами. Затѣмъ на электрическомъ трамваѣ онъ переѣхалъ Неву и отправился къ Главному Почтамту, гдѣ отослалъ переводомъ кому-то деньги. Около 6 часовъ вечера онъ опять вышелъ изъ дому и на Садовой около Пажескаго корпуса имѣлъ свиданіе съ Шиллеровымъ, съ которымъ ходили къ одному изъ домовъ по Поварскому переулку. 14 и 15 марта было произведено наблюденіе и за Новомѣйскимъ, который оба эти дня посѣщалъ въ различныхъ частяхъ города неустановленныхъ дознаніемъ лицъ, а въ 7 часовъ вечера 15 марта поѣхалъ съ вещами на Николаевскій вокзалъ, намѣреваясь уѣхать, но тамъ былъ арестованъ. Шиллеровъ 15 марта вышелъ изъ Балабинской гостиницы около 11 ч. дня и пошелъ въ кондитерскую „Парижъ“ у Пассажа, гдѣ онъ встрѣтился, какъ уже было выше указано, съ Моисеенко. Пробывъ всего около 5 минутъ въ кондитерской, Шиллеровъ отправился домой.

Около 6 ч. онъ поѣхалъ на извозчикѣ къ Гостинному двору, откуда, направившись къ Пажескому корпусу, имѣлъ свиданіе съ Моисеенко, побывавъ съ которымъ въ различныхъ домахъ и частяхъ, воротился домой. 15 марта Шиллеровъ, выйдя изъ дому въ 11-мъ часу дня пошелъ въ кондитерскую на углу Невскаго и Троицкаго проспектовъ и сталъ тамъ кого-то ожидать, сидя за столикомъ. Черезъ ¹/₂ часа сюда же пришелъ Моисеенко, съ которымъ Шиллеровъ провелъ за кофе около ¹/₂ часа. Послѣ этого они вышли вдвоемъ и пошли къ Лѣтнему саду, а затѣмъ по Фонтанкѣ (по лѣвой сторонѣ) къ подъѣзду министра внутреннихъ дѣлъ. Въ это время у подъѣзда стояла карета министра. Шиллеровъ и Моисеенко заглянули черезъ лѣвое стекло кареты въ ея глубь. Это было въ 12 ч. 15 м. дня. Пройдя мимо кареты, они направились къ Симеоновскому мосту, перешли его и, повернувъ направо, прошли мимо цирка по Фонтанкѣ, обращая все время вниманіе на карету министра, которая продолжала стоять попрежнему у подъѣзда. По Фонтанкѣ они дошли до Лѣтняго сада, затѣмъ повернули нѣлѣво, прошли Марсово поле и по Малой Конопенной, Невскому и Мойкѣ, вышли къ зданію Государственнаго Совѣта. Пройдя мимо него, они, по Вознесенскому проспекту, Максимиліановской и черезъ Прачешный переулокъ вышли на Мойку и черезъ пѣшеходный мостикъ направились по Морской

мимо дома генераль-губернатора, а затѣмъ прошли на Конно-Гвардейскій бульваръ, гдѣ разстались. Шиллеровъ поѣхалъ на Васильевскій островъ, а Моисеенко, сперва на конкѣ, а затѣмъ пѣшкомъ прошелъ къ Лебяжьей Канавкѣ, гдѣ сталъ прохаживаться, кого-то поджидая. Несмотря на большой дождь, онъ прождалъ здѣсь около 2 часовъ, а затѣмъ пошелъ по направленію къ Пантелеймоновскому мосту и тутъ, не доходя до Лѣтняго сада, встрѣтилъ Леонтьеву. Съ Леонтьевой Моисеенко, несмотря на дождь, прогулялъ еще около 2 часовъ, при чемъ, отъ Лѣтняго сада они прошли на улицу Жуковского, а затѣмъ взяли извозчика и поѣхали къ Маріинскому театру, желая, повидимому, купить билетъ. Но театръ оказался запертымъ. У театра они разстались: Леонтьева поѣхала къ Большой Морской, а Моисеенко поѣхалъ въ Гостинный дворъ, гдѣ встрѣтился съ необнаруженной дознаніемъ барышней, съ которой и отправились, какъ было уже выше указано, въ ресторанъ „Квисисана“.

16 марта агентъ Горбатенковъ арестовалъ Моисеенко въ 1 ч. дня, когда послѣдній, выйдя изъ „Пале-Рояля“, шелъ къ Невскому проспекту. Моисеенко при арестѣ сопротивленія не оказалъ, въ карманѣ пальто у него оказался пистолетъ Браунинга. 16-го же марта былъ арестованъ и Шиллеровъ, когда онъ вышелъ изъ Балабинской гостиницы въ 10¹/₂ ч. утра на улицу. Что касается Волошенко, то послѣ конспиративнаго собранія въ Народномъ Домѣ 13 марта, ее на слѣдующій день наблюдалъ агентъ Жийдинъ, который видѣлъ, какъ она въ 2 часа дня 14 марта вышла изъ дому и поѣхала за Невскую Заставу къ церкви Михаила Архангела по Шлиссельбургскому проспекту; отсюда она пѣшкомъ прошла на Муравьевскую улицу въ домъ Леонтьева. Пробывъ въ этомъ домѣ съ ¹/₂ часа, она вернулась въ городъ.

15 марта Волошенко приблизительно въ 2¹/₂ ч. дня, выйдя изъ дому, стала гулять по разнымъ улицамъ и на Екатерининскомъ каналѣ встрѣтила Фейгу Кацъ. Поздоровавшись, онѣ стали смотрѣть на билеты о сдачѣ квартиръ, а потомъ поѣхали вмѣстѣ искать квартиру, послѣ чего возвратились къ Столярному переулку, гдѣ обѣ онѣ жили въ домѣ № 6. Здѣсь Кацъ, не доѣзжая Столярнаго, сошла съ извозчика, а Волошенко доѣхала до угла Вознесенскаго и Садовой. Разсчитавъ здѣсь извозчика, она пошла въ Александровскій рынокъ, гдѣ имѣла свиданіе съ Барыковымъ. Установленное 14 марта наблюденіе за Агаповымъ, обнаружило, что въ этотъ день онъ выѣхалъ изъ дома № 163 по Лиговкѣ, гдѣ проживалъ переодѣтый извозчикомъ. Въ 12¹/₂ часовъ дня онъ подѣхалъ къ дому генераль-губернатора, гдѣ простоялъ вблизи, но постоянно мѣняя мѣсто, около 3-хъ часовъ. Въ 5 ч. вечера онъ уѣхалъ къ Маріинскому Дворцу, гдѣ простоялъ нѣсколько минутъ, послѣ чего поѣхалъ къ Департаменту полиціи, но не останавливаясь проѣхалъ домой. 14-го же марта установлено было специальное наблюденіе за появленіемъ заподозрѣнныхъ лицъ возлѣ домовъ генераль-губернатора, Государственнаго Совѣта и Департамента полиціи. Около 2 часовъ дня въ извозничьей пролеткѣ

подѣхалъ одѣтый извозчикомъ Агаповъ и сталъ на углу Морской и Почтамтскаго переулка, лицомъ къ дому генераль-губернатора. Съ нимъ заговорилъ городской. Боясь быть заподозрѣннымъ городовымъ, Агаповъ молча поѣхалъ впередъ и остановился не доѣзжая дома генераль-губернатора. Простоявъ минутъ 10, онъ проѣхалъ мимо этого дома, проѣхалъ Поцѣлуевъ мостъ и остановился на улицѣ Глинки.

Въ это же время вблизи Поцѣлуева моста появился одѣтый также извозчикомъ Подвицкій и всталъ на углу Морской и Конногвардейской, имѣя голову лошади по направленію къ генераль-губернаторскому дому. Здѣсь онъ стоялъ, отказывая всѣмъ своимъ нанимателямъ. Когда начало темнѣть, то Подвицкій, для удобства наблюденія, продвинулся ближе къ генераль-губернаторскому дому и сталъ у полицейскаго участка, гдѣ простоялъ около часу. Между тѣмъ Агаповъ съ улицы Глинки переѣхалъ на уголъ Б. Морской и Почтамтской, гдѣ сталъ переговариваться съ одѣтымъ посыльнымъ Сидоренко. Послѣдній черезъ нѣкоторое время сѣлъ къ нему въ экипажъ и поѣхалъ на Алексѣевскую улицу. 15 марта Подвицкій, вновь разыгрывая роль извозчика, подѣхалъ со своимъ экипажемъ по Мойкѣ у Нѣмецкаго клуба, при чемъ лошадь его мордою стояла по направленію къ Государственному совѣту. Подвицкій остановился здѣсь, повидимому, поджидая пріѣзда министра внутреннихъ дѣлъ, т. е. вскорѣ послѣ пріѣзда послѣдняго, поѣхалъ въ трактиръ на Васильевскій островъ. Въ этомъ же трактирѣ въ то время былъ и Агаповъ. Выѣхавъ оттуда вмѣстѣ, они остановились на 3 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектомъ и стали о чемъ-то разговаривать. Вдругъ откуда то появился Шиллеровъ, который, повидимому, ихъ здѣсь поджидалъ. Шиллеровъ сѣлъ на пролетку къ Агапову, который и повезъ его по направленію къ Николаевскому мосту. Что же касается Подвицкаго, то онъ, разставшись съ Агаповымъ, вновь отправился къ зданію Государственнаго совѣта, гдѣ сталъ на прежнее мѣсто у Нѣмецкаго клуба и, видимо, зорко наблюдалъ за выѣдомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Послѣ отъѣзда министра изъ Государственнаго совѣта, Подвицкій черезъ $\frac{1}{4}$ часа поѣхалъ по Гороховой, купивъ по дорогѣ 2 газеты, изъ которыхъ 1 номеръ „Руси“ и направился къ себѣ домой на Лиговку д. № 138. 16 марта Подвицкій выѣхалъ одѣтый извозчикомъ въ 11 ч. утра къ дому генераль-губернатора, гдѣ съ перерывами простоялъ около 3 часовъ, послѣ чего пріѣхалъ на Конногвардейскій бульваръ. Здѣсь онъ и былъ арестованъ агентомъ Коняевымъ. Этотъ послѣдній наблюдалъ 17 марта и за посыльнымъ Сидоренко, который пришелъ на уголъ Морской и Почтамтскаго переулка; приблизительно въ $9\frac{1}{2}$ часовъ утра и сталъ прогуливаться, не принимая ни отъ кого никакихъ порученій. Въ $11\frac{1}{2}$ ч. дня онъ былъ здѣсь арестованъ Коняевымъ и еще 2 филерами, причемъ оказалъ вооруженное сопротивленіе. Въ эти же дни были арестованы и всѣ другіе обвиняемые, за исключеніемъ отсутствовавшихъ Загородняго, Шиллерова, Подновскаго и Надеждиной. По наблюденію

агента Коняева Загородній 7 апрѣля имѣлъ свиданіе съ Подновскимъ въ Одессѣ. Встрѣтились они тамъ въ Александровскомъ паркѣ, откуда Загородній возвратился къ себѣ домой въ гостиницу „Биржа“. 9 апрѣля онъ уѣхалъ съ поѣздомъ въ Петербургъ; на ст. „Вилейка“ вышелъ съ вещами изъ поѣзда и въ продолженіе 5 часовъ ожидать поѣзда на Минскъ. 11 апрѣля онъ пріѣхалъ въ Минскъ и, оставивъ свои вещи на храненіе у носильщика, поѣхалъ въ Витебскъ. 26 апрѣля вечеромъ, Загородній возвратился въ Минскъ съ передаточнымъ поѣздомъ со Смоленска и, когда хотѣлъ получить отъ носильщика свои вещи, былъ арестованъ жандармскимъ унтеръ-офицеромъ.

При ликвидаціи боевой организаціи и задержаніи участниковъ, сопротивленіе оказалъ одинъ только Сидоренко. Когда къ нему приблизились служащіе въ С.-Петербургскомъ охранномъ отдѣленіи агентами полицейскій надзиратель Григорьевъ, Кирсановъ и Коняевъ, то Сидоренко выхватилъ изъ кармана пистолетъ „Браунингъ“ и произвелъ въ названныхъ членовъ охраннаго отдѣленія выстрѣлъ, причинивъ агенту Григорьеву легкое поврежденіе въ руку, послѣ чего былъ схваченъ и задержанъ. (Сообщеніе прокурора Судебной палаты судебному слѣдователю № 1028). Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей полицейскій надзиратель Василій Григорьевъ, агентъ Николай Кирсановъ и ротмистръ отд. корпуса жандармовъ фонъ Катень показали въ частяхъ до нихъ относящихся, что распоряженіе объ арестѣ именующаго себя мѣщ. Иваномъ Сидоренко, отданно было охраннымъ отдѣленіемъ 17 марта 1905 г. Арестъ былъ порученъ Григорьеву и Коняеву, при чемъ было указано, что Сидоренко стоитъ посыльнымъ у дома № 8—53 на углу Морской и Почтамтскаго переулка. Около 2-хъ часовъ дня Григорьевъ съ Коняевымъ стали подходить къ Сидоренко по Морской со стороны Николаевской площади, а Кирсановъ подъѣзжалъ въ это время къ Сидоренко по Почтамтскому переулку, съ тѣмъ, чтобы на этого извозчика усадить арестованнаго, когда первые его схватятъ. Посыльный Сидоренко стоялъ въ это время на своемъ посту, обернувшись лицомъ по направленію къ дому генералъ-губернатора Трепова и держалъ обѣ руки въ карманахъ. Приближаясь къ Сидоренко Коняевъ, по уговору, нѣсколько отсталъ, для того, чтобы приблизиться къ посыльному съ лѣвой стороны, а Григорьевъ обошелъ Сидоренко и приблизился къ нему съ правой стороны. Сидоренко, стоя прижавшись спиною къ рѣшеткѣ расположеннаго здѣсь виннаго погреба, повидимому, не ожидалъ ареста. Въ этотъ самый моментъ Коняевъ и Григорьевъ схватили его одинъ за правую, другой за лѣвую руку. Григорьевъ задержалъ правую руку Сидоренко, своей правой, выше кисти у самаго кармана, а лѣвой выше локтя. Сидоренко первоначально со словами „зачѣмъ“, двинулся было впередъ, но не могъ двинуться съ мѣста. Тогда Григорьевъ сказалъ ему: „Васъ простятъ“ и онъ отвѣтилъ: „ну пойдемъ“. Двинулся къ извозчику, съ лѣвой стороны котораго стоялъ Кирсановъ, отстегнувъ полость. (Сдѣлавъ

2 шага, Сидоренко неожиданно встряхнул руками и, вырвав левую руку, ударил ею по лбу Григорьева. Последний от полученнаго удара, ослабилъ невольно свои руки чѣмъ, Сидоренко воспользовался и, подпрыгнувъ вверхъ, вытащилъ кисть правой руки съ пистолетомъ изъ кармана и направилъ его прямо на Кирсанова, который въ этотъ моментъ приближался спереди къ посыльному. Увидя пистолетъ, Григорьевъ схватилъ правой рукой пистолетъ за дуло и сталъ гнуть руку Сидоренко назадъ, но въ это самое время произошелъ выстрѣлъ, которымъ Григорьеву обожгло большой палецъ правой руки. Кирсановъ въ этотъ моментъ схватилъ уже Сидоренко за руки спереди, выше кисти; выстрѣлъ произошелъ съ правой стороны Кирсанова, нѣсколько ниже пояса. Вслѣдъ затѣмъ Коняевъ схватилъ Сидоренко съзади, а Григорьеву удалось вырвать пистолетъ, который Сидоренко уже держалъ обѣими руками. Выстрѣлъ былъ произведенъ обвиняемымъ, очевидно, съ цѣлью убить арестовывавшихъ его агентовъ, не попалъ онъ ни въ кого только потому, что Григорьевъ гнулъ ему назадъ руку, при этомъ Григорьевъ держалъ пистолетъ за дуло въ такомъ положеніи, что произвести выстрѣлъ безъ воли Сидоренко онъ не могъ. Когда пистолетъ былъ вырванъ, Сидоренко сказалъ: „Сдаюсь“, послѣ чего его усадили на павозчика и доставили въ охранное отдѣленіе. Дорогою Сидоренко сказалъ: „хорошо. что скоро догадались“, а затѣмъ прибавилъ, обратившись къ Григорьеву: „счастливъ ты для сегодняшняго дня“. Въ охранномъ отдѣленіи Сидоренко спросилъ Григорьева: „что, за меня награду получишь?“ Хотя арестовавшие его агенты были одѣты въ штатское платье и не предупредили его, что онъ подлежитъ арестовыванію, тѣмъ не менѣе Сидоренко понималъ, что его арестовываютъ, если сказалъ: „ну пойдѣмте“. Сопротивленіе же онъ оказалъ лишь послѣ этихъ словъ. Судебно медицинскимъ освидѣтельствованіемъ Григорьева и заключеніемъ врача эксперта установлено, что оказавшійся при освидѣтельствованіи рубецъ на рукѣ Григорьева произошелъ отъ раны, причиненной какимъ-нибудь тупограаннымъ твердымъ орудіемъ, напримѣръ ударомъ края затвора пистолета, при быстромъ отодвиганіи затвора назадъ во время выстрѣла; рана относится къ разряду легкихъ. Ожогъ руки, на который указываетъ Григорьевъ, могъ произойти отъ пламени при выстрѣлѣ изъ пистолета и также долженъ быть отнесенъ къ разряду легкихъ. При обыскѣ въ охранномъ отдѣленіи у Сидоренко были найдены, кромѣ отнятаго у него при задержаніи пистолета Браунинга—за № 107.526 съ обоймой, еще одна запасная обойма отъ того же пистолета съ патронами отъ того же пистолета, барашковая шапка, кромѣ форменной фуражки посыльнаго 6 артели № 86, бывшей у него на головѣ, квитанціонная книжка, квитанція въ пріемѣ залога отъ Ивана Сидоренко, квитанція въ пріемѣ мѣсячнаго взноса отъ того же лица, разрѣшеніе стоять Сидоренкѣ на углу Морской и Почтамтскаго переулка у д. № 7—55 и клочекъ бумаги съ написанной на ней фамиліей Демина, а также кусокъ шеколада. Кромѣ этихъ вещей, у Сидоренко ока-

зался кошелекъ съ деньгами на сумму болѣе 40 рублей. Объяснить свое званіе, имя и фамилію арестованный отказался и не пожелалъ подписать протоколъ о его задержаніи. Осмотромъ отобраннаго у Сидоренко пистолета и обоймы съ патронами, а также экспертизой установлено, что пистолетъ этотъ системы Браунинга № 107526, боковыя деревянные щеки отсутствуютъ, вполнѣ исправенъ, экстракторъ свободно выбрасываетъ гильзу, предохранитель дѣйствуетъ, каналъ ствола закопченъ. Обѣ обоймы соотвѣтствуютъ пистолету и наполнены патронами (по 7 штукъ) стрѣльная гильза того же образца, имѣетъ тѣ же клейма, что и на патронахъ: на капсулѣ гильзы замѣтенъ отпечатокъ ударника. Изъ этого пистолета несомнѣнно былъ произведенъ выстрѣлъ, при чемъ выстрѣлъ былъ произведенъ изъ патрона, предварительно вложеннаго въ стволъ. (8). Послѣ перваго выстрѣла, несмотря на отомкнутый предохранитель, не послѣдовало слѣдующихъ выстрѣловъ только по той причинѣ, что затворъ не могъ отодвинуться назадъ, вслѣдствіе того, что пистолетъ былъ зажатъ въ задней его части во время борьбы при отниманіи его отъ Сидоренко. Спрошенный на слѣдствіи въ качествѣ обвиняемаго по сему обвиненію Сидоренко, не признавая себя виновнымъ, тѣмъ не менѣе не отрицалъ того, что выстрѣлъ былъ имъ произведенъ съ цѣлью избѣжать задержанія его чинами с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія, умысленно, съ намѣреніемъ лишить одного изъ нихъ жизни. По объясненію Сидоренко, въ глубинѣ праваго кармана его пальто 17 марта у него подъ носовымъ платкомъ былъ спрятанъ пистолетъ Браунинга, заряженный 8 патронами, съ закрытымъ предохранителемъ.

Кромѣ того, въ лѣвомъ карманѣ имѣлась запасная обойма съ 7 патронами. Когда онъ, Сидоренко, стоялъ на посту, его неожиданно схватили 2 человека, подошедшіе къ нему съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣли его о чемъ-то спросить, при чемъ одинъ, схвативъ его за правую руку, сказалъ: „Пойдемте“. Онъ, Сидоренко, понялъ, что его арестовываютъ, но не оказалъ тотчасъ сопротивленія лишь потому, что пистолетъ былъ съ закрытымъ предохранителемъ; чтобы выиграть время онъ сперва послѣдовалъ, но сдѣлавъ 3 или 4 шага, успѣлъ отодвинуть въ карманѣ платокъ, мѣшавшій вынуть пистолетъ, и большимъ пальцемъ открыть предохранитель. Когда все было готово, онъ рѣшилъ вырваться отъ арестовавшихъ его, хотя бы даже пришлось обѣими руками и ему удалось освободить лѣвую свою руку, которой онъ и нанесъ ударъ въ лицо человѣку, державшему его, правую руку т. к. этотъ послѣдній сталъ на ходу ощупывать его правый карманъ. Ударъ этотъ ошеломилъ державшаго его за правую руку, на столько, что онъ невольно ослабилъ руки, чѣмъ Сидоренко воспользовался. Онъ быстро вытащилъ изъ кармана свою руку съ пистолетомъ, который и направилъ въ лѣвую сторону, чтобы выстрѣлить въ человѣка, схватившаго его снова за правую руку, но въ этотъ моментъ, человѣкъ, стоявшій съ правой стороны

схватилъ за пистолетъ сзади и сверху, онъ же, Сидоренко, чтобы произвести выстрѣлъ въ стоявшаго позади его человѣка, схватилъ пистолетъ и сталъ его гнуть въ лѣвую сторону. Въ этотъ же моментъ онъ нажалъ на спускъ и произвелъ выстрѣлъ. Въ это только время приблизился спереди третій человѣкъ. Послѣ выстрѣла, человѣкъ, стоявшій съ правой стороны, отнялъ свою руку отъ пистолета, и онъ, Сидоренко направилъ пистолетъ на державшаго его лѣвую руку съ тѣмъ, чтобы произвести слѣдующій выстрѣлъ. Но какъ сильно ни нажималъ спускъ, выстрѣла почему то не произошло. Рѣшивъ тогда, что испортился экстракторъ, онъ, Сидоренко, дальнѣйшаго сопротивленія не оказывалъ. Не убилъ онъ агента, стоявшаго съ лѣвой стороны, только потому, что стоявшій справа помѣшалъ, оттягивая въ сторону пистолетъ... По мнѣнію обвиняемаго, пуля попала въ землю, съ лѣвой отъ него стороны. Гдѣ имъ быть приобрѣтеть пистолетъ, онъ объяснить отказался. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ „боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“, Сидоренко заявилъ, что онъ никакихъ свѣдѣній о себѣ, и равно и показаній давать не желаетъ, но признаетъ себя „сознательнымъ членомъ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“; программу этой организаціи онъ излагать не хочетъ, т. к. она, какъ онъ знаетъ, извѣстна русскому правительству. Протокола Сидоренко не подписалъ. Вслѣдствіе изложеннаго, дознаніе было направлено къ установленію личности Сидоренко. Обыскомъ, произведеннымъ 17 марта въ квартирѣ послѣдняго, нанимавшаго уголь у Казакова, хозяина квартиры № 16 въ домѣ № 26 по 7 линіи Васильевского острова, ничего, явно преступнаго обнаружено не было; при осмотрѣ же вещей, отобранныхъ у Сидоренко при арестѣ, оказались слѣдующіе предметы и переписки, могущіе имѣть значеніе для дѣла: 1) паспортъ выданный изъ Полтавской мѣщанской управы отъ 15 ноября 1905 г. за № 385, на имя полтавскаго мѣщанина Ивана Петрова Сидоренко; на этомъ паспортѣ оказались 2 визы 1 уч. Васильевской части города Петербурга, отъ 23 декабря 1904 г. и 7 марта сего года по д. № 26 по 7 линіи Васильевского острова 2) пистолетъ Браунинга за № 107526 съ 2 обоймами съ 7 боевыми патронами каждая и, кромѣ того, одна стрѣлчанная гильза. Пистолетъ купленъ въ Берлинѣ. 3) Клочекъ папиросной бумаги съ запиской: „№ 613 Пензенской губерніи, Красносельскаго уѣзда, Дѣвиченской волости с. Дѣвичья Герасимъ Максимовъ Деминъ по 15 мая 1905 г. 19 лѣтъ“; въ концѣ замѣтки изображена печать Дѣвиченской волости. 4) Печатная квитанція за № 1826 артели посыльныхъ отъ 5 февраля 1905 г. за подписью старосты Матросова въ принятіи отъ Сидоренко членскаго мѣсячнаго взноса. 5) Квитанція за № 86 той же артели, за подписью старосты Мананькова и казначея Рулева въ принятіи отъ Сидоренко залога 100 рублей 28 декабря 1904 года. 6) Печатная подписка, подписанная Сидоренко о томъ, что имъ внесено въ пользу той же артели 80 руб. которые онъ согласенъ отдать въ случаѣ могущихъ быть въ ар-

тели растраты. 7) Удостоверение старосты артели Матросова отъ 9 марта 1905 г. о томъ, что Сидоренко дозволено стоять на углу Морской и Почтамтской; 8) Печатная квитанционная книжка той же артели, при чемъ на квитанціяхъ № 1 и № 2 карандашемъ, за подписью „И. Сидоренко“, приписано: „5 . . . года . . . февраля, № 86“. 9) Фуражка, у коей дно ея и бока сдѣланы изъ краснаго сукна, околышъ черный. 10) Маленькій пакетикъ съ какимъ то порошкомъ 11) Вырѣзанные изъ газетъ 2 столбца о приемныхъ дняхъ и часахъ у высшихъ административныхъ лицъ. 12) Знакъ, на которомъ вырѣзано: „С. П. Б. шестой, 86 артели посыльный“. и т. д. Проверкою по надворной книгѣ въ домѣ № 26 по 7 линіи Васильевского острова, установлено, что Сидоренко жилъ въ квартирѣ № 16 съ 23 декабря 1904 г. (прибылъ съ родины изъ Полтавской губ.) по 28 февраля 1905 г. когда выбылъ неизвестно куда. По второй записи онъ значится прибывшимъ съ родины 6 марта, а выбывшимъ 18 марта 1905 г. Спрошенные въ качествѣ свидѣтелей квартиро-хозяинъ крестьянинъ Казаковъ и старшій дворникъ Гифвишевъ удостоверили, что въ квартирѣ этой занималъ уголь именно обвиняемый Сидоренко, котораго никто не посѣщалъ. 28 февраля Сидоренко выѣхалъ на нѣсколько дней, объяснивъ, что выѣзжаетъ на Пески, помочь въ продолженіи масляниа недѣли своимъ товарищамъ, снявшимъ тамъ чайную. Паспортистъ Каменевъ удостоверилъ правильность визы на паспортъ Сидоренко. Личность Сидоренко удостоверили также сожители его крестьянинъ Волковъ и крестьянка Дарья Андреева; послѣдняя показала, что видя Сидоренко часто что-то пишущимъ, она попросила его написать письмо ея матерп. Письмо это Андреева предъявила. Какъ видно изъ протокола осмотра этого письма, оно писано хорошимъ бойкимъ почеркомъ и носитъ по содержанию совершенно литературный характеръ. При сличеніи черезъ экспертовъ подлинной подписи Сидоренко на упомянутой выше подпискѣ о внесеніи 80 р. въ пользу артели, на случай разстраты (см. вещ. доказат.) съ почеркомъ означеннаго письма, оказалось, что почерки эти тождественны. Затѣмъ дознаніемъ были проверены данныя относительно паспорта крестьянина Демина, указаннаго на отобранномъ у Сидоренко клочкѣ бумаги, для чего произведена раньше всего экспертиза сличенія почерка этой записки съ почеркомъ Сидоренко при чемъ оказалось, что почерки эти совершенно разнovidны. Затѣмъ въ виду телеграфнаго сообщенія начальника Пензенскаго губернскаго жандармскаго управленія о томъ, что выписки на отобранномъ у Сидоренко клочкѣ бумаги вполне соответствуютъ дѣйствительному паспорту крестьянина Демина, проживающаго въ Петербургѣ, у поименованнаго крестьянина произведенъ былъ обыскъ, но ничего предосудительнаго обнаружено не было. Спрошенный же въ качествѣ свидѣтеля, Демина призналъ по фотографической карточкѣ Сидоренко то самое лицо, которое проживало вмѣстѣ съ нимъ въ квартирѣ Казакова на Васильевскомъ островѣ. Выписка, отобранная у Сидоренко, сдѣлана изъ его, Демина паспорта, срокъ которому уже

теперь истекъ и который поэтому отосланъ для обмѣна на новый, въ чемъ свидѣтель представилъ росписку. Кѣмъ писана выписка свидѣтелю неизвѣстно; своего паспорта онъ ни Сидоренко, ни кому-либо другому не показывалъ. Осмотромъ книги посемейнаго списка алфавита лицамъ, получившимъ письменные виды на жительство, установлена подлинность паспорта Демина, а показаніями крестьянина Демина—отца и Демина—брата установлено, что на фотографической карточкѣ Сидоренко изображена личность совѣтъ не похожая на ихъ сына и брата. Что же касается отобранныхъ у Сидоренко документовъ, относящихся къ поступленію его въ артель посыльныхъ, то таковые были проверены допросомъ старосты этой артели, Матросова, казначея Рулева и новаго старосты той же артели, Мананькова, причемъ оказалось, что обвиняемый Сидоренко именно то самое лицо, которому выданы отобранные у него документы, что эти послѣдніе подлинны и что Сидоренко лично просилъ выдать ему удостовѣреніе на право стоять посыльнымъ на углу Морской и Почтамскаго переулка, т. к. это мѣсто, по его мнѣнію, бойкое и выгодное. До него на этомъ мѣстѣ никто изъ посыльныхъ не стоялъ. Разсматривая квитанціонную книжку, отобранную у Сидоренко, свидѣтель Мананьковъ удостовѣрилъ, что Сидоренко ни съ какими порученіями не ходилъ, хотя для видимости онъ и позволялъ себѣ занести въ книжку подъ квитанцію № 1 и № 2 нѣкоторые свѣдѣнія, но т. к. квитанціи всѣ цѣлы, то видно, что въ дѣйствительности съ порученіями отъ публички онъ не ходилъ. Экспертизой установлено, что всѣ имѣющіеся на упомянутыхъ документахъ подписи, сдѣланы рукою обвиняемаго Сидоренко; такимъ образомъ, дознанію не удалось установить личности именующаго себя полтавскимъ мѣщаниномъ Сидоренко и предъявившаго подложный паспортъ на это имя. Паспортъ Сидоренко, какъ установлено экспертизой, оказался написанный почеркомъ Баумана, которымъ написаны были письма Маркову за подписью „Безсоновъ“ и Басову (за подписью „Бауманъ“); что безспорно указываетъ на существованіе между всѣми этими лицами конспиративныхъ отношеній, какъ между собой, такъ и съ Бауманомъ, т. е. другими словами, какъ по почерку установили эксперты, Макъ Кулономъ. Мало того, экспертизой сличенія почерковъ установлено, что и подлинныя паспорта на имя Бѣлова и Афанасьева, отобранные отъ обвиняемой Леонтьевой, также писаны тѣмъ же почеркомъ, а экспертизой сличенія оттисковъ печати полтавской мѣщанской управы, установлено, что печати на паспортѣ Захаренко, отобранномъ у Маркова, и на паспортѣ Сидоренко по размѣру, рисунку и имѣющимся въ немъ дефектамъ между собою одинаковы и вполнѣ совпадаютъ съ фальшивой печатью Полтавской мѣщанской управы, отобранной у Леонтьевой, т. е. что этой самой печатью сдѣланы оттиски на паспортахъ Сидоренко и Захаренко. При предъявленіи оконченнаго дознанія Сидоренко на всѣ вопросы отвѣчать отказался и собственноручно подписалъ протоколъ именемъ Сидоренко. Вышеизложенными

обстоятельствами настоящего дѣла и наблюденіями чиновъ охраннаго отдѣленія вполне установлено, что задержанные 16 марта и въ послѣдующее затѣмъ время нижепоименованныя лица, а именно: 1) сынъ коллежскаго секретаря Борисъ Марковъ, 2) дворянинъ Сергѣй Басовъ, 3) именовавшій себя британскимъ подданнымъ Макъ-Кулономъ, 4) дочь статскаго совѣтника Татьяна Леонтьева, 5) именующій себя мѣщаниномъ Григоріемъ Агаповымъ, 6) сынъ ветеринарнаго врача Борисъ Подвицкій, 7) сынъ священника Василій Шиллеровъ, 8) ссыльно-поселенка Прасковья Волошенко, 9) дворянинъ Борисъ Моисеенко, 10) именующій себя мѣщаниномъ Иваномъ Сидоренко, 11) дворянинъ Сергѣй Барыковъ, 12) жена дворянина Надежда Барыкова, 13) сынъ зубного врача Моисей Шнееровъ, 14) именующій себя мѣщаниномъ Болеславомъ Подновскимъ, 15) мѣщанинъ Яковъ Загородній, 16) дочь надворнаго совѣтника Анна Надеждина, 17) личн. почетный гражданинъ Моисей Новомѣйскій, 18) докторъ медицины Михаилъ Шерговъ, 19) дочь купца Сурра Эфрусси и 20) повивальная бабка Фейга Кацъ—принадлежали къ сообществу социаль-революціонеровъ, причемъ какъ установило дальнѣйшее разслѣдованіе обстоятельствъ настоящаго дѣла, первые 15 поименованныя выше лица составляли, такъ называемую, „боевую организацію“ этой партіи, завѣдомо поставившую цѣлью своей дѣятельности ниспроверженіе существующаго въ Россіи общественнаго строя и тѣсно съ нимъ связанной самодержавной формы правленія, причемъ въ число задачъ этой организаціи, завѣдомо для всѣхъ ея членовъ, входило совершеніе тяжкихъ преступленій—убійствъ должностныхъ лицъ съ террористическими цѣлями посредствомъ взрывчатыхъ веществъ или снарядовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дознаніемъ не установлено, чтобы всѣ поименованные выше 15 лицъ, составляющіе „боевую организацію“ партіи социалистовъ-революціонеровъ, знали, что эта организація въ періодъ времени, обслѣдованный дознаніемъ, имѣла въ своемъ распоряженіи средства для взрыва или складъ оружія. Исключеніе кромѣ упомянутыхъ выше Бориса Маркова и Макъ-Кулона, составляли Леонтьева и Подновскій, относительно которыхъ дознаніемъ выяснено слѣдующее: 1) Въ отношеніи Леонтьевой: 16-го марта при ликвидаціи „боевой организаціи“ партіи социалистовъ-революціонеровъ, была, между прочимъ, арестована также дочь якутскаго вице-губернатора статскаго совѣтника Леонтьева Татьяна Александровна Леонтьева въ тотъ моментъ, когда она выходила изъ парикмахерской на Морской. Обыскъ, тогда же произведенный въ квартирѣ Леонтьевой, жившей у своего дяди, отставнаго подполковника Леонтьева въ домѣ № 23 по Желѣзнодорожной улицѣ, а также личный осмотръ обвиняемой въ охранномъ отдѣленіи обнаружили: 1) 19 чистыхъ бланковъ паспортовъ, 2) 14 чистыхъ паспортныхъ книжекъ и 3) паспортныя книжки: на имя Бѣлова, на имя Макѣва, на имя Васильева, на имя Голубенко, на имя Воронина и на имя Афанасьева. 4) Заряженный револьверъ системы Браунинга. 5) 7 стеклянныхъ шариковъ съ жидкостью. 6) Раз-

личные нелегальные изданія. 7) Квитанціи бакинскаго дома бр. Джемгаровыхъ въ Москвѣ за № 251 и № 4525 и разныя другіе предметы. Затѣмъ вслѣдствіе сообщенія начальника с.-петербургскаго охраннаго отдѣленія о томъ, что въ квартирѣ Леонтьевой обнаруженъ складъ взрывчатыхъ веществъ, былъ произведенъ обыскъ, которымъ обнаружено: 1) Завернутый въ бѣлую тряпку кусокъ студенистой массы вѣсомъ около $\frac{3}{4}$ фунта, завернутый въ клеенку и желтоватую тряпку кусокъ студенистой массы вѣсомъ около 7 фунтовъ и запасная обойма къ пистолету „Браунингъ“ съ 2 патронами, склянка съ густой сѣрой жидкостью; 2) 7 двойныхъ стеклянныхъ трубокъ съ утолщеніями, наполненныя безцвѣтной жидкостью, 7 оловянныхъ цилиндрическихъ грузиковъ съ каналомъ внутри и продольнымъ разрывомъ; 3) пистолетъ Браунинга за № 102959 съ обоймой и 8 патронами, купленный въ Парижѣ и бывший уже въ употребленіи, и др. предметы.

Осмотромъ и изслѣдованіемъ черезъ врача-эксперта этихъ вещественныхъ доказательствъ, отобранныхъ у Леонтьевой, которыя могли бы оказаться принадлежностями и составными частями взрывчатыхъ снарядовъ, установлено, что всѣ эти предметы представляютъ 2 группы: 1) Гремучій студень или динамитъ, гремучая ртуть, трубки съ сѣрной кислотой и свинцовые грузики—матеріалы для устройства не менѣе 3-хъ метательныхъ разрывныхъ снарядовъ, обладающихъ каждый сплой, значительно болѣе разрушительной, чѣмъ, напримѣръ, взрывъ въ „Сѣверной гостиницѣ“ въ ночь на 1-ое апрѣля 1904 г. 2) Пашки чернаго приматическаго пороха и прутковое олово, которыя также могли быть употреблены при изготовленіи взрывчатаго снаряда.

Изъ показанія свидѣтелей: горничной Леонтьевыхъ Ефимовой, кухарки Рѣщиковой, а также и тетки обвиняемой Леонтьевой, видно, что 14 марта около 3-хъ часовъ дня къ дому подполковника Леонтьева пришла пожилая незнакомае дама, оказавшаяся, какъ впоследствии при предъявленіи признали эти свидѣтели, обвиняемой Волошенко и спрашивала Татьяну Леонтьеву, которую желала видѣть, объяснивъ при этомъ, что она мать ея подруги. Не заставъ Леонтьеву дома, она написала записку, которую и просила передать Леонтьевой. Записку эту тетка обвиняемой положила въ комнату племянницы на ея столѣ. Кромѣ того и посыланный мебелированныхъ комнатъ на Надеждинской, гдѣ жила Татьяна Леонтьева, Таборскій показалъ, что у Леонтьевой 2 раза въ январѣ 1905 г. бывалъ обвиняемый Марковъ. Выше уже были указаны результаты наружнаго наблюденія агентовъ департамента полиціи за Леонтьевой, устанавливающіе ея конспиративныя сношенія съ прочими членами „боевой организаціи“. Отобранныя же у Леонтьевой вещественныя доказательства подтверждаютъ это еще болѣе. Такимъ образомъ этими вещественными доказательствами подтверждается существованіе конспиративныхъ отношеній Леонтьевой съ обвиняемыми Басовымъ, Марковымъ, Агаповымъ, Барыковымъ и другими. Отобранныя у Леонтьевой 2 квитанціи отъ 8 мая 1904 г., выданныя банкирской конторой бр. Джемго-

ровыхъ въ Москвѣ, дали возможность обнаружить, что въ означенную контору былъ сданъ на храненіе нѣкимъ Томашевичемъ какой-то вкладъ, вѣдѣствіе чего произведена была выемка этого вклада Томашевича и по вскрытіи помѣщенія, въ которомъ онъ хранился, тамъ оказался жестяной ящикъ со шкатулкой, а въ ней обнаружено 6 метательныхъ круглой формы снарядовъ, 6 запаловъ къ нимъ и 10 кусковъ гремучаго студня. Завѣдывающій стальной комнатой конторы Дзамгоровыхъ Сувѣровъ и артельщикъ Дмитріевъ весьма обстоятельно рассказали объ обстоятельствахъ, при которыхъ Томашевичемъ былъ вложенъ вкладъ, но дознаніемъ, однако, не удалось обнаружить личности Томашевича. Спрошенная въ качествѣ обвиняемой Татьяна Леонтьева, не скрывая своей личности, заявила, что она принадлежитъ къ боевой организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ и считаетъ это для себя великой честью. Относительно задачъ этой организаціи она будетъ говорить на судѣ. Найденныя въ ея комнатѣ взрывчатые вещества имѣютъ прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организаціи. На вопросъ о томъ принимала ли она участіе въ приготовленіи къ опредѣленному политическому убійству, а равно была ли она знакома съ лицомъ, убитымъ при взрывѣ въ мебл. комнатахъ „Бристоль“ Леонтьева отвѣтить не желала. Въ дополненіе къ этому показанію Леонтьева затѣмъ объяснила, что найденныя въ ея комнатѣ взрывчатые вещества имѣютъ прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организаціи лишь потому, что ими она одна готовилась лично казнить одно правительственное лицо, назвать которое не желаетъ, но соображеніямъ, кои выяснитъ на судѣ. Въ Петропавловской крѣпости Леонтьева, по показаніямъ надзирателя Григорьева и протоколовъ осмотра и сличенія почерка, выпарала на клочки бумаги: „Умираю со свѣтлой надеждой въ душѣ“, и написала письмо снѣдующаго содержанія:

„Крѣпость. 17 мая 1905 года. Обращаюсь ко всему суду. Не могу дольше молчать; мнѣ совѣсть моя говорить слишкомъ ясно, что я должна сдѣлать одно признаніе и, какъ бы это для меня ни было тяжело, должна сказать правду. Я преступница, которой нѣтъ имени на человѣческомъ языкѣ, и нѣтъ мѣста въ мірѣ. Я преступница, хотя и совершенно невольная, противъ боевой организаціи; почему же, сейчасъ объясню: когда меня привели на допросъ началась моя первая открытая революціонная борьба съ правительствомъ и тутъ сразу я совершила преступленіе въ томъ, что со слишкомъ сильнымъ энтузіазмомъ пошла на эту борьбу, т. е. этотъ энтузіазмъ привелъ меня, да, меня къ тому, что я, Татьяна Леонтьева нечаянно дала на боевую организацію ложное показаніе. Да, когда мнѣ задали такой вопросъ: „имѣли ли взрывчатые вещества, найденныя въ моей комнатѣ, прямое отношеніе къ дѣятельности боевой организаціи“, я въ какомъ-то бѣшенномъ порывѣ преданности революціонному дѣлу, подумала „оконечно, каждая, имѣющая въ распоряженіи боевой организаціи вещь, если будутъ продолжаться существующіе теперь въ

Россіи ужасныя условія жизни, должны быть рано ли, поздно ли употреблены въ дѣло и т. д.“ Далѣе идетъ первоначальное показаніе Леонтьевой, которое по ея мнѣнію является ложнымъ, потому что такого рѣшенія въ боевой организаціи не было. Затѣмъ Леонтьева объясняетъ свое показаніе желаніемъ снять съ боевой организаціи эту ложь, принявъ ее на себя, но своимъ заявленіемъ о томъ, что хотѣла лично казнить одно правительственное лицо, сказала вторичную ложь уже на себя, какъ на члена боевой организаціи. Письмо кончается словами, что она „такую непростительную вину передъ боевой организаціей, которой она, какъ бывший членъ ея, себя простить не можетъ и не имѣетъ даже права и какъ истый революціонеръ въ душѣ, осуждаетъ себя на смертную казнь“. На слѣдующій за тѣмъ день, Леонтьева, какъ проявляющая признаки психическаго разстройства, была отправлена на излѣченіе въ арестантское отдѣленіе св. Николая Чудотворца. Какъ видно изъ сообщенія прокурора С. Петербургскаго окружного суда, Леонтьева въ порядкѣ ст. 353 и 356 Уст. угол. суд. признана 19 октября с. г. означеннымъ судомъ находящейся нынѣ также, какъ во время совершенія приписываемаго ей преступленія, въ состояніи сумасшествія. 2) Въ отношеніи Подновскаго: какъ уже было указано, при наблюденіи за „боевой организаціей социалистовъ-революціонеровъ“, ликвидированной 16 марта, были установлены близкія сношенія членовъ этой организаціи съ неустановленнымъ лицомъ, извѣстнымъ у агентовъ охраннаго отдѣленія подъ кличкою „Линейный“ и назвавшимся при задержаніи Подновскимъ. Послѣ ликвидаціи онъ скрылся отъ наблюденія агентовъ, но вскорѣ опять былъ розысканъ и 13 апрѣля 1905 г., какъ видно изъ протокола, былъ задержанъ на ст. „Малкинъ“ С. Петерб.-Варшавск. жел. дороги, жандармскимъ унтеръ-офицеромъ Кузьминымъ, по указанію агентовъ Департамента Полиціи: Кочурина, Тутушкина и Соколова.

Задержанъ „Линейный“ былъ въ вагонѣ II класса пассажирскаго поѣзда № 13; при задержаніи у него тутъ же въ вагонѣ былъ отобранъ изъ кармана брюкъ заряженный 8-ми патронный револьверъ „Браунингъ“. Доставленный въ контору начальника станціи, задержанный назвался минскимъ мѣщаниномъ Болеславомъ Казиміровичемъ Подновскимъ и предъявилъ выданную на это имя паспортную книжку, за № 874. На пистолетѣ, отобранномъ у Подновскаго, номера оказались стертыми. Затѣмъ произведена была выемка вещей у Подновскаго, сданныхъ на храненіе въ кладовую артельщика на станціи Вѣлостокъ неизвѣстнымъ молодымъ челоѣкомъ, а именно кожаный чемоданъ, въ которомъ оказалась тяжелая, бѣлой жести не вскрывающаяся коробка, по видимому наполненная взрывчатымъ веществомъ, и дѣйствительно, это оказался разрывной снарядъ, начиненный гремучимъ студнемъ, въ количествѣ 4¹/₄ ф. Этотъ гремучій студень принадлежитъ къ сильнѣйшимъ по дѣйствию взрывчатымъ веществамъ. Снарядъ былъ снаряженъ и имѣлъ 2 детонаторныя трубки, наполненные гремучей ртутью съ примѣсью смѣси изъ бертолето-

вой соли и сахара. Оставалось только вложить стеклянный сосудъ съ сѣрной кислотой, съ надѣтыми на него свинцовыми грузиками. Спрошенный въ качествѣ обвиняемаго, Подновскій заявилъ, что онъ никакихъ объясненій давать не желаетъ. Поэтому для выясненія личности Подновскаго былъ составленъ протоколъ его примѣтъ. При дальнѣйшемъ выясненіи личности Подновскаго возникло предположеніе, что Подновскій важный политическій преступникъ Блюменфельдъ. Возникло далѣе другое предположеніе, что Подновскій—Мендель-Гутманъ, но эти предположенія не подтвердились, такъ какъ цѣлымъ рядомъ свидѣтельскихъ показаній было отвергнуто между ними сходство. Паспортная книжка Подновскаго оказалась подложной. Свидѣтели—артельщикъ при Сѣверной Гостиницѣ Шагинъ и Карвовскій признали въ Подновскомъ человѣка, который ночевалъ у нихъ въ гостиницѣ 2 ночи подрядъ, не оставаясь на день. Это показаніе совпадаетъ со свѣдѣніями Департамента полиціи. Такимъ образомъ по паспортной книжкѣ установить личность Подновскаго оказалось невозможнымъ.

По имѣющимся въ дѣлѣ свѣдѣніямъ и Марковъ, Сидоренко также документовъ не имѣютъ. На основаніи изложеннаго военно-прокурорскій надзоръ Военно-Окружного суда предъявилъ обвиненіе къ Маркову и Подновскому въ томъ, что будучи недовольными существующимъ въ Россіи общественнымъ строемъ и самодержавной формой правленія и стремясь къ ниспроверженію и къ переустройству этого строя на социалистическихъ началахъ, они въ 1904 и 1905 годахъ приняли участіе въ сообществѣ „боевой организаціи социалистовъ-революціонеровъ“, поставившей себѣ тѣ же, указанныя выше, цѣли, зная, что въ число задачъ этого сообщества входило убійство должностныхъ лицъ съ террористическими цѣлями и, что означенное сообщество имѣло средства для взрыва, вслѣдствіе чего Марковъ, подготовившись предварительно въ Сестрорѣцкѣ къ метанію разрывныхъ снарядовъ и, имѣя при себѣ заряженный пистолетъ „Браунингъ“ съ выцарапанными на немъ словами „По дѣламъ вашимъ воздастся вамъ“, прибылъ на вокзалъ Сестрорѣцкаго курорта, чтобы отправиться въ Петербургъ для совершенія террористическаго акта, но былъ задержанъ полиціей. Подновскій съ тою же цѣлью, имѣя при себѣ Браунингъ и разрывной метательный снарядъ, отправился по Пет.-Варшавской жел. дорогѣ изъ Мяска, но былъ задержанъ на ст. Малкинѣ жандармскими чинами. Дѣяніе это въ отношеніи каждого изъ нихъ предусмотрено II ч. 126 ст. уг. уложенія. Именующій себя Иваномъ Сидоренко, обвинялся въ томъ, что принадлежа къ той же организаціи и преслѣдуя тѣ же цѣли, принялъ въ началѣ 1905 г. наблюденіе за выѣздами петербургскаго генералъ-губернатора генералъ-маіора Трепова, для чего подъ видомъ посыльнаго расположился на углу Морской и Почтамтскаго переулка и, когда къ нему 17 марта подошли полицейскій надзиратель Григорьевъ и агенты Петербургскаго охраннаго отдѣленія Кирсановъ и Коняевъ, чтобы его арестовать, онъ произвелъ

въ нихъ выстрѣлъ изъ браунинга, но ни кого не задѣлъ потому, что Григорьевъ отклонилъ пистолетъ въ моментъ выстрѣла, при чемъ экстракторъ не выкинулъ гильзы, помѣшавъ тѣмъ производству дальнѣйшихъ выстрѣловъ. Это дѣяніе на основаніи пункта статьи 18 положенія объ усиленной охранѣ предусмотрено ст. 279 Военскаго Устава о наказаніяхъ.

Что же касается возникшаго обвиненія противъ Басова, Агапова, Подвицкаго, Шиллерова, Волошенко, Мойсеевко, Барыкова, Барыковой, Шнеерова, Загородняго, Надеждиной, Новомѣйскаго, Шергова, Эфрусси и Кацъ, то таковое за силой Высочайшаго Указа отъ 21 октября прекращено, равнымъ образомъ прекращено дѣло въ отношеніи именовавшаго себя Макъ Кулономъ за смертью, а въ отношеніи Леонтьевой—за душевной болѣзнію. На основаніи III пункта ст. 92 Уложенія о нак. угол. и испр.

21 ноября 1905 г. пет. военно-окружный судъ подѣ председательствомъ генераль-маіора Арбузова, при членахъ полковникахъ Масалитиновѣ, Пржилуцкомъ, Крузенштернѣ и Фуфаевскомъ выслушавъ дѣло объ указанныхъ трехъ лицахъ, назвавшихся своими настоящими фамиліями, а именно: Подновскій—Шевелемъ Давыдомъ Барышанскимъ, Сидоренко—сыномъ полковника Трофимовымъ, Марковъ—тѣмъ же Марковымъ, признавъ ихъ виновными, приговорилъ ихъ въ каторжныя работы Маркова на 4 года, Барышанскаго на 7 лѣтъ, Трофимова на 10 лѣтъ, а главный военный судъ подѣ руководствомъ главнаго военнаго прокурора Павлова, не удовольствовавшись симъ приговоромъ, усугубилъ его въ отношеніи Трофимова-Сидоренко и назначилъ ему безъ всякаго основанія 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, а помощникъ главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича генераль Газенкампфъ 16 января утвердилъ этотъ исправленный приговоръ.

Оскаръ.

Историческая библиографія.

Декабристы. Тайныя общества. Процессы Колесникова, бр. Критскихъ и Раевскихъ. *Изданіе В. М. Саблина. Москва. 1907. 276 стр. Ц. 1 р.*

Послѣ великой битвы, гдѣ пало столько героевъ, какъ только утихаетъ боевой громъ, на поле сраженія слетаются коршуны, сбѣгаются шакалы, сходятся мародеры. И всѣхъ этихъ двуногихъ и четвероногихъ сознательныхъ и безсознательныхъ хищниковъ объединяетъ одна цѣль: поживиться на счетъ мертвыхъ и умирающихъ.

У великой вѣковой битвы русской свободы противъ тиранніи есть также свои герои и свои мародеры. Когда напоръ революціоннаго авангарда націи на старый строй нанесъ рѣшительный ударъ режиму произвола, не только живые борцы освободительнаго движенія получили,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ,—возможность пробиться къ гражданской жизни страны, но и павшіе герои стали предметомъ почтенія, любви, апофеоза. Въ частности создалась цѣлая историческая литература, ставящая своей задачей познакомить молодую Россію съ великими предками современныхъ борцовъ за свободу. И эту литературную отрасль можно бы только привѣтствовать, если бы къ серьезнымъ работникамъ, знакомящимъ людей нашихъ дней съ славнымъ прошлымъ и его героями, не примѣшалась все растущая и растущая рать печатныхъ мародеровъ, превратившихъ эту область буквально въ затихнувшее поле битвы, на которомъ они продѣлываютъ свои стяжательные подвиги, заботясь исключительно о наполненіи своихъ кармановъ на счетъ читателей, путемъ низменной эксплуатаціи памяти тѣхъ, какъ говорить поэтъ, „великихъ душъ“, что своею кровію создали намъ отечество“,—

Egregias animas qui sanguine nobis
Hanc patriam peperere suol...

Эти мысли не оставляли ни на минуту пишущаго эти строки, когда онъ перелистывалъ новое „изданіе“ В. М. Саблина, носящее громкое заглавіе, которое выписано въ началѣ рецензіи, а на самомъ дѣлѣ представляющее собою самый беззащитный плагиатъ уже появившихся вещей, представляющихъ результатъ труда серьезныхъ работниковъ на поприщѣ исторіи русской революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое лежащая предъ нами книга?

Это, во-первыхъ, 30 страницъ (1—30) „введенія“, написаннаго лицомъ которое скрылось за щитъ стыдливаго анонима, очевидно чувствуя, что участвуетъ въ неблаговидной плагиаторской продѣлкѣ.

Это, во-вторых, 173 страницы (33—206) „официальных публикацій о дѣлѣ декабристовъ и польскихъ тайныхъ обществъ“, представляющихъ буквальную перепечатку,—*вплоть до редакціонныхъ примѣчаній*,—*двухъ пятыхъ* перваго тома „Сборника“ „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, составленнаго подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго) и изданнаго сначала за-границей (Stuttgart, 1903), а затѣмъ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ Россіи.

Это, въ-третьихъ, 5 страницъ (209—214) „неопубликованныхъ высочайшихъ конфирмацій по военно-суднымъ дѣламъ о декабристахъ“, взятыхъ изъ замятки М. Соколовскаго въ „Всемирномъ Вѣстникѣ“ 1906 г.

Это, въ-четвертыхъ, 27 страницъ (217—244) „Разказа о моемъ заключеніи въ Санктъ-Петербургской крѣпости“ В. П. Зубкова, переводъ съ французскаго, сдѣланный по брошюрѣ г. Модзалевскаго „Записки Василя Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 года“ (Спб., 1906) и являющийся, вмѣстѣ съ анонимнымъ введеніемъ, единственной частью книги, не представляющей прямого плагиата и безцеремонной перепечатки.

Это, въ-пятыхъ, 29 страницъ (247—276 и послѣдняя) „Процессовъ Колесникова, Критскихъ и Раевскихъ“, каковыя 29 страницъ въ свою очередь состоятъ: изъ трехъ статей „Полярной Звѣзды“ 1862, кн. VII, стр. 91—111, и изъ перепечатки статьи г. Лемке, предшествуемой слѣдующимъ по истинѣ монументальнымъ примѣчаніемъ, проливающимъ яркій свѣтъ на психологію г.г. литературныхъ мародеровъ. „Послѣ того, какъ настоящая книга была уже составлена, въ „Выломѣ“ (1906, VI, 41—57) появилась статья г. Лемке: „Тайное общество братьевъ Критскихъ“ съ очень существенными дополненіями и поправками къ даннымъ „Полярной Звѣзды“ (сообщеннымъ г. Ефремовымъ). Перепечатываемъ ее дальше съ сокращеніями“ (стр. 261)... Какъ вамъ нравится это, читатель? „Послѣ того, какъ была уже составлена изъ ряда плагиатовъ, перепечатокъ и т. п. эта книга, вышедшая въ 1907 г., вдругъ появилась—*более года тому назадъ статья г. Лемке*, которую мы, молъ, тоже своруюемъ, и своруюемъ съ ловкостью профессиональнаго мародера, помѣщающаго ее „съ сокращеніями“, ибо нашъ мародеръ твердо знаетъ законъ, запрещающій перепечатывать безъ разрѣшенія автора болѣе печатнаго листа его произведеній. И вотъ въ подлинникѣ статья имѣетъ 16 страницъ, а у насъ 15,—что и требовалось доказать!..

Совѣмъ было забылъ сказать: въ-шестыхъ... Итакъ, въ-шестыхъ „изданіе“ В. М. Саблина состоитъ изъ обложки, — тоже наиболѣе „оригинальный“ частіи книги, потому что на ней красуется многообещающее заглавіе и цѣна въ „одинъ рубль“ за вещи уже существующія на книжномъ рынкѣ...

Такъ какъ такіе литературные подвиги могутъ показаться иному читателю просто невѣроятными, то я постараюсь теперь документально и съ достаточной подробностью установить наименѣе откровенный и наиболѣе важный плагиатъ книги, а именно перепечатку значительной части сборника Базилевскаго (Богучарскаго), ибо относительно другихъ плагиатовъ, совершаемыхъ на точномъ знаніи мародеромъ дѣйствующихъ законовъ, не можетъ быть и рѣчи: экспроприаторъ и не стѣсняется называть экспропрированныхъ имъ авторовъ и указывать источники позаймствованія на основаніи восхитительной формулы „послѣ того какъ!“

Цитированный нами первый том „Сборника“ **заканчивается** въ себя, какъ извѣстно, свѣдѣнія о государственныхъ преступленіяхъ 1825—1876 г. Первые двѣсти страницъ его представляютъ перепечатку изъ официальныхъ изданій различныхъ правительственныхъ сообщеній, касающихся, главнымъ образомъ, декабристовъ. Эта перепечатка предполагаетъ громадный предварительный трудъ, такъ какъ для этого надо было *пересмотрѣть* *планы* *десятки* *томовъ* „Русскаго Ивалида“ „С.-Петербургскихъ Сенатскихъ Вѣдомостей“ перелитовать полный Сводъ Законовъ и т. д. Такъ, гдѣ было надо, составитель дѣлалъ краткія, но любопытныя въ томъ или иномъ отношеніи примѣчанія отъ „редакціи“, въ отличіе отъ примѣчаній находившихся въ самомъ текстѣ изданій. И вотъ плагиаторъ, ничтоже сумняшея, цѣликомъ перепечаталъ официальный текстъ съ примѣчаніями какъ самихъ документовъ, такъ и составителя сборника, г. Вазилевскаго, отнюдь не различая между этими двумя категоріями и вводя читателей такимъ путемъ въ курьезныя *qui pro quo*, а себя самого наивно изобличая въ качествѣ присвоителя чужого труда.

При самомъ поверхностномъ слѣженіи сборника г. Вазилевскаго и „изданія“ В. М. Саблина читатель встрѣчается съ плагиатомъ редакціонныхъ примѣчаній сборника на стр. 121, 154, 158, 204, 205 рецензируемой книги (соответствующихъ страницамъ 88, 120, 125, 197, 198 сборника). При чемъ экскрипторы повсюду оставляютъ самыя подлинныя слѣды этого отнюдь не литературнаго занятія, сажая себя отъ времени до времени въ самыя курьезныя западни. Совѣтую съ этою цѣлью читателю сравнить довольно длинное редакціонное примѣчаніе на стр. 125 сборника и по обыкновенію ничѣмъ не отмѣченное, значить являющееся какъ бы официальнымъ, прим. на стр. 158 „изданія“. Это примѣчаніе буквально воспроизведено плагиаторомъ за слѣдующимъ исключеніемъ: г. Вазилевскій начинаетъ свое примѣчаніе со словъ „нижепомѣщаемый, *ставшій* *чрезвычайною* *библіографическою* *рѣдкостью*“, документъ былъ *начать* печатаемымъ въ „Русскомъ Ивалидѣ“, а мародеръ замѣняетъ слово „нижепомѣщаемый“ словами „помѣщенный ниже“ и выбрасываетъ слово „ставшій чрезвычайною библіографическою рѣдкостью“. Да и, дѣйствительно, какая же это для плагиатора „рѣдкость“: нашелъ сборникъ, содралъ съ него требуемый документъ — и баста! Великолѣпное *qui pro quo*, кричащее всему міру о неприимчивости мародера, прикачилось съ нимъ, когда онъ нашелъ на стр. 27 сборника слѣдующее примѣчаніе „Если не ошибаемся, двое изъ этихъ лицъ были: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Вибиновъ“. Онъ по обыкновенію воспроизвелъ его (см. стр. 60 книги) замѣнивъ „если не ошибаемся“ словомъ „вѣроятно“, но не замѣтивъ, несчастный, что подъ этимъ примѣчаніемъ у г. Вазилевскаго стоятъ инициалы П. В. и присвоилъ себѣ просто-на-просто его, какъ дѣлаетъ всегда съ примѣчаніями сборника. Между тѣмъ это примѣчаніе является единственнымъ неточнымъ или, лучше сказать, неполнымъ примѣчаніемъ г. Вазилевскаго, забывшаго дать ему подробную форму: *И(стръ) В(артеневъ)*, не безызыскный редакторъ „Русскаго Архива“, съ соответствующей ссылкой на журналъ. Такимъ образомъ, на сей разъ всѣмъ и каждому видно, откуда и какимъ образомъ получилась перепечатка издательствомъ В. М. Саблина „официальныхъ публикацій о декабристахъ“, ибо неполное примѣчаніе громко кричитъ о своемъ происхожденіи...

Сказаннаго достаточно, чтобы читатель получилъ понятіе о литературной дѣятельности „издательства“, живущаго эксплуатаціей освободительнаго движенія. И хотѣлось бы надѣяться, то публика будетъ наказывать мародеровъ

самымъ большимъ для нихъ способомъ: отказываясь покупать у нихъ книги, рассчитанныя на грубую спекуляцію общественныхъ чувствъ читателей...

Н. С. Р—въ.

Р. S. Къ свѣдѣнію переводчика „Разказа“ о заключеніи В. П. Зубкова: être rossé значитъ по русски „быть битую“, а не „терпѣть“ (стр. 220, соответствующая стр. 32 французскаго подлинника въ находящейся у меня подъ руками брошюрѣ „Записки В. П. Зубкова“), rosser—„бить, дуть, дупить, а не „бранить“ (стр. 220 и стр. 33), prendre note—„замѣтить, зазвѣять“, а не „взять списокъ“ (225 и 40), (225 и 41), grua—вообще „каша“, а не „черная каша“ (226 и 43). Наконецъ, на стр. 59 Зубковъ употребляетъ, очевидно, по оплошности, неправильный оборотъ: voilà comme ces messieurs étaient au point de tout—вмѣсто au courant de tout, въ смыслѣ: „вотъ какъ были освѣдомлены эти господа“. Переводчикъ храбро перевозитъ: „Невпроятно, на что способны эти господа!“ (стр. 235).

Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Изд. Т-ва бр. А. И. Гранатъ и К^о, вып. 1—5.

Это очень интересный опытъ изученія русской исторіи прошлаго столѣтія соответственно господствующимъ въ наше время требованіямъ новой исторической науки. Это—такъ называемая по старому, исторія внутренняя, или исторія культуры, или то именно, что въ наше время понимаютъ подъ старымъ терминомъ „исторія“, вводя въ него новое содержаніе. Новая исторія очень далека отъ традиціонной исторіи царствованій, главное содержаніе которой составляетъ хроника придворная, дипломатическая и военная: подробное описаніе личностей государей и государынь и ихъ фаворитовъ, описаніе придворныхъ интригъ, дипломатическихъ переговоровъ и военныхъ походовъ. Взамѣнъ всего этого въ новой „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“—на первомъ планѣ экономическое развитіе Россіи, ея развитіе умственное, въ областяхъ науки, литературы и народнаго образованія, и тѣсно связанныя съ этимъ развитіемъ общественныя движенія и правительственныя реформы.

По вышедшимъ пока пяти первымъ выпускамъ еще трудно судить, въ какой мѣрѣ успѣшно въ общемъ будетъ выполнена сотрудниками новаго изданія эта широкая задача. Эти выпуски еще не заканчиваютъ перваго тома, который долженъ обнять время отъ 1800 до 1850, до начала такъ называемой „эпохи великихъ реформъ“. Но, судя по этому началу, несмотря на неизбежную въ коллективномъ трудѣ неравноцѣнность отдѣльныхъ главъ, „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“ составитъ цѣнный общій обзоръ нашего историческаго развитія за минувшее столѣтіе.

Изъ отдѣльныхъ главъ заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи о Россіи въ концѣ XVIII вѣка, по преимуществу съ точки зрѣнія народнаго хозяйства М. Н. Покровскаго, объ экономическомъ развитіи въ первой половинѣ XIX вѣка Н. А. Рожкова, о внутренней политикѣ въ царствованіе Николая I-го А. А. Кизеветтера, а также обстоятельная статья З. Ленскаго, о Польшѣ въ той же первой половинѣ XIX вѣка.

Рядомъ съ этимъ, нѣкоторыя статьи, какъ напримѣръ, статья К. Левина о декабристахъ должна быть признана безусловно неудовлетворительной.

Отмѣтимъ въ статьѣ г. Кизеветтера его выразительное и поучительное заключеніе о дѣятельности Николая I, который въ теченіе всего своего цар-

ствованія, среди „вакханаліи полицейскаго и цензурнаго произвола“ тщетно пытался „разрѣшить квадратуру круга, т. е. произвести реформы ничего не реформируя“. „Въ началѣ настоящаго очерка—писатьъ г. Кизеветтеръ—я привелъ докладную записку Боровкова, въ которой были сведены указаніе декабристовъ на общественныя язвы Россіи. То было на порогѣ царствованія императора Николая Павловича. Теперь предъ нами—записка Кутузова отъ второй половины того же царствованія. Чѣмъ разнятся другъ отъ друга эти двѣ картины внутренняго состоянія Россіи? Не повторяетъ ли Кутузовъ все то же, на что указывали декабристы нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Во что же разрѣшилась, что принесла многолѣтняя работа секретныхъ комитетовъ и комиссій, претендовавшихъ на то, чтобы вѣщать и рѣшить судьбы страны? Жизнь выдвигала на очередь крупныя и сложныя задачи, но старый режимъ, въ которомъ цепенѣла Россія, не былъ способенъ ни разрѣшить, ни сдѣлать ихъ съ очереди. Ему оставался только одинъ исходъ: пасть жертвой собственнаго безсилія“.

Съ внѣшней стороны изданіе очень изящно. Хороши портреты, значительная часть которыхъ воспроизведена новымъ способомъ существенно усовершенствованной двойной автотипіи. Мы не понимаемъ только, зачѣмъ издатели называютъ эти портреты гелиографиями. Какъ они ни хороши, но все же, вслѣдствіе автотипической сѣтки, хотя и чуть видной, они очень далеки отъ настоящей гелиографии, которая по легкости перехода тѣней и по ихъ теплотѣ такъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ другихъ фотографическихъ способовъ воспроизведенія картинъ, и одна только по своей художественности приближается къ старой гравюрѣ.

С.

С. А. Венгеровъ. „Очерки по исторіи русской литературы“. 8 нумер.+ 488 стр. in 8°. Спб. 1907. Цѣна 2 р. 50 к. (Библіотека „Свѣточа“ подъ редакціей С. А. Венгерова. №№ 56—65).

Въ объемистую книгу нашего талантливаго историка литературы и критика г. Венгерова вошло 5 статей, написанныхъ въ 1887—1907 годахъ. За исключеніемъ первой изъ этихъ статей („Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы“), представляющей собой вступительную лекцію, читанную авторомъ въ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1897 г., остальные 4 статьи прежде всего обращаютъ на себя вниманіе своимъ большимъ объемомъ—отъ 5 до 9 печ. листовъ каждая. Изъ нихъ статья „Передовой боецъ славянофильства (Константинъ Аксаковъ)“ относится еще къ 1887 году, когда она была помѣщена въ „Критико-біографич. словарь“ автора; статьи же „Великое сердце“ (Вѣлиинскій) и „Писатель-гражданинъ“ (Гоголь) были въ свое время напечатаны въ „Рус. Богатствѣ“ (первая въ 1898, а вторая въ 1902 г.) и теперь являются только дополненными нѣкоторыми позднѣе опубликованными данными. Самую же большую и почти совершенно новую (только краткій эскизъ-конспектъ ея былъ помѣщенъ въ Брокгаузъ-Ефроновскомъ „Энцикл. Словарѣ“) статью въ настоящей книгѣ является цѣлая монографія—„Общій очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы“ (стр. 23—163), гдѣ г. Венгеровъ излагаетъ факты русской литературы и характеризуетъ писателей (часто въ краткой, справочной, такъ сказать, „словарной“ формѣ), начиная съ 1848 г. (со смерти Вѣлиинскаго) и вплоть до марта текущаго 1907 года. (Предисловіе книги датировано 20-мъ мая)

Въ этомъ обширномъ очеркѣ г. Венгеровъ поставилъ себѣ цѣлью dati

ошую картину не одного литературного, а и литературно-общественного движения въ Россіи во 2-й половинѣ XIX и въ первое пятилѣтіе XX вѣка. Г-нъ Венгеровъ совершенно вѣрно и правильно видитъ въ нашей литературѣ (художественной и публицистической) „яркое выраженіе русской общественности“, „признавая основной чертой русскаго литературнаго творчества его тѣсную и неразрывную связь съ общественной жизнью“. какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Съ этой точки зрѣнія авторъ и разсматриваетъ ходъ и развитіе нашей литературной эволюціи за послѣднія 60 лѣтъ. Эта же точка зрѣнія красной нитью проходитъ и вообще во всей книгѣ г. Венгерова. Такой взглядъ на нашу литературу далеко не новъ. Его держали лучшіе передовые вожди нашей литературы (Добролюбовъ, Чернышевскій, Михайловскій); этотъ взглядъ проникъ даже въ нашу академическую среду (труды покойнаго академика А. Н. Пыпина); но заслуга г. Венгерова состоитъ въ томъ, что онъ примѣнилъ этотъ взглядъ и къ фактамъ и явленіямъ *новѣйшей* нашей литературы вплоть до текущаго момента, при чемъ въ изложеніи литературныхъ данныхъ и въ характеристикахъ писателей (какъ бы кратки ни были эти характеристики) онъ отличается живостью изложенія, опредѣленностью и вѣрностью своихъ сужденій.

Въ данной книгѣ г. Венгерова насъ интересуютъ, главнымъ образомъ, факты и явленія нашей литературной исторіи по ихъ отношенію къ исторіи нашего освободительнаго движенія и движенія революціоннаго, а такихъ фактовъ и данныхъ въ книгѣ г. Венгерова указано въ изобиліи, начиная со ссылки Салтыкова-Щедрина въ 1848 г., ареста и высылки (въ Симбирскъ) Юрія Самарина, дѣла петрашевцевъ въ 1849 г. и т. д.

Очень удачно обрисована, между прочимъ, г. Венгеровымъ эпоха 60-хъ годовъ (стр. 67—84), далѣе время 70-хъ годовъ (стр. 85—121), „время разброда и унынія“, какъ характеризуетъ авторъ 80-е года (стр. 121—146), но сравнительно слабѣе и блѣднѣе вышла у него картина годовъ 90-хъ или, какъ называетъ ихъ авторъ, „начала возрожденія“ (стр. 146—163), которое онъ заканчиваетъ, однако, яркой и красочной характеристикой таланта Максима Горькаго, о которомъ онъ, въ заключеніе, говоритъ: „... Выдвинутый нѣкогда Бакунинымъ лозунгъ: „Die Lust der Zerstörung ist eine schaffende Lust“ (страсть къ разрушенію—страсть творческая) несомнѣнно ярко проходитъ чрезъ настроеніе всего творчества Горькаго. Идеаль его—„буревѣстникъ“ изъ написанной ритмической прозой „Пѣсни о буревѣстникѣ“... И яркое сознаніе личности, конечно, составляетъ тотъ Leitmotiv, который проходитъ черезъ всю литературную дѣятельность Горькаго. Но столь же важно для характеристики Горькаго и то, что сознаніе личности тѣснѣйшимъ образомъ связано въ немъ съ стремленіемъ къ идеалу... И въ общемъ, всю совокупность своей общественно-политической и литературной дѣятельности Горькій входитъ въ исторію литературы, какъ человѣкъ, пропѣвшій могучую пѣснь „безумству храбрыхъ“ (стр. 160б—160в).

Далѣе слѣдуютъ у г. Венгерова характеристики „побѣдоносцевщины“. Чехова, Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева и, въ особенности, П. А. Лаврова и Н. К. Михайловскаго.

Справедливо оцѣниваетъ г. Венгеровъ и самоотверженное движеніе въ народъ нашей молодежи въ 70-хъ годахъ. „Никогда еще—говоритъ авторъ (стр. 88)—русское общество не присутствовало при такомъ взрывѣ беззаветной готовности отдать себя угнетеннымъ и оскорбленнымъ. Новое поколѣніе

полюбило отвлеченное понятие „народъ“ съ такимъ конкретнымъ пыломъ, съ такимъ душевнымъ жаромъ, что едва ли юноша, въ первый разъ полюбившій прекрасную дѣвушку, могъ бы больше волноваться, больше страдать, больше горѣть страстнымъ желаніемъ отдать всего себя, всю свою жизнь для счастья дорогого существа.“

Добавимъ, что книга г. Венгерова разошлась въ 4 мѣсяца и теперь (въ октябрѣ) вышло ея 2-ое изданіе съ поправками немногихъ ошибокъ, встрѣчавшихся въ 1-мъ изданіи, въ именахъ и отчествахъ нѣкоторыхъ писателей.

Д. П. Сильчевскій.

А. И. Герценъ. „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи. Переводъ съ французскаго А. Тверитинова“. Изданіе Ф. Павленкова. 169+7 нумер. стр. in-16°. Спб. 1907. Цѣна 40 коп.

А. И. Герценъ. „Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. Переводъ со второго, просмотрѣннаго авторомъ, изданія 1853 года. Лондонъ“. Изданіе В. М. Саблина. 132 стр. in-8°. Москва. Цѣна 50 коп.

Въ собранныхъ Н. Г. Чернышевскимъ и изданныхъ К. Т. Солдатенковымъ „Матеріалахъ для біографіи Н. А. Добролюбова“ (М. 1890), между прочимъ, имѣется любопытное письмо Добролюбова, отъ 1 августа 1856 г., къ одному изъ его друзей Н. П. Турчанинову. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, Добролюбовъ говоритъ (стр. 319) о книжкѣ Герцена „Du développement des idées revolutionnaires en Russie“, явившейся теперь одновременно въ двухъ русскихъ переводахъ: „... Я, наконецъ, доставилъ ему (Чернышевскому) ту книгу, которой мы долго ждали, и онъ сказалъ мнѣ потомъ, что, прочитавъ эту книгу... онъ приходитъ къ мысли, что дѣйствительно авторъ (т. е. Герценъ—Д. С.) человекъ весьма замѣчательный.—независимо отъ того, что мы его любимъ за идеи его. Этотъ отзывъ меня, конечно, чрезвычайно порадовалъ, потому что оба эти человека (т. е. Герценъ и Чернышевскій—Д. С.) для меня авторитеты“. Къ этимъ словамъ добролюбовскаго письма Чернышевскій сдѣлалъ слѣдующее весьма характерное подстрочное пояснительное примѣчаніе: „Книга, о которой говоритъ Николай Александровичъ, была одной изъ написанныхъ Герценомъ за-границей... „Du développement des idées revolutionnaires... Литераторъ (т. е. Чернышевскій, говорящій здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ—Д. С.), о которомъ говоритъ Николай Александровичъ, ужь имѣлъ тогда образъ мыслей, не совсѣмъ одинаковый съ понятіями Герцена и, сохраняя уваженіе къ нему, уже не интересовался его новыми произведеніями. Видя, что Николай Александровичъ огорчается холодными отзывами о нихъ, этотъ литераторъ (Чернышевскій—Д. С.) перешелъ отъ разъясненія причинъ своего недовольства нѣкоторыми понятіями Герцена къ похваламъ тому, что находитъ у него хорошимъ, и, между прочимъ, говорилъ о томъ, что высоко цѣнить его блестящій литературный талантъ, что собственно *по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену* (курсивъ мой—Д. С.). Это утѣшало Николая Александровича“.

Итакъ еще въ 1856 г., т. е. болѣе полустолѣтія тому назадъ, Чернышевскій находилъ, что „по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену“. А тогда вѣдь Герценъ еще не издалъ лучшаго своего произведенія—„Вылого и Думъ“—этого несравненнаго шедевра между всѣми его сочиненіями. Не было тогда опубликовано и нѣсколькихъ другихъ крупныхъ и ярко талантливыхъ трудовъ Герцена.

Приговоръ Чернышевскаго вѣренъ и до сего дня, да „по блеску таланта въ Европѣ не было публициста, равнаго Герцену“. Нѣкоторыя частности во взглядахъ Герцена были ошибочны, нѣкоторыя его объясненія устарѣли, а нѣкоторыя подлежатъ поправкамъ и пересмотру. Теперь, напр., нельзя уже безусловно соглашаться съ его взглядами на общинное землевладѣніе и его значеніе для будущаго крестьянства. Нельзя соглашаться также и съ нѣкоторыми изъ его теоретическихъ положеній по философіи исторіи Россіи и славянства и проч. Но, какъ бы тамъ ни было, въ основныхъ чертахъ своей литературной дѣятельности Герценъ и до сихъ поръ *современенъ* и вѣренъ, и большинство изъ его писаній имѣетъ значеніе какъ бы живой современности для насъ и сохранить, вѣроятно, еще надолго такое значеніе. Въ сущности, мы еще не такъ далеко ушли впередъ (а во многомъ такъ подались даже назадъ) отъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, когда жилъ и писалъ Герценъ (сравните хотя бы сколько было тогда смертныхъ казней и всяческаго полицейскаго произвола и сколько теперь). Многія статьи Герцена изъ „Колокола“ кажутся какъ будто написаны только вчера или сегодня,—перемѣните только числа и имена... А о публицистическомъ талантѣ—даже прямо таки гениальности—ужъ и говорить нечего.

1-е изданіе книги „О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи“ вышло по французски въ 1851 г., а черезъ 2 года (въ 1853 г.) появилось на томъ же языкѣ 2-е изданіе. Въ этой книжкѣ, не включавшейся до сихъ поръ ни въ заграничное (1875—78 гг.), ни въ вышедшее въ Петербургѣ (въ 1905 г.) изданіе „Сочиненій А. И. Герцена“,— авторъ задался цѣлью познакомить западноевропейскую публику съ исторіей Россіи и съ тогдашнимъ ея положеніемъ. Нечего и говорить, что Герценъ исполнилъ свое намѣреніе удивительно мастерски. Рука художника, работа свѣтлаго ума и печать глубокой и философской, и поэтической мысли видны на каждой страницѣ этой небольшой по объему, но глубоко-содержательной книжки, отъ чтенія которой съ трудомъ можно оторваться.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу изъ книжки Герцена три-четыре выдержки, вполне увѣренный, что мои читатели не только не постыжутся за нихъ на меня, но, напротивъ, съ удовольствіемъ прочтутъ блестящія и глубоко-мѣткія характеристики Герцена.

Разсуждая, напр., о Пушкинѣ и создавшихъ имъ типахъ Евгѣнія Онегина и Ленскаго, Герценъ замѣчаетъ: „Рядомъ съ Пушкинымъ тоже помѣщается другой Ленскій, то былъ Веневитиновъ, чистая, поэтическая душа, задущенная въ двадцать два года грязными руками русской жизни.

„Между этими двумя типами, между поэтомъ, вѣчнымъ энтузіастомъ, и человекомъ усталымъ, ожесточеннымъ, бесполезнымъ,—между могилой Ленскаго и скукой Онегина влечется глубокая, грязная рѣка цивилизованной Россіи съ ея аристократами, бюрократами, офицерами, жандармами, великими князьями и императоромъ (Николаемъ I—Д. С.); масса безформенная и нѣмая отъ низости, холопства, звѣрства и зависти, которая увлекаетъ и поглощаетъ все, „эта пучина,—какъ говоритъ Пушкинъ,—гдѣ, дорогой читатель, мы съ вами купаемся“ (стр. 91).

Или вотъ вамъ,—посмотрите, какъ художественно и ярко рисуетъ Герценъ положеніе николаевской Россіи въ двадцатипятилѣтіе 1825—1850 гг. „На поверхности официальной Россіи, „показной имперіи“ были видны только одніе потери, свирѣлая реакція, безчеловѣчныя преслѣдованія, усугубленіе

деспотизма. Николай былъ окруженъ посредственностями, показными солдатами, балтійскими вѣмцами и дикими консерваторами, самъ недовѣрчивый, холодный, упрямый, бездушный, посредственный, какъ его приближенные. Затѣмъ, ниже его стояло высшее общество, которое при первомъ ударѣ грозы, разразившейся надъ его годовой послѣ 14 декабря, потеряло едва приобретенныя понятія чести и достоинства. Русская аристократія уже не поднималась при Николаѣ, она уже отвѣла; все, что имѣлось въ ея средѣ благороднаго и великодушнаго, было въ рудникахъ или въ Сибири. Все, что оставалось или держалось въ благоволеніи господина, пало до послѣдней степени низости или холопства, что узнаешь по картинѣ, нарисованной маркизомъ де-Кюстиномъ.—Далѣе шли гвардейскіе офицеры; изъ блестящихъ и образованныхъ они становились все болѣе и болѣе полированными унтерами... Гвардія раздѣлила участь аристократіи: лучшіе офицеры были сосланы, многіе оставили службу, не будучи въ состояніи выносить грубый и нахальный тонъ, введенный Николаемъ. Торопились заполнить пустыя мѣста хорошими служаками, или казарменными, или манежными завсегдатаями. Офицеры упали во мнѣшіи общества. фракъ одолѣлъ, и мундиръ господствовалъ только въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ и при дворѣ, въ этой первой гауптвахтѣ имперіи.—Члены императорской фамиліи и самъ глава ея выказываютъ военнымъ преувеличенное и непозволительное предпочтеніе. Холодность публики къ мундиру не доходила, однако, до допущенія чиновниковъ въ общество. Даже въ провинціи было непреодолимое отвращеніе къ нимъ, что однако не мѣшало вліянію бюрократовъ возрастать. Вся администрація стала изъ аристократической и невѣжественной, какою она была раньше, казуистичной и мелочной послѣ 1825 г. Министерства превратились въ конторы, управляющіе ими и высшіе чиновники сдѣлались дѣловыми людьми или писарями. Они по отношенію къ гражданской службѣ были тѣмъ, чѣмъ безнадежные служаки были по отношенію къ гвардіи. Идеальные знатоки всѣхъ формальностей, холодные и лишенные здраваго смысла исполнители высшихъ приказаній, они были преданы правительству изъ любви къ взяткамъ. Николаю нужны были такіе офицеры и такіе администраторы.—Казарма и канцелярія сдѣлались основаніемъ политической науки Николая. Слѣпая и бессмысленная дисциплина, соединенная съ бездушнымъ формализмомъ австрійскихъ казначеевъ, таковы дѣятели знаменитой организаціи сильной власти въ Россіи. Какая бѣдность правительственной мысли, какая проза самодержавія и какая жалкая пошлость! Это самая простая, самая грубая форма деспотизма, идеаль Фридриха II и его отца.—Прибавимъ къ этому графа Бенкендорфа, шефа корпуса жандармовъ, шефа вооруженной инквизиціи, полицейскаго массонства, у котораго были во всѣхъ концахъ имперіи, отъ Риги до Нерчинска, свои братья, слушающіе и подслушивающіе; начальника 3-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи (такъ называется центральная шпіонская контора), судящаго все, кассирующаго рѣшенія судовъ, вмѣшивающагося во все и въ особенности въ политическіе проступки. Передъ этой судебной конторой привлекалась отъ времени до времени цивилизація въ видѣ какого-нибудь литератора или студента, котораго ссылали или запирали въ крѣпость, но который вновь и вновь появлялся.—Однимъ словомъ, смотря на официальную Россію, на душѣ была одна только безнадежность...

„Но внутри дѣлалось важное дѣло, дѣло подпольное, но съ энергіей и непрерывностью: недовольство росло вездѣ, революціонныя идеи за эти 25 лѣтъ

болѣе распространились, чѣмъ за цѣлое столѣтіе, что имъ предшествовало, и все же онѣ не проникли до народа“ (стр. 95—97).

Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ характеристики Вѣлинскаго. „Вѣлинскій—говорить Герценъ—былъ совершенно свободенъ отъ вліяній, которыми мы поддаемся, когда мы не умѣемъ отъ нихъ себя защитить. Сблужаемые новизной, мы усваиваемъ множество вещей памятью, не провѣряя ихъ разумомъ. Эти воспоминанія, которыя мы принимаемъ за приобретенныя истины, связываютъ нашу независимость. Вѣлинскій началъ свои занятія съ философіи, когда ему было 25 лѣтъ. Онъ приступилъ къ наукѣ съ серьезными вопросами и со страстной діалектикой. Для него истины, выводы не были ни абстракціями, ни игрой ума, но вопросами жизни и смерти; свободный отъ всякаго посторонняго вліянія, онъ вступилъ въ науку съ большой искренностью; онъ не старался что-либо спасти отъ огня анализа и отрицанія и онъ, совершенно естественно, возсталъ противъ половинныхъ рѣшеній, робкихъ заключеній и малодушныхъ уступокъ... Вѣлинскій много сдѣлалъ для пропаганды. Вся учащаяся молодежь питалась его статьями; онъ образовалъ эстетическій вкусъ у публики, онъ придалъ мысли силу. Его критика шла гораздо дальше, чѣмъ критика Полевого, поднимая другіе вопросы, возбуждала другія сомнѣнія. Его мало цѣнили; онъ въ теченіе своей жизни затронулъ много самолюбій, оскорбилъ много честолюбій; послѣ его смерти правительство запретило писать о немъ... Его слогъ былъ часто угловатъ,—но всегда полонъ энергіи. Онъ сообщалъ свою мысль такъ, какъ понималъ ее, со страстью. Чувствуешь въ каждомъ словѣ, что этотъ человѣкъ пишетъ своей кровью, своими нервами, чувствуешь, сколько онъ ихъ растрчиваетъ и какъ онъ чахнетъ; болѣзненный, раздражительный, онъ не зналъ границъ ни любви, ни ненависти. Онъ часто увлекался, иногда даже очень неосновательно, но онъ всегда оставался абсолютно искреннимъ... Онъ былъ одинъ изъ самыхъ свободныхъ людей, онъ не былъ связанъ ни вѣрованіями, ни традиціями. Онъ не зависѣлъ отъ общественнаго мнѣнія и не признавалъ никакихъ авторитетовъ; онъ не боялся ни гнѣва друзей, ни ужаса добрыхъ душъ. Онъ всегда былъ на стражѣ критики, готовый опубликовать, заклеить все то, что онъ считалъ низкимъ или подлымъ. Какъ же могъ онъ оставить въ покоѣ православныхъ и ультрапатріотическихъ славянофиловъ, онъ, который видѣлъ тяжелыя цѣпи во всемъ томъ, что славянофилы считали за узы самыя священные? Между славянофилами были талантливые люди, ученые, но ни одного публициста, ихъ журналъ (*Москвитининъ*) не имѣлъ успѣха. Талантливые люди этой партіи почти никогда не писали, а неспособные писали постоянно.—Славянофилы передъ европейцами (западниками) имѣли большое преимущество, но такія преимущества пагубны: они защищали православіе и національность, тогда какъ европейцы нападали на то и на другую; они, такимъ образомъ, могли говорить почти все, за что получали ордена, пенсіи, мѣста придворнаго учителя или камеръ-юнкера; Вѣлинскій же, напротивъ, не могъ ничего говорить; одно прозрачное слово, неосторожная фраза могли привести его въ казематъ, компрометировать журналъ, редактора и цензора. Но именно благодаря этому всѣ симпатіи были приобретены смѣлымъ писателемъ, который въ виду Петропавловской крѣпости, защищалъ независимость, а всѣ антипатіи—его противниками, показывавшими кулакъ изъ-за Кремля и Успенскаго собора, такъ хорошо покровительствуемыхъ петербургскими нѣмцами“ (стр. 130—133).

Приведенныя мною цитаты показываютъ, съ какимъ великимъ талантомъ мы здѣсь имѣемъ дѣло. Въ заключеніе я долженъ сказать о характерѣ двухъ изданій герценовой книжки, лежащей теперь передо мною. Изданіе Павленкова (всѣ цитаты сдѣланы мною по этому изданію), хотя оно и дешевле, но гораздо полнѣе московскаго изданія В. М. Саблина. Въ павленковскомъ изданіи имѣются (стр. 158—163) характеристики тогдашней русской эмиграціи (Ив. Головина, Бакунина въ 40-хъ гг., Н. Сазонова и проч.), чего нѣтъ въ изданіи г. Саблина, какъ нѣтъ въ немъ и имѣющагося въ павленковскомъ изданіи приложенія „О сельской общинѣ въ Россіи“ (стр. 163—169). Да и переводъ лучше и литературы анонимнаго весьма плохого перевода саблинскаго изданія.

Д. П. Сильчевскій.

Николай Тургеневъ. Россія и русскіе. Первое русское изданіе. (Библіотека декабристовъ 1907 годъ. Выпуски второй и пятой).

Книга Н. И. Тургенева „Россія и русскіе“ врядъ ли нуждается въ какихъ-либо рекомендаціяхъ, какъ матеріалъ по исторіи Александра I и въ частности по исторіи декабристовъ. Писанный по французски, хотя авторъ въ мысляхъ, по его собственнымъ словамъ, предпочтительно обращается къ русскимъ, этотъ трудъ слишкомъ 60 лѣтъ находился подъ цензурнымъ запретомъ. Только въ нынѣшнемъ 1907 году вышли въ русскомъ переводѣ первый и часть второго тома этого замѣчательнаго труда.

Что касается перваго тома, то къ сожалѣнію переводъ оставляетъ желать многого. Недостаткомъ его являются пропуски, какъ крупныя, такъ и мелкія, которыхъ такъ много, что собственно говоря даже затрудняешься признать данное изданіе переводомъ книги Н. Тургенева: это скорѣе извлеченіе изъ нея. Чтобы не быть голословнымъ, приведу слѣдующія доказательства. Начну съ конца книги. Изъ помѣщенныхъ въ приложеніи замѣтокъ автора о разныхъ лицахъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, о баронѣ Штейнѣ, Лагарпѣ, Карамзинѣ и др., а также „записка Паццо-ди-Борго, представленная императору“ и т. д., переведена только одна замѣтка о Сперанскомъ. Можетъ быть скажутъ, что въ настоящее время эти примѣчанія лишены интереса. Съ этимъ возраженіемъ врядъ ли можно вполне согласиться. Конечно „записку о древней и новой Россіи“ Карамзина лучше печатать цѣликомъ, или совсѣмъ не печатать, чѣмъ помѣщать изъ нея отрывокъ. Но что касается другихъ замѣтокъ Тургенева, такъ вѣдь это „записки современника“, и выбрасывать ихъ изъ книги нѣтъ большаго основанія. Что всего курьезнѣе, на стр. 53-ей настоящаго изданія находимъ сноску: „см. письмо Карамзина къ императору. въ концѣ перваго тома“, а самаго письма нѣтъ.

Далѣе, кромѣ этого пропуска такъ сказать цѣлаго отдѣла 1-го тома, есть пропуски страницами. Такъ не переведены почти цѣлая страница 92—93, 160—165, 197—200 (оригинала).

Затѣмъ чуть-ли на на каждой страницѣ попадаются пропуски цѣлыхъ предложений или отдѣльныхъ выраженій.

Въ пивыхъ случаяхъ нѣкоторые мѣста изъ текста перенесены въ примѣчанія, что находимъ напр. на страницѣ 62—63, стр. 77, 111-ой (оригинала).

За VII главой въ оригиналѣ слѣдуетъ „оправдательная записка“, о которой находимъ слѣдующее примѣчаніе въ нашемъ изданіи: „въ оправдательной запискѣ П. Тургеневъ очень повторяется, такъ что редакція, вообще

придерживаясь возможно ближе къ тексту, принуждена дѣлать нѣкоторые пропуски, чтобы не говорить по нѣскольку разъ одно и то же". Жаль, что переводчикъ не сдѣлалъ подобной оговорки и вообще о всемъ своемъ переводѣ.

Но какой характеръ имѣютъ эти пропуски и какъ они вліяютъ на весь переводъ? Для этого должно привести нѣсколько примѣровъ этихъ пропусковъ. Такъ на стрн. 12 (перевода) говорится о любви Тургенева къ крестьянамъ, благу которыхъ онъ „посвящалъ весь свой досугъ, доказательствомъ чего служить и настоящая книга". Послѣ этихъ словъ въ оригиналѣ слѣдуетъ такая фраза: „oui, je les aime ces bons serfs russes, et jusqu'à la sainte barbe, qui les distingue encore, tout en eux est pour moi objet de respect". Слова, несомнѣнно характерныя для личности Н. Тургенева, остались однако безъ перевода. Можно согласиться съ возраженіемъ, которое могутъ сдѣлать, что вѣдь въ данномъ случаѣ эта черта Тургенева (любовь къ крестьянамъ) остается отмѣченной, и такимъ образомъ все дѣло сводится здѣсь къ тому, что характеръ оригинала въ переводѣ не передается. Такихъ примѣровъ можно набрать не мало. Въ этомъ отношеніи характерны пропуски и отдѣльныхъ словъ, напр. „les idées généreuses", переведено просто „тѣ идеи" (стрн. 13), „la légitime aversion"—„свое отвращеніе" (стрн. 13).

Иногда такого рода пропуски вредятъ ясности и полнотѣ изложенія; напр. въ переводѣ (стрн. 17) читаемъ: „Францискъ II былъ такъ же безучастенъ къ участи Гофера", но кто такой Гоферъ, неизвѣстно, между тѣмъ какъ въ оригиналѣ это объяснено.

Или о Штейнѣ говорится: „довѣріе, равнымъ которому никто тогда не пользовался, императора Александра ставило его въ совершенно исключительное положеніе", тогда какъ въ оригиналѣ упоминается еще и о сходствѣ взглядовъ императора Александра и Штейна.

Или вотъ еще характерный примѣръ. Говоря о бесѣдахъ своихъ съ Мордвиновымъ и гр. Потоцкимъ, Тургеневъ замѣчаетъ о желаніяхъ Мордвинова политической свободы, верхней палаты и организованной аристократіи, о чемъ въ переводѣ нѣтъ ни слова.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть характерную черту настоящаго перевода, стремленіе къ сокращенному изложенію оригинала. Укажу еще примѣры: на 11-ой страницѣ 15 строкъ текста оригинала уложились въ 3 строки перевода, на 119—120 стрн. 11-ти строкамъ оригинала соотвѣтствуютъ 3 строки перевода.

Мнѣ остается сказать еще о вѣрности перевода. Если не принимать во вниманіе пропусковъ перевода, то его можно признать вѣрнымъ. Отмѣчу лишь два случая. На стрн. 36 оригинала между прочимъ говорится о женевцѣ, который „тотчасъ по прибытіи въ главную квартиру былъ назначенъ avec le titre de conseiller d'état русской службы при баронѣ Штейнѣ". Приведенныя французскія слова въ переводѣ переданы: „государственнымъ совѣтникомъ". Не идетъ ли здѣсь рѣчь просто о статскомъ совѣтникѣ. Затѣмъ въ примѣчаніи на стрн. 82—83 говорится объ „идеяхъ и политическихъ ученіяхъ, провозглашенныхъ французской революціей", surtout par l'immortelle Constituante; въ переводѣ оказалось, что эти идеи провозглашены „безсмертнымъ Констаномъ". Отмѣчу опечатку на стр. 195 (русс. изд.): игуменамъ напечатано вмѣсто игуменьямъ; рѣчь идетъ о женскомъ монастырѣ и игумену тутъ не мѣсто.

Что касается втораго тома, то пока изъ него переведено только 4¹/₂ главы. Пропусковъ порядочно и въ этомъ томѣ.

Отмѣчу слѣдующую неправильность въ переводѣ: въ предисловіи ко 2-му тому на стрн. 5-ой въ концѣ слово „partout“ передано словами „рѣдко“, что совершенно искажаетъ смыслъ фразы. Не вполне понятнымъ является слѣдующее мѣсто: „особенно часто идеи не могли занимать страны, въ которыхъ волненія въ эти времена привлекали общее вниманіе“. Очевидно передъ словомъ „страны“ пропускъ предлога „у“; въ оригиналѣ „avoir été empruntée aux pays“. Несомнѣнно опечатки и въ слѣдующихъ мѣстахъ: „не много земли, не слишкомъ-то тогда родной“, нужно: „не слишкомъ-то плодородной“ (fertile) вмѣсто „другіе министры“ нужно „друзья министра“ (les intimes du ministre) (стр. 84).

Н. Катинъ.

Книги и другія изданія, поступившія въ редакцію.

Соціальное движеніе въ современной Франціи. Сборникъ статей Э. Берта, Г. Лагарделя, Э. Пуже, Ж. Сореля и Г. Эрве. Перев. съ рукописи подъ редакціей и съ предисл. Л. Козловскаго. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова 1908 г. Ц. 1 р.

Изданія Т-ва „Общественная Польза“:

Гомельскій процессъ. Подробный отчетъ. СПб. 1907 г. Ц. 3 р.

Вернеръ Зомбартъ. Почему нѣтъ социализма въ Соедин. Штатахъ. Перев. съ нѣм. М. Панина. Ц. 50 к.

Академическая женщина во Франціи. Лицеистка, курсистка, профессоръ. Составлено по книгамъ Реваль М. А. Лялиной. 1907 г. Ц. 75 к.

Г. Цыперовичъ. За полярнымъ кругомъ. Десять лѣтъ ссылки въ Сибири. СПб. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Василчъ. Междоусобица и возстаніе 1825 г. Историческій очеркъ И-во „Русская Жизнь“. Ц. 1 р.

Пр. Мих. Грушевскій. Освобожденіе Россіи и Украинскій вопросъ. Ц. 1 р.

Пр. Мих. Грушевскій. Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. СПб. 1907 г. Ц. 30 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Вопросъ объ украинскихъ кафедрахъ и нужды украинской науки. Ц. 20 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Единство или распаденіе Россіи. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Національный вопросъ и автономія. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст. Ц. 8 к.

Пр. Мих. Грушевскій. Украинскій вопросъ. Ц. 15 к.

Михайло Грушевскій. Про старіе часи на Україні. Ц. 20 к.

С. Сташинскій. Новое теченіе въ социализмѣ. (Очеркъ революціоннаго синдикализма во Франціи, Италіи и Германіи) 1907 г. СПб. К-во „Трудъ и Борьба“. Ц. 30 к.

Отчетъ бібліотеки Общества взаимнаго вспомошествованія евреевъ г. Одессы имени С. Л. Бернфельда янв. 1906 г.—янв. 1907 г. 31-й годъ существованія.

В. Бернштамъ. Около политическихъ. Изъ путевыхъ впечатлѣній поѣздки въ „гиблыя мѣста“—Якутскую область. Изд. С. В. Бунина. Ц. 1 р. СПб. 1908 г.

Александръ Цитронъ. 103 дня Второй Думы. К-во „Думская Трибуна“. СПб. 1907 г. Ц. 75 к.

Л. Кульчицкій (Мазовецкій). Исторія русскаго революціоннаго движенія. (Съ портретами русскихъ революціонныхъ дѣятелей). К-во О. С. Іодко. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. (Изъ дальнихъ лѣтъ) въ 3-хъ томахъ. Изд. 2-ое. А. Ф. Маркса. Ц. 5 р. 50 к.

М. Винаверъ. Конфликты въ Первой Думѣ. СПб. 1907 г. Ц. 60 к.

Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. К-во „Скорпионъ“. Ц. 80 к.

Альбертъ Вандаль. Армяне и Турецкія реформы. Пер. съ франц. М. Я. Алавердянцъ. СПб. 1908 г.

- Францъ Лютгенау. Естественная и социальная религія. Перев. съ нѣм.
В. Величиной. Ц. 1 р. СПб. 1908 г.
- Иванъ Вермишевъ. Созидательный социализмъ. Опытъ проекта и смѣты
соціалистической колоніи. СПб. 1907 г. Ц. 30 к.
- А. Б. Декабрьскіе дни. Сборникъ стихотвореній. Ц. 10 к.
- Любовь Бѣлкина. Лейтенантъ Шмидтъ. Поэма. Ц. 25 к.
- М. Слобожанинъ. На культурной работѣ. Очерки и воспоминанія. Ц. 1 р. 50 к.
- Борьба № 1—9. Соціалъ-демократическая газета. Москва ²⁷/₁₁—⁷/₁₂ 1905 г.
- Кіевская Молва № 2. 1906 г. 31 декабря.
- Голосъ народа № 1. 23 декабря 1905 г.
- Рабочій Голосъ № 1. 26 ноября 1905 г.
- Впередъ! Двухнедѣльное обозрѣніе. Годъ I. 1875 г. №№ 1—24. Лондонъ.
- Впередъ! Двухнедѣльное обозрѣніе. Годъ II. 1876 г. №№ 25—27 и № 37.
Лондонъ.
- Борьба № 3 и № 4. (15 мая и 9 іюня 1907 г.) Мотовилихин. Рабоч. Орга-
низация П. С.-Р.
- Знамя Труда № 4 и № 5. (30 авг. и 12 сент. 1907 г.) Центр. Органъ П. С.-Р.
- Впередъ № 2. 1 окт. 1907 г. Изд. Пермс. Ком. П. С.-Р.
- Земля и Воля № 11. Крестьянская газета. Изд. Ц. К. П. С.-Р. 15 сент.
1907 г.
- Arbeiter Stimme № 29 и 30 (1902 г.) и №№ 31, 35 и 32 (1903 г.) Цент.
Орг. „Бунда“ на евр. яз.
- Послѣднія Извѣстія „Бунда“. Изд. загранич. комит. №№ 246, 247, 254
(1905 г.) и 255 и 256 (1906 г.).
- Солдатскій Листокъ № 5. Забайкальск. Отд. Всероссійск. Воен. Союза
авг. 1907 г.
- Der Bund № 5 (1904 г.) и №№ 8 и 11 (1905 г.).
- Красное Знамя. Еженедѣльный журналъ № 1. 12 авг. 1907 г. Украинск.
гр. П. С.-Д. Харьков. губ. Купянского уѣз.
- За народъ! № 6. 25 іюля 1907 г. Всерос. союзъ солдатъ и матросовъ.
Изд. Ц. К. П. С.-Р.
- Письмо № 1. Гродненской Окруж. Организ. Р. С.-Д. Р. П. (по поводу
ограниз. работы въ деревнѣ).
- Братья крестьяне! Перм. Ком. П. С.-Р.
- Уставъ братства п. с. р. Типогр. Перм. Ком.
- Ко всѣмъ. Перм. Ком. П. С.-Р.
- Товарищи рабочіе! Отказывайтесь отъ выборовъ въ 3-ю Думу Перм.
Ком. П. С.-Р. 8 сен. 1907 г.
- Крестьяне дѣйствуйте сами! Воронеж. Ком. П. С.-Р. іюль 1907 г.
- Граждане! Дума умерла, да здравствуетъ Всенародное Учредительное
Собраніе. Ворон. Ком. П. С.-Р. 7 іюня 1907 г.
- 3 листка Рязан. Губерн. Ком. П. С.-Р.
- 3 убитыхъ 11 раненныхъ. Сапожковская гр. П. С.-Р. 1907 г.
- Товарищи приказчики! Рязан. город. гр. П. С.-Р. 1907 г.
- Программа „Белоруской соціалистичной громады“ іюнь 1906 г. 1-й Крест.
Ком. Б. С. Гр.
- 10 листовъ различныхъ организацій П. С. Гр.
- Анархія по Прудону въ 2 част. Изд. 1874 г. (соціально-револ. партіи).
- Парижская коммуна. № 2. Революц. Общ. Русскихъ Анархистовъ. Женева
1874 г.
- Историческое развитіе Интернаціонала. Изд. соціально-револ. пар. т. II.
1873 г.
- По поводу самарскаго голода. Втор. изд. Лондонъ. Изд. жур. „Впередъ“.
1874 г.
- Новыя истязанія на каторгѣ. Письма изъ Алгачинской тюрьмы. (Изъ
Революц. Слова).
- Граждане! Приближаются новые выборы въ Госуд. Думу. Ц. К. „Бунда“
авг. 1907 г. (на рус. польск. и евр. яз.).
- Къ крестьянамъ. Крестьян. Ком. Тавр. Союза П. С. Р.
- Ко всѣмъ приказчикамъ и приказчицамъ булочнаго и кондитер. цеха.
Группа приказчиковъ и приказчицъ булоч. и кондит. цеха.

Уставъ Общества вспомошествованія политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ.

Контръ-революція идетъ! Ц. К. „Бунда“ ноябрь 1905 г.

Отчеты Курскаго Ком. П. С.-Р. май и июнь 1907 г. июль и августъ 1907 г.

Уставъ Крестьянскаго Сельскаго Союза. Харьк. Губ. Крестьян. Ком. П. С.-Р. авг. 1907 г.

Крестьянамъ и Гдѣ зло. Старый служивый.

Ко всѣмъ гражданамъ. Калуж. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Избирательная платформа. Р. С.-Д. Р. П. Переп. Кубан. Ком. Р. С.-Д. Р. П. 28 ав. 1907 г.

Ко всѣмъ избирателямъ. Крым. Союз. Р. С.-Д. Р. П. Тип. Мелитоп. Ком.

Проектъ программы Евр. С.-Д. Раб. Партіи „Поалей-Ціонъ“. предлагаемый Цент. Комитетомъ. Мартъ 1906 г.

Къ еврейской учащейся молодежи. Организация учащихся при Полт. Ком. Е. С.-Д. Р. П. „Поалей-Ціонъ“.

Baltisch-deutsche Edelmannsbestien (Separatabdruck aus dem Volksrech Der Verband lettischen Sozialdemokr.

Резолюція съѣзда Совѣта Уральской обл. П. С.-Р. (прил. къ № 2 „Впередъ“)

Ко всѣмъ крестьянамъ, борющимся за землю и волю. Опросный листъ для крестьянъ Ц. К. П. С.-Р.

Товарищи! Центр. группы студ. фракціи Р. С.-Д. Р. П. Бунда 3 окт. 1907 г.

По поводу рекрутскаго набора. Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Листокъ Союза Союзовъ № 1 и № 6. 1906 г. Органъ Уссурийскаго Союза Союзовъ. Владивостокъ № 4. 12 янв. 1906 г.

Постановленія, выработанныя выборными нижними чинами отъ Владивосток. гарнизона на собраніяхъ 7, 9 и 12 дек. 1905 г.

Граждане! Комитетъ Владивост. Отд. Всер. Почт.-Тел. Союза 22 дек. 1905 г.

Въ пользу политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ поступило:

Изъ Вильны отъ Р. К. 50 р. Отъ г. Тифлиса 80-го года—10 р. Отъ врачей—10. Отъ Дункеля Ив. Солом.—2 р. 50 к. W. L. изъ Вильны—28 руб. Отъ служащихъ Г. Б. за сентябрь 17 р.

Деньги переданы по назначенію.

Письма въ редакцію.

I.

Милостивый Государь

г. Редакторъ

На страницахъ уважаемаго журнала Вашего я нѣсколько разъ встрѣчалъ имя покойнаго брата Александра Евграфовича Сентянина, безвременно погибшаго въ мрачныхъ казематахъ Петропавловской крѣпости.

Въ майской книжкѣ „Былого“ о немъ упоминають нѣсколько авторовъ въ своихъ воспоминаніяхъ и вскользь передають исторію его ареста въ г. Харьковѣ, кѣстати сказать не совсѣмъ точно.

Въ одномъ мѣстѣ онъ даже ошибочно названъ студентомъ Александромъ „Васильевичемъ“ вмѣсто „Евграфовичемъ“.

Нашъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, въ свое время сильно интересовала загадочная смерть талантливаго юноши, но всѣ усилія узнать какія-либо подробности остались безуспѣшными.

Я помню только, что чрезъ Славяносербское уѣздное полицейское управленіе (Екатери. губ.) изъ Петропавлов. крѣпости было получено отцомъ лаконическое извѣщеніе о смерти „дворянина Александра Сентянина“, при чемъ препровождались вещи его: коробка съ какими то медикаментами, большая кисточка для смазки горла, кажется смазные сапоги и кусокъ частаго гребня -- вотъ и все.

Даже теперь, когда прошло болѣе 20 лѣтъ послѣ смерти брата, многимъ близкимъ къ нему лицамъ интересно узнать подробности о жизни его, въ особенности за послѣдніе годы, такъ какъ уйдя изъ дома родителей, будучи еще гимназистомъ, Александръ Евграфовичъ порвалъ всѣ связи съ семьей и нерѣдко появлялся на родинѣ, уже преслѣдуемый и гонимый полиціей.

Этимъ письмомъ я обращаюсь къ сверстникамъ и товарищамъ покойнаго съ просьбою подѣлиться тѣми свѣдѣніями о немъ, какими они располагають.

Я же приведу здѣсь краткія біографическія данныя о немъ.

Алек. Евг. происходилъ изъ старо-дворянской семьи Екатеринослав. губ., нѣкогда довольно богатой, но впослѣдствіи совершенно раззорившейся.

Имѣніе отца его, Сентяновка, гдѣ родился братъ, принадлежитъ нынѣ, если не ошибаюсь, Голенищеву-Кутузову и расположено верстахъ въ 30 отъ уѣзднаго города Славяносербска (теперь заштатнаго).

Образованіе онъ получилъ въ Харьковской третьей гимназіи, откуда вышелъ изъ 6-го класса и бѣжалъ изъ родительскаго дома къ родственникамъ на Донъ, гдѣ въ Новочеркасской гимназіи держалъ экстерномъ.

Затѣмъ онъ поступилъ въ горный институтъ и дошелъ, кажется, до 3-го курса.

Раззорившійся отецъ нашъ служилъ одно время даже становымъ приставомъ и, какъ говорятъ, долженъ былъ принять однажды дѣятельное участіе въ поимкѣ сына въ д. Софіевкѣ, куда братъ явился съ агитаціонными дѣлами—въ районѣ его полицейскаго участка.

Послѣ ареста брата отецъ немедля лишился мѣста и долго не имѣлъ возможности найти себѣ какихъ либо занятій.

Н. Сентянинъ.

II.

Родственникамъ ссыльно-каторжнаго П. М. Андреева (Симакова).

М. П. Въ моемъ распоряженіи имѣется нѣкоторая сумма денегъ для ссыльно-каторжнаго *Петра Михайловича Андреева* (онъ же *Симиковъ*). Въ виду заявленія главнаго тюремнаго управленія, что для ссыльно-каторжнаго арестанта деньги могутъ быть посланы лишь ближайшими его родственниками (родителями, женою, дѣтьми, родными братьями и сестрами), прошу ближайшихъ родственниковъ Андреева (Симакова то-жъ), знающихъ его мѣстопробываніе, и лицъ, могущихъ посовѣтовать мнѣ, какъ доставить ему эти деньги, сообщить мнѣ *письменно* по адресу: *С.-Петербургъ, Вознесенскій, 37, кв. 21.* студенту *Б. М. Кадеру*.

Примите и проч. Б. Кадеръ.

Р. С. Прошу газеты, провинціальныя, а главнымъ образомъ сибирскія, перепечатать настоящее письмо.

Б. К.

О п е ч а т к и.

Въ статью Н. С. Русанова „Идейныя основы Народной Воли“, помѣщенную въ сентябрьской книжкѣ „Былого“ вкрались нижеслѣдующія крупныя опечатки:

Напечатано:			Должно быть:	
Стран. 38, стр.	8 снизу	Припоминаніе	Упоминаніе	
„ 39, „	17 сверху	торжества	тожества	
„ 40, „	1 снизу	соціалистами	соціологами	
„ 47, „	13 сверху	соціалистическихъ	соціологическихъ	
„ 61, „	3 снизу	несложнаго	несходнаго	
„ 67, „	19 сверху	во имя	ради	
„ 69, „	16 снизу	„монархистовъ“	„монархомаховъ“	

Въ статьѣ С. Л. Чудновскаго „Изъ дальнихъ лѣтъ“ въ той же книжкѣ:

Стран. 283 стр.	6 сверху	теоріи	терапии
„ 284 „	15 снизу	Алчуницынъ	Аметистовъ
„ 293 „	6 сверху	Котокори	Катакази

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРОДАЖА
ВЕЗДѢ

во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ, космо-
тическихъ и парфюмерныхъ магазинахъ.

КРЕМЪ

РЕНЕССАНСЪ

ГЛАВНАЯ КОНТОРА
ТОВАРИЩЕСТВА
"РЕНЕССАНСЪ"
С.-Петербургъ,
Владимірскій пр.
д. Дидерихса № 8-171.

ДАРИТЬ
ЖЕНЩИНАМЪ
КРАСОТУ.

ПЕРВЫЙ РАЗЪ
"Кремъ Ренессансъ"
De la Reine для пробы
высылается всѣмъ
женщинамъ
На почтовый расходъ 14 коп.
(марки посылать "заказнымъ").
ДАРОМЪ

!!!Совершенно бесплатно!!!

Салонный концертный аппаратъ „EDEN“.

Предложеніе это дѣлаю съ цѣлью распространить въ Россіи въ возможно скоромъ времени мои первоклассныя концертныя металлическія пластинки „Eden“. Въ виду этого я назначилъ 50000 аппаратовъ для совершенно бесплатной раздачи, тѣмъ первымъ 50000 лицамъ, которые на это объявл. напишутъ мнѣ заказъ. Если вы купите у меня 30 музыкальных пьесъ „Eden“ по 25 коп., то я вышлю Вамъ за эти 7 р. 50 коп., немедленно-же, не только 30-ть металлическихъ пластинокъ, но кромѣ того еще СОВЕРШЕННО БЕЗПЛАТНО элегантный салонный аппаратъ „Eden“, съ рупоромъ и усовершенствованной мембраной и въ изящномъ дубовомъ ящикѣ. Съ помощью 30-ти пьесъ, которые я Вамъ вышлю, Вы будете въ состояніи устроить блестящій домашній концертъ. Предложеніе это остается въ силѣ лишь ограниченное время, ибо послѣ достаточнаго распространенія моихъ концертн. металлическихъ пластинокъ „Eden“ я не могу продавать этого цѣннаго аппарата дешевле его дѣйствительной стоимости. Поэтому совѣтую поспѣшить заблаговременно воспользоваться этимъ рѣдк. и выгоднымъ предложеніемъ. Высылаю немедленно по полученію заказа, пересылка за счетъ заказчика, наложнымъ платежемъ и безъ задатка.

Адресовать прошу:

Т-во „ИНДѢЕЦЪ“, Делю часовъ. Варшава, 1-ая к-ра, Ящ. № 30.

„Былое“, Октябрь 1907.

3—1.

СЮРПРИЗЪ
для ДАМЪ

Полезная новость.

Часы, туалетное зеркало съ самоиграющей музыкой.

Вы доставите себѣ, семейству и гостямъ большое удовольствіе, купивъ у насъ изящные часы, прочной конструкціи съ чудн. кристал. зеркаломъ, парижской выдѣлки, въ изящномъ полиров. корпусѣ и очень хорошей пріятной музыкой, играющей громко и долго разныя красивыя веселыя пьесы, польки, марши, оперы, народныя марши и пр.

Кромѣ того, часы отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность музыки на 6 лѣтъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ по цѣнамъ только за 6 р. 50 к. и 7 р. 50 к. Такіе же часы съ календаремъ показываютъ день, мѣсяцъ и число съ самосвѣтящимъ циферблатомъ по цѣнамъ 8 руб. и 9 р. 25 к.

Музыкальный ящикъ „СИМФОНІА“ съ туалетнымъ зеркаломъ, играющій разныя пьесы по цѣнѣ 2 р. 90 к. и 3. р. 25 к.

Адресовать Депо часовъ Т-во „ИНДѢЦЪ“. Варшава, 1 к-ра, Ящ. 30.

ЗАЧѢМЪ ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ?

ЕСЛИ ЧАСЫ

французскаго новаго золота

„Вѣкъ“ 1-й сортъ вполне замѣняютъ ихъ! Механизмъ и отдѣлка какъ въ 100 рублей. (награждены наивысш. наград.) Предлагаю только что выпущен. фасонъ! Преимущества: поразительная изящность, точность хода, заводъ головкой, прочность металла и механизма, фабричная гарантія на 6 лѣтъ! **Цѣны крайнія:** за открытыя часы мужскіе или дамскіе: 1 шт.—4 р. 20 к., 3 шт.—12 р., 6 шт.—23 р. 50 к., за глухіе (крытые) мужскіе или дамскіе: 1 шт.—7 р. 90 к., 3 шт.—22 р. 85 к., 6 шт.—44 р. Часы отпускаются только послѣ тщательной вывѣрки (до минуты) съ приложеніями къ каждому экземпляру: цѣпочка того же металла, а къ дамск.—шейная, изящн. брелокъ, замш. кошелекъ, а также ручательство на 6 лѣтъ. Иногородные заказы высылаются добросовѣстно налож. платеж., почтов. расходы за счетъ заказчика по тарифу. Задатокъ не нуженъ

Адресовать: Депо часовъ Т-во „ИНДѢЦЪ“. Варшава, 1-ая к-ра, Ящ. № 30

Зачѣмъ брилліанты!!!

Массивное золотое кольцо 56-й пр. послѣдн. новѣйшаго фасона съ настоящ. бельгійскими брилліантами, „Bon-Bon“, ничѣмъ не отличающимися даже специалистами отъ настоящихъ дорогихъ брилліантовъ, стоящ. 200 р. весьма богатой выработки. Цѣна за 1 шт. 2 р. 75 к., 2 шт. 5 р. 25 к., 3 шт. 7 р. 50 к., лучшаго качества—цѣна за 1 шт. 4 р. 35 к., 2 шт. 8 р. 40 к., 3 шт. 12 р. Золотыя серги 56-й пр. массивныя, въ серединѣ цвѣтной камень, кругомъ осыпано бельгійскими брилліантами „Bon-Bon“ цѣна 1-й пары 4 р. 15 к., 2 пары 8 р., лучшаго качества—цѣна 1-й пары 5 р. 50 к., 2 пары 10 р. 50 к. Золотое кольцо „Маркизъ“ въ серединѣ цвѣтной камень кругомъ осыпанный бельгійскими брилліантами „Bon-Bon“ цѣна 1-й шт. 4 р. 50 к., 2 шт. 8 р. 50 к., лучшаго качества—цѣна 1 шт. 8 р. 25 к., 2 шт. 16 р. Изящный золотой гарнитуръ 56 пр. въ одномъ футлярѣ, состоящемъ изъ брош., кольца и пары серегъ, цѣна 9 р. 25 к., лучшаго качества 13 р. 75 к., цѣна 1 броши въ отдѣльной продажѣ 4 р. 25 к., лучшаго качества 6 р. 25 к. Высылаю немедленно по полученіи заказа налож. платеж. и безъ задатка.

Адресовать: Т-во „ИНДѢЦЪ“, Депо часовъ. Варшава, 1-ая к-ра, Ящ. № 30.

ПОЛЕЗНАЯ НОВОСТЬ.

**СЮРПРИЗЪ
для ДАМЪ**

**ЧАСЫ,
туалетное зеркало
съ самоиграющей музыкой.**

Вы доставите себѣ, семейству и гостямъ большое удовольствие, купивъ у насъ изящные часы прочной конструкции съ чуднымъ кристалловымъ зеркаломъ, парижской выдѣлки, въ изящномъ полированномъ корпусѣ и очень хорошей пріятной музыкой, играющей громко и долго разныя красивыя веселыя пьесы, польки, марши, оперы, народные марши и пр.

Кромѣ того, часы отличаются своимъ вѣрнѣйшимъ ходомъ съ ручательствомъ за вѣрность хода и прочность музыки на 6 лѣтъ и служатъ изящнымъ украшеніемъ для письменнаго и туалетнаго стола. Высылаемъ по цѣнамъ только за 6 р. 50 к. и 7 р. 50 к. Такіе же часы съ календаремъ показываютъ день, мѣсяцъ и число съ самосвѣтящимся циферблатомъ по цѣнамъ 8 р. и 9 руб. 25 коп.

Музыкальный ящикъ „СИМФОНІЯ“

съ туалетнымъ зеркаломъ, играющій разныя пьесы по цѣнѣ 2 р. 90 к. и 3 р. 25 к. Требованія исполняются немедленно и высылаются наложеннымъ платежомъ.

Адресовать: Т-во „ПЕРФЕКТЪ“ Варшава, Павлинная ул., 22.

